

ПРЕДИСЛОВИЕ	2
Глава 1 ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ	2
1.1. Политическая психология: место в системе наук, предмет и задачи	2
1.2. Теоретико-методологические и прикладные основы политической психологии	21
1.3. Соотношение политики, психологии и морали	36
1.4. Время в политике, социально-политических и психологических процессах	51
1.5. Модельное представление о генезисе и функционировании социально-политических общностей как социально-территориальных систем.....	74

Политическая психология: Учебное пособие для вузов / Под общ. ред. А.А. Деркача, В.И. Жукова, Л.Г. Лаптева.– М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 858 с. – («Gaudeamus»).

Главный лейтмотив настоящего учебного пособия – системное представление научно обоснованных теоретических и прикладных основ политической психологии, которые актуальны для широкого круга современных специалистов. В книге изложен обобщенный материал по новой отрасли отечественной психологии, в том числе конкретные положения, выводы и рекомендации по использованию потенциала политической психологии в практической деятельности профессионалами различных сфер труда.

Содержание учебного пособия разработано в соответствии с требованиями Гос. стандарта и программами изучения политической психологии в вузах гуманитарного профиля. Книга адресована студентам, слушателям, аспирантам, преподавателям, а также политикам, социологам, психологам и всем, кто стремится к овладению высокой культурой труда, конструктивными связями и отношениями в современном обществе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные задачи, решаемые российским обществом, обуславливают актуальность овладения его членами знаниями о природе, механизмах и функциях политики, условиях и возможностях активно влиять на ее характер. Формированию такой компетентности в области политики на этапе обучения в вузе призвана способствовать политическая психология.

Выступая против абсолютизации роли психологических явлений в политике, тем не менее, без их учета нельзя адекватно понять смысл, увидеть логику происходящего в обществе. Политические события последних лет свидетельствуют, что приоритет в познании их сущности, механизмов, условий управления ими все больше отводится политической психологии.

В данном контексте высшее учебное заведение призвано решать такие задачи, как распространение знаний и привитие навыков у студентов в использовании потенциала политической психологии; организация и проведение фундаментальных и (или) прикладных научных исследований, направленных на решение политических и социально-психологических проблем; удовлетворение потребностей обучаемых в гармоничном духовно-нравственном, политико-правовом, социально-психологическом и профессиональном развитии в процессе обучения в высшем учебном заведении и др.

Предлагаемые в учебном пособии теоретико-методологические и прикладные основы современной политической психологии системно раскрывают содержание этих и других вопросов. Их изучение позволяет: вооружить студентов знаниями закономерностей и принципов продуктивного формирования и развития политической культуры с использованием возможностей психологии; раскрыть основные психологические стороны политических феноменов; ознакомиться и в основном овладеть продуктивными моделями, алгоритмами и технологиями достижения практических целей и задач.

Авторы учебного пособия считают, что содержание его будет использовано не догматически, а творчески, применительно к решению многоплановых образовательных задач в вузе. Творческий поиск, активное овладение современной психологической теорией и практикой в сфере политики явятся той основой, которая обеспечит им в последующем качественно и эффективно выполнять различные социально значимые функции.

Авторский коллектив выражает признательность и благодарность за творческое сотрудничество при разработке материалов учебного пособия докторам философских наук Татьяне Александровне Алексеевой, Елене Борисовне Шестоपाल.

Глава 1 ВВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

1.1. Политическая психология: место в системе наук, предмет и задачи

Политическая психология признана как перспективная область исследования в мировой политической науке достаточно давно. Да и в отечественной литературе, несмотря на идеологические табу, первые

разработки появились еще в середине XX столетия, но только спустя десятки лет пришло к ней официальное признание.

Возникновение и развитие политической психологии имело свои особенности в разных политических системах. Наиболее важные вехи этого процесса целесообразно проследить в соответствии с требованиями научного анализа. Поэтому важно выделить основные из них, которые за рубежом и в стране оказали существенное влияние на становление и развитие современной политической психологии. Объективный подход к анализу проблемы становления и развития политической психологии указывает на то, что впервые она получила признание у зарубежных теоретиков и практиков.

Становление зарубежной политической психологии

Пока еще не написана подробная история политической психологии от Платона до наших дней. Но, очевидно, что предыстория этой науки богата выдающимися именами политических мыслителей. Наиболее значительные идеи о соотношении личности и власти, о природе человека в политике, о воспитании хорошего гражданина, о том, каким надлежит быть правителю, – все эти размышления Аристотеля, Сенеки, Макиавелли, Руссо, Гоббса, Смита, Гегеля и множества других великих мыслителей легли в основание новой научной дисциплины.

Однако все эти мыслители работали в иных теоретических рамках, которые не нуждались в специальном психологическом подходе к политике. Впрочем, психологии как науки в современном смысле слова тоже не было во времена Руссо или Гоббса. Только во второй половине XIX века стали появляться концепции, которые можно было бы назвать непосредственными психологическими предшественниками современной политической психологии.

Историки и философы, социологи и политологи обратили внимание на то, что в самой политике появилось совершенно новое явление. Помимо вождей, королей, президентов и прочих представителей политической элиты в политике заметное место стали играть народные массы. Одним из первых уделил внимание этой теме француз Г. Лебон, написавший «Психологию народов и масс», «Психологию толпы» и «Психологию социализма». В этот же период появились «Преступная толпа» итальянца С. Сигеле, «Социальная логика» французского Г. Тарда и ряд других работ.

Появление на политической авансцене массы как нового субъекта политики было связано с развитием промышленности, ростом городов и сопровождалось серьезными социальными и политическими потрясениями, революциями, забастовками. По резко негативной оценке первых проявлений массовой политической активности можно представить себе, как напуганы были современники этих событий. Г. Лебон увидел в массе угрозу индивидуальности, силу, нивелирующую личность. Среди различных видов массы он в первую очередь исследовал толпу – как наиболее спонтанное проявление неорганизованной активности. Вполне справедливы и сегодня те психологические характеристики, которые он обнаружил у толпы: агрессивность, истеричность, безответственность, анархичность [72].

Однако если в работах конца XIX – начала XX века была отмечена лишь негативная сторона массового поведения, то опасности, которые оно несет с собой, то современные исследователи, напротив, уделяли внимание позитивным аспектам массовых форм политического участия в развитии демократии. Так, политические психологи второй половины XX столетия много внимания уделяют массовым движениям (от движения за права женщин до экологических движений).

Еще одним источником формирования современной западной политической психологии стали идеи психоанализа. Знаменитая книга Г. Лассуэлла «Психопатология и политика» открывается справедливым утверждением автора: «Политология без биографии подобна таксидермии – науке о набивании чучел». Действительно, описание политического процесса без его творцов – скучно да и неверно. Жанр политического портрета использовали авторы самых разных ориентации. Например, в России начала века большой популярностью пользовалась книга психиатра П.И. Ковалевского «Психиатрические этюды из истории», где представлена целая галерея портретов политических деятелей – от царя Давида до Петра I, от Суворова до пророка Мохаммеда, от Жанны д'Арк до Наполеона. А.А. Бодалев в книге «Как становятся великими или выдающимися» раскрывает закономерности восхождения политиков и других выдающихся личностей современности к собственным вершинам в жизнедеятельности.

Справедливо можно утверждать, что психоаналитическое движение, а также привлекательная и перспективная отрасль психологии – акмеология придали политическому портретированию научность и широкую известность. Одно из первых исследований, принадлежащее перу З. Фрейда и У. Буллита о Вудро Вильсоне. Большой вклад в создание таких портретов внес последователь Фрейда, чикагский политический психолог Г. Лассуэлл. В качестве материала для анализа личностей американских политиков он использовал их медицинские карты. При этом он исходил не из того, что политики, как и другие люди, могут иметь те или иные отклонения, которые и представляют интерес для биографа. Г. Лассуэлл искал прежде всего скрытые бессознательные мотивы поступков политических деятелей и находил их в особенностях детского развития, в тех конфликтах, которые оставили в душе будущего политика психологические травмы. Власть же является тем средством, которое компенсирует указанные травмы, что и объясняет ее притягательность.

Современное состояние политической психологии

Фундаментальные и систематические теоретические разработки по психологии политики начались в 60-е годы в США под влиянием «поведенческого движения». Тогда при Американской психиатрической ассоциации была создана группа для изучения проблем международной политики, которая в 1970 году переросла в Институт психиатрии и внешней политики. В 1968 году в Американской ассоциации политических наук возник исследовательский комитет по политической психологии, а в 1979 году на его основе было организовано Общество политических психологов, уже

получившее статус международного (ISPP). Это общество сразу начало издание своего журнала «Political Psychology». В настоящее время публикации по политико-психологической проблематике появляются во всех престижных изданиях по политологии и психологии. В ISPP сейчас более 1000 членов практически со всех континентов. Ежегодно оно проводит свои собрания, посвященные наиболее актуальным теоретическим проблемам. Так, годовое собрание 1994 года проводилось в Испании и рассматривало тему «Психологические аспекты политики изменения», а собрание 1995 года в Вашингтоне обсуждало тему «Национальное строительство и демократия в мультикультурных обществах».

Хотя политическая психология получила действительно международное признание, однако большая часть исследователей живет и работает все же в США и Канаде. Среди них такие крупные и признанные ученые, как Б. Глэд, Ф. Гринстайн, А. Джордж, Р. Кристи, Дж. Пост, С. Реншон, Р. Сигел, Д. Сире, Р. Такер, М. Херманн и десятки их коллег, активно работающих практически во всех североамериканских университетах.

В Европе существуют свои давние традиции анализа политико-психологических явлений. Успешно работают в области политико-психологических исследований в Германии – А. Ашкенази, Д. Клингеманн, Г. Ледерер, Х.-Г. Мозер, П. Шмидт и др., во Франции – А. Дорна, С. Московичи, А. Першерон, в Великобритании – М. Биллиг, А. Сэмюэль, Х. Хаэт, а также в Финляндии, Голландии, Чехии, Испании, Польше и других странах. Хотя следует отметить, что традиционные политологи испытывают в Европе определенные опасения перед иррационалистическими концепциями психологов, прежде всего перед психоанализом, с которыми у них по преимуществу и ассоциируется политическая психология.

Следует отметить, что интерес к политической психологии наблюдается и в таких регионах, где раньше и политическая наука, и психология не имели развитых традиций, либо традиционные школы находились в отрыве от современной методологии. Так, в последние десятилетия исследования в этой области проводятся в Латинской Америке, в Африке, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в частности, в таких странах, как Китай, Индия, Пакистан, не говоря уже об Австралии и Новой Зеландии, где ведется огромная исследовательская работа, издаются десятки монографий.

Хотя единичные книги и статьи появлялись и ранее, отсчет современного этапа развития политической психологии, очевидно, следует вести с издания в 1973 году коллективной монографии под редакцией Джин Клулсон, в которой подведены итоги развития этой науки и выделены важнейшие направления для дальнейшего исследования. Другой крупной вехой было появление монографии под редакцией М. Херманн в 1986 году. Эта книга дает представление о тех изменениях, которые произошли в политической психологии. М. Херманн выделила следующие позиции. Во-первых, большинство исследователей пришло к убеждению, что фокус изучения должен быть сосредоточен на взаимодействии политических и психологических феноменов. Во-вторых, объектом исследования должны стать наиболее значимые политические

проблемы, к которым привлечено внимание общественности. В-третьих, следует уделять значительно большее внимание политическому и социальному контексту анализируемых психологических явлений. В-четвертых, необходимо изучать не только результат тех или иных психологических воздействий на политику, но и пытаться понять процесс формирования тех или иных политических убеждений. И, наконец, в-пятых, современные политические психологи стали гораздо более терпимыми в отношении методов сбора данных и исследовательских процедур, полагая, что методологический плюрализм – неизбежное явление на нынешнем этапе развития теории.

О состоянии науки во многом можно судить по тому, как и кому она преподается. В качестве примера можно взять практику университетов США и Канады.

Так, в 90-е годы в 78 университетах читалось более 100 курсов политической психологии. Лекции и семинары по политической психологии слушали более 2300 студентов только на младших курсах. Преподавание ведется как для студентов-политологов, так и для психологов.

Другим параметром развития науки является ее прикладное использование. Так, политические психологи активно привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях. Известна эффективная роль политических психологов во время Карибского кризиса, при заключении Кэмп-Дэвидской сделки между Израилем и Египтом, в войнах США против Ирака и пр. Специалисты по политической коммуникации в разных странах Европы и Америки внесли свой вклад в подготовку политических лидеров к парламентским и президентским выборам.

Ряд политических деятелей сами владеют психологическими методами, используют их для выработки стратегии на будущее и для анализа прошлого. Так, один из соперников Дж. Буша по президентским выборам 2000 года, А. Гор активно работает в области политико-психологической теории. Такие известные политические деятели, как В. Путин, Б. Клинтон, Р. Никсон и Д. Локард, постоянно обращаются к психологическому анализу своего прежнего политического опыта и реальных проблем. Интерес к работам по политической психологии проявляют политики всех ориентации. Они используют данные этой науки для налаживания отношений с общественностью, для мобилизации населения на выполнение реформ, для принятия решений по важнейшим стратегическим направлениям политики.

Отечественная политическая психология

Современная российская политическая психология также имеет замечательных предшественников. Особенно богато наследие конца XIX – начала XX веков, когда интерес к личности, к психологическому компоненту социальных процессов был широко представлен и в политической мысли, и в философии, и в нарождавшейся социологии.

До сих пор представляют не только историческую ценность концепции целого ряда русских мыслителей того периода. Так, в «Очерках по истории русской культуры» П. Милюков прослеживает развитие российской политической культуры, в частности, особенности русского политического

сознания в его «идеологической» форме на протяжении всей русской истории. В свой русский период П. Сорокин размышлял над проблемой социального равенства, свободы и прав человека. Познав трагедию гражданской войны, он попытался ее осмыслить не только как социолог, но и как тонкий психолог. В начале века выходят пять маленьких томиков «Психиатрических эскизов из истории» П.И. Ковалевского, представляющие собой вполне реальную альтернативу психоаналитическим подходам к биографии политиков. Позже, уже в 20-е годы, вышла книга Г. Чулкова о русских императорах, где даны блестящие психологические портреты русских правителей.

Отдельная страница истории политической психологии связана с психоанализом. Это направление стало необычайно быстро распространяться в России особенно после революции 1917 года. О необычайной судьбе тех, кто увлекся ставшей модной теорией З. Фрейда, можно прочесть в книге А. Эткинды «Эрос невозможного». Пожалуй, самое поразительное в истории расцвета, запрета и вновь проявившегося интереса к психоанализу уже в наши дни – это именно его связь с реальной политикой. Можно без всякого преувеличения сказать, что не будь среди увлеченных идеями психоанализа таких политиков, как Л. Троцкий, С. Каменев, В. Радек, судьба этой психологической школы в России была бы иной.

Еще предстоит осмыслить влияние марксизма на политическую психологию. Но, очевидно, это можно будет сделать не раньше, чем осядет пыль после политических и идеологических баталий новейшего времени. Сейчас ясно лишь, что тот вариант марксизма, который развивался в Советском Союзе, не слишком способствовал проявлению интереса к этой проблематике. В нашем обществоведении преобладали тенденции, которые подчеркивали определяющую роль масс в политическом процессе и, одновременно, недооценивали значение личностного фактора, деятельность отдельных политических групп. При этом трактовка масс была весьма упрощенной. Они понимались как некая безликая сумма индивидов, приводимая в движение волей политического авангарда. Такие методологические посылки делали ненужным учет психологического фактора. Добавим к этому, что реального знания о политическом сознании и поведении отдельных представителей этой массы не было в силу отсутствия обратной связи между правящей элитой и населением.

В этом отношении политическая психология находилась еще в худшем положении, чем социальная психология и социология. Последние дисциплины дважды за послевоенный период приступали к изучению человеческих компонентов общества в целом и политики в частности. Оба раза эти попытки были связаны с реформой системы: в годы хрущевской оттепели и в годы перестройки. Первый этап возникновения серии работ, касающихся политико-психологической проблематики, относится к началу – середине 60-х годов. Работы Б.Ф. Поршнева, Ю.Н. Давыдова, В.Д. Парыгина, Ю.Ф. Замошкина и других социологов, историков и психологов ввели в научный оборот проблематику политической деятельности в ее человеческом измерении. В эти

годы происходит первое знакомство с трудами западных ученых и их критическое переосмысление в советском контексте.

В 70–80-е годы эта проблематика перемещается на периферию научных дискуссий и общественного интереса. В то же время, оставаясь не востребовавшей, она не перестает развиваться в рамках отдельных отраслей знания. Так, в рамках страноведения, под защитой рубрики «критика буржуазной» социологии, политологии и иных теорий, были опубликованы результаты отечественных исследований специалистов по развивающимся странам (Б. Ерасова, Б. Старостина, М. Чешкова, Г. Мирского и др.), американистов (Ю. Замошкина, В. Гантмана, Э. Баталова), европейцев (А. Галкина, Г. Дилигенского, И. Бунина, В. Иерусалимского).

Политологи-страноведы обсуждали такие проблемы, как политическое сознание и поведение, политическая культура, политическое участие и другие политико-психологические сюжеты, оставаясь в рамках зарубежного материала, так как проводить непосредственное исследование своей собственной политической жизни не рекомендовалось. Книги А. Галкина, Ф. Бурлацкого, А. Федосеева, А. Дмитриева, Э. Кузьмина, Г. Шахназарова и других советских политологов заложили основу современной политологии в целом и политической психологии в частности. Создание Советской ассоциации политических наук способствовало поискам отечественных политологов в указанном направлении, помогало их приобщению к зарубежному опыту исследований.

Второй период обостренного общественного интереса к психологическим аспектам политики начался в середине 80-х с началом процесса демократизации и гласности, получившего название «перестройки». Первыми на запрос реальной политической практики откликнулись те ученые, которые уже имели определенный исследовательский опыт и интерес к политико-психологической проблематике: А. Асмолов, Э. Баталов, Л. Гозман, Г. Дилигенский, А. Донцов, Е. Егорова-Гантман, И. Кон, Д. Ольшанский, А. Петровский, С. Рощин, Ю. Шерковин, Е. Шестопали другие известные политологи, психологи, социологи. За ними последовали их ученики, исследователи более молодого поколения.

В 90-е годы сама политика дала новый мощный толчок к развитию политической психологии. Начал формироваться социальный заказ на исследования по электоральному поведению, восприятию образов власти и политиков, лидерству, психологическим факторам становления многопартийности, политической социализации и многим другим.

Сейчас в стране работают десятки исследователей, ведущих как фундаментальные, так и прикладные исследования, занимающихся одновременно аналитической и консультативной работой. Особенно востребованы немногочисленные специалисты в этой области в период выборов, где они способны просчитать ситуацию не на глазок, а с использованием специального научного инструментария.

Созданы специальные научные подразделения в области политической психологии в Москве и Санкт-Петербурге. Курсы лекций читаются во многих

отечественных университетах. Вышли первые учебные пособия по политической психологии. В 1993 году образовалась Российская ассоциация политических психологов, которая является коллективным членом ISPP. На современном этапе политическая психология может быть представлена как самостоятельная наука (см. рис. 1).

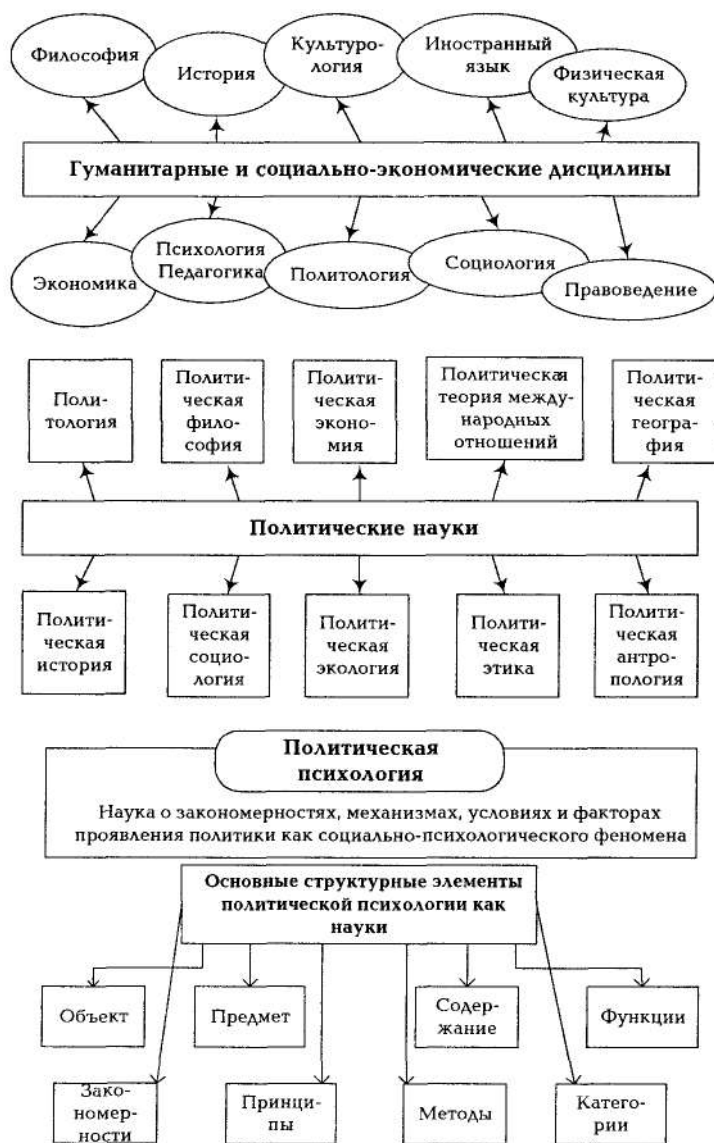

Рис. 1. Политическая психология в системе наук

Перспективы политической психологии

Еще совсем недавно как в области политической науки, так и в психологии высказывались сомнения относительно судьбы политической психологии как самостоятельной научной дисциплины. Политологи традиционной ориентации подвергали сомнению сам подход к политике, который, по их мнению, страдал редукционизмом, т. е. сводил собственно политические явления к психологическим. Так, американский политолог С. Хоффман возмущался исследователями, которые идеологию сводят к иррациональным конструктам, а национальную идентификацию трактуют как патологический призыв к базовым инстинктам агрессивного толка или примитивным защитным механизмам. Действительно, ряд ранних

исследований в области политической психологии, особенно находящиеся под влиянием психоанализа, дали основания для подобных упреков. С. Хоффман был прав, когда утверждал, что «враги не всегда являются лишь простыми проекциями негативного опыта личности. Иногда это вполне реальные существа».

В отечественном обществоведении ситуация осложнялась к тому же еще и официальными идеологическими табу. Псевдомарксистский экономический детерминизм выносил за скобки любые факторы воздействия на политику, не вписывающиеся в традиционную схему анализа. Психология была в числе «нежелательных» феноменов в анализе политики.

У психологов были свои сложности по поводу определения предмета новой дисциплины. Если западные психологические школы, в основном позитивистской ориентации, рассматривали свой предмет на манер естественнонаучных дисциплин, то в любом ценностноокрашенном исследовании они видели отход от канонов подлинной научности. Понятно, что политика не может быть таким же предметом исследования, как минерал или лягушка, т. е. предметом ценностнонейтральным. Любой ученый привносит свое собственное видение политики и свои политические ориентации в политико-психологическое исследование.

В дискуссиях по предмету политической психологии можно выделить несколько существенных моментов. Во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса, происходило постепенно и отягощалось методологическими крайностями ранних исследователей. Так, работа З. Фрейда и У. Буллита об американском президенте Вудро Вильсоне, написанная еще в 30-х годах, не публиковалась до 1967 года в связи с тем, что были живы некоторые описанные в ней персонажи. Но, когда эта книга все же вышла, даже психологи, принадлежащие к психоаналитическому направлению, нашли содержащиеся в ней методы анализа личности этого политика чрезвычайно упрощенными, устаревшими.

Во-вторых, и работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение, политическое мышление или политическую культуру, нередко методологически недостаточно обеспечены и включают в качестве научного инструментария политологические и психологические, статистические и социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки.

В-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках самой этой науки, но и в работах по этнографии, страноведению, экономике, истории, социологии и др. В последние годы появилось немало интересных публикаций, имеющих междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на развитие нации и т. д. Все эти проблемы входят в круг исследования политической психологии. Однако они не получили пока в ней достаточного освещения и зачастую не осознаются

специалистами из смежных дисциплин в их политико-психологическом звучании.

Различны и точки зрения специалистов на объем изучаемых политико-психологических феноменов, включаемых в предмет. Так, Г.Г. Дилигенский, вслед за рядом американских политических психологов, полагает, что политическая психология не должна заниматься макрополитическими процессами. Ее предмет должен трактоваться как психология политиков. Такая позиция не только сужает предметную область, но и предполагает пользование исключительно инструментарием индивидуальной психологии. Другой подход, которого придерживаются М. Херманн, Дж. Кнутсон, Х. Юлау и другие не менее авторитетные политические психологи, напротив, видят задачу политической психологии более широко. В предмет исследования включаются не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии субъектов политики, но и закономерности, механизмы, условия и факторы всего многообразия процессов и явлений, происходящих в политике.

Основные категории психолого-политического анализа

Как и любая наука, политическая психология использует свой научный язык, свой категориальный аппарат. В силу междисциплинарного характера исследований в них соседствуют категории, используемые философами, антропологами, социологами, психологами и политологами.

Так, политическая философия внесла свой вклад в становление политической психологии, снабдив ее наиболее общими теоретическими понятиями о соотношении личности и государства, о подчинении гражданина политике (Т. Гоббс) и интересе, который лучше любого насилия управляет политическим поведением личности (А. Смит). Такие философы и социологи, как А. Тойнби и П. Сорокин, Дж. Оруэлл обогатили психоисторию как раздел политической психологии представлениями о психологических компонентах масштабных политических процессов. Общетеоретические идеи Т. Парсонса и Р. Мертона принесли новое понимание политики как системы, в которой ее субъект является одним из ключевых элементов. Нередко эти метатеоретические представления специально не обсуждаются. Но именно эти концепции подчиняют себе исследовательские процедуры.

Политология снабдила политическую психологию категориями политической системы, политического участия, конфликта и консенсуса, плюрализма, гегемонии, демократии и иными понятиями, описывающими политические феномены. В политической психологии они работают в том же значении, что и в политологии, наполняясь при этом собственно психологическим содержанием.

Социология и социальная психология дали политической психологии основные методические приемы, методологию исследования. Эти дисциплины, как и политическая психология, не претендуют на широкомасштабные обобщения, оставаясь в рамках теорий среднего уровня. Такие категории, как роли, нормы, ценности, интересы, лидерство, конформизм, социализация, ресоциализация, политическая социализация, политические факторы социализации и многие другие, описывающие внутригрупповое и

межгрупповое поведение человека, имеют важное значение для политической психологии. Становление собственно политической психологии и ее категориального аппарата непосредственно связано с социальной средой, которая описывается этими и другими понятиями, во многом заимствованными из названных дисциплин. Например, политическая психология оперирует такими категориями, как социализация, ресоциализация, политическая социализация, политические факторы социализации и др. Рассмотрим основные понятия, характеризующие, например, политическую социализацию.

Социализация – процесс включения индивида в общество через усвоение им опыта предыдущих поколений, закрепленного в культуре.

Ресоциализация – процесс переучивания тому, что было прочно усвоено в детстве и юности, составлявших фундамент данной личности.

Политическая социализация – процесс усвоения законов, постепенное овладение необходимыми социальными навыками, осознание своих прав и способов их реализации, понимание сложных взаимоотношений между различными людьми и социальными институтами.

Политические факторы социализации – система детерминант, определяющих характер и тип государственного устройства, политический режим, институты, партии и организации.

Для политической психологии полезны и другие научные данные, которыми располагает современное наукознание. В их числе чрезвычайно важны результаты исследований, полученные непосредственно психологической наукой. В частности, психология личности, представленная самыми разными ориентациями, обогатила политическую психологию такими категориями, как поведение, мотивация, когнитивные структуры, стиль мышления, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений и др. Те направления, которые базируются на психоаналитических подходах (например, психобиографическое), используют такие категории, как защитные механизмы, авторитарное подчинение, операциональный код. Исследователи, стоящие на позициях когнитивной парадигмы, предпочитают говорить о менталитете, о когнитивных картах личности политиков и их стиле политического мышления, о семантическом пространстве. Последователи А. Маслоу и К. Роджерса в политической психологии оперируют понятиями мотивов, потребностей, ценностей. Приверженцы бихевиоризма рассматривают поведение человека в политике сквозь призму наказания, поощрения, цены, обмена, стимула и пр.

Все отмеченные положения позволяют не только синтезировать достижения современного наукознания, но и достаточно определенно и обоснованно уточнить место и роль политической психологии. Выделение ее объекта и предмета дает возможность более четко выделить особенности положения этой дисциплины среди наук, исследующих субъективное измерение политических отношений. Необходимость этого обусловлена как генезисом психологии политики, так и спецификой рассматриваемых ею феноменов.

Поскольку объект политической психологии – взаимоотношения субъектов политики, природа власти, механизмы и условия достижения

политических целей является общим для ряда научных направлений, то неудивительно, что психологические аспекты политических процессов в той или иной мере затрагиваются в них. Прежде всего, это философия, в рамках которой в течение многих веков и формировалось политико-психологическое знание. Философия играет для политической психологии важную методологическую роль. В ее рамках раскрываются структура политического сознания, его взаимоотношение с другими формами общественного сознания (религиозным, научным и т. д.) и реальными политическими феноменами. Весьма важными для анализа политико-психологической проблематики является выявление связи и взаимовлияния политической идеологии и собственно политической психологии, гносеологический анализ особенностей отражения человеком политического бытия (политических процессов и явлений, мифы, утопии и т. п.).

Проблемы, смежные с политико-психологическими (типология личности политика, лидерство и т. п.) рассматриваются в такой, относительно новой для России, дисциплине, как политическая антропология. В центре ее внимания находится, как следует из названия, природа «человека политического», анализ политических отношений с точки зрения человеческого бытия. При этом преимущественным аспектом рассмотрения проблемы остается философский, а психологический, несмотря на достаточно большое число соответствующих сюжетов, не носит самостоятельного характера.

Политическая психология активно взаимодействует с политической социологией. Последняя исследует социальные основы политики, особенности массового сознания, ценностной системы общества, влияние социально-экономических, демографических, социально-профессиональных факторов на динамику установок (данная категория является одной из центральных и для политической психологии) населения по отношению к политически значимым объектам.

В современных условиях стало общеупотребительным положение о том, что политическая психология возникла «на пересечении» психологии и политической науки или, если воспользоваться формулировкой Б.Ф. Ломова, на стыке социальных и психологических наук [76]. Характеризуя взаимоотношение политической психологии и «базовых дисциплин», можно провести аналогию с историей формирования других пограничных научных направлений, прежде всего социальной психологии. Подобно ситуации в последней, можно говорить о интердисциплинарном и ин-традисциплинарном подходах к политической психологии. Соответственно, возможно ее отнесение к психологическим (А.И. Юрьев) или политическим (Д.В. Ольшанский) наукам. С другой стороны, ряд ученых (Г.Г. Дилигенский, Ю.В. Ирхин) придерживаются мнения о промежуточном положении психологии политики, при котором вопрос о ее принадлежности к некоторому базовому направлению снимается. Так, по мнению Г.Г. Дилигенского, социально-политическая психология «представляет собой столь же психологическую, сколь социологическую и политологическую дисциплину» [47].

Данная проблема носит не только теоретико-методологический, но и, в большой степени, практически важный характер. В зависимости от того, к какому «берегу» будет отнесена рассматриваемая наука, меняется ее концептуальный аппарат, проблемы, исследовательские программы (что можно заметить на работах упомянутых выше ученых).

Рассматривая соотношение политической психологии и политологии, отметим, что под политологией в широком смысле (или политической наукой) понимают совокупность всех дисциплин, в той или иной мере исследующих политическую сферу общества. При этом политическая психология рассматривается рядом авторов, наряду с политической географией, политической этнологией, политической этикой в качестве составной части политологии. Вместе с тем, в соответствии с Постановлением ВАК Минобразования России 2000 года политическая психология как научная дисциплина представлена в рамках социальной психологии. Следовательно, отнесение политической психологии к политическим или психологическим наукам может быть признано достаточно условным.

Более конструктивная точка зрения представляется авторами настоящего учебного пособия, которая выделяет политическую психологию в качестве интегративной, относительно самостоятельной научной, учебной дисциплины и продуктивной практики.

При этом, признавая право на существование, не может быть безоговорочно принятой точка зрения Д.В. Ольшанского, который фактически отказывает политической психологии в праве на самостоятельное существование. Он считает допустимым говорить только о психологии политики как о методе исследования в политической науке или же субдисциплине в рамках политической науки [90].

Принципиальная позиция состоит в том, что полноценный анализ политических процессов невозможен вне учета их собственно психологических сущностных характеристик, механизмов и условий. Эта задача не может решаться в рамках политологии (в узком смысле), предметом которой являются функционирование политической системы, ее институционально-властные аспекты, а человек в политике рассматривается как пусть и обладающая психикой, но некоторая данность, а не специальный объект исследования.

Возможность избежать противопоставления двух подходов к политической психологии состоит не в противопоставлении, а в признании возможности существования в ней двух ориентации. В каждой из них, при сохранении общего направления, меняются «пропорции» собственно политологического и психологического компонентов, угол рассмотрения проблемы. Ориентация, идущая от политологии, делает акцент на влиянии, оказываемом теми или иными психологическими феноменами на политические отношения. Психологическая же ориентация обращает преимущественное внимание на собственно психические процессы, лежащие в основе политических событий. В качестве представителей этих различных направлений можно назвать, соответственно, Г. Лассуэлла и З. Фрейда, работавших в рамках психоаналитического подхода к анализу социальных

процессов. Исходя из высказанного предположения, представляется возможным утверждать о политической психологии, как интегративной научно-практической дисциплине.

Специфика политико-психологического подхода может быть выявлена на примерах основных политических феноменов. Например, факт голосования против кандидата от «партии власти» на губернаторских выборах в определенном регионе может быть по-разному интерпретирован политологом, социологом или психологом. Политолог будет анализировать влияние, оказанное на это событие отношениями с «центром», позициями региональной элиты; политический социолог станет выявлять предпочтения различных слоев населения, профессиональных или возрастных групп, их детерминированность социально-экономическим положением. Но только главное – закономерности, механизмы, глубинные мотивы, детерминанты и лично-относительно значимые условия выбора граждан, которые нельзя выявить без учета психологического фактора, – находятся в поле зрения политического психолога. Указанное электоральное поведение может иметь в психологическом плане многомерный континуум, который ограничен как минимум двумя причинами: недовольством быстротой реформ и недовольством их медленным ходом. При этом не исключено, что избирателю просто могла не понравиться внешность, речь или какие-либо индивидуальные психологические особенности кандидата. Здесь открывается предметное поле именно политической психологии.

Требуется также уточнения, каковы отношения политической психологии с другой «родительской» дисциплиной – психологической наукой. Является ли политическая психология самостоятельным разделом психологии? К.К. Платоновым отмечены три критерия выделения отрасли психологической науки: социальное значение полученных выводов (внешний критерий); специфичность особенностей и условий проявления

изучаемых психологических явлений, методов их изучения; достаточный объем уже накопленного материала – внутренние критерии [100]. В акмеологии кроме того выдвигаются критерии актуальности, фундаментальности, перспективности и системности [91]. Представляется, что политическая психология соответствует всем указанным требованиям, чтобы рассматривать ее как автономную сферу научного знания.

Немаловажно и то, что сам К.К. Платонов, рассматривая данную науку как отрасль социальной психологии, отмечал тенденцию к ее выделению в самостоятельную дисциплину. Вместе с тем, степень такой самостоятельности всегда относительна [100]. Так, вполне естественно, что рассмотрение собственно политико-психологических проблем требует предварительного решения ряда более фундаментальных вопросов (таких, как выявление сущности психического, массового и индивидуального сознания, мышления, поведения, взаимоотношений и т. д.). Поэтому, по справедливому замечанию А.И. Юрева, «общепсихологическая теория деятельности в той же мере является основой политической психологии, как и медицинской, социальной, инженерной и др.» [140]. С другой стороны, анализ проблемы человека в политике невозможен без использования понятийного аппарата психологии

личности (категории «лидерство», «мотивация», «Я-концепция», «профессионализм политика» и др.).

Следует отметить, что, в силу «сквозного» характера ряда исследуемых проблем, аспекты анализа различных отраслей пересекаются и единый предмет политической психологии может казаться «распределенным» по отдельным отраслям психологического знания. Из других психологических дисциплин наиболее тесно политическая психология связана с психологией социальной (что обусловлено изначально общественным характером политических отношений). Поэтому не случайно ВАК Минобразования России с 2000 года научная дисциплина «политическая психология» рассматривается как область социальной психологии.

Действительно, политико-психологическая составляющая играет в социальной психологии весьма существенную роль. Среди явлений, изучаемых политической психологией, можно найти практически полный спектр социально-психологических проблем (общение, групповая динамика, социализация и др.). С другой

стороны, именно политико-психологические по существу вопросы (психология масс, лидерства и др.) лежали в основе формирования социальной психологии. Отсюда, одним из возможных подходов к их взаимоотношению является рассмотрение политической психологии как одного из разделов социальной психологии. Тогда ее предмет может быть задан как социально-психологические аспекты политических процессов. В данном вопросе прав Д.В. Ольшанский, утверждая, что политическая психология является «способом реализации социально-психологического знания применительно к анализу политики как деятельности людей» [90, с. 26].

В современной отечественной психологии признаются и другие точки зрения. В частности, одним из авторов настоящего пособия, Н.А. Косолаповым, политическая психология понимается в «узком смысле», как область, непосредственно связанная с политическими феноменами [64]. В то же время явления, опосредованно относящиеся к политическим отношениям (хотя и важные для их функционирования, например, этнопсихологические особенности участников политической деятельности), не входят в предмет психологии политики. Социально-психологический подход является, таким образом, более широким по предмету и служит (наряду с общей психологией) базой для исследования психологических аспектов политических отношений.

Оригинальным представляется и положение Н.А. Косолапова об относительно изменчивом объеме политической психологии [65]. Так, в условиях социальной стабильности можно достаточно четко отделить политическую проблематику от неполитической. В этом случае сфера политики входит в «компетенцию» политической психологии. Однако в рамках социальной психологии можно рассматривать психологические аспекты явлений, носящих протополитический или латентно-политический характер. В иных ситуациях (например, при политическом кризисе) грань между политически значимым и незначимым размывается, вследствие чего становится необходимым прямой учет психологических аспектов явлений, казалось бы,

весьма далеких от проблем власти и управления (например, тендерных стереотипов, этноса, религии и др.). Определяя широту политико-психологической проблематики, целесообразно подвергать психологическому анализу основные процессы и явления, происходящие в «коридорах власти», которые можно отнести к собственно политическим, а также традиционные социально-психологические проблемы (межличностные отношения, организация групп, социальное лидерство и др.)- При этом они входят в предметное поле политической психологии только в случае приобретения данными явлениями политической релевантности.

Вместе с тем, «растворять» политическую психологию в социальной психологии вряд ли уместно, так как хотя их проблематика в значительной мере пересекается, но не идентична. Поскольку задачей социальной психологии не является исследование именно политических процессов. В данном случае, с одной стороны, речь должна идти о применении более общих закономерностей к политической сфере и уточнении специфики их проявления в ней. С другой стороны, политико-психологическая проблематика не исчерпывается социально-психологическими вопросами, а включает индивидуально-психологические. Как образно отметил К.К. Платонов, «на древе психологической науки политическая психология находится на вершине, где стволы индивидуальной и социальной психологии срослись» [100, с. 138].

В поле внимания политической психологии при раскрытии ее предмета попадают также все политически значимые стороны психологических явлений, которые сами по себе являются предметом исследования других отраслей психологической науки. Так, анализ политического поведения лидера преклонного возраста невозможен без привлечения данных возрастной психологии и психологии развития. Психофизиология и психология стресса могут помочь при рассмотрении действий политиков в условиях кризисных ситуаций. Использование принципов психологии профессиональной деятельности и психологии труда требуется для определения условий и факторов продуктивной деятельности субъектов политики. Политическая психология связана также и с другими отраслями психологии, исследующими особенности той или иной сферы деятельности. Так, для анализа политического поведения большое значение имеет уровень правосознания, внутреннее отношение к правовым нормам, их восприятие, изучаемые в предметном поле юридической психологии. Изучение многих современных политических процессов требует учета национально-психологических особенностей участников политических действий, что предполагает взаимодействие с этнопсихологией. Особая область сопряжения политической психологии открывается на стыке с новой отраслью психологии – акмеологией. Здесь раскрываются возможности для системного моделирования, алгоритмизации и технологизации политических процессов. Его субъекты предстают как творчески самореализующиеся профессионалы, оптимально выполняющие политические функции. Подобных примеров можно привести множество. Однако при этом политическая психология по своему предмету не сливается с этими отраслями психологии.

В целом широкая гамма разнообразных взглядов на объект и предмет, роль и место, функции и содержание политической психологии указывает на актуальность научного определения всех этих вопросов. Прежде всего, важно выделить ее объектную область. В отличие от «устоявшихся» наук, дать однозначный ответ на этот круг вопросов не всегда просто. Такая ситуация во многом связана с междисциплинарным характером, особенностями формирования (скорее, проблемным, чем предметным) и существования политико-психологического знания. Самим наименованием «политическая психология» задается достаточно широкое поле, внутри которого возможно сосуществование различных подходов к тому, чем же должны заниматься ее представители. Так, членами Международного общества политической психологии являются не только психологи, но и историки, политологи, психиатры, антропологи, представители многих других наук. Всех их объединяет интерес к различным аспектам взаимодействия человека и политики, но каждый из ученых вносит в новую отрасль специфику своей «родной» дисциплины и, соответственно, видоизменяет трактовку объекта и предмета психологии политики. Вместе с тем, можно сказать, что в результате продолжительных дискуссий в политико-психологическом научном сообществе сложился определенный консенсус по поводу проблемного поля данного научного направления.

Одним из наиболее «объемных» и распространенных на Западе является определение предмета политической психологии как «психологических компонентов политического поведения человека». Согласно англо-американскому словарю политического анализа, задача политической психологии заключается в «исследовании психологических конструктов (установки, убеждения, ожидания, восприятие) для объяснения политического поведения». Известный американский ученый М. Дойч полагает, что «поле политической психологии заключается в изучении взаимодействия политических и психологических процессов» [142]. При этом большинство исследователей сходятся в том, что речь должна идти о двух аспектах такого взаимодействия: влиянии психологических особенностей личности и группы на политические отношения и воздействии политики на формирование психологических качеств граждан. Последнее не менее важно как для объяснения политических событий, так и для происходящего в других, порой весьма далеких от властных отношений сферах общества.

Западный подход к пониманию целей и задач политической психологии в целом достаточно эвристичен, позволяя включать в число рассматриваемых проблем весьма разнообразный круг вопросов. Однако его определенный недостаток связан, по нашему мнению, с тем, что он не в полной мере дает возможность четко выделить специфику собственно политической психологии. Представляется, что данная проблема в большей степени разработана в трудах отечественных ученых.

Точки зрения отечественных исследователей во многом сходны с приведенными выше. Политическую психологию они рассматривают как науку, в центре внимания которой находятся психологические аспекты

«политической жизни современного общества во всем ее многообразии» (С.К. Рощин), «политической активности социальных субъектов» (А.И. Донцов), «изучение, учет и предвидение субъективных психологических факторов политического развития» (Д.В. Ольшанский). А.П. Назаретян определяет политическую психологию как «дисциплину, изучающую мотивацию политической активности».

Выделяя психологические аспекты политики, большинство ученых не расшифровывают их основные характеристики. Вместе с тем, отдельные стороны уже получили научное толкование. Одним из тех исследователей, которые начали последовательно проникать в сущность психологических характеристик политики, является Н.А. Косолапов. В частности, он под психологическими аспектами международных отношений и внешнеполитической деятельности понимает те из них, «которые как минимум могут иметь причины, лежащие в области психологии и общественной психологии» [65, с. 39]. В определенной степени дополняет это положение А.И. Донцов, который относит к таким аспектам стороны, обусловленные внутренними характеристиками субъекта.

Если объектом всех психологических наук прежде всего выступают индивидуальные и групповые социальные субъекты, их психические процессы, состояния, свойства и другие характеристики, то политическая психология рассматривает этот объект в той мере, в какой он связан с его функционированием в системе политических отношений. Поэтому достаточно обоснованной представляется позиция А.И. Юрьева, согласно которой к объекту политической психологии относятся «люди, осуществляющие власть и повинующиеся власти, обнаруживающие при этом психологические качества, встречающиеся только в области политики» [140]. Можно отметить, что данный объект – «человек в политике» ■— является общим не только для политической психологии, но и для ряда смежных дисциплин. Различия этих наук лежат в их предметах. Для политической психологии в предметном поле прежде всего выделяются психологические закономерности и механизмы участия человека и социальных групп в политических процессах» [140].

Данный подход дает правильную ориентацию в широком спектре возможных политико-психологических явлений. Вместе с тем он не исчерпывает и не ограничивает исследовательский поиск. В его рамках в качестве изучаемых феноменов могут выступать реальные психофизиологические, психические и социально-психологические характеристики индивидуальных и групповых субъектов политики, а также условия и факторы реализации ими политических функций, поведения и взаимоотношений. Немаловажно и то, что в предметной области политической психологии следует выделять модели, алгоритмы и технологии развития политических явлений, а также их прогностические характеристики.

Для уточнения места политической психологии и ее предметной области, как справедливо отмечает Е.А. Яблокова, целесообразно говорить о политической психологии в узком и широком смыслах. В первом случае это наука, которая изучает психологические

аспекты политической деятельности, поведения и отношений как специфической сферы социальной жизни и особенности лиц, непосредственно участвующих в политическом процессе. Во втором случае наука рассматривает явления общественной и индивидуальной психики, сопряженные с политикой во всех ее проявлениях.

Примечательно, что различия в подходе к пониманию объекта и предмета политической психологии отразились и в дискуссиях по поводу названия дисциплины. В частности ученые и практики нередко употребляют термины «политическая психология» и «психология политики» как синонимы. Действительно возможны различные сочетания данных терминов, имеющие право на существование. Принципиальная позиция авторов настоящего учебного пособия состоит в том, чтобы обеспечить конструктивную интеграцию различных точек зрения, которые обогащают политическую психологию.

В частности, имеет место понимание «политической психологии» как области исследуемых явлений, а «психологии политики», в данном случае – как наименования науки. Д.В. Ольшанский принципиально разводит эти два термина. Он считает, что поскольку не существует особой «политической психики», то использование понятия политическая психология ведет к психологизаторству. Следовательно, следует говорить о психологии политики. Если использовать подход, примененный к экологической психологии, тогда термин «политическая психология» следует употреблять для обозначения определенной отрасли психологической науки, а термин «психология политики» – для раскрытия предмета данной отрасли.

Интересную точку выражает Е.А. Яблокова, утверждая, что у политической психологии и психологии политики различаются предметы. Политическая психология (это наука в широком смысле) исследует психологические закономерности, механизмы, условия и факторы политической жизни в целом, а психология политики (которую можно назвать политической психологией в узком смысле) анализирует индивидов и группы, непосредственно включенные в политическую сферу, т. е. «homo politicus'a» различного уровня.

Кроме терминов «политическая психология», «психология политики» Г.Г. Дилигенский использует термин «социально-политическая психология [47]. По его мнению, собственно политическая психология ориентирована на изучение преимущественно личности политиков и политической деятельности, в то время как социально-политическая психология («макросоци-альная психология») затрагивает психологические аспекты взаимоотношений человека и общества в конкретной исторической ситуации, то есть является более широкой.

В целом наличие различных суждений о роли и месте политической психологии, ее объекте и предмете указывает на то, что она привлекает внимание представителей различных отраслей наукознания и практиков. При этом принципиально обеспечить интеграцию конструктивных идей, моделей, решений и подходов. Многим исследователям в дискуссиях следовало бы

обращать внимание не только на утверждение собственной позиции в научном мире, но и на конструктивное сотворчество в интересах интеграции продуктивных научных решений и политической практики.

1.2. Теоретико-методологические и прикладные основы политической психологии

На формирование теоретико-методологических и прикладных основ политической психологии оказали влияние многие идеи, научные положения и выводы, из разных областей обществознания – истории, философии, социологии, политологии, психологии, составившие классику земной цивилизации, а также многомерно развивающаяся социально-психологическая практика.

Разнообразие психологических подходов к исследованию политических феноменов вызвано преобладанием той или иной психологической доминанты у исследователей. При этом существующие классификации, подходы к их анализу неравноценны как по выбору типологических оснований сравнения, так и по объему представляемой информации. Для полноты психологической характеристики различных сторон политики наиболее плодотворной будет та модель, которая сумеет вобрать в себя как можно больше качественных и количественных характеристик изучаемого явления. Ее создание возможно лишь при применении всей совокупности конструктивных подходов современной психологии, которая в сотворчестве с другими отраслями науки дает возможность интегрировать востребованные знания для изучения и решения актуальных проблем политики.

В данном контексте заметную роль играли и играют прежде всего работы исторического и историографического плана, посвященные анализу роли выдающихся личностей в историко-политическом процессе. В их числе жизнеописания великих людей от Геродота, Фукидита, Тацита, Плутарха до деятелей новейшей истории – Петра Первого, Наполеона, Ленина, Рузвельта и других.

Во-вторых, неизгладимое влияние оказывали и оказывают политико-философские труды, начиная от диалогов Платона и Аристотеля, трудов Макиавелли, Гоббса, Канта, Гегеля, других философов и исследователей политических процессов. В них раскрываются различные аспекты политики, обеспечивая познание сущности, механизмов и функций политической и государственной власти, взаимоотношений политики и общества, государства и личности и др.

В-третьих, важнейшее значение имеют основополагающие работы по социологии и психологии Т. Адорно, Н.А. Бердяева, А.А. Бодалева, М. Вебера, М.М. Ковалевского, Г. Лассуэлла, Г. Лебона, А.Н. Леонтьева, Н.К. Михайловского, Р. Михельса, М. Острогорского, Г.В. Плеханова, С.Л. Рубинштейна, П.А. Сорокина, Г. Тарда, З. Фрейда, Э. Фрома и др., раскрывающие социально-психологические характеристики лидерства, политической активности и др.

Если исходить из общепризнанного факта, что политическая психология институализировалась лишь в 1968 году (организовано отделение политической

психологии при Американской ассоциации политических наук), то следует отметить в деле развития ее фундаментальных и прикладных основ особую роль американских ученых последних лет: С. Хай-мана, Дж. Барбера, Э. Харгроува, К. Дойча, Г. Ал-монда, Г.Е. Киссинджера, В. Одайника, Р. Таккера, Л. Эдингера и др., а также отечественных исследователей С.А. Анисимова, Г.К. Ашина, Н.И. Бирюкова, Ф.М. Бурлацкого, СИ. Васильцева, П.П. Гайдено, А. Галкина, Ю.Н. Давыдова, Г.Г. Дилигенского, Е.В. Егоровой, В.Г. Зазыкина, А.Н. Жмырикова, Н.М. Кейзеро-ва, А.Г. Ковалева, А.А. Кокорева, В.С. Комаровского,

О.В. Крыштановской, Е.С. Кузьмина, Д.В. Ольшанского, Э.Н. Ожиганова, Б.Д. Парыгина, А.Ю. Панасюка, Н.П. Пищулина, СВ. Рогачева, К.Х. Шахназарова, Е.Б. Шестопа, А.И. Юрьева и др.

Особый интерес представляют работы К.А. Абуль-хановой-Славской, О.С. Анисимова, А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Е.А. Климова, И.С. Кона, И.Т. Левыкина, Б.Д. Парыгина, Б.Ф. Поршнева, А.К. Уледова, Е.А. Ябло-ковой и др., посвященные методологическим проблемам изучения общественной психологии и акмеологии.

В отмеченных и других трудах содержатся конструктивные положения, которые актуальны для создания системной теоретико-методологической базы политической психологии. В частности, в основу принципиальных теоретико-методологических положений политической психологии положены: деятельностный подход, разработанный С.Л. Рубинштейном, А.Н. Леонтьевым и др. отечественными психологами; разработки Е.А. Климова о наличии особой «картины мира профессиональной общности» и положения А.А. Бодалева и А.А. Деркача о роли субъективных факторов, способствующих или препятствующих достижению субъектом вершин профессионального мастерства; психологическая концепция общения и ее социальной перцепции, разработанная Г.М. Андреевой, А.А. Бодалевым, В.Н. Куницыной, Л.А. Петровской; положение К.А. Абульхановой-Славской, А.Я. Гуревича, Л. Февра о наличии общих для представителей одной общности способов восприятия и особенностей образа мыслей, выражающихся в специфических для данной общности способах поведения; положение А.К. Уледова о мифологизированности и политизированности современного общественного сознания и др.

Для научного осмысления политических феноменов учитывается то, что еще мыслители древности обратили внимание на особые свойства политических деятелей, позволяющие им занимать высокие посты, влиять на политические процессы в государстве, оказывать сильное воздействие на граждан. Первые системные концепции понимания различных сторон политики были сформулированы в конце XIX – начале XX веков. К изучению психологической детерминированности лидерства одним из первых обратился Н.К. Михайловский. В числе главных социально-психологических механизмов взаимодействия масс (толпы) со своим лидером (героем) Н.К. Михайловский выделял механизмы подражания, внушения, заражения, противопоставления.

Традиции психологического анализа закономерностей формирования и функционирования лидерства заложены в работах Г. Тарда, Г. Лебона. Г. Тард

сформулировал один из основных законов социальной жизни, заключающийся в подражании последователей лидеру. Лидерство понимается им как способ передачи от одного индивидуума к другим самых ценных знаний и условий жизни, обеспечения преемственности поколений. Социально-политическое движение, согласно Г. Тарду, осуществляется по схеме: борьба лидера с косностью толпы; увлечение толпы нововведением; следование, подражание толпы действиям лидера. По мнению Г. Лебона, «толпа ниспровергает действия законных лидеров и идет за теми, кто обещает ей новую иллюзию» [72, с. 87].

К классике политической психологии вполне можно отнести труды М. Острогорского, Р. Михельса, Дж. Брайса, М. Вебера, З. Фрейда. В них раскрываются закономерности и механизмы завоевания политического господства элитарных групп, использующих в этих целях государственные и политические институты.

Изучение политических феноменов с точки зрения личностного фактора, анализа глубинных мотиваций поведения субъектов политики связано с исследованиями З. Фрейда, Э. Фрома, К. Юнга и др. Их психоаналитические подходы позволили по-новому подойти к познанию закономерностей самореализации и особенностей поведения и взаимоотношений субъектов политики. Закономерности и механизмы политической активности ими рассматривались главным образом как результат процессов на глубинных уровнях бессознательного.

Специальные исследования в области политической психологии начинаются с выхода в 1930 году в свет работы Г. Лассуэлла «Психопатология и политика», которая определила характер программных статей американских психологов Дж. Шэннона и Л. Селигмэ-на. Г. Лассуэлл выдвинул требование о необходимости применения психологических методов анализа политической ситуации и особенностей поведения в ней субъектов политики. Г. Лассуэлл и его последователи исходили из того, что только поверхностный слой поведения можно объяснить собственно политическими Целями и ценностями. Глубинное же его значение определяется интенсивными, иррациональными по своей природе психическими образованиями. По мнению Г. Лассуэлла, власть призвана компенсировать психическую неполноценность (неадекватность), заложенную в детском возрасте. В свете этого борьба за власть – это компенсация чувства неадекватности, сформировавшегося в детстве.

Попытки особого осмысления политического феномена можно встретить у К. Ясперса, А. Камю, Э. Фромма. Так, К. Ясперс видит в политике выражение некой обобщенной воли, характеризующейся «устойчивой тенденцией неуклонности». Он выделяет: лидеров – выразителей ситуации или минутного веления многих, с изменением которой они исчезают; лидеров-демагогов; лидеров силового плана, обладающих фактической властью.

Отмеченные и другие реализуемые в политической психологии идеи, положения и выводы указывают на то, что в настоящее время в ней находят признание и востребованность многие научные достижения. Они дают возможность успешно изучать отдельные стороны политической реальности. Вместе с тем для реализации современного системного психологического

подхода к познанию и активному воздействию на политические явления политической психологии необходимо использовать собственную исследовательско-развивающую теоретико-методологическую и прикладную основу. С одной стороны, она синтезирует такие признанные в психологии подходы, как описательный, психоаналитический, необихевиористский и др. С другой стороны, для политической психологии важно обеспечить гармоничное взаимодействие и сотворчество исследовательского основания с гуманитарно-технологическими компонентами, обеспечивающими развитие, коррекцию и консультирование в сфере политики.

Эта комплексная научно-практическая задача политической психологии может быть решена в рамках системного подхода в интересах выстраивания ее целостного теоретико-методологического и прикладного основания.

Выделим содержательные характеристики всех отмеченных теоретико-методологических и прикладных оснований политической психологии. В частности, описательный подход базируется на фиксации данных тестирования, эксперимента или наблюдения с помощью определенных систем обозначений, принятых в психологии. Психоаналитическое направление, продолжая традицию З. Фрейда, К. Юнга и их последователей, концентрирует свое внимание на анализе внутренней активности политика. В психоаналитических трактовках политического лидерства обозначились два основных понимания данного феномена: первый – развитие политической активности как средство преодоления некоего внутреннего конфликта «вполне нормальной личности», политика; второй – развитие политической активности в связи с очевидными психопатологическими характеристиками личности, которые и обеспечивают политику его успех. Применение бихевиористской методологии обусловлено попыткой анализа феномена политической активности посредством исследования наблюдаемого поведения людей. Оно определяется как системой воздействующих на поведение политика стимулов, так и возникающими в результате такого воздействия мотивами этого поведения.

Для понимания данных положений целесообразно раскрыть их основные содержательные характеристики, получение которых стало возможным на основе последовательного генезиса всех взаимосвязанных компонентов системного теоретико-методологического и прикладного основания политической психологии. Поэтому представляется актуальным проследить их развитие.

Справедливо отмечает Е.Б. Шестопал, что с конца 50-х – начала 60-х годов XX века, когда начинались первые политико-психологические исследования, у ученых практически не было выбора теоретических моделей: структурный функционализм и его разновидность – системный анализ политики – были монополистами в области методологии [36].

В этот период признается одной из наиболее приемлемых политико-психологических концепций теория «политической поддержки». Она была разработана в американской политолого-психологической науке Д. Истоком и Дж. Деннисом как составная часть общей теории системного анализа политики. Она исходила из понимания политики как системы, где на «входе» граждане

предъявляют властям определенные требования, но одновременно обязуются добровольно подчиняться правилам, предложенным им элитой. На «выходе» – власти принимают решения, выполнять которые будут граждане. И на «входе», и на «выходе» политологи обнаружили, что им приходится иметь дело с психологическими реальностями: и готовность граждан оказывать поддержку политикам, и решения самих политиков подчиняются определенным психологическим закономерностям. Соответственно, сбои в работе политической системы во многом объясняются этим человеческим фактором, учет которого поможет систему наладить.

Примечательно, что личность как таковая теоретиков «политической поддержки» практически не интересовала, так как они искали причины, определяющие эффективность непосредственно политической системы. Но, поскольку человек оказался в числе факторов, порождающих стресс системы, надлежало с ним разобраться. Найденный Д. Истоном и Дж. Деннисом ответ заключался в том, что стресс системы уменьшается, если граждане принимают предложенные им системой правила игры без сопротивления и добровольно. Это возможно, если требования системы впитываются ими по мере социализации, с раннего возраста. Тогда сами запросы граждан становятся более предсказуемыми и менее разнообразными. Конечно, можно добиться того же эффекта и силой. Но такой путь чреват ростом политической нестабильности и в современных обществах не выгоден экономически.

Следует объективно отметить, что в данном подходе были применены возможности таких течений психологии, как психоанализ и бихевиоризм. В частности, политические установки политиков рассматривались как конечный продукт предыдущей подготовки, которая, в свою очередь, определяла их поведение и деятельность. При этом утверждалось, что базовые детские чувства труднее вытесняются и изменяются, чем те, что приобретались позже. В моменты кризисов вероятно возвращение личности к своим базовым представлениям, которые существенно влияют на их жизненные позиции и установки. Совокупность установок и активности граждан в свою очередь оказывает воздействие на правительство и политическую жизнь страны, определяя ее характер.

Центральная идея этой концепции – психологическая поддержка власти со стороны рядовых граждан, которая может быть осуществлена человеком зрелого возраста, если его отношение к политической системе было еще в детстве негативным. Сформированные у него базовые ценности поддержки остаются, видоизменяются и проявляются в лояльности к власти, в доверии к государству, в симпатии к национальному флагу, в патриотическом отношении к своей стране.

С позиции данных выводов исключительную опасность для российской социально-политической перспективы и обеспечения стабильного развития общества представляет пассивная государственная молодежная политика. Тот тотальный негатив, с которым самостоятельно приходится сталкиваться подрастающему поколению, не может не проявиться в ближайшем будущем и в

последующие годы в самых разных неприемлемых для цивилизованного общества формах.

Для современной политической психологии актуальна трансформируемая из 60–80-х годов ролевая теория политики. В центр объяснения политического процесса (как международного, так и внутреннего) она поставила понятие роли. Появление новой теоретической модели было вызвано самим политическим процессом. Отмеченный исторический период характеризуется модернизацией политических систем многих стран. Для нее характерно более активное массовое привлечение в политику различных слоев населения, ранее отчужденных от нее. Необходимость расширения состава политических партий, общественных объединений и организаций, привлечение граждан к электоральному процессу потребовали и новых теоретических подходов. Такой ответ на актуальный запрос был найден в ролевом подходе к анализу политики.

Несмотря на то, что введение в оборот политической теории психологической категории «роли» оказалось очень плодотворным, ее функционалистская трактовка породила и определенные возражения. Во-первых, ряд исследований показал, что роль участника политического процесса не сводится к тому, как это понимают функционалисты (простая адаптация гражданина к политической системе, к пассивному усвоению им навязываемых идей, ценностей, позиций, действий). Не дают здесь эффектов силовые или нормативные ролевые предписания. Ориентация на человека как на объекта политики оказалась неприемлемой. Это проявляется в создании и активном участии в политическом процессе новых, нередко оппозиционных объединений. Все чаще человек как исполнитель в политике не соглашается со своей ролью, а претендует на признание его как полноценного и полноправного субъекта современной политики.

Кроме того, в ролевой теории политики не нашла подтверждения идея о том, что эффективное включение человека в роль происходит через идентификацию личности с политической системой в целом и с отдельными политическими институтами (прежде всего, с партиями и организациями) в частности. Если раньше партийная принадлежность или поддержка той или иной партии на выборах была семейной традицией, переходящей из поколения в поколение, то к исходу XX столетия идея идентификации оказалась малопродуктивной, и даже в наиболее устойчивых политических системах она проявляется лишь в виде исключения из правила.

Все это определило в 80-х – начале 90-х годов актуальность существенной модификации ролевой теории политики, которая пошла по пути поиска тех ролевых рамок, за которые человек осознанно и мотивированно не будет стремиться выходить. Это было связано с тем, что этап мобилизации закончился и правящие элиты искали средства и технологии для обеспечения политического участия масс в политических процессах без принципиальных конфликтов. Решение этой проблемы предполагалось на основе политического консенсуса. Его доминирующее влияние было признано и в России, что определило популярность отмеченной ориентации в российской политике последних десятилетий. Причем во внутренних и внешнеполитических делах

консенсус по многим вопросам не только обеспечил достижение желаемых целей, но и определил латентный характер презентации интересов и позиций доминирующих участников политических процессов и отношений.

Вступление в третье тысячелетие христианской цивилизации показывает, что в подавляющем числе стран следует искать согласия на более конструктивной основе, когда представляется возможность достичь своих интересов всем участникам политического процесса. В частности на повестке дня стоит проблема «погасить» затянувшиеся и новейшие военные конфликты и их причины, разрешить экономические, этнонациональные, религиозные и другие противоречия, а также цивилизованно решать другие, не менее актуальные проблемы современности на основе наиболее приемлемого консенсуса. Ролевая теория политики в адекватном к складывающейся политической ситуации и условиям состоянии явится эффективной для решения многих современных задач. Для этого важно привлечь продуктивный потенциал современный науки и практики, а также возможности организационно-управленческого, социально-психологического, информационного, материально-технического и другого обеспечения.

Политическая практика последних десятилетий показала, что на современное понимание поведения человека в политике оказали немалое влияние идеи и разработанные в соответствии с ними функционалистские модели политики. В рамках данной концепции в основном анализируются и учитываются макрофакторы. Применяемые методы исследования и практические рекомендации практически неприемлемы для решения более частных политических задач. Для этого понадобились более психологизированные теории политики, обеспечивающие раскрытие закономерностей, механизмов и условий поведения и самореализации в политике конкретного человека. Предпосылкой для такой теоретической ориентации стал политический бихевиоризм. Основной его задачей следует признать изучение индивидуального поведения в политике. Для этого были привлечены собственно психологические методы, которые явились основой политических психотехнологий.

Из классического бихевиоризма была трансформирована идея непосредственного влияния среды на поведение конкретного человека в соответствии с формулой: $S - R$ (стимул – реакция). В соответствии с ней политические бихевиористы феномен политического отчуждения объясняют: приемлемые социально-экономические условия – требуемое политическое поведение человека. Исследователям остается измерить первый и второй показатели и найти корреляцию между ними. При этом подходе значение ситуационных факторов явно превалирует над внутренней активностью индивида.

В отличие от гуманистически ориентированных представителей бихевиоризма, его радикалисты используют формулу «стимул – реакция» прежде всего для контроля и управления поведением индивида или, по их терминологии, для «модификации поведения». Для достижения всеобъемлющего контроля в политике ее элитные субъекты принимают

программы насильственного контроля над поведением граждан, добиваются его осуществления всеми возможными и запретными средствами и технологиями, опираясь на новейшие достижения науки и техники.

Крайности радикального политического бихевиоризма как политического, так и методологического свойства не разделяются не только представителями гуманистической психологии, но и большинством политических психологов. Представители школы социального научения смягчили жесткую модель поведения, включив в нее ряд промежуточных переменных (установки, мнения и даже личность в целом). Шагом вперед было и включение в анализ политического поведения его содержательных компонентов: ценностей, которые усваивает индивид в процессе получения жизненного опыта.

Наряду с выделенными предпосылками современной целостной теоретико-методологической и прикладной основы политической психологии следует признать также полезность антипозитивистских концепций. В европейской политической психологии этот поворот шел под влиянием идей феноменологов, экзистенциалистов и других теоретических школ, поставивших под сомнение позитивистские трактовки проблемы личности. В США и Великобритании критика позитивистских концепций исходила не столько от теоретиков, сколько от практиков, нуждавшихся в более эффективных моделях управления поведением человека. Будучи разочарованными методами воздействия непосредственно на поведение, эти специалисты обратились к изучению сознания (когнитивизм и гуманистическая психология) и бессознательных структур психики (психоанализ).

Когнитивистское направление политической психологии прежде всего исследует процесс политического мышления. Согласно общим взглядам психологов этой школы, выбор модели политического поведения опосредуется теми взглядами и ценностями, которые составляют содержание сознания человека. Одни исследователи основное внимание здесь уделяют процессу становления политического сознания, других больше интересует его структура.

В рамках когнитивистского направления показано, что в странах со стабильной политической системой, где у избирателей действительно есть привычка голосовать за определенную партию, политическое сознание граждан заполняется определенными «пакетами идей». На уровне индивидуальной психологии идеология, ставшая частью сознания человека, предстает в виде связки идей. Так, установки англичан по вопросам атомного оружия коррелировали с их отношением к национализации общественного транспорта и системы здравоохранения, иммиграции и смертной казни.

Среди антипозитивистских ориентации важное место принадлежит представителям гуманистической психологии, выступающим за учет эмоционально-мотивационной сферы личности при анализе политики. Большое влияние на политических психологов данной школы оказали идеи А. Маслоу об иерархии потребностей и ненаправленная психотерапия К. Роджерса. Их идеи были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как пассивного объекта воздействия среды и подчеркивают самостоятельную

ценность активности личности. Движущей силы личностного развития выступают потребности.

Для политической психологии является конструктивной идея о возможности проникнуть вглубь личностных механизмов формирования политического сознания и поведения через систему потребностей. Ученые исходили из того, что важнейшим мотивом политического участия является не простая выгода или политическая сделка, а глубинные потребности личности, образующие основу ее убеждений. Эти базовые потребности служат в свою очередь фундаментом собственно политических установок.

Американский политический психолог С. Реншон успешно использовал теорию потребностей А. Маслоу для исследования проблемы демократии. Он исходил из того, что только та система, которая удовлетворяет базовые человеческие потребности, может эффективно вовлекать в политическую активность своих граждан и рассчитывать на их поддержку. Одной из таких потребностей, важных для становления демократии, является потребность человека в участии, которая на психологическом уровне выражается в установлении личного контроля над ситуацией. С. Реншон был одним из первых политических психологов, предложивших включить в исследование политических проблем, в частности демократии, психологические индикаторы.

Если представители гуманистической психологии и когнитивисты исследовали потребности, эмоции, мотивы, механизмы политического мышления, которые Дают человеку программу рациональных действий, то

политический психоанализ основной акцент делает на бессознательных структурах психики. В настоящее время это направление находит все большее признание среди отечественных психологов и активно развивается в политической психологии. Задача политического психоанализа состоит в изучении политических структур личности, в классификации типов личности, в создании психобиографий политических деятелей, выявлении механизмов и условий продуктивной самореализации субъектов политики.

Основой представлений о политическом поведении в этом направлении является учение З. Фрейда о бессознательном [123]. Личность в целом, и особенно ее стремление к власти трактуются психоанализом как иррациональные, инстинктивные феномены. В политическую психологию эта школа внесла важную идею о том, что человек является не полностью сознательным существом и в своем поведении в немалой степени руководствуется инстинктивными импульсами. Последователи З. Фрейда и Г. Лассуэл-ла, который впервые системно применил психоанализ в политике, руководствуются тем, что подлинные мотивы поступков обычно скрыты внешним поведением и действиями, адекватными окружающей социальной реальности. При этом политические психоаналитики считают, что стиль речи, межличностных отношений, деятельности и индивидуальных особенности лидеров связаны с общими личностными характеристиками, мотивами и другими неосознаваемыми потребностями. Все это актуально для разработки концептуальных и прикладных основ политической психологии.

Для формирования собственных теоретико-методологических и прикладных основ политической психологии наряду с возможностью воспользоваться отмеченными достижениями современного наукознания необходимо решить и другую, не менее актуальную проблему. Она состоит в том, что в политической психологии, как и в целом в отечественной науке, по многим направлениям очень отчетливо дает о себе знать отсутствие сопряжения между академической и практической сторонами.

Такое положение имеет место потому, что в психологии результаты, полученные в течение многих десятилетий при изучении психических процессов, состояний и свойств личности и факторов, определяющих их основные характеристики, не были проинтегрированы в целостную систему и не были последовательно раскрыты все взаимосвязи между общим, особенным и единичным, когда исследовались феномены, закономерности и механизмы психики. И, естественно, из-за этого политической психологии бывает необычайно трудно привязывать «общее» к «отдельному» и эффективно использовать научно не состыкованные друг с другом элементы общепсихологического знания, решая конкретные задачи, входящие в ее компетенцию и имеющие в каждом случае свою, единственную в своем роде, специфику.

Не меньшие трудности политическая психология испытывает, разрешая встающие перед ней микропроблемы прикладного характера, в своих попытках опираясь прежде всего на знания, накопленные в отраслевых областях психологической науки. При этом нестыковки между результатами исследований, проводимых политической психологией в ключе академической науки, использовавшимся концептуальным аппаратом и фондом экспериментально полученных фактов, которые на практике оптимально работали бы на решение политических задач, достаточно очевидны и без создания интегративного научно-прикладного основания не могут быть устранены.

Эта проблема может решаться более продуктивно, если в политической психологии не только использовать традиционно выработанные научные данные, но и ориентироваться на нестандартные, но конструктивные достижения. Здесь, наряду с выделенными ранее достижениями, актуальна новая психологическая отрасль – акмеология.

Проблему можно поставить так: акмеология в сотворчестве с политической психологией объективно годится для внимательного изучения сложившейся ситуации в самореализации субъектов политики и последующей ее коррекции, поскольку высшие достижения человека и соответствующая им мотивация находятся именно в их ведении. Тогда как общественное сознание в целом пока пребывает в растерянности перед лицом глобальных проблем и проблем модернизации, либо впадает в эйфорию под воздействием научно-технических и культурных инноваций. А тем временем жизнеспособность человека и цивилизации падает, в том числе по причине серьезных проблем в политической сфере, которая выступает объектом для познания и воздействия и для акмеологии, и для политической психологии.

Более того. Возможно, что акмеология как теория высших достижений человека и цивилизации (вследствие своих исключительно широких межпредметных связей со многими областями знания и практики) окажется единственной из современных наук, которая в состоянии противостоять мощному валу критики в адрес цивилизации, социального прогресса, науки и культуры, преодолеть господствующие настроения катастрофизма и упадка духа, воли к жизни, к социально значимой деятельности. Именно с этих позиций политическая психология может обеспечить эффективное свое влияние в сфере политики, познавая закономерности, механизмы, условия и факторы самореализации политических субъектов, обеспечивая между ними гармоничные связи и отношения. Поэтому целесообразно обратиться к опыту акмеологии.

Что же представляет собой акмеология как источник обогащения политической психологии современным знанием и продуктивной практикой? Межпредметные связи акмеологии с политической психологией, да и с другими науками, представляются таким образом:

- по характеру своего предмета акмеология как учение о торжестве жизни, порядка, творчества, как теория вершинных достижений любого субъекта, в том числе и политического, занимается высшими его потенциями, пиками личностно-профессионального развития и самореализации;

- по высоте целей, ценностным ориентациям, функциональным задачам и прикладным характеристикам в их решении акмеология как учение о высших гуманистических достижениях – теория и методология, методика и практика достижений высших результатов познает психологию высших способностей, неординарные и средние способности, «вершинные», «нормальные» и «пассивные» проявления в поведении и деятельности по решению политических и социальных задач, ориентируясь на союз со всеми человекообразными отраслями знания, в том числе и с теми, которые вырабатывает и располагает политическая психология;

- по методологии исследования своего объекта и предмета (не забудем, что объект – сами достижения, а предмет – глобальный мысленный аналог объекта) акмеология сочетается и сопоставима с синергетикой и системным подходом, обеспечивая интегративное саморазвивающееся теоретико-методологическое и прикладное основание современной политической психологии.

Взаимный интерес политической психологии и акмеологии прослеживается в ряде конкретных аспектов. Онтологический аспект, требующий признания того, что акме политика – это реализованная природа его как индивида, личности, субъекта политики и индивидуальности, представляющего свой этнос, род (что в принципе невозможно в рамках биографии и даже истории, но выступает как жизненная задача и идеал сознания). Гносеологический аспект, вскрывающий отношения акмического самосознания политика к деятельности и смыслу жизни. Один из инициаторов и разработчиков акмеологии заметил: «Когда нам хронически не хватает акмеона, мы теряем жажду жизни, наши цели и мотивы мельчают, цивилизация

становится депрессивной, а культура – угасающей». В политике особенно опасно такое «голодание». Социолого-политологический аспект, выражаемый через отношения «политик и: карьера, социальный статус, общественное мнение, публичная оценка деятельности, авторитетность в социальной среде, соответствие политическому предназначению и достижениям современной культуры». Этико-аксиологический аспект, выражаемые через отношения «моральная оценка и самооценка личности», «моральный выбор и самопроектирование», «человек и мир: проблема соизмеримости ценностей и долга», «сознание– вера– разум – страсти», «героическое и преступное», «возвышенное и низменное» и др. Валеолого-бытовой аспект, подчеркивающий значимость общего и физического здоровья субъекта политики как жизнедеятельностной основы, абсолютно необходимой для обретения им акме и выражаемый через отношения «организация жизненного процесса– суэта и мелочи жизни», «индивид – близкие» и пр. Синергетико-телеологический аспект, позволяющий увидеть в высших достижениях политика средствами синергетики особое состояние неравновесной устойчивости системы его деятельности, а также объясняющий в рамках этой системы ее оптимальное состояние.

Политическая психология в своем арсенале имеет достаточно обоснованный и определенный понятийный аппарат. В него входят категории собственно политической психологии, основные понятия политологической науки, а также востребованные категории смежных, прежде всего гуманитарных наук (см. рис. 2).

Рис. 2. Понятийный аппарат политической психологии

Отмеченные и многие другие аспекты нуждаются в тщательном изучении, уточнении и расширении в рамках политической психологии. Все они могут послужить ориентирами в повышении роли политической

психологии как интегративной теории, методологии и продуктивной практики. Для выполнения своей миссии политическая психология применяет свои методы, которые в совокупности составляют целостные психотехнологии.

Методы политико-психологических исследований

В современной политической психологии целесообразно интегрировать конструктивные исследовательско-развивающие методы (см. рис. 3). В конкретных исследованиях в равной степени представлены психологические тесты и социологические опросы, метод экспертной оценки и психолингвистический анализ. Это связано как с отсутствием общепризнанных теоретических схем, так и с междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин к сложному и многоуровневому объекту – поведению человека в политике.

Рис. 3. Теоретико-методологические основы политической психологии

Объект конкретного исследования диктует методы, адекватные его изучению. Так, различные феномены массового политического поведения требуют таких методов, как анализ статистических данных, проведение массовых опросов с последующей математической обработкой больших массивов данных, проведения фокусированных интервью и метода фокус-групп. Так, подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила широкий спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателя. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такого рода работа дает очень прицельные результаты. Политик получает

детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентации, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Хотя исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе всего к социологическим методам, но их содержание диктует применение таких методик, которые адекватны изучаемым психологическим феноменам. Отсюда и выбор таких исследовательских процедур, как проективные методики (например, метод неоконченных предложений), метод ассоциаций и др.

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентации, ценностей политической культуры. Но эти политико-психологические феномены поддаются анализу и с использованием иных методов. Так, например, психобиографические подходы позволяют не только выяснить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и видеть в отдельном политике модель определенного типа политической культуры. В работе Бетти Глэд об американском политике Ч. Хьюзе показано, что он был лишь выразителем господствующего в американской элите после Первой мировой войны изоляционистского настроения.

Изучение феноменов политического мышления и политического сознания ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии, причем в основном когнитивистского направления. Прежде всего, объектом исследования становятся различные тексты, которые обрабатываются с помощью контент-анализа различных модификаций. Среди изучаемых компонентов политического мышления были убеждения, понятийная сложность, методы достижения целей и некоторые другие особенности, прежде всего, спонтанных (не написанных заранее) текстов. Таким образом, наряду с чисто качественными особенностями, метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, дающие более объективные результаты.

Другим методом, используемым для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является метод построения их семантического пространства. В.Ф. Петренко проанализировал политические штампы и клише в лексике новых российских партий [95]. Материалом анализа послужили речи известных политиков, партийные документы. Данные этого исследования позволили построить многомерную типологию сознания политических активистов.

Исследование личности в политическом процессе начиналось еще в 30-е годы, преимущественно в рамках психоаналитической традиции. С этим связан и интерес исследователей прежде всего к таким методикам, которые позволяли проникнуть в бессознательную, эмоциональную сферу личности, раскрыть глубинные мотивы политического поведения. В одной из первых политико-психологических работ Г. Лассуэл-ла материалом для изучения политиков

стали их медицинские карты в одном из элитарных санаториев, где их лечили от неврозов, алкоголизма и т. п. Современные политические психоаналитики продолжают традицию качественного изучения личности политика, создавая психологические профили представителей данной профессии.

Наряду с этим в политической психологии широко используются психологические тесты (Г. Айзенка, IQ, Кеттела, ММРІ и др.) при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные методы дистанционного анализа в случае, когда объект недоступен исследователю. В таких случаях изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары о них и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Нередко используется и метод экспертных оценок, который позволяет оценить отдельные качества личности, дать прогноз ее поведения.

В арсенале исследовательских процедур политической психологии постоянное место занимает и метод эксперимента. Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. В результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Тверски и Канеман доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска. Знаменитые опыты Мил-грэма показали, что в случае, когда есть некий «научный» авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результат своих поступков. Недавние эксперименты Ласка и Джадда выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатов, чем это делают непрофессионалы. Обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знаниями о том, что и как те сделали в политике, а исключительно впечатлениями, полученными накануне выборов.

Следует отметить, что, кроме собственно исследовательских процедур, в политической психологии используется и широкий набор методов коррекционно-развивающего воздействия и консультирования. Все они в совокупности образуют исследовательско-разви-вающие психотехнологии политической психологии, которые на основе познания эффективно воздействуют на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализ и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными единомышленниками и аппаратом. Такая работа предполагает использование методов тренинга, организационно-деятельностных, деловых игр, а также применение паблик рилейшнз, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации и др.

Таким образом, теоретико-методологические и прикладные основы политической психологии выступают исходной базой для выполнения ею ответственных функций как научной дисциплины и практики. Желаемого результата можно добиться, если этот базис явится синтезом достижений современной теории и практики. Овладение современными субъектами

политики, научными и практическими основами политической психологии выступает предпосылкой для продуктивной профессиональной деятельности.

1.3. Соотношение политики, психологии и морали

Политическая психология составляет единое исследовательское поле с такими основными научными областями, как общая, социальная, историческая, этническая, экономическая психология, с одной стороны, и политология, социология, политическая экономия, политическая социология – с другой. Чтобы выделить ее специфический предмет в континууме социальных реалий, необходимо разобраться с пониманием феноменов «политика», «политическая активность», «политические отношения» и другими. Особую актуальность приобретает уточнение психологических признаков самой политики.

Наши обыденные представления о политике чаще всего ограничиваются обозначением ее как сферы, достаточно далекой от повседневной жизни (что-то, чем занимаются там, «наверху»), и эпитетом «грязная», который чаще других соседствует со словом политика. Но если отойти от поверхностных стереотипов, то следует признать, что, хотя политика действительно включает в себя борьбу за власть, она не сводится только к грубому выяснению отношений между политиками, в котором любые средства хороши. Это все же некая цивилизованная форма отношений в области власти.

Одни авторы акцентируют в политике ее управленческие функции, говоря, что политика – это искусство управлять обществом. Другие подчеркивают ее связь с властными отношениями, причем имеют в виду прежде всего силовые методы осуществления власти. Третьи указывают на связь политики с правом. Есть и немало других точек зрения. В целом политическая психология рассматривает политику как многомерный континуум, в котором можно выделить систему, процесс, совокупность детерминант, моделируемых политических связей и отношений (политические игры), систему ценностей, область субъектной самореализации человека и, наконец, интегративный социально-психологический феномен. Для анализа этих аспектов целесообразно воспользоваться достаточно конструктивными и актуальными результатами исследования данного круга вопросов, которые получены Л.Я. Гоз-маном и Е.Б. Шестопаи и представлены ими в учебном пособии «Политическая психология» [36].

Политика как система ими понимается в следующем плане. В политической науке, при всем многообразии определений ее основного объекта исследования – политики, есть несколько важных аспектов, которые в этом объекте выделяются. Так, первое, что понимают под данным термином, – это политика как система государственных институтов. Действительно, говоря о политике, следует прежде всего иметь в виду государство как систему политических институтов, куда входят президент и парламент, армия и система безопасности, министерство внутренних и министерство иностранных дел, финансы и социальное обеспечение и др.

Политологи изучают, как устроено то или иное государство, как оно регулирует отношения граждан и власти, отношения властных структур между собой. Зрелая политическая система предполагает, что разные институты

выполняют различные функции и между ними существует разделение труда: внешняя и внутренняя политика имеют свою специфику, а для обеспечения эффективного управления нужны профессионалы, знающие свое дело.

Многие проблемы в осуществлении власти возникают тогда, когда происходит смешение разных видов, или, как их принято называть, ветвей власти. Принцип разделения властей предполагает, что независимо друг от друга и с равной степенью ответственности перед обществом действуют законодательная, исполнительная и судебная власти. В современном обществе к ним принято добавлять и четвертую власть – средства массовой информации, которые освещают жизнь общества и служат каналом обратной связи между гражданами и политиками.

Важной частью политической системы являются политические организации, партии, общественные объединения и движения. Граждане добровольно объединяются в них, чтобы защищать свои права, проводить свои интересы. Политические партии, число которых в нашей стране на 1 июня 2000 года, по данным ИТАР-ТАСС, превышало две сотни, с одной стороны, отражают разнообразие политических интересов, с другой – в силу своего различного социального статуса, состава, политического опыта – оказывают различное влияние на ход политического процесса.

Так, накануне выборов перед избирателями стоит сверхсложная задача: выбрать наиболее привлекательный политический блок или партию. Перед выборами 1999 года было зарегистрировано более 20 политических блоков и объединений, число же претендентов на депутатское место по одномандатным округам составило около 30 человек на одно место. Устойчивый электорат есть лишь у нескольких наиболее заметных партий. Большинство же избирателей делает свой выбор практически вслепую. В этом случае единственным ориентиром при выборе становятся политические лидеры, лица которых люди запомнили и которые являются символами определенной политической группы. Правда, и в отношении знакомых лидеров у наших граждан ярче представлены не столько позитивные, сколько негативные установки, поскольку политики вообще ассоциируются с властью.

Политика как процесс

Вторым важнейшим измерением политики является динамика функционирования системы политических институтов. Политический процесс – это генезис политических институтов, субъектов политики, политических ценностей, правил и непосредственно политических связей и отношений. В мире происходят войны и революции, реформы и стагнации. Политические процессы бывают мирными и насильственными, постепенными и скачкообразными.

Важно, что, изучая политику только как набор законов, правил, как ту или иную конфигурацию институтов, необходимо помнить: эта система подвержена изменениям. Современная политика быстро и драматично изменяется, порождая много сложностей как для самой системы, не успевающей приспособиться, так и для конкретных участников процесса,

теряющих почву под ногами, нуждающихся в специальных механизмах ориентации в неустойчивом политическом мире.

В последние десятилетия психологическая наука стала все чаще обращаться к анализу политического процесса, который не всегда превращается в форму устойчивых политических институтов. Среди проблем, которые интересуют и теоретиков политики, и тех, кто принимает решения, назовем, например, проблему формирования политических взглядов граждан и профессиональных политиков, культурный и национальный контекст политического процесса, становление новых политических движений, вхождение человека в политику и ряд других.

Сегодня становится все труднее самостоятельно разобраться в смысле происходящих процессов, определить, какие события могут стать значимыми для каждого из нас, а какие окажут влияние лишь на верхушку политической пирамиды. Ряд исследований выявил, что некоторые важные политические события (например, перестроечные процессы и распад СССР, перераспределение собственности и сфер политического влияния в России, военные акции на территории СНГ и в мировом сообществе, капитальные изменения в современной геополитике и др.) оказали на политический процесс и на сознание целого поколения граждан определяющее воздействие.

Политика как совокупность детерминант, моделирующих политические связи и отношения, которые могут быть представлены через систему правил игры

Третий важный аспект понимания политики, замечают Л.Я. Гозмани Е.Б. Шестопал, проявляется через систему правил политической игры [36]. Как и любая другая социальная система, политика подчиняется регулирующим ее законам. Эти законы бывают как писаными (нормы права), так и неписаными (традиции, обычаи, правила поведения). В эпохи быстрых перемен подвергаются изменению официальные нормы и предписания. Пишутся новые конституции, принимаются своды законов, призванные регулировать официальные отношения между властвующими и подчиненными.

Из опыта нашей повседневной жизни мы хорошо представляем себе, как непросто добиться исполнения даже давно существующих законов, осуществить гарантированные ими права, пробиться сквозь частокл всевозможных бюрократических инструкций. Представители исполнительной власти сетуют на то, что законы не исполняются. Частая смена правил игры приводит к появлению правового нигилизма, к неуважению к законам, которые меняются так часто, что нет смысла принимать их в расчет.

В такие периоды общество начинает управляться не столько писаными, сколько неписаными правилами, устанавливаемыми не официальной политикой, а группами, имеющими реальную силу (в том числе и грубую силу, и силу денег). Именно они и «заказывают музыку». Нередко эти теневые структуры становятся реально более эффективными в осуществлении политических функций, чем те, кто формально считается властью. На рубеже 2–3-го тысячелетий в России с особой силой заявили о себе формирующиеся олигархия, бизнес, предпринимательство и многие маргинальные феномены,

такие, как криминал, девальвация социальных ценностей, политическая отчужденность масс от реальной власти и др. В их числе Б. Абрамович, Б. Березовский, А. Чубайс и др.

Между тем в эпохи перемен неформальные политические ценности и правила игры диктуют не только те, у кого есть сила или деньги. Нередко именно люди, олицетворяющие неподкупность, справедливость и правду, моральную силу, задают тон в политической игре. Так было в первые годы перестройки, когда на волне борьбы с несправедливыми привилегиями на политическую авансцену вышли Б. Громов, Б. Ельцин, А. Лебедь, А. Сахаров, А. Тулеев и др. Такие фигуры, олицетворяющие представление людей о справедливости, особенно заметны на фоне общего отношения граждан к официальной политике. При этом в обновляющейся России заметна тенденция неустойчивого отношения граждан к представителям официальной власти. Так, согласно данным, полученным летом 2000 года, подавляющее большинство респондентов (89,1%) недовольны тем, что не лучшим образом действует власть в России. Частично это объясняется тем, что власть воспринимается ими как коррумпированная и малоэффективная сфера, закрытая для всего общества: более 61% опрошенных уверены, что те, кто сегодня стремятся к власти, делают это для укрепления своего статуса и материального благополучия, 47% – для самоутверждения как властной элиты в обществе. Лишь 23,6% российских граждан сохраняют надежду на то, что политики идут во власть, чтобы принести пользу обществу.

Сложные зависимости между официальными и неофициальными политическими нормами складываются не только по поводу отдельных функций политической системы (охраны правопорядка, выдвижения лидеров, управления). В любой сфере политической жизни эти два свода правил действуют постоянно. Вопрос только в том, в каком они находятся соотношении. Если неофициальные правила преобладают, это приводит к деградации государства, утрате моральных ориентиров и в конечном счете – к упадку системы. При другом варианте дисбаланса официальные ценности вытесняют неписанные правила, не оставляя места выражению личных и групповых интересов, контролируя все проявления деятельности граждан. Такой тип политического устройства известен как тоталитарный. Он ведет к обеднению всех структур гражданского общества и враждебности проявлению индивидуальности каждого отдельного человека.

Политика как система ценностей

Четвертая сторона политики, которую выделяют Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопал, проявляется как система ценностей, мнений, установок граждан. Такое понимание политики выделяет в ней уровень осознания доктринального, идеологического характера. У каждого человека есть свое понимание политики, свои оценки того, как работают ее субъекты и что происходит в политических институтах. Эти мнения носят, как правило, достаточно противоречивый характер, складываясь в пеструю мозаику «обыденного сознания». Такие политические ориентиры складываются под влиянием многих воздействий: от чтения свежей газеты до разговора с соседом.

Некоторые из этих установок мимолетны, иные, сохраняясь в психологической структуре личности всю жизнь, принимают форму убеждений. Но без этих психологических образований в головах людей никакое государство, партия или лидер не могут воздействовать на поведение граждан. Даже для того чтобы выполнить простейшую политическую роль – в качестве избирателя, необходимо определить приоритеты в предлагаемых политических ценностях.

Как показывают исследования, в самых разных политических системах большинство граждан не имеют согласованной системы политических взглядов. Их политические установки запутаны, противоречивы, не всегда рациональны и не обязательно соответствуют их объективному политическому интересу.

Однако осознание своих интересов и консолидация ценностей лидерами, политическими партиями и движениями приводит к созданию политических доктрин, идеологических конструкций. Политическая доктрина – систематизированный, относительно непротиворечивый набор политических ценностей. Главная цель политической доктрины – помочь каждому, кто разделяет эти ориентации, более полно отождествить себя со своей политической группой.

Политика как деятельность

Пятое измерение политики – это понимание ее как вида человеческой деятельности. Данная трактовка политики связана с представлением о том, что политику делают люди, а следовательно, их поступки и есть главный объект изучения политической науки. При таком подходе необходимость в привлечении психологических инструментов наиболее существенна.

Еще в начале XX века немецкий психолог Э. Шпранг-гер выделял среди других человеческих типов тип человека политического. Действительно, политики-профессионалы обладают рядом психологических характеристик, предопределяющих притягательность для них этой сферы жизни. Стройная система деятельности субъектов политики выстраивается на основе реализации деятельностного подхода, который предложили С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и другие отечественные психологи. Примечательно, что в современном демократическом обществе не только профессионалы, но и все дееспособные граждане включены в политический процесс, являются его неотъемлемой частью. Отсюда – актуальность усиления интереса политических психологов к поведению и деятельности лидеров и рядовых граждан, роль которых в политике неизмеримо возросла.

Область субъектной самореализации человека

Признание политики в качестве неотъемлемой части человеческой жизни – идея, уходящая своими корнями глубоко в историю. Еще античные мыслители задавались вопросами о природе политической жизни. Так, Аристотель доказывал, что заниматься политикой человека побуждает его собственная природа. «Государство, – подчеркивал великий мыслитель, – принадлежит тому, что существует по природе, и человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие

случайных обстоятельств, живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [10, с. 24]. По мнению античного мыслителя, государственная форма политики вырастает из объединения людей сначала в форме семьи, потом поселения. Затем объединения поселений превращаются в полис – государство.

Заниматься политикой человека подталкивает его природный инстинкт. Поэтому логично, что Аристотель называет человека политическим животным – *Zoon politikon*, ни в коей мере не придавая этому словосочетанию обидного смысла. Ведь в самой нашей психологии заложены такие естественные потребности, как потребность властвовать и подчиняться. Последующая история политической мысли обогатила представления о политике как системе разнообразных человеческих потребностей, приобретенных и врожденных. Среди них благородство и жадность, любовь и ненависть, стремление к доминированию и солидарность, потребность в свободе и желание быть частью группы.

Таким образом, политика в рамках политической психологии предстает как совокупность отношений между большими социальными группами (макрогруппами): этносами, нациями, сословиями, классами, конфессиональными общностями, партиями, государственными образованиями и т. д. Соответственно, политическими можно считать действия, в которых практически воплощаются формальные или неформальные межгрупповые отношения. При этом сфера политической активности включает огромное разнообразие социальных событий – от индивидуального лидерства до государственного регулирования жизнедеятельности общества, публичных акций, гражданских и международных взаимоотношений, конфликтов, войн и т. п. Все они образуют ту реальность, которая интересует политическую психологию.

Признание важности изучения психологии как движущей силы политического поведения в наши дни получило уже не только общефилософскую, но и конкретно-научную форму. Именно политическая психология во второй половине XX века приступила к исследованию тех факторов, которые мотивируют включение человека в политику и участие в различных ее формах. Психологическая наука, используемая для понимания политических феноменов, диктует и свой подход к исследованию, свой угол зрения на человеческое измерение политики.

О феноменах, которые теперь относят к сфере политической психологии, издревле размышляли политики, полководцы, философы и религиозные пророки. Но только в середине XIX века обозначились направления систематических исследований. Это те же научные школы, что считаются основополагающими и в социальной психологии: франко-итальянская «психология масс» (Г. Лебон, Ш. Сигеле, В. Парето, Г. Тард) и немецкая «психология народов» (Г. Штейнталь, М. Ла-зарус, В. Вундт). Французские и итальянские ученые изучали феномены массового стихийного поведения, механизмы заражения и подражания, неосознаваемые мотивы социальных действий. Немецкие ученые сконцентрировали внимание на культурно-

психологических особенностях различных этносов, отражающиеся в языках, мифологиях и т. д.

Близкие к политической психологии научные направления сложились и в России во второй половине XIX – первых десятилетий XX века: теория культурно-исторических типов (Н. Данилевский), одушевленная историография (А. Лаппо-Данилевский), субъективная социология (М. Михайловский), коллективная рефлексология (В. Бехтерев), гелиопсихология (А. Чижевский). Работы названных ученых в значительной мере предвосхитили тенденцию психологизации социальной науки, осознание ею своего человеческого измерения. А. Чижевский стал первым в мире ученым, исследовавшим влияние космических процессов, особенно солнечной активности, на энергетические состояния живой клетки и проявление этой зависимости в динамике политических событий

Прежде всего, внимание политических психологов в XIX веке привлекли массовые стихийные формы политического поведения, такие, как стихийные бунты, демонстрации, паника, поведение толпы. Начиная с работ французского исследователя Гюстава Лебона, политическая психология занимается поиском движущих сил стихийных типов политического действия и находит их преимущественно в иррациональных, т. е. бессознательных, структурах психики человека [72]. Среди отечественных психологов этой проблемой особо интересовался В. Бехтерев, предложивший объяснение воздействия толпы на личность через механизмы заражения, внушения и образования не только индивидуальных, но и коллективных рефлексов [21].

На рубеже XIX–XX веков были изданы книги психиатра П. Ковалевского, профессионально составившего на основании доступных сведений портреты выдающихся политических деятелей прошлого, и К. Головина, изучавшего с психологической точки зрения современные ему политические события.

20-е и начало 30-х годов XX столетия ознаменованы, кроме уже упоминавшихся исследований В. Бехтерева и А. Чижевского, чрезвычайно оригинальными для своего времени работами по изучению восприятия газетных материалов (П. Блонский), слухов (Я. Шариф), культурных различий в восприятии и мышлении (А. Лу-рия).

Во второй половине 30-х годов работы такого рода были надолго заблокированы. Социальная наука вообще была по большей части вытеснена сталинским «истматом», а все, что от нее сохранилось (философия, история, политэкономия), подчинилось жесткой идеологической цензуре, не оставившей места для «психологических упражнений». В таких условиях в СССР до начала 70-х годов исследования, имевшие хотя бы самое отдаленное касательство к политической психологии, осуществлялись только в рамках педагогики (теория коллектива и т. д.), тогда как за рубежом это был период бурного развития политико-психологической науки. Возобновившиеся затем работы по социальной психологии носили почти исключительно вторичный характер: философизированная критика «буржуазной науки» в сочетании с эпигонским заимствованием экспериментальных и прикладных методов. Непосредственно же политико-психологическая проблематика (хотя сам этот термин оставался

под запретом) изучалась в закрытых учреждениях, отличались методологической или методической оригинальностью. За годы советской власти пионерские традиции отечественной социальной и политической психологии были утеряны.

Современная политическая жизнь дает немало примеров того, как иррациональные психологические механизмы воздействуют на ход политического процесса. Одним из наиболее ярких примеров является необъяснимое, на первый взгляд, поведение депутатов парламента на своих заседаниях. Многие их решения были продиктованы не столько рациональным расчетом, личными или групповыми интересами, сколько взаимным эмоциональным заражением в ходе дискуссии.

Для политической психологии ядро проблемы составляет, конечно, ее субъективная компонента. Если некоторое множество людей может быть выделено по более или менее долгосрочному основанию (например, этническая, расовая, возрастная характеристика, гражданство, территориальная близость, место в системе экономических отношений и проч.), но принадлежность к этому множеству для них самих и для окружающих незначима, то речь может идти лишь о социальном конгломерате или так называемой условной группе. Это множество людей становится единым субъектом деятельности и социальных (тем более политических) отношений постольку, поскольку формируется их взаимная идентификация как носителей общих интересов и целей, не совпадающих с интересами других групп, и оно может терять свои субъектные качества по мере растворения в системе более релевантных внешних и внутренних связей.

Очертив по мере возможности предметную область в рамках политики, политическая психология в качестве приоритета анализирует закономерности, механизмы, условия, а также факторы политических феноменов и прежде всего политической активности ее субъектов, мотивацию этой политической активности и пр.

Понятие мотивации необходимо использовать для уточнения предмета данной науки, поскольку это психологический эквивалент общенаучной категории причинности и в нем концентрируются все прочие концепты, которыми оперирует политическая психология. Чтобы понять мотивы поведения, нужно выяснить, как данный субъект (индивид или группа) видит мир и себя в мире, как внутренне структурирует ситуацию, каковы его потребности, цели и ценностные ориентации, особенности восприятия, мышления, эмоциональных переживаний (включая эмоциональное состояние в данный момент) и многое другое. Исходя из этого объясняются политические события, строится прогноз, разрабатываются приемы управления сознанием и поведением.

Популярный термин «политическое сознание», используемый иногда при определении предмета, не вполне корректен из-за многозначности понятия «сознание». Последнее употребляется по меньшей мере в трех существенно различных значениях: философском (сознание – бытие), социологическом (сознательность – стихийность) и психологическом (сознательное –

бессознательное; осознаваемое – неосознаваемое), и это часто становится источником противоречий. Преимущественный интерес представляют нерелексируемые или слабо релексируемые пласты интегральной субъективной реальности, а также намеренно скрывающиеся мотивы. Именно их выявление обеспечивает нетривиальность, а тем самым и продуктивность психологического исследования.

Так, например, в 1999 году Дума принимает резолюцию по косовскому конфликту, в которой настаивает на односторонних действиях России, хотя парламентарии прекрасно понимают, что ни Президент, ни МИД, ни другие государственные ведомства не смогут их выполнить. Дело не только в том, что депутаты преследуют некие свои интересы, а в том, что сам ход обсуждения подталкивает их к более рискованным решениям, чем те, что были бы приняты в тиши их кабинетов. В психологии такой феномен получил название группового мышления, когда само наличие группы сдвигает принимаемое решение в сторону большего риска.

Парламенты, не только в современной России, но и в других странах, нередко демонстрируют своеобразие политического поведения народных избранников, доходящие порой до выяснения отношений в политике с помощью кулаков, взаимных оскорблений и других действий, диктуемых не столько холодным расчетом, сколько эмоциями. Не случайно еще Лебон выделил парламентские собрания как отдельный вид толпы, подчиняющийся тем законам массового поведения, которые свойственны большим социальным группам в отличие от малых групп и индивидов [72].

Не следует думать, что сообщество других людей всегда действует лишь в сторону некоторого «озверения», как это кажется на первый взгляд. Присутствие других людей, их взаимное внушение, заражение, идентификация могут приводить в политике к самым разнообразным эффектам. Энтузиазм и сплоченность участников массовых выступлений привели к успеху многие национально-освободительные движения. Демократические преобразования стали возможны в годы перестройки в немалой степени благодаря массовым выступлениям самых разных людей, объединившихся и отождествивших себя с идеей демократии. Здесь для нас важно подчеркнуть, что мотивы, приводящие людей к участию в массовых формах политического поведения, диктуются не только их рациональными интересами, расчетом, но и эмоционально окрашены, не полностью осознаны и в наибольшей степени оказывают воздействие на личность в присутствии других людей во время стихийных политических действий.

Отмеченные данные не означают, что политическую психологию интересуют лишь бессознательные проявления человеческой психологии. Многие разделы этой дисциплины специально посвящены изучению политики как организованной деятельности, где рациональные интересы, осознанные цели претворяются в те или иные политические действия.

В числе первых современных концепций, рассматривающих человека как компонент политической системы, была концепция политической поддержки, предложенная американскими политологами Д. Истоном и Дж. Деннингом

[141]. Их интерес к человеческому компоненту политики был вызван новыми процессами, в частности, необходимостью политической мобилизации населения, ранее не участвовавшего в политике. Процессы, происходящие в настоящее время в России, при всем их своеобразии также вписываются в мировой контекст и требуют от граждан включения в изменившийся политический процесс в ролях, которые они ранее не исполняли. Отсюда задача рационального включения граждан в избирательную систему, научение их демократическим нормам.

Одна из наиболее перспективных концепций в современной политической психологии исследует процесс принятия политических решений как во внутренней, так и во внешней политике. На основе экспериментов, эмпирических исследований и теоретических разработок политические психологи предлагают конкретные технологии эффективного политического управления, достижения поставленных политическим руководством целей. Правда, следует заметить, что, какими бы совершенными ни были научные разработки, чисто рациональные расчеты не дают стопроцентного успеха. Как выразился бывший председатель Правительства России В.С. Черномырдин: «хотели как лучше, а вышло как всегда». Это высказывание звучит как формула соотношения рациональных и иррациональных факторов, воздействующих на политический процесс.

Для политической психологии в равной степени важны оба ряда феноменов: осознанное политическое участие граждан, рациональная постановка ими политических целей и проявления иррациональных импульсов, неосознанная политическая активность. Чтобы более предметно представить себе, чем занимается политическая психология, важно выделить и другие качественные стороны политических явлений, которые привлекают особенно пристальное внимание исследователей. Все они образуют интегральный психологический феномен.

Здесь обращает на себя, прежде всего, непосредственно психологический феномен в политическом процессе. Откройте свежую газету или включите программу телевизионных новостей. О чем в первую очередь сообщают нам информационные агентства? Боевые действия в Чечне и на Балканах, чрезвычайные ситуации, демонстрации протеста, выборы, сообщения о принятых правительством решениях, скандалы, затрагивающие ту или иную партию или конкретного политика. Попробуйте самостоятельно проанализировать, что в этих текущих политических событиях определено объективными политическими или экономическими законами, а что – результат усилий конкретных людей или партий. Провести границу между этими двумя рядами факторов очень нелегко. Однако сегодня уже ни у кого из серьезных политических психологов, политологов и политиков не вызывает сомнения тот факт, что психологический компонент происходящих событий необходимо специально выделять, изучать и учитывать при принятии решений.

Однако есть некоторые политические феномены, в которых присутствие психологических факторов выступает особенно рельефно. Одним из таких феноменов является национализм. Признание безусловного превосходства

своего народа над другими невозможно обосновать никакими рациональными мотивами. Когда распался Советский Союз, одним за другим потянулись конфликты, как череда звеньев единой цепи. Среди них противостояния Грузии и Абхазии, таджикские кровопролитные события, вооруженные конфликты между Арменией и Азербайджаном по поводу Нагорного Карабаха, длительная война в Чечне. При этом каждая из конфликтующих сторон дает свое обоснование, почему именно она должна обладать преимущественным правом, позицией, территорией или ресурсом. В ход идут и исторические аргументы, и апелляция к справедливости, и призывы к международному общественному мнению. Однако все рациональные аргументы сторон не могут скрыть главного: психологической почвой возникновения конфликта были националистические чувства, подогретенные определенными политическими силами, которые использовали их для разжигания политических, экономических, военных конфликтов. Даже если объективно никто из его участников уже не будет заинтересован в продолжении военных действий, «выключить» националистические установки автоматически невозможно. Они имеют место как в России, так в Республике Беларусь, на Украине и в других регионах СНГ.

Психология национализма изучается достаточно давно. Политические психологи, начиная с известной работы Т. Адорно, установили, что националистические установки входят в качестве составляющей в более общий психологический феномен, которым является авторитаризм [6].

Интерес к проблеме авторитаризма в политической психологии пережил периоды подъемов и спадов. Так, первые послевоенные годы он диктовался стремлением понять психологические истоки фашистского национал-социализма. Затем был период стабильного политического развития, по крайней мере в странах Запада, который породил иллюзию, что авторитаризм для них ушел в прошлое.

Однако ни национализм, ни авторитаризм не относятся к числу феноменов, с которыми человечество простилось навсегда, в силу того, что в их основе лежат некоторые фундаментальные психологические механизмы, которые вновь и вновь приводят к возникновению этих феноменов, как только политическая ситуация становится для этого благоприятной. Именно поэтому уже не на одном из годичных собраний Международного общества политических психологов (ISPP) в последние годы вновь и вновь выбирало для обсуждения тему авторитаризма и национализма. Одним из главных выводов этого обсуждения было заключение о том, что политики, стремящиеся найти выход из замкнутого круга этнических конфликтов, военных столкновений и нетерпимости в отношении другого народа, не могут оперировать только объективными политическими инструментами и не учитывать то, как один народ в данный момент воспринимает другой и как это сиюминутное восприятие накладывается на традицию политической культуры.

Другой проблемой, над которой работают современные политические психологи, является насилие и агрессия в политике. Появились целые отрасли знаний, получившие название биополитика и вайленсология. Биополитика –

раздел политической психологии, исследующий проявления альтруизма, насилия, агрессии, защитных реакций, доминирования и других фундаментальных свойств природы человека в политике. Вайленсология (от английского слова violence – насилие) – раздел биополитики, который изучает природу человеческой агрессивности вообще и ее политические проявления в частности.

Среди ученых нет единодушия в понимании природы насилия и агрессии в человеческом обществе. Одни авторы убеждены в том, что агрессия – это естественная реакция индивида на фрустрацию и при-родно необходима человеку. Следовательно, избежать ее нельзя, хотя можно найти безопасные для самого человека и его окружающих каналы отвода агрессии (например, спорт). Другие авторы делают акцент на роли воспитания в проявлении насилия и агрессии. Так, уже в 70-е годы появились исследования, показавшие связь между увеличением количества сцен насилия в кино и на телевидении и ростом детско-юношеской преступности. Психологи и педагоги забили тревогу, доказывая, что увиденные на экране сцены агрессии действуют провоцирующе на формирующуюся личность, которая еще не обладает устойчивой системой жизненных ориентиров.

Насилие в политических процессах встречается в самых разных формах. Есть государственное насилие в отношении тех граждан, которые не выполняют правовых норм. Такое насилие узаконено, как и насилие в ответ на агрессию одного государства в адрес другого. Международное право признает правомерность использования силы, в том числе и военной, для защиты территориальной целостности страны. Закон признает и право индивида на применение насилия в рамках достаточной самообороны.

Однако следует со всей определенностью сказать о последствиях для человека, который применял даже узаконенное насилие, не говоря уже о тех, кто стал жертвой насилия во время войн, вооруженных конфликтов и периодов криминального разгула. С человеком происходят серьезные психологические трансформации, меняющие его отношение к самому себе и другим людям.

Американские солдаты, прошедшие войну во Вьетнаме, как и наши солдаты, воевавшие в Афганистане и Чечне, пережили испытание жестокостью, не получившей достаточной нравственной легитимизации со стороны общества. Сейчас, без специальных мер по их психологической реабилитации, эти люди сами не могут адаптироваться к невоенной реальности: они нуждаются в помощи профессиональных психологов. Общество, не осознающее этого, рискует получить взрыв насилия, становящегося нормой повседневной жизни.

Политический конфликт – поведение индивида и ситуации давления на него группы, приспособление к требованиям группы и ее нормы, которое не всегда осознается человеком. Если человек идет голосовать на выборы не в силу собственной убежденности в достоинствах того или иного кандидата, а потому, что так проголосовал его знакомый или родственник, то он поступает как политический конформист.

Исследования проблемы политического конформизма показали, что есть определенные объективные и субъективные условия, при которых конформизм расцветает. Например, если выборы проходят под прессом СМИ, применения различных технологий и др., то трудно рассчитывать на то, что волеизъявление будет свободным от давления. Однако хорошо известно, что выборы в нашей стране в советские годы проходили не в условиях репрессий, но, тем не менее, в силу политического конформизма голосовали за практически безальтернативного кандидата свыше 90% избирателей.

Проявления политического конформизма встречаются в политической жизни партий и организаций, движений и групп, давление которых на своих членов осознается ими в той или иной степени. Авторитарный стиль управления способствует развитию политического конформизма, между тем как демократический способствует тому, что личность вырабатывает независимое мнение по политическим вопросам и не боится высказать свое несогласие с группой. Однако при всем различии стилей, климата, царящего в политической организации, необходимо иметь в виду, что конформизм встречается и в самых демократических и прогрессивных из них.

Остановимся еще на одном психологическом феномене: восприятие партнерами друг друга. Американский политический психолог Роберт Джарвис показал в своих работах, что многие национальные лидеры не замечают угрозу своей стране на международной арене в силу того, что их внимание сфокусировано на проблемах внутривнутриполитической борьбы.

Другой причиной неверного восприятия своих международных партнеров и последующих ошибок политиков является искажение их образа стереотипами, действие которых усиливается состоянием стресса. Руководители государства должны быстро отреагировать на ситуацию, в силу чего стресс усиливается. Одним из характерных примеров осложнения отношений стран НАТО и других ведущих держав мира является приверженность их принципу «двойного стандарта». Это было правилом и в отношениях с СССР и в отношениях современной Россией, где сопрягаются национальные интересы. Непосредственно это проявилось в Кубинском кризисе, в чехословацких событиях 1968 года и в процессе решения проблем СНВ и ПРО, в ходе военных действий в Афганистане, Югославии и Чечне, при оценках двусторонних и многосторонних отношений с участием России, например, по вопросам Ирака, Китая, Северной Кореи, Югославии, Палестины и других экономико-политических эпицентров современного мирового сообщества. Причиной того, что политические лидеры стран и движений шли на прямую конфронтацию, были неверные представления о возможных действиях друг друга. Риск был усилен феноменом группового мышления. Советники каждого из вождей по отдельности давали более осторожные рекомендации. Собравшись в группу, они пришли к гораздо более рискованным выводам.

Результаты приведенного анализа указывают на важность понимания субъектами политики концептуальных оснований политической психологии и ее места в системе научного знания. Именно их понимание обеспечивает

правильное осознание того, что сущность человеческих действий вообще и политических в особенности никогда не обусловлена непосредственно внешними предметными обстоятельствами, но всегда детерминируется видением этих обстоятельств сквозь призму выработанных культурным опытом целеориентаций, ценностей, норм, актуализированных и эмоционально окрашенных ожиданий, образов и установок. Иначе говоря, человек всегда пристрастен в своем отношении к миру, и без учета данного факта ни одно социальное событие (складывающееся из совокупности целенаправленных человеческих действий) не может быть ни понято по существу, ни, тем более, предвосхищено или подвергнуто сознательному регулированию.

Хотя это методологическое обобщение, названное принципом единства деятельности и сознания, в теории уже никем не оспаривается, его очень часто игнорируют. Исследования по когнитивной психологии показали, что «наивный» субъект, не отягощенный опытом психологической рефлексии, склонен считать собственные восприятия и действия естественными, единственно разумными при данных обстоятельствах и замечает наличие «психики» у другого человека только тогда, когда тот реагирует на ситуацию необычно с точки зрения наблюдателя. Особенно часто такое происходит при контакте представителей различных культур, исторических эпох. Здесь существенное влияние оказывают не только внутренние, но и внешние детерминанты экономического, политического и непосредственно психологического характера.

Реальное соотношение экономических, политических и психологических факторов в развитии социально-политических процессов иллюстрирует классическое исследование американского психолога Дж. Девиса. Анализируя предпосылки революционных ситуаций в различных странах и в различные эпохи, Дж. Девис сопоставил две альтернативные версии, принадлежащие К. Марксу и его современнику, выдающемуся французскому историку А. де Токвилю. Согласно первой из них, революция происходит вследствие невыносимого обнищания народа. Автор второй версии указал на тот факт, что революциям всегда предшествует улучшение качества жизни (экономический рост, расширение политических свобод), которое влечет за собой опережающий рост потребностей.

Изыскания американского психолога показали, что по-своему правы и А. де Токвиль, и К. Маркс. Революционному кризису, действительно, обычно предшествует длительный период, на протяжении которого экономические и политические возможности последовательно возрастают, и эта положительная динамика сопровождается ростом ожиданий. Но рано или поздно на фоне продолжающихся по инерции расти ожиданий происходит относительный спад, вызванный объективными осложнениями: истощением ресурсов экстенсивного развития или неудачным ведением войны. Усиливающийся разрыв между ожиданиями и возможностями оценивается людьми, как катастрофа, ущемление их жизненных потребностей, элементарных прав и проч. Возникает состояние массовой фрустрации, неопределенной агрессивности, фиксирующейся затем на конкретных объектах. Дальнейший ход событий

зависит от прочности социальных институтов, ценностных ориентации, действий политических лидеров, умеющих либо своевременно применить меры, способствующие снижению агрессии, либо направить агрессию в нужное им русло.

Характерную причинно-следственную зависимость Дж. Девис представил в виде простого обобщающего графика, где 0 – условная точка начала отсчета, сплошная линия отражает динамику реального удовлетворения потребностей, пунктирная линия – динамику ожиданий, а точка x на шкале времени – момент, когда разрыв между ожиданиями и действительностью ощущается как невыносимый, характеризуется проявлением революционной ситуации (см. рис. 4).

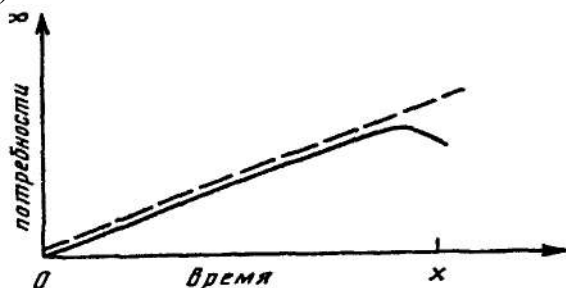

Рис. 4. Динамика удовлетворения потребностей и революционная ситуация

Исследование кризисных ситуаций демонстрирует, насколько значимость психологического контекста способна перекрывать значимость экономических и прочих «объективных» обстоятельств. Последние воспринимаются сквозь призму неудовлетворенных ожиданий. Фрустрация порождает аффективные состояния, которые усиливаются механизмом эмоционального резонанса (заражения) и, в свою очередь, упрощают образ мира, примитивизируют мышление и деятельность (аналогичная зависимость наблюдается психологами и в лабораторных экспериментах). Несвоевременный подвоз продуктов в магазины оценивается как «голод», попытки властей восстановить порядок на улицах – как невыносимые репрессии. Уплощенный, аффективно окрашенный образ ситуации ориентирует на поиск самых простых решений и энергичных лидеров, люди «обманываться рады» и охотно идут в сети более или менее добросовестных агитаторов.

При этом радикально уплощаются образы не только настоящего и будущего, но и прошлого. В обыденном сознании отчетливо проявляется феномен, названный ретроспективной аберрацией: воспоминания, окрашенные в мрачные тона актуальных настроений, рисуют прошлое как бесконечную череду тягот и унижений, т. е. в некотором смысле «с точностью до наоборот». Потом уже с неизбежным разочарованием приходит ностальгия. Но летописцы и историки, особенно ангажированные революцией, фиксируют преимущественно слухи, анекдоты и воспоминания в пике революционной активности, а отсюда – выводы об обнищании и репрессиях как причинах социального взрыва...

Изучение закономерностей, механизмов, специфических особенностей, условий и факторов политической активности субъектов политики

способствует не только совершенствованию психологического анализа ситуаций, но и приданию политической ситуации конструктивных измерений. Экспликативная (объяснительная) задача политической психологии дополняется прогностической, проективной, инструментальной и эдукативной (воспитательной) задачами. Это значит, что она помогает, во-первых, лучше понимать причины уже происшедших событий и извлекать из них необходимые уроки; во-вторых, прогнозировать грядущие события и оценивать их сравнительные вероятности; в-третьих, строить реалистические социальные проекты; в-четвертых, разрабатывать инструментарий для активного влияния на мышление и поведение людей; в-пятых, воспитывать у граждан способность и готовность к сознательному сопротивлению политическим манипуляциям.

В целом можно сделать вывод о том, что характер современной политики определяется многими детерминантами. Среди них выделяются не только узкополитические, но и более широкие. Многие из них действуют через взаимосвязи политики, психологии и морали. Это обязательно надо учитывать в политической практике. Политическая психология во многом призвана раскрыть природу политики, в том числе и влияние на нее проанализированных и других детерминант.

Таким образом, политическая психология как отрасль психологической науки и практики изучает и активно влияет на когнитивные и поведенческие аспекты психологии субъектов политики, все многообразие политических феноменов и процессов, происходящих в обществе, их механизмы и факторы, а также всемерно содействует достижению политических целей с учетом принятых в обществе моральных и правовых принципов и норм.

1.4. Время в политике, социально-политических и психологических процессах

Проблема временных горизонтов мироощущения, мышления и мотивации в циклических общественно-политических процессах

Время – специфическое явление жизни. Когда мы обращаем свой взгляд в будущее, то, с одной стороны, отлично понимаем, что в непосредственном его измерении каждой человеческой жизни, каждому делу, начинанию отмерен свой срок, который заведомо не может выйти за определенные, достаточно ясные пределы (хотя и может оказаться меньше их). С другой стороны, существует подсознательное ощущение неограниченных запасов времени, вечности и неостановимости его хода, подкрепляемое непосредственным жизненным опытом: каждый знает, что конкретный человек умирает, а жизнь продолжается, что и дает нам это своеобразное чувство беспредельности времени во Вселенной, еще более усиливаемое ее пространственной бесконечностью.

И все же, время – это единственный известный нам пока абсолютно невозполнимый ресурс: оно не может быть «растянуто», как человек растягивает иногда запасы других ресурсов, продовольствия, даже воздуха; его невозможно запасти впрок, создать его стратегические резервы (мы имеем в виду буквальный, а не переносный смысл этих понятий); им нельзя поделиться, взять сегодня у кого-то займы, а потом отдать долг; упущенное время уже

никогда и никак не может быть возвращено, могут быть только как-то компенсированы, наверстаны упущенные вместе с ним возможности.

Время также еще и ресурс, ничем не замещаемый. За исключением воды и воздуха, все другие потребные ему продукты человек может взаимозаменять в достаточно широких пределах, пусть и лишаясь при этом каких-либо удобств и удовольствий, но как минимум обеспечивая собственное выживание. Диапазон допустимых и доступных взаимозамещений в экономике, инфраструктуре, социальной сферах еще шире. Время невозможно заменить ничем другим в принципе. Невосполнимость и незаменимость времени делают его фактором особого значения в любых процессах общественной жизни, политики, психологии.

Речь идет о самых практических и повседневных вопросах. Именно время – краеугольный вопрос острейшей в современном мире проблемы реформирования, модернизации и развития.

Аналогичные по существу и по структуре оценки должны были бы вызывать любые текущие, долгосрочные и особенно крупномасштабные планы, замыслы, начинания, какой бы области деятельности они ни касались. Каков тот временной горизонт, в пределах которого возможно будет осуществить задуманное? Когда и каких именно результатов можно ожидать от данного начинания? В каких пределах существующими методами измерения и оценки могут быть рационально просчитаны возможные результаты, где кончаются возможности имеющегося инструментария анализа и насколько первое и второе совпадают или расходятся с предполагаемыми временными горизонтами плана, программы, начинаемого дела? Отрицательный или не удовлетворяющий кого-либо ответ на подобные вопросы отнюдь не требует отказа от соответствующих планов и программ, но сама их постановка позволяет полнее, реалистичнее оценить меру ожидаемых неопределенности и риска, лучше подготовиться ко всякого рода неожиданностям, снизить издержки.

Политико-психологические анализ (ППА) и прогноз обязаны учитывать реальное время как первостепенный фактор во всех фактически идущих общественно-политических процессах, равно как и во всевозможных разработках, особенно программного и сценарного характера. Если замышляемое политическое начинание предполагает использование процессов и явлений, которые по каким-либо причинам не «вписываются» в определенные политические сроки (например, в даты выборов, период полномочий и т. д.), то это означает как минимум заведомую политическую неудачу, отягощенную к тому же какими-либо социальными, экономическими, военными, иными последствиями негативного характера.

В необходимости такого учета времени – принципиальное отличие ППА от других конкретных социальных исследований, проводимых в рамках социологии, социальной психологии, прикладной политологии. Как правило, в этих науках только в опросах общественного мнения время учитывается как реальный параметр, и то в самом «бытовом» его аспекте: указываются начало и конец измеряемого процесса, причем оба рубежа обозначаются обычно чисто хронологически, просто датой, например, «эволюция позиций общественного

мнения по такому-то вопросу в период с... по...». Подобный подход никоим образом не является методологическим недостатком или слабостью названных дисциплин: для них он правомерен и достаточен, поскольку в центре их внимания до сих пор были по преимуществу определенные социальные взаимодействия, механизмы таких взаимодействий, их внутренние связи, т. е. явления как бы «вневременного» порядка. Принцип историзма в макросоциальных исследованиях, в изучении международных отношений и внешней политики тоже сводился, по существу, к возможно более строгому следованию хронологической последовательности и историческому контексту явлений и событий.

Но практический политик, как и аналитик, помогающий в осуществлении его замыслов, и тем более те, кто разрабатывает, планирует, прогнозирует ход не общих социально-политических тенденций, а конкретных политических начинаний, программ, карьер, не могут не задаваться вопросом: «сколько для этого понадобится времени?», имея в виду все рассматриваемые ими условия, факторы, процессы и цели. Попытки социальной инженерии, которые диктуются современностью и, несомненно, будут шириться по масштабам и спектру применения вопреки всем ныне переживаемым ими кризисам, также решающим образом связаны с теоретической и методологической способностью правильно оценить реально необходимые количества времени.

Не случайно вспышка интереса к проблемам исторического и социального времени произошла в нашей стране на рубеже смены тысячелетий новейшей истории, т. е. именно тогда, когда жизнь страны, общества, государства стала претерпевать глубокие изменения. Существенным результатом этой волны стали и постановка самой проблемы социального времени, притом одновременно на ряде научных направлений: в философии, социологии, политологии, в прикладных социальных исследованиях, на стыке социальных наук и информатики, и признание ее высокой научно-теоретической и практической значимости.

Постановка проблемы предполагает определение ключевых категорий и понятий. Не претендуя на философскую разработку вопроса, на основании сугубо эмпирического опыта отметим, что требование учета времени в реальных общественно-политических и психологических процессах неизбежно подводит исследователя к использованию трех взаимосвязанных категорий: время, процесс, пространство.

Время – это дистанция от предыдущего к последующему; от уже достигнутых состояний мира, общества, человека к состояниям новым, будущим, потенциально возможным, вероятным; от состояния в принципе открытых и доступных альтернатив к действительной, материализующейся из этих потенций новой реальности. Последовательное или параллельное осуществление подобных преобразований и есть ход времени.

Процесс есть объективное выражение хода времени, его материализация. Поскольку процесс материализует применительно к данному объекту и системе его внешних связей то, что раньше находилось лишь в сфере потенциального, постольку и сам процесс, и его результат непременно занимают некоторое

пространство. Отличительная особенность пространства, охватываемого любым процессом, заключается в том, что у него всегда есть (или, как минимум, могут быть заданы ему) вполне определенные пределы, сколь бы велики они ни были в абсолютном выражении. Всегда существует или может быть представлена какая-то граница, которая положит предел данному пространству (но не пространству как явлению), рассекает его, искривит, трансформирует, видоизменит. Если же такая граница почему-либо не возникает, то пространство может простирается сколь угодно далеко. Следовательно, пространство есть нечто, не имеющее предела в себе самом. Остановить, так или иначе ограничить пространство может только что-то извне.

Даже в тех случаях, когда справедливо утверждение, что за определенный период никаких изменений в наблюдаемом объекте исследования не произошло, продолжительность периода измеряется по какому-то иному, вне этого объекта происходящему движению. Такое движение от одного состояния к другому (где бы оно ни происходило, в чем бы ни выражалось, каким бы законам ни следовало, какие бы масштабы ни принимало, сколь бы продолжительным или кратковременным ни было), в ходе которого происходит смена состояний одного и того же объекта и/или системы взаимосвязей, в которую он включен, мы дальше будем называть процессом.

В политическом плане это означает, что какой-либо социальный, политический, иной общественный процесс, однажды возникнув, непременно будет развиваться до тех пор, пока либо не натолкнется на внешние по отношению к нему ограничения, либо не исчерпает питающие его источники. (Отложим ненадолго в уме последнее обстоятельство и вернемся к нему немного позже.) В широкий оборот сравнительно недавно вошло понятие «политическое пространство», употребляемое параллельно и по аналогии с близкими к нему интуитивно, по духу, «экономическим», «конституционным» и даже «спортивным» пространствами.

Для целей ППА-исследования подобные понятия – не более чем стилистические упражнения, пока

эти понятия не получили четкого аналитического определения. Политическим пространством мы будем называть сферу жизнедеятельности, фактически втянутую в реально идущие политические процессы. Слова «фактически» и «реально» указывают на то, что должны учитываться не только процессы, составляющие ткань официально признаваемой политики, но и все прочие, т. е. процессы, которые, независимо от официального и/или идеологического отношения к ним, подпадают под определение «политики».

Политическое пространство описывается совокупностью трех координат, каждая из которых поддается простому и объективному измерению. Первая координата – территория, охватываемая конкретным политическим процессом либо всей их совокупностью. Она может совпадать с политическими, административными границами или где-то расходиться с ними в любую сторону, но территория всегда конкретна. Вторая координата – социальные масштабы политического процесса, характеризуемые тем, какое количество людей, групп, классов, общественных и государственных институтов втянуты в

данный процесс и какова относительная социальная значимость его участников. Наконец, третья координата – когнитивные масштабы политического процесса, определяемые теми идеями, которые находятся в его обороте: какие конкретно идеи служат его основой, каков диапазон этих идей и какую часть они составляют количественно и качественно по отношению ко всем идеям, находящимся по данному вопросу в обороте общества и науки.

Последняя координата нуждается в некоторых пояснениях. Самый несложный контент-анализ неизменно показывает, что любой политический процесс строится обычно вокруг весьма ограниченного набора идей, который может быть идентифицирован полностью и четко. Духовное содержание и внутреннее политическое и психологическое богатство процесса определяются тем, как связаны конкретные идеи и их комплексы с теми или иными социальными, институциональными, личными интересами участников процесса; каков по каждой идее спектр спора «за – против»; на фоне каких эмоций разворачивается данный политический процесс. Но число идей неизменно оказывается достаточно ограниченным.

Для характеристики политического процесса и для оценки его перспектив, т. е. того, куда и как он может пойти, существенны не столько сами эти идеи (они, конечно, важны в содержательном отношении), сколько их соотношение с тем духовным багажом, который находится в активном запасе общества и науки. Здесь в принципе может складываться несколько качественно различных ситуаций:

- диапазон активно обсуждаемых обществом идей шире, чем тот, который активно задействован в политике. В таком случае общество может потащить за собой политику, выступив мощным модератором политического процесса. Однако воздействие общества может иметь как здоровый характер, так и прямо противоположный в зависимости от содержания, характера идей и эмоционального состояния общества (вспомним приход к власти Гитлера);

- диапазон идей в политике шире, чем в обществе. Такое положение может складываться либо в очень отсталом, необразованном обществе, либо в условиях, когда власть намеренно удерживает общество в стороне от политики, подвергает его идеологической промывке мозгов, информационной изоляции. Результатом чаще всего оказываются духовное вырождение самой власти и неспособность общества понять, оценить и поддержать смелые и нестандартные действия политиков, если такие действия имеют место;

- в современных условиях важным фактором в духовных отношениях между обществом и властью выступает востребованность науки как обществом, так и властью; и в случаях, когда наука востребуется, – мера ее собственной готовности к выполнению тех или иных задач и честности в признании (в необходимых случаях) отсутствия такой готовности. Общество и власть могут востребовать науку в разной степени – одни больше, другие меньше. Они могут востребовать разную науку: в одних сферах политического процесса упор может делаться на одни научные подходы и направления (например, естественнонаучные, что характерно для современной технократии), в других – на другие. Фактором общественно-политического значения и потенциально

огромной разрушительной силы стало соперничество в рамках одной и той же науки разных школ и подходов, всегда связанное с соперничеством личным. Наконец, в литературе давно уже отмечено и такое явление, как мода на научные подходы и направления, особенно расцветшая с появлением множества псевдонаук и околонаучного шарлатанства.

ППА процессов, идущих в современной России, должен проявлять особое внимание ко всем перечисленным факторам, которые играют в российской политике весьма существенную роль.

На политическом пространстве, измеренном через единство территории, социальных и когнитивных масштабов конкретных политических процессов, идет многообразная жизнь, все множество процессов которой укладывается в следующую классификацию:

- а) процессы линейные, равномерно-поступательные;
- б) процессы, имеющие волновой характер (с разными частотой и амплитудой колебаний, с волнами «правильных» и «неправильных» форм);
- в) процессы, имеющие четко выраженную стадийную природу (например, жизнь человека с ее качественно разными этапами: рождение–детство–юность–зрелость–старение–смерть);
- г) взрывные процессы, выражающиеся в практически мгновенном и на несколько порядков сразу ускорении хода процесса и расширении охватываемого им пространства.

В литературе, посвященной проблеме времени как явления, принято подразделять его на хронологическое (астрономическое) и ахроническое, т. е. не соответствующее хронологическому, не совпадающее с ним. Глубокая психологическая связь в человеческом сознании хронологического представления о времени и повседневного соприкосновения человека с равномерно-поступательными процессами самой разной природы очевидна. Хронологическое время идеально подходит для отображения, измерения продолжительности таких процессов, создавая одновременно в массовом сознании представление о времени как о чем-то самостоятельном: процессы как бы сами по себе, и время – само по себе, отдельно от них.

Самым первым соприкосновением человека с проблемой времени было, однако, его осознанное отношение к процессам волнового и стадийного характера, гораздо более распространенным в природе. Даже первобытный человек не мог не замечать смены дня и ночи, времен года, не соотносить как-то с этими сменами всей своей деятельности. Знал он и о том, что все живое: растения, звери, люди – проходит через специфические качественные этапы своей жизни. С психологической точки зрения, особенность волновых и стадийных процессов заключается в том, что они не нуждаются в специальной системе измерения времени, ибо сами служат его своеобразной шкалой; начало же перехода от одного этапа, фазы, стадии к последующим легко устанавливается по каким-то очевидным внешним признакам, не требующим ни самого понятия времени, ни какой-либо шкалы его оценки (по погоде, температуре, поведению растений и животных, по внешним признакам возмужания или старения человека). Когда же все-таки возникают

представления о хронологическом времени и какие-то методы его измерения, то они, во-первых, совместимы с картиной волновых и стадийных процессов; а во-вторых, позволяют измерять их внешнюю продолжительность, не задаваясь вопросами о внутреннем содержании самих процессов. Иными словами, и здесь время оказывается как бы само по себе, а процессы – сами по себе.

Подобные почерпнутые из повседневного опыта представления о времени остаются непоколебимыми и при соприкосновении человека с явлением взрывных процессов: внешне это как будто бы то же самое, только очень-очень быстрое, мгновенное. Между тем уже само наличие процесса указывает на его неразрывность со временем: процесс как смена состояний, как движение «от... к...» всегда имеет какую-то продолжительность, сколь бы мала или велика она ни была. Именно это обстоятельство и стало фиксировать сознание человека после открытия хронологического времени.

Но есть ли у времени какие-то пределы? Процесс без продолжительности, т. е. без времени, просто невозможен. Но возможно ли время без процесса, т. е. такое положение, когда время будет идти, а все процессы – стоять? Повседневное сознание, отделяющее время от события или процесса, превращающее время в нечто самостоятельное и автономное, склонно отвечать на подобный вопрос утвердительно. К любому по длительности отрезку времени всегда можно прибавить как минимум секунду (со знаком «плюс» или «минус»), продлив тем самым этот отрезок в будущее или прошлое, а затем повторять данную операцию сколь угодно много раз. Получается, что время беспрельдно. Больше того, и человек, и вся Вселенная могут куда-то «исчезнуть», а время будет продолжать идти... Явная несурзациа.

Указание на пределы времени дают, на наш взгляд, стадийные процессы. Время зримо идет вперед, пока продолжается какая-то жизнь: выходит на свет, растет, плодоносит растение; вырастает и приносит потомство животное; взрослеет, осваивает все новые умения человек. Но вот жизнь обрывается, ее носитель гибнет, и время для него останавливается, ибо он уже не существует как живой организм (мы не рассматриваем здесь теологическую концепцию о потусторонней жизни как пока ничем объективно не подтвержденную). Смерть индивида может наступить в результате внешнего воздействия, но она может произойти и по естественным причинам, от старости. Для нашего рассмотрения существен именно последний случай: смерть от старости означает, что исчерпаны внутренние ресурсы организма. Чем они определяются и сколь велики, для данного рассмотрения неважно; принципиально важно, однако, что даже если они и очень велики, то все равно конечны. Организм как бы несет в себе неизбежность собственной гибели. Он сам через свою природу, структуру, потенциальные возможности задает некий теоретически допустимый предел своей жизни, отведенного себе времени.

Для нужд ППА мы будем называть временем нечто, не имеющее предела вовне и заключающее этот предел только в себе самом. Процесс как последовательная смена состояний, как некоторая эволюция; время как внутренние пределы процесса, заложенные в природе его объекта и самого процесса; и пространство как охватываемая процессом территория и

одновременно как его внешние ограничения суть в совокупности три измерения, три оси координат всей сферы, в рамках которой существует и действует нечто, обладающее свойствами и способностями субъектности.

Процессы происходят и в несубъектном мире: складываются, а потом разрушаются горы, меняются очертания берегов, откладываются напластования геологических эпох, зажигаются и гаснут звезды. Но разительна несопоставимость во времени подобных процессов с процессами живой и особенно социальной жизни. Миллиарды лет занимает формирование физического облика известного нам мира. Столько же или дольше идет до нас свет давно погасших звезд. Многие миллионы лет существует на Земле жизнь. И только последние шесть тысяч лет составляют период более или менее известной нам социальной и духовной истории человечества. Если воспринимать эту картину в обычной хронологической системе отсчета времени, то возникает впечатление невероятного ускорения времени, причем столь огромного, что оно, вероятно, должно достаточно быстро завершиться какой-то катастрофой.

Но, видимо, такая система отсчета времени, как и все самые первые инструменты человека, еще достаточно груба и не отражает внутренней природы измеряемого явления. Время «возникает» и начинает «ускоряться» только тогда, когда человеческое сознание нагружает его некоторым смыслом и значением, когда человек осознает не только свою личную, но и свою родовую жизнь. Личная жизнь коротка, а в условиях повседневной борьбы за существование за отведенный отрезок времени не только чаще всего мало что можно сделать, но и сама жизнь, преисполненная тяжелым трудом, страданиями, муками, может показаться человеку бессмысленной и непосильной. Именно в таком состоянии духа мощнее всего заявляют о себе механизмы психологической компенсации, которые через идею вечной потусторонней жизни как бы уравнивают человека с Космосом по продолжительности существования. Но с постепенным развитием общественного сознания приходит и осознание людьми своей родовой жизни, т. е. как жизни, существования всего человечества, и уже на этом фоне возникает мысль, что человек уходит, а жизнь продолжается, невозможная прежде и примиряющая внутренне личность с краткостью пребывания человека на планете. На самом же деле с уходом каждого человека останавливается, перестает существовать то внутреннее время, которое было в нем заложено. Время абстрактное, хронологическое, бытовое продолжается лишь постольку, поскольку на Земле остаются другие люди. Но если когда-нибудь исчезнет последний человек, то время на Земле остановится, прекратится в самом прямом смысле слова. Оно будет просто исчерпано полностью.

Все эти философские рассуждения имеют самое непосредственное отношение к политико-психологическому анализу. ППА-исследования и особенно прогнозы обладают той удивительной особенностью, что во многих случаях философские абстракции оборачиваются в них самыми практическими вопросами теории и методологии исследования, обойти которые невозможно. В данном же случае восприятие времени теснейшим образом связано с

мироощущением человека, социальных групп и существенно влияет на особенности и саму структуру социальной мотивации.

Задача измерения времени исторически поставлена совсем недавно, подчинена техническим и организационным целям, поэтому наиболее удовлетворительно она решается в хронологическом понимании и отсчете времени. Но это – измерение времени как бы извне субъекта, а все большее число практических задач требуют способности измерения времени изнутри. Сколько может продолжаться какой-либо негативный общественно-политический или социально-экономический процесс, воздействовать на который в позитивном направлении человек пока не в состоянии, т. е. до тех пор, пока этот процесс не исчерпает своих внутренних пределов – отпущенного ему времени? Такой вопрос (в различном конкретном выражении) постоянно возникает на всех направлениях политики. Да и не только политики.

Хронологическое понимание времени стимулировало введение астрономической шкалы его отсчета: тысячелетия, века, десятилетия, годы, месяцы, недели, часы, минуты, секунды. Насыщая свою жизнь все большим количеством дел, возможностей, альтернатив, человек дробит время, придавая смысл даже самым коротким его отрезкам. Это и есть интенсификация жизни, все более вытесняющая из обихода такие распространенные раньше временные категории, как «долго», «всегда», «вечность», и сопровождающаяся весьма противоречивыми изменениями в психологии времени.

Наряду с какими-то единицами времени в сознании человека и общества всегда присутствуют и единицы территории. Ими могут быть какая-то конкретная местность (деревня, лес, болото, горная долина); территория более крупного масштаба, как-то оформленная социально, политически, административно (уезд, район, область, штат, провинция и т. д.); еще более крупная территориальная целостность (страна, регион, вся планета). Границы территорий политического пространства определяются одним или несколькими из следующих факторов:

- встречной силой, когда территориальная экспансия данного социума наталкивается на противодействие другого и в результате граница между ними устанавливается на базе баланса сил, через столкновение или без него;
- естественными препятствиями, которые слишком трудно, практически невозможно или попросту ненужно преодолевать;
- пределами возможных и необходимых коммуникаций, которые позволяют охватить определенное пространство стабильной сетью всевозможных связей и отношений.

Видимый историко-психологический парадокс заключается в том, что пространство, на котором человек осуществляет свою деятельность, в историческом масштабе времени в целом расширялось, а время в тех же рамках отсчета словно ускорялось, сжималось, становилось все насыщеннее. На первый взгляд, это означает, что различные формации, системы, общественные устройства сменяют друг друга со все большей (в историческом масштабе времени) быстротой. Но сколько может продолжаться такое ускорение, и чем оно завершится? Правомерно ли ожидать за каким-то рубежом резкий перелом

и существенное замедление темпов развития человечества, о чем давно уже пишут многие специалисты на Западе, и если правомерно, то сколь далек или близок может быть такой рубеж, и как, в частности, в свете подобных гипотез, должен выглядеть выбор стратегии развития для России?

Однако все изложенное справедливо только на первый взгляд, поскольку в таком толковании «ускорения общественно-исторического развития» не проводится разграничение между крайне сложной действительностью, для познания, описания и измерения которой инструментарий современной науки еще явно недостаточен, и прецедентным восприятием этой действительности сознанием, впервые сталкивающимся с подобными явлениями. Верным признаком прецедентного восприятия является реакция страха: как в России, так и во всем мире информационные и научные издания всех направлений полны катастрофическими сценариями всемирных и локальных катаклизмов, войн, конфликтов и т. п. Это означает, что сознание реагирует на новую для себя проблему пока еще в черно-белых тонах, не видя или будучи неспособным установить нюансы, тонкости, переходы.

На деле же историческое развитие, прогресс вовсе не имеет линейного характера (что уже очевидно) и не разворачивается по олимпийской системе «проигравший выбывает» (что пока еще менее очевидно). Ни одна из прошлых общественно-экономических формаций и политических систем не ушла из жизни человечества целиком и полностью, безвозвратно. В современном мире не так уж редки острова поистине первобытных отношений и образа жизни. И в наши дни отнюдь не редкость рабовладение в самом прямом и практическом смысле слова: сообщения о таких случаях во многих странах, включая США, не раз появлялись в печати; стали достоянием гласности и примеры рабовладения на территории бывшего СССР, в том числе в России. Кланово-феодалные отношения – тоже вполне современная и весьма распространенная реальность. По-видимому, с появлением чего-то принципиально нового в общественной жизни, экономическом укладе и т. д. старое не уходит полностью, а только отесняется в какие-то социальные ниши, сохраняясь там веками и тысячелетиями и обладая способностью не мигрировать в новые формы, а временами неожиданными всплесками как бы демонстрировать свою жизнестойкость.

Если такая гипотеза хотя бы отчасти верна, то линейно-хронологический взгляд на проблему социально-исторического развития как ускоряющуюся смену прежних общественных форм новыми должен быть пересмотрен в пользу представления о социально-экологической системе, которая по мере развития становится все сложнее внутренне, обнаруживает растущее число мутаций, перекрестных форм, аналоговых структур. При всей кажущейся философичности, такой взгляд на проблему дает во многом другую по сравнению с ныне распространенными картину внутреннего состояния России, фактической направленности ее эволюции, придает иную интерпретацию многим результатам полевых социологических исследований.

Одним из самых сложных в конкретных ППА-исследованиях является вопрос о том, как определять продолжительность того или иного

политического, социального и т. д. процесса: что считать его началом, а что – завершением. Эта проблема сродни дискуссиям, идущим сейчас на стыке медицины, нравственности и религии, о том, что считать рождением человека (момент зачатия; момент, когда плод в чреве матери подал первые признаки жизни; когда у него полностью сформировался мозг или же когда ребенок живым появился на свет), что – его смертью (смерть как прекращение деятельности головного мозга, как прекращение существования организма в качестве единого целого или же как прекращение жизнедеятельности всех без исключения его органов).

В социальной сфере еще более, чем в случае с отдельным человеком, появление каких-то внешних признаков процесса (или прекращения ранее шедшего процесса) означает, прежде всего, что уже на протяжении какого-то времени, иногда весьма долгого, складывались глубинные факторы и предпосылки видимой стороны общественной жизни. То, что обычно воспринимается, например, как публичное начало какой-то политической кампании, чаще всего при ближайшем рассмотрении оказывается одновременно завершением достаточно продолжительной подготовительной работы, которая в условиях современного мира и сложных общественных структур могла быть начата за несколько лет и даже за два-три десятилетия до видимых сдвигов или событий.

Определение начала и конца конкретного политического процесса зависит от инструментария, которым располагают политик и/или аналитик. Если этот инструментарий позволяет засечь и точно установить нечто скрытое от внешнего наблюдения, то соответственно и начало (конец) процесса тоже может быть определено. Если он сделать это не позволяет, то целесообразно выбрать какие-то четкие, измеримые параметры и ими условно обозначить начало и конец процесса. Например, за начало конфликта можно принять такой момент, когда в вооруженных стычках погибло определенное количество людей или когда впервые был применен определенный тип противоборства (открытые военные действия, а не, допустим, партизанская борьба или политический терроризм), вид вооружений и т. д. В этом случае существенно, чтобы начало и завершение процесса устанавливались на базе одних и тех же критериев.

В практических ППА-исследованиях длительных или одновременно многих процессов, особенно конфликтного характера, целесообразно использовать категорию модуля протяженности процесса, определяемого как средняя величина протяженности типового процесса данного класса от одной стадии этого процесса до другой либо от начала до конца процесса в целом (в зависимости от того, о процессе какой потенциальной протяженности идет речь). При комплексных исследованиях простое сравнение модулей протяженности соответствующих процессов позволит в предварительном порядке выявить критические точки во времени, когда вероятно множественное наложение эффектов одного процесса на другие или, напротив, максимальное расхождение различных фаз разных процессов относительно друг друга. Классификация социальных, экономических, политических процессов по их

модулям протяженности позволит легче прогнозировать повестку и возможные исходы избирательных кампаний, совпадение или рассогласованность процессов с теми или иными политическими границами (сроки полномочий, ожидаемые политические события, сдвиги и т. д.).

Подобные аналитические разработки и прогнозы теснейшим образом связаны с двумя политическими явлениями: дефицитом времени и стабильностью либо ее отсутствием. Дефицит времени имеет объективную сторону: он означает, что для достижения поставленных целей в намеченный срок недостает каких-то практических возможностей. Но в первооснове всякого дефицита времени непременно лежит его субъективная грань: возникновение такого дефицита означает, что либо цель и пути движения к ней изначально были намечены нереалистически, либо в процессе движения к цели были в чем-то допущены существенные отклонения или имело место то и другое сразу. В любом случае, предварительная оценка модулей протяженности ведущих к цели и препятствующих этому движению процессов позволит снизить риск возникновения дефицита времени.

Политическая стабильность (статическая или динамическая) также имеет объективную и субъективную стороны. Первая (объективная) заключается в том, что либо не происходит никаких или как минимум никаких нежелательных, негативных изменений (статическая стабильность), либо заранее предусмотренные изменения происходят так, как это и предполагалось, под контролем или как минимум под наблюдением соответствующих политических структур (динамическая стабильность). Вторая же (субъективная) сторона любой стабильности связана с психологическим восприятием происходящих событий и процессов.

Человек и политические структуры воспринимают ситуацию как нестабильную, а значит, и потенциально угрожающую, опасную в тех случаях, когда они не знают и/или не понимают, что именно происходит; не могут интерпретировать происходящее в привычных для себя понятиях и категориях; не располагают достаточным временем и/или возможностями для получения и истолкования необходимой информации; не контролируют или недостаточно влияют на происходящее. При этом сама ситуация может и не угрожать непосредственным интересам воспринимающего ее субъекта (если угрожает, то она воспринимается как еще более опасная, даже катастрофическая).

Другая психологическая грань заключается в том, что до сих пор весьма распространены представления, согласно которым стабильность рассматривается как полная неизменность, неподвижность. Более того, стабильности приписывается позитивная оценка – стабильность всегда хороша, какая бы она ни была; при всех условиях она должна приветствоваться, всячески охраняться и поддерживаться. Нестабильность же рассматривается и оценивается с прямо противоположных позиций.

Ясно, что на самом деле все гораздо сложнее. Стабильность, фактически означающая косность, застой, приверженность прежним формам жизни и недопущение нового, – верный путь к сложным социально-политическим испытаниям, что доказал в том числе и опыт СССР. В то же время, любые

перемены и любое развитие всегда, помимо прочего, несут с собой и нестабильность. Нестабильность – наиболее универсальная форма проявления развития и один из важнейших его источников. От человека зависит, перерастет та или иная конкретная нестабильность в конфликт, трагедию, стихию, иные социально опасные формы или станет контролируемой под влиянием воли, опыта, знаний, способностей людей.

Объективно стабильность – это:

- не статус-кво, а динамика всех и всяческих жизненных процессов, остановить которую не дано никому, причем динамика, не искажаемая экстремальностью внешних или внутренних условий жизни, особенно экстремальностью, искусственно создаваемой или вызываемой;

- предсказуемость наиболее существенных, принципиальных параметров и состояний системы, направлений и тенденций ее эволюции и развития;

- возможность рационально и эффективно реагировать как политически, так и практически на все перемены, которые рождает жизнь, и делать это своевременно.

Для того чтобы соблюдение всех перечисленных условий оказалось возможным, должна быть соответствующим образом подготовлена и когнитивная сфера политики. В психологическом смысле стабильность – это когда человек способен распоряжаться временем, а не время – человеком. Способность к такому распоряжению зависит, однако, не только от комплекса достаточно очевидных объективных обстоятельств (информированность, знание и понимание, наличие соответствующих практических средств, возможностей и т. п.), но и от психологии восприятия времени, присущей данной социальной и/или политической культуре либо какой-то ее части – элите, государственно-политическому руководству, классу, группе.

Ощущение времени – всегда и везде центральный вопрос любого восприятия мира и самоощущения субъекта: исторического, этноконфессионально-го, социально-культурного, индивидуального. Это ощущение формирует один из главных параметров психологии восприятия времени, а именно: рассматривается ли оно как ценность, и если да, то ценность какого рода – философско-религиозного или практического, повседневного.

Сознание прошлого, развитое по меркам своих эпох, приписывало времени определенную ценность. Но в философских и религиозных системах древности время не было еще никак структурировано, а представало некой сплошной протяженностью, чистой самостоятельной субстанцией. Его ценность заключалась в том, что оно давало возможность до предела, до бесконечности заполнить его углублением человека в самого себя или в познание сокровенного смысла мироздания; вознаграждало за праведную жизнь вечным покоем и блаженством или, напротив, карало за прегрешения вечными муками. Естественно, все это было возможно не в повседневности, заполненной суетным добыванием пропитания и к тому же конечной, а только в потустороннем мире.

Неверно было бы полагать, будто подобное ощущение времени не имело никаких практических последствий. Ориентируя человека на то, что главные и

наиболее значимые для него лично события, отрезки жизни произойдут когда-то потом, в неопределенном будущем и даже в загробном мире, такое ощущение времени предрасполагало человека к повышенной созерцательности, пассивности, к ощущению текущей жизни как безвременья, как некоего вынужденного ожидания этого главного потом – ожидания, которое надо просто перетерпеть. Иными словами, ориентация на жизнь потом существенно подрывает меру активности человека в текущей жизни – активности и личной, и социальной, – ослабляет силу мотивации, направляет ее содержание и структуру в русло иррационального, стимулирует индивидуальную и общественную пассивность. Исторические результаты этого можно видеть сегодня на уровне развития и в образе жизни тех народов, многовековые религиозные традиции которых отмечены печатью такого ощущения времени. Нечто подобное, хотя и на более коротком отрезке времени, продемонстрировала практика реального социализма в СССР: перспективы «прекрасного завтра» чем дальше, тем очевиднее выступали как фактор антимотивации по отношению и к отдельному человеку, и к обществу в целом.

Налицо очевидная диалектика последовательности взаимосвязей: чем ближе к повседневной жизни человека и общества личное и социальное ощущение времени, тем сильнее будет мотивация субъектов и их практическая активность, тем большим количеством прагматических дел будет заполнена их настоящая жизнь, тем большей внутренней организации и дисциплины она потребует, тем дробнее и практичнее будет становиться их восприятие, оценка, измерение времени, ибо реальное время не имеет ценности либо ценится низко только теми, кто привык мыслить и жить в категориях вечности.

Но и слишком приземленное, краткосрочное ощущение времени имеет свои серьезные недостатки, особенно в социальной и политической областях, а также в экономике. Не случайно в американской и другой западной литературе весьма распространены сетования насчет материальных и политических издержек, проистекающих от того, что руководящий персонал корпораций мыслит горизонтами квартальной рыночной конъюнктуры и прибыли, что политические и государственные деятели живут от выборов до выборов, подчиняя свои поступки соображениям ближайшей избирательной кампании. Россияне по собственному опыту знают, какие экологические, социальные и прочие издержки приносила практика выполнения планов любой ценой, особенно когда речь шла о годовых планах.

В любой системе экономических, политических, иных критериев и координат ориентация на получение краткосрочной отдачи заставляет уделять меньше внимания средне- и долгосрочным последствиям деятельности, в меньшей степени принимать их в расчет, а то и вовсе игнорировать. К тому же длительная практика ориентации на краткосрочные результаты, сиюминутные цели и задачи способствует селекции исполнителей и руководителей, мыслящих только тактическими категориями и органически неспособных видеть, тем более просчитывать стратегическую перспективу и ее варианты. (Аналитик, работающий в сфере ППА, должен иметь объективные критерии для оценки соответствующих способностей политического лидера,

государственного руководства, возможного претендента на выборную должность.) На социальном уровне такая ориентация общественной деятельности, если она выдерживается несколько десятилетий и более, приводит к появлению целых поколений людей, способных жить только собственными мелкими и суетными повседневными делами и заботами; вырабатывает соответствующую общественную мораль, этику взаимоотношений.

Таким образом, диалектика личного и социального ощущения времени и масштабов мышления индивида, группы, социума очевидна. Ощущение времени как сплошной и бесконечной протяженности побуждает думать в категориях «от начала до конца света», восприятие же вечности на уровне не философии, а повседневной психологии обесмысливает любую деятельность, толкает к пассивности и фатализму: какие человеческие дела и поступки могут иметь смысл на фоне вечности? Погруженность в текущее мгновение заполняет мысли мелким, конъюнктурным, сиюминутным, преходящим; мешает различать незначительное и существенное; окрашивает саму деятельность всеми признаками суетности, интеллектуальной и духовной узости мышления. То, что воспринимается современниками как крупномасштабное, историческое мышление и деятельность, при ближайшем рассмотрении оказывается оптимальной для своего времени глубиной взгляда в будущее: не слишком мелкой, близкой и потому не каждому доступной, но и не чрезмерно далекой, оторванной от сегодняшних реалий – и потому тоже не каждому доступной, ибо смотреть в вечность, в бесконечность не сложнее, чем в текущее мгновение.

Чем же определяется и как может оцениваться подобная оптимальность взгляда в будущее, когда мотивация, с одной стороны, вынуждена обращаться к духовному началу в человеке, тем самым возвышает и это начало, и общество в целом, вызывая в личности и социуме мощный духовный подъем; но, с другой стороны, все-таки не отрывается от реалий, не уносит мысли и надежды в сферу иллюзий, фантазий, утопий и не обрекает тем самым энтузиазм людей, их усилия на неудачи и разочарования, а подъем их внутренней энергии и мотивации – на неизбежные в конце концов спад, апатию, пессимизм?

До сих пор подобные взлеты духа происходили в истории исключительно стихийно и заранее не предвиделись. Конечно, было бы самонадеянностью ставить задачу прогнозирования таких подъемов; попытки же вызывать их искусственно могут быть связаны не только с неизбежной неудачей, но и с крайне отрицательными и весьма долговременными психологическими и моральными последствиями. Однако политический психолог должен иметь возможность хотя бы прогнозировать вероятность наступления и возможную продолжительность периодов массовой социальной апатии, безволия, пессимизма, мотивационной импотенции.

В качестве аналитического инструмента и критерия, позволяющего принципиально разграничивать сферу, в которой в разной степени действует конкретная мотивация конкретных живых людей, и сферу, за границами которой такая мотивация не имеет и не может иметь места, целесообразно

избрать абсолютный модуль продолжительности. Мы определяем его как равный 30 годам. Модуль соответствует принятой в демографии продолжительности активной жизни человека, или средней границе смены поколений. Все, что лежит в пределах данного срока, хотя бы в принципе может так или иначе, сильнее или слабее влиять на мотивацию человека и тем самым на его поведение (в том числе политическое), поскольку ожидаемые результаты тех или иных начинаний, действий, «капиталовложений» наступят еще в период его активной жизни и будут чем-то значимы для этого человека. Соответственно, и все общественные процессы, крупномасштабные социальные начинания, отдача от которых наступит в пределах абсолютного модуля продолжительности, во-первых, являются объективно значимыми для человека, а во-вторых, в принципе побуждают его к рациональному мышлению и поведению.

Все, что выходит за пределы такого срока, уже менее прочно связано или не связано вообще с реальной жизнью данного человека и поколения: они просто не успеют ни воспользоваться ожидаемыми положительными результатами какой-то деятельности, ни ощутить непосредственно на себе ее возможные отрицательные, пагубные последствия. Поэтому во всех планах, начинаниях и процессах, длительность которых до наступления значимых результатов превышает абсолютный модуль продолжительности, мотивация людей претерпевает существенные изменения в целом в нездоровую сторону. В негативной части («не поступай плохо») резко снижается чувство ответственности, объективно облегчается принятие рискованных, недопустимых и откровенно преступных решений, поскольку аргументы об опасности таких решений оказываются ослабленными интеллектуально и эмоционально – ведь, с одной стороны, до очевидного проявления последствий еще крайне далеко и есть широкое поле для добросовестных заблуждений, искренних споров и всевозможных корыстных спекуляций, манипулирования информацией; а с другой – и ответственность за последствия таких решений тем, кто их принимает, заведомо нести не придется. В позитивной же части мотивации («поступай хорошо») существенно возрастает стремление облагодетельствовать не себя, а других: от собственных детей до грядущих поколений.

Применительно к детям такая мотивация может иметь рациональный и прагматический характер (например, основать и развить дело, наследниками и продолжателями которого, равно как и бенефициантами, станут дети; построить для них дом, дачу, приобрести недвижимость и т. п.), хотя может и не иметь его (навязывание детям определенного образа жизни, рода занятий, образования и т. д.). Применительно же к широким массам и целым поколениям подобная мотивация с высокой долей вероятности и риска способна приводить к различным вариантам фанатизма: религиозного, идеологического, социального, национального, политического и т. д., и основанного на нем поведения. На таком общем фоне благом и оптимумом выглядит отсутствие, утрата какой бы то ни было личной и/или социальной мотивации в связи с процессами и явлениями, длительность которых

превышает абсолютный модуль продолжительности. Значит, в интересах здоровых жизни и развития социума политика не должна искушать человека. Ответственная и нравственная политика обязана крайне осторожно подходить к выдвижению и отстаиванию начинаний, ожидаемая отдача которых выходит за пределы величины абсолютного модуля.

30-летний модуль продолжительности назван нами абсолютным потому, что время существования сложных социальных субъектов (ССС) может во много раз превышать продолжительность активной жизни поколения людей. Оно может оказаться и меньше этой продолжительности. Для выведения какого-либо аналогичного модуля продолжительности, но приложимого только и исключительно к СССР, в настоящее время не просматривается ни критериев, ни оснований; и теоретически сомнительно, что такой модуль мог бы существовать вообще. В то же время внутри любого СССР действуют люди, к которым приложимо все изложенное выше. Сам СССР с его внутренней структурой выступает по отношению к этим людям как один из тех жизненных процессов, в которые они фактически включены. Следовательно, все изложенное относительно взаимосвязи продолжительности процессов с мотивацией человека справедливо и применительно к отношениям личности с тем СССР, внутри которого она действует и/или живет.

В обыденном массовом сознании используются две шкалы отсчета времени: «вчера–сегодня–завтра» и «прошлое–настоящее–будущее». При явной и значительной модальности указанных шкал между ними есть и глубокое психологическое различие.

«Вчера–сегодня–завтра» предполагает высокую повторяемость повседневного жизненного опыта. Это

значит, что существует как минимум принципиальная (а чаще всего и практическая) возможность сопоставить опыт разных дней, сделать из такого сравнения какие-то выводы, если необходимо, то повторить какие-то попытки снова и снова, внести в свое поведение те или иные коррективы и т. д. Здесь человек в максимально возможной для него степени распоряжается своим временем.

На шкале «прошлое–настоящее–будущее» подобной власти над собственным временем у человека нет. Но шкала «прошлое–настоящее–будущее» может прилагаться к описанию, пониманию, оценке явлений, событий и процессов в пределах абсолютного модуля продолжительности; в пределах одной реальной человеческой жизни в целом либо выходить за эти пределы. В любом случае, повседневный жизненный опыт, приобретаемый и оцениваемый по шкале «вчера–сегодня–завтра», на уровне «прошлое–настоящее–будущее» отливается уже в представления человека о некой собственной жизненной программе, а также о том, как его программа выполняется: чего хочет добиться человек, к каким целям он стремится, насколько ему это удастся на данном отрезке жизни и в целом и т. д.

В пределах абсолютного модуля продолжительности человек еще в принципе может, при желании или необходимости, в большей или меньшей степени скорректировать и даже изменить как содержание своей жизненной

программы, так и направленность, темпы, средства ее осуществления. Но возможности подобных корректировок не беспредельны, их отдача проблематична. Поэтому крайне существенно учитывать, когда и как формируется жизненная программа человека, насколько она осознана, как человек оценивает итоги прожитой жизни на завершающих ее этапах.

Фактически жизненная программа формируется у ребенка и подростка под влиянием их непосредственного окружения, микро- и макросоциальной среды, культуры, в которых они живут, и происходит это в основном неосознанно. Процессы воспитания, социализации, формирования личности подробно описаны и исследованы в психологии. Для целей ППА-исследования существенно, что человек вступает в активную социальную и политическую жизнь, уже обладая некоей жизненной программой (хотя он может этого и не осознавать). Его отношение ко всему происходящему, в том числе к политике, политическим институтам и деятелям, к обществу в целом складывается в дальнейшем под влиянием того, насколько удастся или не удастся ему осуществить свою жизненную программу, и если не удастся, то в чем он усматривает причины постигающих его неудач. Так складываются на практике политико-поведенческие группы – реформаторы, консерваторы, реакция, экстремисты.

Оценка итогов прожитой жизни существенна не только для данного человека, но и для социума в целом: ведь это оценка не только и не столько личности, сколько всего накопленного за определенное время социального опыта, его качества, смысла и значения. От такой оценки можно просто уйти, но тогда итогом станет историческое беспамятство, забвение уже имеющегося опыта, а значит, содержательная и духовная узость сознания вновь формирующихся поколений, их обреченность на то, чтобы просто механически повторить опыт, который уже когда-то был получен и от уроков которого в принципе можно было бы идти дальше духовно, интеллектуально, практически.

От оценки итогов прожитой жизни самим человеком (речь пока только об этом: в интересах понимания сути проблемы мы упрощаем ситуацию и игнорируем тот факт, что на практике различные люди и силы всегда как-то манипулируют подобными оценками в собственных интересах и целях) этот человек может и не уходить. Тогда у него есть три принципиальных выбора: а) признать итоги своей жизни в целом неудачными, возложив ответственность за это либо на себя (что требует огромной внутренней силы), либо на других, в частном случае – на общество; б) сделать вывод, что жизнь удалась и соответственно заключить, возможно, что жить надо так и только так, а не иначе, то есть абсолютизировать в какой-то степени свой опыт, подходы, рецепты; в) по мере возможностей разобраться, что удалось, а что нет, почему, и постараться подвести взвешенные итоги. Какова бы ни была итоговая оценка (в социуме же всегда существует некоторая совокупность таких оценок) по ее содержанию, объективности и т. д., она всегда влияет и на текущее эмоциональное состояние личности, ее окружения и социума, и на формирование у молодежи представлений о собственной жизненной

программе. Психологическое и политическое значение этого явления переоценить невозможно.

На социальном уровне, однако, совокупность индивидуальных оценок может расходиться с оценками официальными, даваемыми как из политических, идеологических, пропагандистских соображений, так и с максимально доступной объективностью. Субъективный опыт людей, особенно одного поколения, никогда не тождествен ни субъективному опыту всего общества или его части, ни тем более объективной оценке этого опыта. Так, ветеран войны, отлично сознавая, какой трагедией была война для страны в целом, тем не менее, может считать, что у него в жизни это были лучшие годы: он бил врага, приближал своими действиями победу, видел смысл своих усилий, раскрыл в себе самом какие-то качества, способности; наконец, просто был тогда молод, – и будет абсолютно прав в оценке собственной жизни, собственного опыта. Если субъективная оценка своего прошлого миллионами людей расходится с официальной, то такая ситуация может иметь не столько текущие политические последствия, сколько непредсказуемый эффект на формирование взглядов, представлений, морали, шаблонов поведения у только еще вступающих в активную жизнь поколений. Собственно, во многом именно по этому каналу и происходит духовное и психологическое развитие социума, складываются сдвиги в фактической этике и нравственности, психическом складе, что потом имеет (наряду с прочими) и свои политические последствия.

Но если ребенок и подросток видят свою жизненную программу в жизни взрослых и ее результатах (неважно, готовы они воспринять опыт взрослых или стремятся отрицать его), то общество в целом пока еще ни разу за всю известную нам историю не видело перед собой того, что можно было бы назвать жизненной программой социума. Только XX век, в условиях достаточно развитых массовых коммуникаций, дал первые, пока еще единичные и очень специфические, примеры того, как на глазах современников кристаллизовались, складывались, достигали некоторого «пика», а потом рушились отдельные социально-территориальные системы, уступая место преемникам.

Однако современное сознание интересуется то, откуда и куда идет общество в целом, каким закономерностям подвержено его движение, какие обязательные стадии, этапы оно включает, есть ли у этого движения какой-то «конец». Современное общество просто нуждается в таких оценках, чтобы иметь набор критериев для осуществления многих сложных, дорогостоящих и сверхдолговременных проектов – от освоения космоса до развития неосвоенных пока территорий, сфер деятельности: крайних Севера и Юга, Мирового океана, экваториальных зон. Эти вопросы имеют колоссальное идеологическое, политическое, практическое значение.

Исторически общество конструировало свою жизненную программу на неопределенное, но всегда вечное будущее средствами религий и идеологий, искусства и механизмов психологической компенсации. Каждое из этих направлений выполняло свои специфические задачи и функции, и каждое из них не могло и не может заменить собой другие.

Сознательная деятельность, в отличие от инстинктивной, предполагает наличие некоторого знания. Знание достигается тем, что формулируется (в вербальной или невербальной, поведенческой форме) вопрос и на него ищется ответ. Вопрос формулируется тогда, когда в процессе своей деятельности человек и/или социум сталкиваются с проблемой, для решения которой прежние навыки, знания, шаблоны поведения оказываются недостаточны. Особенность вопроса как продукта сознания состоит в том, что когда он сформулирован, в нем всегда заключен и какой-то гипотетический ответ; если такого ответа нет, то нет и вопроса, а есть лишь недоумение, растерянность, удивление, характеризующие состояние поиска.

Смысл и значение гипотетического ответа не в том, правилен он или нет, а в том, чтобы подтолкнуть человека к каким-либо действиям. Обладающий сознанием субъект способен действовать только при условии, что он ощущает субъективную правоту, правомерность своих поступков. Гипотетический ответ создает иллюзию правомерности, эрзац-правоту там, где, как отлично понимает субъект, у него есть все основания для сомнений, и тем самым открывает для субъекта возможность начать действовать. Получаемый затем опыт накапливается, истолковывается и трансформируется в знание (или в то, что добросовестно принимается за знание). Такова последовательность внутренней «технологии сознания» во времени, даже если субъект всего этого не осознает, а сама последовательность осуществляется весьма быстро.

Однако вопросы, поставленные осознанно или имплицитные в действиях субъекта, сильно различаются по тем горизонтам опыта, который необходим для получения максимально объективного, научно достоверного ответа на них, и следовательно, по горизонтам времени, потенциально необходимого для обретения такого опыта при тех средствах и возможностях, которыми располагают человек и общество в целом. Чтобы узнать, какая завтра будет погода, достаточно просто потерпеть несколько часов. Выяснить, взойдут ли семена, можно, лишь посеяв их и прождав несколько дней или недель. На какие-то вопросы ответы можно получить только через годы, на другие – через века, на третьи – через тысячелетия. Если человек знает еще предельно мало, то его вопросы очень широки, общи, научно некорректны, а средства и возможности – примитивны.

Но жить и действовать надо сегодня, а не через сто или тысячу лет. И тогда гипотеза, облаченная в форму вопроса-ответа, изложенная как религиозный, идеологический, нравственный императив, вынужденно занимает место знания и открывает личности и обществу путь к сознательной деятельности, к возможности накапливать и осмысливать опыт. Вот почему любая религия и идеология в историческом плане заслуживают серьезного и уважительного интереса исследователя: без заблуждений не было бы ни сознания, ни знаний. Естественно, однако, что на этом пути человека ждет масса неудач и разочарований и что сам по себе факт таких неудач и таких разочарований никак или очень слабо приближает те временные горизонты, у которых, наконец, может быть получен искомый ответ.

Вынести все неизбежные на этом пути лишения, страдания, потери и испытания человеку и социуму помогают хорошо описанные в психологии механизмы компенсации – как индивидуальные, так и социально-психологические. Когда индивид утешает себя, объясняя себе и другим, почему он потерпел какую-то неудачу («а я на самом деле и не хотел этого добиться», «виноват такой-то», «помешало то-то или другое»), окружающие обычно не придают его словам слишком большого, буквального значения: всем понятно, что человек переживает и нуждается в сохранении лица, утешении и успокоении. Никто или почти никто не спорит, умные и чуткие люди делают в таких случаях вид, будто поверили объяснениям и согласились с ними. А кто-то и в самом деле верит.

На уровне общественной психологии механизмы компенсации модальны индивидуально-психологическим, но духовные продукты их функционирования часто ждет иная судьба, чем та, что обычно уготована самооправданиям личности. Основа их жизнеспособности заключается в том, что, порождая псевдознание, люди все же открывают общественному сознанию возможность действовать на тех направлениях, где оно иначе было бы парализовано, – пусть даже действовать с неизбежностью в конечном счете ошибок, потерь и разочарований.

Это обстоятельство еще только начинает осознаваться психологами и обществоведами. Религиозно-философские, социально-исторические, иные общественные учения и концепции предстоит исследовать в плане их духовного происхождения: что в их содержании продиктовано объективным опытом и его прочтением с позиций представлений и возможностей определенного времени, а что вызвано к жизни потребностями социума или его определенного слоя в общественно-психологической компенсации. В таких исследованиях политико-психологическому анализу может принадлежать немалая роль, особенно применительно к современности: ведь все описанные процессы имеют объективную природу и потому продолжают поныне. Вопросы о том, что принимает общество за свою жизненную программу, какая часть, какого опыта, каких других обществ и почему воспринимается при этом как модель, что в данном опыте объективно, а что порождено различными психокомпенсаторными процессами, предельно актуальны для политико-психологического анализа и могут быть решены только при использовании им четких критериев времени.

В принципе человек и общество могут жить без такого понятия, как время. Но после того, как оно возникло и осознано, стало частью не только содержания сознания, но и самой его структуры, социальная ориентация личности и социума в «сегодня» обязательно требует и каких-то представлений о «вчера» и «завтра». Это диктуется самой природой осознанного движения к любой цели. Коль скоро есть цель и некоторый набор ведущих к ней путей, то не только неизбежны, но и абсолютно необходимы вопросы, где и когда находится субъект на этом пути в данный момент. И чем больше разрыв во времени между постановкой цели, началом движения к ней и сроками ее

ожидаемого достижения, тем актуальнее практически и сами вопросы, и особенно ответы на них.

Необходимо отметить и другое. По мере накопления осознанной, фиксируемой истории «вчера» все дальше удаляется от нас в прошлое, как бы раздвигая его горизонты. Но опыт, возможности, масштабы деятельности человека и человечества все более раздвигают и горизонты будущего: как того, что человек охватывает только сознанием (в науке, искусстве, мечтах, фантазиях), так и того, что он охватывает практически, т. е. прогнозирует, планирует, закладывает в расчеты. В совокупности все это означает, что, с одной стороны, абсолютные запасы достоверного опыта, надежной информации, проверенных знаний, образования и культуры в целом непрерывно растут, и в этом смысле человек «знает» все больше и больше. Но, с другой стороны, расширяя сферу своего мышления и деятельности, человек тем самым постоянно раздвигает и границу своего соприкосновения с неизвестным, новым, непонятым, непознанным. Наивны технократические представления, будто неизвестное сегодня станет известным завтра, и тогда окончательно отступят, уйдут в прошлое те психологические и общественно-психологические порождения разума, которые так часто подводили человека в прошлом. С новыми знаниями неизбежно приходит и новое незнание, и потому все описанные механизмы сознания будут действовать и впредь (иное дело, какими будут духовные результаты их функционирования). Понимание этих механизмов абсолютно необходимо и для самопознания, и для более надежного анализа, планирования и прогнозирования сфер идеологии и политики.

Для ППА актуально и такое направление исследований, как изучение рациональности использования времени и прогноз политических и социальных издержек и проблем, которые могут возникать при игнорировании обществом или политическими структурами такого ресурса, как время. Пока время чаще всего воспринимается сугубо утилитарно: как выигрыш времени, как некое тактическое и/или стратегическое преимущество в отношениях политики и власти. опередить оппонента, конкурента, противника – вот непосредственный смысл такого понимания времени как ресурса в политике. Естественно, что ресурс этот имеет важнейшее, чаще всего первостепенное значение. Но он же и наиболее очевиден, «на виду», поддается анализу и оценке без особых научных ухищрений, просто на уровне здравого смысла.

Интенсификация общественной жизни, в том числе политики, связана с долговременным аспектом времени как ресурса. Каждому обществу, каждой СТС отпущен на один и тот же период строго определенный запас времени (ЗВ), который может быть растрочен попусту, но не может быть легко и быстро увеличен. В расчете на хронологический год этот запас определяется по простой формуле:

$$\text{ЗВ} = 24 \text{ часа} \times 365 \text{ дней} \times \text{численность работоспособного населения}$$

Манипулируя распределением времени между сном, бытом и работой, можно относительно увеличить объемы времени, выделяемые, например, на хозяйственную или какую-то иную деятельность. Однако пределы такого манипулирования, особенно в длительной перспективе, невелики. При прочих

равных условиях большим запасом времени обладает та СТС, в которой выше численность работоспособной части населения.

Увеличить потенциал времени, т. е. ту часть общего запаса времени, которая реально может быть израсходована на общественно-созидательные виды деятельности, можно иммиграцией (что не всегда возможно практически), естественным приростом населения (что требует значительного времени) или более интенсивным и эффективным использованием фактически отпущенного времени.

Если исходить из 8-часового рабочего дня, двухсот рабочих дней в году и 90 миллионов занятых в национальной экономике, то годовой запас рабочего времени России составляет порядка 144 триллионов человеко-часов. Неорганизованность в социальной практике может опустить его потенциал до 100 триллионов, максимальная мобилизация за счет сокращения числа выходных, отпусков, продления рабочего дня – поднять до 200–250 триллионов. Вот временной разрыв, доступный для развития России, и любые стратегические планы должны бы начинаться с этих цифр и показывать их наиболее рациональное предполагаемое использование. Тогда потребовалось бы введение понятия времеемкости не только производственных процессов и технологий, но и всех процессов государственного, организационного, управленческого характера, всех технологий общественной жизни.

Конкретный ППА должен непременно учитывать синхронность и асинхронность различных процессов и явлений, существенных для общественной и политической жизни. Опираясь на прогнозы циклических колебаний экономики, развития отдельных стадийных процессов, ППА рассматривает последствия подобных явлений не только с точки зрения того, как отреагируют люди на объективные и субъективные жизненные условия, насколько оправдаются или будут обмануты их изначальные ожидания, какие политические последствия все это сможет иметь, но и с точки зрения того, с какими представлениями, в каком эмоциональном состоянии подойдут определенные социальные слои и группы к таким критическим рубежам, как скажется на них явление своеобразного социального резонанса, если «пиковые» моменты и последствия различных процессов наложатся друг на друга.

Так, существенное ухудшение экономического положения теоретически должно вызывать приливы социального недовольства. Но эти приливы бывают максимальными, если такое ухудшение наступает внезапно, и несколько менее сильными, если оно заблаговременно прогнозировалось. План борьбы с ухудшением можно начинать лихорадочно искать, когда оно уже наступило, и тогда любые действия будут восприниматься с недоверием и полупаникой: людей уже «завели» в прискорбное состояние, почему же они должны верить, что те же люди и/или структуры выведут их к лучшему? Но стратегия борьбы может быть намечена заблаговременно, и в таком случае даже наступление заранее предсказанного ухудшения в экономике может укрепить доверие к власти и к намечаемым мерам по преодолению спада: если ухудшение наступает «по плану», значит, прогноз верен, а следовательно, высока и вероятность того, что стратегия выхода из кризиса тоже окажется эффективной.

Именно поэтому сами по себе общее психологическое состояние общества и динамика этого состояния являются одним из важнейших факторов социальной и политической мотивации.

1.5. Модельное представление о генезисе и функционировании социально-политических общностей как социально-территориальных систем

Территория и Оазисные способы существования и деятельности как различных типов систем

В массовом сознании, общественных науках сложилась традиция, согласно которой политическая жизнь во всех наиболее значимых ее компонентах прямо и непосредственно связывается с государством. Причины формирования этой традиции естественны и понятны. В жизни общества государство играет огромную, иногда всеподавляющую роль, а политическая жизнь прямо и косвенно выстраивается вокруг борьбы за контроль над государственными институтами, государством в целом или, как минимум, за влияние на них. Государство остается главным субъектом в такой специфической области политики, как международные отношения. Нет оснований полагать, что в обозримом будущем государство и политика окажутся «разведенными».

Тем не менее, рубеж XX–XXI веков стал временем широкого распространения таких форм и процессов политической жизни, которые объективно меняют роль и место государства в политике – не уменьшают, не увеличивают, а именно изменяют, причем таким образом, что политика постепенно становится гораздо богаче, многограннее и содержательнее, нежели только схватки за обладание государственной властью. Более того, власть уже сегодня оказывается недостаточно эффективной, действенной в решении все большего числа вопросов и потому становится менее привлекательной или даже вовсе непривлекательной для растущего числа социально-политических сил, что не только не снижает, но часто повышает их роль и влияние в обществе. Приведем несколько конкретных примеров.

Во многих странах получили широкое распространение общественные движения локального, национального, а в ряде случаев интернационального характера, ставящие своей целью и задачей влияние не на государство или не только на государство и его политику.

Традиционные место и роль государства в политике размываются, усложняются также другими явлениями и процессами. Во внутренней сфере к ним относятся все виды сепаратизма, регионализма, кон-федерализма, или, иными словами, проявления отчетливо выраженной социально-исторической потребности в действенных инструментах и механизмах регулирования общественных процессов на «среднем» по отношению к государству и обществу уровне. Эти явления сильнее всего дают себя знать там, где такие механизмы не созданы или пока не отлажены (подобное мы наблюдаем в современной России). Но от такого рода проблем не свободны и страны с развитыми федеративными системами, такие, как США и ФРГ, хотя там содержание проблем, естественно, иное. В международной сфере государство тоже давно не является единственным субъектом отношений: на протяжении

многих десятилетий здесь действуют региональные группировки и интеграции, международные правительственные и неправительственные организации, транснациональные и многонациональные корпорации, интернациональные общественные движения.

Таким образом, оставаясь центральным звеном внутренней и международной политической жизни, проблема «государство и политика» все менее исчерпывает собой политическую жизнь и все более очевидно трансформируется в крайне важный, хотя и частный, случай как самой политики, так и любых ее исследований. Отсюда с неизбежностью следует вывод: общая теория политики, когда она будет создана, должна будет охватывать своими объяснительными способностями все сферы и направления политической жизни, а прикладные дисциплины уже сегодня должны быть в состоянии связывать между собой эти сферы и направления моделями, методами исследований и практическими рекомендациями.

Политическая жизнь осуществляется внутри некоторой социальной системы или в отношениях между такими системами. Социальная же система вырастает и эволюционирует на трех базовых параметрах: на определенных жизненных функциях, посредством которых живет соответствующая человеческая общность; территории, на которой эти функции осуществляются; организационных структурах, обеспечивающих выполнение необходимых жизненных функций на данной территории и при данной совокупности населения. В основе деятельности социума лежит необходимость воспроизводства его существования, жизни. Деятельность неизбежно привязана к определенному времени и пространству, а значит, и сама организация социума для такой деятельности, и формы, структуры этой организации также связаны с данной территорией и ее особенностями.

Вплоть до самого недавнего времени во всем мире сложные отношения между социумами, их жизненными функциями, территориями обитания и формами общественной организации, в том числе организации политической, складывались и развивались стихийно. Результатом этих процессов стали политическая, демографическая, этноконфессиональная, индустриальная карты современного мира.

ППА исследует все без исключения формы и проявления политической жизни, поэтому он не может ограничиваться только теми из них, которые прямо или косвенно связаны с государством, борьбой за контроль над его институтами или влияние на них. Но ППА не может абстрагироваться и от таких факторов, как жизненные функции, на которых строится здание политики; территория, на которой она осуществляется; политическая и общественная организация социума, – а все это вместе взятое и составляет содержание категории «социально-территориальная система» (СТС).

Для целей политико-психологического анализа социально-территориальную систему можно определить как в целом стабильный по этноконфессиональным и другим (исторического масштаба времени) признакам социум, определенным образом организованный (стихийно или преднамеренно) для длительной самостоятельной жизнедеятельности,

поддержания своего существования как целостного социального организма и/или развития на данной территории.

Выделим важнейшие качественные характеристики этого определения. Одной из таких характеристик является исторический масштаб времени, что в современных условиях означает как минимум несколько десятилетий или продолжительность активной жизни и деятельности хотя бы двух поколений людей. Другая характеристика относительно высокая – на протяжении данного времени, по его масштабам и критериям – стабильность национального, религиозного, культурного основания или стержня данного социума. Какая-либо эволюция национального, конфессионального, социального состава населения неизбежна. Но базовые характеристики, позволяющие называть данную страну или регион, например, православным или мусульманским, российским или каким-то иным и т. д., должны оставаться неизменными или в целом неизменными. Самостоятельность существования данного социума предполагает не хозяйственную или иную изолированность его от мира – такая изоляция может быть, но может и отсутствовать, – а его существование как единого целого на протяжении оговоренных выше сроков, пусть даже какую-то часть своей истории данный социум находился на положении чьей-то колонии, протектората, области и т. п.

Рассмотрим подробнее, как влияют на социум и, следовательно, на все его культурные, психологические, политические особенности те взаимосвязи, которые объективно складываются между территорией, способами существования социума на ней и организационными структурами этого социума. Наука насчитывает несколько типов таких взаимосвязей.

Европейская социально-историческая и политическая традиция связывает общество и территорию, на которой это общество живет, в единый комплекс через институт национального государства. Собственно говоря, государство является первым типом взаимосвязи социума и территории. Европейское государство, как правило, имело либо мононациональный и/или моноконфессиональный состав населения или такой, где безусловно доминировали определенная национальность и вероисповедание. Здесь имело место общество с оседлым образом жизни, постоянной территорией, государство с четко определенными внешними границами и внутренним административным делением. Этот тип государственной организации распространен ныне не только в Европе и стал в общественном сознании многих стран и народов своего рода эталоном устройства «отношений» между обществом и территорией. Но он – не единственный из потенциально возможных и фактически существующих типов таких взаимосвязей.

Наиболее близкая к данному типу государственной организации ее разновидность – государство многонациональное – распространена преимущественно в Азии, где многонациональность населения иногда сочетается с его многоконфессиональностью. Но население в целом оседло, территории обитания постоянны для государства в целом и основных этноконфессиональных групп, внешние границы и внутреннее административное деление государства имеют определенный характер.

Другой тип рассматриваемой взаимосвязи является собой однородный этноконфессиональный социум с переменной территорией – кочевые народы. Вследствие кочевого образа жизни эти народы обычно совершают циклические перемещения в каком-то ареале, и потому их организация и внутреннее деление связаны с самим социумом, но не с территорией, или связаны с ней лишь в минимальной степени, почему, видимо, у них и нет государственного устройства европейского или иного признаваемого ООН типа. Это обстоятельство не означает, конечно, будто у таких народов нет внутренней организации, построенной на других основаниях и принципах, или нет собственной, хотя и своеобразной, политической жизни.

Третий интересный тип взаимосвязи общества и территории – оседлый социум, не имеющий, однако, четко определенных внешних границ. Такие случаи нечасты, но они есть и наблюдаются, как правило, в малозаселенных регионах, где народ, проживая на удовлетворяющей его территории, не имеет необходимости или возможности расширять сферу своего обитания; а кроме того, он не соприкасается непосредственно с другими народами из-за огромности пространств и малой плотности населения, вследствие чего не испытывает потребности в установлении каких-либо границ. К данному типу взаимосвязи общества и территории можно отнести, наконец, и случаи всевозможных компактных общин (диаспор), раскиданных по разным странам и континентам, но тесно связанных с изначальной «материнской» страной.

В современных условиях четко прослеживаются несколько тенденций, которые ППА должен учитывать. Это, прежде всего, растущий регионализм внутри отдельно взятых государств, особенно наиболее крупных и со сложными внутренними проблемами. На почве национализма, сепаратизма, местничества или просто здравого смысла и стремления к самоуправлению в вопросах местной жизни повсюду происходит относительное повышение роли и значения локальных систем управления: штатов, земель, провинций, областей, городов и т. д. В результате местная политическая жизнь в них получает стимул для своего развития, а сама такая территориально-административная единица все более обретает качественные признаки самостоятельной социально-территориальной системы (СТС).

Кроме того, постепенно выстраивается некий комплекс отношений, выходящих за пределы государства в международную сферу, но он не отрицает роль государства, а основывается на этой роли. Таковы прежде всего «чистые» интеграционные объединения, – наиболее продвинутым из них является ЕС. К ним относятся и более размытые формы международного регионализма: таможенные и экономические союзы, зоны свободной торговли и свободной миграции труда, региональные системы коммуникаций, связи, энергетики и т. д. Они не диктуют свою волю государству и не подменяют его, но ни одно из вовлеченных в такие отношения государств уже не в состоянии нормально жить и функционировать без них.

Наконец, как внутри государств, так и в отношениях между ними все более зримо переплетаются три очерченных типа взаимосвязей между обществом и территорией. Многие страны стали снимать или ослаблять

прежние жестко силовые ограничения на перемещения кочевых народов, предпочитая регулировать эти перемещения внутренним законодательством и международными соглашениями. Границы внутри федеративных государств и интеграционных группировок постепенно приобретают все более административный и все менее политико-символический смысл.

В целом правомерно говорить о двуедином процессе. С одной стороны, растущая взаимосвязанность мира отражается и выражается, в частности, еще и в том, что выстраивается иерархия социально-территориальных систем от местного до глобального уровня. С другой стороны, постепенно размывается суверенитет государства, но данный процесс развивается в направлении не уничтожения государства как социально-исторического института, а постепенного и трудного отказа от его абсолютизации, обожествления, мифологизации в направлении рационального и прагматичного включения его в иерархию институтов и механизмов, обеспечивающих регуляцию и саморегуляцию жизни и деятельности современного, все более сложного и многочисленного человечества. Указанные факторы существенны для построения организационно-политической матрицы той социально-территориальной системы, которой будет заниматься конкретный ППА.

Политика производна от социальной деятельности в целом; деятельность в конечном счете имеет своей целью обеспечение тех функций общества, от которых зависят его существование, жизнь, продолжение рода; а эти функции в свою очередь сводятся к нескольким базовым способам существования всего живого.

Эволюция человека и общества есть постепенное, накапливаемое за тысячелетия надстраивание все новых, более сложных уровней над менее сложными, изначальными. Выход в теории и методологии ППА на эти изначальные уровни не тождествен, разумеется, описанию и анализу процессов современной общественно-политической жизни. Тем не менее он позволяет лучше оттенить именно психологические компоненты таких процессов, а также долговременные общественно-психологические и организационно-политические последствия изначальных способов существования.

Природа наградила все живое тремя принципиально разными возможностями поддерживать собственную жизнь. Каждую из них в чистом виде можно принять за базовый способ существования. Эти три способа существования — подбирание, производство, отъем.

Подобрать — значит сорвать плод, растение; воспользоваться падалью; поймать то, что физически легкодоступно; подобрать с земли или выкопать из нее. Каков бы ни был конкретный способ подбирания и характер подбираемого, главный деятельностный признак данного способа существования — потребление готового, когда действия субъекта ограничиваются лишь актом подбирания (который сам по себе вполне может требовать достаточно изощренного умения), приведением подобранного в годный к потреблению вид (что тоже не исключает умений, например, кулинарных) и собственно актом потребления.

Истоки производства как способа существования жизни, видимо, надо искать в растительном мире. Растение не просто вбирает соки земли, солнечный свет, воду – оно именно производит из всего этого качественно новые субстанции, которыми живет само и кормит других (впрочем, последнее происходит не по «желанию» самого растения и тем более без его «согласия»). Социальные аналоги растительного фотосинтеза – придумать, создать, сделать, усовершенствовать, организовать. Главным деятельностным признаком производства является создание в процессе и в результате индивидуальных или согласованных между собой коллективных действий необходимого для удовлетворения каких-то потребностей продукта из таких первоначальных, исходных материалов, которые не могут быть использованы в натуральном виде для удовлетворения данных потребностей. Иными словами, производство есть изготовление чего-то годного к потреблению из того, что к такому потреблению не пригодно в силу естественных свойств исходного материала.

Отъем – это отбирание готового продукта у того, кто его подобрал или произвел, причем всегда вопреки воле и желанию того, у кого изымается сам продукт или какой-то его эквивалент; в противном случае имеет место акт сделки, дарения или наследования. Отнять у кого-то, чтобы тем самым обеспечить собственное существование, возможно только через насилие, кем бы и как бы оно ни осуществлялось.

Исторически наиболее ранние, а ныне воспринимаемые как наиболее вопиющие формы насилия – вырвать, отобрать, ограбить, отвоевать. Однако в ходе социально-исторического процесса в целом насилие развивалось и усложнялось, и современные, более сложные, цивилизованные и опосредованные его формы – изъять, конфисковать, взять податью или налогом, перераспределить, ограничить доход, норму прибыли, заработную плату и т. д. Главный деятельностный признак отъема – насилие, в результате которого подобрал или произвел один, а потребляет или распоряжается продуктом другой вопреки воле, желанию, интересам первого.

Естественно, различные живые формы используют эти способы по-разному, при помощи далеко не одинаковых конкретных приемов, механизмов и т. п., но живая природа непременно сочетает в себе все три способа. Ориентация на один или доминирование одного из них в ходе длительной эволюции приводит к образованию все новых живых форм, сочетание которых друг с другом образует конкретную живую экологическую систему. По аналогии с живой природой жизнь общества также сочетает непременно все три способа, от них зависит существование и человека как рода, и социально-экологической системы в целом как среды его обитания (хотя отдельные социумы могут опираться на различные способы существования). Все формы жизнедеятельности любого общества могут быть в конечном счете сведены к трем базовым способам существования. «Изнутри» социума и собственной логики они определяют и возможные формы организации жизни социума, и пределы существования таких форм во времени (истории) и в пространстве.

Для целей ППА существенно, что каждый из способов существования диктует свои требования к организации взаимодействия людей, открывает перед социумом свои возможности, но и налагает на него свои ограничения.

Человек и социум при способе существования, основанном на подборании, полностью отданы на милость природы, на откуп стихийным силам и процессам. Совокупная энергетика такого социума резко ограничена доступностью пропитания. Господствующие формы деятельности не требуют ни сложных средств общения, ни развития отношений внутри социума. Если район или ареал обитания в состоянии длительное время обеспечивать социуму достаточное количество пропитания, то такой социум, живущий исключительно подборанием, обнаруживает весьма высокую стабильность, устойчивость и способен существовать тысячелетиями. Однако он может практически одномоментно и полностью вымереть, если какой-то природный или иной катаклизм резко, внезапно лишит его пропитания. Примитивные формы общественного устройства, просуществовав десятки тысяч лет, дошли до нашего времени, практически не претерпев эволюции (как амеба). Что доказывает предельную узость социально-исторических горизонтов подбора как способа существования? Прежде всего то, что опора на потребление готового неизбежно ограничивает потенциальную численность популяции, ставит очень близкий предел ее физическим-возможностям, а тем самым возводит непреодолимые преграды на пути ее качественного развития, эволюции и прогресса. Даже в конце XX в. народы, со всех сторон окруженные современностью и искренним, пусть и неумелым стремлением им помочь, замкнутые на жизнь подборанием, обнаруживают тенденцию к прямому физическому вымиранию, но не к интеграции в более сложные формы общественного существования.

Производство диктует иные социальные и организационные императивы, предполагая, с одной стороны, некую последовательность операций для получения желаемого результата и значит, разделение труда, а с другой – необходимость координации усилий всех его участников. Труд коллектива невозможен без достаточно сложных форм общения, развитие же и усложнение процессов труда неизбежно стимулирует развитие общения, языка, понятийного аппарата, рационалистического мышления и сознания. Процесс труда требует, с одной стороны, постоянного и достаточно жесткого руководства, чтобы рационально выйти на задуманную цель, а с другой – заинтересованного взаимодействия участников и возможности обсуждения между ними и руководителем многих производственных вопросов. Так закладываются основы демократии (согласования по горизонтали) и авторитаризма (согласования по вертикали, административной иерархии), а также система сопряжения этих двух начал, равно необходимых в производственной деятельности.

Потенциально в производстве как способе существования заложены безграничные возможности развития индивида, социума и самого производства. Оно освобождает человека от прямой и жесткой зависимости от кормового потенциала природы, дает в принципе возможность накопления в

обществе излишков и резервов питания, энергии, свободного времени, интеллекта, создавая постепенно тот запас избыточности, на базе которого только и становится возможным развитие.

Отъем как способ существования социума обязательно нуждается в тех или других способах существования и живущих ими частях социума, которые мы уже охарактеризовали ранее и на которых он мог бы паразитировать. Доставляя насильнику порой немалые материальные блага, сам по себе отъем не может служить основой социального созидания, которое требует не только ресурсов, но и производящего начала, каковым насильник никогда не является. И тем не менее, именно отъем и насилие порождают, особенно на ранних этапах истории, своеобразные формы социальной организации.

С научной точки зрения, социальное насилие – стихийно сложившиеся инструмент и механизм, объективно выполняющие неизбежную в любой системе функцию перераспределения и тем самым позволяющие выстраивать собственно социальные структуры, особое место среди которых со временем заняло государство. Исторически развивались и совершенствовались не только орудия труда, производственные и экономические отношения, формы общения, общественно-политической организации и т. д., но и арсенал средств и форм насилия, его специфическая организация и связанные с ним отношения.

В известный период истории человечества крупнейшим и принципиально новым аппаратом насилия стало государство. Оно сконцентрировало в своих руках колоссальные практические возможности насилия, создав для этого специальные институты: армию, полицию, налоговые службы. Государство ввело монополию на насилие, освятив собственную деятельность как единственно допустимую и возможную, придавая этой деятельности статус права и закона и объявив частнопредпринимательское насилие преступностью. Но тогда-то и выяснилась определенная конструктивная функция насилия: на принудительно собранные с населения средства государство обрело возможность делать то, без чего не может существовать ни одно организованное общество. Кроме того, объективно возникли и получили ускоренное развитие нефизические формы насилия, без которых немислима современная цивилизация: налоговая и фискальная политика, различные регулятивные функции государства.

В реальной жизни описанные три способа существования редко встречаются в чистых формах. Они не только всегда сочетаются друг с другом, но и в практической деятельности людей дают массу пограничных форм и состояний. Так, никакое производство невозможно без предварительного подбирания: добычи необходимых сырья, материалов, сбора каких-либо плодов, растений. Занятие сельским хозяйством включает элементы подбирания и производства, притом в неодинаковой пропорции на разных исторических этапах становления этого вида деятельности. Развитое в историческом смысле насилие требует специфических производств, удовлетворяющих потребности насилия, а не непосредственные потребности социума.

Соответственно, смешанными оказываются и организационные структуры, ни одна из которых также не существует в чистом виде. Поскольку три базовых способа существования как-то сочетаются на данной территории, постольку и организационные структуры переkreщаются, проникают друг в друга, одни из них начинают доминировать, подчиняя себе другие. Совокупность таких структур определяется условиями жизни, общей численностью социума и его «распределением» между тремя описанными способами существования.

Обычно (особенно на начальных этапах истории) эта совокупность удерживается значительно дольше, чем средняя продолжительность активной жизни поколения людей. С течением времени нарастает внутренняя органическая взаимосвязь трех способов существования, усложняются их взаимопереплетения, возникают вторичные, третичные и т. д. производственные, организационно-политические формы, укрепляется их взаимозависимость, симбиоз. Складывается социально-экологическая система, конкретная организация которой определяет структуру социальной мотивации данного социума, которая обуславливает меру активности и инициативности в индивидуальном поведении, направленность поведения и, как следствие, результирующая его – направленность и темпы социально-исторической эволюции социума в целом.

По совокупному воздействию всех перечисленных признаков структура социальной мотивации данной социально-экологической системы может сдерживать, заглушать или, наоборот, в разной мере стимулировать ее историческую эволюцию и качественное развитие социума.

Рассмотрим «чистые», идеальные варианты различного воздействия структуры социальной мотивации на исторические судьбы социума. Определяющим фактором при этом оказывается соотношение в соответствующей социально-экологической системе производственного и насильственного начал.

Производящий всегда по-особому беззащитен, что проистекает из рода его занятий, из самого способа существования. Он относительно малоподвижен, не способен при первой опасности сняться с места и скрыться, поскольку любое производство трудно переносится с места на место. Он предельно зависим от притока исходных материалов: если их мало, они не в полном комплекте или не требуемого качества, то производство «заболевает» и даже может погибнуть, прекратиться, закрыться. Производящий подчинен внутренним законам своего рода занятий, его технологиям, последовательности, циклам, и потому социально значимый результат его трудов возможен только как функция времени и строго определенной последовательности действий. Ему всегда легко может быть нанесен ущерб, нарушен нормальный ход его производства, которое относительно легко и просто можно подрубить под корень, и, чем сложнее производство и его продукт, тем проще это может быть сделано. Напротив, создать производство, развить его, добиться необходимой культуры труда и продукта, а тем самым и социальной отдачи можно только ценой большого труда, целеустремленности,

немалых ресурсов, профессиональной грамотности всех действий, а значит, и времени.

Любое из перечисленных звеньев насильник может нарушить или вовсе разрушить легко, быстро, без особых для себя усилий. Живущий подборанием тоже страдает от насильника. Но уйдет насильник – и подбирающий, если останется жив, сможет вернуться к своему занятию практически немедленно: средства для существования ему доставляет сама природа. Производящий же вначале должен будет воссоздать свой рукотворный мир, прежде чем сможет снова получить от него отдачу. Сделать это бывает непросто и не всегда возможно.

Если же бежать от насилия физически некуда, то возможны, как свидетельствует история, три других сценария, существенно различающихся и по внутренней «механике», и по достигаемым в историческом масштабе времени результатам.

Один – когда совокупное насилие, независимо от того, исходит оно извне или изнутри, от власти и мощи государства или от разгула никем и ничем не сдерживаемой преступности, или от иных причин, оказывается в обществе подавляющим, когда сопротивляться ему практически невозможно, бессмысленно и бесполезно. Производящая часть социума задавлена, деморализована, ее мотивация в корне подорвана. Она с трудом добывает минимальные средства к жизни, и из них львиную долю у нее вновь отнимают, в результате чего она не только не заинтересована расширять свое дело, но и практически не имеет для этого возможностей, и потому качество самого производства и продуктов труда продолжает оставаться на достаточно низком, если не на примитивном уровне.

Каждый способ существования – это еще и специфические мораль, нравственность и этика. Этика насилия несовместима с этикой производства; если в обществе господствует насилие, то морально-нравственная атмосфера стимулирует новые поколения вступать в сферу насилия, тем самым еще более разворачивая структуру социальной мотивации в сторону от производства: героизируются сила, удаля, аморализм, а не знания, труд, компетентность. Фактический статус воина, разбойника, чиновника выше, чем статус любого человека труда.

Такое общество не имеет ни сил, ни стимулов к развитию. Оно не живет, а существует, прозябая фактически на физиологическом уровне удовлетворения потребностей. Однако при этом оно может отличаться завидной социальной стабильностью и устойчивостью: примитивизм общественных отношений и неразвитость внутреннего общения гарантируют от серьезных социальных потрясений или делают их достаточно редкими. Отдельные вспышки недовольства легко подавляются. Смена правителей и режимов под давлением межгруппового соперничества в элите и социуме в целом не влечет за собой кардинальных перемен в социально-экологической системе, структуре ее социальной мотивации, во всем общественном укладе. В итоге подобный образ существования, если он не нарушается угрозами и вторжениями извне, может поддерживаться веками и тысячелетиями. Однако будущее у такого социума

есть только в физиологическом, но не в социально-историческом смысле. Прогресс общества тут невозможен.

Другой сценарий – когда насилию противопоставляется иное, встречное насилие. Неважно, внутреннее или внешнее, «справедливое» или нет, в вооруженных или административных формах. Важно иное: резко возрастает «насильственная нагрузка» на природу, человека, производящую часть общества, на социум в целом и все его организационные структуры. Ресурсов, как природных, так и создаваемых трудом, начинает не хватать уже не только для развития, но просто для поддержания жизни, сохранения ранее достигнутых ее стандартов. Это уже решающая предпосылка к социально-исторической, а часто и демографической деградации. Если описанное положение сохраняется достаточно долго, то жизнеспособность социума подрывается, страна, народ, цивилизация начинают катиться под уклон, а иногда и вообще сходят с исторической арены. Если же в противоборстве двух насилий достаточно быстро побеждает одна из сторон, то происходит возвращение к предыдущему, первому сценарию.

Но возможен и третий вариант, когда в противоборстве насилий сталкиваются не две, а три и более сторон. Он складывается в том случае, если по тем или иным причинам ни одна из сторон не проигрывает, но и не может одержать абсолютную победу, и борьба приобретает затяжной характер. В ней участвует значительное количество сил, попеременно вступающих друг с другом в различные, с течением времени и по промежуточным итогам борьбы меняющиеся группировки и союзы. Сочетаются противостояния внутренние и внешние. Межгосударственные войны «перетекают» в гражданские и наоборот. Идеологические, политические, социальные альянсы не только переменчивы, но и не совпадают с границами государств и их союзов.

Главный насильник, т. е. власть, для поддержания собственной длительной способности к беспроигрышному, без тотального поражения участию в противоборстве оказывается объективно вынужденным не только грабить, но и поддерживать материальное производство в собственном социуме. Весьма длительное многостороннее противоборство насильников, ведущееся примерно на равных, дает исторический шанс, открывает уникальную социально-историческую возможность для развития производящей части общества: насильник оказывается вынужденным перейти от «охоты» на производителя к его «окультуренному содержанию», «выращиванию», «разведению».

Теоретически насильник мог бы заняться социально-экономическим «производством» и раньше (что в современном мире фактически осознали и делают многие режимы). Но мешала сама логика власти, то, что власть насилия всегда и везде тяготеет к тоталитаризму (иной вопрос, какой реальной меры тоталитаризма она фактически достигает). Уже только по этой причине она не может терпеть рядом с собой никакой другой власти, даже латентной.

Однако труд, пусть даже самый неумелый и ленивый, всегда приносит результаты двоякого рода: прежде всего материальные продукты труда, ради получения которых он и осуществляется; производственный и социальный

опыт производителя, из которого впоследствии выкристаллизовываются его знание и понимание. Со временем у производителя все более концентрируются не только доходы от его деятельности, т. е. материальное богатство, но и порождаемое этой деятельностью богатство духовное – производственные навыки, знания, в результате чего в его сознании постепенно нарастает демифологизация тех представлений, при помощи которых насильник оправдывает свое господство.

Тоталитарная власть может быть в своем ареале только высшей, иначе ею станет кто-то другой. Она не может терпеть рядом с собой какие-либо локальные центры независимости, даже если последние не бросают ей прямого вызова. Само их существование для нее – уже вызов, мириться с которым тоталитарная власть насилия органически неспособна. Вот почему все деспотии неизменно периодически разоряли производителей, либо уничтожая их физически, либо лишая их накопленного богатства, духовного авторитета, возможности свободного труда, преследуя людей и сословия – носителей знаний и мысли.

Если на протяжении последних шестисот лет социально-экологическая система Европы, особенно западной ее части, складывалась под знаком наставшего доминирования производственного начала, породив в итоге промышленную цивилизацию, то на протяжении того же времени и столь же последовательно социально-экологическая система России формировалась под знаком наставшего доминирования, а потом и безусловного господства отъемно-перераспределительского начала, породив в результате перераспределительскую цивилизацию.

Этот факт не отменить простым импортом технологий – промышленных, организационных или социально-экономических. Технологии важны, но интересы развития социума требуют способности найти и на протяжении длительного времени поддерживать динамически оптимальное соотношение между насилием и производством при доминирующей, но не господствующей, не всеподавляющей роли производства. То, что однажды в истории смогло сложиться стихийно и дать могучий импульс всему мировому развитию, несомненно, в принципе может быть воспроизведено сознательно. Но только при условии, что будут воспроизводиться не внешние формы явления, а те глубинные его факторы, что вызывают к жизни объективный императив развития. Факторы эти – качество социально-экологической системы, объективно обусловленный баланс в ней всех трех базовых способов существования (подбирания, производства и отъема) и вытекающие отсюда доминирующие организационные формы жизни социума и структура его социальной мотивации

За последние шесть веков, оставаясь в принципе в рамках одной соответствующей социально-экологической системы, как Европа, так и Россия неоднократно меняли конкретные общественные формы жизни. Переделывались границы государств, их внутреннее устройство, политические системы, изменения претерпевали практически все социально-экономические и иные параметры. Одна и та же социально-экологическая система, таким

образом, допускает множество конкретных состояний в своих общих пределах. Эти состояния прослеживаются на двух разных временных горизонтах и качественных уровнях социальных процессов.

На протяжении веков и в масштабе десятков поколений определенная социально-экологическая система формирует в принципе национальный характер, культуру и цивилизацию. Национальный характер – это обусловленное данной социально-экологической системой конкретное и в целом достаточно устойчивое во времени, хотя и меняющееся, сочетание психологических и социально-психологических особенностей данного социума, вытекающих из конкретного сочетания и соотношения в его жизни всех трех базовых способов существования. Это конкретная этика и мораль социума; психологические характеристики социума в целом, его элиты, наиболее значимых слоев и групп; долговременные компоненты в структуре социальной мотивации; набор наиболее устойчивых социальных функций и ролей и т. д.

Культура и цивилизация разнятся между собой главным образом протяженностью во времени и полнотой воплощенных в них характеристик социума. На протяжении меньших (но все же значительных) отрезков времени, измеряемых продолжительностью жизни нескольких или нескольких десятков поколений, могут меняться территория обитания социума и его общественные структуры. Тем самым социально-территориальная система (СТС) предстает как конкретно-исторический «срез», как одно из потенциально возможных реальных воплощений системы социально-экологической. Внутри конкретной СТС в целях политико-психологического анализа могут быть выделены статическая и динамическая модели общества, основанные на вычленении социально-экономической, организационно-политической, психолого-поведенческих матриц данного социума.

Статическая модель социально-территориальной системы

Политико-психологический анализ как прикладное исследование имеет две компоненты: политическую и собственно психологическую. Выделение первой не сталкивается с особыми теоретическими и методологическими трудностями. И на социологическом, и на конкретно-политическом уровнях анализа объект и предмет исследования устанавливаются достаточно легко и ясно, поскольку отграничение политики от других, неполитических сфер и форм деятельности прочерчено с высокой степенью четкости и в массовом сознании, и тем более в специальной литературе.

С выделением психологической компоненты сложнее. Она заведомо присутствует везде, где хотя бы есть человек, тем более человек действующий. Ограничиваться анализом только поведения конкретной личности в конкретной ситуации или процессе значило бы непомерно зауживать сферу психологического и сильно ограничивать свои прогностические возможности: вне поля зрения и учета оставались бы тогда многочисленные общественно-психологические и историко-психологические факторы. Необходимость и желание выявить такие факторы немедленно ставят проблему отделения «психологического» от «непсихологического», как исследователь может быть уверен, что при объяснении данного сложного явления или процесса

предпочтение должно быть отдано действию закономерностей именно психологического ряда, а не, допустим, экономического, политического или какого-то иного?

Ответ на этот вопрос предполагает определение, применительно к каждому конкретному ППА-исследованию, круга реальных носителей психологических качеств (субъектов рассматриваемых процессов), критериев вычленения психологических факторов и закономерностей из всех прочих, конкретного знания анатомии реального анализируемого процесса. Статическая модель СТС и призвана в принципе дать ответы на перечисленные вопросы.

Проблема того, кто является носителем психологических, общественно-психологических, а также политико-психологических свойств и качеств в анализируемых явлениях и процессах, имеет ключевое теоретическое и методологическое значение, но она в то же время не проста в нескольких отношениях.

Прежде всего, в принципе неправомерно говорить о психологии любого рода безотносительно к субъекту. Психология – неперемнная предпосылка сознания, последнее же – один из важнейших родовых признаков субъекта. Поэтому психология как бы дважды неразрывна с субъектом: она просто невозможна без субъекта, и, кроме того, психология всегда есть психология какого-то конкретного субъекта или некоторой их группы. Следовательно, при ППА любых явлений и процессов должен быть в первую очередь установлен реальный круг субъектов-участников не политической жизни вообще, а именно рассматриваемых процессов. Первое и второе, как будет показано далее, вовсе не одно и то же.

Поэтому во всех случаях каждый раз необходимо устанавливать какие-то критерии, объективные параметры субъектности (способности быть субъектом), т. е. тот необходимый и достаточный набор признаков, который позволяет сделать вывод, что данный участник процесса действительно обладает субъектообразующими признаками и может, применительно к данному процессу, быть признан одним из его субъектов.

Отдельно взятую личность, индивида правомерно априори считать субъектом (по крайней мере, до тех пор, пока не доказано обратное), ибо любой человек в жизни, независимо от его социального положения, степени активности, даже психического здоровья всегда имеет и осуществляет какой-то выбор, преследует какие-то свои цели, руководствуется некоторыми представлениями об окружающем его мире, и т. д. Иное дело – выяснение того, является ли он субъектом политики, при каких обстоятельствах может вступить в политическую жизнь своего общества или выйти из нее; на эти вопросы и призван отвечать ППА.

Проблемой остается и определение сложного социального субъекта (ССС). С точки зрения психологии и социальной психологии, род людской не является единым целым, хотя и не сводится только к механической сумме входящих в него индивидов. Кроме того, с социально-психологических позиций несомненно, что народ, нация, классы, т. е. крупные и крупнейшие социальные общности, не могут непосредственно участвовать в общественных,

в том числе политических, отношениях. Иными словами, в таком случае не могло бы существовать самого явления общественных отношений, а значит, и политики как одной из их сфер и направлений. Следовательно, общественные отношения в принципе не могут быть редуцированы к межличностным, хотя и включают в себя эти последние в тех случаях, когда такие межличностные отношения устанавливаются в связи с практическим осуществлением каких-то социальных отношений более высокого уровня.

Понятие социального субъекта хорошо известно отечественной и мировой обществоведческой литературе: это «юридическое лицо» в праве, «экономический субъект» в теориях экономики и рынка, «субъект международных отношений» в международном праве, теории международных отношений и внешней политики, собственно «социальный субъект» в социологии, политологии, теории управления. Все перечисленные науки, однако, не дают определения такого субъекта, ограничиваясь интуитивным пониманием данной категории на уровне здравого смысла или, как, например, в праве – некоторыми признаками сугубо формального порядка («юридическое лицо» есть должным образом зарегистрированная организация). Естественно, что все они не задаются вопросом о психологии такого субъекта, он просто не входит в число их задач. Но для любого психологического исследования именно этот вопрос является краеугольным, что требует более строгого, менее интуитивного подхода к определению сложного социального субъекта (ССС).

Прежде всего СССР должен существовать физически как вполне реальное материальное образование, иметь достаточно четко определимые физические пределы, рамки, границы, формы. В психологическом и конкретно-социальном смыслах не могут быть признаны субъектами класс, нация, социальная группа – эти и некоторые другие понятия суть абстрактные аналитические (иногда чисто статистические, как, например, «класс») категории, а не реальные человеческие организации. Ими можно оперировать в философско-социо-логических теориях и концепциях, но не на уровне конкретного политико-психологического анализа. Разумеется, физические формы социального образования, характер и мера его внутренней самоорганизации могут варьироваться в очень широких пределах, но формы СССР должны быть материально осязаемы.

При этом он должен существовать как некое единое, органически взаимосвязанное целое, как самостоятельное качество, а не просто сумма образующих его исходных качеств. Иными словами, СССР должен обладать внутренней организацией, системностью, целостностью как минимум в двух ипостасях. С одной стороны, должны существовать некий организационный стержень, организационная матрица СССР, выполняющие как технологические, так и идеологические, управленческие, политические и т. п. функции. Такая структура может иметь весьма различные формы, масштабы, но она должна быть. С другой стороны, должно существовать и некоторое, хотя бы в самых общих чертах выраженное, «самосознание организации»: признание всеми ее элементами хотя бы самого факта своей включенности в некую структуру, более широкую и качественно иную, нежели они сами.

Главный психологический признак субъекта – наличие у него внутренней мотивации, способности к целеполаганию и воли к действию, отличных от соответствующих качеств входящих в ССС частей, элементов, подсистем. У субъекта под его внутренними побуждениями и воздействиями, приходящими из внешнего по отношению к нему мира, должны возникать какие-то потребности, стремления, желания. Эти мотивы должны отливаться в его сознании в представления о целях и задачах его действий, о путях и средствах, ведущих к достижению желаемого. Сознывая свои цели, субъект должен обладать способностью соответственно спланировать и выстроить свое поведение и мобилизовать свои волевые возможности для того, чтобы в практических действиях придерживаться избранной линии, не терять долговременные ориентиры и цели своего поведения. Требование же у ССС механизмов целеполагания и воли предполагает существование у него как некоего «управляющего центра», так и систем, обеспечивающих его дееспособность.

Таким образом, ССС – это реально существующая форма организации коллективной жизни и/или деятельности некоторого числа людей, обладающая объективным внутренним организационным единством (объективной системностью), осознанием самой себя как целостного образования (системным самосознанием), способностью к высшему целеполаганию, отличному от простой суммы целей составляющих ее подсистем (системным целеполаганием), и способностью к подчинению своей деятельности, а если необходимо, то и структуры, достижению общесистемных целей.

В действительности общественная жизнь не знает столь идеальных и завершенных форм, на практике речь может идти, как правило, лишь о том, сколь далеко продвинулось (по сравнению с функционально и логически требуемым идеалом) развитие каждого из перечисленных признаков у данного конкретного общественного образования, «подозреваемого» на субъектность, а также о том, дает ли совокупная мера такого продвижения достаточные основания считать данную общественно-организационную форму – партию, движение, союз, блок, ведомство, фирму и т. д., – обладающей качеством субъекта.

Определение субъектности в каждом случае принципиально важно с теоретической, методологической и практической точек зрения. Если наличие субъектности установлено, то отсюда автоматически должен следовать вывод о том, что со стороны данного образования имеет место некая осознаваемая и целенаправленная деятельность (иное дело, насколько она реально осознается субъектом, каковы его конкретные цели, в какой мере он способен контролировать собственное поведение и т. д. – все это и должен тогда устанавливать аналитик, занимающийся ППА).

Если же необходимых и достаточных признаков субъектности не установлено, то отсюда следует, что аналитик сталкивается со стихийными явлениями и процессами, с объективно складывающимися тенденциями, со случайными событиями, связями, обстоятельствами. Во всем этом тоже может присутствовать значительная доля «психологического», но здесь уже будет

психология иного уровня, отличного от того, который существовал бы в случае субъектности данного образования. Естественно, указанный момент должен учитываться и в методах исследования соответствующих психологических явлений и процессов, и в содержании рекомендаций о возможных воздействиях на них.

Есть и практическая грань проблемы, причем в политике особенно важная. Аналитик, занимающийся ППА, постоянно сталкивается с задачей истолкования действительного смысла тех или иных сложных ситуаций, допускающих многозначное понимание их. Человек вступает в политику, конкретные политические действия и процессы и выходит из них, не меняя при этом своей субъектности. Личность остается субъектом всегда и при любых обстоятельствах (по крайней мере в психологическом понимании субъектности). Качества же ССС могут меняться на протяжении его существования, причем неоднократно, как в сторону повышения его субъектного потенциала, так и в сторону временной или окончательной утраты им качеств субъекта (утрата таких качеств отнюдь не тождественна прекращению физического или политического существования этого субъекта).

В рамках конкретного ППА-исследования значение различных субъектов может колебаться в весьма широких пределах: от ничтожно малого до принципиально значимого. Оно к тому же может меняться и во времени, если соответствующее исследование охватывает достаточно длительный период. Все это требует от аналитика четкого определения круга изучаемых субъектов применительно ко всем выделяемым в исследовании стадиям, этапам, фазам соответствующего политического процесса, а само его деление на этапы и периоды должно в качестве одного из основных критериев такой классификации учитывать состав и наиболее характерные особенности субъектов-участников, перемены в нем.

Очевидно, что общее между личностью и сложным социальным субъектом — только в наличии у того и другого свойств и качеств субъектности, т. е. способности быть субъектом. Все остальное существенно разное, и прежде всего по трем принципиальной значимости направлениям:

- личность и ССС просто несоизмеримы и несопоставимы по практическим и материальным возможностям, ресурсному потенциалу, горизонтам деятельности во времени, в физическом и социальном пространстве;

- они кардинально различаются по природе их сознания и психологии, механизмам формирования и функционирования того и другого и, естественно, по силе и продолжительности действия каждой из соответствующих психологии; — они принципиально различаются и по природе отношений, возникающих между субъектами как одного и того же порядка, так и разнопорядковыми. Последнее обстоятельство имеет особое значение и должно специально рассматриваться в рамках ППА.

С позиций психологической науки отношения между отдельно взятыми людьми всегда являются межличностными отношениями, и никакими другими они быть не могут. Соответственно в рамках любого психологического анализа

данные собственно межличностные отношения и должны рассматриваться именно в таком своем качестве. Межличностными отношениями признаются и отношения в малой группе, т. е. в группе, где в принципе возможно их установление между всеми ее членами и численность группы не чрезмерна, не препятствует этому. Проблемы межличностных отношений в малой группе хорошо разработаны в общей, социальной и политической психологии. Однако в реальной политической жизни межличностные отношения и отношения в малых группах составляют лишь незначительную по объему и не всегда значимую часть политики.

В политической жизни решаются прежде всего проблемы отношений между крупными и очень крупными массами людей; но такие массы представлены в их взаимоотношениях не непосредственно, а через различные формы организации, т. е. через ССС. С позиций ППА правомерно утверждать, что все известные нам общественные отношения – это отношения между собой различных ССС, чем они и отличаются от межличностных. А современная политика есть не что иное, как политические или политизированные отношения ССС, воплощенные в вербальных и невербальных поступках людей, действующих от имени и по уполномочию соответствующих ССС либо узурпирующих фактический контроль над ними и/или возможность представлять данные ССС на определенных направлениях общественных и/или политических отношений.

Принципиально важным моментом является здесь материализация, воплощение целей, интересов, позиций, действий и т. д. сложного социального субъекта в поступках конкретных физических лиц, живых людей. Если из ССС «вычесть» не конкретного человека (он легко может быть заменен другим), а всю сумму людей или хотя бы достаточно значимую их часть, то ССС не только потеряет способность действовать, но и вообще может прекратить свое существование. Действия людей в этом случае несут на себе отпечаток всех их личных особенностей и устремлений; они могут даже подчинить интересы ССС своим собственным, сугубо личным; но значимы они лишь постольку, поскольку за ними (фактически или лишь в восприятии других людей, общественности в целом) стоят данный ССС, его авторитет и возможности.

Особый случай – взаимоотношения между человеком и ССС. В силу очевидной несоизмеримости участников такие взаимоотношения, если они почему-либо сворачивают в сторону конфликта между субъектами, на протяжении достаточно длительного времени и при статистически значимом количестве подобных конфликтов ведут к формированию в обществе двойной морали. Мораль традиционная, рожденная когда-то в глубине истории и несомненно на межличностном уровне взаимоотношений, мораль, воплощенная в Библии, искусстве, нравственности, оказывается неприменимой в отношениях между человеком и ССС. С одной стороны, ССС по многим причинам, рассмотрение которых выходит за пределы данного пособия, не в состоянии действовать по логике и императивам такой морали. С другой стороны, и сам человек, оказавшись в заведомо проигрышной ситуации, перед перспективой пробивания стены головой, начинает искать способы воздействия на ССС

косвенными путями или в лучшем случае становится безразличным к судьбе данного ССС. В результате в отношениях между людьми продолжает сохраняться прежняя мораль (в христианстве основанная на десяти заповедях). В отношениях же между людьми и институтами все больше начинает постепенно допускаться то, что категорически не принимается в межличностных отношениях. Наконец, наступает этап, когда под давлением второй морали начинает видоизменяться, становится «либеральнее» и мораль межличностных отношений.

В России это имеет особое практическое и политическое значение. На протяжении веков человек был бессилён перед властью и государством, никогда не обладавшими особо высокой нравственностью. Рубеж XX–XXI веков еще более подкрепил и усилил такое положение. Двойная мораль давно уже стала нормой сначала в советском, а ныне – в российском обществе. Люди, никогда в жизни не обманывавшие близких друзей и знакомых, коллег по работе, без колебаний выносят что-то с работы, совершают приписки, обманывают государство, безразличны к его собственности и положению, а значительная часть общества либо молчаливо мирится с этим, продолжая считать таких людей порядочными, либо даже оправдывает и поддерживает их поведение.

Более того, моральная терпимость, нравственный релятивизм начинают все сильнее подчинять себе и межличностные отношения. Нравится нам это или нет, но такое положение существует реально; оно имеет социально значимый характер, вызвано объективными, долговременными и устойчивыми причинами, действие которых пока только продолжает усиливаться и явно не изменится в обратную сторону в обозримом будущем (если такое изменение вообще возможно; по крайней мере сейчас рассчитывать на него было бы, на наш взгляд, нереалистично). ППА должен учитывать эти реалии российской жизни и культуры, как общей, так и политической.

Методологически отсюда следует, что ни в каком конкретном ППА-проекте отношения межличностные и общественные, отношения разнорядковых субъектов не могут ставиться на одну доску. Необходимо строжайшее соблюдение принципа модальности, суть которого в том, что однопорядковое сочетается только с однопорядковым. Методологически несостоятелен любой анализ, в котором в одной плоскости отношений оказываются личность и ССС (будь то партия, фирма, государственная организация или государство).

В рамках ППА данное методологическое противоречие целесообразно решать выделением трех классов статических матриц, каждая из которых служит по сути формализованной моделью соответствующего среза социально-территориальной системы в ее статике:

- организационно-политические матрицы, описывающие социальный уровень отношений, участниками которых выступают только ССС, а также точки или зоны сопряжения этих отношений и их субъектов с населением. Такие матрицы на основании существующих законов и фактического положения дел могут отражать государственное устройство, политическую

систему общества, политический процесс в целом или определенные его части (внутри- или внешнеполитическую часть, отношения в промышленности и т. д., а также отдельные подсистемы всего перечисленного;

- территориальные, демографические и социально-экономические матрицы, отражающие соответствующие параметры той социальной среды, в которой действуют данные ССС, т. е. параметры, агрегированные на статистическом уровне, но классифицированные применительно к исследуемой территории (как распределяется население СТС и по категориям демографическим, экономическим, иным; по территории СТС в целом либо части такой территории);

- политико-поведенческие матрицы, описывающие реакцию людей на личностном уровне в достаточно типовых и общих ситуациях, условиях, тенденциях. Суть такой матрицы – выделение из общего массива типов поведения определенного стереотипа, шаблона индивидуального поведения; типологизация таких шаблонов; и самое общее, принципиальное указание на их относительную распространенность в специфических социальных условиях.

Для нужд конкретного ППА-проекта, особенно если он имеет частный и ограниченный характер, не обязательно потребуются все перечисленные классы матриц одновременно; не исключено, что столь мак-росоциальные матрицы могут не понадобиться вообще. Но если они необходимы, следует проверить их соответствие целям и задачам данного проекта. В то же время, когда некоторый пакет матриц (моделей) уже составлен, возможно его последующее использование для проведения очень широкого круга ППА-исследований с внесением каждый раз лишь минимальной необходимой корректировки.

В итоге, когда исследователь выяснит все перечисленное и изобразит это в виде некой схемы технологии соответствующего политического процесса, то такая схема и станет по сути искомой организационно-политической матрицей. Без всяких дополнительных исследований она уже показывает аналитику те или иные слабые места в его схеме: где политический процесс недостаточно четко определен в Конституции и законе; где возникает дублирование или, напротив, провал функций; где, как и чем разорвана логически и функционально обоснованная идеальная цепочка необходимых действий; где недостаточно четко определены права, обязанности или полномочия структур и/или лиц, принимающих решение; где механизм принятия решений не подкреплён необходимыми механизмами контроля и исполнения и т. д. Во всех таких точках аналитик может безошибочно предсказывать возникновение бюрократических накладок, ситуаций, связанных с межведомственной и бюрократической борьбой, личными столкновениями. Если речь идет о процессах в «своей» СТС, аналитик уже только на этом основании может выдать рекомендации относительно возможных направлений совершенствования, в данном случае внешнеполитического процесса. Если же рассматривается СТС, например, политического оппонента, то такая схема может помочь определить, в какие именно точки следует направлять политические удары, в чем они (удары) могут заключаться и т. д.

У построенной подобным образом организационно-политической матрицы есть еще и то достоинство, что исследователь сразу же получает возможность оценить, какие компоненты и стадии изучаемого процесса у него наиболее обеспечены информацией, документами либо возможностями их получения; где с этим обстоит не столь благополучно; где ему заведомо не удастся ничего получить. Соответственно, он сможет более взвешенно и аргументированно, более прицельно выстроить выводы и рекомендации по итогам своего ППА-исследования.

Если требуется проанализировать, как будет реагировать население на резкое ухудшение экономической обстановки в стране, необходима прежде всего территориальная социально-экономическая матрица. Как распределяется население по возрасту, полу, национальности, доходам, социальному положению, владению собственностью и т. д.; как все эти традиции распределены по конкретной территории? То есть, на данном этапе исследователь имеет дело с соответствующей статистикой. Но, организованная по территориальному принципу, такая статистика может многое сказать по существу поставленного вопроса.

Ударит ли ухудшение экономической обстановки по всему населению на данной территории сразу, или эффект от ожидаемого ухудшения (читатель понимает, что пример сугубо умозрительный) будет распространяться как бы по цепочке, от одних категорий населения к другим? Если по цепочке, то в какой последовательности расположены на ней различные категории населения; сколь длинна или коротка цепочка в целом; есть ли у отдельных категорий населения возможность самостоятельно компенсировать экономическое ухудшение (например, за счет своих приусадебных участков), и если да, то может ли быть разорвана цепочка в этом месте и на какое время? Сконцентрированы ли те слои населения, последствия для которых могут оказаться наиболее болезненными, где-то в одном месте (скажем, в областном центре) или рассредоточены более или менее равномерно по всей территории? От конкретных ответов на эти и подобные вопросы зависит тот сценарий вероятного реагирования населения, который появится в результате проделанного анализа, – только на основании построения территориальной социально-экономической матрицы.

Наисложнейшим из всех практических вопросов при построении такой матрицы является социально-классовая дифференциация общества. Анализ требует такой дифференциации в качестве одной из своих предпосылок. Мировая практика знает множество подходов к ней: «властный», «распределительный», «профессиональный», «субъективный», марксистский и неомарксистский, теории социальной стратификации, так называемый «индекс Джини» и другие. Считающаяся международной официальной система социально-классовых индикаторов ООН строит свои показатели на основе принадлежности к отраслям экономики, обладания собственностью на средства производства, профессии и дохода.

В западной социологической и политологической литературе широко распространено деление просто на высшие, низшие и средние классы (обычно

по уровню дохода). В рамках любого из перечисленных подходов возможно выделение внутри каждого класса его внутренних слоев и их ранжировка по признаку от «высших» к «низшим». Правомерно предположить, что дальнейшее развитие процессов разделения труда, специализации и кооперации, усложнения современного общества будет приводить, в том числе в России, не к устранению классов из общественной жизни, а к увеличению их числа, к большей градации внутриклассовых и межклассовых слоев и групп. Внимательное и объективное отслеживание локальных перемен в социально-экономической матрице населения даст возможность намного раньше диагностировать появление новых социальных групп и классов, чем это позволяют делать традиционные методы анализа.

В политике решаются и другие задачи, в частности, можно ли априори, без дорогостоящих опросов общественного мнения, но со значительной мерой уверенности предположить, как распределится население на выборах между голосующими и неголосующими; между выбором в пользу партий и претендентов правой или левой, радикальной или умеренной, консервативной, обновленческой или центристской ориентацией?

Политико-поведенческая матрица характеризует предрасположенность населения, различных его категорий к определенным типам политических действий и поведения. В этом смысле она сродни понятию «установка», используемому в общей психологии и характеризующему аналогичную предрасположенность личности к тому или иному типу поведения вообще.

С психологической точки зрения, выбор между «правым» и «левым» на шкале политических предпочтений – это выбор между приверженностью устоявшимся порядкам либо булыпим или меньшим их изменением в ту или иную сторону. Многочисленные исследования показывают, что такой выбор связан с возрастом человека (в пределах трудоспособного возраста чем человек старше, тем он, как правило, консервативнее в оценках и поступках; перелом в сторону возврата юношеского радикализма наступает, как правило, за пределами 65 лет), а также с суммарными итогами значимой части его жизни: чего смог или не смог достичь человек на протяжении ряда лет (считая примерно от 20-летнего рубежа).

Проиллюстрируем это на примере. Предположим, мы исследуем политико-поведенческую предрасположенность трех классов (их названия в данном случае не столь важны), из которых первый – высший, а третий – низший по совокупности уровня доходов, положению в общественной иерархии и престижу в глазах других людей. Обозначим эти классы соответственно цифрами 1, 2 и 3.

Внутри каждого класса можно выделить четыре группы, различающиеся между собой по суммарным итогам жизненного пути. В первую войдут те, кто на протяжении жизни как минимум двух поколений совершает непрерывное восходящее движение в рамках своего класса или переходит из низшего класса в высший. Вторую группу составят те, кто тоже совершает восходящее движение, но только на протяжении своей собственной жизни («люди, сделавшие себя сами»). Третью – те, кто в целом на протяжении всей своей

жизни остается на среднем для своего класса уровне, не меняет сколько-нибудь существенно своего положения внутри класса либо меняет его вместе с изменением положения класса в целом и в ту же сторону. И наконец, четвертую группу составят те, кто катится вниз либо в масштабах своего класса, либо перемещаясь в классы более низшие по сравнению с ним. Эти группы мы тоже обозначим цифрами соответственно от 1 до 4.

Теперь составим обычную матрицу, в которой каждая первая цифра обозначает принадлежность человека к одному из трех классов (в принципе их может быть не три, а сколь угодно много), каждая вторая – принадлежность того же человека к определенной группе по итогам жизненного опыта в пределах своего класса. Получаем следующий результат:

11	12	13	14
21	22	23	24
31	32	33	34

Каждая строка этой матрицы – один из трех избранных нами для анализа классов, только разложенный на группы по накопленному жизненному опыту, а каждый столбец объединяет подгруппы из разных классов, но со сходным жизненным опытом (хотя и различающиеся по материальным итогам такого опыта). Оказывается, что с психологической и соответственно политико-поведенческой точки зрения, гораздо больше общего у людей, принадлежащих к разным классам, но к одинаковой группе жизненного опыта, чем у тех, кто входит в один и тот же класс, но внутри него относится к разным слоям жизненного опыта. С классовым делением (строки матрицы) все понятно и привычно. Рассмотрим внимательнее столбцы приведенной выше матрицы.

Первый столбец, первую группу во всех классах образуют, как мы определили, те, кто на протяжении жизни как минимум двух поколений совершает восходящее материальное и социальное движение. Это означает, что дети таких людей воспитываются в условиях, когда, по меркам и стандартам соответствующего класса, материальные и статусные потребности семьи, ее членов удовлетворяются по наивысшим для данного класса стандартам и с относительно высокой степенью гарантии. На первый план в мотивации детей неизбежно выходят духовные потребности (но в психологическом, а не бытовом понимании духовного: стремление уйти в науку, творчество – безусловно духовная потребность; но и стремление жить праздно, ничем себя не обременяя, отдаваясь развлечениям, психолог рассматривает как духовную потребность, только иного конкретного содержания). Если впоследствии люди, выросшие и воспитанные в таких условиях, идут в политику, то из них получаются, как правило, либо реформаторы, либо реакционеры.

Становясь реформаторами, такие люди отнюдь не всегда оказываются наивными идеалистами. Они ближе других подошли к вершинам социальной пирамиды, выросли там и в целом отлично представляют себе общество со всеми его достоинствами и пороками. Но субъективный опыт говорит им: если моей семье удалось, то и другим тоже может удасться, надо только жить по разуму и совести. Однако если эти люди становятся реакционерами, то они, как правило, жестко и жестоко стоят на защите своих социальных привилегий,

особенно когда для иного недостает природных данных, сострадания к другим или просто образования и кругозора.

Второй столбец, вторую группу во всех классах образуют «люди, сделавшие себя сами». Они очень хорошо помнят, как плохо жили еще относительно недавно и каких трудов стоило им добиться своего относительного благополучия. Поэтому они дорожат доставшейся им синицей в руках, добровольно ее ни в коем случае не отпустят, и в этом они, наверное, правы. Когда люди данной категории вынуждены делать политический выбор, их симпатии чаще всего оказываются на стороне умеренного или ярко выраженного консерватизма, иногда (в зависимости от остроты их личного, а также общего положения) с переходом в реакцию. Консерватизм в данном случае – отнюдь не ругательный и не уничижительный термин. Как только обществу удастся создать нечто ценное и полезное, то его первой задачей становится сохранить созданное, не дать энтропии поглотить его. Поэтому консерватизм – основа любого развития, любого прогресса, любой цивилизации. Без нормальной доли здорового и рационального консерватизма никакое цивилизованное общество не может ни возникнуть, ни существовать. В принципе консерваторы чаще всего не против реформ как таковых, однако они всегда требуют предварительных доказательств, что реформы приведут к улучшению положения, а не к обратному результату; что они будут осуществляться разумно, ответственно, без спешки, с минимумом ошибок, просчетов, издержек; и консерваторы согласны ловить журавля в небе, но не выпуская из рук свою так непросто пойманную «синицу».

Третий столбец, третью группу составляют люди, все силы, время и способности которых уходят преимущественно на то, чтобы «жить не хуже соседей». В общем это цель, достойная всяческого уважения, ибо только на ее осуществлении может базироваться, в частности, «средний класс» в противовес таким видам социальной энтропии, как всепоглощающие маргинализация и люмпенизация широких слоев населения, а кроме того, она требует для достижения успеха постоянных и действительно немалых усилий. У людей данной категории на интерес к политической жизни и тем более участие в ней либо остается мало времени, сил и желания, либо не остается совсем. Это по преимуществу те, кого в 1970 г. тогдашний президент США Р. Никсон очень удачно назвал «молчаливым большинством»: среди них больше всего неголосующих, и они в массовом порядке включаются в политику только в случае резких перемен в обществе, в социально-экономических условиях к худшему или к лучшему.

Четвертый столбец, четвертая группа – люди, катящиеся вниз. Причины скатывания в принципе могут лежать в двух сферах. Они могут иметь личностный характер, быть прямо или косвенно связаны с данным человеком, в частности, с такими качествами, как безволие, нежелание работать, неумение строить отношения с другими людьми, пьянство, распущенность. Возможна и иная причина: скажем, человек в глубине души понимает, что в своих неудачах и провалах виноват только он сам и никто больше, однако ничего не предпринимает, чтобы поправить положение (в эту категорию причин не

входят несчастные случаи, трагедии в семье и т. п., когда человеку просто катастрофически не повезло). Но ни один человек из перечисленных категорий не признает собственной вины: если он это делает, то обычно выходит из полосы жизненных неудач. Упорствующим же ищут пути и способы психологической компенсации, «козлов отпущения», и самым удобным «козлом отпущения» чаще всего оказываются общество, государство, политическое устройство, а наилучшим способом компенсации – занятие политической деятельностью. В самом деле, если в моих невзгодах виноваты семья, соседи, друзья, коллеги по работе и т. д., то ведь в самом крайнем случае от всех них можно уйти, уехать и начать все заново. Уехать же от общества значительно труднее, совершенными общество и его структуры никогда не бывают, поэтому считать виноватыми их – значит найти себе оптимального и пожизненного «козла отпущения». Из окупившихся в политику людей данной категории чаще всего получают экстремисты; будут они правыми или левыми – дело случая, психологических различий между теми и другими нет.

Но люди могут катиться вниз и не по своей вине, а под воздействием серьезных социальных потрясений: кризисов, спадов, войн, последствий крупнейших катастроф и т. д. В таком случае, как правило, не происходит немедленной радикализации общества. Огромная масса в целом нормальных психологически людей, во-первых, понимает причины создавшегося положения, невозможность быстрого изменения к лучшему и иные объективные обстоятельства; во-вторых, озабочена проблемами выживания своего и своей семьи, и потому им просто не до политической деятельности, тем более не до бунтов или чего-то подобного. Однако в такие моменты возможен резкий перелив массовой поддержки и голосов избирателей от господствующих политических сил и партий к их оппонентам, независимо от политического лица как первых, так и вторых. Сохранение же нисходящих социально-экономических тенденций на протяжении достаточно значительного времени (3–4 года и более) уже меняет конкретное социальное наполнение построенной нами матрицы.

По существу, это и есть политико-поведенческая матрица, созданная для описания принципиальных установок населения на выбор между правыми и левыми политическими силами и партиями. Естественно, по такому же принципу, но с использованием других, соответствующих критериев могут быть выстроены матрицы, описывающие иные политико-поведенческие предрасположенности населения и/или отдельных его социальных, территориальных групп. В принципе политико-поведенческая матрица может быть построена по отношению и ко всему обществу, и к определенной его части.

В совокупности три перечисленные класса матриц: организационно-политические, социально-экономические и политико-поведенческие – и образуют модель социально-территориальной системы в статике. Они же дают основу для общего, самого грубого и приблизительного разделения «психологического» и «непсихологического».

Политико-поведенческие матрицы прямо и непосредственно ориентированы на выделение собственно психологических компонентов, понимаемых в данном случае как реакция людей и на непосредственные, сегодняшние условия бытия, и на эволюцию этих условий, причем не только в обществе в целом, но и применительно ко всем его основным классам и социальным группам конкретно.

Социально-экономические матрицы способны дать весьма детализированное представление о текущих условиях бытия, об уровне и качестве жизни, а также об основных тенденциях эволюции того и другого на протяжении любых отрезков времени. Иными словами, они дают ППА-исследователю возможность весьма конкретно оценить, кто и на что именно будет реагировать в различных социальных слоях, группах, на разных уровнях социальной пирамиды, в разных территориальных частях СТС.

Наконец, организационно-политические матрицы, описывающие политическое устройство и политический процесс, дают в распоряжение исследователя некоторый набор реальных и потенциально возможных социальных ролей, соответствующих ключевым точкам описываемых процессов. Сопоставление нормативного или ожидаемого ролевого поведения субъектов политического процесса с их фактическими действиями и позволяет выявить их субъективные психологические качества: мотивацию, характер и направленность интересов, содержание их представлений, отношения друг с другом и многое иное.

Необходимо, однако, подчеркнуть одну принципиальную особенность любых психологических исследований вообще, но в большей мере ППА. Психология любого субъекта едина и неразрывна как в той ее части, которая соответствует принятым в обществе нормам, стандартам, критериям, так и в той, где она в большей или меньшей степени отходит от этих норм, нарушает или даже отвергает их. Историк, правовед, экономист, социолог, политолог могут изучать официальные, общепринятые стороны бытия и в то же время оставаться научно корректными, не касаясь теневых аспектов своего предмета. Для психолога такая возможность в принципе исключена, если, конечно, он хочет, чтобы его выводы были достоверны, а рекомендации в разумной степени надежны. Здесь психолог подобен врачу, который тоже не разделяет болезни на «приличные» и «неприличные», но смотрит, болен или практически здоров его пациент.

Следовательно, как бы мы ни относились к явлениям теневой экономики, теневой политики и прочим теневым сторонам общественного бытия, но их учет в ППА, особенно в его макросоциальной части, абсолютно необходим как на уровне методологии, составления идеальных моделей, предварительных схем, гипотез и т. п., так и при насыщении их конкретным эмпирическим материалом и содержанием. Это требование актуально в любых условиях, но оно вдвойне актуально при анализе современной российской политической жизни, в которой теневые и иные неформальные процессы нередко играют ведущую роль.

Динамическая модель социально-территориальной системы

Политико-психологический анализ объектом и предметом своего исследования имеет две самые подвижные сферы: политику и психологию. В той и другой перемены – норма, причем изменчивость настроений, устремлений, внезапных и массовых порывов нередко оказывается и весьма спрессованной во времени, и крайне мощной и неоднозначной по направленности (когда, казалось бы, достаточно сильные массовые эмоции в считанные дни, а то и часы меняются прямо на противоположные), и в то же время приверженной значительной доле иррационализма (или того, что воспринимается как иррационализм).

Теоретическую и методологическую проблему для ППА-аналитика представляет, однако, не сама изменчивость как таковая. Высокий динамизм политики и психологии дополняется еще их уникальной, нередко парадоксальной способностью сочетать в себе, причудливо переплетать друг с другом воздействие факторов и процессов принципиально разной временной природы. И в политике, и в общественной психологии постоянно присутствуют явления, тенденции, качества, диктуемые причинами макросоциального уровня, исторического масштаба времени. Человек не всегда может осознавать их присутствие, а уж тем более понимать конкретные пути, механизмы, средства их воздействия. Тем не менее и прошлое, и настоящее всегда с нами. Вот почему в тех трансформациях, через которые проходит в последние годы Россия, сложнейшим образом переплелись между собой и ее более чем тысячелетняя история, и глобальные процессы XX в., и те тенденции мирового развития самого последнего периода, которые мы еще только начинаем угадывать, но которые тем не менее уже создают облик XXI столетия.

Вместе с тем и политика, и психология способны реагировать (на практике они делают это сплошь и рядом) и на самые, казалось бы, мелкие, ничтожные события и происшествия, масштабы и значимость которых не должны были бы простирались дальше, чем на несколько десятков человек и часов, максимум суток времени. Причем значение подобных мелочей и для человеческой психики, и для политической жизни непропорционально резко и сильно повышается в критические для общества периоды (типа переживаемого ныне Россией), когда никем не предусмотренная мелочь способна подчас спровоцировать события крупного, вплоть до общенационального, масштаба и с последствиями, которые могут ощущаться годы, а то и десятилетия спустя.

Естественно, ППА и в аналитической, и в прогностической своих частях непременно должен по возможности учитывать все такие принципиально значимые особенности своего предмета.

Рассмотренные подходы необходимы, но сами по себе еще недостаточны для описания динамики политико-психологических процессов. И дело не только в том, что матричный принцип дает одномоментный срез того или иного уровня предмета исследования. Организационно-политическая, социально-экономическая, политико-поведенческая матрицы описывают такие характеристики социума и его политической системы, которые хотя и меняются со временем, однако делают это либо крайне редко, либо весьма медленно. По самой своей природе названные матрицы не могут улавливать быстрых и

резких перемен, особенно колебательного характера: они лишь отразят средне- и долгосрочные последствия таких перемен, причем каждая в своей сфере. Поэтому необходимо дополнение указанных подходов другими, которые были бы способны адекватно описывать изменчивость текущего состояния политики и психологии, возможность колебательных движений здесь и выявлять реально действующие и потенциально возможные причинно-следственные связи на стыке психологии и внепсихологических явлений и процессов, существенных для перипетий политической жизни.

Несколько групп вопросов имеют особо важное теоретическое и методологическое значение. Это, во-первых, практический учет в ППА диалектики материального и духовного, объективного и субъективного; во-вторых, выявление политически значимых динамических взаимосвязей идеологии, мировоззрения и общественной психологии; в-третьих, определение историко-психологической наследственности социума, в частности духовных и политических последствий взаимосвязей исторических способов существования социума с его социальными, политическими, нравственными структурами; в-четвертых, выяснение взаимосвязи массового сознания, общественного мнения и политического поведения в реальных процессах и ситуациях. Все перечисленные проблемы предельно актуальны и для современной России.

Для всех же без исключения случаев сложных ситуаций, оказывающих неоднозначное, разноплановое воздействие на субъекта и объективно требующих от него достаточно сложного поведения, в изначальную формулу должно быть поставлено специфическое качественное понятие «личность субъекта». Оно означает, что:

- субъект воспринимает воздействия на него извне не механически, а отфильтровывая для себя определенную их часть, придавая различным воздействиям разные смысл и значение; причем такая фильтрация осуществляется субъектом как осознанно, намеренно, так и неосознанно;

- столь же неоднозначна и реакция субъекта даже на одно и то же, одинаковым образом интерпретированное этим субъектом внешнее воздействие: у субъекта всегда имеется некоторый выбор ответных действий, а главное, собственная воля, которая позволяет ему осуществлять этот выбор, в том числе вопреки всем и всяческим обстоятельствам и даже сознательно во вред себе;

- помимо перечисленных факторов, в восприятии субъектом внешних воздействий, в формировании его ответной реакции (или поведения) на них сказываются и специфические особенности данного субъекта (его знания, умения, физическое и психологическое здоровье, эмоциональное состояние и пр.), а также его биологическая и социальная наследственность.

Все это позволяет признать в качестве одной из закономерностей политической жизни тот факт, что любые объективные воздействия на социум (совокупность субъектов, как индивидов, так и ССС), откуда бы они ни исходили и в чем бы ни заключались, неизменно вызывают со стороны этого социума не какую-то определенную реакцию, а спектр реакций, диапазон и

глубина которого зависят от численности данного социума, сложности его социальной стратификации и от набора основных представленных в нем типов личности и сложных социальных субъектов.

На уровне реальной жизни действуют две ранее отмеченные формы объективного процесса, одна из которых – целеполагающая деятельность самого человека. Эта деятельность, однако, обладает собственной внутренней сложностью, поскольку включает не только совокупность индивидуальных поступков людей, но и сложное взаимопереплетение всех видов и форм общественных отношений как по горизонтали (между модальными и однопорядковыми формами общественной организации), так и по вертикали, от высшего к низшему и наоборот. Причем для каждого из отдельно взятых субъектов (и для человека, и для любого ССС) его собственное поведение выступает как чисто субъективный фактор, но поведение всех других – как безусловно объективные факторы.

Эта внутренняя сложность человеческой деятельности как одной из форм объективного процесса дает основания выделить внутри данной формы три качественно различных уровня, на каждом из которых диалектика объективного и субъективного проявляется по-своему, специфически.

Первый уровень – это диалектика природного и общественного, понимаемая как взаимоотношение и взаимообусловленность естественного природного мира и человека как части этого мира. Сюда относятся, с одной стороны, космическая, физическая, химическая, экологическая, географическая, климатическая и т. д. обусловленность деятельности и самого существования человека, а с другой – его биологическая природа. Познание явлений и процессов этого уровня диалектических взаимодействий осуществляется всем комплексом естественных и биологических наук.

Второй уровень – диалектика отношений между материальным миром, созданным самим человеком в процессе его исторического развития, и формами социально организованной деятельности человека в этом «искусственном» мире. Необходимость и правомерность выделения второго уровня обусловлена тем, что создаваемая человеком искусственная среда обитания («вторая природа») всегда представлена одновременно:

а) в виде специфических материальных объектов (производительные силы, инфраструктура, материальные носители культуры и т. п.), живущих по законам не только естественного, но и социального мира;

б) в неотделимом от этих объектов исторически сложившемся способе их использования (например, станок перестает быть просто физической массой и начинает выполнять свои специфические функции только при наличии человека, умеющего этим станком пользоваться и нуждающегося в том, что может быть на нем произведено).

Практическое значение данного уровня диалектических взаимосвязей особенно очевидно в современной России, где ныне, в условиях исторической социальной трансформации, повисли в воздухе многие прежние материальные объекты и социальные умения, не находящие себе применения; и в то же время

ощущается острый дефицит других – рыночных инфраструктур, умения власти и населения жить в условиях рынка и т. д.

Наконец, третий уровень – это диалектика индивидуального и общественного, включающая в себя как отношения между индивидом и обществом в целом, так и между более простыми и более сложными формами социальной организации. Второй и третий уровни диалектических взаимосвязей описываются всем комплексом наук об обществе и человеке.

Таким образом, объективное воздействие на любого субъекта (общество, социальную группу, общественный институт, личность) включает в себя все перечисленное. Конкретное состояние всех в совокупности условий жизни и деятельности людей в определенный момент или период образует объективные условия существования (деятельности) социума. Однако воздействие этих условий на пути от объективного мира к конкретному субъекту проходит через три специфических фильтра.

Первым являются субъективные условия существования (деятельности) данного человека, группы, ССС, общества. Любой субъект соприкасается в своей жизнедеятельности не со всем окружающим его физическим и социальным миром, а только с какой-то его частью, пусть даже и очень большой. Соответственно, и непосредственно значимыми для него оказываются события и процессы не в мире в целом, а прежде всего в этой, непосредственно связанной с ним части мира.

Однако и субъективные условия существования (деятельности) не влияют на субъекта напрямую: действуют еще механизмы и закономерности восприятия. Часть таких механизмов имеет технический характер: в современном сложном мире, где даже угроза мировой ракетно-ядерной войны может входить в число субъективных условий жизни отдельно взятого человека, огромная роль принадлежит всевозможным системам сбора, обработки, передачи информации. А между тем очень многое в политической жизни зависит именно от своевременности, полноты, достоверности информации, равно как и от возможностей манипулировать ее количеством, качеством, содержанием.

Но существуют и действуют также механизмы и закономерности социального восприятия, подробно описанные в психологической и политологической литературе. Социальное восприятие связано с теми искажениями информации и ее выборочным отбором, которые отличают функционирование любых бюрократических структур, политических партий, правительственных и общественных институтов и т. д. Необходимо подчеркнуть, что все это – не результат чьей-то расхлябанности, злонамеренности, человеческих несовершенств и т. п., а очевидные закономерности устройства и функционирования различных форм и типов социальной организации, иначе подобные явления не повторялись бы с такой точностью во все времена, в самых разных странах, культурах и обстоятельствах.

И наконец, действуют механизмы индивидуального восприятия. На осознаваемом уровне они связаны с тем, что любой человек из потока

доступной ему информации выбирает только то, что соответствует его интересам, кругозору, образованию. На неосознаваемом – это особенности зрительного и слухового восприятия; теоретических абстракций или художественных образов; знаковой или графической информации; взаимосвязи текущего восприятия с памятью и многое другое. В реальных политических ситуациях (например, прогнозирование поведения руководителя государства в обстановке острого внутреннего или международного кризиса) подобные факторы могут оказаться даже более значимыми, чем традиционно привычные для нас экономическое, военное, иное макросоциальное прочтением объективной ситуации.

Те объективные и субъективные условия существования (деятельности), которые пробились через все перечисленные фильтры, возможно, исказившись по пути до полной противоположности действительному и даже до абсолютного отрыва от какой бы то ни было реальности, и которые вошли в сознание субъекта, образуют когнитивную карту этого субъекта, т. е. комплекс его фактических представлений о мире, своем положении, проблемах, интересах, задачах, целях – обо всем. Нет необходимости подчеркивать, что именно здесь событиям объективного мира придается большая или меньшая значимость; что место этих событий в ряду каких-то иных может оказаться непропорционально зауженным или расширенным; что запас знаний, которыми реально оперирует субъект, может колебаться в широких пределах, а в его содержании весьма причудливо и в разных пропорциях могут смешиваться знания научные и практические, а также знания и предрассудки, заблуждения и иллюзии; что причинно-следственные связи между явлениями реальной жизни, устанавливаемые в сознании данного субъекта, могут не иметь ничего общего с действительными, и т. д.; что, наконец, сознание субъекта может быть просто больным или от рождения ущербным. Но в любом случае поведение субъекта будет определяться структурой и содержанием когнитивной карты его сознания, а не непосредственно субъективными и тем паче объективными условиями его жизни и деятельности.

Но вот поведение субъекта внутренне сформировано (механизмы его формирования описаны в психологической и социально-психологической литературе), и субъект начинает действовать. Его вербальное или невербальное поведение по внутренним движущим силам, целям, направлениям и проявлениям всегда субъективно. Конечный результат любого субъективного поведения – некие объективные последствия как для самого действующего субъекта, так и для всех остальных. Однако на пути от сознания субъекта к конечным объективным последствиям субъективное поведение тоже как бы проходит через ряд последовательных «фильтров».

Самый первый из них, считая от самого субъекта, образуют врожденные и приобретенные способности субъекта: его сообразительность, быстрота и качество реакции, воля и целеустремленность, собранность и самодисциплина, широта и глубина знаний, умений, социальных навыков и т. д. Естественно, как конкретное содержание таких качеств, так и пути и способы их формирования, закрепления, проявления весьма различны у личности и у сложного

социального субъекта. Но на этапе инициации поведения решающее значение имеют способности субъекта и мера их соответствия тем задачам и целям, что он ставит перед собой.

Реализация поведения началась; и здесь второй фильтр – субъективные практические возможности данного действующего лица или ССС. Блестящий политический стратег на посту президента может, например, задействовать в своих целях все – внутренние и внешние – возможности государства, а также потенциал значительной части независимых организаций, общественных сил и движений. Но тот же самый человек, не утратив своих субъективных способностей, а возможно, даже существенно развив их, оказавшись в отставке, может не иметь возможности даже просто публично выступить с изложением своей точки зрения. Ясно, что и эффект от его поведения в этих двух ситуациях окажется просто несопоставимым.

Третий фильтр – практический потенциал тех средств и возможностей, которые доступны данному субъекту. Посредственный политик, располагающий хорошо отлаженной партийной и/или государственной машиной, иной организацией, может добиться куда более внушительных результатов, чем гениальный стратег, такой машины не имеющий или вынужденный иметь дело с неотлаженным, недисциплинированным, некомпетентным механизмом своей власти. Можно безукоризненно ориентироваться в достижениях какой-либо науки, знать до тонкостей все ее нюансы, но сама наука может еще по уровню своего развития быть неготовой для разрешения практических задач или не подкрепленной в техническом, технологическом, организационном отношениях. Величайшее мастерство пилота теряет всякий смысл, если для его машины не завезли горючее.

Для целей политико-психологического анализа существенно то, что в результате прохождения субъективного поведения через все перечисленные «фильтры»:

а) конечные объективные последствия и результаты такого поведения с весьма высокой долей вероятности могут не соответствовать изначальным намерениям, побуждениям, устремлениям, целям субъекта или даже в большей или меньшей степени противоречить им;

б) мера такой вероятности, при прочих равных условиях, тем выше, чем сложнее сам субъект и его внутренний мир; чем в более сложные отношения он вступает; чем сложнее структура его целей, поведения, используемых средств; чем больше разрыв между выдвигаемыми целями, с одной стороны, и всей совокупностью возможностей субъекта – с другой; чем более масштабны и продолжительны по времени все упомянутые процессы;

в) в социально-историческом масштабе времени и деятельности при современном уровне материального и научного развития в принципе невозможно достижение никаких декларируемых целей в точном соответствии со всеми обстоятельствами и условиями их декларации, если потребное для этого время превышает продолжительность активной жизни одного поколения людей (30 лет).

По-видимому, с расширением знаний и практических возможностей человека данные рамки также будут расширяться.

В пределах этих временных рамок ППА должен учитывать «переливы» социальных и духовных процессов, происходящие между различными секторами общественного сознания, и прежде всего между идеологией и общественной психологией как формами общественного сознания, имеющими особую значимость. Актуальность таких процессов и их научного понимания для современной России невозможно переоценить.

В макро-ППА-исследовании существенно, какой представляется динамическая структура общественного сознания и как эта структура корреспондирует со структурой индивидуального сознания и психологических механизмов поведения. Психология и политология, стоящие на позициях позитивизма, практически не задаются вопросом о структуре и динамике общественного сознания, концентрируясь почти исключительно на категориях «общественное мнение», «политические представления», «идеология». Такой подход в целом вполне достаточен для решения многих прикладных задач, ретроспективных описаний, но обнаруживает свою недостаточность при попытках прогнозирования идеологических и политико-идеологических процессов.

В отечественной литературе до недавних пор существовало два подхода к принципиальному делению общественного сознания на основные его формы. Наибольшее число сторонников имел подход, подразделявший общественное сознание только на идеологию и общественную психологию. Критерии такого деления достаточно очевидны, что, по-видимому, и делало его привлекательным для многих. Однако дальше начиналась путаница с последующим делением на более частные формы и виды, но так и остался непроработанным до конца вопрос о критериях различения «форм» и «видов» общественного сознания; неясно, почему в число «форм» попадают разнопорядковые величины; непонятно, в какой мере и на каких основаниях относить к идеологии, а в какой – к общественной психологии такие формы (виды) общественного сознания, как, например, религию или право. Между тем для многих комплексных ППА-исследований перечисленные вопросы – не надуманные, а самые практические.

Другой из двух указанных подходов, сформулированный более 30 лет назад и отнюдь не считавшийся

«еретическим» или «диссидентским», но почему-то собравший гораздо меньшее число сторонников и последователей, исходил из трехзвенного деления общественного сознания – на идеологию, общественную психологию и мировоззрение в качестве самостоятельной базовой формы. Этот подход представляется нам гораздо более обоснованным и продуктивным, поскольку лучше согласуется с распространенной в отечественной психологической науке трехзвенной картиной структуры поведения, складывающегося под влиянием нескольких функционально различных, не способных заменить друг друга комплексов: внутренней природы субъекта; познания им окружающего мира; сочетания мотивации к деятельности, ее целе-полагания и волевого импульса.

Общественная психология как форма общественного сознания при таком подходе модальна внутренней психической и психологической природе индивида: наличию у него определенной наследственности в этих сферах, приобретенных свойств и качеств, инте-риоризированных продуктов образования, информированности, общей и политической социализации и т. д. Подобная модальность не просто кажется интеллектуально удобной – она правомерна, и прежде всего потому, что лежащие внутри самого сознания механизмы поведения не могут иметь принципиально разную структуру на индивидуальном и общественном уровнях. Между этими механизмами должна быть высокая степень подобия (что и выражается понятием «модальность»); но кроме того, структуры общественного сознания должны следовать за структурами сознания индивидуального, поскольку первое возникает из последнего и воплощается в реальной жизни тоже через последнее.

Мировоззрение в структуре общественного сознания модально познавательным компонентам индивидуального сознания – это не только некая определенная сумма информации о внешнем мире, но и знание, т. е. системная организация этой информации; это качество и самой информации, и ее организации, если таковая есть; и, наконец, это также определенный набор (сумма) или комплекс (нечто организованное внутренне) средств, методов, подходов к исследованию внешнего мира, к добыванию новых фактов о нем и к признанию вновь получаемой информации знанием.

Идеология как форма общественного сознания модальна сочетанию мотивов, целей и воли в структуре психологии индивида. Главное в структуре любой идеологии – вовсе не то, что это некая система представлений (любая наука, равно как и псевдонаука, тоже является такой системой), и даже не то, что эта система направлена на защиту определенных общественных интересов и порядка (такая защита куда лучше обеспечивается в практическом плане другими средствами). Не так существенно и то, является идеология по своему содержанию сознанием истинным, ложным или сочетающим то и другое: многие системы представлений подходят под любой из данных критериев, не будучи при этом идеологиями. Определяющие признаки идеологии, на наш взгляд, иные.

Под влиянием одного и того же внешнего раздражителя, стимула у различных субъектов возникают разные мотивы. На базе одного и того же общества, одного и того же анализа этого общества могут быть сделаны разные до противоположности выводы, и сегодняшняя Россия, ее духовная и политическая жизнь – ярчайшее тому подтверждение. Идеология формулирует социальную мотивацию определенного типа и направленности. Отсюда она выводит социально значимые долговременные цели и подкрепляет все это волевым импульсом, который на социальном уровне направлен на мобилизацию усилий, ресурсов, духовных возможностей общества на долговременные и сверхдолговременные ориентиры его жизнедеятельности и всегда подкреплен организационно. За любой идеологией всегда стоит некая организация – ее носитель, хранитель и жрец. Система воззрений без такой

организации, не подкрепляемая ею, может быть чем угодно, но только не идеологией.

Из трех основных форм общественного сознания наименее подвижна именно идеология. Общественная психология наиболее изменчива, гибка, хотя и в ней есть элементы и структуры, остающиеся неизменными на протяжении десятилетий и даже веков. Но для изменений в содержании и формах выражения идеологии нужны совокупные и глубокие, взаимно подкрепляющие и усиливающие друг друга перемены и в объективных условиях жизнедеятельности общества, и в сфере его мировоззрения, и в общественной психологии. Такие изменения требуют долгой предварительной эволюции и потому происходят не часто.

Для ППА-проектов существенны два вывода. Во-первых, любая идеология эволюционирует не произвольно, а по собственным внутренним законам, еще ждущим своего исследования. Главная политико-психологическая функция идеологии как явления, по-видимому, состоит в обеспечении психологической легитимности (т. е. готовности субъекта принять как «законный») определенного долговременного жизненного уклада. Идеология возникает в ответ на вопросы, которые ставит жизнь, но на которые объективно невозможно в данный момент или период ответить, и потому в качестве ответа предлагается некая сверхдолговременная гипотеза, высказываемая в форме аксиомы.

Идеология начинает переживать серьезный и глубокий кризис тогда, когда под влиянием времени и опыта зримо и несомненно меняются либо содержание ответов на такие вопросы, либо сама их постановка и формулировка, мера их актуальности. Именно это, а не злоупотребления и не прегрешения, и даже не прямые преступления находящихся у политической власти жрецов идеологии, ведет к подрыву ее собственной психологической легитимности: достаточно вспомнить инквизицию, вовсе не подорвавшую позиции католицизма, и, напротив, становление естественных наук, изрядно пошатнувшее его позиции. А потому идеология не может и отмереть в результате, например, политических преследований: они лишь укрепляют ее авторитет в глазах реальных и потенциальных последователей данной идеологии. Вообще, случаи «чистого» и полного отмирания какой-либо масштабной и влиятельной идеологии в документированной истории нам неизвестны, хотя отдельные идеологии впадали нередко в весьма глубокие и затяжные кризисы.

Во-вторых, общество бывает готово воспринять новую идеологию не когда угодно, но во вполне определенные периоды своей жизни, когда все более очевидна исчерпанность прежних ответов на основополагающие вопросы жизни, а новые ответы не отлились еще в какие-то четкие формулировки. Однако и здесь будет принята не любая идеология, способная именно сегодня такие формулировки предложить, а только та, которая, кроме того, будет отвечать общественно-психологическим особенностям данного социума, и прежде всего специфике его национального характера, этноконфессионального и/или социоэтнического психического склада России. Иными словами,

воспринимаемая новая идеология должна быть совместимой как с текущим психологическим состоянием общества, так и, самое главное и сложное, с его историко-психологической наследственностью. Из чего же складывается последняя?

Здесь необходимо вернуться к рассмотренным трем базисным способам существования, но уже с точки зрения того, какие организационно-политические, психологические, духовные последствия имеет каждый из них на длительной исторической дистанции, измеряемой продолжительностью жизни многих поколений людей.

Так, процесс подбирания не требует от его участников какой-то особой координации усилий, и значит, развитых средств общения, прежде всего языка. Относительно примитивный способ существования производит лишь ограниченное количество знаний и не требует большего, а неразвитость языка и не дает возможности накапливать дополнительные знания сверх минимально необходимых, тем более переходить к абстрактному мышлению. Процесс подбирания не требует и особого руководства: каждый индивид вполне способен действовать самостоятельно. Существует и своеобразная жизненная этика, концентрирующаяся на взаимоотношениях человека с природой и сводящаяся к тому, что нельзя обижать природу и ее богов, вредить живому без дела и смысла, брать больше, чем нужно человеку для выживания и т. д.

Производство вытягивает за собой иную цепочку психологических, духовных, организационных последствий. Оно, помимо материальных результатов труда, непременно порождает накопление не только квалификации, умений, но и опыта, из которого со временем выкристаллизовывается знание, вначале практическое, а потом и научное. Производство всегда предполагает некоторое разделение труда, что вызывает необходимость его координации, подчас достаточно сложной. Все это требует развитых средств общения, и прежде всего языка; дает стимул к его развитию; способствует постепенной наработке в языке таких структур и понятий, которые открывают путь к формированию абстрактного мышления. Производство рождает специфическую трудовую этику: уважение к труду и его результатам, к знаниям и компетентности, к инструменту, дисциплине и самоконтролю, к точности в словах, характеристиках, обязательствах.

Аналогичный «шлейф» есть и у отъема, насилия, однако там он иного качества. Язык необходим для координации действий во время нападений, акций, боевых действий – язык команд, язык диктата и подчинения. Руководство жизненно важно в самом прямом смысле слова, а в боевой обстановке дискутировать некогда, выполнение команд должно быть доведено до автоматизма, в чем и заключается не только гарантия успеха «миссии», но части и самой жизни. Более того, авторитет вожака должен быть непререкаем также и в обычной обстановке, в противном случае обязательно найдется желающий и способный силой завладеть его местом и долей добычи. Следовательно, авторитет вожака должен постоянно поддерживаться самыми жесткими средствами. Так закладываются основы того, что позднее разовьется в политический тоталитаризм. У насилия как способа существования есть и

своя этика: культ силы, слепой групповой сплоченности, резкого деления мира на «своих» и «чужих», круговой поруки.

В любой социально-экологической системе всегда присутствуют все три способа существования со всем «шлейфом» их организационных, психологических, духовных, нравственных последствий. Не только в России, но и во всех странах, ставящих перед собой цели ускоренной модернизации и развития, традиционные социальные и межличностные отношения, верования и представления, ценности и психологические особенности населения оказываются неизменно самым мощным препятствием на пути прогресса, который отождествляется с индустриальной цивилизацией и гражданским обществом.

Очевидно, в этих условиях любое макросоциальное, историческое масштабное и значимое реформаторское начинание, коль скоро оно рождается не стихийно, а инициируется осознанно и целенаправленно, должно рассматриваться не только с точки зрения политических и практических качеств, но и как социально-историческая гипотеза, содержание, целесообразность, пути и способы осуществления которой подлежат, помимо прочего, и научной проверке. Реализация такой гипотезы непременно должна сопровождаться созданием и использованием разветвленной системы обратных связей между обществом и властью, обществом и наукой, наукой и властью, которые позволяли бы максимально рано выявлять все издержки и минусы, сводя совокупный ущерб от них к доступному минимуму.

Однако само по себе состояние общественного сознания еще не предопределяет ни склонности соответствующей части социума к участию в политике; ни того, в какое политическое поведение выльется это участие, если оно будет иметь место; ни, тем более, потенциальной результативности такого поведения. Динамика общественно-психологических и политико-психологических состояний и процессов, ведущих от некоего состояния сознания к некоторому политическому поведению, в рамках ППА может прослеживаться по линии «массовое сознание – общественное мнение – политическое поведение». Причем по мере продвижения от состояния сознания к конкретным формам поведения «включается» все большее число психологических механизмов, для анализа и оценки последствий деятельности которых последовательно задействуется все большее количество критериев.

Под массовым сознанием мы будем понимать все совокупное состояние сознания социума или какой-то его части в определенный момент или сравнительно непродолжительный период времени: все существующие в этом сознании фактические представления, ценности, интересы, ожидания, эмоциональные состояния без какого бы то ни было исключения. Состояние массового сознания может определяться только применительно к ограниченному периоду времени: заметная эволюция эмоционального состояния уже меняет и состояние массового сознания в целом, даже если остальные компоненты его остаются неизменными. Переменчивость эмоциональной компоненты сознания достаточно высока даже в масштабах общества в целом.

Для целей ППА крайне существенно то, что состояние массового сознания может быть более или менее достоверно оценено имеющимися методами либо ретроспективно, либо прогностически. Текущей оценке в реальном масштабе времени оно не поддается: методы исследования таковы, что за время проведения опроса состояние сознания вполне успевают измениться и даже неоднократно. Поэтому любые прогнозы вероятной реакции социума на какие-либо ожидаемые или предполагаемые события должны иметь сценарный характер.

На практике ведущее место в оценке состояния и динамики массового сознания повсеместно заняли опросы общественного мнения. Проблема общественного мнения и его измерения принадлежит к числу наиболее разработанных в общей и политической социологии, социальной и политической психологии, политологии; библиография по ней лидирует во всех перечисленных дисциплинах. В рамках политико-психологического анализа целесообразно выделять несколько качественно разных уровней общественного мнения применительно к данной политической проблеме и/или ситуации, что позволяет расценивать его как неструктурированное и структурированное.

В целом модельное представление о генезисе и функционировании социально-политических общностей как социально-территориальных систем дает возможность всесторонне проводить психологический анализ различных политических феноменов.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Обоснуйте условия оптимального соотношения политики, психологии и морали в реальном правовом пространстве.
2. Охарактеризуйте истоки, место, статус и перспективы политической психологии.
3. Раскройте цель, задачи и функции политической психологии и условия их продуктивного выполнения.
4. Определите основные характеристики объекта, предмета и методов политической психологии.
5. Раскройте теоретико-методологические и прикладные основы политической психологии.
6. Дайте характеристику основных школ и концепций современной политической психологии.
7. Проведите психолого-политический анализ временного фактора в современной политической практике.
8. Какие возможности раскрывает политико-психологический анализ с использованием моделирования генезиса и функционирования социально-политических общностей?

Глава 2. ПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ	112
2.1. Политические идеалы	112
2.2. Политическая культура как синтез политического сознания, менталитета и поведения	126
2.3. Этно-национальный характер в политическом процессе	145
2.4. Политическая элита в современном обществе.....	164
2.5. Оппозиционность как феномен демократизирующегося общества	177

Глава 2. ПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО ПОЛИТИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

2.1. Политические идеалы

Являясь важнейшим системообразующим фактором, политические идеалы играют огромную роль в формировании политического сознания, определении ценностных и мировоззренческих установок личности и общества в целом. Политические идеалы наряду с политическими взглядами, настроениями, чувствами, мнениями фиксируются в политическом сознании субъекта политики и, являясь неотъемлемой частью этого сознания, выражаются в политической культуре субъекта политической деятельности.

Политические идеалы рассматриваются как отражение тенденций общественного развития, как активная сила, организующая людей, объединяющая их на решение исторически назревших задач. Политические идеалы – это не просто образ желаемого или должного общественного устройства, вынесенный за пределы существующей реальности, с которыми она должна соотносываться, а сама действительность, рассматриваемая в ее динамике с учетом перспектив ее развития.

Политические идеалы в ходе динамичного процесса развития общества, постоянно видоизменяясь, отражают уровень развития политического сознания. Появление новых политических идеалов является показателем способности людей формировать более сложные смыслы, принимать более сложные решения на более высоком рациональном и эмоциональном уровне. В этой связи, политические идеалы целесообразно рассматривать сквозь призму представления о государстве как идеальной форме организации власти.

Уже в античной философии исследование проблемы политического идеала занимало значительное место. Так, Гераклит Эфесский (ок. 544–ок. 483 гг. до н. э.) в качестве идеала государственного устройства признавал закон, за который «народ должен сражаться... как за стены». При этом, по мнению философа, единая мудрость заключается в том, чтобы достигнуть такого знания, которое правит всем и всегда» [140].

В европейской традиции, начиная с Платона (437 – 347 до н. э.), существует устойчивое представление об идеальном государстве. Концепции идеального государственного устройства особо подчеркивают, что политический идеал представляет собой категорию, которая выполняет функцию ориентира развития, образца, нормы общественного устройства, политической власти и деятельности.

Государство, по мнению Платона, появляется как следствие многообразия человеческих потребностей и возникшего общественного разделения труда. Описывая идеальное государство, Платон подчеркивает, что его создание не имеет в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот... сделать таким все государство в целом [100, с. 439].

Философ подчеркивал: «... мы основываем это [идеальное] государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитываем найти справедливость... Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так, чтобы оно было счастливо все в целом...» [100, с. 481].

Известный исследователь творчества Платона А.Ф. Лосев отмечал, что Платон видел во всякой вещи ее углубленный онтологический корень, отблеск идеала, ибо реальные вещи только в той или иной, большей частью весьма несовершенной, форме воплощают в себе свою идею [56]. Античная философия в качестве идеала политического устройства рассматривала три формы правления: совершенная демократия, совершенная олигархия и совершенная монархия.

Великий античный мыслитель Аристотель делил государства на правильные и неправильные, с искаженными формами. Монархия, аристократия и их смешанные формы, в том числе «полития» (государство с ограниченным демократическим элементом) были отнесены философом к правильным [10]. Тиранию, олигархию, демократию Аристотель причислил к неправильным формам. Разница между правильными и неправильными формами организации государственной власти состояла в том, что государство правильной формы властвует разумно, в согласии с представлениями (идеалами) о справедливости и добродетели, достигая «общего блага» и соблюдая «естественные законы». У государства неправильной формы цели и характер власти искажены; властная организация противоречит естественным законам и не позволяет государству в целом достичь общего блага, которое мыслится как конечная высшая цель существования и развития государства; власть существует сама по себе и не стремится к «добродетели». Деятельность правильных государств соответствует натуре той категории людей, которых Аристотель считал изначально свободными и равными.

В становление теории политических идеалов большой вклад внес выдающийся политический мыслитель эпохи Возрождения Никколо Макиавелли (1469–1527). Анализируя поведение человека, стремящегося к обеспечению личного интереса, Макиавелли впервые в истории философской и политической мысли выводит идеал государства как института принуждения и насилия для установления порядка и обуздания человеческой природы, в которой нет логики и системности и которая подвержена страстям [78].

По мнению Макиавелли, идеальный тип государства должен основываться на компромиссе народа и знати. Суть смешанной республики заключается как раз в том, что здесь существуют демократические и

аристократические учреждения, выражающие интересы соответствующих слоев и групп общества и ограничивающие их претензии друг к другу. Макиавелли считает, что в политике действуют особые правила, не тождественные, а подчас противоположные требованиям морали. Действия, конкретные поступки государя должны оцениваться, с точки зрения Макиавелли, не в соответствии с моралью, а в соответствии с их конечным результатом.

Макиавелли писал: «...Государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности» [78, с. 255]. «Чтобы узнать, что должно случиться, – утверждал философ, – достаточно проследить, что было... Это происходит оттого, что все человеческие дела делаются людьми, которые имели и всегда будут иметь одни и те же страсти, и поэтому они неизбежно должны давать одинаковые результаты» [78, с. 255]. Политическое поведение Макиавелли анализировал, признавая основополагающей политической категорией категорию власти. Идеальный способ государственного управления, по мнению Макиавелли, состоит в обеспечении, поддержании и расширении власти.

В свою очередь Эразм Роттердамский (1469–1536), рассматривая политический идеал как определяющий способ и характер поведения, в своем трактате «Жалоба мира» отмечал: «Каждый из государей должен трудиться и радеть, употребляя все свои силы на то, чтобы способствовать процветанию своих владений» [56, с. 268].

Исследования проблемы политических идеалов получили свое продолжение в работах Г. Гроция, Б. Спинозы, Дж. Локка, Т. Гоббса. Для Г. Гроция (1583–1645) идеал государства представляется как совершенный союз, установленный ради соблюдения права общей пользы [56, с. 315–316]. Б. Спиноза (1632–1677) в своем «Политическом трактате» рассматривая вопрос о государствах правильных и неправильных форм, заявляет о праве войны против тирании [56, с. 354–357]. Дж. Локк (1632–1704), в свою очередь, говоря об идеале политической власти определяет тиранию как «осуществление власти помимо права» [56, с. 359–366].

Плеяда этих исследователей предложила свои формулы – идеалы политического устройства, – составляющие содержание так называемого «естественного права»: «искать мира и следовать ему», «право защищать себя», «выполнять заключенные договора», «не причинять другому того, чего не желаешь себе» и т. п.

Наиболее полное теоретическое описание понятия политического идеала посредством раскрытия сущности и содержания исходного понятия «идеал» в истории философской мысли отражено в работах И. Канта, И. Фихте, Ф. Шиллера, Г. Гегеля.

И. Кант (1724–1804) считал, что идеал не может быть сформирован вне целеполагания, он возможен лишь применительно к явлениям, которые могут быть конструированы в качестве цели. Поскольку достижение цели лишает идеал статуса существования, по мнению Канта, он реализует себя как «идея» исключительно регулятивного порядка.

С точки зрения Канта, идеал – это представление отдельного существа, адекватное той или иной идее. Поэтому каждый шаг по пути прогресса есть шаг на пути реализации этого идеала, который люди всегда смутно чувствовали, но не умели теоретически обосновать его. Кант в своих сочинениях впервые представил теоретическую модель идеала.

Государство как политический идеал Кант трактует следующим образом: «Государство (civitas) – это объединение множества людей, подчиненных правовым законам. Поскольку эти законы необходимы как априорные законы, форма государства есть форма государства вообще, т. е. государство в идее, такое, каким оно должно быть в соответствии с чистыми принципами права...» [56, с. 478].

Кант выделяет идеал чувственности, идеал воображения и трансцендентальный идеал. О первых двух идеалах философ говорит, что никто не может их себе уяснить и никто не в состоянии составить ясное представление о них. Кант убежден, что «попытки осуществить идеал на примере, т. е. в явлении... напрасны, более того, они в известной степени нелепы и малоназидательны» [56, с. 429].

Проецируя учение Канта об идеале непосредственно на политическую сферу деятельности, И. Фихте (1762–1814) указал, что под категорическим императивом, политическим идеалом государственного устройства на самом деле скрывалось требование абсолютного равенства всех индивидов перед лицом закона.

Для Фихте идеалом политической жизни общества выступало такое состояние социума, при котором господство разума на основе инстинкта обеспечивало бы человеческому роду состояние невинности. По его мнению, «существует пять основных эпох земной жизни... Эпохи эти таковы:

- 1) эпоха безусловного господства разума через посредство инстинкта – состояние невинности человеческого рода;
- 2) ...состояние начинающейся греховности;
- 3) ...состояние завершенной греховности;
- 4) ...состояние начинающегося оправдания;
- 5) ...состояние завершенного оправдания и освещения. Весь же путь... есть не что иное, как возвращение к той ступени, на которой оно стояло в самом начале; возвращение к исходному состоянию и есть цель всего процесса.» [56, с. 437]. По мнению Гегеля (1770–1831), идеал – это понимание вещи в себе как единства противоположностей, как живого развивающегося процесса, снимающего силой противоречия все свои «конечные», зафиксированные состояния.

Рассуждая о государстве, Гегель пишет: «Государство как действительность субстанциальной воли, которой оно обладает в возведенном в свою всеобщность особенном самосознании, есть в себе и для себя разумное. Это субстанциальное единство есть абсолютная, [неподвижная самоцель, в которой свобода достигает \ своего высшего права, и эта самоцель обладает высшим правом по отношению к единичным людям, чья высшая обязанность состоит в том, чтобы быть членами государства.» [56, с. 642]. Он считал

высшим достижением всемирной истории сословную монархию Пруссии своего времени и свою собственную философию.

Свою лепту в познание идеала внес известный немецкий философ А.Шопенгауэр (1788–1860), чей главный философский труд – «Мир как воля и представление» – широко известен во всем мире. Шопенгауэр видел политический идеал в положительном праве. Он писал: «...государство создает оплот в законах в виде положительного права. Цель его в том, чтобы никто не претерпевал несправедливости» [56, с. 695].

Особый подход к раскрытию содержания идеала выдвинул видный французский философ, социолог, методолог и популяризатор науки, один из основателей школы позитивизма О. Конт (1798–1857). В раскрытии политического идеала Конт опирался на такие понятия, как солидарность, гармония поведения. Государство, согласно Конту, есть агент социальной солидарности, и подчинение ему – священный долг всех индивидов. Государство выполняет экономические, политические функции, но главные из них – моральные. По мнению философа, цель идеального государства – «прочное построение всеобщей морали действия, предписывающей каждому деятелю, личному или коллективному, наиболее соответствующие основной гармонии правила поведения» [56, с. 701].

От изложенных подходов отличается теория Л.А. Фейербаха (1804–1872), который связал проблему идеала с проблемой целостного развития человека. Немецкий философ отмечал: «Ни политика, ни государство для себя самих не являются целью. Государство растворяется в людях, существует только по воле людей. Так называемый субъективный человек – вот истинный человек, истинный дух. Это истина христианства» [56, с. 708].

Психический характер феномена идеалов подчеркивал В. Парето (1848–1923). Он отмечал, что исследования последнего столетия (в основном социологического и психологического характера) установили тесную связь идеалов с процессом абстрактного мышления человека и системой ценностей личности.

Особой точки зрения в отношении политического идеала придерживался Ф. Ницше (1844–1900). Рассуждая об идеале общественного устройства, он писал: «При лучшем общественном строе тяжелый труд и жизненная нужда должны будут выпадать на долю тех, кто менее всего страдает от этого, т.е. на долю самых тупых людей, и эта пропорция должна будет прогрессивно распространяться на всех, вплоть до того, кто сильнее всего ощущает высшие и самые утонченные роды страдания и потому продолжает страдать даже при величайшем облегчении жизни» [56, с. 829]).

В двадцатом столетии на смену традиционных взглядов на политические идеалы приходит суждение, по существу означающее утверждение новых смысловых ориентиров человечества. К. Ясперс (1883–1969) идеал политического устройства видел в правовом государстве и демократии. Он писал: «Человек имеет два притязания: во-первых, на защиту от насилия; во-вторых, на значимость своих взглядов и своей воли. Защиту предоставляет ему

правовое государство, значимость его взглядам и воле – демократия» [56, с. 274].

Сторонником понимания политического идеала как нормы, необходимых априорных допущений, регулятивных принципов государственного устройства и управления являлся Г. Маркузе (1898–1979). Он писал: «...власть закона, пусть ограниченная, бесконечно надежнее власти, возвышающейся над законом или им пренебрегающей» [56, с. 396].

Несколько иной подход к определению сущности политического идеала характерен для К.Р. Поппера (1902–1994). Согласно точке зрения К.Р. Поппера, сущность политического идеала состоит в том, что «вся долгосрочная политика – особенно всякая демократическая долгосрочная политика – должна разрабатываться в рамках безличных институтов... Мы должны защищаться от лиц и от их произвола...» [56, с. 475].

Для уяснения сущности политического идеала интересны высказывания Т. Парсонса (1902–1979), который утверждал, что «власть... является реализацией обобщения способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств, легитимизированных значимостью последних для целей коллектива, и допускающей возможность принуждения строптивых...» [56, с. 481]. Этой же точки зрения придерживался и Р. Дарендорф (р. 1929), утверждавший: «Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики» [56, с. 791].

Анализ развития проблемы политических идеалов в истории философской, политической, социологической и психологической мысли позволяет выявить те понятийные ряды, которые полнее и глубже раскрывают значение понятий «идеал» и «политический идеал»:

- 1) «идеал – идея – идеальное»;
- 2) «идеал – мировоззрение»;
- 3) «идеал – образ цели – цель движения»;
- 4) «идеал – норма, образец».

Понятийный ряд «идеал – идея – идеальное» по существу означает идеализацию, максимальную степень типизации актуализировавшихся интересов и потребностей.

В параллели «идеал – идеальное» последняя категория предстает в форме субъективного образа объективной реальности, факта общественно-исторического духовного производства, сознания и воли. Наличие идеального предполагает сопоставление идеального образа с самой действительностью. При этом ценностные значения, вырабатываемые обществом, представляют собой особый вид идеальных образований, которые объективно выступают в качестве средства самосохранения и саморегуляции общества в процессе осуществления людьми совместной деятельности и поведения.

Во втором понятийном ряду «идеал – мировоззрение» последний элемент выступает в роли особого состояния эталонного сознания с его диалектикой веры и знания, понимания и эмоциональной оценки. Мировоззрение является вершиной социальной структуры личности. Оно формируется под

воздействием внешних факторов, воли и практики (опыта, реже – труда), имеет собственную логику построения и развития для каждой личности.

Наличие идеала в мировоззрении связано с особым состоянием эталонности сознания, предполагающим не только принятие идеи или чьего-то поведения, деятельности, творчества в качестве образца, а наличие убеждений, абсолютной веры в правоту избранных идей. Общественный идеал связан с выбором мотива, оправдывающего напряжения сил и энергии многих людей ради достижения определенных социальных и политических целей. «Каждому историческому типу политической социализации соответствует определенный идеал «политического человека», его гражданских доблестей, степени вовлеченности в политику, степени активности, развитости политического сознания, идентификации с политическими партиями, группами, организациями и т. п. Этот идеал отражается в теоретических концепциях политологов и в практике политического рекрутирования» [91, с. 70].

Приверженность тем или иным ценностным ориентациям чаще всего определяет конкретные политические идеалы, т. е. более или менее структурированную систему воззрений на идеальный (нормативный) тип общественно-политического устройства, справедливость или несправедливость в политике, в соответствии с которыми оценивается деятельность власти и отдельных политических партий и лидеров. Личность, ориентирующаяся на индивидуалистические ценности, обычно формирует свои политические идеалы, исходя из общей концепции естественного права, либеральных воззрений, рассматривая плюралистическую демократию в качестве наиболее рациональной и справедливой формы политического режима. Коллективистские или корпоративные ценностные установки чаще всего предполагают, что идеалом общественного устройства является сильная власть, нередко персонифицированная, олицетворяющая собой коллективную волю той или иной общности людей, устанавливающая рамки личной свободы, но в этих рамках гарантирующая гражданам более или менее равное пользование жизненными благами и правами.

Анализ сущностных характеристик политического идеала позволяет выделить ряд его основополагающих составляющих: идеальный образ, совершенство, совершенный образ чего-либо, образ желаемого, образ должного; отражение в сознании различных, полно и ярко развивающихся сторон жизни; идеальные цели и стремления людей; представление о всеобщей норме, образце человеческого поведения, мере; образец, норма, определяющий способ и характер поведения человека; идеальный образ, имеющий нормативный характер поведения, деятельности человека; внутренняя цель (высшая конечная цель на пути постепенного самосовершенствования); высшая конечная цель стремлений, деятельности; наглядно созерцаемый образ цели, такой тип отношений, к которым личность проявляет интерес; компонент идеологии; регулятор отношений внутри общества, отражение тенденций общественного развития; активная (организующая, объединяющая) сила, динамичный процесс; состояние эталонного сознания; возможность того или

другого явления; выход за пределы непосредственного опыта, инструмент для осуществления в непосредственном настоящем активного замысла личности.

Для политического идеала характерно осуществление ряда функций. Так, в мировоззрении людей регулирующая функция идеала в отношении поведения раскрывается в форме кодекса политических правил, законов, примеров; в отношении деятельности – в форме выбора политической цели. Для политического идеала характерны познавательная, мобилизационная, организующая, направляющая и др. функции. Политический идеал вдохновляет, рисует идеальную конструкцию, воплощается в ценностях, задает модель политического поведения, фиксирует ценность общественного и индивидуального бытия.

С. Франк отмечал, что «общественный идеал не просто декретируется и требуется, а философски обосновывается и выводится либо из общего философского мировоззрения, либо из анализа природы общества и человека» [123, с. 23].

Со всей очевидностью можно сказать, что политический идеал – это понятие политического сознания, отражающее взгляды субъекта политики (личности, группы, общности, общества в целом и т. п.) на идеальное государственное и социально-политическое Устройство общества.

Политический идеал наряду с политическими взглядами, настроениями, чувствами, мнениями фиксируется в политическом сознании субъекта политики и, являясь неотъемлемой частью этого сознания, выражается в политической культуре субъекта политической деятельности.

Политические идеалы – это те формы выражения глубинных конкретно-исторических интересов общества и индивида, в которых эти интересы даны в максимально обобщенном, концентрированном виде. Политические идеалы венчают весь строй идей, присущих социальному субъекту, интегрируя в себе все самое существенное, генеральные моменты политического самосознания масс.

Политический идеал вдохновляет людей на изменение социальной системы и самих себя, рисует им идеальную конструкцию социальных условий и политических отношений. Воплощаясь в совокупности ценностей, политический идеал становится важным компонентом идеологии социальных движений, а реализуясь в социальных нормах, становится регулятором политических отношений внутри общества, способом достижения согласия участников политических отношений и повышения их сплоченности.

Политический идеал – это представление о всеобщей норме, образце политического поведения и отношений между людьми, выражающее исторически определенное понимание цели жизни. Он отражает исторически определенные интересы того или иного класса или общества. Объективную основу содержания политического идеала составляют интересы.

Политический идеал задает модель политического поведения в большинстве жизненных ситуаций и включает аспект сравнения (справедливо – несправедливо). При этом источник субъективности в восприятии и оценке

одних и тех же политических реальностей коренится в различии систем ценностей, сквозь призму которых человек воспринимает окружающий мир.

В политической психологии политический идеал определяется как представление о совершенном политическом строе, совершенный образец чего-либо в политической сфере, высшая конечная цель стремлений в политической деятельности. Политический идеал детерминирует стремления и поведение человека, группы, класса в политической сфере.

Научно обоснованный политический идеал как идеальные цели и стремления людей, основанные на предвидении реального хода истории, не уводит от действительности, а помогает лучше познать ее закономерности. Контуры политического идеала как образа необходимо наступающего будущего есть не что иное, как теоретический вывод из анализа существующих в общественно-политической практике противоречий, требующих своего устранения.

Идеал политический есть совершенный образец политического и государственного устройства общества; наилучший для данного конкретно-исторического этапа развития образ сознания и деятельности политического субъекта; политическая ценность, побуждающая к эффективной деятельности; образ политического деятеля, признанного в качестве идеального, отвечающего современным, образцовым требованиям масс; механизм нормативной, легитимной власти, соответствующей идеальным представлениям населения, и т. д.

Политические идеалы несут в себе ценности воспроизводства определенных типов политических отношений, ценности людей, особых отношений с ними, ценности целого. Их специфика заключается в том, что они представляют особую программу воспроизводства, которая реально или потенциально может быть основой интеграции общества, предотвращения процессов его распада и дезинтеграции.

Возникновение политических идеалов представляет собой своеобразный ответ общества на усложнение проблем путем создания нового политического основания, политической программы для совместной деятельности, совместных решений. Каждый из политических идеалов несет в себе высокую ценность особого типа отношений, обеспечивающих основу для определенного образа жизни, определенного типа хозяйства. Появление нового политического идеала является изменением, возможно, ростом способности людей формировать более сложные смыслы, принимать более сложные решения, обеспечивающие воспроизводство общества, включая культуру, всю систему отношений. Ранее сложившиеся пласты нравственности при этом оттесняются на задний план, быть может, в ожидании ситуации, открывающей путь своему победоносному возвращению, превращению в господствующую форму.

В различных концепциях возникновения государства политический идеал выступает как центральная категория, призванная указывать ориентиры дальнейшего развития такого политического института, как государство. Соответственно, все теории идеального государственного устройства можно – в общем виде – разделить на две группы. Концепции первой группы

(анархические) в качестве политического идеала исповедуют отрицание необходимости государственной власти; вторая группа теорий, наоборот, исходит из необходимости государства и государственной власти и соответственно ищет, конструирует этот политический идеал.

Анархизм (от греч. *anarchia* – безначалие, безвластие) как течение выступает в роли особого политического идеала, представляющего собой направление общественного мировоззрения, отрицающее необходимость государственной власти как таковой, проповедующее неограниченную свободу личности, непризнание общего для всех порядка в отношениях между людьми. Своей целью анархизм ставит освобождение личности от давления всяких авторитетов и любых форм экономической, политической и духовной власти.

Анархизм как идеал политического устройства общества воплощает в себе идею свободы личности, идеальной формой которой является отсутствие государственной и всякой иной власти. Анархисты полагают, что такое государственное устройство дает подлинную свободу личности. Цель движения, предел общественного стремления, по мнению сторонников теории анархизма, – свободного самоуправления. Однако анархизм до настоящего времени остается лишь утопической теорией, не нашедшей практического воплощения в реальности.

Другая распространенная концепция государственного устройства представляет идеал политического обустройства мира в особой структурной организации власти государства. В качестве идей, постулирующих идеальное государство как особую форму организации власти, выступают различные теории происхождения государства: теория политического дарвинизма, теория классовой борьбы, безопасности, естественной солидарности, земельная теория, договорная, историческая, родовая, теория завоевания, теория коллективной борьбы, патриархальная теория, теологическая, теория насилия, психологическая теория и др. Политический идеал здесь рассматривается с позиций абсолютизации одного из факторов, присущих общественному сознанию в целом.

Привлекательность для массового сознания и действенность социально-экономической, политической, национальной идеи находится в прямой зависимости от степени ее мифологичности. Мифологичность современных идей следует понимать в двояком смысле: как мифологичность содержания и формы. Мифологичность содержания социальной идеи детерминирована ее соответствием базовым потребностям людей. Фрустрация этих потребностей является почвой для внедрения социальных мифов. Формулирование мифологической идеи основано на принципах аналогичности, радикализма в формулировании проблемы, стереотипности поведения (внедрение новых стереотипов поведения). Другими словами, идея становится мифом или символом, если она мифологична по форме и содержанию.

Во все времена символ и миф незримо руководили людьми, задавая идеалы как индивидуального, так и коллективного поведения. Общее понимание символа состоит в том, что символом может стать любое слово, имя, изображение, вещь и т. д. только в том случае, если они обладают

сецифическим добавочным значением к своему обычному смыслу. В смысловом плане символ самодостаточен, потому что, по меткому замечанию В.В. Налимова, символ сам несет в себе всю полноту собственного текста.

Основными функциями символов являются: мотивационно-побудительная (символ как катализатор социального и политического действия), интегрирующая (социальная интеграция и идентификация).

Основными культурологическими и психологическими нишами производства символов являются художественные произведения, народное творчество, религия, идеология, язык. Классификация символов подразумевает деление их на символы религиозные, художественные, социальные, к которым относятся государственная геральдика, политические, национальные символы, символы образа жизни; к психологическим символам относятся прежде всего символы сновидений.

Кроме того, возможно деление символов на динамические и статические. Динамические символы выражаются в различных процессах, действиях, событиях, происходящих в окружающем человека мире. Например, религиозная динамическая символика представлена театрализованными богослужебными действиями, политическая динамическая символика – различными политическими акциями, митингами, демонстрациями, в том числе и теми событиями, которые связаны с формированием имиджа политического лидера. Статические символы представлены материальными предметами прежде всего в виде архитектурных сооружений и памятников (пирамиды Хеопса, мавзолеи вождям, барельефы и т. п.), а также предметами быта и окружающей природы (тотемические символы), геометрическими фигурами и т. п.

Существуют различные виды политических символов: символы-идеи, символы-действия (ритуалы), символы-объекты, символы-персоны, символы-звуки.

В течение последних лет в России происходит невиданный по масштабам процесс обновления социальной символики. Смена государственной символики на основе воссоздания символов дореволюционной России явилась одним из основных актов современного символотворчества. Ему предшествовало постепенное внедрение в образ жизни россиян новой символической реальности, выраженной в виде обновленного видеоряда киногероев и литературных персонажей, олицетворяющих ценности прежде всего рыночного общества, в появлении неологизмов в бытовой и официальной речи. По мнению специалистов, особо богатым на неологизмы оказался период правления М.С. Горбачева, когда языковеды не успевали фиксировать чуть ли не ежечасно рождающиеся новые слова, выражения и сочетания. Среди них, к примеру, такие яркие, не переводимые на другой язык неологизмы, как «гласность», «перестройка», «антиперестроечник», «прораб перестройки», «гэка-чепист» и др. Интересным с этой точки зрения является понятие «языкового вкуса эпохи», введенного в лингвистический оборот и указывающего на социально-психологическую природу языковой эволюции. Языковой вкус – это, в сущности, меняющийся идеал пользования языком соответственно характеру

эпохи, это социальное по природе, усваиваемое каждым носителем языка так называемое чувство, или чутье, языка, являющееся результатом речевого и общесоциального опыта, бессознательной по большей части оценки его тенденций, путей прогресса. По мнению специалистов, языковая эволюция наиболее активно проявляется в периоды коренных реформ, а важнейшим мотивом языковой эволюции является взаимодействие диалектов, особенно социодиалектов. Сегодняшние тенденции использования русского литературного языка связаны с осознанной установкой, желанием следовать определенным вкусам, задаваемым влиятельной частью общества, в целом достаточно образованной и весьма неплохо знающей, но сознательно деформирующей нормы и стилевые особенности литературно-языкового стандарта.

На первых этапах становления политическая символика во многих случаях имеет характер «антинормы» и несет в себе код межгруппового барьера, зону разряжения контактов и связей. С этим связана межэтническая напряженность, возникающая в различных регионах России, политическая агрессивность многих партий и объединений на первых этапах своего становления. В дальнейшем, как правило, происходит трансформация символики от «антинормы» к «норме», что свидетельствует о том, что новое социальное сообщество или группа от воздвижения границ и межгрупповых барьеров переходит к организации социального взаимодействия.

Еще одной особенностью современного символа-творчества является как одновременное сосуществование старых и новых символов, так и их жестокая борьба. Процесс нового символотворчества в России начался с разрушения старых советских символов: на свалку истории были выброшены герб, гимн и флаг СССР, в столице и многих городах снесены памятники вождям революции, перестали функционировать историко-архитектурные комплексы, символизирующие этапы истории СССР.

Новые символические образы появляются сегодня с большим трудом. Возвращаются дореволюционные символы: герб и флаг России, восстанавливаются разрушенные после революции наиболее значимые храмы, возводятся скульптурные аналоги героев прошлого – Петра I, маршала Жукова и других. Использование символов прошлого само по себе является положительным моментом, создает эволюционную преемственность традиционных норм и ценностей. Однако, с другой стороны, неспособность культивировать новые символы говорит об идейной скудости сегодняшней эпохи, ее неспособности соответствовать интересам живущих поколений, непроработанности идеологических смысловесущих конструкций массового сознания.

Весьма актуальной является проблема социальной трансформации символа, неразрывно связанная с процессами социодинамики российского общества. Тот факт, что вопросы государственной символики (флаг, герб) выносятся на обсуждение в Государственной Думе, говорит о значимости этой темы для общества.

Изменение социальной структуры влечет за собой трансформацию символической реальности. История дает нам образцы таких трансформаций. Так, например, переход от язычества к христианству сопровождался сложным и длительным процессом изменения религиозной символики. Известно много фактов, как ранние христиане уничтожали древние языческие статуи, выкалывали им глаза или переделывали их в соответствии с требованиями аскетических норм своей веры. Новая христианская символика рождалась на принципе антинормы и, соответственно, сопровождалась агрессией. Тем не менее в период перехода к христианскому мировоззрению своеобразно решалась проблема сохранения старого и производства нового религиозного символа. Ряд древних языческих символов были переосмыслены в системе христианских мировоззренческих конструкций, результатом чего явилось создание новых иносказательных образов. Так, к примеру, существовала теория «сходных» и «несходных» проявлений сущности бога. В русле «сходных» библейских персонажей с Христом сопоставлялись царь Соломон и Давид. Последний, как и Христос, родился в Вифлееме в семье пастуха. Он получил помазание и победил великана Голиафа, пользуясь поддержкой Яхве. «Несходные» или «неподобные» образы (символы) отождествляли Христа, например, с грифоном или львом. Считалось, что именно эти символы с большей достоверностью говорят об истинной сути Бога. В сцене Благовещения сосуд с водой или рукомойник обозначал особую очищенность Девы Марии для ее миссии, горящая свеча – ее духовное горение, яблоко – тайну грехопадения.

О символическом значении «сходных» и «несходных» образов в те далекие времена много спорили. Только в результате соглашения они приобретали одобренный большинством богословов официальный статус христианского религиозного символа. Интересно, что именно при переходе к христианскому религиозному мировоззрению возник конвенциональный символизм как институт социального воспроизводства символов.

Развернувшаяся в последнее время полемика по поводу официальной государственной символики по накалу страстей и сути вопроса очень напоминает дебаты раннехристианских богословов. В связи с этим важно осмыслить тот исторический опыт, который связан с ситуациями переходных идеологических систем, каким было, например, раннее христианство, первые годы становления советской идеологии и т. п. Эволюционность символических трансформаций в обществе может стать гарантией конструктивности и стабильности социальных преобразований.

Знание закономерностей функционирования символического пространства социума является особенно полезным в эпоху переходных обществ, так как одним из основных механизмов реформирования социума является изменение символических комплексов и систем. Являясь предметным, вещным олицетворением духа эпохи, живым смыслом, символ открывает новые грани в социологических исследованиях массового сознания, менталитета, социального характера российского социума.

Проблема современного мифологического мышления вплотную связана с вопросами формирования идеологий, психологическими механизмами формирования идей, идеалов и т. п. Интерес к механизмам функционирования социального мышления, желание понять, как формируется социальная идея, в каком виде она предстает в семантическом пространстве современного социума – эти и другие вопросы инициировали постановку проблемы современного мифологического мышления. Существенным различием мифологической и современной картины мира является фантастический, выдуманный (с точки зрения современного человека) план представления действительности, свойственный мифологическому сознанию, и реализм современной картины мира. По пророческому замечанию П. Сорокина, огромная часть умственного багажа современного человечества, не исключая и ученых, состоит не из знаний, а из верований, субъективно принимаемых за знания. Мы удивляемся абсурдности верований первобытного человека. «УАУЩие поколения будут во многом удивляться нелепости наших верований. Понимание этой относительности и вызвало явление наших дней, которое Удачно было названо ремифологизацией. Ремифоло-гизация современного обыденного сознания характеризуется тремя типами воспроизводства мифа: автоматическим воспроизведением мифа в обыденном сознании; идеологическим навязыванием (как сознательный экспансионизм обыденного сознания, в отличие от бессознательной экспансии); художественной реконструкцией мифа в сфере эстетического творчества. Правомерность использования понятия «миф» при анализе современного социального мышления обусловлена принципиальным сходством обыденного мышления и мифотворчества. Поскольку обыденное сознание в отличие от теоретического сознания (осознанно разрабатываемого, систематизируемого) в основном несистематично, поскольку в нем стихийно складываются лишь некоторые первоначальные формы упорядоченности, постольку миф выступает как высшая форма системности, доступная обыденному сознанию. Миф поставляет обыденному сознанию системность того уровня, который не требует и не предполагает строгих доказательств, ограничиваясь более или менее внешними корреляциями и связями между явлениями. Ж. Сорель писал по этому поводу, что миф отображает тенденции, инстинкты, ожидания народа или партии, позволяет наглядно изобразить все эти страхи и стремления в виде целостности. Многие специалисты говорят о наличии мифологической потребности в массовой душе, о потребности в мифе. По мнению Черстертона, мифы утоляют некоторую часть нужд человека, которые утоляет религия. Это свидетельствует о преобладании компенсаторной функции современного мифа над познавательной, свойственной классическому мифу.

Классический или первобытный миф определяется как простая (упрощенная), образная, объясняющая и предписывающая определенный способ действий схема мира. Другие свойства и социальные функции мифа, например, его способность выражать символическую причастность индивида к коллективу, его вовлеченность в события, переживаемые совместно с другими

индивидами, и др., вторичны и наслаиваются на его главные и первичные функции.

Современная мифология – это попытка понять и иллюзорно обосновать линию поведения в условиях, когда познание истинных причин и закономерностей явлений невозможно в силу механизмов отчуждения. Современный миф возникает не в условиях узкого практического опыта, как миф традиционный, но в условиях достаточно широкой, хотя и раздробленной, практической базы, когда стремление к синтезу мировоззрений налицо, а средств для выполнения такого синтеза нет.

2.2. Политическая культура как синтез политического сознания, менталитета и поведения

Политическая культура современного политика представляет сложную и многомерную характеристику как самореализующегося субъекта политической сферы. Структура политической культуры раскрывает иерархию (диспозиции) ее компонентов и взаимосвязи между ними. В ней можно выделить два взаимообусловленных, активно сопряженных блока – потенциальный и деятельностно-поведенческий. Все рациональное и чувственное, аккумулированное в человеке, и выражает скрытую, или потенциальную, сторону овладения опытом, который несут в себе общество, природа и непосредственные их составляющие, присутствующие в политической деятельности.

Степень соответствия приобретенного опыта многообразию политической сферы характеризует уровень политической культуры человека. Эта сторона культуры проявляется в конкретных действиях и поступках, придает политической деятельности и отношениям конкретно выраженный характер. Она представляет деятельностно-поведенческую составляющую политической культуры. Здесь внутреннее богатство субъекта политики воплощается в образ жизни, политической деятельности и ее результаты.

Содержание политической культуры включает такие компоненты, как политическое сознание, политический менталитет, политическое поведение, которое характеризует деятельность и отношение субъекта политики. Важно все эти компоненты проанализировать.

Политическое сознание субъекта политики предстает как высшая форма развития психики и характеризует его способность системно воспринимать, понимать и оценивать ту часть реальности, которая связана с политикой, с вопросами власти и подчинения, государства с его институтами.

Политическая история человечества поражает своим разнообразием. Были страны, где подавляющее большинство населения лишено каких-либо прав, а всем, в том числе и жизнью людей, распоряжаются тиран или правящая олигархия. Были страны, где люди болезненно воспринимали любые попытки хоть как-то ограничить их свободу и более всего были озабочены тем, чтобы не дать правительству слишком много власти. Одни государства стремились к великим целям – к созданию всемирных империй и к присоединению новых земель, к триумфу своей религии или политической системы. Другие объявляли своей высшей целью благополучие граждан и ставили себя на службу своим

подданным или избирателям. Где-то высшей ценностью является человеческая жизнь, где-то, с молчаливого согласия людей, государство использует насилие и террор. В одной стране вас не могут допросить без адвоката, в другой – признания в совершенных или несовершенных преступлениях добиваются под пыткой. Судьбы стран и народов были в руках гениев, преступников, сумасшедших, героев.

Во всех этих странах части, а иногда и большинству населения кажется, что жить можно и нужно только так, как живут они сами, что порядки могут и должны быть именно такими, как в их собственной стране. Люди вообще привыкают жить так, как живут. Жителю юга трудно понять, как можно выжить на холодном севере. Овидий писал, что севернее Крыма люди жить не могут из-за крайней суровости климата. Северянам, однако, трудно обойтись без зимы и, попав на юг, они тоскуют по морозу и снегу. Пионеру американского Запада никогда не смириться со всепроникающим контролем диктатуры, а подданному тоталитарного государства трудно было бы оказаться лишенным привычных гарантий и регламентации. Конечно, во всех системах есть люди, которых эта система не устраивает, которые либо стремятся изменить ее, либо переезжают туда, где политическое устройство более соответствует их вкусам и желаниям, либо, чаще всего, просто мирятся с несовершенством мира, страдая от ощущения несвободы или незащищенности, или чувствуют себя чужими в собственной стране. Однако в любой, самой жестокой и несправедливой, с точки зрения стороннего наблюдателя, системе, есть люди, которым именно так устроенная жизнь кажется оптимальной, которые не просто подчиняются законам и установлениям, но и хотят им подчиняться.

Власть и граждане находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Государство предъявляет людям определенные требования, граждане либо сопротивляются этим требованиям, либо принимают их. Эти требования касаются не только и не столько поведения, сколько определенного типа мироощущения, согласия с определенными ценностными и нравственными приоритетами, определенного типа сознания. Тот, кто принимает требования власти, кто становится таким, как требует власть, оказывается в наиболее выгодном положении – власть доверяет ему, и он сам чувствует себя комфортно и естественно. Именно такой человек имеет максимальные шансы идентифицироваться с данной конкретной системой и занять в ней высокое положение. Конечно, власть не только поддерживает такого человека, но и отвечает его представлениям, т. е. является именно такой, какой он хочет ее видеть.

Очевидно, что в разных системах взаимные требования и ожидания граждан и общества различны. Рассмотрим, как меняются они по мере продвижения государственного устройства от диктатуры к демократии, какие типы политического сознания будут соответствовать различным типам власти. Естественно, особый интерес для нас представляет то, как менялось политическое сознание в нашей стране.

Сознание и политическая система

Инфантильное сознание не различает субъект и объект. Полугодовалый ребенок, например, укусив сам себя, не понимает, отчего ему больно, плачет и продолжает кусать дальше. Аналогичным образом носитель тоталитарного сознания – «идеальный» подданный тоталитарной системы – не делает различий между обществом и властью, проблемы «власть и общество», столь важной в рамках других политических систем, для него просто не существует. Власть и народ в этом случае едины не потому, что они договорились в конкретном вопросе, решив, что их интересы совпадают; в тоталитарном сознании власть и народ едины потому, что они вообще неразличимы, мыслятся как одно нерасчлененное целое, и сам вопрос об их отношениях не возникает. Актуальны иные проблемы: власть и народ против внешнего окружения, власть и народ против внутренних врагов. Тоталитарное сознание верит в абсолютное единство общества, и оно осуществляет эту веру на деле, убивая или объявляя нелюдьми всех, кто не согласен или может быть не согласен с властью. Тоталитарное сознание парадоксально – при абсолютной объективной отрешенности людей от власти, при полной невозможности влиять на действия властей оно поддерживает искреннюю их веру в то, что вождь в каждом своем действии выражает их интересы, чувствуя эти интересы глубже и мудрее, чем могут они сами. Подобное слияние с властью – первый тип отношений власти и общества. Народ не безмолвствует, как в феодальных государствах прошлого, – нет, народ поет, кричит «ура» и рукоплещет казням.

Общество функционирует по принципу «запрещено все, кроме того, что приказано», но принцип этот мешает жить лишь врагам народа, только они хотят чего-то запрещенного и неприказанного. Тоталитарная личность с ее энтузиазмом и скромностью этого не хочет: не ограничивает свои желания, а действительно, искренне не хочет. Все ее отношения с миром разворачиваются по вертикальной лестнице, восходящей от любого находящегося на свободе члена общества к самому вождю. Соответственно, тоталитарная власть вмешивается и разрушает почти все горизонтальные формы общения людей. Профсоюзы, например, рассматриваются как ненужные и теряют всякое значение, в лучшем случае выполняя функции декорации. Выборы, если они проводятся, превращаются в комедию, разворачивающуюся по строго определенному сценарию – результат их известен заранее с точностью до долей процента. Вторжение в семью, религию, культуру не знает границ. В обстановке тревоги и слежки любые объединения по интересам, имеющим сколько-нибудь существенное социальное значение, быстро приобретают вид подпольной организации и в конце концов их члены оказываются за решеткой.

В XX веке не раз создавались ситуации, в которых политическое поведение власти и политическое сознание общества оказывались резко не соответствующими друг другу. Режим действует прежними тоталитарными методами, не замечая, что его рычаги сгнили и общество живет по иным законам. Бескровные революции, которые произошли в Португалии и Испании, отмечают именно такую ситуацию, по-своему развивавшуюся в Южной Корее, Бирме, Пакистане, Чили. Но революциям предшествовали десятилетия

драматического разложения власти. Тоталитарная власть неизбежно входит в противоречие с природой вещей, и рано или поздно – обычно после смерти харизматического лидера – это становится очевидным даже для правящей элиты.

Перед режимами открываются два пути: распад и преобразование. Наши сограждане застали и то и другое. Брежневская эпоха была временем распада, когда лидеры немощными руками цеплялись за последние символы культа власти, а народ смеялся над тем, что для него стало не более чем побрякушками. Но ни власть, ни общество не предлагали политической альтернативы. Отдельные выступления несогласных, при всем их значении, не меняли общее восприятие того, что имеющаяся власть пребудет такой вечно. Ресурсы страны представлялись неисчерпаемыми и, казалось, могли бесконечно оплачивать все то, что задумывало руководство как внутри страны, так и за ее пределами. Власть по-прежнему видела себя тоталитарной, но в разных слоях общества зрели анклавы иных форм политического сознания. Разрушались основы тоталитарной механики, народ и власть больше не были монолитом, а распадались на большие и малые группы, живущие внутренними интересами. Одни пытались игнорировать власть, как, например, интеллигенция. Другие старались освоить и подчинить власть, как деятели теневой экономики.

Государство должно идти на какие-то изменения в собственной организации. Наиболее распространенным, психологически легким для власти путем является смягчение, известное послабление режима. При этом структура власти сохраняется, аппарат подавления держится в боевой готовности, но используется в значительно меньших масштабах. В последние годы режима Франко в Испании говорили, что положение в стране, как на дороге, когда полиция установила ограничение скорости, но не штрафует за его превышение. Граждане спокойно и привычно нарушают правила, но все виноваты и в любой момент могут быть наказаны.

Такой способ трансформации режима быстро демонстрирует свою неэффективность. Чувствуя слабость власти, активизируются различные антисоциальные группы, возникает мафия, бурно развивается теневая экономика и т. д. Противоречие между законом, по которому «ничего нельзя», и повседневной практикой, убеждающей, что «все дозволено», провоцирует на проверку реальных границ запретов. Это периодически толкает власть на защиту своего престижа, демонстрацию силы: в самосознании власти она еще остается тоталитарной, противодействие ей – оскорбление. Так среди всеобщего послабления возникают вдруг признаки прошлых суровых времен.

Теряя последние рычаги, власть огрызается непоследовательными, бессмысленными, жесткими мерами, какими были судебные процессы над диссидентами и директорами, бросающие сегодня специфический свет на все послесталинские десятилетия. При всем том, что различало, скажем, Иосифа Бродского и Ивана Худенко, оба они, как и тысячи других пострадавших, пытались просто заниматься своим делом, выделить узкую область компетенции, в которой могли бы реализовать себя помимо власти. Курчатову,

Королеву, Туполеву это удалось, тут государство признало полезность их профессиональной независимости и пошло на локальные отступления от тоталитарной идеи. Всем тем, кто не претендовал, что их талант даст власти победу в будущей войне, нечего было рассчитывать на признание их профессионального достоинства.

Все это можно описать как процесс постепенного разложения тоталитарной власти и вытеснения ее иным типом власти – авторитарным. В отличие от тоталитарной, авторитарная система, обеспечивая любым путем, в том числе и прямым насилием, политическую власть, не допускает в сфере политики никакой конкуренции, не вмешивается в те области жизни, которые не связаны с политикой непосредственно. Относительно независимыми могут оставаться экономика, культура, отношения между близкими людьми. Личная независимость, в известных пределах, не рассматривается как вызов существующей системе правления. Поэтому в авторитарных системах люди, в принципе, имеют возможность выбирать между различными центрами влияния или конкурирующими друг с другом мафиями. В тоталитарной системе мафии невозможны, точнее, вся она представляет из себя одну огромную, победившую конкурентов мафию. Авторитарное общество в своем доведенном до логического конца варианте построено на принципе «разрешено все, кроме политики». Власть отказывается от несбыточных претензий на полный контроль и выделяет лишь несколько зон, в которых оставляет управление за собой: это собственная безопасность, оборона, внешняя политика, социальное обеспечение, стратегия развития и пр. Экономика, культура, религия, частная жизнь остаются без отеческого внимания. Такая организация власти, в наиболее чистом виде, существовала до недавнего времени в Южной Корее и в Чили, постепенно она устанавливается в Китае. Авторитарные режимы оказываются устойчивыми, им удается сочетать экономическое процветание с политической стабильностью, и на определенном этапе общественного развития сочетание сильной власти со свободной экономикой является весьма эффективным.

В нашей стране переход от тоталитарного к авторитарному режиму правления постепенно происходил – а кое в чем еще происходит – в течение всех десятилетий после 1953 года, но символом этих изменений стал приход к власти Ю.В. Андропова. Как специалист, он вряд ли заблуждался в истинном отношении народа к власти. Любви нет, и не стоит ее добиваться – достаточно требовать послушания. Тональность идеологии стала меняться. Политическим идеалом власти стал профессионализм. Каждый должен заниматься своим делом. Честное и точное выполнение должностных инструкций лучше всякого энтузиазма поможет подъему страны. Специалисты нужны и в управлении страной, и в писании картин, и в науке, и в разведке. Все наши беды от некомпетентности, коррупции и безделья.

Само по себе признание ценностей профессионализма было шагом вперед по сравнению с орденоносной бездарностью прежнего руководства. Это было понято и с надеждой принято обществом. Хорошая работа стимулировалась, однако, мерами, которые диктовались профессионализмом в области репрессий и полным дилетантизмом в политике. Массовые проверки того, кто и чем

занимается в рабочее время, стали образцом активной некомпетентности власти. В том же духе оказались выдержаны и позднейшие плоды: «Указ о нетрудовых доходах» и антиалкогольное законодательство.

Авторитарное общество порождает глубокую пропасть между народом и властью, причем любых возможных мостов через эту пропасть чуть ли не в равной мере избегают и государство, и общество. Важнейшим феноменом авторитарного сознания является массовое отчуждение от власти. Для тоталитарного сознания отчуждение не характерно – люди сливаются с властью и идентифицируются с лидерами, либо становятся нелюдьми. Вместе с отчуждением авторитарный режим порождает характерные чувства недоверия, тревоги, апатии и даже отвращения к действиям власти. Всякие, даже разумные, решения вызывают скепсис и горькую усмешку. Отчуждение от политики связано с подавлением некоторых базовых человеческих потребностей и, как таковое, обязательно ведет к компенсаторным действиям. Алкоголизм, ставший образом жизни миллионов, был одним из побочных следствий отчуждения от политики.

Авторитарный режим формирует новую интеллигенцию, которая уже не боится заниматься своим делом, но больше всего на свете не любит политику. Политика – грязное дело. Как говорил герой А.П. Чехова, порядочные люди в политику не суются. Мандельштам сказал: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». Одни интеллигенты, продолжающие сотрудничать с властью, практиковали разлагающее их двоемыслие: лицемерие на собраниях было платой за возможность заниматься своим делом. Другие, имевшие мужество отказаться от сотрудничества, работали дворниками и шоферами и реализовывали себя в неофициальных социальных структурах – невидимых колледжах, артистических кафетериях, самиздатовских журналах второй культуры. Всех их объединяло глубокое неприятие политики. Даже диссиденты разделяли это общее чувство. Сергей Королев, проведенный 12 лет в лагере и ссылке за редактирование «Хроники текущих событий», важнейшего политического органа эпохи, говорит: «Лично мне и некоторым из хорошо мне известных правозащитников свойственно неистребимое интуитивное отвращение к политике».

Политическим идеалом авторитарного сознания являются независимость и профессионализм. Независимость – в пределах существующих законов, узаконивающих бесправие. Профессионализм – не обязательно на работе, в рабочее время надо пить чай и дружить с начальством. Все это ведет к половинчатости, расщепленности авторитарного сознания, беспомощному стоицизму. Интеллигентский уход от политики в проблемы духовной жизни делает интеллигенцию еще более зависимой, а власти – еще менее компетентными. Уклонение обеих сторон от участия в общественном диалоге, шедшее с двух концов разрушение всех формальных и неформальных каналов обратной связи, дорого обошлось нашему обществу. Интеллигенция состоит из людей, обязанных видеть, думать, предупреждать, и они, наряду с властью, несут ответственность за состояние нашего общества. К сожалению, интеллигенция оказалась подвластна суевериям тоталитаризма и не сумела

избавиться от них с переменой режима. Более того, многие из нас даже не почувствовали этой перемены. Некоторые не чувствуют ее и сегодня.

Между тем иллюзии рассыпались быстрее, чем могли ожидать самые свободные от них люди. Одновременно с крушением слабеющей веры в бессмертие вождей, проверке реальностью подверглись и вера в безграничность ресурсов власти, и вера в ее справедливость и могущество, и вера в бесконечное, воистину чудесное терпение народа. Война в Афганистане, истощение дешевого сырья, серия катастроф, коррупция, всеобщие признаки экологического кризиса вернули нас на землю со скоростью пикирующего самолета. Ответом были изменения внутри КПСС и бурный рост общественных движений экологического, национального, политического порядка.

В течение нескольких лет произошли серьезные изменения политического сознания. Политика явилась из небытия и сразу стала делом, интересным для всех. Ограничения на подписку в 1988 году взволновали людей больше, чем дефицит продуктов. Расписаться под коллективным письмом в газету или в орган власти из неслыханного и очень рискованного дела стало заурядным событием. Митинги собирали сотни тысяч людей. Политика заполняет газеты и телепрограммы, отодвинув на десятое место спорт и все то, что раньше было на первом. Политизируется все: экономика, искусство, экология, право. Многолетняя политическая засуха сменилась бурным весенним половодьем.

На смену авторитарному обществу и авторитарному типу сознания приходит нечто принципиально новое. В поставторитарном, обществе возникает феномен, отсутствующий в авторитарной и тоталитарной системах, – общественный диалог. Это такое взаимодействие разных индивидов, групп и институтов в поле общественного сознания, в котором каждый партнер относится к другому как к субъекту, признавая его ценность, право на существование и независимость. Тоталитарная власть, превращающая все вокруг себя в единого субъекта, изъясняется монологами. Диалог здесь просто не с кем вести, он невозможен и не нужен, все равно что игра в шахматы с самим собой. Авторитарная власть тоже не допускает диалога, строя стену между собой и обществом. Дела общества не интересуют власть, дел власти чужается общество.

Поставторитарное общество ведет прямой и непрерывный диалог с властью. В диалоге преодолевается и слияние партнеров, и их отчуждение. Диалог ведут те, кто знает, что партнер – другой, но не чужой. Его позиция важна и заслуживает внимания.

Поставторитаризм, однако, не означает демократии. Общественный диалог может быть организован по-разному. Одна власть – назовем ее преддемократической – позволяет обществу и разным социальным группам влиять на принимаемые решения.

Демократическое общество само выбирает носителей власти и через них – тот или иной вариант решения. Итак, слияние, отчуждение, влияние, выбор – такова эволюция отношений к власти.

Системообразующим звеном политической культуры субъекта политики является его самосознание, обеспечивающее познание себя и отношение к себе как к субъекту политической деятельности и взаимоотношений, личности и индивидуальности. Формирующийся комплекс «Я-политик» представляет собой знание о себе («Я-образ» и «Я-концепция») и самоотношение. Знание о себе, или содержательная часть комплекса «Я-политик», является совокупностью образов, представлений, понятий о своих личностных чертах, способностях, мотивах и других психических образованиях, а самоотношение представляет собой относительно устойчивое чувство, пронизывающее самовосприятие и «Я-образа» и характеризующее степень развитости потребностей в творческой политической деятельности. Комплекс «Я-политик» обладает такими свойствами, как: чрезвычайная устойчивость; постоянное нахождение в сфере сознания; абсолютное доминирование; активное подкрепление как целостности.

Политический менталитет политика представлен в структуре его политической культуры как содержательный компонент, характеризующий те общие и существенные признаки, которые определяют его самостоятельное стремление к активному саморазвитию и наращиванию креативного (творческого) потенциала, инициативное обогащение во взаимосвязях с другими социальными субъектами и на этой основе культивирование своего стиля политической деятельности как профессионала избранного дела. Иначе говоря, менталитет – это выраженность осознания, осмысления, готовности и подготовленности человека реализоваться как субъект политики. Такая его интегративная особенность политика проявляется в его политической позиции, деятельности, поведении и в других реальных взаимосвязях и отношениях. Она может быть достигнута им, если будет ясно пониматься сущность политики и собственной роли в ее проведении на основе целостного использования наиболее приемлемых продуктивных модели, алгоритма и технологии достижения политических целей.

Современное состояние российского общества поставило каждого человека – политика любого уровня, госчиновника, бизнесмена, иного профессионала или обывателя – в условия обязательного переосмысления своего места и роли в реальной жизнедеятельности. Объективно возникает потребность в овладении социально ориентированным мышлением для того, чтобы всесторонне анализировать, планировать, осуществлять, оценивать и совершенствовать свою роль, в том числе политическую миссию в социальной практике.

Опираясь на концепцию субъекта в политике, разработанную на основе идей А.В. Брушлинского, Л.С. Выготского, С. Московичи, С.Л. Рубинштейна, П.К. Фейерабенда и других исследователей, в структуре менталитета политика представлена целостная концепция «Я-политик». В ней компонент осознания субъектности непосредственно связан со сформированностью самого политика. Эта концепция детерминирует особенности восприятия, понимания, принятия и реализации самобытными моделью, алгоритмом и технологией политической задачи.

Таким образом, менталитет субъекта политики обуславливает самореализацию человека в ней в едином лице не как автократа (для подчиненных) и исполнителя (для вышестоящих автократов), а как активного творца своего дела. Освоенные культурно-исторические, социально-психологические, личностно-профессиональные, половозрастные и другие качества определяют самобытность менталитета конкретного субъекта политики. С другой стороны, общая цель, регламентации и особенности «измерений» политической сферы придают менталитету конкретного субъекта политики общие основания, в соответствии с которыми проявляется индивидуальная ментальность. Все это проявляется в стиле политической активности, прежде всего в политическом поведении субъектов политики.

Психологическая характеристика политического поведения отражает проявление сознания и менталитета политика в его поведении.

Политические модели политического поведения

Политологи уделяют больше внимания содержательной стороне поведенческих феноменов, т. е. тому, что происходит в политике, между тем как психологи видят свою задачу в том, чтобы понять, как это происходит.

В отличие от других наук о политике, политическая психология изучает прежде всего людей, исполняющих различные политические роли. Сам термин «политическое поведение» трактуется совершенно по-разному, в зависимости от взглядов на предмет исследования. Интерес к этому феномену пришел из психологии бихевиоризма, специализирующейся на изучении «наблюдаемого поведения», то есть только тех проявлений политики, которые можно регистрировать со стороны, исключая политические взгляды, убеждения и прочие субъективные компоненты действий человека в поле политики. Политические бихевиористы (Д. Истон) предложили ситуационный подход.

Ситуационные факторы включают: физическую среду; органическую среду; социальную среду. Эти факторы не связаны с тем, что думают по этому поводу сами участники политического процесса, и носят объективный характер. Их можно контролировать и наблюдать извне. Задача исследователя состоит в том, чтобы выявить корреляцию между поступками человека и факторами среды. Так, одним из важных направлений исследования демократии является установление зависимости между объективным фактором – уровнем социально-экономического развития – и утверждением демократического режима. Например, известный американский исследователь С. Липсет предложил гипотезу о прямой зависимости этих двух параметров.

Другой разновидностью той же трактовки поведения является теория политического обмена (П. Блау), согласно которой разные участники политического процесса вступают в него, соревнуясь друг с другом, как это происходит и в экономике: кто больше вносит средств, времени, сил, тот может рассчитывать на получение от политики большего вознаграждения [111]. Само политическое поведение рассматривается в качестве результата рациональных решений о том, что индивиду более выгодно. Эта модель применяется и для прогноза результатов выборов, и для анализа принятия решения лидерами. Она

рассматривает человека как исключительно «рыночное существо», оставляя без внимания его эмоциональные порывы и стихийные поступки.

Для теоретиков конфликта (Г. Экстайн) характерно представление о политическом поведении как обреченном на конфликт, либо внутривнутриполитический, либо внешнеполитический [141]. Конфликт и согласие рассматриваются как два нормальных состояния человеческого существования. Но в политике, в отличие от выяснения отношений с помощью драки, конфликт облекается в некоторые условные формы, предполагающие признаваемые обществом способы разрешения конфликтной ситуации (договор об общественном согласии, договор о ненападении, операции по поддержанию мира и т. п.)

Теоретики плюрализма также видят политику неоднородной. Они считают желательным наличие не одного, а множества центров властных отношений. Поведение участников политического процесса подчиняется законам конкуренции. Но политические соперники в нормальном обществе не уничтожают АРУГ Друга, так как между ними заключено своего рода «джентльменское соглашение», основанное на терпимости элит друг к другу и их взаимной сменяемости.

При этом наличие не одного, а многих центров принятия политических решений не означает автоматического согласования интересов и не приводит к более эффективному регулированию политической жизни. Так, например, в современной российской политике Уже нет единого центра принятия внешнеполитических решений.

Более того, каждое ведомство (президентская администрация, парламент, МИД, министерство обороны) ведет свою собственную внешнюю политику, что приводит к рассогласованию национальных интересов. С одной стороны, наличие различных центров власти свидетельствует о создании системы сдерживаний и противовесов, характерной для демократического государственного устройства. С другой стороны, на нынешней стадии этого процесса плюрализм элит не дает положительного эффекта, прежде всего из-за отсутствия общих для всех участников правил игры.

В целом в политической науке под термином политическое поведение понимают как действия отдельных участников, так и массовые выступления, как активность организованных субъектов власти (правительство, мафия), так и стихийные действия толпы, как акции в поддержку системы, так и направленные против нее. Более того, голосование «против» или неявка на выборы также трактуются как формы политического поведения. Так, например, тот факт, что на выборы 1993 года в России не пришли 47% избирателей, – важная характеристика поведения избирателей.

Поиск причин, объясняющих содержание политического поведения, дополняется исследованиями психологической природы тех поступков, которые совершают граждане. Современные трактовки политического поведения базируются на самых разных методологических основаниях, но все они так или иначе вводят в схему «стимул–реакция» промежуточные факторы, некое «среднее звено», которым может быть установка, мотив, убеждение или

ценность, принадлежащая либо отдельному индивиду, либо группе. Это означает, что никакую форму политического поведения нельзя напрямую объяснить только как результат воздействия политических стимулов. За исключением может быть самых простых проявлений политической активности, предпринятых ради выживания, все остальные акции опосредованы самой политической деятельностью, ее отражением в мышлении и чувствах людей.

В отечественной психологии сложилась продуктивная традиция анализа различных форм деятельности, связанная с именами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурии и ряда других психологов и получившая название деятельностного подхода [74]. Эта методологическая установка успешно работает в целом ряде отраслей психологической науки и вполне может быть применена и для исследования политической деятельности.

Одним из постулатов теории деятельности является отказ от изучения изолированного индивида. Психологи школы Выготского–Леонтьева задолго до появления теории систем выдвинули тезис о необходимости изучения индивида в системе его отношений с учетом обратной связи, идущей от него к системе. Современные психологи ввели еще одно требование: изучать поведение человека в процессе эволюции порождающей его системы. Применительно к политической психологии это означает такой способ анализа, который прослеживает человеческий фактор в течение всей эволюции политической системы.

Не случайно и то, что отечественные психологи, не отказываясь от категории «поведения», предпочитают говорить о «деятельности». В данном случае «поведение» трактуется как внешнее выражение деятельности, без учета ее субъективного компонента. Для политико-психологического анализа это означает, что деятельность индивидуального политического субъекта встраивается в систему политической культуры нации или группы, которые и придают ей общий смысл и значение.

Сказанное не означает отказа от использования термина «поведение», который полезен для описания соответствующих форм политической деятельности. Но при этом, в отличие от бихевиористских подходов, человек рассматривается, во-первых, и как объект, и как субъект политических отношений. Во-вторых, деятельность в политике не сводится только к ее внешним проявлениям.

Независимо от того, каким термином пользуются психологи, они различают три формы проявления человеческой активности: инстинкты, навыки и разумные действия. Эта психологическая классификация форм деятельности полезна и в описании политики.

Инстинкты как форма политического поведения

Инстинкты – врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направление энергии поведения. Хотя между психологами нет единства в вопросе о том, каковы границы действия инстинктов у человека, но общепризнано сегодня положение о том, что значительное число форм поведения имеет инстинктивный характер. Одни

психологи насчитывают таких инстинктов десятки, другие доводят их число до нескольких тысяч. Набор инстинктов включает как все автоматизмы в поведении человека (от дыхания до ходьбы), так и более сложные врожденные потребности (самосохранение, продолжение рода, любознательность и множество других).

В политике мы находим проявление всех человеческих инстинктов от агрессивности до жадности и от солидарности до самосохранения. Собственно, инстинктивная основа поведения в политике объясняет прежде всего направление энергии тех или иных поступков, которые далеко не всегда осознаются самим человеком.

Жестокость, насилие, агрессия – это тоже инстинктивные формы поведения. Агрессия – естественная реакция человека на фрустрацию, которая ему природно необходима. Фрустрация как психическое состояние выражается через переживание трудности, неудачи, возникающей при наличии реальных или мнимых непреодолимых препятствий на пути к цели.

Одни авторы полагают, что эти формы поведения – врожденные, другие видят в них результат научения, третьи исходят из представления об агрессии как реакции на фрустрацию. Однако помимо агрессии фрустрация вызывает и другие, также инстинктивные реакции: апатию, регрессию, подчинение и избегание. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения.

Солидарность – одна из инстинктивных форм поведения человека в социальной среде в условиях соперничества и сотрудничества друг с другом. В основе проявлений солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной партией, группой, нацией, позволяющая объединить усилия членов этих групп по достижению своих целей и интересов. Одним из классических проявлений солидарности являются различные акции протеста, предпринимаемые в поддержку единомышленников. Так, работники отрасли объявляют готовность к забастовке, чтобы поддержать то предприятие, которое находится в конфликте с администрацией. Отказ Центризбиркома в регистрации движения «ЯБЛоко» в октябре 1995 года вызвал, пожалуй, одно из первых проявлений солидарности среди российских политических партий, которые отказались участвовать в выборах, если «ЯБЛоко» не будет зарегистрировано. Аналогичное явление наблюдалось среди политических фракций в Госдуме в 1999 году, когда многие из них солидарно покинули пленарное заседание в связи с неприемлемым вариантом избрания Председателя Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Новые стороны политической солидарности в обществе были продемонстрированы в 2000 году в ответ на меры Президента РФ по реформированию высшего органа законодательной власти и назначению семи своих представителей в регионы Российской Федерации. Здесь латентное противостояние многих губернаторов явилось основной предпосылкой их солидаризации с политическим блоком Б. Березовского.

Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы политического поведения как отдельного индивида, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Навыки как форма политического поведения

В отличие от врожденных инстинктов, большая часть демонстрации человеческого поведения является результатом прижизненного научения. Навыков требуют поведение государственного деятеля и обычного избирателя, партийного функционера и сторонника движения. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду определенные приемы и способы, которые требуются для выполнения своих ролей и функций любым участником политического процесса, привычки и стереотипы, образующиеся у граждан в определенной политической культуре.

Политические стереотипы – социальные установки, которые являются следствием повторения определенных политических действий и упрощают принятие решений.

Политические умения как признак компетентности предполагают, что гражданин знает, что он должен делать в своей политической роли и как добиться желаемого им результата. В российской политической жизни последних лет достаточно широко распространена точка зрения, что рядовые граждане, воспитанные в условиях авторитаризма, не имеют навыков демократического участия. Отсюда и неэффективность проводимых реформ. Насколько это верно с точки зрения политической психологии?

Конечно, старые навыки, позволявшие адаптироваться к прежней политической системе, действительно не всегда помогают действовать в новых условиях. Здесь мы сталкиваемся с некоторыми парадоксами. Так, раньше у населения был выработан стойкий политический навык участия в выборах. Число голосующих в советские времена превышало 90% дееспособного населения, независимо от того, насколько сам факт голосования влиял на принятие государственных решений. С началом демократизации мы наблюдаем последовательное снижение числа участвующих в голосовании. Так, если в выборах в Верховный Совет СССР в 1989 приняло участие 90% граждан, в выборах в республиканские и местные органы власти 1990 года – около 80%, то в парламентских выборах 1993 года в РФ участвовало уже только 53% избирателей. В выборных компаниях 1999 и 2000 годов активность избирателей не превышала 50%.

Но одновременно с утратой одних навыков наши граждане приобрели другие. Хотя электоральное поведение становится менее массовым (можно, видимо, говорить об утрате этого навыка у большого числа граждан), но появляется и определенная компетентность в отношении самого голосования. В отличие от выборов 1993 года исследования предвыборных ожиданий в 1999 году показали, что граждане стали меньше ориентироваться на личные симпатии и больше – на то, какие политические позиции выражают политики. Появились и такие новые политические навыки, которые были приобретены в

забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах, о которых мы ранее знали лишь понаслышке.

Компетентность в политическом поведении становится тем более необходимой, чем более сложными являются сами формы поведения. Лидер должен быть более компетентным, чем рядовой исполнитель той или иной политической роли. Давняя дискуссия в политологии ведется по вопросу о сменяемости лидеров как условии соблюдения принципов демократии. При этом, скажем, уход вместе с президентом всей его администрации и приход новых, менее опытных политиков, приносит снижение уровня компетентности в управлении государственным организмом. Но практика показывает, что и бессменное руководство таит свои опасности, среди которых главная – это застой общества. Анализируя вопрос выработки политических навыков, следует отметить, что все политические системы заинтересованы в том, чтобы население обладало определенным их набором, для чего создаются специальные институты, отвечающие за политическое просвещение и тренировку в исполнении ряда политических ролей. Так, политические лидеры рекрутируются из тех граждан, которые получили определенный из общественной или собственно политической деятельности в молодежных и иных организациях. В ряде стран существует специальная система обучения уже избранных парламентариев. В других системах их отбирают из числа тех, кто получил предварительно знания и навыки, необходимые для законотворческой деятельности. Не случайно среди парламентариев много юристов, людей со степенями в области политических наук.

Разумные действия как форма политического поведения

Они представляют собой форму политического поведения, которая характеризуется эффективностью (соотнесением цели и результатов), степенью осознанности политических действий и соответствием высшим ценностям, поставленным во главу проводимой политики. Но, как бы ни оценивать эту форму политического поведения, главной характеристикой, отличающей ее от двух предыдущих, является выраженное целеполагание.

Чтобы обеспечить политике целенаправленный характер, объединяющий разных ее участников, применяются различные средства. В первую очередь эту задачу решают всевозможные программы, идеологические схемы, доктрины, концепции конкретных политических акций, кампаний. Особое значение для политического поведения отдельного человека и партий играют идеологии как концентрированное и систематизированное выражение целей и ценностей в политике.

Понятно, что поведение никогда полностью не совпадает с обозначенными в доктринах целями и ценностями: последние служат для человека лишь своего рода путеводителем. Исследования массового политического поведения показывают, что только незначительное число людей в разных странах и политических системах руководствуются в своем поведении идеологическими соображениями. Американский политический психолог Ф. Конверс полагает, что число таких граждан в разных странах колеблется от 10 до 25%.

В нашей стране долгое время идеологические формулы организованно внедрялись в сознание населения. В постсоциалистический период эти схемы активно разрушаются новой властью, которая понимает, что старые стереотипы служат препятствием для реформирования политической системы. Но никто из реформаторов не построил на месте разрушенного новой схемы. В мемуарах тех, кто начинал перестройку (М. Горбачев, Б. Ельцин, А. Яковлев), не содержится фактов, подтверждающих, что реформы были начаты по какому-то плану, что под ними была теоретическая схема, не говоря уже об идеологии реформ.

Знакомство с программными документами новых политических партий и движений показывает, что и в них пока не содержится четкого представления о том, что и в какой последовательности реформаторы собираются делать, какова иерархия их целей и приоритеты ценностей. Исследование индивидуального политического сознания как политиков, так и рядовых граждан показывает, что в настоящее время у них не сложилось определенных последовательных взглядов, концепций, планов.

Выделение указанных трех форм политического поведения: инстинктов, навыков и разумных действий – предпринимается с аналитическими целями. В реальности поведение включает все три формы. Разделить осознанные и бессознательные элементы в поведении не всегда представляется возможным. Однако помимо дилеммы «сознание–бессознательное» в структуре политического поведения содержится и ряд конкретных психологических элементов, учет которых делает его анализ более точным и детальным.

Политическая культура может быть представлена как система проявления сознания, сформированных ценностных ориентации, установок и стиля политической деятельности. Она выражает синтез политического сознания, менталитета и практического действия.

Современная политическая психология представлена большим числом теоретических моделей политической культуры. Однако все это пестрое разнообразие подходов, исследовательских стратегий и методов вписывается в две ведущие тенденции. Первая из них основана на представлении о человеке как объекте политического воздействия, о человеке как простом винтике политической машины. Отсюда и упрощенный, технократический подход к налаживанию работы этой «политической машины», который характерен и для исследовательско-практической философии этой группы политических психологов. Методологическим фундаментом этой группы концепций являются в большей степени позитивистские теории, пришедшие как из психологии, так и из политологии.

Вторая группа исследователей исходит из другой теоретической установки. Для них человек является не только объектом политического воздействия, но и целью развития политической системы и ее активным субъектом. В рамках этой тенденции работают иные методологические ключи. В частности, для теоретиков этого направления характерно обращение к антипозитивистским моделям личности. Они выбирают такие теоретические парадигмы, для которых не свойственны манипуляторские тенденции.

Политические психологи, исследующие культуру поведения человека, будь это лидер или обычный гражданин, индивидуальный участник либо массовый субъект политики, исходят из того, что для понимания самого феномена политического поведения необходимо видеть его как причинно обусловленный и направленный на достижение определенных целей. В политической психологии существуют различные схемы объяснения культуры политического поведения. Одной из наиболее популярных является пятизвенная «карта для изучения личности в политике», предложенная М.Б. Смитом и несколько усовершенствованная Ф. Гринстайном.

Макросоциальная и политическая система воздействует на культуру политического поведения. Одновременно аспекты непосредственного социального и политического окружения, с детства и до сегодняшнего момента формирующие личность, определяют те элементы личностной структуры (оценивающие объект, посредничающие в отношениях с другими людьми, обуславливающие эго-защиту, установки), которые непосредственно направлены на культуру поведения.

Есть и иные психологические схемы, объясняющие причинную зависимость факторов, воздействующих на культуру поведения, подчеркивающие, в частности, наличие не только условий, контекста поведения, но и цель, на которую оно направлено. Независимо от теоретических разногласий, разные авторы, тем не менее, считают необходимым учитывать в поведении следующие моменты:

- внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения;
- потребности индивида или группы, участвующей в деятельности;
- мотивы, которыми руководствуется субъект, установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта;
- личностные роли, стиль принятия решений, стиль межличностных отношений, когнитивный стиль;
- действия и поступки, обратную связь между поведением и условиями, его сформировавшими.

Если не вдаваться в подробности этой схемы, а проанализировать хотя бы важнейшие из ее элементов (прежде всего внешнюю среду, потребности и мотивы), то становится очевидным, что поведение начинается с тех стимулов, которые посылает субъекту политического поведения внешняя среда. И сама политическая система, и отдельные ее институты предъявляют требования к культуре поведения граждан. Так, в одних условиях от них ожидается высокая активность, в других, даже если это требование декларируется, реальные ситуации, складывающиеся в политическом пространстве, отнюдь не поощряют граждан к выступлениям даже на стороне системы. Как можно расценить, например, циркулирующие в коридорах власти слухи об отмене выборов незадолго до них? Это негативный стимул (блокатор) для и без того не слишком настроенных на участие людей. Стимулами, или блокаторами, для политического поведения могут служить и общий политический контекст, и конкретные события (например, запуск первого космического корабля,

непрекращающаяся война в Чечне, цепь террористических актов в стране, углубляющееся реальное обнищание населения и т. п.).

Следует также учитывать и роль группового климата, воздействие ближайшего окружения на принятие человеком решения о том или ином политическом действии. Так, решение баллотироваться в депутаты Думы разные кандидаты принимали под воздействием разных стимулов: для одних было необходимо получить депутатскую неприкосновенность, чтобы укрыться от преследования со стороны закона, для других было важно перебраться из провинции в Москву, для третьих решающую роль сыграли экономические стимулы. Возможно, определенное число политиков стремились принести пользу обществу и ими двигали побуждения типа «если не я, то кто».

Так же, как и политиков, обычных граждан стимулируют к политическому поведению разнообразные средовые воздействия, среди которых есть и общие для всех, и сугубо личные. Но все эти внешние для человека воздействия не работают автоматически. Они дают эффект только будучи пропущенными через внутренний мир личности.

Среди внутриличностных факторов, определяющих культуру поведения в политике, первыми выступают потребности. Трудно себе представить, чтобы политика порождала у человека какие-то специфические потребности, если не считать навязчивого стремления стать депутатом, министром или президентом, которое, подобно заразному заболеванию, распространилось среди отечественных политиков. В политике действуют обычные человеческие потребности, среди которых можно встретить и любопытство, и стремление к свободе, и необходимость удовлетворить голод, и иные материальные нужды.

Чтобы понять, как происходит воздействие потребностей на политическое поведение, приведем некоторые данные из исследования образов власти у российских граждан. Как показал анализ требований граждан к власти, за ними имеются вполне конкретные психологические причины. Рассмотрим те потребности, которые стоят за приведенными высказываниями респондентов и определяют их недовольство нынешней властью. Воспользуемся психологической классификацией потребностей, предложенной известным американским психологом А. Маслоу. Все потребности он предложил разделить на пять ступеней, расположенных иерархически: физиологические потребности, потребность в безопасности, потребность в любви, потребность в самореализации, потребность в самоактуализации [159].

Классификация потребностей, предложенная А. Маслоу, помогает классифицировать многообразные человеческие нужды по мере их возвышения. Ученый предположил, что потребности более высокого уровня можно удовлетворить лишь тогда, когда более низкие ступени уже пройдены. Это не означает, что поиском социального статуса можно заниматься только на сытый желудок. У Маслоу речь идет об ограничении, которое накладывают нереализованные низшие потребности на восхождение человека к самоактуализации [159].

Анализ мотивации политического поведения основан на фундаментальных закономерностях, изученных психологической наукой. Так,

общепризнанной является классификация мотивов, предложенная Д. Маклелландом и Дж. Аткинсоном, где выделены три ключевых мотива: мотив власти, мотив достижения и мотив аффилиации (стремления быть с другими) [143, 154]. Иногда мотив власти дополняется мотивацией контроля, который выступает четвертым в этой схеме.

Анализ выделенных подходов к мотивации политического поведения указывает на следующее. Целесообразно проанализировать все выделенные мотивы.

Мотив обладания властью

В психологической концепции Д. Маклелланда речь идет не только о политической власти, но и о власти в семье, в отношениях на производстве, в иных сферах жизни. Власть – это некая ценность, к обладанию которой стремятся в той или иной степени все люди [154]. Но есть люди, у которых эта потребность доминирует над другими, и тогда желание достичь власти становится для них высшей ценностью.

Есть данные, что гипертрофированное стремление к власти связано с обстоятельствами формирования личности, порождающими у нее низкую самооценку, страх пассивности, слабости, опасение оказаться под чьим-то каблуком. В другом случае потребность во власти может стать результатом развития агрессивных и деструктивных черт личности. Поэтому власть может быть желанна по многим причинам, причем у одного и того же человека в разное время эти причины могут быть разными. Условно можно выделить три типа причин, по которым власть может быть желанна: чтобы доминировать над другими и/или ограничивать действия других; чтобы другие люди над ним не доминировали и/или не вмешивались в его дела; чтобы осуществлять политические достижения.

Мотив контроля над людьми и ситуацией является модификацией мотива власти. Политические психологи придают этому мотиву особое значение, так как полагают, что поведение в политике напрямую связано с развитием этого психологического показателя. Известно, что по мере достижения социальной зрелости человек научается контролировать свое собственное поведение, это дает ему чувство уверенности в своих силах, расширяет границы возможного участия в разных сферах жизни, в том числе и в политике. Так, американский политический психолог С. Реншон обнаружил зависимость между высокими значениями субъективного контроля и степенью активности политического поведения. Он высказал гипотезу о том, что существует зависимость между личным контролем и верой в правительство, позитивным отношением личности к политической системе. Эмпирическое изучение американских студентов, предпринятое этим ученым, показало, что есть корреляция между низким уровнем субъективного контроля и недоверием к правительству, отчуждением от политики, между тем как лица с высоким уровнем субъективного контроля имеют среднюю и высокую степень доверия к власти.

Мотив достижения

Мотив достижения проявляется в политическом поведении, в заботе о совершенстве, мастерстве, в стремлении добиться поставленных целей с

максимальным эффектом. Этот мотив может сделать человека карьеристом, но он же может быть обнаружен у бескорыстного политика, поведение которого определяется его стремлением к общественному благу.

По мнению Д. Маклелланда и Дж. Аткинсона, которые привлекли внимание психологов к этому мотиву, он имеет отношение к мастерству, манипулированию, организации физического и социального пространства, преодолению препятствий, установлению высоких стандартов работы, соревнованию, победе над кем-либо [143, 154]. Как видно, это довольно широкая трактовка понятия «достижение», и в таком виде она может больше соответствовать мотивации политического лидера.

Люди, стремящиеся к достижениям, нередко ищут власти, чтобы достичь своей цели. Они более спокойно относятся к изменениям в окружающем мире. У людей с высокой потребностью во власти проявляется тенденция к сильной ориентации на задачу, причем неуспех в начале лишь делает эту задачу для них еще более привлекательной. Интересен вывод о том, что мотивированные на достижение политики рассматривают других людей или группы в своем окружении в качестве фактора помощи или, наоборот, помехи для их достижений. При этом они предпочитают быть независимыми и избегать таких межличностных отношений, которые могли бы привести их к зависимости.

Дж. Аткинсон и Н. Физер предположили, что поведение человека направлено на избегание провала столь же, сколь и на достижение цели. Они выделили два мотива, связанных с потребностью в достижении: мотив достижения успеха и мотив избегания провала, причем оба они рассматриваются в контексте вероятности успеха [143, 148]. У. Стоун отмечает в этой связи: «Степень эмоционального подъема после достигнутого успеха или степень унижения после провала зависят от субъективных ожиданий человека относительно его возможности добиться определенного поста в учреждении» [132].

Таким образом, выделяется два типа мотивационных схем:

- мотивация избежать провала выше мотивации достичь успеха. Такая мотивационная схема описывает поведение человека, покидающего поле боя со словами: «Я проиграл, потому что не хотел и не пытался выиграть»;

- мотивация достичь успеха выше мотивации избежать провала. Это типичная мотивационная схема поведения реальных политических лидеров.

Мотив аффилиции

Он подразумевает дружественные, теплые отношения с другими. Личность с доминантой на мотиве аффилиации предпочтет поведение, которое даст эмоциональный комфорт, скорее, чем контроль над другими, власть или успех.

Потребность в аффилиации – это потребность в принадлежности к группе и получении одобрения, которая проявляется в заботе политика о хороших отношениях с другими.

Для политика развитая мотивация аффилиации делает значимыми одобрение со стороны партнера во время переговоров, дружественный климат и наличие команды единомышленников. Для рядовых граждан мотивация

аффилиации во многом определяет принадлежность к политическим организациям, которые не только отстаивают те или иные интересы, но и дают ощущение единства, защищенности.

Таким образом, анализ политической культуры субъектов политики указывает на то, что она определяет характер их политической активности. Она представляет собой синтез сформированного сознания, выработанного менталитета и обусловленного ими политического поведения. Следовательно, для ее формирования важно системно овладевать всеми отмеченными компонентами.

2.3. Этно-национальный характер в политическом процессе

Политический процесс – явление многогранное. Одни исследователи отождествляют его с политикой в целом (Р. Доуз). Другие ученые коррелируют его содержание с характером функционирования политической системы (Т. Парсонс), динамикой соперничества групп за статусы и ресурсы власти (Р. Дарендорф), поведенческими параметрами реализации субъектами своих интересов и целей (Ч. Мэрриам). Различные интерпретации политического процесса отражают его источники, состояние, элементы. Однако, при всех концептуальных модификациях, считается общепризнанным, что политический процесс отображает реальное взаимодействие субъектов политической жизни, сложившееся не в соответствии с намерениями лидеров или программами партий, а в результате воздействия разнообразных внутренних и внешних факторов.

Реализуя свои специфические роли и функции, политические субъекты привносят с собой постоянно изменяющиеся стереотипы, новации, предрассудки, цели, интересы, стимулы, мотивы и т. д. модификации состояний и элементов политического процесса исключают какую-либо жесткую заданность, предопределенность в развитии событий, явлений, ситуаций.

Политическая психология призвана раскрыть закономерности, механизмы и факторы включения личности и группы в политический процесс. Здесь в центре внимания оказываются политические установки, политическая активность, политические ориентация и позиция. Человек как социальный субъект индивидуален в выборе типа восприятия политической реальности. Но справедливо и другое. На него влияют проявления социальной реакции на окружающую политическую среду, ибо политическое поведение не только индивидуальный, но и коллективный процесс.

Психологическое восприятие индивидом социально-политических процессов обусловлено многими детерминантами, важнейшей из которых является национальный фактор (характер), выступающий основой психологического склада нации, определяющий особенности среды, психологии конкретного человека и группы, способствующий формированию у них определенного типа с доминирующими политическими предпочтениями, методами и способами достижения своих интересов. Заметно влияние национального характера на их политическую культуру, политические позиции, способы ориентации и действий в политическом пространстве.

Поэтому анализ национального фактора (характера), который играет важнейшую роль в формировании политической позиции, выборе типа политического участия индивидов и групп, для политической психологии является актуальным.

Психологический анализ генезиса русского национального характера

Большое влияние на формирование русского национального характера оказывают социальная среда, образ взаимоотношений и система труда. В частности, издревле из общины шли импульсы в различные социальные группы и слои, обеспечивая преобладание общинных ценностей в них, «вживание» их в русский национальный характер. Среди ценностей, выработанных общиной, следует отметить такие, как справедливость, власть «мира», домовитость, владение народной мудростью, богатырская сила и др. Велика была ценность и самой общины, которая позволяла русскому народу сохраниться в качестве самостоятельного этноса при многочисленных вторжениях извне. Ради общины русский человек готов страдать, терпеть и жертвовать практически всем.

Как отмечал И.А. Сикорский, «терпение, стоическая покорность судьбе», из которой вытекает «потребность мученичества» должны быть «признаны за самые выдающиеся особенности русской души» [132, с. 56–57]. Ю.Ф. Самарин констатировал, что общинный быт славян был основан на «свободном и сознательном ...отречении от своего полновластия». Добровольно передавая свою судьбу во власть общины, человек как бы обрекал себя на терпимость и покорность. Однако исторические факты свидетельствуют и о многочисленных выраженных «славянской вольницы»: от казачества, кутежей, разгулов, безалаберности, «фантастического прожигания жизни» до бунтов и революции. Исторический опыт свидетельствует о том, что чем дольше терпение, смирение, кротость, безропотность, послушание, подчинение, тем жестче сопротивление, беспощаднее сопротивление.

Результат всего общинного, административного и судебного устройства выливается в то, что русский человек оказывается не в состоянии понять, что он может не принадлежать чему-нибудь, может быть сам по себе. Необходимость подчиняться давлению общины, смиренно воспринимать и принимать вынесенное «всем миром» решение при достижении «предела прочности» оборачивалось разгулом, непокорностью, возникновением желания отомстить «всем за все и сразу».

В условиях общины всегда были люди, пытавшиеся реализовать себя иными путями, по иным правилам, чем те, что диктовались общиной. Перед ними возникала дилемма: либо восстать против общинных устоев, открыто отстаивать свое право на индивидуальный выбор, либо затаить свое недовольство, внешне смириться. Но латентный характер фрустраций не менее опасен, чем открытое выражение недовольства. Глухое раздражение, накапливаясь, рано или поздно переходит в озлобление, которое прорывается при благоприятной обстановке, приобретает крайние формы активности и протеста.

Воля, в значительной степени противостоящая европейскому идеалу свободы как суверенитету отдельной личности является важнейшей ценностной

категорией русской культуры, характерной чертой русского национального типа. Смысловая амбивалентность русского слова «воля», с одной стороны, отражает активное, непреклонноволяющее, индивидуалистическое начало, склонное преодолеть, сокрушить все препятствия, все преграды. В русском языке слова «воля» и «свобода» часто выступают как синонимы, хотя в строго фиксированном, научном, да и правовом смыслах таковыми не являются. «В понятии нашего народа свобода есть воля, а воля – озорничество», – констатировал В.Г. Белинский [17, с. 53]. Комплекс вольности, свободолюбия, свойственный русскому национальному типу наряду со смирением, покорностью, часто переходил в своеволие, анархию, стихию вседозволенности и разрушения, борьбу против любых ограничений воли, в том числе и легитимных, против любых разновидностей неволи (вспомним русские народные сказки, главным содержанием которых часто было вызволение из темницы, неволи). Н.О. Лосский одну из причин утверждения в России абсолютной монархии, граничащей с деспотизмом, видел в том, что «трудно управлять народом с анархическими наклонностями» без такого государства [75, с. 47–48].

С другой стороны, слово «воля» у русского человека XIX века неотделимо от чувства совместимости, братства, единения и немыслимо вне какого-то осознанного, совместного и большого дела, в рамках которого человек может ощутить свою социальную значимость, осознать свое предназначение. «Рабство и господство, – писал Н.Ф. Федоров, – есть несомненное зло; но и свобода (взятая сама по себе, без дальнейшего определения и осуществления своего назначения) не есть благо; она – просто ничто. Какой же смысл может быть в истории, если она... есть лишь прогресс в сознании свободы, а не объединение для того всеобщего дела, что обнимает своей задачей и целью всю вселенную и в частях и в целом» [119, с. 548].

«Могучую силу воли» Н.О. Лосский относил к числу «первичных основных свойств» русского народа, объясняя ею страстность многих представителей этого народа. Страсть есть сочетание сильного чувства и напряжения воли, направляемых на объект, который может восприниматься, приниматься или отвергаться. Чем выше ценность объекта (предмета), тем более сильные чувства (любви, обожания, восхищения или, напротив, неприязни, ненависти) и социальную активность вызывает она у людей с сильной волей. Русские люди со страстностью отдаются избранному делу.

Максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость, по мнению Н.О. Лосского, суть порождения этой страстности [75, с. 32–33].

Русское революционное движение изобилует примерами сверхчеловеческого напряжения, нестигаемой силы воли, страстности, крайнего фанатизма многих революционеров разных поколений. Страстность, фанатизм, нетерпимость проявляются не только в политической жизни, но и в межличностном общении. Коллективизм, общность, совместность, братство, «хоровой принцип» (в терминологии славянофилов) лежат в основе русского мировоззрения и жизни.

Запад, как это выявил К.С. Леонтьев, заложил основы «чрезмерному самоуважению лица», «беспредельных прав лица», что «сделало из всякого простого поденщика и сапожника существо, исковерканное нервным чувством собственного достоинства» [75, с. 82]. В противоположность западному, русское мировоззрение, по оценке С.Л. Франка, «содержит ярко выраженную философию «Мы», а не «Я», которая составляет «основание жизни духа и его сущность». При этом коллективность— «Мы» мыслится не как внешнее единство большинства «Я», только потом приходящее к синтезу, а как первичное, изначальное данное, «неразложимое» единство, из которого только и вырастает «Я» и посредством которого оно становится возможно» [119, с. 90–91].

Братство, соборность («Мы») противостоит европейскому принципу формально-юридического равенства отдельных индивидов. Иногда соборность смешивают с коллективизмом, что не корректно. Соборность, как высокий тип братства людей, предполагает сочетание солидарности действий (собор – коллективный разум земли) и духовного единения, в основе которого лежит религия. В этом союзе приоритет принадлежит духовному единению. Вместе с тем, соборность исключала «Я», предусматривала только «Мы», что предотвращало несогласие, оппозицию.

Соборное мировоззрение по существу предполагало, а точнее, могло легко обернуться тиранией. Опасность этого резко увеличивается при игнорировании права, низком уровне правовой дисциплины и правосознания. Еще более благодатной почвой для авторитаризма и тоталитаризма служит так называемый «родовой, природный коллективизм» в терминологии Н.А. Бердяева. Русский человек, по его образному выражению, «утопает в безответственном коллективизме», он чувствует себя «погруженным» в него, привык жить «в тепле коллектива». Порабощение, поглощение личности коллективом, растворение в нем индивидуальности, наряду с безответственностью, в какой-то мере инертностью, пассивностью, также способствовало правовому нигилизму, порождало недооценку, а то и игнорирование закона, что само по себе «есть знак ослабления личного самосознания», «недостаток личного достоинства» [19, с. 40–41].

Безусловно, русский традиционный коллективизм имеет и привлекательные стороны. Он мобилизационен, подчиняет индивидуальные интересы общему делу, что иногда необходимо. Коллективизм русских нашел свое выражение в том, что русские более социабельны, более склонны и способны к общению, чем люди западной цивилизации. У них сильно развита потребность принимать все близко к сердцу, делиться с друзьями и знакомыми своими мыслями, переживаниями. Русские более склонны к взаимовыручке, взаимоподдержке. Их мышлению не свойственна отяжеленность, замкнутость, закупоренность.

По справедливому замечанию С. Франка, русские люди, руководствующиеся принципом соборности, отдаются политике «со страстностью, западной душе едва ли понятной, демонстрируя в то же время политическую несостоятельность, утопическое и хаотически-анархическое

настроение». Политика есть действие больших социальных групп. В политической практике это противоречие проявляется в ожесточенности, принципе «все или ничего», «своих» и «врагов». Опасность поляризации этих двух тенденций резко возрастает тогда, когда религиозная основа, на которой только и возможна истинная соборность как высокий тип духовного, а не политического коллективизма, ослабевает или выветривается из сознания.

Таким образом, общинные нравственные принципы требовали послушания, уважения, почитания, непререкаемого авторитета старших, что в определенной мере явилось противовесом недовольству, раздражению «взбунтовавшихся» членов общины. Но излишняя зависимость индивида от общества, сужение путей самореализации человека в общине, усеченное право выбора (в пределах, разрешенных общиной) приводили к тому, что в ней и, соответственно, в стране накапливалась социальная энергия, ищущая простора, выхода. Не направленная в созидательное русло, она всегда приобретает форму всеразрушающей стихии.

Русская душа, по выражению Н.А. Бердяева, «сгорает в пламенном искании абсолютной, божественной правды». Правдоискательство, идеалы жития по совести, справедливости, стремление ко всему абсолютному, совершенному характерные черты русского национального типа, российской духовной традиции. П. Флоренский очень ярко выразил эту особенность русских. Он писал: «Я не знаю, есть ли Истина, или нет ее. Но я всем нутром ощущаю, что не могу без нее... если она есть, то она – все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье» [119, с. 67–68]. С.Л. Франк тонко подметил, что у русских кроме слова «истина» есть еще понятие, с трудом переводимое на другие языки – «правда». Поиск «истины – правды» является главной темой размышлений, дискуссий русских.

У человека западноевропейской культуры истинно лишь то, что подвластно его уму и воле, может быть поставлено ему на службу. Для русского человека «истина – правда» – есть само бытие, само сущее, это душа, которая не зависит от ума и воли постигающего истину (вспомним известное христианское изречение – «душа – это то, что болит у человека, когда все тело здорово»).

Русскому духу присуще стремление к целостности, всеохватности, ему свойственно сведение всего многообразия реальности к последней, высшей первооснове. Все относительное, «земное», «бренное» само по себе не имеет у русских ценностей и приобретает таковую лишь благодаря своему отношению к абсолютному, лишь как выражение и форма проявления этого абсолютного. Русскому человеку, констатировал И.А. Ильин, необходимо что-то «искренне и сильно любить, во что-то искренне и сильно верить», ибо его ум и воля «приводятся в движение любовью (или, соответственно, ненавистью) и верою» [57, с. 20]. Стремление русских ко всему возвышенному, идеальному, совершенному, абсолютному, необходимо им не само по себе, а для того, чтобы служить идеалу, подчинить ему всю свою жизнь, а если это необходимо, то и пожертвовать ею во имя воплощения идеала в реальность. Не случайно русских, в отличие от европейцев, больше и чаще мучает вопрос о смысле

жизни. Русский человек остро чувствует, что, если он просто живет, как все — ест, пьет, женится, трудится, отдыхает, растит детей — он не живет, а просто существует. Страдая от подобной, как ему кажется, бессмыслицы жизни, русский человек всем существом своим ощущает, что нужно не просто жить, а жить для чего-то. Последнее, по словам С.Л. Франка, означает для него смысл «жить для соучастия в каком-то великом общем деле, которое совершенствует мир и ведет его к конечному спасению» [119, с. 156].

Устремленность русского национального типа к высшему, абсолютному, способность ради идеала идти на жертвы может быть основой как конструктивной, созидательной, так и деструктивной, разрушительной деятельности. Эти черты национального характера играли и играют мобилизующую роль в экстремальных ситуациях прорыва. Русские обнаруживали удивительную стойкость, выносливость, сплоченность, упорство в достижении поставленной цели, сосредоточении всех сил и средств в периоды наивысшего напряжения, вызванного внешними или внутренними причинами.

Но в будничной, не героической жизни русские демонстрируют нередко дряблость, аморфность, пассивность. Исключительная ориентированность на высшее, абсолютное может привести к недооценке, а то и пренебрежению настоящим. Неумение и нелюбовь жить в настоящем, «суетливое беспокойство о вечном», неистребимая мечта о «запредельном», ином царстве порождали либо неумную страсть к переделке, преобразованию настоящего, подготовке, подтягиванию реальности до абсолютного совершенства, либо служили основой бездеятельности, пассивности, апатии, социальной мечтательности.

Со стремлением русских к совершенному социальному мироустройству связана еще одна черта русского национального характера, а именно способность абсолютизировать, обожествлять что-либо или кого-либо, сотворять себе кумира, слепо верить в успех любых, самых авантюристических начинаний. Широко развитая способность русских к идолопоклонству, их склонность быстро «образовывать себе догмат и всецело ему отдаваться» питается как спецификой нашего менталитета, так и особенностями родового быта, где все отношения между неродственниками строились в форме родства, по принципу старшинства и меньшинства.

Свою лепту в формирование способности русских создать себе идолов, кумиров и неистово им поклоняться и также неистово свергать с пьедестала не оправдавшего надежды политика, внесла и община, где преобладал личностный принцип, узаконивающий притязания индивида на богатство, почести, признание и т. д. В России власть всегда носила очень личный характер, а пребывание у ее кормила связана с большими почестями и привилегиями. Отсутствие действенного государственно-правового инструментария создало возможность беспредельной власти первого лица. С другой стороны, и сами лидеры были возведены народом в ранг политических богов. В силу целого ряда исторических, политических, психологических и других причин россияне оказались не только полностью зависимыми от политического, культурного, нравственного, интеллектуального уровня политической элиты, но весьма подвержены влиянию разного рода словесных обещаний, фантастических

проектов, грандиозных планов. Популизм – весьма характерное явление для политической жизни России.

Склонность русских к идолопоклонству, созданию кумиров из политических лидеров пролонгировалась на всю политическую сферу, принципы которой стали критерием оценки науки, искусства, религии, культуры в период большевистского правления. Идол политики привел к искажению человеческого существования, политизации общества. На этой основе возникла вера во всемогущество политических основ жизни, в идола революции, страстное желание установить те или иные политические формы власти, что вело к абсолютизациям, крайностям, максимализму, спрямлению многомерного мира. Идол политики порождал ложные представления, что «достаточно уничтожить существующую форму правления, устранить от власти людей, ее олицетворяющих, чтобы зло исчезло и заменилось добром». Подобные представления вели к поляризации общества, ибо добро и зло отождествлялось с левым и правым, с освободительно-революционными, прогрессивными и консервативно-реакционными направлениями. На основе такого размежевания идеи одних исследователей трактовались в лучшем случае как ложные, «бесполезные» для народа, а других – возводились в ранг непререкаемых истин, отождествлялись с всеобщими интересами и идеалами. Несогласие с последними воспринималось как покушение на счастье народа, предательство, измена и т. д.

Исторический опыт доказал ложность принципа отождествления идеалов с политическими идеями, принципами в силу относительности последних. Одинаково изобличать можно как социализм, коммунизм, коллективизм, так и всевластие частной собственности, крайний индивидуализм. «Не сотвори себе кумира», – гласит библейская мудрость. Вера – неременное условие успеха любого дела. Но слепая вера, обожествление чего-либо или кого-либо неизбежно ведут к разочарованию, к односторонности, одномерности, прямолинейности.

В целом, самобытный тип мышления русских, эмоционально-чувственное отношение к миру, недифференцированное восприятие действительности, неприятие плюралистической картины мира, приверженность к коммунитаристским, патриархально-общинным ценностям обусловили и одновременно усилили тяготение русских к идеократическим формам государственности, сакрализованному отношению к власти как источнику истины, слитность права и морали, абсолютный авторитет власти.

Западное общество с его сложной системой иерархической зависимости, четкого определения взаимных прав и обязанностей утвердилось в результате иноземного завоевания власти, явившейся с оружием в руках, что вынуждало общество юридически оформлять отношения с внешней силой, создавать государство «из себя».

Западноевропейский национальный характер формировался под доминирующим воздействием индивидуалистического образа жизни, что обусловило в дальнейшем, совокупность с другими факторами, примат индивидуальных прав и интересов. Специфика становления и развития

государственности на Западе, заключающуюся в том, что иноземное завоевание вынуждало общество юридически оформлять взаимоотношения с внешней силой, создавать государства «из себя», четко оговаривать права и обязанности, пределы компетенции каждой из сторон. Это способствовало выработке механизмов самоуправления, формировало политическую культуру законного участия, диалога, сокращала дистанцию между политическими институтами и субъектами политической жизни, создавало возможность контроля за властными структурами.

Результаты сравнительного анализа западноевропейского и русского характеров представлены в таблице 1.

Таблица 1

Критерии	Западноевропейский национальный характер	Русский национальный характер
Тип мышления	Рационалистический	Антирационалистический
Характер восприятия действительности	Дифференцированное восприятие действительности, ее дробление по частям, альтернативная картина мира	Недифференцированное восприятие действительности, целостный охват предметов, неприятие плюралистической картины мира
Отношение к окружающему миру	Рационально-критическое	Эмоционально-чувственное, идеалистически интуитивное
Отношение к власти	Институализированное отношение к власти как к источнику порядка, законности	Сакрализованное отношение к власти, предпочтительность приоритетов, образов лидеров перед институтами власти, отношение к власти как к источнику, критерию истины
Отношение к праву	Приоритет права, закона	Сращивание права с моралью, приоритет не юридических, а морально-этических принципов и норм

Приоритетной основой формирования русского национального характера был примат коллективистских (патриархально-общинных) и квазиколлективистских форм жизни, что обусловило приоритет коллективных прав и интересов над личными. Российская государственность развивалась не «из себя», а росла преимущественно «сверху», игнорируя механизмы самоуправления, саморегулирования, инициативности, что затрудняло формирование политической культуры законного гражданского и политического участия.

Три важнейшие категории образуют ценностно-смысловое ядро российской духовной традиции, национального характера, обуславливая неповторяемое своеобразие русской национальной культуры, – это Воля, Нравственная Правда–Истина, Духовное Братство–Единение.

Весь ход российской истории свидетельствует о том, что расколотость русского национального типа не допускает абсолютизации, возвеличивания каких-либо ценностей, идей, форм в ущерб другим, а требует их синтеза. Наше социальное и экзистенциальное бытие требует идеалов, без которых русский человек способен «дойти до скотоподобия», но необходимы их корректировка, своеобразное «заземление», постановка реально достижимых целей. Русским изначально присущи ценности совместности, соборности, братства.

Справедливость, мудрость государственных решений f немыслимы без опоры на правовые основы.

Меняющиеся исторические, социально-политические, психологические условия способствуют преимущественному проявлению и закреплению одних и релаксации других свойств, черт человека, общности. Однако при этом национальный характер весьма устойчив. Его невозможно изменить с помощью административных мер, механического насаждения иных норм, ценностей жизни, манер поведения. Не принижая роли и значения генотипного компонента в национальном характере, следует заметить, что, будучи психологическим феноменом, он изменяется, трансформируется вместе с модификацией социальной реальности.

Переход к цивилизованным рыночным отношениям, правовому государству потребует не просто создания рыночного хозяйства с соответствующей инфраструктурой, но и целенаправленного формирования ряда новых или существенной трансформации сильно деформированных старых качеств, таких, как пра-воприверженность, нравственность, ориентация на профессионализм, дисциплину, самостоятельность, способность к компромиссу, диалогу, толерантность.

Понятие национального характера

Национальный характер – совокупность наиболее устойчивых для данной национальной общности особенностей эмоционально-чувственного восприятия окружающего мира и форм реакций на него. Выражаясь в эмоциях, чувствах, настроениях, национальный характер проявляется в национальном темпераменте, во многом обуславливая способы эмоционально-чувственного освоения политической реальности, скорость и интенсивность реакции политических субъектов на происходящие политические события, формы и методы презентации ими своих политических интересов, способы борьбы за их реализацию.

Элементы национального характера закладывались на ранних, доклассовых этапах развития общества. Они служили важнейшим способом стихийного, эмпирического, обыденного отражения окружающей действительности. На последующих этапах исторического развития на национальный характер оказывает влияние политическая система общества, однако его ценностно-смысловое ядро остается константным, хотя и корректируется политической жизнью, режимом, системой в целом. В кризисных ситуациях, в периоды обострения национальных проблем и противоречий те или иные черты национального характера могут выходить на передний план, детерминируя политическое поведение людей.

Принято считать, что национальный характер – составной элемент и одновременно основа психологического склада нации и национальной психологии в целом. Однако именно взаимосвязанная и взаимообусловленная совокупность и эмоциональных, и рациональных элементов составляет психологический склад нации или национальный характер, который проявляется и преломляется в национальной культуре, образе мыслей и действий, стереотипах поведения, обуславливая специфичность каждой нации,

ее отличие от других. И.Л. Солоневич подчеркивал, что психология, «дух» народа являются решающим фактором, определяющим своеобразие его государственного устройства. При этом компоненты, «образующие нацию и ее особый национальный склад характера, нам совершенно неизвестны. Но факт существования национальных особенностей не может подлежать никому... сомнению» [113, с. 20–21]. Влияние «духа» народа на те или иные явления и процессы не всегда явно прослеживается, бывает выражено в форме адекватных понятий и четких мыслительных конструкций, но оно, тем не менее, присутствует, опосредованно проявляясь в традициях, нравах, верованиях, чувствах, настроениях, отношениях. Э. Дюркгейм дал одну из наиболее развернутых характеристик «духа» народа как совокупность верований, чувств, общих для всех членов общества. По его мнению, «дух» народа постоянен на севере и юге страны, больших и малых городах, он независим от профессиональной подготовки, половозрастных особенностей индивидов. Он не изменяется с каждым поколением, а, напротив, связывает их между собой. Проявляясь в деятельности отдельных личностей, он, тем не менее, «есть нечто совершенно иное, чем частное сознание», ибо «выражает психологический тип общества» [50, с. 80].

Общий социальный опыт, глубинный народный дух проявляется даже в таких, казалось бы, абстрактных вещах, как математика. Н.Я. Данилевский указывал на известный факт: греки в своих математических изысканиях употребляли так называемый геометрический метод, тогда как ученые новой Европы – метод аналитический. Это различие в методах исследования, по мнению Н.Я. Данилевского, не случайно. Оно объясняется психологическими особенностями народов эллинского и германо-романского типов [43, с. 135–136].

Отмечая наличие национальной самобытности, специфического склада мышления и поведения, следует подчеркнуть, что изучение «народной индивидуальности» сопряжено с большими трудностями. Как справедливо указывал Н. Бердяев, в определении национального типа «невозможно дать строго научного определения». Всегда остается что-то «непостижимое до конца, до последней глубины» [19, с. 37].

Понятие национального характера не теоретико-аналитическое, а оценочно-описательное. Впервые его стали употреблять путешественники, за ними – географы, этнографы для обозначения специфических особенностей поведения и образа жизни народов. При этом разные авторы вкладывали в это понятие разное содержание. Одни подразумевали под национальным характером свойства темперамента, эмоциональных реакций народа, другие акцентировали внимание на социальных установках, ценностных ориентациях, хотя социальная и психологическая природа этих феноменов различна. В связи с тем, что проникновение в сущность национального характера осуществляется, по словам С.Л. Франка, «лишь посредством некой изначальной интуиции», оно имеет «слишком субъективную окраску, чтобы претендовать на полную научную объективность», что неизбежно оборачивается схематизмом [111, с. 472].

Перечисление и характеристика тех или иных черт народа, акцентуация его достоинств и недостатков во многом субъективны, часто расплывчаты, нередко произвольны, обусловлены исследовательским интересом автора. Большая трудность связана и с определением приоритета биогенетических или социально-исторических основ в формировании национального характера, путей его передачи из поколения в поколение.

Выделение специфицирующих национальных черт, влияющих на восприятие политических идей, ценностей, отношение граждан к политическим институтам, власти к гражданам, на формы политического взаимодействия, характер участия и активности политических субъектов, помимо субъективности в отборе и интерпретации исторического материала, имеет и объективные трудности. Они связаны с тем, что дискретные периоды исторического развития оказывают существенное влияние на национальный характер. Так, революция 1917 года в России прервала традиционные способы, механизмы трансляции опыта, традиций. По образному выражению И.А. Ильина, революция «ломала нравственный и государственный костяк» русского народа, «нарочито неверно и уродливо сращивала переломы» [57, с. 217]. Действительно, после революции произошел отказ от национальных традиций, качественно изменились условия и механизмы их преемственности. Но справедливо и другое. Национальный характер вместе с другими факторами оказывает обратное влияние на революцию, обуславливая специфический «русский революционный стиль», делая ее «страшнее и предельнее», чем революции в Западной Европе.

Проблемы национального характера давно являются предметом разносторонних научных исследований. Первые серьезные попытки были представлены в рамках сложившейся в середине XIX века в Германии школы психологии народов (В. Вундт, М. Лапарус, Х. Штейнталь и др.). Представители этого научного направления считали, что движущей силой исторического процесса является народ, или «дух целого», выражающий себя в религии, языках, искусстве, мифах, обычаях и т. д.

Представителям американской этнопсихологической школы в середине XX века (Р.Ф. Бенедикт, А. Кар-динер, Р. Линтон, Р. Мертон, М. Мид и др.) фокусировали свое внимание на построении модели «средней личности» той или иной национально-этнической группы, выделяя в каждой нации «базисную личность», соединяющей общие для ее представителей национальные черты личности и характерные черты национальной культуры.

В настоящее время невозможно выделить какое-либо целостное направление изучения национального характера. Его исследование осуществляется в разных контекстах и с разных концептуально-теоретических позиций. Достаточно полную классификацию точек зрения на национальный характер дают нидерландские ученые Х. Дуийкер и Н. Фрийд.

1. Национальный характер понимается как проявление определенных психологических черт, характерных для всех членов данной нации и только для них. Это распространенная, но уже редко встречающаяся в науке концепция национального характера.

2. Национальный характер определяется как «модальная личность», т. е. как относительная частота проявления среди взрослых членов какой-либо нации личностей определенного типа.

3. Национальный характер может пониматься как «основная структура личности», т. е. как определенный образец личности, доминирующий в культуре данной нации.

4. Национальный характер может пониматься как система позиций, ценностей и убеждений, разделяемых значительной частью данной нации.

5. Национальный характер может определяться как результат анализа психологических аспектов культуры, рассматриваемых в определенном, особом смысле.

6. Национальный характер рассматривается как интеллект, выраженный в продуктах культуры, т. е. в литературе, философии, искусстве и т. п.

В отечественной литературе присутствуют попытки выявления сущности национального характера через выделение ценностей, разделяемых русским народом на протяжении веков. Такой подход является плодотворным. Этносоциальные архетипы воспроизводят из поколения в поколение ментальные стереотипы, устойчивые стили поведения, особенности социального мироощущения, социального темперамента народа, специфику его адаптации, ориентации в политической сфере. Их наличие обусловлено длительным существованием ведущих форм общежития, устойчивыми механизмами общественного признания, доминирующими формами участия в общественно-политической жизни, типичным характером взаимодействия между государствами и гражданами. Одновременно этносоциальные архетипы, воспроизводя стереотипизированные ментальные и политические установки, влияют на функционирование политических институтов, политико-культурной среды. В тот или иной исторический период в национальный характер неизбежно внедряются инокультурные образования, могут получить распространение, нередко довольно широкое, инновационные элементы. Однако компоненты смыслового ядра национального характера обладают большой устойчивостью, хотя и релаксируются временными и другими факторами.

Таким образом, в западной и отечественной науке не существует единой точки зрения и на проблемы формирования национального характера. Одни отдают приоритет географическим факторам, другие – социальным. В одних теориях понятие национального характера определяется через особенности общих психологических черт, присущих данному национальному сообществу. В других концепциях основной упор делается на анализе социокультурной среды как определяющего компонента в формировании особенностей психики нации (А. Инкельс, Дж. Левисон). Существует мнение, что характер нации определяется характером элиты. Именно последняя является выразителем национального характера, его сущности. Часть исследователей пришли к выводу, что нет необходимости специальной дефиниции, поскольку все теории в конечном счете сводятся к психологизированной интерпретации национальной культуры (Лернер, Харди).

Сложность научного анализа проблем национального характера в немалой степени связана с тем, что эмпирические данные и теоретические выводы нередко используются в политике теми или иными националистическими или даже расистскими направлениями, движениями, союзами, силами для достижения своих эгоистических, узко националистических целей, разжигания вражды и недоверия народов.

Несмотря на имеющиеся модификации, в исследованиях национального характера условно можно выделить три основные группы ученых. Одни авторы, фокусируя внимание на специфичности, неповторимости каждой нации, структурируют народы на жестко фиксированные и противостоящие друг другу национально-этнические группы. Другая группа исследователей склонна считать, что само понятие «национальный характер» является фикцией, беспочвенной гипотезой, лишенной реальной объективной основы, сугубо идеологической и потому ненаучной категорией, принципиально не верифицируемой, пригодной лишь для спекулятивных умозаключений.

Третья группа ученых занимает промежуточную позицию между двумя крайними точками зрения. Они считают, что понятие «национальный характер» имеет теоретико-методологическую и практически-политическую ценность, хотя и ограниченную в силу больших методических трудностей его эмпирического изучения и верификации полученных результатов. * Вместе с тем в любой нации есть некие доминанты, которые и позволяют говорить о национальном характере как объективном феномене народного бытия. Прав был Ф.М. Достоевский, когда утверждал, что «можно многое не сознать, а лишь чувствовать. Можно очень многое знать бессознательно» [49, с. 83].

Отмеченные трудности в изучении национального характера вовсе не исключают того факта, что национальный «дух» не как нечто абстрактное, а как «реальная конкретная духовная сущность», как «нечто совершенно конкретное и действительно целостное» существует, а потому поддается «пониманию и ...постижению его внутренних тенденций и своеобразия».

Изучая национальный характер, необходимо иметь в виду следующие моменты. Во-первых, любой национальный характер противоречив. Как целостное образование, он совмещает в себе пары противоположностей – добро и зло, трудолюбие и лень, свободолюбие и раболепие, смирение и бунт, жесткость и сострадание и т. д. Вычленение одних черт вовсе не исключает существование других компонентов, способных нейтрализовать парный компонент. Раскрыть негативные и усилить позитивные черты психологии народа – значит раскрыть его наиболее значимые социально-психологические черты. Но ни одна из них, взятая сама по себе, не является абсолютно уникальной. Уникальна структура психологических особенностей нации, характер взаимосвязи между элементами. Все элементы, входящие в эту структуру, являются общими, присущими не только данному народу, но и многим другим. Но вот приоритет тех или иных черт, свойств, качеств, степень их выраженности может колебаться в довольно широком диапазоне. Поэтому речь идет о доминировании, но не безраздельном господстве тех или иных черт. Анализ психологического склада нации должен включать основные

психологические черты нации, доминирующие черты, т. е. присущие наиболее многочисленным группам в пределах нации, степень однородности (гомогенности) или разнородности (гетерогенности) психических черт в пределах нации. Психический склад нации включает как относительно устойчивые, так и временные черты, а политическая ситуация может усилить или, напротив, ослабить степень их проявления. В рамках национального характера можно говорить и о специфичности психических черт слоев, групп, прослоек, региональных и профессиональных образований. Такой подход и усложняет анализ, но делает его более объективным.

Во-вторых, опрометчиво искать причину и видеть «вину» исключительно национального характера в доминировании тех или иных политико-культурных традиций. Он таков, каким его делают история, определенная биогенетическая предрасположенность, географические факторы, характер социально-политического строя, влияющие на нрав, привычки, манеры, способ мышления, поведения индивидов. Не отвергая наличие природных, генетически обусловленных различий в содержании психических процессов представителей различных национальностей и всей нации в целом, отметим, что в формировании склонностей, интересов, ценностных ориентации, стереотипов мышления и поведения не меньшее значение имеют социально-политические и культурные факторы. Те или иные черты усваиваются и вырабатываются в процессе взаимодействия с политической системой, другими людьми. Таким образом, национальный характер, будучи продуктом налагающихся друг на друга историко-культурных пластов, формируется в большей степени под влиянием политических отношений прошлого. Он оказывает непосредственное воздействие на политическое поведение людей и опосредованное на политическую систему, обуславливая направление, характер, темп ее трансформаций. В переломные, кризисные периоды национальный характер в значительной степени определяет стиль политического поведения нации.

В-третьих, национальный характер неправомерно оценивать по шкале «плохой – хороший», «развитый – неразвитый» и т. д. Даже если экспериментальным путем возможно выявить степень распространенности в нем тех или иных качеств в сравнении с другими национальными характерами. Подобные попытки обречены на неудачу или неадекватное представление о национальном характере. Между тем сегодня, как и во времена Н.А. Добролюбова, порой высказываются два противоположных мнения о русском народе. «Одни думают, – писал Н.А. Добролюбов, – что русский человек сам по себе ни на что не годится, а другие готовы сказать, что у нас – что ни мужик, то гений» [44, с. 11]. Испанский моралист XVII века Бальтасар Грасиан справедливо заметил: каждому народу, «даже весьма просвещенному», народу с позитивными чертами, «свойствен какой-либо природный недостаток», который «соседи обычно подмечают... со смехом либо со злорадством». А посему каждый народ «свой грех да памятует, а не тыкает другому его грех» [37, с. 6].

В-четвертых, национальный характер не есть величина абсолютно постоянная. Он меняется, хотя и медленно. Идея об изменении психики

вызывалась Ч. Дарвином, Г. Спенсером. Современные психологи, антропологи, этнографы на конкретных фактах доказали, что строение сознания изменяется с историей. В 30-е годы тезис об историческом характере человеческой психики экспериментально доказали отечественные психологи Л.С. Выготский, А.В. Лурия. Теоретически и практически неправомерно утверждение о принципиальной неизменности каких-либо свойств национального характера. Черты, которые мы воспринимаем как специфические особенности национальной психики, в немалой степени являются продуктами определенных исторических условий и культурных влияний. Они производны от истории, социально-политических условий и изменяются вместе с ними. Как подчеркивал Г.Г. Шпет, «было бы совершенно превратным» понимание этнической психологии как «объяснительной» науки по отношению к истории. С другой стороны, история также «только «случайно» может объяснить те или иные явления народного духа, хотя, несомненно, именно история «создает предметную ориентировку душевных переживаний человечества», она «устанавливает вехи, обозначающие путь духа». А посему менее односторонним и ошибочным является утверждение о том, что «развитие духа «объясняется» его историей» [125, с. 567].

С изменением тех или иных свойств, качеств национального характера, с определенным временным интервалом, меняются и соответствующие стереотипы о нем. Примеров, подтверждающих эту мысль, довольно много. Так, в начале XVIII века в Европе многие считали, что англичане склонны к революционным, радикальным переменам, тогда как французы казались весьма консервативным, «нерешительным» народом. Однако сто лет спустя мнение диаметрально изменилось: англичане слывут нацией консервативной, со стойкими традициями стабильной демократии, а французы ощущают свое несоответствие «атлантической» модели общественной эволюции, под которой подразумевается прежде всего ее англоамериканская ветвь, из-за наличия определенного этатистского компонента в политической истории, традиции. Или, скажем, в начале XIX века немцев считали (и они сами разделяли это мнение) непрактичным народом, склонным к философии, музыке, поэзии, но мало способным к технике, предпринимательству. Но произошел промышленный переворот в Германии, и в немецком национальном характере сформировались новые черты, а стереотип о неспособности немцев к предпринимательству стал безнадежным анахронизмом. Э. Фромм указывал на то, что европейский характер эволюционировал от «авторитарного, одержимого, накопительского» к «рыночному» с такими ведущими ценностями, как богатство, дело, хозяйство, мастерство, профессионализм [114, с. 162–164]. Сказанное не отрицает генетическую предрасположенность, социальный генотип этноса. В своих сущностных чертах он остается, но функционирует по-разному в разных исторических, политических, культурных контекстах.

Политолог Е. Вятр приводит классификацию основных факторов, влияющих на трансформацию в психическом складе наций, выделяя следующие компоненты:

■ элементы исторического наследия, опыт прошлого, закрепленный в памяти живущих поколений, а также в исторических документах, литературе, памятниках;

■ совокупность условий, в которых существует нация, в первую очередь характер функционирования экономических и политических институтов, а также взаимоотношения различных социальных групп между собой и с институтами власти;

■ совокупность действий, сознательно предпринимаемых для формирования психологического склада нации. Это воспитательная, идеологическая деятельность государства, других общественно-политических сил, а также воспитательное воздействие в рамках малых общественных групп (семья, соседи, товарищи, коллеги и т. д.) [30, с. 255].

В-пятых, необходимо учитывать относительность любых этнопсихологических характеристик. Те или иные суждения относительно национальных особенностей, высказанные в форме абстрактных мнений вообще, без указаний того, с кем сравнивается данный национальный характер, порождают только недоразумения. Скажем, такое качество русских, как максимализм. По сравнению с кем русские выглядят максималистами? Правильно ли такое утверждение? И да, и нет. Если считать, что абсолютно все русские максималисты, то это утверждение неверно. Однако в нем содержится доля истины в том смысле, что среди русских максималистов гораздо больше, чем, скажем, среди американцев. Ниже мы проведем сравнительный анализ русского национального характера с западноевропейским, поскольку «вся ткань русской природы иная, чем ткань природы западной» (Н. Бердяев). При этом необходимо помнить о том, что сами европейцы, в отличие от нашего видения Запада, не считают западноевропейский характер «монистическим» и проводят различие между англоамериканской и континентально-европейской, католической и протестантской его разновидностями. Ясно, что одних только этнопсихологических характеристик не достаточно для объяснения политических тенденций, традиций из-за шаткости, ненадежности опытной базы, значительности элемента подразумеваемогоTM. Вместе с тем, этнопсихологические компоненты должны изучаться, ибо они способны не многое объяснить в реалиях как прошлого, так и настоящего.

Ментальные признаки русского и западноевропейского национальных характеров

Русский национальный характер не просто противоречив, как и любой другой, а поляризован, расколот. Противоположности в нем обострены до крайности, ничем третьим не опосредованы. Н.А. Бердяев подмечал, что русский народ – «самый аполитический, никогда не умевший устраивать свою землю» и одновременно Россия – «самая государственная и самая бюрократическая страна в мире», все в ней «превращается в орудие политики». В русской стихии «поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность» и в то же время это страна «невиданных эксцессов, национализма, угнетения подвластных национальностей, русификации». Русские покорны, смиренны, но одновременно – «апо-калиптики»,

«нигилисты», бунтари, у них много «хаотического, дикого», обратной стороной их смирения является «необычайное русское самомнение». Русская душа «вечно печалует о горе и страдании народа и всего мира», но ее «почти невозможно сдвинуть с места, так она отяжелела, так инертна..., ленива..., так покорно мирится со своей жизнью». Стремление к «ангельской Святости» парадоксальным образом сочетается со «звериной низостью» и мошенничеством [19]. У русского, по С. Аскольдову, из трех человеческих качеств: «святого», иначе безгреховного, «человеческого», то есть социального и «звериного», то есть природного,— можно найти лишь первое и последнее. Искренняя жажда божественной правды у русских сосуществует с «бытовым и внешнеобрядовым пониманием христианства», далеким от подлинной религиозной веры [19, с. 5, 8–10 и др.].

Причину поляризованности, расколотости русского национального типа Н.А. Бердяев объяснил дисгармонией «мужественного» и «женственного» начал в нем. Об этом же писали В.В. Розанов, Вл. Соловьев. Неуравновешенность этих начал присуща незрелому национальному характеру. Недостатком мужественности, твердости духа, воли, самостоятельности в русском народе Н.А. Бердяев объясняет неразвитость в России общественных классов, гипертрофию бюрократизма, специфику русского самодержавия. Благодаря женственному компоненту русская «национальная плоть» имеет такие качества, как милосердие, душевность, мягкость, бескорыстие, терпеливость, отзывчивость, способность отречься от благ во имя светлой веры, идеала. Но жесткое начало обусловило и «пассивную восприимчивость» к добру и злу, излишнюю зависимость от «природной и коллективной стихии», покорность насилию, «рабьему» положению, которое, накапливаясь, вызывает глухое недовольство, переходящее в озлобление, выливающиеся в бунтах, желаниях расправляться с теми, кому и чему поклонялись. С недостатком «мужественного» начала в русском национальном характере соглашались не все его аналитики. Например, Н.О. Лосский, напротив, считал, что русский народ, особенно его великорусская ветвь, «в высшей степени мужествен», в нем «особенно примечательно сочетание мужественной природы с женственной мягкостью». Да и сам Н.А. Бердяев констатировал, что «мужественный дух потенциально заключен в России» [19, с. 8–10, 13, 14 и др.].

Не вникая в существо спора о соотношении «мужского» и «женского» начал (в других интерпретациях русский национальный тип ассоциируется с детским началом, символом несовершеннолетия) отметим, что в основе феномена поляризованности, расколотости ле- « жат многие факторы. Существенное значение имеет расположение страны, где проходил стык двух типов цивилизации, культур. Русский историк В.О. Ключевский писал: «Исторически Россия, конечно, не Азия, но географически она не совсем Европа. Это переходная страна, посредница между двумя мирами. Культура неразрывно связала ее с Европой, но природа положила на нее особенности и влияния, которые всегда привлекали ее к Азии или в нее влекли Азию» [59, с. 65].

В России встречались, перекрещивались две цивилизации. Дуализм двух миров, культур обусловил «конфликтный» тип российской цивилизации. В русской душе столкнулись и смешались два потока мировой истории – восточный и западный, представляющие собой относительно самостоятельные нормативные системы, не способные к сращиванию. Они, по мнению Н.А. Бердяева, не составляли органически цельный характер, не превратились «в единую волю и единый разум», «запутавшись» в душе. Перепутье между Востоком и Западом, пересечение двух полярных потоков, взаимоотталкивающихся, несостыковываемых, но сосуществующих культурных традиций, начал и обусловили поляризованность русской души, ее апокалип-тичность и нигилизм, которые «не признают срединного царства культуры». Отсюда та торопливость, суетливость, скоропалительность, с которой русский человек всякий раз спешит «заявить о себе» в хорошем или плохом деле. Как образно выразился Н.А. Бердяев, он «хочет, чтобы поскорее все кончилось или всем, или ничем». Русская поляризованность «одинаково находит себе выражение и в черносотенстве, и в большевизме. Крайне правые и крайне левые у нас сходятся, как одна и та же темная стихия, та же смесь неосознанного и извращенного апокалипсиса с нигилизмом» [19, с. 106, 107, 148].

Поляризованность русского национального типа проявляется в «забвении всякой меры во всем», развитой потребности «хватать через край», дойти «до последней черты», «в замирающем ощущении, дойдя до пропасти, свеситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну и – в частных случаях, но весьма нередких – броситься в нее как ошалелому вниз головой».

В такие роковые периоды, по оценке Ф. Достоевского, русский человек доходит до «судорожного и моментального» самоотрицания и саморазрушения, способен на самые крайние действия, готов порвать все связи, отношения, отречься от всего (семьи, обычаев, бога), «сжечь все мосты» [48, с. 60]. В апокалиптической настроенности, устремленности к концу, неприятию срединной культуры следует искать источник как наших исторических свершений, взлетов, силы духа, так и падений, провалов, духовных болезней.

Ситуация «висения над пропастью», «хождения по краю пропасти» порождает в обществе особую атмосферу напряженности, тревожности, страха, дискомфорта, обостряет социально-экономические и политические проблемы, придавая им особую остроту и трагичность, чувство «близкого конца», катастрофы. Но она же создает и условия, стимулирующие духовное творчество. В русских, наряду с тенденцией саморазрушения, самоотрицания, сильны, может быть, даже в большей степени, импульсы самосохранения, самоспасения, самовосстановления, в котором они проявляют ту же силу, напористость, стремительность. Русский человек, впадая в абсолютизацию одной из противоположностей и желая изжить, преодолеть ее до конца, испытывает столь же искреннюю потребность в другой, ей противостоящей части единого целого.

Потребность отрицания, разрушения подчас всего самого главного, святого, и самовосстановления, возрождения питается «героической»

сущностью россиян. Русскому человеку необходимы великие дела и свершения, такие как разрушение и созидание. Ему претит серая, будничная, рутинная жизнь. Созидание у русских идет не иначе, как через разрушение всего и вся, через общественные потрясения, кризисы и катаклизмы, когда общественный организм близок к смерти. Смысл разрушения в том, чтобы смести все мерзкое, уродливое, неприглядное. Только пройдя через великие потрясения, жертвы, покаяние люди становятся способны к духовному преображению, возрождению всего прекрасного, к нравственному просветлению. В этом смысле русская душа, по оценке Н.А. Бердяева, «способна дойти до упоения гибелью» [19, с. 107].

Характерной чертой западной ментальности является рационализм, упорядоченность, склонность к формальным, четко очерченным, внешне организованным структурам. «Человек латино-романской культуры, – писал П.Е. Астафьев, – стремится и всегда готов организовать, кристаллизировать в твердых, точно определенных формах и экономических различий, и человеческое братство, и любовь, и уважение. Для него понятен и почти привлекателен даже вопрос о регламентации, кодификации нравственности в тесном смысле, так чтобы нравственные мотивы действовали в душе по общим правилам, в точно определенных формах и т. д.» [132, с. 37]. А. Аксаков, может быть, несколько утрированно, но очень точно охарактеризовал рационализм западной цивилизации. «На западе души убивают, – писал он, – заменяясь усовершенствованием государственных форм, полицейским благоустройством; совесть заменяется законом, внутренние побуждения – регламентом, даже благотворительность превращается в механическое дело; на Западе вся забота о государственных формах» [132, с. 123].

Русское мышление «абсолютно антирационалистично», – констатировал С.Л. Франк [115]. Антирационализм не идентичен размытости, неясности, логической недифференцированности духовной жизни, не означает неприятия русскими точных наук или неспособности к ним. Он выражается в неподчиненности пределу, норме, в неприятии внешних форм, «органической нелюбви ко всякой законности», равнодушию к благам, результатам своей жизни и деятельности. Антирационализм русских нашел яркое выражение в устном народном творчестве. Образ дурака, столь типичный в народных сказках, олицетворяет вызов трезвому расчету, здравому смыслу. Дурак, по оценке Е. Трубецкого, является любимым героем сказки именно потому, что в «человеческий ум он не верит» [132, с. 49]. Его поступки противоречат житейским расчетам, на первый взгляд кажутся глупыми, но в конечном итоге он оказывается счастливее своих братьев, действовавших расчетливо, хладнокровно, продуманно, спланированно.

Полнота, цельность, глубина внутреннего мира, совесть, справедливость имеют первостепенное значение для русского народа. «Дух», моральность, личную совесть русский ставит всегда выше безличной легальности, а душа для него дороже формальной организованности. П.Е. Астафьев полагал, что по этой причине ценности «умеренности и аккуратности» никогда не станут у нас основополагающими. Поэтому русский народ «не организаторский» в смысле

его неспособности и несклонности к высшей организованности, упорядоченности жизни, не политический, не юридический и даже, по оценке П.Е. Астафьева, не социальный по своим идеалам и стремлениям. «Охотнее всего мы повинемся,— констатировал Н.А. Градескул, — но не за страх, а за совесть и по убеждению... Забота о «душе» и об ее внутреннем «благоутверждении» — наша типичная русская забота» [132, с. 147]. Правовым нигилизмом в России отличались и консерваторы и радикалы. Многие из них отвергали конституционное государство как чуждое России. Неприятие юридических начал, смешивание права и морали обусловлено особенностями родового быта России.

Сопоставительный анализ показал, что этно-национальный фактор играет важную роль в политическом процессе. Однако, при всех концептуальных модификациях, считается общепризнанным, что политический процесс отображает ранее не выделяемые особенности реального взаимодействия субъектов политической жизни, сложившегося не только в соответствии с намерениями лидеров или программами партий, но и в результате воздействия разнообразных внутренних и внешних факторов.

Выявленные в рамках политической психологии этно-национальные особенности, закономерные признаки, механизмы и факторы включения личности и группы в политический процесс в российской социокультурной среде имеют свои особенности в сравнении, например, с западноевропейскими. Здесь в центре внимания оказываются политические установки, политическая активность, политические ориентация и позиции, которые во многом вобрали в себя богатое историческое достояние.

2.4. Политическая элита в современном обществе

Современное общество можно характеризовать по различным критериям (основаниям): количественный, возрастной, национально-этнический состав, классовая принадлежность, отношение к собственности, участие во властных структурах и др. Одним из оснований может служить показатель участия тех или иных социальных групп в развитии прогресса, значимость их интеллекта, воли, организаторских способностей, таланта в процветании нации, укреплении государственности, обеспечении национальной безопасности, техническом развитии и поддержании международного авторитета. Следуя этому подходу, можно выделить в структурных образованиях общества элитные слои, а также иные, менее активные и даже регрессивные части. Все они по-разному проявляют себя в политической сфере и требуют специального анализа.

Элита

Словари содержат достаточно различные подходы к понятию элиты, ее места, роли в обществе, порядку формирования, функциям и принципам смены. Много появилось за последние годы исследований проблем элиты в российской социально-политической и психологической науке. Активно изучается вопрос и о политической элите (см. Афанасьев М.Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России.— М.: Институт практической психологии, 1996; Ашин Г.К. Рекрутирование элиты // Власть. 1997. № 5; Охотский Е. Политическая элита и российская действительность. — М., 1996;

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. – М.: Интеллект, 1998; Березовский Е.В. Политическая элита российского общества на рубеже эпох: Историко-социологическое исследование: В 2 ч. – М.: Изд-во МГУ, 1999 и др.).

Вместе с тем, психологические аспекты генезиса, продуцирования и реализации своих властных полномочий политической элитой рассматриваются недостаточно. Мотивы стремления людей во власть, к участию в ней или к оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами или внутри государства между социальными группами заключают серьезные и разносторонние вопросы, относимые к области политической психологии.

Постановка проблем политической элиты имеет давнюю традицию, восходящую к Платону (5–4 в. до н. э.), Аристотелю (4 в. до н. э.), Н. Макиавелли (1469–1527). В современном представлении теория политических элит базируется на идеях В. Парето (1848–1923), Г. Моска (1853–1941), Р. Михельса (1876–1936). Благодаря первому термин «элита» впервые вошел в научный оборот социологии и политологии. Его коллега Моска оперировал понятием политического класса. Михельсу принадлежит развитие идей о властвующей верхушке и обоснование понятий, связанных с политическими партиями и олигархией. Все они пытались вычленить и систематизировать вопросы, касающиеся роли правящей верхушки в политическом процессе, сделать их предметом специальных исследований.

Не остались проблемы элиты без внимания и со стороны российских мыслителей и ученых. Среди них следует указать такие фамилии, как выдающийся политический и научный деятель петровских времен В.Н. Татищев (1686–1750) – разделенность общества на управляемых и управляющих; один из лидеров декабристского движения П.И. Пестель (1799–1826) – расчлененность общества на повелевающих и повинующихся; славянофил К.С. Аксаков (1817–1860) – русская национальная специфика отстраненности народа от государственного управления; философ и социолог Н.А. Бердяев (1874–1948) – закономерность существования организованного меньшинства для управления обществом; философ и политический мыслитель И.А. Ильин (1883–1954) – зависимость нравственности политики от прозорливых, ответственных и талантливых организаторов.

Термин «элита» обозначает лучшее, отборное, избранное. Впервые употреблялся стал для оценочной характеристики лучших пород скота, зерновых культур, земельных угодий. С течением времени это слово стали применять к той части общества, в которой состояли уважаемые, почитаемые, богатые, авторитетные, известные представители различных социальных групп. Но прежде всего это касалось людей из высших слоев политики, бизнеса, искусства и военной сферы. Они принадлежали, с точки зрения участия в общественном управлении, к тем, кто мог быть назван прямым субъектом политики и власти, кто входил в структуры институтов государства, вырабатывал законы, участвовал в процедурах принятия решений, реализации военной и судебной политики государства, определял его торговый климат и международные связи. Объектом властвования политической элиты выступают

государственные институты, политические группы и партии, общественно-политические движения и организации, все слои гражданского общества.

Современное толкование состава политической элиты подразумевает то, что в нее входят не только первые лица государственной власти, но и те, кто напрямую обеспечивает нормальное легитимное функционирование этой власти в масштабе всего государства и в различных его сферах: представители законодательной, исполнительной и судебной ветвей, советники и эксперты, аналитики и руководители постоянно действующих органов по организации выборов, лидеры крупных политических партий, объединений и движений и т. д.

В исследовательской литературе прослеживаются три основных направления оценки политической элиты в общей структуре элиты общества:

1) позиционный – влияние представителя политического слоя в зависимости от занимаемого места в системе властных структур;

2) репутационный – величина рейтинга политика в среде других заведомо властвующих лиц;

3) функциональный – степень приближенности субъекта к области принятия политических решений.

Последняя позиция гармонично сочетается с концепцией политического лидерства Ж. Блонделя, который определял власть как способность «одного лица, находящегося на вершине, заставлять других делать то позитивное или негативное, что они не делали бы» [23]. Различают подразумеваемую и потенциальную власть. Подразумеваемой властью обладает тот, с чьими намерениями и действиями не может не считаться принимающий окончательное решение. Потенциальной властью обладает тот, кто имеет власть, но не применяет ее. Различают также прямое, косвенное и номинальное влияние. Прямое влияние предполагает непосредственное участие в принятии окончательного решения; косвенное влияние подразумевает прямое воздействие на лиц, принимающих окончательное решение. Номинальное влияние – влияние лишь по ограниченным вопросам и в определенное время. Политическая элита более всего использует свой вес и потенциал для реализации косвенного влияния. Само влияние тоже должно рассматриваться как с позитивной, так и с негативной точки зрения: стимулирует, помогает ли совершению политических актов или тормозит их. Можно предложить и более общий – системный подход к классификации или типизации политической элиты (см. рис. 5).

Рис. 5. Классификация современных политических элит

Политическая элита – это социальная общность гетерогенного характера, объединенная близостью социально-психологических установок, стереотипов и норм поведения, обладающая единством – порой относительным – разделяемых ценностей. Важно отметить, что реальные и декларируемые стандарты ее поведения могут существенно различаться. Степень внутренней сплоченности элиты зависит от степени ее социальной, национальной однородности, доминирующих моделей элитного рекрутирования, преобладающего стиля политического лидерства, уровня политической культуры и др.

Среди причин, которые обуславливают появление и существование политических элит, обозначим наиболее важные:

- 1) психологическое и социальное неравенство людей, их неодинаковые способности, возможности и желание участвовать в политике;
- 2) действие закона разделения труда, требующего профессионального занятия управленческим трудом как условия его эффективности;
- 3) высокая общественная значимость управленческого труда и его соответствующее стимулирование;
- 4) притягательность широких возможностей использовать управленческую деятельность для получения социальных привилегий;
- 5) практическая невозможность полномасштабно осуществлять всесторонний контроль за политическими руководителями со стороны широких масс;
- 6) определенная пассивность рядовых граждан, различных слоев населения в отношении политического участия.

Ресурсы, используемые политической элитой, достаточно разнообразны и не обязательно имеют политический характер. Социальное пространство многомерно, поэтому многомерными могут быть источники политического капитала, которыми пользуются элиты: финансово-экономические, культурные, социальные, силовые, символические. Они приобретают характер политического в случае использования их для влияния на процесс принятия политических решений.

Политическая элита – меньшая, но важная составная часть гражданского общества, ибо она зачастую – прямой участник формирования внутренней и внешней политики государства, влиятельная сила в регулировании политических процессов, определении целей, выборе приоритетов и стратегии их реализации.

В начале XX века О. Шпенглер, характеризуя участие политической элиты в процессе управления государством и обществом, отмечал: «Все решается небольшим количеством людей выдающегося ума, чьи имена, может быть, даже и не принадлежат к наиболее известным, а огромная масса политиков второго ранга, риториков и трибунов, депутатов и журналистов, представителей провинциальных горизонтов только поддерживает в низших слоях общества иллюзию самоопределения народа» (см. Шпенглер О. Закат Европы.– Новосибирск, 1993. С. 74).

Политическую элиту, используя рассуждения М. Вебера, можно представить в виде штаба при прямых обладателях власти, который, в зависимости от исторических условий и характера политической системы, задействует механизмы политической борьбы или ее вспомогательные средства с целью легитимного диктата (управления) или идеологического обеспечения власти. В этом смысле ресурсами обеспечения являются материальные вознаграждения или социальный почет, отражающие и реализующие интересы и надежды людей, а также содержащие различные оттенки страха [30, с. 644–650].

Если властную вертикаль современного общества представить в виде трехуровневой пирамиды, то политическая элита может быть распределена в следующем порядке: высший уровень занимает правящая элита (элиты); второй – политические группы, проводящие транслирование принятых высшим уровнем решений (облик их различен в зависимости от структурного состава социума, этапа развития общества и т.п.); еще ниже, в основании пирамиды – объект управления в виде остальных граждан.

Одной из важных категорий элитологии является категория контрэлиты. Это понятие включает лиц, по статусу не входящих во властные структуры, но оказывающих существенное влияние на принятие стратегических политических решений. В качестве контрэлиты выступает обычно высший эшелон политической оппозиции.

Формирование и смена политических элит идет в борьбе за влияние на первых лиц – держателей власти и более всего на непосредственно политический союз, который обозначен как государство. Это происходит при острой конкуренции и чаще всего в период модернизации, общественного переустройства, изменений форм собственности, типа государственной системы. Данный процесс несет на себе отпечаток исключительно острых социально-психологических столкновений, выливающихся нередко в прямое противостояние, передел власти с помощью вооруженного насилия. На этом этапе развития общества происходит развенчивание властных полномочий и влиятельности одних представителей политических элит и утверждение в своих правах других, ломка психологии людей этих социальных групп на личностном

уровне, эмоциональная «перенастройка» прав и привычек, основанная на приобретении или лишении места на политическом Олимпе. Происходит циркуляция элит и трансформация представителей одних элит во вновь утверждающиеся элиты.

Понятию политической элиты довольно часто придают отрицательный оттенок. Между тем такое положение не является адекватным действительности. Очень корректно выглядит позиция А. Шлезингера, признанного авторитета среди американских историков и политологов. Он называет негативное отношение к элите пагубным самообманом, свидетельством традиционного недоверия к теориям лидерства. Шлезингер утверждает, что «на протяжении всей человеческой истории высшая власть всегда была в руках меньшинства, то есть элиты. Это столь же верно в отношении демократических и коммунистических режимов современности, сколь и для средневековых монархий и первобытной орды. ...Проблемой проблем является не само существование правящей элиты, а 'ее характер» (см.: Шлезингер А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 620).

Среди функций властвующей политической элиты наиболее выраженными являются те, что связаны с отражением социально-политических интересов различных групп общества в политических установках; выработкой политической идеологии (программ, доктрин, конституционных положений и др.); созданием механизмов воплощения политических замыслов (законов, политических решений, планов); изучением и анализом интересов всевозможных социальных групп; формированием представлений о субординации интересов различных социальных общностей; созданием политических институтов общества и системы их коррекции; осуществлением государственной кадровой политики административно-судебной и хозяйственной сферы; сепарацией и выдвижением политических лидеров. Вместе с тем, важнейшей среди функций можно считать функцию принятия стратегических решений, обеспечения их трансляции на уровень массового сознания и контроля за исполнением.

Как видно, социальная деятельность политической элиты весьма широка, а мера моральной ответственности за результаты выполнения своих общественных функций чрезвычайно серьезна.

Область существования политических властных отношений вбирает в себя разнообразнейший конгломерат понятий, принципов, законов и методов, связанных с политической практикой и функционированием политической элиты. Критерием правильности выбора тех решений и практических действий, что приводят к реализации общественных ожиданий или адекватной реакции на события в социальном пространстве могут быть лишь конкретные последствия этих действий, отмеченные положительным знаком. Сиюминутные оценки правильности или неправильности сделанного выбора порой сложно строить по только что свершенным политическим действиям (как, к примеру, действиям водителя). Оценки, а тем более последствия, часто удалены от факта политических решений, позиций в тех или иных спорных вопросах на весьма

далекое время. Отсюда и оценки роли политической элиты в политических процессах порой совершенно не однозначны.

Психологические теории элит вбирают большой массив теоретико-методологических идей и разработок, оставленных современным исследователям такими известными учеными, как З. Фрейд, Э. Фромм, Г. Лассуэлл, С. Липсет, Ж. Блондель, Р. Такер. Серьезный вклад в данную область вложили и отечественные представители ученого мира Г. Дилигенский, Д. Ольшанский, Е. Шестопал и др. Развивая и дополняя исходный психологический пласт знаний, обоснованный Н. Макиавелли, В. Парето, они формируют в нем свои научные подходы. В настоящее время накоплен обширный научно-исследовательский материал, требующий систематизации и определенности. Вместе с тем, уже на этой базе можно обозначить наиболее четкие контуры имеющихся знаний и проложенных исследовательских направлений.

Сущность психологического аспекта элитарной дифференциации общества выражается в толерантности взаимосвязей и отношений, господствующих в элитной среде. На этой почве формируются одинаковые представления о приемлемых политических целях, ценностях политической деятельности и социального статуса участника власти, социально-психологические особенности занятия своих позиций для возможного участия в политической деятельности, стиль поведения. Сплоченность и корпоративность, нередко наблюдаемая в среде политической элиты, является определенным показателем примерно одинаковых качеств интеллекта ее представителей, способностей в нацеленности на участие во власти, стремления ограничить проникновение в свою среду новых конкурентов.

Разделяя мнение античных философов о вероятностном характере политики, Макиавелли утверждал, что она во многом зависит от неизменно несовершенных качеств человеческой природы, каковые существуют у всех народов, во всех государствах. Отделяя политику от христианской этики, он заявлял о противоречивости нравственности, морали и политической практики. Для масс религиозные заповеди – основа нравственности, неоспоримый приоритет в поведении, послушании, благочестии. Религия поддерживает и оберегает от сотрясений разделенное на правителей и подданных общество. Политика же не должна быть предметом вожделений простых людей, это дело избранных. В свою очередь для правителей, как субъекта управления, религия должна быть средством практического воздействия на народ, с целью управления им, а политика – конкретная реакция государственных мужей на быстро меняющуюся ситуацию в политике действуют особые правила, не тождественные, а порой противоположные морали. И, чтобы сохранить престиж, представителям власти следует любые действия прикрывать нравственными и религиозными добродетелями. В управлении обществом деятельность правителей должна основываться на заимствовании ряда качеств, имеющихся у таких животных, как лев и лиса: силы, хитрости, умения выжидать и быть агрессивным, отважным и коварным.

Что касается В. Парето, то для обозначения качеств и способностей, имеющих значение в сепарации элиты от остального общества, он использовал термин «остатки», подразумевая под ними проявления интуиции, чувств, аффектов, инстинктов, помогающих элите создавать свою формулу правления. Они же помогают этим людям удерживаться у власти, реализовывать свои задатки, способности, особенности характера в процессе политической деятельности, включая выработку и принятие решений.

Условно разводя два подхода, которые связаны с представлениями правления элиты с точки зрения Макиавелли и Парето, можно определить их как ценностный (меритократический) и функционально-ролевой (альтиметрический). Сторонники первого подхода характеризуют обстоятельства появления, развития и продуцирования политической элиты теми достоинствами интеллектуального, материального, психологического и иного характера, которые обнаруживаются у лидеров. Сторонники второго – важностью функций управления, возложенных на людей, чья роль – быть политической элитой.

Ценностный подход в трактовке критериев элитности поддерживал Н. Бердяев, считая, что для России качественные показатели являются определяющими. Идеально подходящими вариантами политики он считал те, что заставляют смириться государство, ограничить его и подчиниться высшему началу. А к высшему началу он относил право, как выражение сверхчеловеческой, абсолютной и объективно-разумной воли, в лоне которого должны действовать люди власти. По мнению Бердяева, власть, аристократия должны складываться через качественный подбор личностей, избрание личностей на властные полномочия под действием нравственных законов истории [19].

Сторонники функционально-ролевого подхода выделяют в качестве главного критерия элитности социальный статус ее представителей в системе властных структур и связанные с этим психологические факторы жизни каждого из этих людей. Представитель данного подхода Г. Лассуэлл причислял к элите те группы людей, которые обладают высоким положением в обществе и занимают командно-административные позиции в управленческих структурах государственной власти. Это позволяет им осуществлять наиболее важные управленческие функции и оказывать серьезное влияние на выработку и принятие решений, имеющих серьезные последствия для общества.

Существует и либеральный подход к определению политической элиты. Его представители И.А. Шумпетер (1883–1950) и Ч.Р. Миллс (1916–1962), определяя элиту как властвующее меньшинство, считали, что она рождается при обстоятельствах свободного развития общества, где «демократические правила» дают развиваться самым талантливым и одаренным, и они, в свою очередь, ведут общество к высотам прогресса. Престиж нахождения людей в особом слое управляющих – элите, добытый ими в равной конкурентной борьбе, формирует в их сообществе особый дух возвышенного отношения к своим властным полномочиям, основанным на пользовании приобретенными навыками и опытом.

Психологические теории политических элит условно делятся на три направления исследования избранности.

1. Психологическая теория, в основе которой взгляды Г. Джилберта и Б. Скиннера, объясняющая элитность, исключительность одних и заурядность других людей чисто психологическими качествами.

2. Психоаналитическая теория, в основе которой взгляды З. Фрейда и Э. Эриксона, трактующая стремление к власти как реализацию сексуальной энергии через ее сублимацию.

3. Социально-психологическая теория, с использованием идей Э. Фромма и Г. Лассуэлла, где акцент делается на формировании характеров политических лидеров и элит через социальную практику, их детерминированность от социальных факторов в целом.

Остановимся коротко на некоторых идеях перечисленных выше ученых.

Б.Ф. Скиннер (1904) трактовал свои психологические взгляды на область политического действия субъекта как научающе-бихевиоральное направление. Согласно ему, индивиды рассматриваются как успешно познаваемые для науки субъекты и значительную долю информации о человеке дает его жизненный опыт, поведение в различной обстановке, реагирование на обстоятельства, преподносимые ему социальной средой. Именно реакция на внешнюю среду определяет поведенческую палитру субъекта политики.

З. Фрейд (1856–1939) рассматривал поведенческую сторону психики человека как сложную психодинамическую систему взаимодействия индивида с социальной средой, с которой личность находится в состоянии непрерывной тайной войны. Фрейд характеризовал психику человека как поле боя между непримиримыми силами инстинкта, рассудка и сознания. Основными частями психики считал «Оно», «Я», «Сверх-Я». Безличная, образованная совокупностью влечений, стремящихся к немедленному удовлетворению, лишенная контактов с реальностью и подчиняющаяся принципу удовольствия часть – это «Оно». Отделившаяся от «Оно» в процессе развития сознания и связанная с внешним миром для посредничества с ним и со «Сверх-Я» часть – это «Я». И, наконец, результат воздействия на человека социального окружения (воспитания, обучения, опыта испытанных санкций), т. наз. психологические обручи, не дающие человеку подчиняться инстинктам, вызывающая чувство страха, вины, препятствующая действию «Оно» и имеющая аналог совести часть – это «Сверх-Я».

По мнению ученого, в основе всякой социокультурной высокоэмоциональной и творческой деятельности человека лежит сублимация – переключение его нерастраченной сексуальной энергии (либидо) на другие виды деятельности. Преступления, стремление к власти и к самоутверждению насильственными способами, маниакальная сосредоточенность на чем-либо – это модификация вытесненного либидо. Элита же, с этих позиций, может возникнуть только на основе сублимации. При этом, наряду с высокой заряженностью на власть, представитель таких видов деятельности, как правило стремится к одиночеству, отделен от окружающего мира мученическим воображением. Одиночество же усиливает неврозы, а те в свою

очередь приводят к вспышкам гениальных решений, атакующим действиям, нестандартным поступкам, высвобождению необузданной энергии в достижении власти.

Э. Эриксон (1902–1994) продолжил развитие идей З. Фрейда и добавил к ним понятие «эго», чем обозначал автономную структуру личности. Уйдя от классического психоанализа, Эриксон главный акцент в своей психоаналитической теории сосредоточивал на динамике развития человеческого эго в процессе всего жизненного цикла. Именно ему ученый приписывал основу поведения и функциональной деятельности. Эго обеспечивает целостность поведения, поддерживает внутреннее единство, обеспечивает связь внешних и внутренних событий, позволяет принимать или нет социальные идеалы, групповые стремления. Эго – хранитель неделимости личности, гарант ее целостности, позволяющий ей во что-то верить, иметь связь между прошлым, настоящим и будущим, развиваться наедине с собой. Эриксон ввел в психологию понятие идентичности, имея ввиду внутренне идентичное собственному «Я» состояние. И вместе с тем, особо значимым считал процесс постоянного приспособления, развития своего «Я» по отношению к социальной и политической реальности.

Э. Фромм (1900–1980) – один из ведущих представителей «культурного психоанализа», продолжил постфрейдистскую тенденцию в психологии, уделял особое внимание влиянию на личность социокультурных факторов. По Фромму, человеческое существование – это реализация некой заданной тотальной системы его внутренних потенций. При определенных культурно-исторических условиях одна их часть реализуется, другая остается не пробужденной. Вся история развития человека, по концепции Э. Фромма, – мучительная драма становления и развития личности в условиях ее погруженности в различные социокультурные среды. Социально ориентируясь, человек стремится наиболее эффективно приспособиться к требованиям этой среды, приобрести состояние защищенности, реализовать совокупность потребностей, среди которых потребность в свободе, безопасности, наличии связей, принадлежность к родовым корням и др. В этом плане Э. Фромм выделяет пять социальных типов человеческого характера: рецептивный, эксплуатирующий, накапливающий, рыночный, продуктивный. Все они вполне успешно могут реализовывать позитивную модель развития, при которой каждый человек должен нести ответственность за свой облик и его совершенствование, формирование своего интеллекта и способностей. Но в такой схеме незаменима роль элиты, ибо именно она должна создать модель этого нового общества.

Если выделить в числе субъектов политики ключевой фигурой человека, то его можно отнести к элите, если он способен выполнять самые ответственные государственные функции. Политическая практика показывает между тем, что политическая элита формируется по таким основным признакам, как наличие определенных качеств у человека, которые в его творческом потенциале представлены незаурядными способностями и задатками. Такие политические деятели предстают как харизматические.

Принадлежность к господствующему социальному слою или группировке также позволяет основным их представителям занять место в составе политической элиты. Высокий уровень профессионализма политика – знания, умения, навыки, политические позиции, индивидуальные особенности, акмеологические инварианты – также для многих деятелей становятся определяющими во вхождении в политическую элиту. Не менее важное значение здесь имеет и аристократический рейтинг. Уникальность политической практики России конца XX – начала XXI веков состоит в том, что на формирование элит существенное влияние оказывают деструктивные социальные факторы, например, легализованное хождение теневого капитала, криминально-олигархическое лоббирование и др.

Масса

Для более полного и гармоничного представления идей, связанных с понятиями политической элиты, ее властным участием в общественном управлении необходимо знать особенности психологии поведения больших социальных групп. Массы (иногда «толпа») – понятие, связанное с обозначением альтернативных по отношению к элитным стратам социальных общностей, определяемых по количественному основанию.

Имя основателя социальной психологии XX века Г. Лебона (1841–1931) ассоциируется с его предсказанием о наступлении «эры масс». Он считал, что любое скопление людей представляет собой «массу» (толпу). Главной ее чертой является отсутствие способностей к наблюдению, анализу, самоконтролю. В силу волевой неразвитости и низкого умственного уровня больших людских масс ими управляют бессознательные инстинкты. В толпе утрачиваются личностная самостоятельность, критичность и способность здраво мыслить. Обезличивание человека в толпе приводит к несвойственным порой для него, импульсивным действиям, снижению контроля над страстями. Масса, по мнению Лебона, всегда по своей природе неутюрядочена, хаотична – следовательно, ей нужен «вождь», роль которого может выполнить элита.

У Лебона идея толпы соседствует с рассуждениями об элите. Он считает, что элита всегда стремилась проникнуть в тайны мыслительного процесса толпы-массы, поэтому практически все великие властители, выдающиеся государственные деятели, будучи, как правило, бессознательными психологами, инстинктивно чувствующими настроения людской толпы, могли навязывать свою волю, повелевать именно благодаря своим качествам.

Французский социолог и криминолог Г. Тард (1843– 1904) вошел в историю мировой науки как один из основателей психологического направления исследований общества, создатель концепции социальной детерминации поведения как отдельных личностей, так и больших групп. Он считал, что открытый им закон «социального подражания» позволяет объяснять систему «внушения» порядка действий со стороны высших социальных звеньев в адрес низших. Благодаря подражанию, посредством внушения происходит усвоение индивидом традиций и ценностей, накопленных обществом. Вместе с тем, именно это порождает слепое повиновение масс авторитетам, сильным личностям, вождям, элите.

Г. Тард проводит анализ различных форм социального взаимодействия и пытается доказать, что их основу составляет ассимиляция индивидом установок, чувств других людей. Внушение извне и эмоции определяют характер внутренней (душевной) деятельности человека. Согласно Тарду, в обществе непрерывно происходит обмен внушениями, но, чтобы быть пригодным для жизни в этом обществе, человеку необходимо овладеть и умело пользоваться навыками правильного подражания. Тард серьезное внимание уделял поиску специфических психологических предпосылок формирования своеобразия отдельной личности в социальном окружении. Исследования механизма подражания стали основой создания специальной теории подражания.

Среди современных теоретиков психологии толпы следует отметить имя французского профессора Сержа Московичи. В своей монографии «Век толп» (1981) он подверг системному анализу существующие теории. Результатом стало появление следующих выводов:

- 1) массы представляют собой социальный феномен; \$
- 2) индивиды растворяются в массах под влиянием внушения (внушение – это обязательный принцип «состояния растворения»);
- 3) гипноз (гипнотическое внушение) понимается как модель поведения вождя масс [81. с. 177].

Этим положениям Московичи придает статус научных открытий, а психологической теории толпы ранг науки.

Данные положения конкретизируются следующими идеями:

- 1) толпа – это не скопление людей в одном месте, а человеческая совокупность, обладающая психологической общностью;
- 2) индивид действует сознательно, а масса, толпа – бессознательно, поскольку сознание индивидуально; коллектив же не обладает таким свойством;
- 3) масса, толпа консервативна, несмотря на поверхностную подвижность и, порой, революционность в действиях. Низвержение и реставрация низвергнутого – одинаково возможные действия в состоянии гипноза и ностальгического сожаления о прошлом;
- 4) масса, толпа легко доверяет себя вождям, обосновывая свой выбор не их силой или доводами, а завораживающей возвышенностью простых идей и авторитетом;
- 5) для массы (толпы) серьезное значение имеет пропаганда, порой иррациональная, но способная ее подвигнуть на преодоление всяческих препятствий;
- 6) для успешной реализации своих функций политика должна внедрять и постоянно поддерживать в сознании масс (толпы) возвышенные идеи. Сформированные коллективные образы, как положительного, так и отрицательного характера, имеют свойство продуцировать образы действий.

С. Московичи принадлежит идея разработки массологии – науки о поведении толпы, взаимоотношении лидеров с толпой, элиты с остальной массой. Он отмечает, что масса боготворит и прославляет своих лидеров-

избранников, приписывает им порой не существующие качества, наделяет их всемогуществом и всеведением, благоговейно служит своим повелителям. Доводя их до состояния полубогов, когда речи всегда истинны, действия справедливы, масса создает систему абсолютной защищенности лидеров от критики, оппонирования, и уже система автоматически и универсально начинает управлять породившей ее массой.

Безусловно, Московичи прав и в таких утверждениях, что масса, толпа без управления (силой авторитета, авторитетом силы, законами юридическими или нравственными) становится агрессивно-разрушительной, даже жестокой в оценках и действиях. Свергая прежних кумиров, может неукротимо и слепо доводить ситуацию до критической или даже катастрофической.

В этом смысле диапазон отношения масс к элите достаточно широк: от фанатизма в вере харизме лучших и избранных до полного отрицания прав на свободу слова, участие в управлении обществом, политическими процессами. Наилучшими вариантами являются те, которые благодаря признанию масс позволяют политической элите легитимно быть включенной в политическую систему, тиражировать свои действия, свою роль в политических событиях как образцовые и достойные уважения. Вместе с тем, здоровое недоверие масс к политической элите закономерно и оправдано. Конструктивность этого в том, что посредством спроса, критики и гласного отбора уменьшается возможность сосредоточения в руках узкого круга лиц всей полноты власти, существует возможность ухода от автократии и деспотии.

Проблема легитимности политических элит связана с проблемой их открытости и обновляемости. Это – важный элемент, свидетельствующий об открытости общества, наработанности его демократических механизмов, высоком уровне социальной мобильности. Одна из характерных черт подлинно демократической системы – наличие возможностей для каждого гражданина войти в политическую элиту. Соответственно, закрытые, непрозрачные элиты – показатель и элемент закрытости общества, жестко структурированной социальной сетки. Но автоматической зависимости между открытостью общества и легкой доступностью прихода в политическую элиту быть не может. Остаются важными, «фильтрующими» аргументами в этом процессе аргументы критериев отбора в состав элиты.

Обновление политических элит условно можно различать по двум принципам: принцип гильдийный и принцип антрепренерский. Первый (гильдийный) основан на законах закрытых систем, когда подбор, перестановка, замена, выдвижение персон, играющих ту или иную роль в системе, осуществляется при минимальном допуске в нее посторонних представителей. Приход последних сопровождается большим количеством искусственно созданных ступеней проверки, обязательным является соблюдение отработанного в системе перечня требований. Второй (антрепренерский) основан на принципе открытой конкуренции за пост, правилах «рыночного» соперничества товара, которым выступает специалист-управленец, лидер со своей программой, партийный активист и т. п. Главным критерием выступает профессионализм.

Позитивность принципа гильдий – в стабильной устойчивости и прогнозируемости функционирования системы рекрутирования элиты. Достоинством антрепренерского принципа является гибкость, подвижность и открытость для вливания свежих кадров в политические структуры.

Таким образом, в любом обществе существуют слои политических управленцев и обеспечивающие их деятельность социальные группы, которых мы относим к политической элите. Это достаточно немногочисленная часть общества, отличающаяся своими качествами как на индивидуальном, так и на групповом уровне. Она имеет свои психологические особенности как с точки зрения формирования, так и с точки зрения организации и продуцирования продукта своей деятельности – политических решений, определения общественного климата и т. д. Психологическая и общественно-политическая детерминированность представителей политической элиты отражается на ходе формирования политической культуры общества. И наоборот, социальная среда оказывает свое влияние на менталитет политической элиты. Опираясь на упомянутые и другие научные теории, используя современную богатую методику социально-политических и психологических исследований, можно строить надежные, соответствующие требованиям времени концепции и модели формирования политической элиты России.

2.5. Оппозиционность как феномен демократизирующегося общества

Проблема взаимоотношения общества и его институтов, прежде всего властных структур, с различными общественными объединениями и конкретными личностями, особенно на этапе реформирования социальной практики, исключительно актуальна. Особое место в ряду этих взаимоотношений в России занимает оптимизация взаимосвязей с оппозицией, которая по мере углубления демократических процессов в обществе все больше заявляет о себе как реальная многовекторная и противоречивая политическая сила. Оппозиционность, выступающая интегративной характеристикой проявления активности оппозиции, следует расценивать как одну из ведущих закономерностей демократизирующегося общества. Проявление этой закономерности недостаточно изучено политической психологией и другими отраслями отечественной науки.

Актуальность признания объективно обусловленного феномена оппозиции в демократизирующемся обществе и понимания его природы, прежде всего через проявление ее сущностной природы – оппозиционности – определяется и тем, что ее политический статус в нашей стране еще недостаточно определен. Приоритеты нового идеологического курса реформирующейся России все больше ориентируются на идеалы демократии, свободы и плюрализма, создавая объективные предпосылки для проявления оппозиционности в обществе. Тем не менее практика политической жизни современной России показывает, что в настоящее время сформировалось особое отношение к оппозиции, которая многими официальными лицами негласно относится к разряду «врагов демократии».

Этим самым оппозиции придается маргинальный социальный статус – с одной стороны, она официально признана и даже рекламируется средствами

массовой информации. С другой стороны, власть нередко относится к оппозиции непримиримо. Проявление нетерпимого отношения к оппозиции негативно отражается на политическом и социально-экономическом состоянии общества и государства. Оно является одной из причин того, что продолжают углубляться кризисные явления – усиление деструктивных и разрушительных процессов в духовной и социально-политической сферах, снижение экономического потенциала и авторитета страны в мировом сообществе, ущемление интересов широких народных масс и неопределенность в перспективах развития общества.

Следовательно, когда организм общества находится в нестабильном состоянии, в стадии формирования или реформирования, оппозиция, как показывает опыт развития ведущих стран мира, может и должна стать источником и движущей силой и важнейшим оздоравливающим фактором в нем. Продуктивность отношений власти и оппозиции зависит от многих обстоятельств, в том числе не последнюю роль здесь играет теоретическое осмысление психологических аспектов этих отношений. Таким образом, понимание проблемы оппозиционности имеет безусловную практическую значимость.

В связи с тем, что Россия еще не определилась и не укрепилась в выборе политического и социального пути, ее политический курс и социальная практика до сих пор кардинально отличаются от опыта правовых государств западного типа. Следовательно, для обеспечения эффективного использования конструктивного потенциала оппозиции важно опираться как на результаты теоретико-методологических исследований этого феномена, так и на эмпирические данные.

Выявление психологических аспектов творческого диалога между оппозиционными сторонами, регулирование непродуктивных конфликтных отношений, пути и способы легитимизации оппозиции, определение мотивов и потребностей в сложных отношениях оппозиции и власти – это далеко не полный перечень всех психологических сторон современной оппозиции.

Актуальность проблемы оппозиционности прямо связана с огромной политической значимостью оппозиции как социального явления. Оппозиция является одним из основных субъектов политического процесса, и именно поэтому непонимание социальной ценности оппозиции может ослабить политическую систему общества. В условиях конкуренции с сильной оппозицией власть более адекватно реагирует на социальную и политическую атмосферу в обществе, учитывает многообразие и содержание политических интересов народа.

Государственная власть нацелена на удовлетворение интересов господствующей части населения. В связи с этим власть стремится закрепить привилегированное положение тех социальных групп, которые являются ее опорой. Поскольку государственные нормы должны носить обязательный характер для всего общества, государство законодательно утверждает приемлемую для него оппозицию. Оно нормативно закрепляет легальную оппозицию.

Несмотря на это, любая государственная власть в той или иной степени всегда не соответствует реальной социальной, экономической, культурной структуре и потребностям общества. При этом интересы многих групп населения учитываются властью частично или даже игнорируются ей. Их выразителем становится конструктивная оппозиция. Она практически всегда защищает социально и политически незащищенные слои населения, выявляет и поддерживает продуктивные социальные отношения, требующие трансформации.

При этом конструктивность оппозиции определяется степенью соответствия ее целей, функций и деятельности интересам населения страны. Оппозиция провозглашает своей целью установление такого соответствия. Такая оппозиция объективно оценивает ошибки власти, добивается коррекции ее политики, не допускает злоупотребление властью и ставит своей целью достижение повышения степени ее соответствия интересам народа. Сочетание легальности и конструктивности обуславливает объективную потребность демократизирующегося общества в реальном присутствии в социальной практике оппозиционности.

В целом же оппозиция является политическим механизмом, противодействующим монополизации всей полноты власти личностью, партией или политической элитой. Субъектами оппозиции выступают оппозиционные силы различной направленности (конструктивные, деструктивные и др.), находящиеся в противоречиях с официальной властью.

В условиях принятия, противостояния, конкуренции или борьбы власти с оппозицией характер их взаимоотношений во многом определяет роль широких масс. Независимо оттого, какой тип политического управления господствует в обществе, демократический или авторитарный, без опоры на эти массы невозможно ни утверждение власти, ни победа оппозиции.

Важно понимать, что для того, чтобы оппозиция могла бы достичь своих политических целей, она должна существовать как политическая организация, поддерживаемая хотя бы частью общества. В обществе с низким уровнем правосознания, в котором население не осознает свои подлинные интересы и не может соотнести их с политикой государства, не может быть сильной оппозиции. Более того, деятельность оппозиции, утратившей связь со своей социальной базой и с теми людьми, которых она поддерживает, лишена всякого практического смысла.

Оппозиция в силу того, что она не обладает властью, а только претендует на нее, в большей, чем власть, степени ориентируется на субъективные, психологические идеи своей популярности и оппозиционных настроений масс. Не обладая реальной властью, она стремится, прежде всего, к завоеванию власти психологической и именно поэтому для достижения своих целей должна обращать внимание на такие феномены массового сознания, как утрата харизмы властвующим лидером, поиск новых социальных идеалов, критические настроения и т. д.

В современном российском обществе, как и в других цивилизованных странах, проявляются закономерные признаки демократизации всех сторон его

функционирования. Они характеризуют закономерности его прогрессивного развития. Одна из таких закономерностей проявляется в виде реально утверждающейся оппозиционарности. Раскрыть ее проявление представляется возможным через ее ведущие психологические аспекты в условиях современного общества (см. рис. 6). Для этого важно дать развернутую характеристику социально-психологических истоков, факторов и механизмов, сущностных признаков оппозиционарности и непосредственно психологического механизма взаимодействия оппозиции с властью и обществом; определить социально-психологические особенности оппозиционарности в российской политической практике и основы придания конструктивной направленности оппозиционарным взаимоотношениям в демократизирующемся обществе.

Социально-психологические истоки, факторы и механизмы оппозиционарности

Психологическое содержание феномена оппозиционарности определяется следующими признаками: социально-политической активностью или пассивностью, интересом к политике или безразличием к ней, способностью быть субъектом политических отношений или быть ее пассивным объектом, конформностью или стремлением независимо от позиции власти выражать и отстаивать собственную программу.

Рис. 6. Основные характеристики оппозиционарности

Важнейшим социально-психологическим источником оппозиционарности является интерес человека или политического объединения к социально-политической сфере, забвение, хотя бы на время, собственных индивидуальных проблем во имя общих ценностей, целей и интересов.

Не менее важной психологической основой оппозиционарности является изначальное стремление субъекта политики к целенаправленной активности. Его природа, прежде всего конкретного человека не позволяет довольствоваться уже достигнутым, почитать на лаврах, добытых своей собственной деятельностью или культурно-историческим прошлым. Не всегда источник активности – изменение гармонии отношений с внешней средой, порождающее нарушение внутреннего психологического равновесия. Концепция активности как стремления приобрести, утраченное равновесие не объясняет стремление к развитию, к творческому освоению и преобразованию социально-политического бытия. Это находит яркое подтверждение в рассмотрении психологических истоков оппозиционарности, не возникающей без внутренней, самопорождающейся активности человека, протестующего против роли пассивного исполнителя чужой воли. Даже в том случае, когда субъект политики вынужден только подчиняться, он всегда способен выработать свое отношение к происходящему и через это отношение, хотя бы в психологическом отношении, преодолеть навязываемую ему социальную объектность.

Оппозиционарность это характеристика личности или политического объединения в ее культурно-политическом континууме. Психологической основой оппозиционарности является определенная социально-политическая, в том числе и личностно-профессиональная зрелость. Субъект политики только тогда является таковым, когда не только выполняет социальные роли, но трансцендирует за их пределы, не только пассивно усваивает социально-политические ценности, но активно выбирает наиболее подходящие для него и создает новые. Политически зрелый субъект политики осознает, что его жизнь и условия существования политического объединения, с которыми он себя идентифицирует, прямо зависят от социально-политических условий. Такое понимание побуждает его вырабатывать особое отношение к социально-политической среде. Атрибутом субъектного отношения является оппозиционарная ориентация как предпосылка деятельности, направленной на изменение, улучшение, развитие условий социально-политической среды существования независимо от степени ее совпадения с официально проводимой политикой.

Нарушение внутреннего равновесия, дефицит потребностей, который осознается субъектом политики, проявляется у него в понимании факта нарушения собственных интересов, нарушения внешнего равновесия отношений с социально-политической средой, а также в понимании нарушения устойчивых макросоциальных групповых отношений. Это порождает ощущение дискомфорта и стремление его преодолеть. Таким образом, утрата социально-политического гомеостаза является важнейшим фактором формирования оппозиционарности.

Социальная жизнь не всегда строго запрограммирована и не всегда четко определена. В то же время нельзя представлять себе общество как нечто аморфное, расплывчатое. В обществе существуют свои закономерности, например, относительно четкая иерархия социальных слоев.

Существует распространенное мнение, что, поскольку люди неравны по своим материальным возможностям, творческим способностям, мотивации к социальной активности и другим психологическим качествам – психическим процессам, свойствам, состояниям или образованиям, то всегда будет существовать большинство, не способное к планированию и управлению своей жизнью и руководимое им меньшинство. Исходя из этого, например, В. Курашвили выделил три социально-психологических типа людей по признаку их отношения к организационной системе: доминаторы, ориентированные на власть; паритен-ты, не ориентированные ни на власть, ни на слепое подчинение, но способные подчиняться, если это им кажется разумным; сервиленты, легко внушаемые конформисты, они легко подчиняются чужой воле.

Следует отметить, что такое разделение, хотя и верно по сущности, вместе с тем несколько упрощенно отражает типологию отношения к политической системе, поскольку даже самый пассивный конформист может иметь определенную оппозиционную ориентацию. В реальности большинство, хотя и не стремится к достижению всей полноты власти, в то же время не соглашается с ролью простых объектов социально-политического манипулирования. И наиболее фундаментальным проявлением такого неприятия является оппозиционность как массовая ориентация, выражающаяся в частичном или полном неприятии социально-политических приоритетов властных структур. Оппозиционность, при этом выражает активное противодействие навязываемой властью человеку или политическому объединению объектности и предстает как явление массовое. Она в тех или иных своих формах распространена повсеместно, но более всего выражена в деятельности политически организованной оппозиции, открыто противопоставляющей себя официальным властным структурам.

Важнейшим источником оппозиционности является стремление масс быть не объектами, а субъектами социально-политической сферы, желание конкретных людей участвовать в реальной политической жизни. Психологическая основа такого стремления – желание властвовать. Многие психологи, философы и политологи были убеждены, что воля к власти является неотъемлемой частью человеческой личности. Так, Ницше считал, что все в мире, начиная с электронов и заканчивая человеком, стремится к власти, которую он понимал как интеллектуальное, физическое, нравственное подчинение других своей воле. Это же подтверждают другие психологические концепции.

Желание властвовать не относится к витальным потребностям человека, поскольку человек не может жить без пищи, воздуха, воды, сна и т. д., но вполне может жить без властвования. С другой стороны, даже самый маленький ребенок стремится к власти, вначале над своим телом, затем над окружающими предметами, буквально с момента своего рождения он пытается подчинить своей воле окружающих людей.

Стремление к власти формирует особое отношение к действительности, при котором носитель власти претендует на роль субъекта – преобразующего

начала, а массы, подчиняющиеся власти, соглашаются на роль объектов, средств, целей активных воздействий правящей элиты. В то же время они стремятся преодолеть навязываемую им объектность и принимать более или менее активное участие в процессе функционирования социально-политического организма, что находит свое выражение в оппозиционной ориентации и активности.

Оппозиционарность как социально-политическая ориентация возникает в результате процесса взаимодействия собственных потребностей и условий макросоциальной сферы. Существуют самые различные группы потребностей. Это, прежде всего, потребность движения, активности, материальные потребности, потребности социального взаимодействия, познавательные потребности, духовно-нравственные потребности. Согласно концепции А. Маслоу, существует иерархия потребностей, в которой низшее место занимают потребности физиологического существования, затем идут потребности безопасности, выше которых расположены потребности человеческого общения и на самой вершине пирамиды потребностей расположены потребности самоактуализации [159]. Эта концепция обладает определенной ценностью в отношении психологии масс и применительно к проблеме оппозиционарности.

В иерархии социальных интересов масс доминирующее значение играют потребности материального благополучия и безопасности, поскольку именно эти потребности максимально экстраполируются, в результате чего происходит перенесение индивидуальных потребностей в макросоциальную сферу. Именно потребности материального благополучия, необходимого для выживания, и потребность безопасности обладают максимальной по сравнению с другими потребностями атрибутивностью, поскольку принято считать, что государство несет ответственность за минимальное материальное благополучие и безопасность граждан.

Неспособность государства удовлетворить основополагающие нужды населения неизбежно приводит к достижению неудовлетворенных потребностей критического уровня и, как следствие, к тотальному, массовому недовольству проводимым курсом и появлению коллективных непримиримых оппозиционных настроений. Любая политическая система должна быть нацелена прежде всего на удовлетворение простейших, необходимых для выживания, физических потребностей человека и на обеспечение безопасности – борьбу с преступностью, поддержание общественного порядка, предотвращение войн. В том случае, когда политическая власть не может обеспечить потребность народа в физическом выживании и безопасности, теряет какой-либо смысл удовлетворение остальных потребностей – в социальном взаимодействии, познании, творческом развитии. В данном мотивационном поле раскрывается механизм оппозиционной активности субъектов политики на индивидуальном и групповом уровнях.

В системе психологических характеристик источников оппозиционарности следует выделять такие, как аффективный, интеллектуально-когнитивный и поведенческий компоненты.

Аффектность, как одна из психологических характеристик оппозиционности, раскрывает ее зависимость от эмоционально-чувственных особенностей субъектов оппозиции. Следует признать, что симпатии и антипатии, приоритетность чувственного или рационального и др. для человека, группы, общности как субъектов оппозиции играет исключительно важную роль. От уровня эффективной «окраски» решения, деятельности, взаимоотношений и связей оппозиции с властью и обществом в решающей степени зависит характер оппозиционности, которая может рассматриваться как природа ее существования.

Не менее важно понимать и то, что, поскольку оппозиционность в исходном составе имеет ценностные ориентации субъектов оппозиции, принципиальное значение приобретает ее интеллектуально-когнитивный источник. Этот компонент характеризует осмысление ими феноменов политической и социальной жизни в сложной понятийной системе. Социальная ценность оппозиционности, ее эффективность во многом зависят от их интеллектуального потенциала. Критерий интеллектуальности субъектов оппозиции выступает эталоном осознания, выработки и реализации обоснованной альтернативной программы преобразований и действий в соответствии с выдвигаемой целью.

Главным и прямым психологическим основанием оппозиционности является когнитивный диссонанс – несоответствие между представлениями о желаемом и реально существующем, способах политической организации, ее роли и деятельности. Конкретное содержание оппозиционности может определяться кроме отмеченных выше источников и такими, как прагматический и ценностный диссонансы.

Прагматический диссонанс, как ключевой психологический источник, представляет собой несоответствие или неудовлетворенность интересов и потребностей в рамках выдвинутых официальными субъектами политики целей, задач и программ их достижения. В определенном смысле оппозиционность широких масс формирует сам правящий режим. Она зависит от того, насколько успешен избранный политический курс, насколько полно удовлетворены интересы народа. При этом объективная основа создается теми возможностями, которые предоставляет демократизирующееся общество. Здесь можно выделить три группы интересов: интересы, связанные с воспроизводством материальных и духовных условий жизни индивида; интересы профессиональной деятельности; общественные, в том числе и политические, интересы.

Процесс осознания материальных, профессиональных и духовных интересов связан с представлением об иерархии важности социальных ролей, выполняемых человеком. Так, если основной социальной ролью для человека является роль профессионала, то его главным социально-политическим интересом будет обеспеченность интересной, справедливо оплачиваемой работой. В том случае, когда главным для человека является семья, коллектив, состояние всех соотечественников – он будет видеть свой социально-политический интерес в развитии системы образования, достижении

социальной справедливости, повышении авторитета и влияния России в мировом сообществе и др.

Важным механизмом формирования социально-политического интереса является идентификация субъекта оппозиции с той или иной социальной группой и осознание того, насколько удовлетворены интересы этой группы. Такая идентификация может основываться на самых различных критериях – совместимости с коллективом, половозрастных, этно-национальных, профессиональных и других признаках. Для определения социального интереса важно понять, с какой группой прежде всего идентифицирует себя субъект оппозиции.

Важным фактором включения его в политическую жизнь как носителя оппозиционарности является осознание того, что удовлетворение социально-политических интересов гарантирует удовлетворение материальных, духовных и профессиональных интересов. При этом, как замечает Ю.П. Никифоров, можно выделить такие стадии осознания социально-политического интереса: появление беспокойства, политического дискомфорта; перенос недовольства на политическую сферу и формирование политических интересов, чувств; осознание интереса на рациональном уровне, формирование политической программы действий [56].

Чем более осознан политический интерес, тем более продуманной и эффективной будет политическая деятельность индивида; и напротив, политические действия без осознания политических интересов могут привести к самому непредсказуемому результату. Процесс осознания политических интересов не всегда прост. Важно не только понять свой интерес, но и препятствия в его удовлетворении. Властные структуры нередко навязывают народу чуждые ему ценности, уводя его от возможности осознать свои подлинные политические, социальные и материальные интересы.

Понимание политических интересов является необходимой частью программных действий как оппозиции, так и власти. В этом понимании особенно важными моментами являются следующие: общий обзор политических интересов народа; содержание политических интересов; выделение доминирующих интересов; оценка возможности перевода политических интересов в политические действия; определение общих политических интересов; оценка возможности согласования политических интересов.

В настоящее время можно говорить о том, что большинство людей слабо осознают свои политические интересы. Власти внушают народу мысль, что реформы осуществляются не только в интересах олигархического меньшинства и в интересах формирующегося класса частных собственников, в который должны все войти, но и в интересах демократизации общества, во благо всего народа.

Вместе с тем неудовлетворенность всех этих интересов и потребностей у большинства населения является важнейшим источником активизации оппозиционарности. В то же время такое сложное, многогранное явление, как оппозиционарная ориентация, не может быть сведено исключительно к этим

интересам. Именно поэтому власть, используя методы политического воздействия, манипулирования и пр., опирается не только на господствующие социальные слои, но и на социальные группы, ущемленные в своих интересах.

Наиболее ущемленными в своих интересах и, следовательно, наиболее оппозиционными являются следующие социальные слои: производители, занятые в государственном секторе экономики, социальной и духовной сферах; крестьяне, поскольку в последние годы были разрушены формы коллективного сельского хозяйства, а фермерское движение без государственной поддержки оказывается не способным выполнять социальный заказ и обеспечить собственное комфортное существование; интеллигенция, по причине резкого снижения ее интеллектуального, нравственного и общекультурного уровня; социально уязвимые группы населения, для которых проблемой стало простое физическое выживание. Именно эти социальные слои являются основной социальной базой. Кроме того, армия, персонал оборонного сектора, науки и образования проявляют неудовлетворенность своим положением и ролью в обществе. К ним можно отнести также бизнесменов и предпринимателей, которые не удовлетворены тем, что не в состоянии справиться со своими проблемами, а государство и его институты, прежде всего правоохранительные органы, не способны оградить их от преследований криминалитетом, срастания с ним и справиться с повальной коррупцией.

На пороге XXI века интересы фактически всех социальных слоев в России в той или иной мере ущемлены, именно поэтому для оппозиционной ориентации есть все объективные основания, хотя это еще не значит, что теоретические или идейные оппозиционеры готовы к реальным политическим действиям как конструктивная или деструктивная оппозиция. Многие из них занимают псевдооппозиционные позиции, прикрывая этим свои истинные устремления.

Главной особенностью настоящей политической ситуации в России является то, что власть представляет интересы незначительной в количественном отношении части населения. Именно поэтому большая часть населения должна бороться за свои права и интересы, используя политическую оппозицию. В то же время, поскольку социальная структура находится только в начале своего становления, социальным слоям с совершенно новым статусом в условиях принципиально иной политической системы трудно определить свои интересы. Именно это является одной из важнейших причин слабой осознанности, пассивности оппозиционности большинства ущемленных в своих интересах граждан.

Таким образом, движущие силы оппозиционности не могут быть рассмотрены исключительно через призму политических интересов. Даже наиболее социально уязвимые слои населения могут быть лояльными к власти, в то же время оппозиционные установки могут быть и у защищенных властью людей. Социальный интерес – не единственный источник оппозиционности.

Ценностный диссонанс, как важнейший источник оппозиционной ориентации, характеризуется как несоответствие ценностных ориентации

властных структур и их сторонников мировоззрению, нравственным и социальным ценностям субъектов оппозиции. В данном проблемном поле кроется первичный источник отличий, противоречий официальных целей и программ от тех, которые выдвигает и реализует оппозиция. Такое реальное противоречие может порождать конфликт и агрессивные формы социальных отношений.

При этом важно понимать, что инициатором конфликта не всегда является оппозиция. Им часто становится власть, которая в своих безальтернативных формах функционирования может дойти до стремления ликвидировать всякое инакомыслие, а следовательно, и оппозиционарность в любом ее проявлении. Таким образом, оппозиционарность не тождественна социальной или политической агрессии, она не обязательно носит конфликтный характер. Оппозиционарность – объективно ценное социально-психологическое явление. Непонимание этого властью дестабилизирует не только политическую, но и социальную обстановку, так как, не имея возможности выразить оппозиционарную ориентацию, добиваться реализации своих интересов через конституционную деятельность оппозиции, люди могут встать на путь открытого противостояния власти, политического конфликта и даже гражданской войны.

Оппозиционарная ориентация имманентно конфликтна по отношению к власти. Конфликтность зависит во многом от того, насколько существующий политический режим расходится с оппозиционарными ориентациями. Оппозиционарная агрессия не должна превышать определенной критической точки, за пределами которой она приобретает преимущественно разрушительный характер.

В целом прагматический и ценностный диссонансы приводят к активизации социально-политической активности субъектов оппозиции. Все отмеченные источники проявления оппозиционарности дают только ориентировочные представления о ее детерминантах. В конкретных условиях требуется более детальный и всесторонний анализ этой проблемы. Это также поможет правильно разобраться в сущности оппозиционарности и возможности влияния на ее характеристики.

Сущность и интегративный психологический механизм оппозиционарности проявляются через выражение определенной ориентации, деятельности и взаимодействия оппозиции с обществом и властью. В данных измерениях предстает сущность оппозиционарности, как многомерного и закономерного явления демократизирующегося общества. Для раскрытия их структуры и содержания прежде всего необходимо уточнить саму сущность политической оппозиции.

Оппозиция может рассматриваться как политически организованная часть общества, выражающая интересы социальных слоев, выступающих против курса правящего политического режима, отстраненная от выработки важных для общества решений, стремящаяся реализовать интересы своей социальной базы путем завоевания государственной власти или участия в ней.

К определяющим признакам оппозиции можно отнести наличие политической организации; официальное заявление лидеров о вступлении в оппозицию к правящему режиму; наличие альтернативной правящему курсу программы; подчинение действующему законодательству; признание правящим режимом легитимности организации.

Политическую оппозицию целесообразно разделять на организованную и стихийную, политические ориентации которых характеризуются критически-конструктивным, деструктивным или пассивным отношением к правящему режиму, социально-политическим и другим проблемам общества. В данном контексте оппозиционные ориентации в той или иной степени проявляются как у широких народных масс, отдельных группировок, так и у отдельной личности.

Исследование психологических аспектов оппозиции привело к необходимости введения нового понятия, которое раскрывало бы условия, факторы, механизмы и в целом сущность того сложного отношения

к власти и взаимодействия с ней, в целом с обществом, раскрывая в конечном счете феномен политической оппозиции. Это понятие должно стать элементом, в котором в неразрывном единстве слиты психологическое и социально-политическое и может быть обозначено новой категорией – оппозиционарность.

Оппозиционарность – это целенаправленная активность субъектов политики, которая направлена на выражение и достижение целей и задач, обусловленных определенным неприятием ими официальной направленности, порядка и уклада социально-политической и экономической жизнедеятельности общества.

Оппозиционарность характеризуется следующими признаками:

- полное или частичное неприятие существующего порядка, общей структуры общества и его политической системы, направлений внутреннего или внешнего развития страны, определяя критическое отношение к социально-политическому курсу и практике правящего политического режима;

- осознание необходимости реализации собственных политических целей, задач такими силами и средствами, которые в большей степени соответствуют потребностям людей и закреплены в принятой программе, платформе или иной определенно выраженной форме;

- активная деятельность оппозиции по реализации стратегических и тактических цели и задач, прежде всего связанных с отношением к власти, политике, социальной практике и развитию общества.

Оппозиционарность проявляется через противоречивое межличностное или социальное взаимодействие субъектов политики, в котором оппозиция целенаправленно стремится к самореализации и в социально-психологическом плане презентуется тремя неразрывными компонентами – побудительным, когнитивным и регулятивным. Побудительный компонент рассматривается как мотивационно-целевая детерминанта, определяющая характер активности оппозиции в политическом процессе при достижении выдвигаемых целей, частично или полностью не совпадающих с официальной политикой.

Когнитивный компонент взаимодействия-реализуется в виде коммуникативных и перцептивных процессов, а регулятивный – поведенческих и эмоциональных процессов. В условиях оппозиционных отношений субъектов политики возникают трудные межличностные или групповые ситуации, которые разворачиваются как процессы, происходящие в соответствии с определенными закономерностями.

Эти закономерности проявляются как определенная зависимость осуществления противодействия оппозиции официальной власти, которая характеризуется активным привлечением конкретных психологических механизмов и соблюдением принципов, определяющих конструктивный или деструктивный характер взаимосвязи оппозиции и власти. Причем конструктивное взаимодействие оппозиции и власти возможно при достижении благоприятных социально-психологических взаимоотношений, соответствия профессиональной компетентности субъектов политики решаемым задачам и обеспечения их участия в реализации конгруэнтных целей и задач.

Оппозиционарность как процесс проявляется через взаимодействия и воздействия субъектов политики друг на друга, через их отношения, деятельность и общение, обусловленные собственными целями и потребностями, которые могут быть реализованы только в рамках общего проблемного поля.

Внутренней основой оппозиционарности являются самоотношение и взаимоотношения в рамках оппозиционной структуры, которые включают мотивационный (интерес к другому), коммуникативный (доверие к другому), перцептивный (образ другого), поведенческий (установки и ожидания определенного поведения) и эмоциональный (эмоциональные реакции на другого) аспекты.

Внешние и внутренние основы проявления оппозиционарности выражаются как актуальное состояние системы ценностей оппозиции, ее отношений в политической системе, как сложная субъект-субъективная реальность, ограниченная по времени и пространству и представленная в сознании, нормах, действиях и поведении оппозиционеров. В зависимости от характера отношений оппозиции к власти выделяются конструктивные, деструктивные и нейтральные ситуации.

При этом реальные ситуации по степени сложности их разрешения могут быть представлены как трудная внутриорганизационная оппозиционарная ситуация и трудная межсубъектная ситуация.

Трудная внутриорганизационная оппозиционарная ситуация – это ситуация разбалансированности связей и отношений внутри оппозиционной структуры в системе «задача – личностные возможности и (или) мотивы – модель, алгоритм и технология оппозиционной активности – системные условия существования и проявления активности оппозиции». Они определяются на основе двух критериев: типа внутриорганизационных отношений, в которых возникла ситуация, а также уровня ее трудности (угрозы) для субъекта оппозиционарности (угроза потенциальная, непосредственная или уже реализующаяся). Соответственно выделяются

трудные ситуации профессиональной деятельности субъектов оппозиции – проблемные, конфликтные и экстремальные; организационные ситуации – программные, кадровые, управленческие, обеспечивающие и др.; внутри- и межличностные ситуации – коммуникативные, интерактивные, социально-перцептивные, а также внутрилично-стные затруднения, конфликты и кризисы.

Трудные межсубъектные ситуации оппозиционарности проявляются в процессе противостояния и противодействия оппозиции официальным властям и представляют собой психически напряженные ситуации, в которых оппозиция как субъект взаимодействия (его присутствие, действие или бездействие) рассматривается основным участником в виде угрозы, препятствия для реализации своей программы и тактических установок – концепции, целей, ценностей, направленности, стремлений, интересов, оппозиционных позиций и действий. Они включают проблемные, предконфликтные и конфликтные ситуации.

Реально проявляется оппозиционарность благодаря определенным механизмам, в основе действия которых лежат психологические компоненты. Наиболее существенные стороны такого проявления выражаются в виде определенных закономерностей. Одна из основных закономерностей взаимодействия оппозиции с властью проявляется в мотивационно-целевой сфере и предстает как борьба целей и мотивов. Она выражается в том, что стремление субъекта оппозиции осуществить свои цели, как правило, власть блокирует удовлетворение интересов оппонента, препятствует достижению ей своих целей. На практике оппозиция чаще всего защищает групповые или собственные интересы. Отстаиваемые оппозицией интересы не всегда существенно влияют на остроту развития политической ситуации. Психологическим механизмом, с помощью которого осуществляется борьба мотивов оппозиции в политическом процессе, является согласование их целей и интересов. Оптимальной с точки зрения достижения общей согласованной цели является направленность и объективный учет конгруэнтных интересов оппозиции и власти, всего общества.

Аля оппозиционарности характерно проявление определенной субъективности в политическом процессе как закономерного признака. С одной стороны, в силу того, что она выражает интересы отдельного социального слоя или выдвигает собственные групповые цели объективно имеет место возрастание степени искажения восприятия и оценки ситуации. С другой стороны, субъекты оппозиции являются носителями индивидуального, которое синтезируется в рамках общего основания – цели, программы и т. п., при условиях, которые также воспринимаются и оцениваются также субъективно. Искажению подвергаются как сама ситуация в целом, так и ее отдельные составляющие: мотивы, высказывания, действия и поступки как оппозиции, так и власти, а также их личностные качества субъектов политического процесса. Это в условиях трудной ситуации приводит к формированию негативного образа другого. Данный негативный образ в острых, напряженных и затяжных ситуациях проявляется в виде непримиримых взаимосвязей оппозиции и власти.

Показателем адекватности восприятия оппозицией политической ситуации служит точность прогноза ее развития. Наиболее часто не прогнозируются конфликтные ситуации, а наименее точно – предконфликтные. Точному прогнозу развития ситуации чаще всего мешают ее скоротечность, отсутствие информации о возможных действиях оппонента и недооценка важности проблемы.

В качестве одной из основных закономерностей проявления оппозиционарности выступает ее активное участие в коммуникативных процессах взаимодействия с властью и обществом. При этом проявляется такая особенность, как расширение спектра применяемых моделей, алгоритмов и технологий, обеспечивающих более эффективное воздействие на власть и мобильную обратную связь с различными институтами общества. При этом коммуникация в трудных ситуациях характеризуется снижением гласности, открытости и конструктивности в отношениях между ними; возрастанием роли иррациональных компонентов (эмоциональных, а не осознанных способов взаимодействия, невербальных средств коммуникации; усилением критичности высказываний в адрес оппонента; преобладанием побудительной информации над констатирующей, доминированием феномена «слова» над феноменом «дело», разрушающим воздействием привлекаемых психотехнологий и др.

Закономерной стороной проявления оппозиционарности является стремление ее субъектов к реализации такой стратегии, тактики и техники участия в политическом процессе, которая обеспечивает достижение поставленных целей. Параметрами, которыми описывается вся эта архитектура, являются жесткость позиции оппозиции и модальность ее отношения к оппоненту, т. е. власть или иные институты общества рассматриваются как объекты воздействия или как субъекты взаимодействия. Сочетание этих параметров определяет использование таких основных стратегий, тактик и техник, как нормативная, конфронтационная, манипулятивная и переговорная. Выбор их оппозицией определяется соотношением ситуационных, личностных и других факторов. Ситуационными факторами являются: прогноз оппозицией успешности применения избранных стратегии, тактики и техники взаимодействия с властью и обществом; соотношение статусов оппозиции– власти–общества; острота и напряженность социально-политической и экономической ситуации; степень трудности решаемой проблемы; стратегия, которую реализует оппонент – официальная власть; зависимость оппозиции от взаимного отношения к ней власти и общества.

В наибольшей степени от ситуационных факторов зависит выбор системы взаимодействия оппозиции с властью и обществом, а также сам характер этого взаимодействия. К личностным факторам выбора стратегии, тактики и техники проявления активности оппозицией целесообразно отнести: ориентацию целей, мотивов лидеров и всего состава оппозиции в конкретной политической ситуации; предпочитаемый тип отношения к власти, государству, обществу; уровень когнитивной сложности, общей культуры, профессионализма

субъектов оппозиции. От них более всего зависит выбор конфронтационной, манипулятивной или переговорной системы взаимодействия оппозиции.

Одна из существенных сторон проявления оппозиционности характеризуется как закономерность эмоционального взаимодействия оппозиции с другими субъектами политики. В зависимости от особенностей политической ситуации проявляется эмоциональная составляющая в общем процессе регуляции связей и отношений оппозиции с властью, обществом и другими субъектами политики. Эмоции, чувства и иные переживания со стороны оппозиции являются индикатором трудности политической ситуации; регуляторами проявления оппозиционности по всем аспектам – осознания, отношения, взаимодействия, деятельности и поведения; регулятором проявления активности оппонента власти, общества и различных его институтов; проявлением отношения к оппоненту. Отзеркаливание и особенно поляризация эмоций являются деструктивными психологическими механизмами, а эмпатия – механизмом конструктивного взаимодействия оппозиции с различными субъектами политики.

Учет отмеченных и других закономерностей проявления оппозиционности позволяет выбрать оппозиции основные принципы ее осознания, отношения, взаимодействия, деятельности и поведения в конкретных условиях и в непосредственно разворачивающейся ситуации. Все они должны быть научно обоснованы и организационно выверены. Например, определяющими принципами оптимального взаимодействия оппозиции с другими субъектами политики можно считать такие, как: ориентация на переговорную стратегию; широкое использование различных средств коммуникации при минимизации критики и угроз; умелое сочетание прогноза развития ситуации с готовностью к ее негативному развитию; нацеленность политических оппонентов на конкретные свои интересы, в том числе увязывание личных интересов лидеров с интересами дела; постоянный контроль эмоционального состояния; определенный уровень открытости и уважительное отношение к оппоненту и др. Оптимальному взаимодействию оппозиции в политическом процессе способствует реализация таких психологических механизмов, как: согласование целей и интересов; рефлексия; стремление к взаимному доверию; эмпатия; обеспечение баланса рангов и др.

С учетом характеристик сущностных признаков оппозиционности, основных закономерных сторон и механизмов ее проявления в конкретных политических ситуациях представляется возможным определить ее как целостного феномена, который имеет собственную структуру.

В соответствии с этим определяется структура оппозиционности и ее составные части. В нее целесообразно включить взаимосвязанные конструктивную и деструктивную части.

Конструктивная часть

Она выражается в выдвигаемой цели и научно обоснованной практике ее достижения. При этом прослеживается ориентация на создание новых политических и социально-экономических отношений, которые в большей степени соответствуют выдвигаемой программе, платформе или другому

регламентирующему кодексу и более существенно соответствуют интересам и потребностям общества или его части, представляемой оппозицией. (

На психологическом уровне негативное состояние психической устойчивости, творческого потенциала, личностно-профессионального развития и в целом психического здоровья приводит к появлению потребности в его преодолении. На устранение такого несоответствия ориентируется оппозиция и в обществе, побуждая к этому власть и всю политическую систему.

Обоснование нового альтернативного политического курса включает в себя следующие моменты: выдвижение программы выхода из кризиса, разрешение противоречий, поиск нового баланса социальных интересов, создание более устойчивой социально-политической системы.

Деструктивная часть

Критика существующей социальной и политической системы не подкрепляется конструктивными концепциями и действиями. Провозглашается и проводится общая линия на разрушение существующей политической системы, дестабилизацию политической обстановки.

На психологическом уровне деструктивной части оппозиционарности прослеживается обострение действия всех или основных психологических факторов на личностном, групповом и общесоциальном уровнях. Это усиливает состояние психического дискомфорта, напряжения, информационного диссонанса, определяющих обострение основных противоречий в обществе, которые нередко выливаются в конфликты между представлениями о возможном, желаемом и реально существующем типе политической системы.

Разрушительные социальные ориентации, несущие исключительно деструктивный заряд, нельзя назвать оппозиционарными. Оппозиционарность предполагает особое, научно обоснованное единство деструктивных и конструктивных ориентации.

Псевдооппозиционарные деструктивные установки и действия наносят обществу огромный ущерб, и чем большей властью обладают их носители, тем разрушительнее социальные последствия от их действий. Пример тому – политическая деятельность отдельных современных оппозиционеров, которые именуют себя по-разному, но преследуют узкокорыстные цели, которые не ориентируются на прогрессивное развитие общества. Не имея научно обоснованной и всесторонне выверенной программы, такие оппозиционеры перерождаются в антисоциальные силы, которые «подталкивают» общество к его разложению и выливаются в попытки фашизации жизнедеятельности, усиление негативных тенденций в расслоении общества, криминализации социальной практики, обострении связей и отношений страны в мировом сообществе и т. п. Поэтому псевдооппозиционарность не следует принимать за разновидность оппозиционарности, а необходимо расценивать как неприемлемый социальный рецидив, который не может быть одобрен и принят ни существующей властью, ни оппозицией.

Содержание и направленность оппозиционарности, соотношение ее конструктивно-деструктивного баланса не может быть неизменным в

различные периоды развития общества. Так, во время социальных потрясений, серьезного падения уровня легитимности правящей элиты, провала экономических реформ, кризиса общества представляются большие возможности для активизации как конструктивного, так и деструктивного проявлений оппозиционности. В ней проявляется тенденция активизации дифференциации на разрозненные группировки, между которыми обостряются противоречия, конкуренция и даже конфликты. Адекватно расширяется содержание, практика проявления оппозиционности не только в отношении к власти, но и в отношении других субъектов политики. Именно в таких условиях проявляет себя как многоликая оппозиция, так и псевдооппозиция.

Напротив, в стабилизирующемся обществе, в котором усиливаются тенденции демократизации, в оппозиционности начинает преобладать конструктивно-творческое начало, нацеленное на коррекцию и совершенствование проводимой в обществе политики, а также оптимизацию содержания и организации собственного функционирования. В благополучный для общества период деятельность, коммуникативная и отношенческая стороны оппозиционности проявляются как максимально конгруэнтными с проводимой политикой власти и жизнедеятельностью общества.

По сфере действия оппозиционность проявляется не только на общесоциальном или групповом уровнях, но и непосредственно как определенная ориентация, позиция, действия, поведение и взаимоотношения конкретной личности как субъекта политики. В личности, как в высокоорганизованном эпицентре, аккумулируются общественные отношения». Власть и проводимая ею политика – важнейшая сфера общественного бытия, и все, что определяет отношение к ней человека, характеризует его важнейший признак как личности.

Оппозиционность на индивидуальном уровне предстает как социально-политическая система ценностных ориентаций, позиций, деятельности и поведения личности, регулирующих ее активность в наиболее значимых ситуациях в целях преодоления противоречий и конфликтов с властью. В диспозиционной концепции регуляции социальной активности субъекта политики проявление оппозиционности личностью определяет высший уровень ее диспозиций во взаимоотношениях с властью, обществом, конкретными людьми.

Оппозиционность следует различать по формам участия в выработке политики, политической деятельности, взаимоотношений, самоорганизации. Она проявляется в реально противодействующих власти формах политической активности. Все они могут быть представлены как формы взаимодействия в рамках существующей политической системы; массового, группового и индивидуального участия в политических акциях протеста; проведения мероприятий внутриорганизационного характера; опосредованного влияния на политическое и социально-экономическое развитие страны, региона, конкретной структуры, организации и пр. Конкретное их использование проявляется как выборы, акции протеста и гражданского неповиновения, парламентская деятельность и др.

В тех случаях, когда оппозиционарность ограничивается только внутренним, психологическим выбором социально-политических ценностей, в инакомыслии или инакоговорении, можно говорить о пассивном или потенциальном типе оппозиционарности. При этом в массовом масштабе оппозиционарность предстает как относительно пассивный, мировоззренческо-ценност-ный протест – недовольство широких масс той или иной формой ущемления их интересов. Потенциальные основы оппозиционарности выступают предпосылкой для ее активного проявления.

Активная (деятельностно-отношенческая) сторона оппозиционарности осуществляется в реальных шагах по достижению своих целей, выполнению программ и планов в реальном противостоянии с властью. Критерием оппозиционарной активности является готовность и способность субъектов оппозиции к достижению выдвинутых целей и задач. Политическая практика показывает, что оппозиционарность остается пассивной, если в ней не обеспечивается конгруэнтность общей цели и целей отдельных субъектов оппозиции – человека, группы, общности, которые скорее всего преследуют свои «атомарные» интересы, прикрываясь или играя в оппозиционарность, имитируют ее.

Поэтому, когда оценивается проявление оппозиционарности, надо иметь в виду активную, пассивную и имитационную оппозиционарность. Именно их следует считать основным объектом анализа. Вполне очевидно, что психологические аспекты активной, пассивной и имитационной оппозиционарности в корне отличаются друг от друга.

Проанализировав сущность, механизмы и факторы проявления оппозиционарности как закономерного явления демократизирующегося общества, представляется возможность определить социально-психологические особенности оппозиционарности в российской политической практике в интересах придания конструктивной направленности оппозиционарности в демократизирующемся обществе России.

Для этого важно исходить из сложившегося опыта, реальной политической и социально-психологической ситуации и прогноза по развитию политических процессов. Анализ данной стороны проблемы характеризуется следующим.

Оппозиционарность в современном российском обществе проявляется как сложное социально-психологическое явление, которое нельзя свести к чему-то одномерному, например, к ценностной сфере или только к деятельности, общению и прочей активности определенных субъектов политики. Она представляет собой синтез усвоенных социально-политических концепций и собственного политического опыта, эмпирических знаний и социальных установок, во многом определяемых политическими лидерами. Именно в этом проявляется сложная, двойственная природа оппозиционарности, в которой особым образом синтезированы воедино социально-политический и психологический компоненты.

В России следует различать оппозиционарность широких масс, оппозиционарность политически организованной группы и оппозиционарность

конкретно-^ го человека как субъекта политики. Оппозиционарная установка, являясь базой и основным источником оппозиции, вместе с тем не всегда имеет организованное начало, четкую цель и не предполагает обязательных политических действий.

Оппозиционарность как качество присуще каждому зрелому индивиду или групповому субъекту политики. Даже самый далекий от политики человек или деполитизированное объединение людей имеет какие-либо, пусть даже упрощенные и фрагментарные, социально-политические концепции и проявляет свое определенное отношение к власти, обеспечивая себе определенное место в жизнедеятельности общества. При этом все они, даже частично являясь субъектами политики, не могут идентифицировать себя с общественно-политической системой, властью и в какой-то степени всегда находятся под влиянием самых различных идей и представлений и собственных целей, мотивов и переживаний.

Оппозиционарность в то же время проявляется по-разному в количественном и в качественном отношениях. Применительно к российской действительности можно утверждать о слабо выраженной оппозиционарности тех субъектов политики, которые всецело одобряют выбранный правящей властью курс, и о сильно выраженной оппозиционарности у тех, кто полностью отрицает курс развития российского общества. Имеют место и маргинальные оппозиционеры, которые в зависимости от развития ситуации занимают наиболее приемлемые радикальные или конформистские позиции. Это обусловлено объективными и субъективными условиями и факторами, которые характеризуют сущность субъекта политики, в том числе оппозиционного в процессе демократизации в России.

Примечательно, что изменение социально-политической и экономической ситуации в обществе вызывает существенные изменения характера проявления оппозиционарности. Причем наиболее яркое и активное это проявление наблюдается среди маргинальной и латентной (скрытой) части представителей оппозиции. Например, случившаяся в августе 2000 года трагедия с атомной подводной лодкой «Курск» дала мощный импульс проявления радикальной активности различных группировок оппозиции. Актуализированный спектр проявления оппозиционарности в этот период вобрал в себя самые разные оценки российской политической системы и действительности, протесты и демонстрации экстремистской политической направленности, консолидированные действия, в том числе с участием международных сил, конструктивного, деструктивного или псевдооппозиционного характера и др.

Особенностью данной ситуации явилось то, что властные структуры оказались недостаточно подготовленными к активному и полезному взаимодействию и эффективному использованию того потенциала, которым уже реально располагала сформировавшаяся в последнее десятилетие отечественная оппозиция, да и другие субъекты политики и общество в целом. Здесь не полностью учтено то, что оппозиционарность реализуется прежде всего через выбор системы социально-политических ценностей, целей и самостоятельных действий, отличающихся от социально-политических

ценностей, целей и ориентации существующей власти. Динамика отношений широких народных масс к власти связана с легитимностью правящей элиты и популярностью политически организованной оппозиции. Представляется, что в таких ситуациях снижение легитимности и доверия общества законной власти актуализирует проявление оппозиционной ориентации. При этом следует учитывать, что факторы и условия мировоззренческо-целевого, организационно-правового, социально-психологического характера актуализируют активность конструктивной, деструктивной оппозиционности и проявление псевдооппозиционности.

Опыт политических взаимоотношений в российском обществе в последние десятилетия свидетельствует о том, что власть во взаимоотношениях с субъектами политики использует различные методы, в том числе методы психологического воздействия на общественное сознание, мнение, поведение, в определенной степени контролируя направленность и проявление оппозиционности. Так, власть использует время и традиции, для того чтобы народ привык к данному типу управления, адаптировался к нему, считал бы его естественным, относился к нему без отчуждения. Именно для этого демонстрируются политические ритуалы. Действительно, то, к чему человек привыкает, воспринимается им как должное. С другой стороны, традиции и время могут стать прямыми противниками управляющей группы, поскольку существует и такой феномен, как психологическая усталость от привычного, которая рождает отказ от традиций и поиск новых ориентиров. Следовательно, психологически важным является легитимность власти и ее организационно-правовых и социально-психологических основ.

При этом власть широко использует гигантский потенциал правового, экономического и психологического воздействия, в том числе с применением средств массовой информации (СМИ), которые, искусно формируя харизму политических лидеров, умело поддерживают правящую верхушку. В определенных условиях СМИ занимают и оппозиционную по отношению к власти позицию. Чаще всего это проявляется, когда затрагиваются их интересы как «четвертой» власти, при выполнении «определенного» заказа или при других обстоятельствах. В частности, ими занималась резко конфронтационная позиция в отношении правоохранительных структур по делу В. Гусинского, в оценке действий Президента РФ В. Путина при трагических событиях, связанных с трагедией атомной подводной лодки «Курск», и др. Однако эти отдельные эпизоды не нарушают общей тенденции тесного взаимодействия власти и средств массовой информации.

Эта тенденция характеризуется тем, что психологическое воздействие средств массовой информации, властное манипулирование увеличивают долю иррациональных компонентов оппозиционности, в результате чего человек в своем политическом решении руководствуется такими иррациональными факторами, как образ лидера, политические мифы, психологическая защита, стереотипы восприятия. Находясь во власти иррациональных представлений, человек только полагает, что он субъект политической жизни; на самом деле он является псевдосубъектом, поскольку его выбор зависит не от отстаивания

собственной социально-политической ориентации, а от того, насколько успешно манипулируют его сознанием. Практика показывает, что от уровня политической зрелости субъектов политики и рядовых граждан существенно зависит удельный вес в структуре оппозиционности, преобладание рациональных компонентов, и тем в большей степени в своем политическом решении она опирается на свои социальные интересы и собственную систему социально-политических ценностей.

Рассматривая особенности проявления оппозиционности в современной российской политической практике, следует выделить ее характерные взаимосвязи с политической властью. Оппозиционность не существует сама по себе, ее содержание зависит от особенностей политической системы. В наибольшей степени сущность политической системы выражается через политические отношения, определяющие силы власти, методы управления, приоритетные социальные группы. В свою очередь политические отношения определяют тип политического режима, господствующий в обществе. Для анализа оппозиционности важно понимать, при каком режиме она реально появилась и получила развитие.

Политический режим определяет форма существования власти. Сущность политического режима раскрывается через определение политического господства, выбор социально-государственных или индивидуальных приоритетов, методов управления, количество легализованных партий, соотношение исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти. Среди разновидностей политического режима следует прежде всего выделять диктаторские и демократические режимы.

К диктаторским относят авторитарные и тоталитарные режимы, определяющими чертами которых являются: абсолютное доминирование исполнительной власти, выражающееся в полном подчинении средств массовой информации, законодательной и судебной власти; бюрократизации, запрещении деятельности оппозиции, исключении ее из одобренного властью, легального процесса, борьба с оппозиционностью. Оппозиционность воспринимается в структуре резко негативных связей и ассоциаций – как угроза режиму, враг государству.

Отличительными чертами демократического режима являются: президентская форма правления с уравниванием законодательной, исполнительной, судебной властей, опирающихся на широкие демократически ориентированные объединения и слои населения. Определяющими чертами демократии являются свободные выборы, многопартийность, легализация борьбы за власть, правовое обеспечение политических процессов. Неотъемлемой частью такого демократического социального механизма является оппозиция. Без нее демократия просто невозможна. Демократический режим предполагает легализацию деятельности политической оппозиции, терпимо относится к проявлению оппозиционности.

Конституционная оппозиция в условиях демократического режима имеет право: создавать партии, участвовать в выборах, использовать средства массовой информации и т. д. Многочисленные и влиятельные слои общества,

способные представить во власти свои интересы, хотя и не победившие на выборах, представляют собой парламентскую оппозицию. Атрибутом демократии является социальный механизм, с помощью которого различные социальные слои и группы, представляя своих кандидатов на политических постах, могут успешно отстаивать свои интересы, в социально приемлемых формах выражать ориентацию оппозиционарности.

В условиях демократизации российского общества оппозиционарность воспринимается властью не только терпимо, ее считают оплотом режима, главным механизмом, уравнивающим интересы различных социальных групп, стабилизатором политических процессов, способствующим преодолению социальных, экономических кризисов и вооруженных конфликтов.

Оппозиционарность как реальный феномен имеет признаки общего, частного и специфического характера. В том числе большой интерес представляют ее особенности, обусловленные национальным характером культуры многонациональной России. Это обусловлено тем, что специфика оппозиционарности в российском обществе зависит от стереотипов массовой идеологии и психологии. Эти стереотипы в различных регионах страны и у разных народов связаны с этно-национальными, культурными, религиозными, экономическими, историческими и другими факторами.

В свете рассмотрения данной проблематики, особенный интерес представляют следующие важные черты русской культуры: многомерный социокультурный уклад с различными уровнем и содержанием ценностных приоритетов, вероисповеданий, геополитических связей и отношений с Западом и Востоком; динамизм обновления и интеграции русской культуры и всех ее составляющих субкультур со своими ценностными, ментальными и приоритетными ориентациями; приверженность к гуманизму, коллективизму, соборности, централизации, нравственным принципам и традициям, самодержавности и др.

Культурно-политическое своеобразие порождает своеобразие русского характера, который существенно влияет на особенности национальной оппозиционарности. Среди них обращают на себя следующие черты национального характера: амбивалентность русского характера как одновременное присутствие в нем аполониистического и дионисийского начал, приводящих к борьбе противоположностей в суждениях и действиях; неумеренность и склонность к крайностям; высокая способность к кратковременному волевому усилию и политическая пассивность во все остальное время; неустойчивость ценностных ориентации; потребность в критической оценке и стремление к оппозиционарной активности.

Эти характерные особенности передаются от поколения к поколению и доходят до современной социальной практики. В ней, кроме того, находят отражение и особенности оппозиционарности нового демократизирующегося российского общества.

В предшествующие десятилетия государство, установив жесткий контроль за всей общественной жизнью, утвердив однопартийный

политический режим и исключив инакомыслие, практически полностью подавило собой и гражданское общество в целом, и политическую, социальную, экономическую активность отдельной личности.

Неформальные объединения, возникшие в период перестройки, заложили основу гражданского общества, однако в дальнейшем, с приходом к власти сил, провозгласивших себя демократическими, общество не получило того, что было провозглашено в лозунгах, программах и обещаниях новой власти, которая под лозунгом демократии стала во главе общества. Она, ослабив мощь государства, позволила занять ведущие позиции в обществе коррумпированным группировкам, которые безнравственными средствами и способами перераспределили национальные богатства, подорвали отечественный потенциал, криминализировали все стороны функционирования общества. Эти тенденции, берущие начало с конца 80-х годов XX столетия, определили исключительную роль оппозиционности, которая на рубеже третьего тысячелетия может сыграть исключительную роль в действительной демократизации российского общества.

В таких условиях оппозиция в России не только коренным образом отличается от оппозиции в развитых в гражданском и правовом отношении европейских стран; во многих отношениях современная российская и западная оппозиции противоположны. Дееспособность российской оппозиции связана с активностью масс, национальными традициями и культурой, а также с развитием партийной структуры общества. В частности, настоящая политическая ситуация в России, характеризующаяся расширяющейся многопартийностью, требует существенной оптимизации этого вопроса.

Отличительная особенность российской оппозиционности проявляется и в следующем. Если в традициях развитой демократической политической системы основная, системная оппозиция поддерживает существующий порядок и малая, внесистемная, ультрарадикальная оппозиция стремится его разрушить, то в условиях российской действительности, наиболее популярные и сильные оппозиционные партии отрицают весь политический и социально-экономический курс правящего режима. Несущественная же часть оппозиционного движения, поддерживая стратегический курс власти, оспаривает его конкретные, частные моменты.

Следует отметить, что в перспективе роль оппозиции в России будет зависеть от того, на какие слои она будет ориентироваться. Если в их главу будут поставлены интересы большинства населения, прежде всего производителей, то оппозиция будет конструктивная, центристская. В случае победы леворадикальных сил оппозиция будет демократической. Авторитарному режиму будет противостоять непримиримая оппозиция, объединяющая левые и правые силы.

Важнейшая задача оппозиционных сил в современной России – создание политической коалиции, как объединенной конструктивной оппозиционной силы. Для такого объединения оппозиционные организации должны быть готовы на определенные жертвы, такие, как поиск общих точек соприкосновения в социальных, экономических, политических программах,

утверждение единого, признанного всеми оппозиционными силами лидера и т. д.

Объединение оппозиционных групп в единую коалицию может преследовать различные цели – от совместных акций протеста, для которых не требуется выбор единых руководящих органов, до совместного проведения предвыборной кампании. Пренебрежение властью жизненными интересами большинства народа зашло настолько далеко, что в настоящее время возможно объединение конструктивных оппозиционных сил.

В целом, исходя из общего понимания политической оппозиции (лат. *oppositio* – противопоставление, противодействие) как противостояния в системе политических отношений, можно обоснованно считать, что оппозиционность выступает ее наиболее общей характеристикой и является одним из проявлений общеонтологического закона, который наиболее ярко выражается в демократизирующемся обществе. Его нарушение приводит к нарушению поступательного развития общества и к обострению противоречий в нем.

Оппозиционность как целенаправленная активность субъектов политики, интересы, цели и задачи которых не совпадают с официально выработанным курсом и практикой по их реализации, выступает неотъемлемой частью процесса демократизации общества. Она проявляется на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровнях.

Для придания конструктивной направленности оппозиционности важно знать ее сущность, механизмы и факторы проявления в конкретных условиях. Неудовлетворенность материальных, социальных и других интересов обуславливает направленность оппозиционности. Власть, обеспечивая реализацию своих целей, не может удовлетворить потребности всех слоев общества, которые по этой причине становятся в оппозицию к ней. Будучи главным субъектом оппозиционности, оппозиция может и должна играть определяющую роль в демократизации общества, так как это отвечает ее сущностному предназначению в обществе.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Охарактеризуйте массовое политическое сознание – структуру, тенденции развития, а также возможности воздействия на него.

2. Раскройте психологические основы генезиса макросоциума, выделите его структуру и функции основных элементов.

3. Проанализируйте основные психологические факторы политических изменений и этнополитических процессов в современной России.

4. Охарактеризуйте общественное мнение как фактор, определяющий направленность политического процесса и активность политических лидеров.

5. Выделите условия эффективного политического влияния на феномены неструктурированной социальной среды – элиту, толпу, деструктивные образования.

6. Каковы особенности проявления оппозиционности в мегаполисах и регионах современной России?

7. Проведите психологический анализ проблемы политического партнерства, конкуренции, конфликтов и влияния на них массового сознания.

8. Раскройте основы политико-психологического анализа формальных и неформальных структур макро- и микроуровней.

9. Изложите особенности прикладного исследования общественного мнения в политической психологии.

Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ 203

3.1. Профессионализм политической деятельности	203
3.2. Психология политического лидерства	221
3.3. Массовое стихийное поведение	239
3.4. Свобода и плюрализм, насилие и диктатура как детерминанты политической активности	253
3.5. Радикализм, экстремизм и конфликты в политическом процессе	278

Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

3.1. Профессионализм политической деятельности

Историческое развитие и опыт многих поколений мыслителей, занимающихся исследованием политики и политической деятельности, концентрировано представлен в современном наукознании, в частности, в политологии, социологии, политической психологии и других отраслях обществоведения. В них политика трактуется многогранно, как деятельность, как институт власти, как искусство политического маневрирования, как наука управления государством, как искусство и наука участия в делах государства, а также содержание деятельности государства и др. Политической психологией политика рассматривается как совокупность всех видов деятельности, обеспечивающих достижение групповых целей.

В современных условиях, с учетом особенностей развития российского общества требуется системное описание политической деятельности, которое может послужить основой для кардинального повышения ее продуктивности. Все предлагаемые оценки политической деятельности, с политологической точки зрения, исходят из ее предназначения – завоевания и удержания политической власти, не объясняя механизмов политических процессов, с учетом личностного, психологического, нравственного аспектов, которые непосредственно формируют облик политики, ее конкретные формы реализации. По этой причине в качестве исходных не выступают такие принципы политической деятельности, как гуманизм, профессионализм, активный, целенаправленный и системный характер. Следовательно, раскрытие сущности феномена политики как деятельности невозможно, если недооцениваются ее психологические аспекты.

Анализ современных отечественных и зарубежных источников свидетельствует о различном понимании сущности политической деятельности. Это обусловлено тем, что основанием научных исследований и анализа служат разные методологические принципы и научные подходы, в основе которых разное понимание феномена политики как деятельности.

У современных отечественных психологов политическая деятельность не получила системного описания. Опыт исследования этой проблемы в предшествующие годы указывает на то, что она рассматривается как следствие материальной деятельности, как производная по отношению к экономической, но сохраняющая значительную самостоятельность. Характерно, что мнения

политологов-практиков и ученых-теоретиков совпадают. Экспертный опрос специалистов в области политики свидетельствует о том, что две трети опрошенных политологов исследуют политическую сферу в традиционном контексте властных отношений. Они придерживаются мнения, что основным содержанием политики являются отношения между социальными группами по поводу завоевания, удержания, использования государственной власти. Остальные (одна треть) предпочитают рассматривать политические вопросы преимущественно через призму проблем формирования, согласования и предъявления общественных интересов.

Политологи-теоретики определяют характер политической деятельности, ее «социальность» и направленность сложившимся типом общественных отношений. Политическая деятельность как особая, специфическая сфера общественной деятельности в самом общем виде представляет собой, по их мнению, совокупность общественных групп (социальных слоев, народов, наций), конкретных субъектов политики по реализации своих политических интересов по поводу завоевания, использования и удержания власти. Одним из главных рычагов реализации политической деятельности, ее «внутренней пружины» является комплекс интересов – личности, коллективов, классов, наций, народностей, социальных и профессиональных групп.

Западная методология объединяет социологический (Г. Роберте, Г. Понтон, П. Джилл, К. Марлетти, Л. Лаот), личностный (А. Ориу, П. де Леспинас, Г. Лас-суэл), групповой (А. Бентли, Дж. Курвартис, В. Добрац, Э. Култер, Дж. Сартори) и формальный (К. фон Бойме, Д. Берг-Шлоссер) подходы. Кроме того, американскими учеными используется прагматический подход, французскими – конституционально-институциональный, немецкими – философский. Используя, например, методологию немецкого социолога М. Вебера, некоторые исследователи сводят всю политическую систему к государству; другие, согласно теории Т. Парсонса, рассматривают ее как совокупность лиц, выступающих в определенных ролях; третьи – как совокупность индивидов и институтов, действующих совместно, чтобы найти решение проблемы. Используя личностный подход, французский государствовед А. Ориу отмечает, что политика связана с поведением человека, живущего в обществе. Американский политолог Г. Лассуэлл считает, что главное в политике – распределение ценностей (власть, образование, богатство) среди людей; важно при этом определить, кто и что получает, когда и как.

Групповой подход к политической деятельности в западной науке идет от А. Бентли. Американские политологи Дж. Курвартис, В. Добрац, Э. Култер считают, что политика возникает из факта существования различных групп людей внутри одного общества; она помогает одной группе получать что-то за счет другой, служит для урегулирования конфликтов. Итальянский исследователь Дж. Сартори полагает, что политика вырастает из групповых интересов. Все характеристики политики, отмечает К. фон Бойме, «лежат между двумя основными полями определений: интеграционно-упорядочивающей моделью политики и теорией конфликтов».

С учетом отмеченных и других положений исследование сущности политической деятельности позволяет сделать вывод, что политика — многомерный феномен, проявляющийся в двух постоянно взаимодействующих измерениях: объективном и субъективном. При рассмотрении политики как деятельности есть все основания признать ее и наукой, и искусством управления (государством, людьми), выстраивания отношений, реализации интересов, а также завоевания, удержания, использования политической власти и проведения линии поведения субъекта политики. Политика при этом выступает для субъекта деятельности как «призвание и профессия».

Политическая деятельность, как исторически сложившийся вид общественной деятельности, сущность которой имеет свои гносеологические корни, не является застывшим образованием. Она подвержена противоречивым изменениям.

Предметом политической деятельности всегда являются проблемы жизнедеятельности людей, владения государственной (политической) властью и участия в ее осуществлении, определение перспектив и направлений общественного движения, управление общественно-политическими, социально-экономическими процессами общества. При этом следует подчеркнуть, что содержание политической деятельности определяется целями и задачами развития общества на каждом новом этапе его переустройства и развития.

Политическая деятельность дифференцируется на теоретическую и практическую. Являясь относительно самостоятельными, они взаимообусловлены. Политическая теория приобретает действенность и эффективность тогда, когда опирается на практический опыт и совпадает с потребностями и интересами тех групп, * которые представляет субъект политики.

Если для характеристики теоретической политической деятельности вполне достаточно основных определений, соответствующих любым формам духовной деятельности: познавательная, прогностическая, ценностно-ориентировочная, то практическую политическую деятельность характеризует обширный спектр особенностей, отражающий ее специфику. Из них можно выделить следующие:

- активное взаимодействие сознательно действующего субъекта с объектом;
- направленность на предметы, способные удовлетворить общественные или индивидуальные потребности;
- продуктивно-преобразующее воздействие на предметы, антиципация результатов деятельности (целеполагание) и ее хода (разработка программ действия соответственно целям и условиям);
- является источником познания мира, самопознания и развития личности;
- включает в себе единство предметности и общественности.

В структуре политической деятельности в рамках политической психологии целесообразно выделять три компонента:

– мотивационно-целевой, который предполагает определение перспективных и ближайших целей, постановку принципиальных задач и обеспечение заинтересованности субъектов политики в их реализации;

– операционально-деятельностный, обеспечивающий выработку методов, средств, форм действий, с помощью которых поставленные цели могут быть достигнуты оптимальным образом;

– результирующий, характеризующий успешность реализации намеченных политических целей и задач благодаря активности и профессионализму политических кадров.

Большинство западных политических психологов представляют структуру политической деятельности как совокупность свода правил и действий. «Политика, – пишут современные американские теоретики, – включает действия и правила действий, реакции на них или взаимодействие» [140, с. 85]. При этом содержание политической деятельности определяется как совокупность решений, принимаемых политическим деятелем или группой, относящихся к выбору целей и методов их достижения в зависимости от конкретной ситуации. В деятельностной цепи выделяются такие элементы, как:

1) выбор целей, что предполагает знание творца политики о ценностях и их иерархии;

2) методы достижения целей, которые должны включать поведение людей;

3) ситуация, характеризуемая таким взаимодействием между политическим процессом и социальной и физической средой, которое ограничивает достижение целей, в результате чего для этого требуется применение политических средств;

4) контроль, который политический деятель может осуществлять посредством власти, убеждения, насилия.

По мнению английских исследователей Г. Понтонна и П. Джилла, политика включает три аспекта: способ, посредством которого люди понимают социальные вопросы и распоряжаются ими, особенно при ограниченных ресурсах; принципы, лежащие в основе этого; средства, путем которых отдельные лица или группы людей приобретают и удерживают больший контроль над ситуацией, чем другие.

Выделение западными исследователями в структуре политической деятельности процесса реализации ее целей и задач, включение в него таких моментов, как наличие конкретных ситуаций, удержание контроля над ними и прогнозирование результатов, значительно больше свидетельствует о переводе теоретического уровня политической деятельности на практический. Следовательно, правомерно рассматривать политическую деятельность как технологический процесс. В свою очередь, это предполагает соответствующую способность субъектов политической деятельности реализовать политическую теорию посредством специальных механизмов.

Интеграция конструктивных результатов исследований политической деятельности, полученных отечественными и зарубежными учеными, указывает на то, что технологический процесс политической деятельности не

следует рассматривать вне субъективных факторов ее протекания. Иначе говоря, без применения деятельностного подхода к анализу структуры политической деятельности как технологического процесса, феномен политика недостаточно полно раскрывает сущностные характеристики политической деятельности и ее специфические особенности. Поэтому основополагающим принципом нашего дальнейшего анализа сущности, структуры и функций политической деятельности является сформулированный С.Л. Рубинштейном закон психологии о взаимодействии личности и деятельности, а также выдвинутый А.Н. Леонтьевым тезис о единстве личности, сознания и деятельности [74].

Как социально-историческая категория деятельность представляет собой специфически человеческую форму активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование. Деятельность включает в себя цель, средство, результат и сам процесс деятельности. Ее неотъемлемая характеристика – осознанность. Деятельность может быть репродуктивной и продуктивной. Целостное понимание деятельности заключается в ее предметности. А.Н. Леонтьев рассматривает предметную деятельность как систему, включенную в систему отношений общества, имеющую строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие [74]. В деятельности происходит переход объекта в его субъективную форму, совершается переход деятельности в ее объективный результат. Деятельность выступает как процесс, в котором осуществляются взаимопереходы субъект–объект.

При таком подходе политическая деятельность выступает не только как изменение внешней действительности, но и как преобразование внутреннего мира субъекта деятельности, раскрытие и реализация его личностно-деловых качеств и потенциальных возможностей. «Сущность человека, – отмечает Л.П. Боева, – значительно богаче, разностороннее и сложнее, чем только система его деятельности» [87, с. 49].

Следовательно, политическая деятельность, с одной стороны, оказывает воздействие на политического деятеля, с другой – «широко подвержена влиянию личных качеств политических деятелей». Согласно выводу С.Л. Рубинштейна, психические свойства личности в ее поведении, в действиях и поступках, которые она совершает, одновременно и проявляются, и формируются. Личность субъекта политики, проявляясь в деятельности является ее причиной, но, формируясь в деятельности, она – ее следствие, а как фактор ее формирования – причина.

Характерная особенность политической деятельности заключается в том, что она представляет собой «психологическую динамическую структуру» (цель – мотив – способ – результат), основными психологическими атрибутами которой являются активность, сознательность, мотивированность, субъективность, адаптивность.

Таким образом, субъект политической деятельности по направленности своей деятельности, с одной стороны, зависит от общества, с другой – его деятельность обусловлена субъективными характеристиками. Следовательно,

детерминантами, влияющими на результаты его политической деятельности выступают взаимосвязанные и взаимообусловленные объективные и субъективные факторы (субъективное отражение объективных условий). Объективные факторы определяются условиями, в которых протекает деятельность, а также следствиями, которые она вызывает. К ним относятся общественное мнение, установки, потребности и интересы социальных групп, социально-психологическая атмосфера и уровень развития общности и др.

Субъективные факторы включают в себя смысл, вкладываемый субъектом в политическую деятельность, а также знания субъекта о средствах, способах, условиях достижения поставленных целей. Основным субъективным фактором выступает личностный социально-психологический потенциал индивида. При этом субъективные проявления индивида выступают как субъективно-социальные и субъективно-индивидуальные. К первым можно отнести мотив, определяющий цель деятельности и способы ее достижения, и социально-познавательные стереотипы. Ко вторым относятся личностные характеристики индивида: личностно-профессиональные качества, социальный и профессиональный опыт, нравственные и правовые нормы и др. Выделение в политической деятельности психологического аспекта позволяет исследовать механизмы воздействия на объекты политической деятельности и субъектно-объектных отношений; рефлекссию субъектов, их личностно-деловые качества и способности; необходимые навыки, практические приемы и эффективные формы и методы политической деятельности.

Незнание объективных и субъективных социально-психологических факторов и их диалектических взаимопереходов, недооценка психологических механизмов политической деятельности на практике вызывает целый комплекс противоречий.

Проведенное исследование структурно-функциональных связей и зависимостей политической деятельности как целевого единства основывается на теоретическом анализе ее сущности, специфики, структуры и эмпирических данных, полученных в ходе социолого-психологических опросов. При этом реализация функций политической деятельности предполагает способность субъекта политики выполнять определенную роль, влиять на общественные процессы и содействовать их развитию адекватно цели, условиям, механизмам и способам их воспроизводства. При этом функция рассматривается как служебная роль («назначение») политической деятельности по отношению к обществу и его потребностям, а также как зависимость в рамках структуры политической деятельности, т. е. как вид детерминизма.

Функции политической деятельности не являются неизменными, они развиваются в конкретной общественно-политической обстановке, соответствуют статусу субъекта, зависят от уровня развития социально-экономических и политической сфер общества, национальных, региональных и других объективных условий, в которых протекает политическая деятельность. Открытые или явные функции политической деятельности – имманентно ей свойственные, выражающие ее целевую ориентацию и выделяющие данный вид деятельности среди других способов человеческой активности. Латентные

функции политической деятельности политиков, обнаруживающие себя в процессе деятельности с учетом конкретных ситуаций, являются также актуальными и заслуживают внимания и всестороннего анализа.

Современные отечественные политические психологи главными функциями политики считают властные, распорядительные, управленческие. С учетом масштабности и многообразия политических действий, в частности, Ю.А. Тихомиров выделяет такие функции политической деятельности, как функции политического целеполагания, властно-политической интеграции, регулирования режима социально-политической деятельности, обеспечения целостного управленческого воздействия на общественные процессы и явления [111].

По содержанию для субъектов политической деятельности, участвующих в осуществлении государственной власти в современных обществах, можно выделить такие конкретные функции, как: выявление, формулирование и обоснование интересов больших социальных групп (функция политической артикуляции); активизация и интеграция больших социальных групп; создание политической идеологии и политических доктрин; участие в формировании политических систем – их общих принципов, элементов, структур; участие в борьбе за власть в государстве и создание программ деятельности государства; участие в осуществлении государственной власти; формирование общественного мнения; политическое воспитание общества в целом либо его определенной части (группы, класса, строя); подготовка и выдвижение кадров для аппарата государства, профсоюзов, общественных организаций.

Выделение этих и других функций указывает на многоаспектность и разнонаправленность политической деятельности. Все они взаимосвязаны и нередко находятся в противоречивом состоянии. Поэтому для их продуктивного выполнения на практике требуется всесторонний анализ основных из них в едином контексте политической деятельности.

Представляет интерес типология функций политической деятельности в рамках плюрализма и конкурентной борьбы за политическую власть. Основные из них – декларируемая цель партии (идеология и политическая программа); функция политического целеполагания; функция согласования интересов и мобилизации активности масс; функция достижения результатов политической деятельности.

Функция политического целеполагания имеет системообразующее значение. Цель выступает как предвидимое будущее состояние, к которому стремится общество на основе заявленных интересов и потребностей. Закрепление целей в программных документах государства, правительства, социально-политических институтов власти, в законодательных актах придает им всеобщий характер.

Основным противоречием, связанным с реализацией названной функции, является неадекватность содержания и направленности политической деятельности (целесообразность) реальным изменениям и преобразованиям в обществе (достижение результата). Реализация функции политического целеполагания в российском обществе, развивающемся на рубеже второго и

третьего тысячелетий, свидетельствует о реальном углубляющемся противоречии «цель – результат», которое подтверждается реально не устраивающими результатами в развитии общества и большинства соотечественников. Сложившаяся обстановка характеризуется явным разрывом между целью построения передового демократического общества и углубляющимся кризисом во всех его сферах, глобальностью потерь ведущих позиций в мировом сообществе.

Вместе с тем, проводимые в стране реформы и преобразования призваны не только вывести страну из кризиса на новый этап развития, сформировать новые механизмы хозяйствования, адекватно отражающие интересы всех социальных слоев, групп, отдельного человека, и на этой основе обеспечить их согласование и реализацию, но и включить массы в самостоятельную политическую жизнь, воспитывать их политически на их собственном опыте.

Реализация функций согласования интересов и мобилизации активности масс в свою очередь предполагают возможность пробудить у людей стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности. Г. Тард в «Социальных этюдах» отмечал, что политика, рассматриваемая как искусство, есть направление национальных сил в заранее определенную и желаемую сторону [111, с. 343].

Общественная ситуация характеризуется множеством заявленных интересов, взглядов, мнений определенных социальных групп со своими политическими целями и действиями. Диалектика взаимоотношений интересов ставит проблему их гармонизации как основы выработки политики, политической деятельности. Идеи субъектов политики становятся материальной силой лишь тогда, когда находятся в состоянии резонанса с сознанием и настроениями масс. Политическая деятельность, представленная крупными политическими решениями программного характера, акциями регионального и местного масштаба, узкоспециализированными действиями в конкретной области общественной жизни или по отношению к определенной социальной группе общества, не может не учитывать состояние обыденного сознания людей, их психологию.

Конец XX века в России знаменуется обострением социально-экономических и политических противоречий. Общественное сознание масс под влиянием углубляющегося кризиса находится в состоянии глубокой депрессии. В оценках большинства людей преобладают пессимизм, настороженность, безысходность.

Естественно, что в таких условиях подвергаются сомнению, испытанию и проверке основные механизмы согласования политической деятельности и реальной жизни общества: привычка и доверие к институту власти, личному авторитету государственных деятелей, идентификация с социальными и политическими идеалами общества, согласование и реализация индивидуальных и общественных интересов.

В сложившейся ситуации политические действия государственных органов власти не всегда получают поддержку или не понимаются массами, чьи интересы они представляют и выражают. Народ не удовлетворен мерами,

принимаемыми по стабилизации положения дел в экономике, поддержанию правопорядка и решению других ключевых вопросов в стране.

Поэтому для повышения продуктивности политической деятельности требуется ее осуществлять на научной основе. Иначе говоря, политическая деятельность должна опираться на результаты изучения объективных закономерностей, всесторонний анализ социально-экономических и политических процессов, выявление их противоречий, прогнозирование последствий.

Определяющей функцией политической деятельности выступает функция достижения результатов этой деятельности. Анализируя политическую деятельность российских лидеров, можно выделить основные противоречия, недостатки и просчеты в ней. Изучение общественного мнения в российском обществе на рубеже XX–XXI веков свидетельствует о том, что основные из них следующие: запаздывание при принятии политических и экономических решений; нарушение взаимосвязей в процессе политической деятельности, определяется политической нестабильностью в обществе; неумение организовать эффективную политическую деятельность по реализации политических решений и др.

Из основных причин малоэффективное™ политической деятельности выделяются такие, как непоследовательность принимаемых средств и действий, отсутствие механизмов реализации принятых решений на различных уровнях управления, низкий уровень профессионализма и неспособность эффективно действовать в изменившихся условиях. Кроме того, незнание объективных и субъективных источников кризисных явлений и противоречий, неумение вырабатывать соответствующую политику приводит политическую деятельность к стагнации, отрыву от реальной жизни людей. Чрезвычайно важным и до сих пор недостаточно теоретически разработанным остается вопрос об использовании форм, методов, механизмов разрешения существующих проблем и противоречий.

Все это указывает на то, что политическая деятельность должна быть профессиональной. Всякая неподготовленность, случайность в политике или дилетантство не позволит достичь выдвигаемых политических целей. Вместе с тем, деятельность многих политиков указывает на то, что профессиональная компетентность, мотивированность политиков, непоследовательность в их политических позициях существенно снижают эффективность политической деятельности.

Характерным подтверждением данной негативной тенденции в выполнении политической деятельности выступает характеристика выполнения депутатских функций многими избранниками народа в Государственной думе. Показательны в этом плане данные социолого-психологического исследования, проведенного на пленарных заседаниях Государственной Думы РФ, избранной в 1999 году. Результаты анализа политической деятельности депутатского корпуса указывают на то, что наиболее характерными, по мнению опрошенных, являются конфронтация (34%) и отстаивание корпоративных интересов (30%), каждый пятый указал на наличие в выступлениях

предвзятости. Взвешенность позиций и заботу о делах страны отметили в прозвучавших выступлениях 25%, а на конструктивность и объективность указали соответственно только 14% и 13% опрошенных. Оценка депутатами психологической атмосферы политической деятельности показала, что 38% из них сомневались в эффективности его работы, у 12% опрошенных это вызывало раздражение. Те, кто считает депутатскую деятельность малоэффективной в Госдуме РФ, региональных и местных органах власти и самоуправления, составили 39% респондентов, и более 88% указали на актуальность ее оптимизации, так как они не удовлетворены ее организацией.

Результаты данного анализа и другие данные, характеризующие политическую деятельность, указывают на то, что реализация ее целей и задач через соответствующие функции не всегда заканчивается ожидаемыми результатами. Не проходят испытание практикой такие ее сущностные характеристики, как целесообразность, продуктивность, оптимальность, субъективность. Как отмечает А.Л. Никифоров, «цель деятельности и ее результат лежат в разных плоскостях, поэтому не могут быть тождественными» [132, с. 59]. Совпадение результата с целью (оптимальная деятельность) свидетельствует о том, что в процессе деятельности действия были целесообразными, выработанная система достижений цели являлась эффективной, основывалась на истинных знаниях.

В.С. Швырев полагает, что деятельность, не исключая целесообразности и целенаправленности, также «предполагает возможность свободного целеполагания,

перманентного конструирования целей». Это, по его мнению, расширяет рамки субъектно-объектных отношений, в которых активность субъекта обычно связывается только с преобразованием объекта соответственно программам, целям, установкам. Преодоление детерминации налично данной ситуации свидетельствует о способности неограниченного перепрограммирования, а также о саморегулировании, саморазвитии, самовоспитании, т. е. совершенствовании профессионализма в процессе политической деятельности.

Таким образом, принципиальное противоречие политической деятельности «цель – результат» проявляется во всех ее сторонах и связано с реализацией функций «политического целеполагания», «согласования интересов», «достижения результатов политической деятельности». Оно детерминировано, во-первых, самим процессом политической деятельности (этапы, средства, методы достижения цели); во-вторых, взаимодействием и причинно-следственными связями между субъектом политики и его деятельностью (диалектика объективных и субъективных факторов; субъектно-объектные, объектно-субъектные, субъектно-субъектные отношения); в-третьих, социально-психологическими условиями, которые прежде всего заключаются в характеристиках субъектов политической деятельности и их личностно-профессиональном соответствии требованиям этой деятельности.

В целом успешность политической деятельности в решающей степени определяется готовностью и подготовленностью ее субъектов продуктивно

выполнять возложенные функции. Однако, как свидетельствует практика, здесь также существуют принципиальные противоречия, главной причиной которых является неспособность субъекта эффективно действовать в динамически меняющейся обстановке согласно функций «властно-политической интеграции» и «целостного управленческого воздействия». Противоречие «субъект политики – целеполагание» в современных условиях характеризуется неадекватностью результатов политической деятельности ожиданиям масс. Это, как свидетельствует общественное мнение о их роли в политических институтах, позволяет убедиться в правомерности такого вывода.

Реализация функции властно-политической интеграции связана с использованием механизмов политической власти, как рычагов воздействия на протекающие в обществе процессы. В этой связи нетрадиционной представляется трактовка феномена политической власти венгерским психологом и социологом Я. Рудашем. Определяя сущность власти как влияние и воздействие, он выделяет шесть ее типов: вознаграждающую, принуждающую, законную, отождествляющую, а также власть компетенции и коммуникативную власть. Две последние представляются нам наиболее актуальными.

В политической деятельности реализуется социально ориентированное общение людей, их личное воздействие друг на друга. В процессе такого общения в политической деятельности человек выступает не в качестве абстрактного объекта, а как неповторимая индивидуальность, связанная с реальными жизненными ситуациями. Это предполагает наличие у субъектов политической деятельности знаний о человеке как на уровне индивида, так и на уровне общих проблем его бытия и развития. Овладение субъектом политической деятельности научной концепцией человековедения становится необходимой предпосылкой его эффективного профессионального политического руководства.

В условиях политизации общества, актуализации роли субъектов политики в массовом сознании закрепилось многообразное и противоречиво полярное отношение к ним. Оно включает в себе веру и неверие, поддержку и отрицание, одобрение и неодобрение, надежды и разочарования. Общая социально-экономическая и политическая ситуация в обществе определяет характер этого отношения к субъектам политической деятельности и социально-политическим институтам.

В конкретных условиях существующие противоречия в политической деятельности, как акция проверки профессиональной способности ее субъектов быть в авангарде политических процессов, показали, что уровень их профессионально компетентности явно не соответствует целям и задачам общества. Следовательно, одной из предпосылок прогрессивного развития общества, является создание новой системы научно-профессиональной подготовки кадров государственных и общественных институтов власти. Обоснованные требования общества к субъекту политической деятельности, соответствие которым обеспечивает полноценное осуществление им полити

ческой деятельности со всей актуальностью ставят вопрос о необходимости его целенаправленной профессионализации.

Требования профессии – это требования к знаниям, умениям, навыкам, профессиональным позициям и индивидуальным особенностям политика, которые необходимы для его успешной политической деятельности. Они формируются и развиваются на основе личностно-профессиональных способностей субъекта политической деятельности, которые рассматриваются как способности к данному виду деятельности, сформированные в процессе выполнения определенных функций на основе взаимодействия потенциальных возможностей и сформированных профессионально востребованных качеств личности. Практика свидетельствует, что серьезные недостатки политической деятельности, ее низкая эффективность обусловлены отсутствием специального профессионального образования политических кадров с учетом ее специфики.

Чем больше профессиональная деятельность нагружена функциями по руководству и управлению, тем больше требований она предъявляет к личностно-профессиональным качествам политика. Профессиональный облик субъекта политической деятельности достаточно сложен, будучи совокупностью разнородных политических ролей, связанных с выполнением задач и функций политической деятельности, индивидуальных особенностей самой личности, ее разнонаправленных, порой противоречивых идейных идентификаций, «гармонизации» всего вышеназванного в сознании личности. «Средний человек», не профессиональный политик становится субъектом политики, если он знает, каковы социальные потребности и интересы, чем обусловлены противоречия между ними, каковы возможности практического разрешения либо устранения этих противоречий и какова связь между его собственными потребностями, интересами и стремлениями, с одной стороны, и состоянием социальных потребностей и возможностей – с другой. Однако для профессиональной политической деятельности этого недостаточно.

Чтобы профессиональная политическая субъектность личности была реальной и устойчивой, ею должны выполняться определенные условия, относящиеся к сфере политического знания и к самой возможности действия. Это предполагает определенный уровень развития субъекта, его профессионализма и мастерства.

Профессиональная развитость субъекта политической деятельности позволяет ему эффективно «конструировать» политическую обстановку. Но для этого ему необходимо освоить методы научной оценки политических ситуаций, профессионально овладеть приемами саморегуляции и специальными механизмами психологического и социально-психологического воздействия. Это даст возможность субъекту политической деятельности на профессиональном уровне: изучать, интерпретировать, оценивать социально-психологические характеристики, способствующие или препятствующие достижению планируемых результатов; учитывать эти решения при выработке политических решений; использовать социально-психологические характеристики в качестве рычагов, способов и приемов работы; предвидеть и планировать возможные последствия политической деятельности; применять

психологически целесообразные и обоснованные средства, формы и методы политической деятельности.

Таким образом, функции политической деятельности – это те ее объективные характеристики, выполнение которых определяет проявление ее сущности и содержания. Правильное определение функций имеет теоретическое, методологическое и практическое значение. Как видно из анализа теоретико-методологических и практических сторон данной проблемы, еще недостаточно четко обозначена диалектика процесса изменения содержания и характера политической деятельности, а значит, не обеспечивается необходимая модификация ее функций. В трактовке функций также недостаточно полно и объективно отражены принципы продуктивной политической деятельности. Исходя из сопоставления сложившейся в прежние десятилетия концепции политической деятельности, можно дать примерную классификацию функций политической деятельности в условиях нашего отечества. Они могут быть представлены следующим образом.

1. Функция политического обеспечения государственной целостности и основ государственности.

2. Функция развития демократизма как одного из необходимых условий жизнедеятельности цивилизованного общества.

3. Функция формирования политической культуры людей, оснащения их необходимыми знаниями и навыками политического поведения.

4. Функция, способствующая экономическому развитию, упорядочению экономических и хозяйственных отношений.

5. Функция гуманизации всех сфер и структур общества, очеловечивания, т. е. придания определенной морально-психологической направленности развития человеческих взаимосвязей во всем их многообразии.

6. Функция мировоззренческая (идеологическая), связанная с формированием и навязыванием своих политических идеалов, ценностей и доктрин, их пропагандой.

Реализуя эти функции субъект политической деятельности, оказывает влияние на проводимую политику. Политик может иметь номинальную власть, власть авторитета и общественного признания. Следовательно, сущность, структура и функции политической деятельности, ее специфические особенности имеют определенные критерии, которым должна соответствовать личность политика как субъекта деятельности. Соответствие субъекта политической деятельности выдвинутым критериям свидетельствует о его профессиональной пригодности.

Теоретическое исследование и структурно-функциональный анализ политической деятельности и ее эффективности на современном этапе развития общества позволяет сделать следующие выводы. Политическая деятельность – исторически сложившийся вид особой общественной активности человека, предметом которой являются проблемы жизнедеятельности людей, удовлетворения их насущных потребностей и интересов, определение перспектив и направлений общественного движения, управления политическими, социально-экономическими процессами, а также владения и

использования политической (государственной) власти. Политическая деятельность представляет собой целостную систему, имеющую свою структуру, внутренние переходы, превращения и развитие. Изменяя объективную реальность, политическая деятельность, с одной стороны, подвержена влиянию субъективных проявлений политика, с другой – преобразует внутренний мир субъекта деятельности, детерминирует раскрытие и реализацию его личностно-профессиональных качеств и потенциальных возможностей.

Эффективность политической деятельности определяется уровнем ее профессионализации. Профессионализм субъекта политической деятельности, как «искусство», «мастерство» полноценным ее владением, адекватен профессиональной развитости субъекта и его подготовленности научно осуществлять политическую деятельность на профессионально-технологическом уровне. Одним из критериев профессиональной пригодности субъекта политической деятельности является его реальная способность активно воздействовать на протекающие в обществе процессы, влиять на мировоззренческие позиции больших и малых социальных групп, отдельных индивидов, эффективно выстраивать субъектно-объектные отношения. Профессиональная политическая деятельность требует специальной подготовки по овладению ее субъектами научной концепцией и практикой творческого политического труда. Особенность профессиональной самореализации субъекта политики проявляется в стиле его политической деятельности.

Стиль деятельности субъекта политики отражает его индивидуальный почерк в реализации своих функций. Он представляет собой устойчивую систему характерных подходов и способов деятельности, общения и поддержания взаимосвязей в обществе, сформированных под воздействием внешних и внутренних факторов. Иначе говоря, понятие «стиль» (лат. *stylus*, греч. *stylos* – стерженек, палочка для письма) означает совокупность приемов деятельности и поведения политика.

Понятие «стиль» было введено в психологию в середине 20-х годов XX века создателем индивидуальной психологии, австрийским психологом А. Адлером. В школе К. Левина в 30-е – начале 40-х годов (США) впервые приступили к изучению стиля управленческой деятельности. К. Левин, Р. Уайт и другие исследователи принятием решения, инструктированием и организацией его исполнения. Решающим выделили три стиля руководства: демократический, авторитарный, нейтральный. Под стилем они понимали ту сторону взаимодействия лидера с группой, которая связана с параметром типизации стилей, степень разделения управленческих функций между руководителем и членами группы.

С конца 40-х годов зарубежные ученые вводят понятие «когнитивный стиль политической деятельности» (познавательный, аналитический). Здесь в основу стиля управления предлагалось положить познавательные процессы, а для контроля использовать специально подобранные тесты. На современном этапе в западной психологии имеет место выделение когнитивных и оценочных стилей, то есть стилей, в основе которых лежат познавательные стратегии и

актуализирующийся эмоциональный опыт. Рациональные составляющие этих подходов находят широкое распространение в анализе стилей деятельности в психологической практике.

Для анализа стиля политической деятельности важно также учесть достижения отечественной психологии. Впервые с середины 50-х годов проблема стилей стала привлекать внимание отечественных психологов. В.С. Мерлин и Е.А. Климов выдвинули идею и создали целостную концепцию индивидуального стиля [91]. Она базируется на результатах психологического анализа индивидуальных особенностей личности, которая активно включена в деятельность.

В обобщенном виде в исследовании стиля политической деятельности выделяются различные подходы. Он рассматривается с позиций личностных качеств, поведенческого подхода и в зависимости от ситуации. Подход с позиций личностных качеств предполагает, что лучшие политики обладают определенным набором общих для всех личных качеств. К ним относят уровень интеллекта и знания, надежность, ответственность, активность, инициативность, честность, уверенность в себе, впечатляющая внешность и др. Такие качества, с одной стороны, предопределяются физиологическими данными человека, а с другой – формируются в процессе личностно-профессионального развития и политической деятельности. Сложность такого подхода в том, что: во-первых, существует несколько сотен качеств, характерных для конкретного политика, и выявить, какие из них и в какой мере проявились в политической ситуации, довольно тяжело; во-вторых, даже выявив совокупность таких качеств, мы видим, что часто не только они определяют эффективность деятельности.

Следовательно, наличие личностных качеств – это одно дело, совсем другое – какие из них и как проявятся в различных политических ситуациях. Личностные качества политика раскрывают лишь один аспект стиля политической деятельности. Сегодня ученые не оставляют без внимания данный подход. Подход с позиций личностных качеств оправдан тем, что подчеркивает наличие субъекта в политической деятельности, хотя остальным элементам деятельности внимания почти не уделяется. Этот недостаток существенно восполняется при реализации поведенческого подхода.

Сторонники поведенческого подхода отмечают, что стиль политической деятельности зависит не только от личностных качеств, но и от манеры поведения по отношению к подчиненным. Именно в рамках этого подхода подразделяют стили политической деятельности в зависимости от степени делегирования своих полномочий подчиненным на авторитарный, демократический и либеральный.

В рамках поведенческого подхода стиль политической деятельности анализируется также в зависимости от ориентации политика на деятельность (задачу) или на человека. Политический лидер, сосредоточенный на работе, заботится о выполнении задач и поощрении за принесенную пользу. Такой технократический подход к роли человека сводит его к положению «винтика» в социальной практике; человеческие ресурсы при этом полностью не

раскрываются, а следовательно, эффективность труда невысока. Политик, сосредоточенный на человеке, ставит во главу угла межличностные отношения. Он делает упор на взаимопомощь, избегает мелочной опеки, при принятии и реализации политических решений обеспечивает активное участие людей в политическом процессе. Такой политик постоянно изучает нужды, запросы, настроения населения, помогает людям решать их проблемы. Встречаются политики, которые одновременно ориентированы и на работу, и на человека. Это – еще один из аспектов проблемы стиля управленческой деятельности и его оптимальности в современных условиях.

Другой аспект стиля, анализируемый с позиций поведенческого подхода, – это его двухмерная или многомерная трактовка. Он рассматривает взаимозависимость ориентации на задачу или на человека и удовлетворенность сотрудников результатами труда. В первом случае речь идет о планировании и организации работы политическим лидером, с одной стороны, а с другой – о внимании к людям. Дальнейшее развитие двухмерной модели привело к созданию многомерной модели, названной управленческой решеткой, где ранжируется в пределах многих позиций «забота о человеке» и «забота о задаче». Оптимальной можно считать политическую деятельность лидера, опирающегося на свою команду, которая представляет собой высокоорганизованный коллектив единомышленников. Таковы аспекты стиля политической деятельности, в основу анализа которого положено поведение политического лидера.

Попытки найти оптимальный стиль политической деятельности привели к выводу, что на поведение субъекта политики влияет ситуация. Ситуационный подход указывает, что в зависимости от конкретной ситуации должны выбираться и различные стили политической деятельности. Это значит, что политик должен уметь вести себя по-разному, то есть уметь варьировать стилями своей деятельности. Предусматривается, что личные качества и поведение руководителя являются существенными компонентами успеха в политической деятельности, а ситуация выступает как дополнительный фактор, влияющий на выбор конкретных способов ее осуществления. В обобщенном плане к ситуационным факторам относят, во-первых, все субъекты политического процесса, конкретных людей с их личностными характеристиками, а во-вторых, влияние реальной социокультурной и политической ситуации и внешней среды.

Детальный анализ позволяет выделить такие факторы, как: отношения между лидером, политической командой и остальными людьми; структура политической задачи и условия ее реализации; политическая компетентность и компетенция лидера и членов команды; влияние на мотивацию и увеличение личной выгоды каждого в достижении целей работы; зрелость подчиненных (это не возраст, а способность нести ответственность, уровень образования, желание выполнить задачи и опыт в их решении); степень участия подчиненных в принятии решения.

Авторы ситуационных подходов предлагают различные варианты применения стилей управления. Первые исходят из того, что политик не может

приспособить свой стиль к ситуации, а поэтому необходимо его помещать в такие ситуации, где он с присущим ему стилем смог бы эффективно выполнять политические функции. Следовательно, проанализировав ситуацию, необходимо определить перечень качеств политика, которые будут способствовать или препятствовать его политической деятельности. При этом целесообразно применение авторитарного стиля в условиях дефицита времени в экстремальной ситуации или демократического – в традиционной политической ситуации. Важно учесть, какие переменные факторы влияют на поведение политического лидера или членов политической команды.

Вторые, основываясь на теории экспектаций (ожиданий), предлагают овладеть и применять такие стили, как поддержки (ориентация на человека); инструментальный (ориентация на политическую деятельность); партисипативный (поощряющий участие в групповом принятии решения); ориентированный на достижение (постановка напряженной цели и мотивация на ее достижение). Они полагают, что общие цели можно достигать через удовлетворение личных целей политических субъектов. В процессе межличностного общения формируется мотивация сотрудников, разрушаются препятствия на пути их работы и в целом осуществляется их мобилизация на решение задач.

Третьи полагают, что политик выбирает стиль деятельности, учитывая, с одной стороны, уровень развития коллектива, его зрелость и в соответствии с этим в большей или меньшей мере делегирует ему полномочия. С другой стороны, он ориентируется на конкретных сотрудников или на деятельность. Так, при низком уровне развития политической команды и ориентации политического лидера на задачу, последний выполняет свои функции, используя авторитарные приемы. При ориентации политика и на задачу и на человека, при низком уровне развития политической команды в его стиле заметны как авторитарные, так и демократические черты. При ориентации политика на человека и среднем уровне развития политической команды используются элементы демократического стиля, персонал участвует в принятии решения. При высокой степени развития политической команды, уровня коллектива ему могут быть делегированы многие права, а политический лидер может быть не ориентирован ни на задачу, ни на человека.

Четвертые концентрируют внимание на процессе принятия решения и участия в нем политической команды. Предлагаются стили от единоличного принятия решения до полного участия в этом процессе всей команды. При этом сам лидер может быть ориентирован как на политическую деятельность, так и на людей. Окончательное решение за выбором стиля возлагается на политика, который должен вычленив ряд критериев: определить требования к качеству решения; достаточность информации и опыта; степень структурированности проблемы; степень важности и согласия подчиненных в принятии решения; вероятность поддержки сотрудниками единолично принятого решения; степень мотивации подчиненных на решение задачи; вероятность конфликтов между подчиненными и др.

Недостатки этого подхода – в бихевиористской методологии, ориентированной на принцип «стимул – реакция», где роль политика заключается в «ожидании» возмущающих факторов. Безусловным достоинством является необходимость прогнозировать развитие событий, заранее «проигрывать» варианты решений.

Новые возможности для всестороннего исследования стиля политической деятельности открывает интегративный подход. В.С. Мерлин и Е.А. Климов, раз- , работав теоретико-методологические основы индивидуального стиля деятельности, заложили основу такого подхода. Принципиальное его отличие состоит в том, что человек в такой деятельности выступает ее субъектом. Его стиль представляет собой неповторимый, самобытный способ реализации творческого потенциала в определенном виде деятельности. Характер такого способа определяют, прежде всего, качественные параметры конкретного человека, которые соотносятся с реальностью.

В данном контексте полезно утверждение с К.А. Абульхановой о том, что способ деятельности есть более или менее оптимальный интеграл, композиция этих основных параметров. «Субъект является интегрирующей, централизующей, координирующей «инстанцией» деятельности, – подчеркивает ученый. – Он согласует всю систему своих индивидуальных, психофизиологических, психических и, наконец, личностных возможностей, особенностей с условиями и требованиями деятельности не парциально, а целостным образом» [91, с. 69].

При анализе особенностей индивидуального стиля политической деятельности представляется важным использование преимуществ и продуктивных составляющих всех подходов, моделей и опыта. При этом следует исходить из потребности выделения основных составляющих целостной модели стиля политической деятельности, которая может быть признана в качестве наиболее приемлемой и оптимальной для конкретных условий, обстановки и политической ситуации. Структура, содержание и особенности такой многомерно-функциональной модели стиля политической деятельности определяются действием внутренних и внешних факторов. Эти факторы являются главными детерминантами стиля самореализации субъекта политики.

Реальная многомерно-функциональная модель стиля политической деятельности современного лидера имеет вполне определенный устойчивый профиль. В конкретном состоянии, сочетании и соотношении в нем присутствуют и проявляются различные компоненты. Наиболее весомые из них придают стилю политической деятельности неповторимый, самобытный, только конкретному политику присущий индивидуальный профиль в процессе самореализации. Он формируется и изменяется под влиянием внутренних и внешних факторов. Их воздействие сказывается целостно во взаимосвязанном единстве.

Анализ подходов к стилю политической деятельности позволяет сформулировать ряд выводов, направленных на формирование эффективного стиля политической деятельности в современных условиях.

Во-первых, рассмотренные выше подходы к стилю деятельности политика носят ограниченный характер. Он заключается в том, что стиль анализируется не комплексно:

а) с точки зрения субъекта деятельности (исследование личностных качеств и поведенческий подход);

б) с позиций объекта деятельности или внешней среды (ситуационный подход);

в) с учетом характера реальных взаимосвязей, складывающихся в системе взаимосвязей в конкретной ситуации.

Во-вторых, в качестве методологического принципа исследования понятия «стиль» следует взять его понимание как характеристики политической деятельности. Последняя предполагает на основе интеграции создание самобытной деятельностной архитектоники, которая объединяет не только цель, мотив, потребность, действие, средство, результат, но также и субъекта и объекта, находящихся в системе активных отношений. Активность отношений предполагает как особенность индивидуального отношения к самовыражению творческого потенциала, так и особенное отношение к задействованию всех возможностей системы политической деятельности при решении управленческих задач. В этом проявляется системный характер творческой самореализации субъекта политики. Применяемые средства воздействия также характеризуют особенность стиля деятельности политика, который проявляется через особенность отношения к ним с его стороны.

Следовательно, основная характеристика стиля политической деятельности заключается не столько в использовании отдельных средств и приемов для решения частных задач, сколько в целостности политической технологии деятельности, выражающей стратегию, тактику и технику использования всех освоенных политических средств и способов достижения политической цели. Такое понимание стиля близко к понятию ф технологии деятельности и предусматривает оптимальную организацию политической деятельности с учетом влияющих на нее внутренних факторов и внешних условий.

В стиле устойчиво фиксируются и воспроизводятся черты, манеры, привычки, вкусы, склонности политика, отражая, прежде всего, индивидуальность его личности, подчеркивая ее самостоятельность и неповторимость. Оптимальный стиль политической деятельности в высшей степени соответствует творческому потенциалу и неповторимой индивидуальности политического лидера, выражает социальные ожидания персонала и направлен на решение политических задач. Его отличительная особенность заключается в том, что субъект политики, обладающий этим стилем стремится к гибкому, лавирующему решению политических задач.

3.2. Психология политического лидерства

Проблема политического лидерства – одна из центральных проблем современной политической психологии. Ключевой вопрос здесь – понимание сущности, механизмов, условий и факторов того, что побуждает или заставляет людей признавать в одном человеке лидера, а другому – отказывать

в праве, привилегии и ответственности на такое признание. Этот вопрос может быть в достаточной степени изучен и учтен в политической деятельности и отношениях, если обратиться к научным данным в его познании и практическом решении.

С незапамятных времен человечество познало] только три способа выдвижения лидеров, вождей, I руководителей:

- 1) борьба за лидерские позиции в иерархии, которая предполагает фактически насильственные способы их достижения;
- 2) упорядоченное наследование по признакам родства, старшинства, святости, преемственности;
- 3) выборы по законам демократии, древней и примитивной, или же современной, сложной и изощренной.

В качестве основы изучения проблемы лидерства в отечественной политической психологии был взят деятельностный подход, предложенный А.Н. Леонтьевым [74]. Главной детерминантой процесса лидерства, согласно этому подходу, являются цели и задачи, стоящие перед группой, от которых зависит, кто станет лидером и какой стиль лидерства окажется наиболее эффективным.

Специфика понимания лидерства в отечественной социальной психологии хорошо видна при анализе и сравнении двух феноменов – лидерства и руководства. Было принято разводить эти понятия. Под лидерством обычно имели в виду характеристику психологических отношений, возникающих в группе «по вертикали», то есть с точки зрения отношений доминирования и подчинения. Понятие же «руководство» относится к организации деятельности группы, к процессу управления ею. Выделяемые различия между этими понятиями наиболее полно отражены в работе Б.Д. Парыгина «Основы социально-психологической теории».

1. Лидер в основном призван осуществлять регуляцию межличностных отношений в группе, в то время как руководитель осуществляет организацию официальных отношений группы как некоторой социальной организации.

2. Лидерство можно констатировать в условиях микросреды (каковой и является малая группа), а руководство – элемент макросреды, т. е. оно связано со всей системой общественных отношений.

3. Лидерство возникает стихийно, а руководитель всякой реальной социальной группы либо назначается, либо избирается. Этот процесс является не стихийным, а, напротив, целенаправленным, осуществляемым под контролем различных элементов социальной структуры.

4. Сфера контроля – широта области жизненного пространства и деятельности, которую политический лидер ищет для своего влияния.

5. Явление лидерства менее стабильно, выдвижение лидера в большой степени зависит от настроения в группе, в то время как руководство – явление более стабильное.

6. Руководство подчиненными, в отличие от лидерства, обладает гораздо более определенной системой различных санкций, которых в руках лидера нет.

7. Процесс принятия решения руководителем значительно более сложен и опосредован множеством различных обстоятельств и соображений, не обязательно коренящихся в данной группе, в то время как лидер принимает более непосредственные решения, касающиеся групповой деятельности.

8. Сфера деятельности лидера – в основном малая группа, к которой он принадлежит, где он и является лидером, сфера действия руководителя шире, поскольку он «представляет» малую группу в более широкой социальной системе [94].

С течением времени интерес ученых к проблеме лидерства заставляет их переосмыслить этот феномен. Так, в «Энциклопедическом словаре» дается следующее определение лидерства: «Лидер – член группы, который в значимых ситуациях способен оказывать существенное влияние на поведение остальных участников» [140]. В «Психологическом словаре» дается такое определение феномена: «Лидерство трактуется как один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. объединяет, направляет действия всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия. Частично перекрываясь понятиями «управление», «руководство», лидерство характеризует вместе с тем и специфическую форму отношений в группе или организации».

Это направление в понимании лидерства и руководства в дальнейшем углубляется и к рубежу 90-х годов может считаться утвердившимся. Определения, даваемые в энциклопедических изданиях этих годов, почти совпадают друг с другом и выглядят следующим образом:

Лидер – это наиболее авторитетный член группы, за которым она признает право принимать решения в значимых для нее ситуациях, реально играющий центральную роль в его выполнении, организации совместной деятельности и взаимоотношений. Руководитель же рассматривается как официальное лицо, на которое возложены функции управления коллективом и организации ее деятельности.

Принимая это во внимание, позиция Б.Д. Парыги-на вполне объяснима: главой государства действительно являлся руководитель, назначаемый на этот пост. И лишь демократические преобразования позволили нам частично выйти на уровень демократических государств, проведя выборы президентов республик, а теперь уже суверенных государств, тем самым признавая существование феномена политического лидерства на государственном уровне. Поэтому сейчас наиболее актуально встает проблема именно политического лидерства.

В западной политико-психологической и социально-психологической литературе понятие лидерства и различные его концепции возникли изначально на базе эмпирических исследований малых групп. Однако, хотя трактовка явления лидерства и понимание его сущности, механизмов и детерминант проделали значительную эволюцию, до сих пор ни в социальной психологии, где лидерство рассматривается преимущественно в контексте малых групп, ни в политической психологии, где под лидером понимается политический деятель

и где анализ ведется на уровне больших социальных групп, однозначного понимания не получил. Каждый исследователь, определяя лидерство, делает акцент на какой-либо аспект этой проблемы.

Среди основных групп теорий политического лидерства. Выделим наиболее конструктивные из них.

Теории черт, или теории «великого человека», или харизматические теории лидерства представляют собой несколько ранних учений, возникших под влиянием исследования Ф. Гальтона, пытавшегося объяснить лидерство на основе наследственности. В рамках этого направления были предприняты исследования царских династий различных наций, анализ браков между правителями и т. д. Основной идеей данного подхода было убеждение в том, что если лидер обладает качествами (передающимися по наследству), отличными от его последователей, то эти качества можно выделить. Однако быстро выяснилось, что задача составления перечня таких черт невыполнима.

Вполне очевидные недостатки этой теории определили актуальность выдвижение новых идей, что определило разработку ситуативной теории лидерства, считающую, что появление лидера есть результат места, времени и обстоятельств. То есть в различных конкретных ситуациях групповой жизни выделяются отдельные члены группы, которые превосходят других, по крайней мере, в каком-то одном качестве, но, поскольку именно это качество и оказывается необходимым в данной ситуации, человек, им обладающий, становится лидером.

Для снятия возможных возражений в том, что теория рассматривает личность лидера как марионетку, Э. Хартли обосновал модификацию теории. Он, предположил, что, во-первых, если человек становится лидером в одной ситуации, не исключено, что он им станет и в другой ситуации; во-вторых, в результате стереотипного восприятия лидеры в одной ситуации рассматриваются группой как лидеры вообще; в-третьих, став лидером в определенной ситуации, человек приобретает авторитет, который способствует его избранию и в следующий раз; в-четвертых, лидером чаще выбирают человека, имеющего мотивацию к достижению этой позиции [151].

Однако такая размытая формулировка не сняла проблемы односторонности теории. Два крайних варианта породили третий, более или менее компромиссный вариант, – личностно-ситуативные теории. В частности, в 1952 г. Г. Герт и С. Милз выделили четыре фактора, которые необходимо учитывать при рассмотрении феномена лидерства:

- 1) черты и мотивы лидера как человека;
- 2) образы лидера и мотивы следовать за ним, которые существуют у последователей;
- 3) характеристики роли лидера;
- 4) институциональный контекст, т. е. те официальные и правовые параметры, в которых работает лидер и в которые он и его последователи вовлечены [151].

Р. Стогдилл и К. Шатл предложили изучать лидерство с точки зрения статуса, взаимодействия, восприятия и поведения индивидов по отношению к

другим членам группы. Таким образом, лидерство стало рассматриваться как отношения между людьми, а не как характеристика отдельного индивида [164].

Следуя этой традиции, Р. Кеттел предложил рассматривать лидерство как динамическое взаимодействие между целями лидера и целями и потребностями последователей, где функцией лидера является способствование выбору и достижению групповых целей [145]. В этой традиции работали также американские психологи Э. Холландер, Дж. Джулиан и др. [151].

На современном этапе развития политико-психологической науки практически все исследования в области проблематики политического лидерства можно отнести к ситуативно-личностным теориям, поскольку уже ни у кого не вызывает сомнения необходимость учета обоих факторов.

Однако кроме перечисленных традиций изучения лидерства необходимо упомянуть и о некоторых школах, которые внесли весомый вклад в изучение этой проблемы. Это теории ожидания-взаимодействия, наиболее яркими представителями которых являются Дж. Хоманс, Дж. Хемфилл, Р. Стогдилл, С. Эванс, Ф. Фидлер и др. Этой школе принадлежит попытка создания операциональной модели лидерства [151]. В частности, Ф. Фидлер предлагает «вероятностную модель эффективности лидерства», которая ставит акцент на интеграции влияния стилей лидерства (характеризующих личностные свойства лидера) и ситуативных переменных (включающих отношения между лидером и последователями, структуру, задачи, позицию власти лидера). Суть теории заключается в утверждении, что эффективность группы носит вероятностный характер в зависимости от соответствия стиля лидерства конкретной ситуации. Ф. Фидлер выделяет два возможных типа лидерства: ориентация на задачу и ориентация на межличностные отношения, иначе говоря, инструментальное и эмоциональное лидерство [152]. По мнению автора, стиль лидерства соотносится с ситуативными переменными (причем каждая переменная получает строгое количественное выражение) следующим образом.

1. Для лидера более благоприятна ситуация, в которой он имеет сильную власть.

2. Существование только одного способа достижения цели благоприятствует лидеру.

3. Личные хорошие отношения с последователями благоприятны для лидера [152, с. 78].

Наиболее благоприятная ситуация для лидера включает хорошие отношения с последователями, хорошо структурированную задачу, сильную позицию лидера. Из этой предпосылки Ф. Фидлер делает вывод, что ориентированный на задачу лидер более эффективен, когда ситуация либо очень благоприятна, либо очень неблагоприятна для него. А ориентированный на межличностные отношения лидер более эффективен в ситуациях только умеренно благоприятных или умеренно неблагоприятных. С нашей точки зрения, вряд ли инструментальное мастерство в чистом виде можно считать единственным основанием успешного политического лидерства.

Кроме указанных направлений исследования лидерства, широкое распространение получила ситуационная теория лидерства,

представителями которой являются С. Митчел, С. Эванс и др. [151]. В данной концепции эффективность лидера рассматривается в зависимости от его воздействия на мотивацию последователей, их способность к продуктивному выполнению задания и удовлетворение, испытываемое ими в процессе работы. Поведение лидера является мотивирующим в той степени, в которой оно увеличивает вероятность достижения последователями целей и разъясняет способы этого достижения.

Теория предполагает определенную структуру лидерского процесса, включающую:

1) типы лидерского поведения:

- поддерживающее лидерство (дружеские отношения с последователями, интерес к их потребностям и статус);
- директивное лидерство (регламентирующее и контролирующее действия последователей);
- разделенное лидерство (консультирование с последователями);
- лидерство, ориентированное на достижение (акцент на качественный результат).

Различные типы поведения могут быть использованы одним и тем же лидером в различных ситуациях;

2) установки и поведение последователей, включающие удовлетворение или неудовлетворение работой, одобрение или неодобрение лидера, мотивацию поведения;

3) ситуативные факторы: индивидуальные черты последователей; фактор окружающей среды (поставленная задача, система власти в группе и т. д.).

Фактор окружающей среды выполняет три функции, от которых зависит влияние лидера на мотивацию последователей:

- 1) функция мотивации последователей на выполнение операций по решению поставленной задачи;
- 2) функция стабилизации поведения ведомых;
- 3) функция вознаграждения за решение задачи.

Теория позволяет не только предполагать, какой стиль наиболее эффективен в данной ситуации, но и объяснять, почему.

Заметное место среди исследований проблемы лидерства занимают теория обмена и транзактного анализа, представителями которых являются Э. Берн, К. Джорджей, Г. Келли, Дж. Марч, Г. Саймон, Дж. Ти-бо, Дж. Хоманс [20, 151 и др.]. Этот подход рассматривает лидера как чувствующего потребности и желания своих последователей и предлагающего им способы их осуществления. Согласно этой точке зрения, акцент делается на процессе взаимодействия лидера и последователей.

Например, по мнению многих исследователей и политических деятелей, Ф. Рузвельт был тем лидером, которому можно доверить решение проблем, волнующих людей. Он пользовался доверием у американцев, и это был тот фактор, который объяснял сохраняющуюся поддержку населения при изменении администрацией своих программ и политики. После смерти Ф.

Рузвельта многие люди говорили, что они никогда его не встречали, но чувствуют, что потеряли самого близкого друга.

И наконец, атрибутивные теории рассматривают лидера как своего рода марионетку, получающую прямые указания и власть от своих последователей, которые приводят его в движение, как кукольник свою куклу.

Население каждой страны имеет определенные прототипы политического лидера, формирующиеся в процессе развития политической культуры общества. С одной стороны, это стихийный процесс, являющийся творчеством масс. С другой – это процесс целенаправленного воздействия на массовое сознание со стороны различных политических сил через средства массовой информации. И очень часто характеристики телевизионных героев проецируются на политических героев.

Данная точка зрения предполагает, что лидер отражает цели группы и действует от ее имени. Таким образом, для понимания лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях последователей.

Различное понимание феномена имеет причины в том, что исследователи политического лидерства рассматривают его с различных позиций. Однако большинство исследователей понимают этот феномен как взаимодействие лидера и его последователей. Также взаимодействие может быть рассмотрено либо при акценте на активности лидера, либо при акценте на активность последователей, либо как результат двустороннего влияния.

Нетрудно заметить, что все вышеперечисленные подходы по-своему правы и отражают какой-то аспект данной проблемы. Но, по-видимому, для понимания комплексного феномена политического лидерства необходим учет различных типов переменных, в совокупности определяющих природу лидерства в каждый конкретный момент времени.

Переменными, которые необходимо учитывать при объяснении данного феномена, являются:

- личность лидера, его происхождение, процесс социализации и способы выдвижения;
- характеристики последователей;
- отношения между лидером и последователями;
- контекст, в котором лидерство имеет место.

Расширим предложенную схему и определим, что имеется в виду под каждым из упомянутых четырех блоков.

I. Рассмотрение личности политического лидера предполагает анализ его:

- 1) представлений о себе самом, или Я-концепции;
- 2) мотивов и потребностей, влияющих на политическое поведение;
- 3) системы важнейших политических убеждений;
- 4) стиля принятия политических решений;
- 5) стиля межличностных отношений;
- 6) устойчивости к стрессу;
- 7) поведения лидера;
- 8) биографический анализ;
- 9) анализ эволюции его политической деятельности.

II. Анализ характеристик последователей включает в себя рассмотрение их:

- 1) потребностно-мотивационной сферы;
- 2) эмоциональной сферы;
- 3) процессов познания и восприятия;
- 4) типологических особенностей последователей, то есть национального характера, архетипов, ориентации, установок;
- 5) социально-психологических особенностей;
- 6) представлений, ценностей, идеологии, самооценки общества, прототипов политического лидера, системы убеждений, то есть образований, в которых сильно выражен ситуативный компонент;
- 7) структурных особенностей, существующих в среде последователей, включающий их организацию;
- 8) поведения, включающее обратную связь и самостоятельную активность.

III. Анализ отношений между лидером и последователями, включающий:

- 1) построение имиджа со стороны лидера;
- 2) восприятие, переработку информации и обратную связь со стороны последователей;
- 3) рассмотрение результата взаимодействия между лидером и ведомым в определенных ситуациях.

Надо иметь в виду, что в процессе взаимодействия с последователями лидер выступает не только как субъект, но и как объект влияния.

IV. Анализ контекста, в котором лидерство имеет место. Лидерство как процесс невозможно выделить из той социальной, политической, экономической обстановки, в которой оно протекает. Поэтому для окончательной характеристики феномена лидерства необходимо выделить те аспекты окружения, которые оказывают влияние на процесс лидерства или испытывают обратное влияние.

Описывая в общих чертах проблему контекста, выделяются возможные точки соприкосновения политической психологии, в рамках которой исследуется проблема лидерства, и других дисциплин, так или иначе затрагивающих этот вопрос (география, демография, экономика, социология, культурная антропология и т. п.).

При таком рассмотрении процесса политического лидерства на первый план выступают отношения лидера с последователями, что является важной детерминантой этого процесса. Не случайно поэтому некоторые авторы считают отношения «лидер – последователи» доминирующим фактором, определяющим лидерство. Например, М. Эдельман считает, что лидерство определяется специфической ситуацией и проявляется в ответе последователей на действия и обращения лидера [151]. Если они отвечают благосклонно, следуют за ними, то это лидерство, если нет – это лидерством назвать нельзя. Выбор лидера узко предписан требованиями последователей, и никакой набор индивидуальных черт не способствует лидерству, хотя специфические черты могут быть полезны в особых ситуациях. Лидерство – это комплексная и тонкая

вещь, и мы учимся искать динамику лидерства в ответах масс, а не в статических характеристиках индивида.

Итак, определив, что имеется в виду под фено-меном лидерства вообще и политического лидерства, в частности, важно довести анализ до логического завершения, то есть определить, как научные данные применить на практике. В этом вопросе мы разделяем подход Г. Пэйджа, который считает, что «политическое лидерство – это поведение людей, находящихся в позиции власти, их соперников, их взаимодействия с остальными членами общества» [151].

Политическое лидерство означает не только поведение людей, находящихся на высших ступенях власти, но и тех, кто находится на среднем и более низком уровне; не только монархов, президентов и премьеров, но и губернаторов, мэров, лидеров партийных организаций и т. д. Под политическим лидерством имеется в виду не только лидерство отдельных личностей, но и коллективное лидерство и взаимодействие лидера со своими последователями как единое образование. Это означает существование лидерства в определенном типе общественных институтов (например, партии, законодательной власти, оппозиции, бюрократии) или в политических процессах (например, в процессах принятия политических решений, выборов).

В целом проблема лидерства в политической психологии занимает ключевое место, так как субъективный фактор в политике определяет ее цели, содержание и практическое проведение. От лидерских качеств любого политика зависит стиль его деятельности, взаимоотношения в политической организации, успех реализации выдвигаемых целей и задач.

С учетом конструктивных положений отмеченных и других теорий лидерства представляется возможность использовать их потенциал для практического решения этой актуальной проблемы. Здесь в поле зрения попадают прежде всего такие ее основные стороны, как: личность политического лидера; потребности, мотивы и убеждения лидеров, влияющие на политическое поведение; непосредственно политическая деятельность как стиль лидерства.

Личность политического лидера является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов, основными из которых являются: представления политического лидера о себе самом; потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение; система важнейших политических убеждений; стиль принятия политических решений; стиль межличностных отношений; психогенная устойчивость.

Представления политического лидера о самом себе воплощаются в его Я-концепцию. Эта идея получила свое выдвижение и развитие у З. Фрейда, А. Адлера, Г. Лассуэлла, С.Л. Рубинштейна и других психологов. Применительно к политической деятельности человек рассматривается ее субъектом, в которой он творчески самореализуется [91, 124, 156 и др].

Если З. Фрейд, а затем А. Адлер ориентировались на идею компенсации реальных или воображаемых дефектов личности, то внимание Г. Лассуэлла

было приковано к развитию представлений человека о самом себе, степени развития и качеству самооценки и их воплощению в политическом поведении. Его гипотеза состояла в том, что некоторые люди обладают необычайно сильной потребностью во власти или других личностных ценностях, таких, как привязанность, уважение, как средства компенсации травмированной или неадекватной самооценки. Личные Ценности или потребности такого рода могут быть рассмотрены как эго-мотивы, поскольку они являются частью эго-системы личности.

А. Джордж в одной из своих работ продолжил линию Г. Лассуэлла о стремлении к власти как компенсации низкой самооценки. Он детально рассмотрел возможную структуру низкой самооценки и считает, что низкую самооценку могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях: чувство собственной неважности, незначительности; чувство моральной неполноценности; чувство слабости; чувство посредственности; чувство интеллектуальной неадекватности.

Уже после того, как Г. Лассуэлл привлек внимание политологов и политических психологов к роли самооценки в политическом поведении лидера, появился целый ряд исследований, посвященных представлению политика о себе.

Политических лидер в любой ситуации, за редким исключением, ведет себя в соответствии с собственной Я-концепцией. Поведение его зависит оттого, кем и как он себя осознает, как он сравнивает себя с теми, с кем он взаимодействует.

Я-концепция, то есть осознание человека, кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них – это образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера. У. Стоун приводит рассуждение классика психологии У. Джеймса, что наша самооценка может быть выражена как отношение наших достижений к нашим претензиям [151]:

$$\text{УСПЕХ} = f \left(\frac{\text{САМООЦЕНКА}}{\text{ПРЕТЕНЗИИ}} \right).$$

Отечественные и зарубежные исследователи рассматривают образ Я – политика, который соответствует общей сумме восприятий, представлений, чувств и осознания человека по отношению к себе. Они могут быть более или менее ясно представлены в образе Я, в котором отдельные авторы выделяют такие части, как физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, духовное Я, креативное Я и конфликтное Я. Следует подчеркнуть, что Я политика характеризует его интегральную субъективность в политической самореализации. Отечественные психологи и акмеологи характеризуют Я-концепцию более сложно и многовариантно.

Сложность Я-концепции понимается как число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером, или как степень дифференциации Я-концепции. На ранних стадиях самосознания происходит отделение человеком себя от других. Далее, Я в его сознании разделяется на неограниченное число

частей. Впоследствии у человека проявляется тенденция оценивать себя в сравнении с другими людьми.

Этот процесс получил подробный анализ в теории социального сравнения Л. Фестингера [151]. Главным положением этой теории является утверждение, что в основе стремления человека правильно оценить свое мнение и способности в сравнении с другими людьми, лежит потребность иметь ясную и определенную Я-концепцию. Через процесс социального сравнения у человека устанавливаются рамки социального рассмотрения Я как точки отсчета. Установлено, что люди с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой сложностью Я-концепции. Поскольку сложность Я-концепции связана с восприятием сходства с другими людьми, то политики с высокой сложностью Я-концепции более вероятно воспримут информацию от других. Политические лидеры с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, реагировать на ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью Я-концепции.

В то же время, чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой менее зависимы от внешних обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых они основывают свою самооценку.

Политические деятели с низкой самооценкой оказываются более зависимыми от других людей и, таким образом, более реактивными. Они являются более чувствительными к обратной связи и изменяют свою самооценку в зависимости от одобрения или неодобрения других.

Р. Зиллер и его коллеги разработали типологию личности политических лидеров на основе исследования самооценки и сложности Я-концепции [151]. Первый тип составляют лидеры с противоречивым на первый лишь взгляд названием аполитичные политики. Это деятели с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, которые ассимилируют новую информацию, касающуюся их, без угрозы для их Я-концепции, но при этом для их реактивности существуют серьезные ограничения. Они чувствуют

себя оторванными от других, и поэтому с трудом реагируют на поведение своих последователей или населения государства в целом. Другой тип, наиболее удачливый в политике, — прагматики. Это политические лидеры с низкой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, отвечающие на широкий круг социальных стимулов. Они прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи.

Третий тип составляют политические лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, не реагирующие на мнения других. Их познавательные процессы и поведение очень жесткие, а самооценка чрезвычайно стабильна. Это «идеологи», столь знакомые нам по Политбюро КПСС.

Четвертый тип – это деятели с низкой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, которые сильно реагируют на узкий круг социальных стимулов. Их назвали недетерминированными. В американской истории ни президенты такого типа, ни крупные лидеры в партиях неизвестны.

Самооценка политического лидера накладывает очень важный отпечаток на его деятельность. Лидеры с адекватной самооценкой представляют лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между последствиями акций и ними самими работает неукоснительно. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает других лидеров. Не боясь, что его унижат, обидят, обойдут, твердо зная собственную высокую цену, считая себя не хуже тех, с кем ему приходится взаимодействовать, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду. Отсутствие невротического компонента в самооценке приводит, как правило, к его отсутствию и в политическом поведении.

Потребности, мотивы и убеждения лидеров, влияющие на политическое поведение

Политическое поведение лидера является целенаправленным и мотивированным. Существует множество различных личностных потребностей, которые связаны с его политической деятельностью. Среди них

следует выделить основные потребности, мотивирующие политическое поведение лидеров: потребность во власти; потребность в контроле над событиями и людьми; потребность в достижении; потребность в принадлежности, то есть в принадлежности к какой-то группе и получении одобрения.

Потребность во власти политического лидера имеет давнюю исследовательскую историю. К настоящему времени существуют различные концепции потребности во власти, одной из самых старых является концепция Г. Лассуэлла и А. Джорджа, понимающих потребность во власти как компенсаторную [156]. В отечественной политической психологии нашла развитие концепция мотивации достижения. Ее целостное отражение представлено в акмеологии. Согласно акмео-логической концепции политик испытывает потребность и мотивирован на продуктивную и творческую самореализацию как целостный феномен, проявляясь как индивид, личность, субъект политики и неповторимая индивидуальность. Такая его направленность обеспечивается благодаря сформированным убеждениям, которые определяют характер его саморазвития и самореализации в политической сфере.

Эти убеждения определяют политическое поведение лидера. Убеждения политического лидера относительно окружающего мира организованы в характерную для него систему. Эта система убеждений позволяет ему ориентироваться в окружающей его политической реальности, интерпретировать ее и избирать соответствующую стратегию взаимодействия. Однако не все убеждения являются одинаково стабильными: те из них, которые помогают политическому лидеру лучше понимать окружающий мир и

адаптироваться к нему – получать знания и прояснять познавательную картину, – являются более открытыми к изменениям. Другие, основанные на внутренних потребностях установления и сохранения самоидентичности, защищающие против внутренних конфликтов и внешней опасности, напротив, более устойчивы к изменениям.

Мы можем их понимать как стратегические и тактические убеждения. Философские (стратегические) политические убеждения: о природе политики (конфликт или гармония), образ оппонента (сотрудник или враг), образ союзника (вести себя с ним автономно или осуществлять совместные действия), о контролируемости истории, о предсказуемости исторических событий, оптимизм (пессимизм). Инструментальные (тактические) убеждения: убеждения о выборе целей с помощью прагматического решения проблемы или моралистической идеологии, приоритетах (внешняя политика или внутренняя), своей способности контроля над риском (высокий риск или низкий), выборе времени действия (переговоры с позиции силы или слабости), используемых средствах (вооруженная интервенция и невмешательство), своей деятельности (она должна быть активная или пассивная).

Система убеждений выполняет три взаимодополняющих функции: помогает определить ситуацию и установить ее наиболее выдающиеся характеристики; создает средства для понимания политической и международной систем и потенциалы для действия в них; задает параметры, которые устанавливают круг возможных действий и приоритетов среди них.

Системы убеждений различаются по своей форме. Наиболее важными отличиями являются степень открытости и степень сложности системы убеждений политического лидера. Открытость системы убеждений связана с восприимчивостью политического лидера к информации, которая противоречит его убеждениям, а также с его способностью и желанием изменять систему в соответствии с новой информацией.

Непосредственно политическая деятельность как стиль лидерства проявляется не только в особенностях принятия решений, но и в организации их выполнения. Стиль принятия политических решений предполагает особенность привлечения собственного творческого потенциала при использовании предпочитаемых средств и методов решения этой задачи. Стиль принятия решения составляют несколько компонентов: подход к получению новой информации; характеристики мышления; предпочтение определенной величины риска; когнитивная активность, то есть способность к анализу и синтезу; информационные процессы; последовательная целеобусловленность и способность противостоять двойственности.

Подход к получению информации о политических объектах является очень важной характеристикой лидера, определяющей остальные познавательные процессы. Здесь возможны различные варианты подходов к информации, но, главным образом, выделяются три:

- 1) склонность воспринимать лишь ту информацию, которая совпадает с собственной точкой зрения;

2) склонность получать максимальную информацию во всех сторонах вопроса, отсутствие боязни противоречащей его точке зрения информации;

3) склонность получать любую, как позитивную, так и негативную, информацию о проблеме, но в сжатой до предела, схематической форме.

В оценке стиля принятия решения политическим лидером очень важным критерием является когнитивная активность, то есть уровень дифференциации и интеграции, который характеризует информационный процесс политического лидера. Она проявляется в письменных и речевых текстах.

Когнитивная активность имеет два взаимосвязанных аспекта сложности: концептуальную сложность и интегративную сложность. Концептуальная сложность представляет собой степень дифференциации, которую политический лидер демонстрирует при описании или обсуждении других людей, политики, идей или вещей. Чем более концептуально сложными политический лидер может видеть различные причины и стороны событий и явлений, тем более он склонен считаться с возможностью двойственности в окружающем мире и тем более гибок он в реагировании на объекты или идеи. Чем более концептуально прост политический лидер, тем сильнее у него тенденция классифицировать объекты и идеи с помощью полярных измерений: хорошо – плохо, черное – белое, или – или; тем сильнее его нежелание видеть двойственность в окружении и реагировать скорее однообразно на объекты и идеи.

Интегративная сложность означает способность соотносить различные элементы и измерение проблемы или ситуации путем создания комбинаций, синтеза, интеграции. Различные уровни дифференциации и интеграции в информационном процессе имеют результатом различные стратегии решения.

Таким образом, интегративная сложность является атрибутом процесса получения, интерпретации и интеграции информации.

Гибкость мышления политического лидера тесней-ше связана с его подходом к получению информации. Если он получает широкую и разностороннюю информацию, то он оперирует более адекватными объемными образами, позволяющими мыслить большим набором категорий. В то же время жесткость мышления не редко определяется большим количеством политических стереотипов, однако стереотипность мышления не может рассматриваться однозначно как препятствие к изменению политического курса, повороту его в иное русло. Стереотипность сужает эту способность, но все же политик, оперирующий в основном в своем мышлении политическими стереотипами, может трансформировать свое поведение в мире, придать ему другую направленность.

Продуктивность мышления отражает способность лидера к рождению новаторских и оправданных реальностью политических идей. Не секрет, что в большинстве правительств мира политическая стратегия вырабатывается определенной группой людей. Однако политический лидер весьма часто стоит перед задачей быстрого решения, принципиально нового подхода к проблеме, без опоры на советников и экспертов. В таких ситуациях непродуктивность мышления может привести политического лидера к серьезным затруднениям и

даже кризисам. При динамическом развитии политической ситуации, особенно конфликтной, неспособность к принципиально новым подходам и идеям столь же губительна, как и опора на отжившие и уже не соответствующие моменту стереотипы.

Скорость мышления политического лидера – очень существенная характеристика для выживания как его государства в момент военно-политического кризиса, так и его самого в качестве главы правительства. Конечно же, можно говорить лишь об относительной медлительности мышления у некоторых политических лидеров, поскольку тугодум просто в силу естественного отбора не может стать лидером государства.

Аналитичность мышления лидера существенно влияет как на формирование долгосрочной политической стратегии, так и на принятие экстренных решений в острых политических и международных кризисах. Способность выявить все составные элементы ситуации, их взаимосвязь, структуру в целом позволяет лидеру увидеть причинно-следственные связи в политических явлениях.

Стиль принятия политических решений строго индивидуален для каждого политического лидера. Это может быть гибкий стиль со склонностью к риску или со склонностью к осторожности; жесткий со склонностью к риску или со склонностью к осторожности; эмоционально зависимый или рациональный; креативный или стереотипный; интро- или экстравертно направленный и др.

Другая сторона стиля лидерства проявляется в его межличностных отношениях. Успех политического лидера в межличностных отношениях зависит в том числе и от совместимости его потребностей с потребностями других партнеров по общению. Политические лидеры с сильной потребностью в личном контроле поведения других людей хорошо совместимы с теми, у которых развита потребность быть контролируемыми. Политические лидеры с сильной потребностью в эмпатии совместимы с теми, у кого есть потребность давать любовь людям. Политические лидеры с высокой мотивацией достижения совместимы с теми же, кто стремится к достижению собственных вершин.

Существуют несколько особо значимых личностно-профессиональных качеств политических лидеров, составляющих их стиль взаимодействия с другими субъектами политики, как способствующих, так и осложняющих выполнение политических функций, – это доминирование, доверие к другим, «макиавеллизм» (склонность к манипулированию) и другие. При этом политическому лидеру важно также обеспечивать устойчивость к стрессу и способность к его преодолению.

Политические лидеры постоянно испытывают действие стресса в связи с хронической необходимостью принятия решения по различным делам государственной важности. Стресс как субъективное состояние организма имеет различные уровни: психологический, психофизиологический, физиологический и другие. В исследованиях психологического стресса у

политических лидеров широко распространенными являются понятия «стимул», «стрессор», «реакция».

Проблема интерпретации стрессора неизбежно подводит к двум другим вопросам, касающимся реакции политического лидера на стресс: во-первых, реакции должны иметь чисто индивидуальный характер и, во-вторых, реакция будет зависеть от степени идентификации политическим лидером собственных целей с государственными.

Индивидуальный характер реакции политического лидера на стресс обусловлен действием различных особенностей его организма в широком диапазоне: от уровня выделения гормонов катехоламинов и скорости реакции до специфических процессов восприятия и мышления, позволяющих ему воспринимать серьезные стимулы как слабые или наоборот. Реакция на стресс будет изменяться также в зависимости от выработанных политическим лидером в своем раннем опыте личностных защитных механизмов.

В поведении политического лидера возникают определенные вербальные (словесные) и невербальные изменения, свидетельствующие о том, что политический лидер выдерживает стресс. Внешними индикаторами стресса являются выражение лица; жесты; движения тела; характеристики голоса; содержание и структура речи и другие.

Во время стресса возникает раздраженность, сопровождающаяся возрастанием числа заявлений о дискомфорте, оценочных заявлений, улыбок через силу, а также уменьшения позитивных кивков головой. Кроме того, у политического лидера в состоянии стресса значительно повышается бдительность. Он внимательно фиксирует других людей взглядом, смотря прямо в глаза, сохраняя при этом очень жесткую позу.

Адаптация к стрессу включает продолжающуюся оценку или переоценку любых возможных реакций на стресс. Адаптация может идти по пути активизации защитных личностных механизмов или по пути выработки новых форм поведения, обычно не свойственных политическому лидеру. Часто отмечается также изменение интенсивности различных форм поведения, иногда до их полного спада.

Типичными проявлениями адаптации политического лидера к стрессу с помощью личностного защитного механизма являются: избегание ситуации угрозы, дистанцирование себя от события или отрицание самой ситуации; борьба с угрожающей ситуацией с целью ее устранения; бездействие. Наиболее распространенными следствиями стресса, переживаемого политическими лидерами, являются следующие: фиксация на одной-единственной альтернативе; упрощение противника и его возможностей; усталость; ограничение временной перспективы и игнорирование будущих последствий; использование исторических аналогий для диагностики данной кризисной ситуации; спад чувства ответственности за исход решения; тенденция консультироваться только с единомышленниками.

Стресс в пределах от малого до умеренного может даже облегчить процесс принятия решения, ускорить время реакции, в том числе за счет активации нервной системы кортикостероидным гормоном. Однако сильный

стресс приводит к деградации когнитивных процессов и снижает эффективность и качество принятия политических решений в кризисных ситуациях.

Для многих политических лидеров в силу их личностной организации самым сильным периодом кризиса в плане стресса является начальный и неопределенный период, когда еще нет ясности о природе ситуации, о задачах, стоящих перед ним, о времени, отведенном на принятие решения.

На следующей фазе кризиса многое проясняется и ситуация становится более четкой. И тут выделяются различные группы лидеров в зависимости от психологической и психофизиологической реакции на стресс.

Для одних даже при продолжающемся кризисе наступает облегчение, спад напряжения, так как самый сильный стрессор – двойственность и неопределенность – позади. Для других до принятия решения стресс не только продолжается, но и накапливается, приводя к качественному скачку всех «патологических» изменений к реально патологическим, например, чрезмерную подозрительность в параноидальное состояние. Для третьих стресс ощущается даже длительное время спустя самого кризиса в «распыленном» виде из-за воспоминаний, постоянного критического обдумывания правильности своих действий, травмированной в ходе кризиса самооценки.

Непосредственно политическое лидерство проявляется как влияние субъекта политики на ее объекты. Оно предстает как процесс, через который поведение политического лидера производит изменение в состоянии других людей, их знания, установок, верований и представлений о каких-либо аспектах окружающего мира, в соответствии с которыми они проявляют собственную активность. Влияние может также затронуть чувства, ценности, мотивацию, отношение к тем или иным вещам и явлениям, поведение свое и других участников политического взаимодействия.

Влияние, будучи процессом взаимодействия между людьми, является психологической основой лидерства, чтобы стать лидером и оставаться им, человеку Мало обладать потенциальной властью, надо пользоваться ей, постоянно оказывать влияние на других людей, навязывать им свою волю и проводить через них свои решения, превращать этих других в своих последователей.

Лидерство – это не все виды влияния, которые может оказывать на человека другой человек или группа, а прежде всего так называемая субъектная активность, т. е. активное воздействие политического лидера на других, причем значительно сильнее, чем они влияют на него, вызывая при этом в объекте воздействия желаемые изменения. В случае лидерских отношений тот, кто влияет – субъект влияния – является фиксированным лицом, и его влияние сохраняется на протяжении длительного времени.

Политическое лидерство на различных уровнях социальных отношений, по сравнению с лидерством в малой группе, имеет ряд существенных отличий. Эти отличия позволили У. Стоуну выделить два самостоятельных типа лидерства: лидерство лицом к лицу, осуществляемое в небольших группах, где все участники процесса имеют возможность непосредственно

взаимодействовать между собой, и отдаленное лидерство, т. е. лидерство вождей, за которыми идут многочисленные массы [166].

Политической коммуникацией, связанной с лидерством, мы будем называть все сообщения, прямо или косвенно предающие смысл деятельности лидера, его образ и т. д. Благодаря им лидер осуществляет свое политическое влияние. При этом политическую коммуникацию, большей частью осуществляемую с помощью языка, следует понимать и как обмен информацией, и как обмен действиями. Политическая коммуникация является тем более сильным средством влияния, чем более скрыто это влияние. Политические сообщения посвящены конкретным событиям, проблемам и решениям, часто они выглядят как констатация фактов, но в действительности создают определенное отношение к этим фактам и специфическое понимание смысла событий.

Однако не только лидеры, но и другие субъекты и объекты политики (последователи) имеют средства влияния на лидеров. Они могут по-разному реагировать на лидерские действия и включаться в процесс политической коммуникации, как его союзники или оппоненты. Могут совершать действия в соответствии с волей лидера или игнорируя его. Процесс воздействия лидеров и последователей динамичен и практически бесконечен. Лидер постоянно должен завоевывать свою лидерскую позицию у своих последователей. Последователи корректируют свое отношение к данному лидеру или выбирают нового лидера. Лидер, пытающийся завоевать и сохранить своих последователей и официальный пост, должен быть постоянно в деятельности и не прекращать работу по утверждению своего влияния. Однако, чтобы добиться успеха, он обязан использовать разнообразный арсенал средств, выбирать различные методы и стратегии влияния.

Итак, на чем же может основываться могущество политического лидера, позволяющее ему влиять на других? Если во второй половине XIX века проблему влияния предлагалось решать через внушение и гипноз, в начале XX века – с большим учетом рационального и необъяснимого, то в настоящее время привлекается весь творческий потенциал самореализующегося политического лидера. Кроме того, для его легитимности полнее используются социально-правовые основания, потенциал психологии, в том числе когнитивной, необихевиористской и других психологических школ.

В данном контексте разнообразные основания лидерства и влияния на людей раскрываются в работах «рационалистического» направления. Основные из них наиболее полно обобщены в многочисленных работах Б. Рэйвена [165]. Он выделяет 6 таких оснований: 1) обещание награды; 2) угроза наказания; 3) узаконенность подчинения одного другому; 4) знание и опыт (экспертная власть, базирующаяся на том, что объект приписывает влияющему субъекту превосходящие знания или способности); 5) референтность (или идентификация – базис власти проистекает из чувств внутренней идентичности, из ощущения объектом единства с субъектом и, следовательно, чувства, что он или она желает видеть вещи так же); 6) информация (убеждение – власть, или

убеждение, опирается на информацию или логические аргументы, которые влияющий субъект может «забрасывать» в объект как инструмент изменения).

Кроме этих шести базисов лидерства и власти лидера, Б. Рэйвен особо выделяет седьмой – не прямые методы влияния. Они сводятся к тому, что, вместо того, чтобы влиять на объект прямо, лидер может изменить ситуацию так, что объект будет вынужден подчиниться. По сути дела, все эти основания, за исключением тех, на которых основано не прямое влияние, включают средства влияния, не зависящие от конкретного чело века, являющегося лидером, но связанные с его официальной позицией, ролью или положением в обществе; средства влияния, непосредственно связанные или зависящие от личности лидера; вербальные (речевые) средства воздействия.

Механизмы и средства влияния, которые использует политический лидер, взаимодействуя с другими субъектами и объектами политики, определяются конкретными политическими задачами, ресурсами, которыми обладает лидер, его общими мировоззренческими и политическими позициями, и теми моделью, алгоритмом и технологией влияния, которые он выбирает, исходя из этих условий. Власть, имеющая под собой различные основания, по-видимому, требует различных средств и различных процедур ее реализации, различного поведения лидера и последователей.

Одновременно с демонстрацией своей исключительности, лидер должен показывать своим последователям, что он один из них, такой же, как они. Это сходство лидера и последователей может проходить в двух планах. Во-первых, последователи хотят видеть своим лидером того человека, который разделяет их ценности и идеалы, их моральные нормы. Во-вторых, политик стремится показать, что он обыкновенный человек, обладающий такими же маленькими слабостями и привычками, что и его избиратели. Что он вышел из народа, доступен для него и будет представлять его интересы в коридорах власти.

Таким образом, чтобы понять феномен политического лидерства, важно проникнуть в его природу, выявить сущностные признаки, механизмы и условия достижения желаемой продуктивности. Психологические характеристики политического лидера, различных сторон его деятельности и общения раскрывают основные стороны актуальной проблемы. Политическая психология, опираясь на достижения различных наук, эмпирические данные, позволяет системно и всесторонне охарактеризовать все основные стороны политического лидерства. Практика последних лет показывает, что без обращения к этим глубинным слоям психологической теории личности, деятельности и общения, созданных отечественными и зарубежными исследователями, невозможно обеспечить концептуальной направленности и практической действенности политического лидерства, а значит, не может стать востребованной реальной современной практикой.

3.3. Массовое стихийное поведение

Изучение массового стихийного поведения началось со второй половины XIX века и привело к формированию двух основополагающих социально-психологических школ: немецкой психологии народов (М. Лазарус, Г. Штейнталь, В. Вундт) и франко-итальянской психологии масс (Г. Лебон, Г.

Тард, В. Парето, Ш. Сигеле). В России массовидные явления изучались М.Г. Михайловским (субъективная социология), В.М. Бехтеревым (коллективная рефлексология), А.Л. Чижевским (гелиопсихология).

Однако в 30-е годы данная проблематика была сочтена неактуальной для социалистического общества и идеологически вредной, как и большинство других тем, изучаемых социальной и политической психологией. Их систематическое изучение, по существу, прекратилось, между тем как в Западной Европе и Америке 20–60-е годы отмечены всплеском интереса ученых, политиков и военных к проблематике стихийного поведения.

В СССР исследования возобновились лишь в конце 60-х годов в рамках закрытых учреждений международного отдела ЦК КПСС, МВД и, предположительно, Министерства обороны. В известной мере это были переложения и компиляции зарубежных работ (частично засекреченных), причем до начала 90-х годов открытые публикации в нашей стране были единичны. Переход к системному познанию проблемы массового стихийного поведения начинается в отечественной науке с середины 90-х годов XX века.

Обобщение достижений современного научного анализа проблемы массового политического поведения позволяет в рамках политической психологии выделить наиболее существенные признаки данного феномена. Массовое стихийное поведение (англ. *coll-ecive behavior*) – термин политической психологии, которым обозначают различные формы поведения толпы, циркуляцию слухов, паники и прочих массо-видных явлений. Прежде всего следует отметить, что его характер и направленность зависят и определяются массовым сознанием.

В массовом поведении, безусловно, сказывается детерминирующая роль массового сознания, которое понимается как отражение материальных условий жизни, труда и отношений. При этом массовое сознание рассматривается стержнем всех отмеченных компонентов и имеет ряд особенностей: является производным, прежде всего, от экономического базиса общества и по содержанию охватывает все его социально-политические и экономические проблемы; носит многоплановый системный характер, обеспечивающий интеграцию различных форм сознания – правового, этнического, политического, профессионального, стихийного и др.; проявляется на трех уровнях – индивидуальном (отдельного человека), групповом (малых групп) и целостном (общественном); играет активную преобразующую роль в поведении и отношениях.

Массовое сознание, как интегративная детерминанта массового поведения, имеет ряд особенностей – высокую динамичность, противоречивость и спонтанность, так как формируется и изменяется под действием более широкого и мобильного спектра факторов; существенно зависит от устойчивости интеграции различных реально действующих факторов и условий; неоднозначно и противоречиво проявляется на индивидуальном, групповом и массовом уровнях.

Массовое сознание обуславливает характер таких явлений, как массовое мнение, настроение и поведение. С его организующим началом связаны

направленность и характер организованного и стихийного поведения. Поэтому интересующий феномен – стихийное массовое поведение, являющееся разновидностью массового поведения, важно исследовать с учетом влияния на него массового сознания и массового мнения.

В отличие от организованных политических групп, стихийные выступления предъявляют к своим участникам иные психологические требования. К числу стихийных форм поведения относятся как незапланированные поступки, совершаемые отдельными людьми, так и неорганизованные массовые выступления, бунты, восстания, митинги протеста и т. п. Политическую психологию значительно больше интересуют именно массовые формы, в силу их политической значимости и потому, что в них действуют иные психологические законы, чем в индивидуальном поведении.

До последнего времени мы мало интересовались такой экзотической проблематикой, как поведение толпы, паника, слухи. Со времен Лебона и Тарда психология мало что добавила к представлению о механизмах массовой агрессии или энтузиазма. Но события, происходящие в отечественной политике, подтолкнули поиск психологов в этом направлении. Нарастание стихийных элементов политического поведения показало неготовность властей, воспитанных в иных условиях, обеспечить безопасность граждан, участвующих в митинге, который выходит из-под контроля и превращается в погром.

Стихийное поведение чаще всего является массовой реакцией людей на политический кризис и нестабильность. Для этой реакции характерно преобладание иррациональных, инстинктивных чувств над осознанными и прагматическими.

Собственно психологические факторы, такие, как нарастание чувства неуверенности, страха, недоверия к официальным средствам информации, ведут к появлению слухов, панике, агрессии. Эмоции людей, находящихся в массе, распространяются по своим собственным законам: это многократное усиление эмоций под влиянием заражения и внушения, получившее наименование циркуляторной реакции.

Следует учесть, что, хотя описываемые действия имеют действительно стихийный характер, всегда находятся политические силы, готовые использовать этот эффект стихийности и получить от них определенный политический капитал. Наиболее характерны в этом смысле разного рода экстремистские, националистические движения, которым свойственно стремление воздействовать на бессознательную, иррациональную мотивацию участников политического процесса. Политические психологи установили, что именно для политиков этого спектра характерен «большой репрессивный потенциал, т. е. склонность к агрессивному поведению и применению насилия, авторитарная структура личности». Но не в меньшей степени важно и то, что такие политики опираются на определенные социальные слои, которые являются их социальной базой. Это, прежде всего, такие социальные группы, которые в силу условий жизни становятся благодатной почвой для соответствующего воздействия. В древности их называли охроем (черню) в отличие от демоса (народа).

Наиболее податливы к распространению стихийных форм политического поведения маргинальные группы в силу утраты традиционных ценностей, привычных социальных ориентиров, отчуждения. Быстро меняющиеся условия жизни вызывают протест против стирания вероисповедальных, национальных, расовых и иных барьеров, служивших опорой их мировоззрению.

Можно выделить целый набор ценностей и целей, установок и стилевых особенностей, которые характерны для экстремистского поведения. Первое, что бросается в глаза, – это духовная ущербность и антиинтеллектуализм таких движений. Они апеллируют к предрассудкам, которые наиболее пышно расцветают именно в маргинальных группах. Однако идейные соображения не являются ни главным механизмом, ни главной ценностью экстремистских движений. В первую очередь они опираются на бессознательные структуры, эмоции, инстинкты, веру, предрассудки и суеверия. Стихийность, как правило, умело насаждается и умело используется политическими лидерами, что способствует сплочению людей вокруг них.

В данном контексте прежде всего следует выделить феномен толпы и закономерности ее проявления. Толпа рассматривается политической психологией как множество людей, не связанных между собой общностью цели и единой позиционно-ролевой организацией, но объединенных общим центром внимания, сходством эмоционального состояния и в некоторой степени проявляющих массовое сознание.

Толпа – разновидность социального организма. По характеру чувствования и поведенческого реагирования она существенно отличается от организованной группы и требует кардинально иных механизмов, приемов и навыков управления. Вместе с тем различия между толпой и группой не дискретны: между крайними полюсами наблюдается множество промежуточных состояний. В частности, сконцентрированная масса людей обычно приобретает некоторые свойства толпы, сохраняя при этом и качества организованной группы.

Причины и непосредственные поводы к возбуждению недовольства или энтузиазма толпы могут быть самыми разнообразными и необязательно политическими: от повышенной активности Солнца до падения курса национальной валюты.

Исследователи подчеркивают, что в толпе человек чувствует себя анонимным, что подталкивает его к действиям более рискованным и безответственным. Эти действия могут быть героическими, но в той же мере вероятны насилие, вандализм и хулиганство. Иррациональность поступков объясняется стадным чувством, которое позволяет отдельным участникам отключить свою волю, сознание и действовать по законам толпы.

Толпа как тип социальной группы характеризуется аморфностью, однородностью структуры. В ней либо вообще нет лидера, либо, если он появляется (а нередко это происходит благодаря самоназначению), то все члены группы делятся на две роли: лидер и его последователи. При этом власть лидера бывает неограниченной, так как его последователи не размышляют, а слепо следуют его приказам.

Поведение людей в толпе определяется закономерностями разных уровней. В ней действуют и чисто физические движения, которым подчиняется география толпы. Эти законы имеют такую же физическую природу, как и законы колебания морских волн. На человека в толпе действуют духота, резкие звуки (выстрелы). Нередко стихийные действия подогреваются такими факторами, как алкоголь и наркотики, что приводит к дополнительным эффектам.

Механизмы образования толпы: слухи и циркулярная реакция. Слух – процесс передачи эмоционально актуальной информации по средствам коммуникации. Циркулярная реакция (синоним: эмоциональное кружение) – процесс обоюдного заражения, по мере интенсификации которого взаимодействие между индивидами опускается с семантического (коммуникация) на психофизиологический уровень.

Эмоциональное кружение сопровождает любое массовое мероприятие или акцию: совместное восприятие музыки, спектакля, манифестации, митинга, боевой атаки и т. д. До некоторого оптимального уровня оно способно служить сплачивающим фактором (в таком случае даже используют особый термин – фасцинация). Однако, выплеснувшись за рамки оптимума и выйдя из-под контроля, циркулярная реакция оборачивается своей противоположностью – становится фактором деградации и разрушения совместной деятельности.

Вероятность такого хода событий (соответственно, опасность возникновения крайних форм поведения толпы) возрастает в период социальной напряженности, вызванной природными, экономическими или политическими катаклизмами. Поэтому в подобные периоды необходима особая внимательность к уличным событиям соответствующим образом подготовленных спецслужб.

Природа феномена заражения не вполне ясна. Не исключено, что определенную роль в этом процессе играет колебание в структуре электромагнитного или каких-либо иных физических полей, образуемых живым телом, особенно нервной системой и мозгом, чувствительность к которым повышается именно в силу упоминавшейся эволюционной регрессии, снижения интеллектуального самоконтроля. Здесь заслуживают внимания исследования А.Л. Чижевского и его последователей, демонстрирующие влияние астрофизических и геофизических процессов на интенсивность биотической и социальной активности.

В отличие от коммуникации, в процессе которой индивидуальность каждого партнера сохраняется и в тенденции возрастает (именно включенность в различные каналы социального общения в решающей мере обуславливает личностную уникальность), эмоциональное кружение ситуативно стирает индивидуальные различия. Снижается влияние на поведение личностного опыта, личностной и ролевой идентификации, здравого смысла. Индивид чувствует и поведенчески реагирует «как все». Происходит эволюционная регрессия: актуализируются низшие, более примитивные пласты психики, и группа деградирует в толпу.

У человека, охваченного процессом кружения, возрастает восприимчивость к импульсам, исходящим изнутри толпы, и одновременно снижается восприимчивость к импульсам извне.

Соответственно усиливаются барьеры против всякого рационального довода. Поэтому в такой момент попытки воздействовать на людей рациональными методами часто оказываются не только несвоевременными, но и просто опасными.

Виды толпы

Большое количество наблюдений и психологических исследований массового стихийного поведения позволили вывести следующую условную классификацию.

Окказиональная толпа (от англ. occasion – случай) – множество людей (зеваки), собравшихся по поводу неожиданного уличного происшествия. Доминирующая эмоция – любопытство.

Конвенциональная толпа (от англ. convention – условность) собирается по поводу заранее объявленного го события: митинг, концерт рок-группы, футбольный матч и т. д. Здесь преобладает более организованный интерес, и люди до поры до времени (пока сохраняют качества конвенциональной толпы) готовы следовать определенным условностям (конвенциям). Здесь доминирует более направленный интерес.

Толпу не следует путать с публикой, собирающейся в драмтеатре, опере, консерватории! Решающее различие – в исходных психологических установках. Соответственно, различны сценарии вероятного развития событий и необходимые меры предосторожности со стороны организаторов мероприятия.

Экспрессивная толпа (от англ. expression – выражение), ритмично выражающая ту или иную эмоцию: радость, энтузиазм, протест и т. д. Доминирующие эмоции здесь могут быть различны, главная характеристика – ритмичность выражения.

Экстатическая толпа (от англ. ecstasy) – экстремальная форма экспрессивной толпы. Достигшие экстаза люди самозабвенно истязают себя цепями, рвут на себе одежду, танцуют до изнеможения, подчас смертельного, не в силах остановиться, и т. д.

Действующая (active) толпа – наиболее опасная разновидность, в рамках которой в свою очередь можно выделить следующие подвиды:

- агрессивная толпа. Доминирующая эмоция – ярость, злоба по отношению к объекту;
- паническая толпа. Доминанта – страх, ужас, стремление у каждого индивидуально избежать реальной или воображаемой опасности;
- стяжательная толпа – люди, вступившие в неорганизованный конфликт за обладание некоторой ценностью. Доминанта – жадность, жажда приобретения. В конкретных ситуациях может сопровождаться страхом, злобой или обожанием;
- повстанческая толпа по ряду признаков сходна с агрессивной, однако отличается от нее социально справедливым характером возмущения.

Практически это выражается тем, что при наличии активного организующего звена в повстанческую толпу может быть внесено организационное начало. Известны случаи, когда повстанческую толпу в конечном счете удавалось организовать в эффективную группу.

Следует обратить особое внимание на то, что приведенная классификация достаточно условна. В практическом плане главное качество толпы – превращаемость. А именно: коль скоро толпа образовалась, она способна сравнительно легко превращаться из одного вида (или подвида) в другой.

Такие превращения могут происходить спонтанно, т. е. без чьего-либо сознательного намерения, но могут быть спровоцированы умышленно. На использовании свойства превращаемости по большей части основаны приемы правления и манипуляции толпой с теми или иными целями.

Конкретный человек, будучи в толпе, в своем поведении проявляет такие формы активности, как инстинкты, навыки и осознанные действия. Инстинкты представляют собой врожденные модели поведения, детерминированные биологически и задающие направление энергии поведения. Проявление инстинктов человека в толпе включает такие формы активности, как все автоматизмы в поведении (дыхание, передвижение), а также более сложные врожденные действия, связанные с самосохранением, эмпатией, любознательностью, контактностью, агрессивностью, и множество других. Здесь сочетаются как осознаваемые, так и бессознательные инстинкты. Под влиянием различных, прежде всего фрустрирующих, факторов более активно, чем вне толпы, проявляются жестокость, насилие, агрессия как инстинктивные формы поведения. Однако помимо агрессии фрустрация вызывает и другие, также инстинктивные реакции: апатию, регрессию, подчинение и избегание. В политике все эти поведенческие проявления трактуются как реакция на события или обстоятельства, в которых действуют субъекты поведения под влиянием массового влияния.

Солидарность – это также одна из инстинктивных форм поведения участников массовых событий, которые способны не только соперничать друг с другом, но и сотрудничать. В основе проявления солидарности в политике лежит идентификация людей с определенной частью толпы, группы, позволяющая объединить усилия части участников по достижению своих целей и интересов. Не описывая многочисленные формы проявления инстинктов в политике, заметим, что в целом инстинкты охватывают все бессознательные, иррациональные, чувственные формы поведения как отдельного человека в толпе, так и организованных групп, стихийные выступления масс.

Второй формой массового поведения являются навыки. Говоря о политических навыках, мы имеем в виду готовность и способность выполнять свои роли и функции любым участником массового события. Здесь сказываются выработанные привычки, влияние уровня политической культуры, стереотипы, являющиеся следствием повторения определенных политических действий, которые усваиваются как результаты массового поведения. Приобретенные навыки участия в массовых мероприятиях позволяют их участникам адаптироваться и более осознанно вести себя в новых массовых

акциях. В последние годы многие россияне приобрели такие новые политические навыки участия в забастовках, голодовках, несанкционированных захватах зданий, пикетах и многих других формах стихийного поведения, о которых ранее знали лишь понаслышке.

Осознанные действия как наиболее сформированные поведенческие акты в неорганизованной массе. Главной характеристикой, отличающей их от двух предыдущих, является выраженное целеполагание. Благодаря им привносится осознанный характер стихийному поведению. Понятно, что массовое стихийное поведение отличается спонтанным характером, но в силу осознанных действий лидеров и многих участников приобретает определенную направленность.

Причинная зависимость характера стихийного массового поведения определяется и ориентируется на внешнюю среду, посылающую стимулы субъекту поведения; потребности индивида или группы, участвующей в массовых мероприятиях, в которых обязательно проявляются элементы стихийного поведения; мотивы, которыми руководствуется субъект, установки, ценности, ориентации, убеждения и цели субъекта; личностные особенности роли, стиля межличностных отношений, собственно действия и поступки, обратную связь между поведением и условиями, его сформировавшими.

Приемы управления (манипуляции) поведением толпы

Для овладения приемами контроля полезно учитывать специфический феномен, называемый географией толпы: в толпе обычно образуется более плотное ядро и разреженная периферия (это очень хорошо видно при аэрофотосъемках). В ядре аккумулируется эффект эмоционального кружения, поэтому здесь человек сильнее ощущает его влияние.

Соответственно, если принято решение воздействовать на толпу изнутри, то следует проникать в ядро (имея в виду гипертрофированную внушаемость и т. д.); напротив, извне рекомендуется действовать через периферию.

Проникшие в ядро агенты, имитируя эмоции страха или жадности (в агрессивной толпе), или бросая соответствующий клич и т. д., дают импульс паническому либо стяжательному поведению. Другой вариант: внимание агрессивной толпы переориентируется с одного (более опасного) на другой объект. Тем самым удается избежать наиболее драматического развития событий.

Переориентируя внимание периферии на какие-либо яркие события, агрессивную либо экспрессивную толпу (митинг и т. д.) превращают в одну или несколько окказиональных толп.

Воздействием громкой ритмической музыки или (в отсутствие таковой) ритмическим скандированием удастся превратить агрессивную, паническую или стяжательную толпу в экспрессивную, в частности в экстатическую, когда люди непроизвольно начинают танцевать и, не в силах остановиться, расходуют накопившуюся энергию в ритмических конвульсиях.

При этом важно подобрать адекватный ритм. Так, для борьбы с агрессивной толпой используется быстрый ритм рок-музыки. Массовую панику способен сбить более медленный ритм марша или гимна.

Механизмы и особенности массовой паники

«Удалось выявить четыре комплекса предпосылок (факторов) превращения более или менее организованной группы в паническую толпу.

Социальные предпосылки – общая напряженность в обществе, вызванная природными, экономическими или политическими бедствиями: землетрясения, наводнение, резкое падение курса валюты, начало или неудачное ведение боевых действия и т. д.

Физиологические предпосылки – усталость, голод, долгая бессонница, действие алкоголя, наркотиков.

При этом снижается уровень индивидуального самоконтроля, что при массовом скоплении людей чревато особенно опасными последствиями.

Общепсихологические предпосылки – удивление, испуг, вызванные недостаточной информированностью о вероятной опасности и возможных способах противодействия.

Социально-психологические и идеологические предпосылки – отсутствие ясной и высокозначимой общей цели, эффективного лидерства, недостаточное доверие к лидерам и низкий уровень групповой сплоченности.

Наблюдение и специальные исследования, в том числе экспериментальные, показывают, что последний, четвертый по счету комплекс факторов, является решающим. В слабо интегрированной группе панику способна вызвать минимальная или вообще мифическая опасность. При этом весьма характерны ситуации, когда единственным реальным источником опасности становится собственное паническое поведение толпы. Вместе с тем, высоко сплоченный целеустремленный коллектив способен избежать признаков паники даже при безусловной смертельной опасности.

Обобщенно типичный механизм развития паники выглядит следующим образом. Шокирующий стимул, очень интенсивный или повторяющийся, вызывает множество индивидуальных реакций страха. Это выражается криками, плачем, гримасами, возбужденными хаотическими движениями. Циркулярная реакция обуславливает обоюдное индуцирование эмоции. Процесс завершается массовыми действиями, которые кажутся спасательными.

Стоит добавить, что в обстановке, когда множество людей ожидают какого-то страшного события, средства защиты от которого неизвестны, стимулом панических настроений и действий может стать словесное обозначение ожидаемого события (при его реальном отсутствии).

И еще одно практически важное замечание. В первые несколько мгновений после шокирующего стимула обычно наступает так называемый психологический момент. Масса людей оказывается как бы во взвешенном состоянии («оторопь») и готова следовать первой реакции, иногда совершенно иррациональной. Это также наиболее подходящий момент для перелома ситуации человеком или группой людей, готовых взять на себя практическое руководство.

Из всего отмеченного вытекают рекомендации по предотвращению и по ликвидации массовой паники.

Меры по предупреждению массовой паники должны опираться на учет ее предпосылок (факторов).

Прежде всего, идеологическая и организационная подготовка группы к возможным опасностям, обеспечение эффективного руководства, воспитание лидеров, пользующихся высоким доверием группы. Как указывалось выше, при отсутствии идеологических и социально-психологических предпосылок массовой паники коллектив способен с честью выйти из самых суровых испытаний.

Но не всегда такая подготовка в принципе возможна, например, при организации массовых уличных мероприятий, в которых участвует множество более или менее случайных людей. При этом особое значение приобретает учет физиологических и обще-психологических факторов.

Так, типичной ошибкой является длительное проведение митингов и манифестаций в условиях социальной напряженности, в жаркую (или холодную) погоду, с участием большого количества истощенных людей. При этом возрастает вероятность иррациональных реакций, особенно при возможных провокациях.

Ряд характерных ошибок при организации массовых мероприятий связан также с игнорированием общепсихологического фактора паники. Так, недостаточное информирование участников о возможных опасностях (или, напротив, о безопасности того или иного события), о имеющихся способах защиты подчас приводит к серьезным неприятностям.

Предупреждению и снятию панических настроений способствует физическая близость участников (сцепка локтями), а также коллективное пение хорошо известной песни со стройным умеренным ритмом (типа гимна или марша).

Ритмичная музыка, пение или – при отсутствии технических возможностей – скандирование способствуют ликвидации уже возникшей паники.

Остановить паническое поведение помогает в определенных случаях привычное стимулирование (например, громкое звучание национального гимна, на который люди рефлекторно реагируют стойкой «смирно») или, напротив, неожиданный интенсивный стимул (например, выстрел в закрытом помещении). При

этом восстанавливается ситуация, обозначенная выше как психологический момент, когда лидер может взять на себя рациональное руководство. Наконец, на начальных стадиях паники решающую роль может сыграть удачная своевременная шутка, особенно если она исходит от известного людям «юмориста», например, актера.

Само собой разумеется, что всякое противодействие массовой панике возможно только при наличии группы лиц, сохраняющих присутствие духа и готовых взять на себя руководство. Поэтому грамотная организация массового мероприятия предполагает присутствие людей, соответствующим образом подготовленных и организованных.

Слухи как психологическое явление и средство политической борьбы

Слух – передача эмоционально значимых для аудитории сведений по каналам межличностной коммуникации.

Феномен слухов известен с древних времен и издавна использовался в целях идеологической и политической борьбы (в частности – в войнах).

Систематические исследования слухов для целенаправленного употребления полученных рекомендаций начались в Германии и в США после Первой мировой войны. Немецкие войска и их союзники активно использовали полученные знания на фронтах Второй мировой войны. И после войны рекомендации специалистов по слухам умело использовались спецслужбами в международных операциях. В ряде случаев работу и ее результаты следует признать весьма продуктивными, дезинформация в последних военных компаниях в Ираке, Югославии. Этот фактор малоэффективно реализуется в отечественной политической практике, в частности, в Чеченских военных действиях следовало бы его применять как контрмеру психологического противоборства с террористами.

Актуальность феномена слухов связана с двумя обстоятельствами. С одной стороны, это важный источник информации об общественном мнении, общественных настроениях, отношении к руководству и официальным средствам массовой коммуникации. С другой стороны, слухи могут служить эффективным рычагом влияния на общественное мнение, настроение, на массовые стереотипы и установки, а значит, на поведение людей и на ход экономических и политических событий.

Классификация слухов

Выделяют различные основания для классификации слухов. Главные из них – экспрессивный и информационный параметры. В первом случае речь идет об эмоциональном содержании сюжета; но во втором – о степени его достоверности.

По экспрессивному параметру различают три типа слухов: слух-желание, слух-пугало, агрессивный слух.

По информационному параметру слухи различаются от полностью недостоверных до близких к действительности.

Считается, что в достаточно обширной, политически значимой аудитории слух никогда не бывает полностью достоверным. Это связано с тем, что в процессе циркуляции сюжет претерпевает ряд закономерных * изменений, более или менее искажающих начальную версию. Изменения носят следующий характер.

Сглаживание: многие детали исходного сюжета в процессе многократной передачи исчезают; сохраняются лишь те детали, которые в глазах аудитории особенно существенны.

Заострение: сохраняющиеся детали увеличиваются количественно и качественно.

Приспособление: под стереотипы и ожидание аудитории подстраиваются лишь отдельные детали (без выраженных симптомов сглаживания или заострения), но таким образом, что это решительно изменяет социальное содержание события.

В разнородной аудитории один и тот же слух может принимать различную эмоциональную окраску. Вообще же характеризовать тот или иной слух по данному параметру следует не на основании самого сюжета (это часто дезориентирует), а по реакции людей.

Известно множество случаев, когда исходно малодостоверный слух, влияя на настроение и действия людей, вызывает экономические и политические ситуации, описываемые в сюжете. Циркулирующий слух, будучи активным фактором социальной жизни, как бы подстраивает объективную реальность под свой сюжет.

Какие детали сглаживаются, а какие заостряются, зависит не столько от объективной значимости, сколько от стереотипов, установок, общего настроения и состояния массы. Те детали, которые в одних случаях наверняка бы отфильтровались, в других становятся доминирующими.

Основные предпосылки возникновения слухов

На неискушенный взгляд, слухи подчас кажутся явлением беспричинным, либо обусловливаемым исключительно чьими-то провокационными намерениями. Этой иллюзией подчас определяются и приемы противодействия. Между тем многолетние исследования позволили свести причины возникновения слуха к совокупности двух фундаментальных и ряда дополнительных факторов. Основные, или фундаментальные, факторы предстают как интерес аудитории к проблеме и дефицит надежной информации.

Зависимость между возникновением слуха (а также его интенсивностью) и наличием обоих указанных факторов можно выразить формулой:

$$C = I \times D(1),$$

где C – слух, I – интерес, D – дефицит.

Знак умножения означает, что при нулевом значении одного из сомножителей произведение равно нулю.

Следует подчеркнуть, что под дефицитом понимается отсутствие не объективно достоверной информации, а такой информации, которая данная аудитория склонна верить. Так, ложная информация из вызывающего доверие источника исключает информационный дефицит, тогда как информация достоверная, но исходящая из источника, которому аудитория не склонна доверять, дефицит сохраняет. Разумеется, информационный дефицит может быть обусловлен и более банальной причиной – отсутствием или недостаточностью официальной информации о событии.

Таким образом, дефицит субъективно надежной информации обратно пропорционален количеству официальных сообщений (на данный момент времени) – $кс$ – и доверию к источнику – $ди$:

$$(2) \quad D = \frac{1}{кс_{(в)} \times ди}$$

Из формул (1) и (2) выводим:

$$(3) \quad C = \frac{I}{кс_{(в)} \times ди}$$

Формула (3) используется для разработки мер по снижению «слухонасыщенности» информационной системы (см. далее). Она основана на системно-экологической модели.

Суть последней в том, что информационные процессы в обществе представляют собой единую и относительно замкнутую систему, которая подчиняется некоторым закономерностям, свойственным системам любого типа, в частности экоценозу. А именно, пустующие «экологические ниши» заполняются более или менее близкими неспециализированными видами (например, место истребленных волков занимают бездомные собаки, оказывающиеся гораздо опаснее, чем «законные» хозяева ниши). Если же заполнения ниши не происходит, то экосистема начинает деградировать (так произошло, например, с уничтожением воробьев в Китае).

В информационной системе образование лакун неудовлетворенного интереса влечет за собой либо спонтанное «творчество» индивидов и масс, либо намеренное заполнение пустующих ниш с определенными экономическими, политическими и идеологическими целями.

Интенсификации распространения слухов способствует и ряд дополнительных факторов.

Передавая эмоционально значимые сведения, человек повышает свой личностный статус, интерес собеседников к собственной персоне, демонстрирует свою близость к объекту общего интереса, к органам, принимающим решение и т. д.

Кроме того, циркуляция слухов способствует оптимизации эмоционального баланса аудитории в условиях как эмоциональной избыточности, так и эмоциональной недостаточности. Иначе говоря, дополнительно благоприятствуют циркуляции слухов как чрезмерное напряжение, так и скука, недостаток ярких событий в жизни группы.

Борьба с распространением слухов

Отношение к феномену слухов как таковому существенно зависит от типа политической власти. Тоталитарный режим нетерпим ко всякой неопределенности в экономической, политической или идеологической сферах. Здесь руководство ориентировано на утопический идеал предельно централизованного сквозного контроля, спонтанность воспринимает как досадную ошибку в управлении и стремится построить полностью «прозрачную» информационную (равно как экономическую и политическую) систему. Поэтому циркуляция слухов трактуется как безусловно вредный «пережиток» и прямо или косвенно ставится задача освободить общество от этого источника неопределенности.

В демократической системе информации слухи считаются нормальным явлением общественной жизни. Оптимальное соотношение определенности и неопределенности делает систему более аморфной, но вместе с тем внутренне разнообразной, а поэтому адаптивной и жизнестойкой (сравним хорошо известный в кибернетической теории систем закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби).

Поэтому в демократическом обществе не рассматривается задача ликвидации слухов вообще как социального феномена. Практические задачи ограничиваются построением слухоустойчивой системы в рамках отдельных достаточно ограниченных групп (воинское подразделение, экспедиция, политическая партия и т. д.) либо противодействием конкретному циркулирующему слуху.

В любом случае следует различать профилактические (предупреждающие) и активные (тактические) меры.

Для разработки профилактических мероприятий полезно вновь обратиться к формуле (3). Эта система мер указывает на важность соответствия их таким критериям:

а) высокая оперативность и систематичность официальных сообщений – чтобы обеспечить высокое значение $кс(в)$;

б) неизменно высокая достоверность сообщений – для сохранения необходимого ди;

в) систематическая и хорошо отлаженная обратная связь между источниками официальных сообщений и аудиторией – чтобы своевременно и по возможности опережающим образом реагировать на трудно предсказуемую динамику И;

г) поддержание оптимальной эмоциональной насыщенности в жизни (совместная деятельность, распределение ролей согласно индивидуальным интересам и наклонностям и т. д.) – дабы избежать ситуаций бессобытийности.

2. Десятилетиями предлагались и практически испытывались различные приемы противодействия циркулирующему слуху. Оказалось, что прямолинейное выделение и опровержение слуха часто производит «эффект бумеранга» – интенсивность слуха возрастает. Игнорирование также может привести к тому, что слух, распространяясь по своим психологическим законам, нанесет значительный вред. Обычно неэффективны и беспредметные опровержения типа: «Не верьте враждебным слухам!»

Выяснилось, что здесь нет простых и однозначных инструкций на все случаи жизни. Чтобы принимаемые меры были эффективны, необходимо адекватно оценить информационную обстановку, и прежде всего такой ее параметр, как доверие к источнику.

Когда и если существует уверенность в том, что данный источник информации (политический деятель, журналист, телеканал, газета и т. д.) пользуется достаточным авторитетом в данной аудитории, то уместна «лобовая» атака на слух. При этом прямо указывается на содержание слуха, его причины и излагается альтернативная версия событий.

Однако такой ход совершенно неприемлем, если нет уверенности в том, что наш источник в данной аудитории обладает высоким авторитетом. В подобном случае рекомендуется «фланговая» атака на слух; никак не упоминая ни о слухе, ни о его сюжете, под различными предлогами интенсивно передавать информацию, по содержанию противоречащую сюжету циркулирующего слуха.

При этом, однако, необходимо повышенное внимание к каждой детали. В психологии хорошо известен феномен «психической инерции» (или апперцепции): новая информация о событии бессознательно фильтруется сквозь призму предыдущей информации. Поэтому даже мелкий просчет при организации кампании против слуха обуславливает «эффект бумеранга» – доверие к слухам усиливается...

Слухи, как и всякое, в общем-то, нормальное явление общественной жизни, могут превращаться в стихийный фактор повышенной опасности и в грозное оружие в руках сознательных провокаторов. Знание закономерностей их возникновения и распространения, владение приемами профилактики и оперативной терапии помогают обеспечить благоприятные условия экономического, политического и индивидуального бытия.

3.4. Свобода и плюрализм, насилие и диктатура как детерминанты политической активности

Активность – характерологическое свойство человека, социальной общности, делающее их способными эффективно функционировать в различных условиях. Политическая активность субъектов политики проявляется в самых различных формах. На характер этой активности и особенности ее проявления оказывают влияние различные факторы, которые могут быть представлены как внутренние (их носителем выступает субъект политики) и внешние (влияние среды на субъект политики). Они могут быть представлены через факторы свободы и насилия, которые в заданном ими континууме имеют и другие феномены. Проанализируем основные их психологические характеристики.

Психология свободы – это способность к творческому самовыражению, конструктивной дискуссии, активным действиям, которая представляет собой сердцевину демократического процесса. Психология свободы проявляется через закономерные признаки. Закономерность проявления свободы предстает как тенденция преобладания все большей свободы над уступающей ей заданностью и предопределенностью, определяющей растущую активность субъектов общества в постановке и достижении своих целей в нем.

Важнейшим признаком свободы является плюра-листичность. Плюралистичность – характерологическое свойство человека, делающее его способным к конструктивной дискуссии. Речь идет не только о навыках убеждения оппонента в правильности своей точки зрения, но и о способности принять его позицию, а значит – отказаться от своей. Для этого знаменитое «подвергай все сомнению» должно быть отнесено и к себе. Всепоглощающая уверенность в том, что именно ты владеешь истиной во всем ее объеме, делает дискуссию невозможной. Любой несогласный тут же обвиняется либо в некомпетентности, либо в злонамеренности.

Конечно, не все убеждения должны становиться объектом неуверенности. Но ведь предметом споров являются обычно не сами факты, а гипотезы и оценки, стоящие за ними. И здесь для участия в демократическом обсуждении, т. е. для жизни в условиях свободы, человеку необходима известная

плюралистичность, понимание того, что истина часто не одна, а уж монополией на нее не обладает никто.

Вполне очевидно, что очень многим представителям общества, находящегося в фазе интенсивных социальных изменений, не хватает ни активности, ни, особенно, плюралистичности. Рассмотрим, с чем связано формирование двух этих характеристик. При этом оставим за рамками анализа их детерминацию темпераментом или другими индивидуальными свойствами. Такого рода детерминация, безусловно, важна для понимания отдельных случаев, но обращение к ней не будет плодотворным для выяснения закономерностей формирования интересующих нас характеристик у больших групп людей. С этой точки зрения целесообразно обращение к определенным социально-культурным моментам, которые могут определять степень выраженности активности и плюралистичности.

Можно выделить целый ряд характерологических свойств человека, делающих его способным эффективно функционировать в условиях свободы. Важнейшими из них являются два. Во-первых, активность: чем больше свободы и, соответственно, меньше заданности и предопределенности, тем активнее должен быть субъект в постановке и достижении своих целей. Во-вторых, это способность к конструктивной дискуссии, которая и представляет собой сердцевину демократического процесса.

Факторы, которые определяют активность или пассивность субъекта политики, могут быть представлены в следующем составе:

- фрустрационная реакция;
- особенности самосознания;
- регламентация желаний и своих потребностей;
- жесткость этической системы.

Один из них характеризует фрустрационную реакцию, которая выражается как человеческая слабость, ощущение бессилия, невозможность изменить ход событий в своей собственной жизни, повлиять на положение дел в организации, к которой они принадлежат, и в стране в целом. Это ощущение бессилия не может считаться объективным выражением жизненных реалий. Большинство людей недооценивает те, пусть и небольшие, возможности для изменения собственной жизни или воздействия на ситуацию вокруг них, которые у них имеются.

Объективный анализ фрустрационной ситуации показывает, что, хотя положение чаще всего действительно достаточно серьезное, есть определенные степени свободы, которые субъект политики просто не использует. Аналогичный вывод может быть сделан и относительно позиции людей по отношению к политическим организациям – возможности воздействия на них явно преуменьшаются. Следовательно, ощущение фрустрации характеризует не столько личную и социальную ситуацию человека, сколько его восприятие этой ситуации.

Для преодоления фрустрационной реакции недостаточно объективных изменений в социуме. Даже если социальные изменения прямо стимулируют рост активности каждого человека, реализация этих возможностей зависит от

того, в какой степени люди поверят в то, что они действительно существуют в жизни, а не только на бумаге или в декларациях лидеров. Изменение сознания не следует автоматически за изменениями в законодательстве и социальной политике. Например, граждане, на этапе адаптации большинство депутатов и другого рода политики, получившие возможности для более свободного участия в политической жизни, могут предпочитать выжидательную позицию или продолжать следовать прежним стереотипам. Здесь проявляется не только несовершенство политической системы, но и неверие в свою причастность к проведению реальной политики. Психологические структуры достаточно инертны, и в период бурных социально-политических изменений они могут отставать от динамики общественной жизни.

Таким образом, для того чтобы субъект политики относился к себе, к окружающим и к обществу конструктивно, чтобы в его поведении доминировали моменты кооперативноеTM и взаимопомощи, ощущение фрустрации или бессилия должно смениться верой в собственные возможности и способность быть реальным субъектом политики. Демократия, способствующая формированию именно такого мироощущения и политической роли, является в этом смысле императивной, она не может быть отложена на потом, до лучших времен. Без развития определенных демократических институтов и процедур невозможно решение острых социально-политических и экономических проблем, политик, не ощущающий возможности реально влиять на политическую жизнь, будет пассивно являться объектом политической ситуации.

Второй фактор характеризует особенности самосознания. Рассмотрим те из них, которые «блокируют» проявление активности субъектом политики. Можно выделить такие основные признаки самосознания, как деиндивидуализация, размытость групповой принадлежности, своеобразие деперсонализации, индивидуальная особенность самосознания. Проанализируем каждый из этих признаков особенностей самосознания политика.

Деиндивидуализация проявляется в том, что для многих представителей реформирующихся обществ характерно недостаточное ощущение своей индивидуальности, отличительности себя от других. Это определено особенностями принятой системы воспитания и социализации, своеобразным стилем образом мыслей, деятельности, жизни. Как показывают исследования, ощущение деиндивидуализации, т. е. похожести и даже неотличимости себя от других людей, приводит к росту жестокости и снижению тенденций к взаимопомощи.

Размытость групповой принадлежности. Хотя объективно каждый человек включен в большое число групп, эта включенность далеко не всегда представлена на психологическом уровне. Люди не чувствуют себя гражданами, жителями своего города, не ощущают своей принадлежности к классу или к нации. Конечно, эти чувства принадлежности обостряются в экстремальных ситуациях, но нельзя же жить в условиях перманентного кризиса. Люди редко идентифицируются с предприятием, на котором работают,

номинальным бывает даже членство в собственной семье. Такому положению способствует ряд причин. Прежде всего, это несовершенство политических структур, препятствующих реальной включенности в жизнь организаций, к которым человек формально принадлежит.

Например, выборы и вообще система власти в данном сообществе могут быть организованы таким образом, что подлинная реализация закрепленных за человеком прав избирать и быть избранным превращается в фикцию.

В некоторых случаях членство в организации, формально постоянное, является детерминирующим фактором поведения и внутренней жизни человека лишь в какие-то периоды. Кроме того, фактором размытости групповой принадлежности являются организации, членство в которых изначально фиктивно – вспомним хотя бы существовавшие у нас еще несколько лет назад общества трезвости. Реальные же объединения, которые действительно могут стать базой для формирования чувства идентичности, такие, как землячества или объединения выпускников, в нашей стране не только не поддерживались, но и были объектом как минимум настороженного отношения со стороны властей.

В целом, можно сказать, что если групповая принадлежность на уровне малых групп – семьи или первичного коллектива – развивается достаточно легко и не требует специальных условий, то идентичность на уровне больших групп формируется лишь в определенной социальной среде, причем процесс этот нуждается в поддержке со стороны общества. Без соблюдения этих условий человеку бывает крайне трудно ощущать себя членом тех или иных больших социальных групп.

Деперсонализация у значительного числа людей формируется и проявляется в виде действий, совершаемых в определенных ситуациях, когда они свои особенности приписывают не себе, а как бы кому-то другому или некоей автономной части себя, за которую субъект не несет моральной ответственности. Такими ситуациями могут быть не только ситуации экстремальные, но и вполне обыденные, связанные с выполнением своих функциональных или общественных обязанностей. Эта способность позволяет человеку, пошедшему на обман, считать себя человеком честным, струсившему – смелым и т. д.

Обращает на себя внимание и такая особенность самосознания, важная с точки зрения детерминации активности, которая проявляется как ощущение зависимости. Человеку кажется, что он не может изменить важнейшие обстоятельства своей жизни – поменять работу, создать новую семью, изменить место жительства. Трудности этих изменений – безусловно, реальные и серьезные – всячески преувеличиваются.

Перечисленные особенности самосознания приводят к пассивности потому, что снижают у человека ощущение субъектности и негативно влияют на свободу его действий, связей и отношений. Активен может быть только субъект политики: человек, ощущающий свое отличие от других людей, свою самобытность и неповторимость, идентифицирующий себя с какой-то группой, принадлежность к которой для него важна, которой он гордится, честь и

интересы которой он готов защищать; человек, всегда сохраняющий чувство ответственности за свои поступки и ощущающий себя свободным делать то, что он считает нужным. Если всех этих особенностей самосознания нет – неизбежна пассивность.

Указанные особенности самосознания ответственны и за уровень нравственности в обществе. Нравственный поступок – это всегда выбор, причем выбор осознанный.

Третьим фактором, определяющим уровень свободы, а значит, и активности, является регламентация желаний и своих потребностей. Значительное число людей не только не предпринимают почти ничего для достижения своих целей, но и отказываются от самих этих целей – ничего не хотят. Ценности покоя, стабильности перевешивают все остальные возможные награды, в результате человек заранее отказывается от всех превышающих элементарный минимум материальных и духовных благ, гарантируя себе взамен спокойствие и стабильность. Таким образом, те блага, стремление к которым и является, в значительной степени, внешним стимулом к активности, обесцениваются в сознании субъекта и не могут выступать в качестве подкрепления. В облегченном варианте отказ от желаний принимает форму ориентации лишь на сугубо личные или семейные блага – все остальное обесценивается.

Четвертый фактор характеризует жесткость этической системы. Максималистская идеология, функционирующая по принципу «все или ничего», приводит не к высокому уровню нравственности, а к пассивности. Любая активность – это компромисс, соглашение; человек, не умеющий идти на компромиссы, неизбежно будет пассивен.

Таким образом, выделение факторов, определяющих уровень активности субъекта политики, характеризует его свободу в осознании, выборе, поведении и действиях. Преодоление негативного или блокирующего их действия существенно расширяет свободу политической самореализации и обеспечивает творческий подход в политической деятельности и общении, отношениях и взаимосвязях.

Важно также определить влияние плюрализма на политическую активность. Его характер также определяют психологические факторы. Рассмотрим, какие факторы наиболее сильно влияют на степень выраженности плюралистичности.

1. Первым таким фактором является слабое знакомство с отличными от своих собственных условиями и стилем жизни. Хотя окружающая жизнь достаточно разнообразна и дает примеры самых неожиданных способов организации семьи, обеспечения профессионального роста и решения других сложных проблем, это разнообразие может и не присутствовать в той картине социума, которая дается искусством и средствами массовой информации. Как правило, всегда проявляется тенденция к нивелировке различий. Восприятие действительности как однородной, повсюду одинаковой, не дает основания сомневаться в правильности собственного стиля жизни или хотя бы поставить

под сомнение положение о том, что именно этот стиль является единственно правильным.

Деструктивные последствия такой искусственной унификации особенно хорошо видны на примере проблемы межнациональных отношений. Например, сведения, имевшиеся в распоряжении представителя какого-либо народа нашей страны об образе жизни, характере и культуре другого народа, могут быть подразделены на два класса. Первый класс сведений говорил об отсутствии сколько-нибудь заметных отличий между народами СССР. Одинаковый характер производства, общие проблемы и общие достижения, практически одинаковое или очень близкое законодательство.

2. Второй класс сведений прямо противоположен первому – подчеркивались четкие различия между народами, их специфика по сравнению с любым другим народом. К сожалению, идея отличий чаще всего подкреплялась примерами архаических проявлений национальной культуры, не связанных с повседневной жизнью народа, а специально сохраняемых, имеющих лишь исторический интерес. С серьезными трудностями сталкиваются представители сравнительно небольших национальных групп. Корни современных национальных конфликтов – не только в реальных противоречиях и несправедливостях, но и в особенностях восприятия друг друга.

Препятствием для формирования плюралистичности является и то, что в обществе, как правило, подавляются не только антисоциальные, но и асоциальные, или статистически аномальные формы поведения. Не всегда еще одобряются какие-либо отличия друг от друга в одежде, вкусах, манерах поведения и т. д. Следовательно, большинство людей в ходе онтогенеза не сталкивались или редко сталкивались с ситуацией, когда нестандартное поведение и взгляды принимаются в обществе благожелательно или хотя бы не влекут за собой тех или иных санкций. Естественно, это способствует тому, что именно стандартное поведение воспринимается как единственно правильное, сомнений в его адекватности или интереса к поиску иного пути не возникает.

3. Фактором снижения плюралистичностиTM выступает также недостаточный опыт принятия другого человека и принятия себя этим человеком, несмотря на существенные разногласия, – длительные отношения невозможны без периодических конфликтов. Этот опыт может быть генерализован на широкий класс ситуаций, что будет способствовать терпимости, готовности принять мнение другого или, по крайней мере, отнестись к его позиции с уважением. Таким образом, длительные близкие отношения, способствуя формированию плюралистичности, становятся одним из факторов, облегчающих жизнь в условиях свободы.

4. Фактор, снижающий уровень плюралистичности, состоит в отсутствии или недостаточности опыта принятия самостоятельных решений, последствия которых значимы для индивида. Однако, если у человека нет опыта принятия самостоятельных решений, значит у него нет и опыта их реализации. Отсутствие этого опыта может послужить определенным барьером на пути

отвержения позиции различных субъектов политики только из-за того, что не выработана уверенность в правильности собственной точки зрения.

5. Последним из выделенных факторов, снижающих уровень плюралистичности, следует назвать отсутствие или недостаточность опыта выбора между двумя правильными суждениями, позициями и т. д.

Большая часть проблем и задач, с которыми сталкиваются политики, моделируются так, что вырабатывается одно правильное решение, а все остальные признаются как неправильные. В результате этого формируется представление о том, что истина может быть только одна и, если человек придерживается иной, по сравнению с твоей собственной позицией, это означает, что он ошибается.

Таким образом, выделенные пять факторов, определяющих уровень плюралистичности, – незнание с отличными от собственных стилем и условиями жизни, отсутствие опыта аномального поведения, не повлекшего за собой санкций окружающих, недостаточный опыт длительных близких отношений, недостаточный опыт принятия самостоятельных решений и несформированность навыка выбора альтернативных решений существенно влияют не ее характер. Отметим, что эти факторы проявляются во взаимосвязи и детерминируют плюралистичность на социальном и личностном уровнях.

Психологические характеристики сущности политического насилия

Проблема насилия имеет большую теоретическую и практическую значимость. Занимая важное место в политической истории человечества, насилие с древнейших времен до настоящего времени рассматривается субъектами политики как одно из основных средств достижения своих целей. Вместе с тем использование насилия имеет серьезные деструктивные последствия: гибель людей, разрушение материальных ценностей, дегуманизация социальных отношений. Только после Второй мировой войны многочисленные политические конфликты унесли жизни десятков миллионов людей.

Жизнь человека и общества регламентируется множеством законов и правил. Эти регламентации существенно влияют и на активность субъектов политики. Крайняя и наиболее жесткая такая детерминация предстает в виде насилия. Насилие, как способ принуждения, в той или иной степени присуще любому обществу. По всей земле есть полиция и суды, государство использует насилие по отношению к части граждан своей страны или по отношению к другим странам и их жителям.

Насилие в политике использовалось всегда, и вряд ли когда-нибудь от него удастся отказаться полностью. Правда, в двадцатом веке приемлемость насилия как универсального способа регуляции общественной жизни все чаще подвергается сомнению и зоны использования насилия все больше сужаются.

Есть несколько причин такой динамики отношения к насилию. Во-первых, четко просматривается тенденция сужения зоны императивного регулирования человеческого поведения. Большинство государств и обществ становятся все более терпимыми к тем действиям граждан, которые не затрагивают непосредственно интересы других людей. В результате этой общей

либерализации сокращается число тех случаев, в которых государство стремится добиться от граждан определенных ограничений, а соответственно, сокращается и необходимость в насилии как в средстве принуждения.

Во-вторых, все большему числу людей становится ясно, что волну насилия, будь то война или репрессии против внутренних врагов, крайне трудно остановить. Насилие, запланированное как временное и локальное, легко перехлестывает через любые заранее определенные барьеры. А это значит, что акты насилия в современном мире, оснащенном ядерными ракетами и атомными станциями, могут привести к катастрофическим последствиям.

В-третьих, за последние десятилетия изменилась моральная атмосфера. Для граждан развитых стран насилие стало неприемлемым по моральным соображениям. Ценность человеческой жизни и суверенность каждой из деклараций превращаются если не в императивы, то, по крайней мере, в нормы, с которыми уже не могут не считаться политики.

Насилие, тем не менее, существует. Рассмотрим ряд проблем, связанных с феноменом политического насилия. Прежде всего, постараемся ответить на вопрос, при каких условиях насилие становится жестоким фактором политики и превращается в геноцид.

Отношение общества и государства к насилию определяется многими причинами: историей и культурными традициями данного народа, конкретной политической и экономической ситуацией, личными качествами носителей власти, степенью развитости или неразвитости структур гражданского общества. Но и абстрагируясь от этих конкретных особенностей той или иной страны, можно выделить несколько факторов, способствующих тому, что насилие становится не экстраординарным и вынужденным действием, а нормой, частью официальной политической идеологии государства.

Первый фактор носит не столько политический, сколько мировоззренческий характер. Речь идет об определенных представлениях о человеческой природе. Демократические режимы исходят из презумпции изначальной разумности и конструктивности человека: люди способны договариваться между собой, им не свойственны разрушительные тенденции, они склонны подчиняться правилам, существующим в обществе, поскольку понимают их разумность и необходимость. С таким взглядом на человека связано и отношение демократических систем к насилию – оно допускается лишь как исключительная мера по отношению к меньшинству населения. Массовое же политическое насилие демократическая идеология отвергает в принципе.

Вторым фактором, способствующим тому, чтобы насилие становилось системообразующим стержнем политической идеологии, является определенное представление об историческом процессе. Если этот процесс видится хаотичным, случайным, в ходе которого постоянно возрастает энтропия, то для регулирования этого процесса, для введения его в какие-то рамки, нужен великий человек, который сможет этот процесс структурировать.

Третий фактор – это представление политика или политической элиты о миссии – своей, своего народа, своей партии или любой другой группы, с

которой идентифицируют себя субъекты политического процесса. Если «мы», белые люди, или «мы», коммунисты, или «мы», патриоты, призваны осуществлять некую миссию, некие принципиальные изменения в обществе, привести его к правде, к истине, осуществить свое предназначение, то вопрос о допустимости насилия не вызывает никаких сомнений. Его вполне можно использовать хотя бы для того, чтобы быстрее Достичь высшей цели, которая, безусловно, оправдывает средства.

Четвертый фактор – ориентация в политике не столько на решение повседневных проблем, сколько на некий идеальный мир. Такая ориентация приводит к представлению о малой ценности настоящего момента. То же самое происходит и на уровне идеологии. Если сегодняшний день не самоценен, а является лишь переходным периодом на пути к дню завтрашнему, то нет моральных преград для того, чтобы ради скорейшего достижения цели использовать в политической практике любые формы насилия.

Насилие в политике имеет место как ее закономерное проявление, когда в достижении политических целей другие формы политической активности становятся малоэффективными. Оно разнообразно, проявляется и применяется всеми социальными институтами, производится обществом и встроено в его политическую систему. Поэтому важно понимать его сущность, закономерности и условия применения в политике.

Особую актуальность проблема насилия имеет для политической жизни России, где оно всегда играло определенную роль: и на этапе самодержавного абсолютизма, и в период тоталитаризма, и в условиях построения демократического государства. Кроме того, в связи с появлением оружия массового уничтожения проблема политического насилия приобрела в настоящее время особую значимость, так как во внешней и во внутренней политике угрожает глобальной катастрофой. Широкая распространенность, угрожающие последствия его применения делают необходимым осмысление ряда проблем, относящихся к практике насилия.

Насилие, имея социо-биологические истоки, механизмы и условия появления, на протяжении всей истории развития политических отношений неизменно в них присутствует. Агрессивность со времен раннего человека так же, как и его социальность, служит средством борьбы за выживание. Она в процессе эволюции человека не затухает, а приобретает характер насилия в целях удовлетворения прежде всего надбиологических, социальных потребностей: в статусе, престиже, самоутверждении.

Специфику насилия нельзя выявить без анализа его взаимосвязи с властными отношениями, поскольку власть – это центральная категория политической науки. Власть представляет собой способность и возможность субъекта осуществлять свою волю, в случае необходимости навязывать ее тем, кто является объектом властного воздействия. Е.П. Теплов отмечает: «Политическая власть, как правило, рассматривается прежде всего как волевая деятельность субъекта, преследующего свои цели» [118, с. 40]. В распоряжении субъекта властвования находятся различные средства для осуществления своих намерений, в том числе средства принудительного воздействия на объект.

Как отмечают авторы англо-американского энциклопедического словаря, «принуждение – это форма влияния, характеризующаяся высоким уровнем оказываемого давления» [151, с. 86], Главным мотивом выполнения распоряжения субъекта власти в данном случае является страх перед санкциями, которые могут быть применены в случае неповиновения.

Можно определить идеологическое и психологическое давление как духовное принуждение. Такое определение позволило бы включить в него все приемы, способы и методы воздействия на сознание с помощью духовных ценностей и деятельности. Понимаемое таким образом духовное принуждение включает в себя не только идеологическую обработку, психологическое запугивание, но и воздействие общественного мнения, морали, заставляющие объект власти вести себя определенным образом. М. Вебер подчеркивал необходимость включения моральных средств воздействия в арсенал средств властного принуждения: «Сюда относится даже братское предупреждение, принятое в ряде сект в качестве первичной меры мягкого воздействия на грешников, при условии, что оно основано на определенном правиле и совершается специальной группой людей. То же можно сказать и о порицании, высказанном цензорами, если оно служит средством гарантировать «нравственные» нормы поведения, а тем более о моральном принуждении, которое осуществляет церковь» [28, с. 641–642].

Виды политического насилия

Различные виды политического насилия можно классифицировать по разным основаниям – по степени жестокости, по способу обоснования, по отношению к этим актам общества и т. д. Все эти классификации, безусловно, имеют право на существование. Мы, однако, будем использовать типологию, основанную на использовании двух координат. Первая координата – это тип субъекта насилия – коллективный или индивидуальный. В одном случае насилие осуществляется некоей группой или институтом, в другой – одним человеком. Вторая координата – степень структурированности акта насилия.

Структурированное насилие – политическое насилие, которое осуществляется по достаточно определенным правилам. Неструктурированное насилие – политическое насилие, которое не имеет четко установленных правил, спонтанно и непредсказуемо по своему проявлению. В этом случае, конечно, существуют неписанные правила, но они могут по-разному интерпретироваться разными членами общества и вовлеченными в акт политического насилия индивидуальными или коллективными субъектами.

Использование этих двух координат позволяет выделить четыре типа политического насилия: коллективное структурированное насилие, коллективное неструктурированное насилие, индивидуальное структурированное и индивидуальное неструктурированное насилие. Рассмотрим примеры этих типов политического насилия и примеры институтов, созданных для, осуществления насилия в каждом из этих четырех вариантов.

Коллективное структурированное насилие

Примерами институтов, призванных осуществлять коллективное структурированное насилие, могут служить армия и полиция. Они представляют собой социальные институты, осуществляющие насилие во имя интересов страны. Насилие, в данном случае, легитимизируется государством, что символизируется, в частности, униформой с использованием национальных символов. Национальная символика присутствует на униформе солдат, ставится на военную технику и т. д. Существует и обратная тенденция – военная тематика включается в национальные символы в виде, например, скрещенных мечей или хищных птиц и животных на гербе страны. Львы, орлы или сабли в этом случае символизируют и силу, и готовность ее использовать.

Институты структурированного политического насилия организованы по иерархическому принципу. Младшие по званию подчиняются приказам выше стоящих начальников, которые и несут всю полноту ответственности за свои распоряжения. Феномен снижения чувства индивидуальной ответственности в той или иной мере присущ всем социальным институтам такого типа. В максимальной степени чувство индивидуальной ответственности снижается в армиях или органах правопорядка диктаторских режимов, где это чувство вообще всячески подавляется. Взамен гражданам предлагается полное спокойствие и возможность не думать о последствиях своих поступков. Гитлер сказал: «Я избавляю немецкую молодежь от химеры совести». Аятолла Хомейни обещал всем солдатам, воюющим с Ираком, прощение всех грехов и вечное блаженство. Однако и во вполне цивилизованных странах признается, что, например, за действия, совершенные солдатом, ответственность несет не только и не столько он сам, сколько его командир.

Сам факт подчинения другому и связанное с этим снижение чувства ответственности за свои поступки меняют поведение человека. Люди, не чувствующие ответственности за то, что они делают, способны на крайнюю жестокость, неожиданную и для них самих и для тех, кто, казалось бы, давно и хорошо их знает. Американский психолог Стэнли Милгрэм продемонстрировал, что самые обычные люди, подчиняясь приказам того, кто выступает как начальник, как «власть», могут совершать страшные поступки [151].

В институтах коллективного структурированного насилия наблюдается еще один важный социально-психологический феномен – деиндивидуализация. У солдат и полицейских снижается ощущение собственной уникальности, отличия себя от других людей. Это закономерно ведет к большей личной жестокости и к большей готовности выполнять жестокие приказы.

Хшектнвиое неструктурированное насилие

Если коллективное структурированное насилие призвано поддерживать стабильность государственных институтов, то коллективное неструктурированное насилие, наоборот, направлено против них. Примерами неструктурированного коллективного насилия могут быть восстания, бунты и тому подобные массовые действия. Если солдаты или полицейские представляют государство и в той или иной степени идентифицируются с ним,

то для участников бунтов или восстаний характерна идентификация не с государством, а с народом или с какой-то частью народа. Чувство индивидуальной ответственности у участников актов коллективного неструктурированного насилия значительно выше, чем у тех, кто вовлечен в насилие структурированное. Поэтому большую роль для них играет идеология.

Акты коллективного неструктурированного насилия лежат в основе многих политических систем, возникших в ходе революций и народных восстаний или других массовых неструктурированных насильственных действий. Однако спонтанными и хаотичными массовые выступления бывают лишь в самом начале движения.

Процесс структуризации затрагивает все стороны социальной практики – институты общества и государства, их функции и взаимоотношения. Процесс структуризации институтов насилия, отделяя солдат и работников органов правопорядка от остальной массы народа, подрывает это ощущение легитимности и порождает серьезные проблемы в отношениях между народом и новой властью. Осознавая это, многие режимы стремятся каким-то образом сгладить процесс структуризации институтов насилия. Например, лидеры сохраняют форму или стиль одежды времен революции, т. е. того периода, когда они были представителями не государства, а всего народа.

Структуризация обычно направлена вовнутрь, т. е. она начинается с обеспечения внутренней безопасности, и целью ее является достижение внутреннего единства. Сначала структурируются службы безопасности, направленные против внутренних врагов, а уже после этого структурируется армия, которая направлена на отражение внешней агрессии. В принципе, возможно и обратное движение: от институтов структурированного коллективного насилия к институтам неструктурированного насилия. Собственно, деструктуризация происходит всегда после гибели режима или временного отступления режима. Остатки институтов политического насилия пытаются продолжать действовать, но уже в менее структурированном варианте.

Индивидуальное структурированное насилие

Примером структурированного индивидуального насилия могут служить феодальные отношения между вассалом и сюзереном. Эти отношения предполагают личную лояльность и право сюзерена на насилие по отношению к своему вассалу.

По всей вероятности механизмы структурированного индивидуального насилия являются необходимой составляющей реализации коллективного структурированного насилия, т. е. личная лояльность, допустим, телохранителей по отношению к охраняемому ими лицу, по-видимому, является необходимой составляющей для того, чтобы создавались соответствующие социальные институты, например, армия. Не случайно в любой армии мира считается особым подвигом, когда солдат жертвует жизнью, спасая командира. Фактически при этом он защищает не Родину в целом, а другого человека, но этот другой человек важнее, ценнее, чем он сам.

Участие в структурированном индивидуальном насилии, так же, как и участие в коллективном структурированном насилии, позволяет не чувствовать ответственности за последствия своих действий, отделять себя от той роли, которую ты в данный момент выполняешь.

Общество, регулируя структурированное индивидуальное насилие, максимально четко определяет, что, по отношению к кому и в каких условиях возможно, а что – нет. Архаические общества открыто признавали разные права и разную ценность людей. Это фиксировалось как право первой ночи, как разные наказания за одни и те же насильственные действия в зависимости от того, кто является субъектом и объектом насилия и т. д. Например, убийство князя, если оно совершено другим князем, наказывалось иначе, чем убийство князя смердом.

В современных обществах, декларирующих полное равенство людей и равную ценность любой человеческой жизни, тем не менее существуют разные права на индивидуальное насилие, и эти права подробно регламентированы. Работникам службы охраны порядка позволено использовать насилие по отношению к преступникам. Сопротивление полиции и нанесение вреда полицейскому, находящемуся при исполнении служебных обязанностей, является более

серьезным преступлением, чем, например, насилие по отношению к этому же полицейскому, но когда он не в форме, или к другому гражданину, не имеющему отношения к полиции.

Индивидуальное неструктурированное насилие

Неструктурированное индивидуальное насилие охватывает очень широкий круг явлений – от бытового хулиганства до издевательств начальника над подчиненным. Оно существует и в виде спонтанных актов, таких, как пьяная драка, и в виде продуманных преступных действий, например, разбойных нападений, и, наконец, в виде сверхнормативной жестокости в рамках актов структурированного насилия, коллективного или индивидуального. Примером могут служить жестокость сержанта по отношению к солдату или издевательства солдат оккупационной армии над мирными жителями.

Хотя акты индивидуального неструктурированного насилия не имеют, как правило, никаких идеологических оправданий и в той или иной степени осуждаются обществом, участие в них совсем не обязательно порождает чувство вины. Во-первых, человек может атрибутировать всю ответственность за свое поведение внешним условиям, например, обществу. Так, в письмах преступников, отбывающих наказание за тяжкие преступления против личности, практически никогда не присутствует ощущение вины и индивидуальной ответственности. В том, что они совершили, виновато несправедливое общество, которое поставило их в столь ужасные условия, что они вынуждены были пойти на преступления.

Во-вторых, он может создавать для себя свой собственный моральный кодекс, считая, что ему в силу определенных обстоятельств – выдающихся

заслуг, необыкновенных способностей или особого предназначения – позволено то, что не позволено никому другому.

Индивидуальное неструктурированное насилие является наиболее лично детерминированным из всех рассмотренных нами видов насилия. Жестокость субъекта, это не только отрицание, но и соглашение. Подлинная свобода возникает только тогда, когда имеет место договор, найден общий язык, принято совместное решение, учитывающее интересы каждого. Индивидуальная свобода возможна только в условиях демократии и добровольного подчинения закону. Однако существуют опасности демократии – взгляд, согласно которому предоставляемая демократией свобода действий, мысли и слова требует от человека осознания большей ответственности, инициативы и умения согласовывать свои поступки с интересами общества в целом.

С учетом всего этого можно дать психологическую характеристику политического насилия.

Политическое насилие можно определить как физическое принуждение, применяемое как средство навязывания воли субъекта политики с целью овладения властью, прежде всего государственной, ее использования и защиты. Актами политического насилия являются конкретные насильственные действия: убийства, террор, принудительное задержание, пытки, присвоение собственности и т. д.

Наличие у физического принуждения существенных особенностей позволяет рассматривать политическое насилие как самостоятельное понятие, имеющее специфический объем и содержание, отличное от принуждения в целом, и от других его разновидностей.

Четкое определение границ понятия «политическое насилие» имеет большое теоретическое и практическое значение. Оно способствует глубокому проникновению в сущность насилия, выявление его психологических механизмов и затрудняет пропагандистские манипуляции термином «политическое насилие».

Для уточнения предмета исследования, ясного понимания сущности политического насилия, необходимо систематизировать его разновидности. В работах зарубежных и отечественных исследователей рассматриваются различные варианты типологии: по сфере действия (внутригосударственное и межгосударственное насилие); по отношению субъектов насилия к государственной власти (государственное и негосударственное); по степени организованности (стихийное и организованное); по количеству участников (индивидуальное, коллективное и массовое); по источнику инициативы (оборонительное, ответное и наступательное, агрессивное); по количеству жертв (высокоинтенсивное, имеющее среднюю или низкую интенсивность); по социальной характеристике субъекта политического насилия (социально-классовое, этническое, религиозное); по направленности и глубине социально-политических последствий насилия (реформистское, радикальное, реакционное и консервативное), по способам воздействия на объект (демонстративное и

инструментальное насилие), по средствам (вооруженное и невооруженное насилие).

Кроме того, можно выделить следующие формы политического насилия (сложные проявления насилия, которые отличаются друг от друга совокупностью перечисленных признаков видового деления): бунт (неорганизованные локальные волнения, имеющие коллективный характер); столкновение политических группировок (локальные коллективные стычки политических оппонентов, не направленные против властей); восстание (массовое вооруженное выступление с целью осуществления изменений во властных отношениях); гражданская война (крупномасштабное вооруженное противоборство за государственную власть между общественными группами в рамках одного государства); партизанская война (вооруженная борьба против правительства, которую ведут, применяя особую тактику, отряды оппозиционеров, имеющие постоянные места дислокации на небольшой труднодоступной части территории страны); переворот (захват власти относительно небольшой группой заговорщиков); терроризм (систематическое применение ничем не ограниченного политического насилия, имеющего целью достижение определенных результатов путем устрашения политических противников); репрессии (насильственные действия органов государства, направленные на достижение политической стабильности, но не связанные с гражданской войной и запугиванием политических оппонентов).

Используя системный подход к исследованию причин политического насилия, можно объединить их в три основные группы – структурные, непосредственно властных отношений и социокультурные причины. Они являются источниками насилия в совокупности, дополняя и усиливая друг друга. Чем полнее и существеннее они представлены в социально-политической и духовной жизни общества, тем вероятнее возникновение насильственных действий в той или иной форме.

В данном контексте целесообразно выявить основные признаки этих источников политического насилия. Структурные процессы любого общества носят иерархический характер, предполагают определенную стратификационную шкалу. Каждая социальная группа занимает определенное место в системе стратификации в соответствии с объемом социальных благ, которыми она располагает. От общего объема социальных благ группы или индивида зависит их совокупный статус в социальной структуре общества.

Неравное положение групп и индивидов в системе стратификации является важнейшим потенциальным источником острых социальных конфликтов, включая насильственные. Каждая группа стремится повысить свой статус, расширить объем социальных благ, которым она располагает. Это может вызвать столкновения с другими группами, которые также претендуют на эти ресурсы. Социальное неравенство индивидов и групп порождает экстремистские формы политического поведения, в том числе политическое насилие.

Нарушение равновесия стратификационной системы может быть вызвано двумя основными процессами: резким ухудшением социального статуса

определенных групп общества или прерванной социальной мобильностью. Оба эти процесса, часто совпадают исторически и связаны с какими-то радикальными изменениями в обществе (модернизацией, научно-технической или социальной революциями и т. д.).

Разрыв между ожиданиями и реальными достижениями вызывает ощущение неудовлетворенности при невозможности достигнуть значимой цели, которое в конечном итоге может вылиться в насилие и даже агрессию, в том числе в сфере политических отношений. Блокирование восходящей социальной мобильности порождает чаще всего политические действия, нацеленные на обновленческие изменения социальной системы. Это объясняется тем, что социальные ориентации восходящих групп направлены в будущее, на дальнейшее улучшение социального статуса. Дифференциация общества по административным, этно-национальным и другим признакам также создает основу для политического насилия.

Наряду со структурными причинами политического насилия значительное влияние имеют характеристики непосредственно политических отношений. Они проявляются в характере политизации жизни общества, объеме политико-государственного контроля и регулирования его социально-экономической и культурной областями; в типе политического господства или степени монополизации государственной власти; в форме и мерах институализации политических отношений и участия субъектов политики в жизни общества; прочности суверенитета и способности государственной власти.

Рассматривая автократическую и демократическую формы властных отношений с точки зрения перечисленных параметров, можно сделать выводы о том, как они влияют на масштабы и интенсивность насилия. Для автократической формы властных отношений характерно широкое применение насилия во взаимодействиях субъектов и объектов политики. Это объясняется высокой степенью монополизации государственной власти правящей элитой, что вызывает недовольство и сопротивление групп общества, отстраненных от процесса властвования. Поскольку эти группы не имеют возможности использовать легальные формы политического участия для достижения своих целей, их политическая активность неизбежно приобретает экстремистский характер. Наконец, слабая институционализация, упорядоченность политического процесса способствует обращению к крайним методам борьбы за государственную власть, особенно в период смены властителя или ослабления суверенитета государства. Причем для такой разновидности автократической формы властных отношений, как тоталитаризм, более характерно государственное насилие, так как она отличается гипертрофированной политизацией всех сфер жизни общества, чрезмерным расширением политического пространства. Вера в безграничные возможности политических средств регулирования социальных отношений, присущая тоталитарным элитам, приводит к вытеснению механизма общественной саморегуляции и абсолютному доминированию рычагов «сознательного» управления.

В этих условиях насилие неизбежно выступает в качестве одного из основных средств, с помощью которых государство направляет социальное поведение индивидов и групп. Кроме того, в условиях тоталитаризма субъекты власти руководствуются в своих действиях революционными задачами, идеей тотального переустройства общества. Поскольку любая социальная ломка имеет болезненный характер,

вызывает сопротивление, властвующие прибегают к широкомасштабному принуждению, включая физическое. Не удивительно, что по масштабам государственного насилия тоталитарные системы превосходят все остальные.

Авторитарная разновидность автократизма не отличается такой высокой степенью политизации общества, как при тоталитаризме. Личность и общество сохраняют определенную автономию в неполитических сферах. Поэтому при меньшем, чем в условиях тоталитарной системы государственном насилии, авторитаризм отличается большими возможностями для оппозиционного насилия.

В условиях демократии значительно сокращается основа для насильственных средств осуществления власти и овладения ею. Однако демократия отнюдь не имеет иммунитета против политического насилия, и в политической жизни демократических государств оно не исключено. Боевые действия в Чеченском регионе России, участие в военно-политических акциях в Таджикистане, Югославии, в странах Африки на протяжении последних лет свидетельствуют о том, что демократизирующееся общество не только унаследует предшествующие отношения, но при активных усилиях деструктивных антидемократических сил не способно избежать насилия, в том числе с применением вооруженных сил в решении внутренних и внешних вопросов.

Это объясняется, во-первых, тем, что любая форма властных отношений предполагает асимметричность, неравенство. Поэтому даже в условиях демократии объекты власти испытывают определенную отчужденность от властвующих, исходящую из различия их интересов. Во-вторых, бюрократизация системы управления, характерная для современных развитых государств, усиливает у рядовых граждан чувство безвластия, неверия в то, что можно защитить свои интересы легальным путем. В-третьих, инерционность политических институтов, включая демократические, не всегда позволяет им вовремя адаптироваться к требованиям новых социально мобилизованных групп, что вынуждает последние обращаться к экстремистским средствам решения своих проблем. В-четвертых, политическая система и ее силовые структуры оказываются недостаточно подготовленными и способными отстаивать приоритеты демократии в жесткой борьбе с единым криминало-амбициозным фронтом прослойки имущих, стремящихся к полной политико-экономической и социальной монополии в обществе или достижению скоординированных антидемократических целей в международном сообществе.

Одна из причин политического насилия заключается в социокультурной сфере. Между формирующейся ценностно-нормативной системой демократизирующегося общества и активизацией экстремистских форм

политического противодействия прослеживаются связи, которые определяют возможность проявления политического насилия. Господствующая в обществе политическая культура призвана обеспечить легитимность существующей государственной власти. Успешное выполнение этой задачи снижает вероятность острых конфликтов в обществе, включающих использование насилия. Наоборот, крушение системы ценностно-нормативных оправданий политического и социального строя является источником политического насилия. Если этот процесс не способствует оздоровлению общества, то значительная часть граждан утрачивает веру в законность политического режима, убеждение в том, что необходимо подчиняться приказам и распоряжениям властвующих. Формируются оппозиционные контркультуры, восполняющие духовный дефицит активно отчужденных от политической системы индивидов и групп.

Источником насилия являются ценностные системы тех контркультур, которые носят радикальный характер. Большую роль в них играет идеология, которая является мощным фактором мотивации политического поведения. Радикальные идеологии формируют установку на использование экстремистских форм политического участия. Они ориентируют на фундаментальный разрыв с традиционными социальными и политическими ценностями, нетерпимость к политическим оппонентам, упрощают действительность до уровня дихотомного деления по принципу «свои – чужие».

Широкое применение насилия может быть обусловлено не только кризисом ценностно-нормативной системы, но и особенностями того типа политической культуры, который господствует в обществе. Нормы тоталитарно-авторитарной политической культуры способствуют распространению насилия в политической жизни. Регионально-этнические варианты политических культур также могут рассматривать насилие как допустимый образец поведения, санкционируемый нравами и традиционной моралью.

Все отмеченные характеристики и источники политического насилия раскрывают его принципиальные политолого-психологические признаки проявления политической активности в обществе. Если обратиться к непосредственно психологическим характеристикам политического насилия, то необходимо раскрыть механизм проявления отмеченных причин, обуславливая необходимость использовать субъектами политики в своей деятельности насилие. Его проявление состоит в следующем. Социальные сдвиги, нарушающие равновесие стратификационной системы, вызывают недовольство и сопротивление определенных групп, которые в рамках данной формы властных отношений не могут найти иных способов выражения и защиты своих интересов, кроме насильственных. Этому способствует кризис ценностно-нормативной системы, а также особенности господствующей политической культуры, традиционной морали. Этот механизм определяет особенности осуществления политического насилия в обществе и в межгосударственных отношениях. Политическое насилие при этом выступает средством достижения политической цели.

Политическое насилие – многогранный феномен и потому требует системного подхода в его анализе и управлении им. Важнейшей особенностью политического насилия как средства в политике является высокая степень риска, связанная с его применением. Политическая деятельность, связанная с насилием, отличается высокой эмоциональной напряженностью, насыщенностью. С одной стороны, субъекты насилия часто руководствуются эмоциями и чувствами, дошедшими до бурной степени проявления: гнев, ярость, ненависть, отчаяние. С другой стороны, последствия насилия вызывают соответствующую эмоциональную реакцию объектов насилия. Унижение достоинства, боль, горе порождают не только страх, но и ненависть, чувство мести.

Даже рациональное решение, предполагающее применение физического принуждения, в процессе реализации может быть подвергнуто эмоциональной эрозии, ознаменоваться неожиданными поворотами. В ходе самих насильственных действий, в горячке конфронтации трудно сохранить самообладание, контролировать свои эмоции.

Объект политического насилия подчиняется властной воле только в том случае, если уверен, что опасность применения к нему средств принуждения носит реальный характер. Поэтому угроза насилия должна периодически сопровождаться его применением.

Военно-политические аспекты насилия мешают его избирательному использованию. Эффект применения любого оружия, особенно высокой разрушительной силы, непредсказуем. При этом часто страдают люди, которые первоначально не были объектом насилия. В современных условиях они составляют до 90% жертв конфликтов. В частности, разрушение полумиллионного города Грозный в Чечне, около 100 православных храмов в Югославии и другие следствия военно-политического насилия оставили в сознании и психике всех участников этих военно-политических конфликтов очень существенный след. Это указывает на то, что насилие как политическое средство отличается конфронтационностью. Оно является выражением безразличия субъекта к интересам объекта, тех, против кого направлено физическое принуждение. Насилие – это наиболее откровенное, видимое средство политического и социального господства. В отличие от скрытых, более мягких способов властвования, оно прямо и грубо ограничивает свободу, реализацию прав путем физического воздействия. Следовательно, эмоциональная реакция на унижающее воздействие насилия в отношении его объекта не улучшает, а ухудшает взаимоотношения участников политики. Насилие создает помехи в коммуникации между субъектом и объектом власти. Оно подрывает их доверие друг к другу, разрушает устойчивые ожидания по поводу действий субъектов политики.

Насилие как средство в политике отличается также тем, что оно способствует распространению в обществе авторитарных тенденций. Государства и их внутренние административные образования, участвующие в политических условиях, стремятся к ужесточению своих политических режимов. Прежде всего, насилие авторитарно потому, что обладает

инерционностью, способностью превращаться в традицию политической жизни. Там, где насилие доказало свою действенность, возникает соблазн использовать его и в дальнейшем, для других целей.

Применение насилия делает необходимым формирование разветвленного репрессивного аппарата, который претендует на особый статус и политическое влияние. Насилие представляет опасность для демократических институтов еще и потому, что в конечном итоге требует перестройки всей социальной, экономической, политической системы, ее милитаризации, усиливает централизацию власти, ее директивный характер.

Эффективность политического насилия может быть охарактеризована как способность достигать цели субъектов политики, которые его применяют. Критерием эффективности выступает мера соответствия достигнутых результатов поставленным целям по завоеванию, удержанию и защите политической власти. Чтобы детально оценить эффективность политического насилия, используя генеральный критерий, целесообразно включить в него частные критерии и соответствующие им показатели. С их помощью можно проанализировать политические возможности и действия по осуществлению определенных функций политического насилия.

Функции насилия состоят в достижении основных целей субъектов политики – овладения, использования и защиты власти, прежде всего государственной. В роли средства реализации этих функций используются возможности насилия в виде военно-политического, социально-психологического, организационного, экономического или иного воздействия. Поэтому возможен подход в оценке эффективности политического насилия прежде всего с учетом результатов оценивания эффективности средств достижения политической цели.

Политическое насилие не укрепляет доверия сторон властных отношений, поэтому можно усомниться в прочности власти, опирающейся на «голое» физическое принуждение. Вместе с тем современные достижения в области средств массовой коммуникации, технической оснащенности насилия, технологии социального контроля повышают потенциал политического насилия. Систематическое, грубое, крайнее насилие способно создать такую атмосферу всеобщего страха, которая парализует волю к сопротивлению, порождает трансформацию сознания. В экстремальных ситуациях у объекта власти может сформироваться внутренняя привычка к подчинению репрессивной власти. Таким образом, режим, опирающийся преимущественно на насилие, может просуществовать достаточно долго. Однако социальной ценой стабильности такого режима может быть общая деградация социального и политического строя.

Эффективность политического насилия при выполнении субъектами политики функций удержания и защиты политической власти имеет как общие, так и особенные и единичные отличительные характеристики в сравнении с теми, которые присущи для функции завоевания политической власти, другими средствами. Для современного общества, в котором требуются такие качества

личности, как самостоятельность, инициативность, творчество, насильственное регулирование социальных отношений малопригодно.

Насилие в целом можно оценить как политическое средство низкой эффективности, поскольку при невысокой степени достижения поставленных задач (из-за непредсказуемости насилия) оно связано с большими социальными издержками. Насилие более эффективно при решении разрушительных задач тактического характера, чем при достижении долгосрочных созидательных целей.

Несмотря на низкую эффективность, политическое насилие может приносить ожидаемые результаты в определенных конкретно-исторических ситуациях. Условиями эффективности насилия являются достаточность ресурсов; легитимность; владение искусством применения насилия (гибкое сочетание насилия с другими властными средствами, учет социальных условий деятельности политических субъектов, логичность и последовательность в использовании физического принуждения, соблюдение меры насилия); наличие благоприятных внешнеполитических факторов; политико-правовая, социально-экономическая, нравственная и психологическая целесообразность, оправданность. Критерием оправданности политического насилия может быть его соответствие прогрессивным потребностям, ценностям и нравственным установкам общества. Нравственная оценка политических действий, связанных с насилием, в значительной мере влияет не только на их ход, но и на перспективы политических процессов. С другой стороны, защита или утверждение определенных моральных ценностей невозможны, если политические насильственные действия неэффективны.

Психологические признаки диктатуры как формы политического насилия

Большая часть известных человечеству режимов были диктаторскими. Конечно, крайне редко это была полновластная диктатура одного человека. Чаще всего, даже в условиях формально ничем не ограниченной власти тирана, существует правящая олигархия, с интересами которой он должен считаться. Однако возможность для сколько-нибудь широкого слоя управляемых влиять на управляющих, а тем более – выбирать их, до самого недавнего времени встречалась крайне редко.

Но и в двадцатом веке, когда идеи демократического устройства получили широкое распространение, вошли в конституции многих государств и в основополагающие международные документы, диктатуры продолжают существовать. Более того, во многих странах диктатуры, пусть и на не очень продолжительные сроки, сменяют демократию. Диктатор всегда приходит как избавитель, как защитник простого человека от врагов и от хаоса. Но ни одной диктатуре не удалось выполнить свои обещания – обеспечить людям высокий уровень жизни, стабильность и безопасность.

Успехи всегда оказывались сугубо временными, а расплата, если у диктаторов не хватало разума и ответственности вовремя уступить, – страшной. Гитлер построил дороги и дал немцам работу, но кончилось это военным поражением и разделом страны. Португалия после пятидесятилетнего правления фашистского режима оказалась самой бедной страной Западной

Европы. В Эфиопии, Ираке, на Филиппинах диктатуры приносили нищету и кровь. Такое насилие можно характеризовать как геноцид. Геноцид – особый вид политического насилия, которое характеризуется массовыми убийствами, большой степенью вовлеченности в акты насилия не только властной элиты и сотрудников карательных органов, но и практически всего населения.

Диктатуры бывают разными. Некоторые из них ограничивают политические права граждан, не вмешиваясь в экономику или религию. Кому-то из диктаторов удастся править если и не бескровно, то, по крайней мере, без массовых репрессий. Но есть диктатуры тоталитарные. Психологическая база подобных диктатур представляет наибольший интерес.

Тоталитарная диктатура – диктатура, стремящаяся к полному контролю за всеми сторонами жизни человека и общества, приносящая в жертву своим целям жизни, не останавливающаяся ни перед какими преступлениями.

Эмоциональная поддержка диктатуры

Стабильной может быть только та власть, которая устраивает людей, которая что-то им дает, или про которую они думают, что она им что-то дает. Это «что-то» может быть материальным – например, высокий жизненный уровень, это может быть ощущение защищенности или вера в справедливость социального устройства. Это может быть радость от принадлежности чему-то светлому, могущественному и прекрасному.

Идеальных обществ не существует. Однако замечание Черчилля о том, что демократия, хоть и ужасна, является лучшей из всех возможных форм правления, по-видимому, разделяется большинством наших современников. По крайней мере, даже критически относящиеся к своим правительствам англичане или американцы очень редко предлагают установить вместо существующей и разочаровавшей их системы другую, основанную на принципах, апробированных в коммунистическом Китае или в Германии времен нацизма. Стабильность демократических государств имеет не только экономическую или историческую, но и психологическую природу: люди, несмотря на высокий уровень критицизма, согласны с существованием этой системы, согласны с тем, что при всех своих недостатках она выражает и защищает их материальные и духовные интересы лучше, чем могла бы выражать система, построенная на других началах.

По-видимому, такое же, если не большее, доверие к государству существует и в рамках диктатуры. Лидеры диктаторских режимов прекрасно понимают, насколько важно, чтобы граждане верили, что государство выражает именно их интересы. А поскольку на самом деле хотя бы в силу отсутствия эффективных обратных связей и неизбежно более высокой, чем в демократических странах, коррупции, диктаторская власть не выражает интересы людей, для поддержания ощущения единства власти и народа необходимо содержать огромный и дорогостоящий идеологический аппарат. Задача этого аппарата – внедрять в сознание людей иллюзорную, искаженную картину мира, в которой государство и люди составляют единое целое, и потому даже сам вопрос о возможности поиска другой, более эффективной

системы правления, свидетельствует о злонамеренности или неадекватности того, кто этот вопрос задает.

Чем более жесткой и экономически неэффективной является диктатура, тем больше сил и средств тратится на регулярное и обязательное промывание мозгов, которое начинается с детского сада, а заканчивается лишь после смерти или после ареста. Уро-\$ень пропагандистского давления в диктаторских странах столь высок, что, вопреки очевидности, многие шэди считают государство своим, пекшимся об их штересах и защищавшим их от врагов и опасностей. Успеху пропаганды способствуют и прямая ложь об окасах жизни в демократических странах, и сусаль-гые рассказы о скромности и тяжелой работе вождей, «[осмотреть своими глазами на мир за пределами :вященных рубежей или на жизнь внутри заборов >храняемых государственных резиденций для поддан-юго диктаторской системы одинаково невозможно. Контроль за информацией и передвижениями является необходимым условием выживания диктатуры.

Цель пропагандистского воздействия – согласие, достижение легитимности диктатуры. Однако только согласия подданных для диктаторского режима недостаточно. Согласие – когнитивная конструкция. Для его достижения или для преодоления несогласия нужно обращаться к разуму человека, приводить аргументы и контраргументы, рассматривать доводы реальных или воображаемых оппонентов. Даже если пропаганда основана на лжи, она стремится принимать рациональные формы, создавая иногда даже целые научные; дисциплины, единственная цель которых – подтвердить нужную властям картину мира. Но поскольку диктатура по сути своей не просто безразлична к человеку, но глубоко ему враждебна, то такой рациональный или псевдорациональный анализ рано или поздно может привести к пониманию реальности, а значит, и к разочарованию в базовых постулатах режима и крайне нежелательным для него выводам.

Поэтому стабильность диктаторского режима подкрепляется еще одним психологическим механизмом, не обязательным для демократий – эмоциональным. Само государство и те, кто его персонифицируют, становятся объектами чувства любви. Интересно, что если слово «любовь» практически чуждо политическому словарю демократических стран, то в условиях диктатуры оно одно из самых распространенных. Например, в СССР «любимой и родной» была не только Родина, но и вожди, в том числе и местные, правительство, любой государственный институт, например, армия или школа и, разумеется, партия как ум, честь и совесть. По отношению к своему отечеству подобные эпитеты используются во многих странах.

Диктатура нуждается в значительно большей психологической поддержке граждан, чем демократия. Президента демократической страны могут не любить, могут смеяться над ним, но система будет оставаться стабильной и эффективной. Рациональные механизмы, заложенные в ее основу, не требуют сильного аффективного подкрепления. Понимание того, что режим стоит не только на страхе перед террором и уж никак не на уважении граждан к законности и правопорядку, а на иррациональных аффектах, во многом

определяет внутреннюю политику диктаторских режимов. Любое государство стремится в известных пределах контролировать поведение граждан. Номенклатура обязательных чувств выходит далеко за рамки безграничной любви к государству и ненависти к врагам. Кроме обязательных политических предпочтений, диктатуры предписывают человеку, какая музыка должна ему нравиться, какие литературные произведения должны вызывать восхищение, а какие – справедливый гнев. В наиболее жестких диктатурах контроль за чувствами является чуть ли не основным делом органов безопасности.

Крайне негативное отношение к любви и к сексу, характерное для всех почти диктаторских режимов, тоже связано с попыткой тотального контроля за чувствами. Любовь между мужчиной и женщиной или родительская любовь, предполагающие, что интересы любимого человека в какой-то момент могут быть поставлены выше всего остального – чувство, враждебное диктаторскому государству. Что же касается секса, то диктаторская власть никак не может легитимизировать его. Идеальный человек, прославляемый официальным искусством диктатуры, сексуальных устремлений не имеет, как, впрочем, не имеет и пола как такового.

Диктаторское государство, основанное на лжи и насилии, стабильно и могущественно потому, что люди его искренне поддерживают. Этот вывод крайне неприятен для тех, кто в разных странах, переживших диктатуру, хотел бы снять со своего народа ответственность за все происходившее, представив годы диктатуры как непрерывный акт насилия. Но, если люди – лишь невинные жертвы, если у них не было сил сопротивляться, это значит, что они не смогут предотвратить и будущие катастрофы и вообще не способны отвечать за собственную судьбу. Вряд ли эта позиция конструктивна. Более целесообразным представляется не отрицать факта эмоциональной поддержки диктаторской власти, а попытаться понять причины и механизм этой поддержки.

Конечно, диктаторская власть не может рассчитывать только на любовь подданных. Надо, чтобы люди не только любили, но и боялись. Поэтому репрессивный аппарат диктатуры никогда не простаивает, выявляя не столько тех, кто против режима, – они все уже давно обезврежены, – сколько тех, кто мог бы быть против. Одновременно осуществляется широкомасштабный подкуп тех, кто служил власти. Это не так трудно сделать даже в абсолютно нищей стране, лишь бы государство имело монополию на распределение всего и вся. Людям ведь не так важно жить хорошо, как жить лучше других.

Идея специфического социально-психологического типа, который соответствует политическому режиму диктатуры, нашла воплощение в концепциях как противников диктатуры, так и ее сторонников. Примером концепции противников диктатуры может быть модель авторитарной личности Теодора Адорно. Положительное отношение к диктатуре содержится в идеологии «человека власти» Э. Шпрангера, «солдаткости» А. Бойм-лера, «рабочего» Э. Юнгера, «нордического человека» А. Розенберга.

Стремление создать образ приемлемого для режима человека немало говорит о менталитете диктаторов. Но желание это имеет и практический

смысл. Всякая власть опирается не только на тех, кто заинтересован в ее существовании по прагматическим соображениям, но и на определенный тип личности, на людей, которым именно такая система власти нравится, отвечает их психологическим характеристикам. Причем не так важно, много ли в обществе таких людей. Важно, чтобы именно они имели максимальный доступ к руководящим и влиятельным позициям в армии, системе образования, средствах массовой информации.

Диктатуре необходим особый человек. Но нет нужды создавать его специально. Он всегда существовал и существует в любой стране, хотя никогда и нигде не был в большинстве. Это человек, которому нравится тоталитарная власть, который благоговеет перед ней и готов служить этому порядку, даже и не имея от него выгод лично для себя. Описанные Адорно авторитарные личности поддерживают любую сильную власть, вне зависимости от того, какие лозунги она пишет на своих знаменах. Диктатура находит таких людей, опирается на них, открывает им «зеленую улицу». Со временем именно такие люди начинают определять лицо общества. В результате складывается впечатление, что это активное в силу исторических обстоятельств меньшинство репрезентирует все население страны.

Психологические реакции на диктатуру

Объективно жизнь в условиях тоталитарной диктатуры жестко регламентирована. Государство контролирует все стороны функционирования общества и его членов. Оно лишает граждан личного пространства. Гражданин тоталитарного государства не распоряжается даже собственной жизнью. В разных странах, оказавшихся во власти тоталитарных диктатур, миллионы людей были арестованы и убиты по вздорным обвинениям или просто без всяких обвинений. Человек может быть убит и по каким-то понятным либо ему самому, либо репрессивному аппарату основаниям – инакомыслие, нежелательная этническая или религиозная принадлежность, неправильное социальное происхождение – и просто случайно, потому, что органы безопасности хотели продемонстрировать рвение и усердие в работе. Тоталитаризм – это сюрреалистический мир, где человек лишен многого, и защиты от все-проникновения государства практически нет.

Есть три варианта реагирования на такую жизнь.

Первый вариант реакции человека на тоталитарное государство – сопротивление, восстание. Это путь немногих героев. История диктаторских режимов хранит свидетельства героического поведения тех наших сограждан, которые надеялись сокрушить систему или для которых чувство собственного достоинства и стремление к свободе были дороже жизни. Почти все они, разумеется, погибли. Государство, кстати, придумывая фиктивных террористов и шпионов в количествах, превосходящих всякое воображение, тщательно скрывало от своих подданных реальные случаи сопротивления. Понимая, что власть их стоит не только на силе, но и на своего рода психологических воздействиях, вожди боялись, что пример отдельных смельчаков может разрушить основы власти.

Второй вариант реакции человека на тоталитарное государство – непротивление, которое не требует самопожертвования. Человек может осознать преступность режима, полную непредсказуемость собственной судьбы и невозможность повлиять на нее, но, понимая безнадежность борьбы, ничего не делать, принимая мир таким, каков он есть.

Мы все знаем как трудно человеку принять даже естественные моменты человеческого бытия – неизбежность собственной смерти, непредсказуемость и негарантированность развития отношений с близкими людьми. Но во много раз труднее примириться с бессмысленной жестокостью диктатуры. Для того чтобы, все понимая и принимая как неизбежность, продолжать жить, работать, воспитывать детей, требовалось мужество, не меньшее, чем для бунта, нужен был уровень личностного развития, доступный лишь немногим избранным.

Наиболее естественным для человека, а значит, и наиболее распространенным является третий вариант реакции на реалии тоталитарного государства – определенные искажения в восприятии мира с тем, чтобы сделать его менее пугающим и более благополучным.

Необходимые искажения в восприятии мира легче осуществить не на когнитивном уровне, отрицая какие-то аспекты реальности или придумывая то, чего нет, а на аффективном, меняя не столько свое восприятие, сколько свое отношение к действительности. Такое мироощущение позволяет сохранить уверенность в завтрашнем дне хоть на палубе тонущего корабля.

Люди хотят жить в уютном и спокойном мире, в котором им ничто не грозит. Активисты экологических движений знают, как эффективно наши современники отторгают любую неблагоприятную информацию о состоянии природы, как трудно привлечь их внимание к катастрофическим последствиям их собственной деятельности. Заядлые курильщики отвергают данные о вреде никотина, зато с радостью читают сообщения о долгожителях, которые якобы чуть ли не с рождения не выпускали трубку из рта.

Аналогичным образом люди, живущие при диктатуре, будучи не в силах ни изменить реальность, ни примириться с ней, строят для себя иллюзорный мир. У разных людей, переживших диктатуру, уровень психической деформации различен. Это зависит от личностных особенностей человека и от его семейных обстоятельств. На индивидуальном уровне последствия психической травмы могут давать о себе знать долгие годы. Переживание трехлетнего возраста делает иногда человека больным на всю жизнь. Травмы, пережитые целыми народами, будут ощущаться еще не одно поколение.

3.5. Радикализм, экстремизм и конфликты в политическом процессе

Понятие «радикализм» (от лат. *radix* – корень) в современной политической психологии имеет несколько значений, а именно – как психологический механизм качественного преобразования политических процессов, предполагающий решительные и бескомпромиссные действия для достижения цели; политическое движение, придерживающееся крайних средств достижения цели; социокультурная традиция, обусловленная соответствующим типом личности и национально-цивилизационными особенностями общества и государства.

В основе радикализма лежит, во-первых, негативное отношение к сложившемуся политическому феномену, а во-вторых, признание одного из возможных способов выхода из реальной ситуации как единственно возможного. В то же время радикализм нельзя отнести к каким-либо определенным политическим позициям. Радикализм может проявляться в различных формах нигилизма, экстремизма, терроризма, революционаризма. Однако принято говорить и о «радикальном центре», то есть политической позиции, радикально отвергающей крайности и требующей решительно проводить сбалансированную политику. Как показывает история, достаточно часто государство само создает ситуации, порождающие радикализацию политических субъектов.

Как способ деятельности, тяготеющий к крайностям, радикализм, как правило, играет в обществе дестабилизирующую роль, способствует конфронтации политических сил, провоцирует углубление конфликтов, разбалансирование системы управления. Но в определенных социально-политических условиях радикализм может способствовать критическому пересмотру правительством своего политического курса, препятствовать накоплению негативной энергии внутри общества.

Политический радикализм

Политические процессы в России свидетельствуют о том, что политический радикализм был и остается их неотъемлемым компонентом, существенно влияющим на характер и динамику развития общества. Наряду с консерватизмом, политический радикализм является важнейшей политико-культурной традицией. Будучи обусловлен историческими, географическими, политическими, социальными, психологическими особенностями развития страны, радикализм в свою очередь и сегодня оказывает воздействие на характер функционирования всех сфер общества, менталитет, чувства, настроения, привычки индивидов и социума, на модели поведения, формы политического участия и взаимодействия россиян. Он проявляется на уровне социальных слоев, элиты и контрэлиты, властвующих и оппозиционных групп, обуславливая осевую линию политического поведения политических лидеров и простых граждан.

Фронтальная и структурная перестройка существенных компонентов общественного организма актуализирует задачу нейтрализации последствий проявлений крайностей радикализма, ограничения его воздействия на политическую жизнь. В переломные исторические периоды, когда подвергаются существенной трансформации основы жизнеустройства людей, идеалы, ценностные установки, особенно необходимо взвешенное отношение к этому феномену. Политический радикализм – это реальность, с которой следует считаться.

В трудах М.И. Басманова, Э.Я. Баталова, В.Э. Большакова, А.И. Борисова, А.А. Веселицкого, СИ. Вели-ковского, В.В. Витюка, К.В. Гусева, Ю.Н. Давыдова, Ю.А. Замошкина, Г.С. Филатова, А.А. Франкина и др. достаточно обстоятельно проанализированы причины появления, социально-классовые основания, идеология политического радикализма, а также

эволюция, тактико-стратегическая деятельность, его проявления в различных террористических, экстремистских, фашистских и других организациях.

Отличительные аспекты политического радикализма фрагментарно затрагиваются в публикациях Г.В. Во-долазова, А.В. Логинова, посвященных русской ментальности, политической культуре, лидерству, большевизму, тоталитаризму. При анализе религиозных истоков политического радикализма, кроме работ русских философов, интересные результаты анализа этой проблемы содержатся у исследователей религиоведческой области в трудах Н.П. Андрианова, Ф.Ю. Борункова, В.И. Доб-ренькова, П.К. Курочкина, А.А. Радугина, И.С. Свенциц-кой, И.Н. Яблокова и др. Использовались также в работах деятелей церкви игуменов Иоанна Экономце-ва, Вениамина (Новика), протоиерея Митрофана Зноско-Боровского и др.

Проблемы духовных процессов, политической культуры стали предметом внимания С.С. Аверинцева, В.Н. Амелина, А.С. Ахиезера, Э.Я. Баталова, В.В. Журавлева, Ю.А. Левады, А.И. Соловьева, Ю.В. Согомонова и др. Работы В.В. Ильина, В.Б. Пастухова, А.С. Панарина, А.И. Соловьева, А.М. Ушакова, В.А. Щегорцова и др. расширяют методологическую основу изучения политического радикализма в цивилизационном и социокультурном контекстах. Полезным являются труды ученых психологического и социально-психологического направления Г. Тарда, А.А. Бодалева, Д.В. Ольшанского, В.С. Рахманина и др.

Таким образом, можно утверждать, что в отечественной и зарубежной науке создана определенная база для дальнейшего углубленного исследования проблемы радикализма. Совокупность методологических подходов, учитывающих антропо-социо-цивилизационно-куль-турологические аспекты, адекватна анализируемому феномену и позволяет выявить его социокультурные истоки, сущность, национально-цивилизационные особенности, объяснить воспроизводимость, большую распространенность на российской почве.

С этих позиций политический радикализм раскрывается как социокультурный феномен, обусловленный особенностями исторического, религиозного развития страны, проявляющийся в ценностных ориентациях, устойчивых формах политического поведения субъектов, нацеленных на оппозиционность, изменения, тотальный, быстрый темп перемен, примат силовых методов в реализации политических целей.

Радикализм выполняет следующие функции в политическом процессе: сигнально-информационная о степени неблагополучия общественно-политической среды; разрядки социальной напряженности путем выхода накопившегося недовольства; давления на политические институты, подготовку, принятие и проведение политических решений; корректировки политического курса; стимулирования коренных политических изменений, инноваций.

Сравнительный анализ западноевропейского и русского национальных характеров и радикалистского проявления позволил показать существенные линии их расхождений, отражающие особенности социально-политического

развития страны, национально-цивилизационные черты россиян сквозь призму политического, ценностного отношения к явлениям и институтам власти.

Противоположность функционального воздействия религии на политический процесс на Западе и в России позволяет сделать вывод о русском православии как религии, адекватно отразившей и усилившей те черты характера, которые в комплексе с географическими, экономическими, социально-политическими факторами способствовали превращению радикализма в России в одну из ведущих политико-культурных традиций. При этом она привносит в него гуманистический характер.

Как идейно-политическое течение, система убеждений определенной группы людей, метод решения локальных экономических и социально-политических задач радикализм является необходимым компонентом политической жизни. В устойчивых социальных системах консервативные, либеральные, радикальные компоненты находятся в сбалансированном взаимодействии. В переходных системах расширяются объективные и субъективные причины, стимулирующие радикалистское поведение. Масштабы распространенности, степень остроты проявлений радикалистских ценностных ориентации политических субъектов будут уменьшаться с экономической и политической стабилизацией в стране. Ценности невозможно отменить, общество должно их исчерпать, пережить. Политические власти могут ослабить воздействие радикализма на политическую жизнь, нейтрализовать последствия его проявлений.

Психологические предпосылки появления и проявления радикализма

Радикализм мысли предполагает, что любые социальные построения (анархия, социализм, индивидуализм и т. д.) могут быть лишь выводами, а не аксиомами. Он предполагает такие действия, которые на практике ведут к реализации базовых ценностей. Смысл сидения на трубах, воспитания детей и писания статей определяется не актуальностью каждого из этих занятий, а тем, в какой мере оно способствует расширению сферы свободы и солидарности максимального числа людей.

Справедливости ради нужно признать, что и радикализм формы мог в условиях общественных потрясений приводить к крупномасштабным последствиям. Только они, как правило, реакционны. Попытка подтолкнуть прогресс, дергать росток, чтобы быстрее рос, – все это приводит к разрушению культуры, накапливаемой эволюционно.

Но для радикала формы это очень сложно и противоречит самой основе его мировоззрения – простоте решения. Разрушение без созидания, к которому склонны радикалы формы – это воспроизводство более примитивных общественных форм. Революция – результат неумения правящей элиты выйти из кризиса – создает сотни возможностей, из которых лишь две-три (и не самые радикальные по форме) ведут к успеху дела свободы и солидарности.

Вероятность прихода к власти радикалистских сил весьма высока, притом в недалеком будущем. Тем не менее, этому не придается должного значения, подход к этой угрозе нередко кажется удивительно легковесным. Необходимо

постоянно иметь в виду предпосылки возможной победы политического радикализма, факторы, делающие ее вероятной или даже неизбежной.

Политический экстремизм

Приверженность в идеях и политике крайним взглядам и действиям. Экстремизм порождает социально-экономические кризисы, деформации политических институтов, резкое падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе чувств, настроений хандры, пассивности, социальной и личной нереализованности, неполноты бытия, страх перед будущим, подавление властями оппозиции, инакомыслия. Он также определяет блокирование легитимной самостоятельности человека, национальный гнет, амбиции лидеров политических партий, ориентации лидеров и акторов политического процесса на экстремальные средства политической деятельности.

Социальную базу экстремизма составляют маргинальные слои, представители националистических, религиозных движений, недовольные существующей политической реальностью интеллигенция, молодежь, студенчество, военные.

Экстремизм не является четким и единым феноменом. По направленности выделяется экстремизм экономический, политический, националистический, религиозный, экологический, духовный и др. Экономический экстремизм направлен на уничтожение многообразия и установления какой-либо одной формы собственности, единых методов ведения хозяйства, полный отказ от принципов государственного регулирования экономической сферы, резкое сокращение социальных расходов, наступление на социальные завоевания трудящихся, устранение конкуренции в предпринимательской деятельности и др.

Националистический экстремизм отвергает интересы, права другой нации. Он органически связан с сепаратизмом, направлен на развал многонациональных государств, утверждения господства коренной нации. Религиозный экстремизм проявляется в нетерпимости к представителям других конфессий или жестком противоборстве в рамках одной конфессии (мусульманских и христианских общин в Ливане и Судане, мусульманский фундаментализм). Экологические экстремисты выступают не только против эффективной природоохранительной политики, но и

против научно-технического прогресса вообще, считая, что ликвидация неблагоприятных в экологическом отношении производств – единственно возможный путь улучшения качества окружающей среды. Духовный экстремизм ориентирован на изоляционизм, отвергает опыт, движение другой культуры, навязывает в качестве официальной идеологии определенные социальные, религиозные, этнические стандарты. Целью политического экстремизма является дестабилизация, разрушение политической системы, государственных структур и установление режима правого или левого толка. В политической практике в чистом виде эти типы экстремизма практически не встречаются. Националистический экстремизм во многих странах сплетается с религиозным, духовным, политический – с экономическим, религиозным и др.

По критерию масштабности действий политический экстремизм может быть внутри- и межгосударственным.

По численности и организованности участников экстремистские действия сообществ, групп (сект, организаций); организованных или спонтанных групп; одиночек (обычно лиц с психическими заболеваниями или иными аномалиями).

По отношению к властным структурам, различают экстремизм государственный и оппозиционный. Государственный экстремизм осуществляется властными структурами, его основным оружием является демагогия, репрессии. Оппозиционный экстремизм осуществляется антирежимными группировками, главным образом с помощью террористических актов. К государственному экстремизму чаще прибегают нестабильные режимы с низким уровнем легитимности власти.

Выделяют так же левый и правый экстремизм. Левый экстремизм заимствует идеи революционаризма, анархизма, объявляет себя наиболее последовательным выразителем и защитником трудящихся масс, всех обездоленных, неимущих. Объектами их критики является социальное неравенство, подавление личности, эксплуатация, бюрократизация в обществе, устранить которые они готовы любыми средствами, вплоть до вооруженных выступлений. Часть левых экстремистских организаций находится на нелегальном положении, ведет партизанскую войну, совершает террористические акты, захват заложников.

Правые экстремисты (фашистские, неонацистские, ультраправые, националистические, расистские

движения, организации, партии, такие, как «Русское национальное единство» в России) критикуют современное общество за «отсутствие порядка», «господство плутократии», «упадок нравов», эгоизм, потребительство и др. Ультраправые экстремисты часто используются для борьбы с прогрессивными обществами организациями и политическими деятелями.

Разновидностям экстремизма присущи общие черты: насилие или его угроза, обычно вооруженного; одномерность, однобокость в восприятии общественных проблем, поиски путей, их решения, фанатизм, одержимость в стремлении навязать свои принципы, взгляды оппонентам; бездумное, беспрекословное выполнение всех приказов, инструкций; опора на чувства, инстинкты, предрассудки, а не на разум; неспособность к толерантности, компромиссам, либо игнорирование их. Экстремизм смыкается с крайним радикализмом, терроризмом, нигилизмом, революционностью, вождизмом.

Особенностями современного экстремизма являются рост масштабности, сопутствующий наращиванию потенциала и превращение экстремистских группировок во влиятельные структуры жизни; усиление жестокости и безоглядности действий экстремистов; многообразие форм деятельности, использование новейших технических достижений, средств массового поражения (компоненты химического, бактериологического оружия, похищения радиоактивных материалов); стремление добиться общественного резонанса, устрашения населения. Расширяется информационная, тактико-

стратегическая, финансовая, идеологическая, психологическая, ресурсная взаимосвязанность экстремистских сообществ и групп в отдельных странах и международном масштабе.

В последние годы экстремизм получил широкое распространение в странах Восточной Европы и России. На территории бывшего СССР особенно активизировались националистический (УНА-УНСО, Белорусский народный фронт, радикалы в Прибалтике) и религиозный экстремизм («Нахдат» и «Джамаат и Ислам» в Дагестане, «Исламский путь» в Чечне). В пропагандистской и практической деятельности националистическими организациями активно используются проблемы территориальных споров на постсоветском пространстве. В России это прежде всего северо-кавказский регион. В отношениях между бывшими советскими республиками – территориальные вопросы между Россией и Украиной, странами Прибалтики. Казахстаном, Таджикистаном и др.

Деструктивные силы правой, левой, националистической, религиозной ориентации используют ошибки и просчеты в деятельности государственных органов, разжигают конфликты, провоцируют столкновения, игнорируя политические, экономические, социальные, духовные последствия своих ультрарадикальных действий. Это дестабилизирует политический процесс в России, стимулирует перерастание латентных противоречий в стадию их силового, нередко вооруженного, разрешения, угрожает безопасности страны, ухудшает межгосударственные отношения, ведет к снижению международного престижа России.

Государственная эффективная политика защиты личности, общества от экстремизма должна включать: концептуальное осмысление этого феномена, его разновидностей, перспектив развития; всестороннюю готовность системы безопасности страны к противодействию экстремизму, адекватность ответных действий с учетом его разновидностей, различий в масштабах, содержании, мотивации проявлений; профессиональную экспертную оценку принимаемых решений на антиэкстремистский эффект; разработку соответствующих законов, своевременное реагирование на предусмотренное уголовным законом деяние; усиление информационного обмена, согласование статистической отчетности об экстремистской деятельности и ее участниках; работу с населением по формированию бдительности в отношении лиц и предметов, которые могут представлять опасность; своевременную и полную информацию о конкретных действиях экстремистов и судебном приговоре; целенаправленную правовую, морально-психологическую и боевую подготовку специальных отрядов антитеррористической деятельности; единство действий в международном, межгосударственном и государственном аспектах и др. Принципами антиэкстремистской стратегии являются превентивный характер действий участников антиэкстремистских операций; комплексность (организационная, информационная, правовая, психологические базы); активность, законность. Кроме того, должна действовать развитая система профилактики экстремистской активности и конкретных действий.

В связи с активным проявлением радикализма и экстремизма в политической и других сферах социальной практики необходима разработка действенных мер нейтрализации нарастающей опасности их деструктивного проявления в обществе. Одной из таких мер, обычно упускаемой из виду аналитиками, является налаживание разрегулированных конфликтных механизмов, характерных для переходных периодов, когда значительная часть этих механизмов приобретает «дикий» характер, а с другой стороны, продолжают сохраняться ряд конфликтных механизмов прошлого, которые накладывают отпечаток на социально-политическую и социально-психологическую ситуацию.

В этой связи нужно заметить, что специфика функционирования конфликтных механизмов в радикали-стских системах характеризуется подавлением и маскировкой многих из этих механизмов, что приводит к тому, что они утрачивают функции принципа саморегулирования, самокоррекции и стимулирования социально-политической системы, и гипертрофированием мифологизированных конфликтов, приводящим к повышенной конфликтности в отношении внешних и внутренних «врагов», к превращению режима в злое «пугало», в «империю зла». Чтобы механизмы перестали быть таковыми, необходимо, как показывает опыт ряда стран, либо естественное разложение системы, либо ее принудительная «дерадикализация».

Последняя оказывается тем более действенной, чем больше она связана с социально-психологическим очищением, с массовым чувством вины и раскаяния за прошлые преступления режима, что способствует освобождению массового сознания от непримиримости, воинственности, повышенной конфронтационности.

В исходе глобального противостояния демократии и тоталитаризма, этого основного социально-политического конфликта нашего века, его конечный результат в России будет иметь исключительное значение. Тоталитарная реставрация здесь может повести к катастрофическим последствиям не только для самой России, но и для всего мира. В связи с этим важно понимать, что область политики является областью не только постоянной, но и повышенной, по сравнению со многими другими сферами общественной жизни, конфликтности. Ее источник кроется в самой природе политических отношений власти, т. е. господства одних и подчинения других, отношений, основанных на преобладании одних людей и интересов над другими, что чревато столкновением и противоборством.

Следует подчеркнуть, что сталкиваться и противоборствовать могут и совпадающие и противоположные по своему конкретному содержанию интересы. Это особенно важно при обращении к рассмотрению политических конфликтов. Здесь сталкиваются противоположные интересы властвующих и подчиняющихся, но стремящихся к одному и тому же – к власти.

Что же такое конфликт? В психологии конфликт определяется как «столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций, отдельно взятого эпизода в сознании, в межличностных

взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей, связанное с отрицательными эмоциональными переживаниями» [8, с. 193].

Отсюда можно предположить, что политический конфликт – это столкновение противоположных сил, взглядов, в основе которых лежат несовместимые интересы и цели, субъектами которых могут быть государства, этносы, классы, социальные группы, политические партии.

Конфликты происходят между личностями отдельных политиков, за лидерство в регионе, политической партии, законодательном или исполнительном органе; между различными ветвями власти – законодательной, исполнительной и судебной; между различными уровнями власти – федеральным и региональным, городским и краевым и др.

Неразрешенные жизненные проблемы не такая уж безобидная вещь. Постоянное ущемление потребностей и интересов людей может привести к эскалации напряженности, которая в свою очередь указывает путь к национальной катастрофе. Во всяком случае некоторые конфликтологи прокладывают такой маршрут развития конфронтации: норма – проблема – конфликт – кризис – катастрофа.

Типология конфликтов

Известно немало разнообразных классификаций конфликтов, разработанных общественными науками, исследующими данный феномен: социологией, психологией, политологией. В основу классификаций кладутся различные критерии: состав участников, цель, способы проявления, уровни и др.

В психологии существует многовариантная типология конфликта в зависимости от тех критериев, которые берутся за основу. Так, например, конфликт может быть внутриличностным (между родственными симпатиями и чувством служебного долга руководителя), межличностным (между руководителем и его заместителем по поводу должности, премии между сотрудниками); между личностью и организацией, в которую она входит; между организациями или группами одного или различного статуса.

Американский исследователь Л. Козер в основу своей классификации кладет борьбу за достижение определенных целей. В соответствии с этим он делит все конфликты на реалистичные и нереалистичные. Нереалистичные конфликты движутся только враждебными чувствами их участников, стремящихся к нереалистичным целям. По Л. Козеру, это «социальный конфликт марксистского типа». Если рабочие борются с управляющими за достижение конкретного результата (более высокий статус, экономическую выгоду, сокращение рабочего времени) – это конфликт реалистичный. Если же их целью является нагнетание вражды как несовместимости классовых интересов, этот конфликт нереалистичен. Нереалистичные конфликты возникают, когда вражда и ненависть захватывают людей и эти чувства берут верх над «рационализмом» и «рассудочностью». В нереалистичном конфликте большую роль играет идеология [151].

Широко распространенной является типология конфликта К. Боулдинга, за основу которой взят такой критерий, как уровни организации общества. В соответствии с ним он делит все конфликты как протекающие:

- а) на уровне индивидуума;
- б) на уровне межличностных отношений;
- в) на уровне социальных групп;
- г) на уровне крупных систем и подсистем;
- д) на уровне всего данного общества;
- е) на региональном или глобальном уровне.

Автор доказывает, что любой из типов названных конфликтов имеет политический характер. Так конфликт на уровне отдельной личности не всегда можно зачислять в разряд психологических или социально-психологических. Часто он возникает как результат столкновений, социальных ценностей [151].

Американский политолог А. Рапопорт по способам проявления делит конфликты на три группы: сражение, игра, дебаты. В сражениях (схватках) целью соперничающих сторон, является причинение наибольшего вреда своему сопернику. Часто этот императив настолько силен, что участник конфликта не останавливается ни перед каким ущербом, лишь бы насолить врагу.

Для игры свойственна рациональная модель поведения ее участников: они рассчитывают свои ходы, тщательно взвешивают свои потери, а самое главное – принимают общие правила игры. Но в ходе игры ценности и предпочтения остаются неизменными, поэтому разрешить конфликты подобного типа практически невозможно.

Дебаты – это поиск общих оснований в системе ценностей. Здесь нужна совершенно иная стратегия поведения. Надо не только уметь рассчитать усилия и затраты, владеть правилами игры, но и уметь анализировать их, находить компромисс. Следовательно, консенсус, достигнутый в ходе дебатов, – это результат трудоемкой, длительной работы. Но вместе с тем, это и способ достойного выхода из конфликтной ситуации.

Конфликты различают также по способу их разрешения. Различают конструктивные и деструктивные конфликты. Для конструктивных конфликтов характерны разногласия, которые затрагивают принципиальные стороны, проблемы жизнедеятельности членов общества и разрешение которых выводит общество на новый, более высокий и эффективный, уровень развития. Деструктивные конфликты приводят к негативным, часто разрушительным действиям, которые иногда перерастают в склоку и другие негативные явления.

Немецкий психолог Вернер Зигерт выделяет три группы конфликтов:

- 1) конфликт двух (или более) целей, альтернатив, каждая из которых интересна и привлекательна;
- 2) конфликт выбора наименьшего зла. Мучительный конфликт здесь состоит в выборе между двумя или более вариантами, каждый из которых нежелателен;
- 3) конфликт противоположного восприятия одной и той же ситуации [164].

Допустима классификация также по характеру вызвавших конфликт причин. Причины, вызывающие конфликты, так же разнообразны, как и сами конфликты. Следует различать объективные причины и их восприятие индивидами.

Объективные причины в достаточной степени условно можно представить в виде нескольких укрупненных групп:

- ограниченность ресурсов, подлежащих распределению;
- различие в целях, ценностях, методах поведения, уровне квалификации, образования;
- взаимозависимость заданий, неправильное распределение ответственности;
- плохая психологическая коммуникация.

Вместе с тем, объективные причины только тогда явятся причинами конфликта, когда сделают невозможным личности или группе реализовать свои потребности, заденут личные и/или групповые интересы. Реакция индивида во многом определяется социальной зрелостью личности, допустимыми для нее формами поведения, принятыми в коллективе социальными нормами и правилами. Кроме того, участие индивида в конфликте определяется значимостью для него поставленных целей и тем, насколько возникшее препятствие мешает их реализовать. Чем более важная цель стоит перед субъектом, чем больше усилий он прилагает, чтобы ее достичь, тем сильнее будет сопротивление и жестче конфликтное взаимодействие с теми, кто этому мешает.

Выбор способа преодоления препятствий будет в свою очередь зависеть от эмоциональной устойчивости личности, располагаемых средств защиты своих интересов, объема располагаемой власти и многих других факторов. Рассмотренные конфликты могут выполнять самые разные функции, как позитивные, так и негативные (см. табл. 2).

Таблица 2 Функции политического конфликта

Позитивные	Негативные
разрядка напряженности между конфликтующими сторонами	большие эмоциональные, материальные затраты на участие в конфликте
получение новой информации об оппоненте	снижение дисциплины, ухудшение социально-психологического климата в обществе
сплочение общества при противоборстве с внешним врагом	представление о побежденных группах, как о врагах
стимулирование к изменениям и развитию	чрезмерное увлечение процессом конфликтного взаимодействия в ущерб работе
снятие синдрома покорности у подчиненных	после завершения конфликта - уменьшение степени сотрудничества между частью сотрудников
диагностика возможностей оппонентов	сложное восстановление отношений («шлейф конфликта»)

Структура и основные функции политического конфликта

Кроме того, каждый конфликт имеет также более или менее четко выраженную структуру. В любом конфликте присутствует объект конфликтной ситуации, связанный либо с технологическими и организационными трудностями, особенностями оплаты труда, либо со спецификой деловых и личных отношений конфликтующих сторон.

Вторым элементом конфликта выступают цели, субъективные мотивы его участников, обусловленные их взглядами и убеждениями, материальными и духовными интересами.

Далее, конфликт предполагает наличие оппонентов, конкретных лиц, являющихся его участниками.

И, наконец, в любом конфликте важно отличать непосредственный повод столкновения от подлинных его причин, зачастую скрывааемых.

Пока существуют все перечисленные элементы структуры конфликта (кроме повода), он неустраим. Попытка прекратить конфликтную ситуацию силовым давлением либо уговорами приводит к нарастанию, расширению его за счет привлечения новых лиц, групп

или организации. Следовательно, необходимо устранить хотя бы один из существующих элементов структуры конфликта

Конфликты, несмотря на свою специфику и многообразие имеют в целом общие стадии протекания:

- стадию потенциального формирования противоречивых интересов, ценностей, норм;
- стадию перехода потенциального конфликта в реальный, или стадию осознания участниками конфликта своих верно, или ложно понятых интересов;
- стадию конфликтных действий;
- стадию снятия или разрешения конфликта

Основные методы управления политическими конфликтами

Решение конфликта представляет собой устранение полностью или частично причин, породивших конфликт, либо изменение целей участников конфликта.

Управление конфликтами – это целенаправленное воздействие по устранению (минимизация) причин, породивших конфликт, или на коррекцию поведения участников конфликта.

Существует достаточно много методов управления конфликтом. Укрупненно их можно представить в виде нескольких групп, каждая из которых имеет свою область применения:

- внутриличностные, т. е. методы воздействия на отдельную личность;
- структурные, т. е. методы по устранению организационных конфликтов;
- межличностные методы или стили поведения в конфликте;
- переговоры;
- ответные агрессивные действия. Эту группу методов применяют в крайних случаях, когда исчерпаны возможности всех предыдущих групп.

Внутриличностные методы заключаются в умении правильно организовать свое собственное поведение, высказать свою точку зрения, не вызывая защитной реакции со стороны другого человека. Некоторые авторы предлагают использовать способ «я-высказывание», т. е. способ передачи другому лицу вашего отношения к определенному предмету, без обвинений и требований, но так, чтобы другой человек изменил свое отношение.

Этот способ помогает человеку удержать позицию, не превращая другого в своего врага. «Я-высказывание» может быть полезно в любой обстановке, но оно особенно эффективно, когда человек рассержен, раздражен, недоволен. Следует сразу оговориться, что применение данного подхода требует практики и навыков, но это бывает оправданным в дальнейшем. «Я-высказывание» построено так, чтобы позволить высказать личности свое мнение о создавшейся ситуации, выразить свои пожелания. Оно особенно полезно, когда человек хочет передать что-то другому, но не хочет, чтобы тот воспринял это негативно и перешел в атаку.

Например, придя утром на работу, вы обнаруживаете, что кто-то передвинул все на вашем столе. Вы хотите, чтобы больше этого не повторялось, но и портить отношения с сотрудниками нежелательно. Вы заявляете: «Когда мои бумаги передвигают на моем столе, меня это раздражает. Мне хотелось бы в будущем находить все, как я оставляю перед уходом».

Компоновка заявлений от «я» состоит из события, реакций индивида, предпочитаемого исхода для личности.

Событие. Создавшаяся ситуация с учетом применяемого метода требует краткого объективного описания без использования субъективных и эмоционально окрашенных выражений. Можно так начать фразу: «Когда на меня кричат...», «Когда на моем столе разбрасывают мои вещи...», «Когда мне не говорят, что я был вызван к начальнику...».

Реакция индивида. Четкое высказывание, почему вас раздражают именно такие поступки окружающих, помогает им понять вас, а когда вы говорите от «я», не нападая на них, но такая реакция может подтолкнуть окружающих на изменение своего поведения. Реакция может быть эмоциональной: «я обижен на вас...», «я буду считать, что меня вы не понимаете...», «я решаю все делать сам...».

Предпочитаемый исход события. Когда индивид высказывает свои желания об исходе конфликта, желательно предложить несколько вариантов. Правильно составленное «я-высказывание», в котором пожелания индивида не сводятся к тому, чтобы партнер

сделал только выгодное для него, подразумевает возможность открытия новых вариантов решений.

Структурные методы, т. е. методы воздействия преимущественно на организационные конфликты, возникающие из-за неправильного распределения полномочий, организации труда, принятой системы стимулирования и т. д. К таким методам относятся разъяснение требований к работе, координационные и интеграционные механизмы, общеорганизационные цели, использование систем вознаграждения.

Разъяснение требований к работе является одним из эффективных методов управления и предотвращения конфликтов. Каждый специалист должен четко представлять, какие результаты от него требуются, в чем состоят его обязанности, ответственность, пределы полномочий, этапы работы. Метод реализуется в виде составления соответствующих должностных инструкций

(описаний должности), распределения прав и ответственности по уровням управления.

Координационные механизмы представляют собой использование структурных подразделений в организации, которые в случае необходимости могут вмешаться и разрешить спорные вопросы.

Общеорганизационные цели. Данный метод предполагает разработку или уточнение общеорганизационных целей с тем, чтобы усилия всех сотрудников были объединены и направлены на их достижение.

Система вознаграждений. Стимулирование может быть использовано как метод управления конфликтной ситуацией. Важно, чтобы система вознаграждения не поощряла неконструктивное поведение отдельных лиц или групп. Например, если вознаграждать руководителей отделов сбыта только за увеличение объема продаж, то это может привести к противоречию с намеченным уровнем получения прибыли. Руководители этих отделов могут увеличить объемы сбыта, предлагая большие скидки и тем самым снижая уровень средней прибыли компании.

Межличностные методы подразумевают, что при создании конфликтной ситуации или начале разворачивания самого конфликта его участникам необходимо выбрать форму, стиль, стратегию своего дальнейшего поведения с тем, чтобы это в наименьшей степени отразилось на их интересах.

Существует комплекс стратегий, который можно было бы назвать «птичьим». Он включает в себя «стратегию страуса», «стратегию голубя» и «стратегию ястреба».

«Стратегию страуса» характеризует стремление ее последователей уйти от конфликта. Они предпочитают не замечать даже предельно острые столкновения интересов противоборствующих сторон, призывают не драматизировать ситуацию, полагая, что их призывы к мирному решению проблем могут решить спорные вопросы полюбовно. Самое большое, на что способны «страусы», это признать существование конфликта, но это видимое признание для них не является основанием для реальных действий, изменения своего поведения, статуса и, соответственно, смены стратегии, превращения в другую «птицу», более склонную к полетам.

Суть «стратегии голубя» состоит в стремлении завершить конфликт любыми средствами, даже ценой односторонних уступок и значительных потерь. «Голубь» легко подчиняется воле соперника и под его влиянием склонен отказываться от собственных интересов, определяющих его позицию. «Стратегия голубя» часто используется в предвидении поражения и, как правило, бывает вынужденной, продиктованной неблагоприятно складывающимися обстоятельствами. Не удивительно, что завершившийся конфликт при изменении ситуации часто вспыхивает вновь, разгорается с новой силой.

«Стратегия ястреба» заключается в окончательном разгроме противника, безусловной победе над ним. «Ястреб» твердо придерживается своей позиции и постоянно требует от противоположной стороны уступок и удовлетворения его требований. Для него характерны использование насильственных методов

разрешения конфликтов, он часто прибегает к таким средствам, как угроза и давление. Психологически «ястреб» не доверяет своим противникам, он исключает сотрудничество с ними, более того, он склонен вводить их в заблуждение относительно своих подлинных намерений. Единственно приемлемый для «ястреба» вариант разрешения конфликта – это его собственный.

Переговоры представляют широкий аспект общения, охватывающий многие сферы деятельности индивида. Как метод решения конфликтов переговоры представляют собой набор тактических приемов, направленных на поиск взаимоприемлемых решений для конфликтующих сторон.

Для того чтобы переговоры стали возможными, необходимо выполнение определенных условий:

- существование взаимозависимости сторон, участвующих в конфликте;
- отсутствие значительного различия в возможностях (силе) субъектов конфликта;
- соответствие стадии развития конфликта возможностям переговоров;
- участие в переговорах сторон, которые реально могут принимать решения в сложившейся ситуации.

Каждый конфликт в своем развитии проходит несколько этапов (см. табл. 3).

Таблица 3 Этапы развития политического конфликта

Этапы развития конфликта	Возможности переговоров
напряженность, несогласие	доконфликтные переговоры
соперничество, враждебность	переговоры рациональны
агрессивность	переговоры с участием третьей стороны
насилие	переговоры невозможны, целесообразны ответные агрессивные действия

На некоторых из них переговоры могут быть не приняты, так как еще рано, а на других будет уже поздно их начинать, и тогда возможны только ответные агрессивные действия. Считается, что переговоры целесообразно вести только с теми силами, которые имеют власть в сложившейся ситуации и могут повлиять на исход события. Можно выделить несколько групп, чьи интересы затрагиваются в конфликте:

- первичные группы – затронуты их личные интересы, они сами участвуют в конфликте, но не всегда от этих групп зависит возможность успешного ведения переговоров;
- вторичные группы – затронуты их интересы, но эти силы не стремятся к открытому проявлению своей заинтересованности, их действия скрыты до определенного времени.

Могут существовать еще и третьи силы, также заинтересованные в конфликте, но еще более скрытые. Примером существования множества сил за внешним проявлением одного конфликта является «югославский кризис».

Правильно организованные переговоры проходят последовательно несколько стадий:

- подготовка к началу переговоров (до открытия переговоров);
- предварительный отбор позиции (первоначальные заявления участников об их позиции в данных переговорах);
- поиск взаимоприемлемого решения (психологическая борьба, установление реальной позиции оппонентов);
- завершение (выход из возникшего кризиса или переговорного тупика).

Перед началом любых переговоров крайне важно хорошо к ним подготовиться: провести диагностику состояния дел, определить сильные и слабые стороны участников конфликта, спрогнозировать расстановку сил, выяснить, кто будет вести переговоры и интересы какой из групп представлять.

Кроме сбора информации, на этой стадии необходимо четко сформулировать свою цель участия в переговорах. В этой связи следует ответить на такие вопросы:

- в чем состоит основная цель проведения переговоров (см. табл. 3);
- какие есть в распоряжении альтернативы (реально переговоры проводятся для достижения результатов, которые были бы наиболее желательными и допустимыми);
- если соглашение не будет достигнуто, как это отразится на интересах обеих сторон;
- в чем состоит взаимозависимость оппонентов и как это выражается внешне.

Также прорабатываются процедурные вопросы: где лучше проводить переговоры, какая атмосфера ожидается на переговорах, важны ли в будущем хорошие отношения с оппонентом?

Опытные переговорщики считают, что от данной стадии, если она правильно организована, на 50% зависит успех всей дальнейшей деятельности.

Вторая стадия переговоров – первоначальный отбор позиции (официальные заявления участников переговоров). Эта стадия позволяет реализовать две цели участников переговорного процесса: показать оппонентам, что их интересы вам известны и вы их учитываете; определить поле для маневра и попытаться оставить на нем как можно больше места для себя.

Обычно переговоры начинаются с заявления обеих сторон об их желаниях и интересах. При помощи фактов и принципиальной аргументации (например, «задачи кампании», «общий интерес») стороны пытаются укрепить свои позиции.

Если переговоры проходят с участием посредника (ведущего, переговорщика), то он должен каждой стороне дать возможность высказаться и сделать все от него зависящее, чтобы оппоненты не перебивали друг друга.

Кроме того, ведущий определяет факторы сдерживания сторон и управляет ими: допустимое время на обсуждаемые вопросы, последствия от невозможности прийти к компромиссу. Предлагает способы принятия решений: простое большинство, консенсус. Определяет процедурные вопросы.

Третий этап переговоров состоит в поиске взаимоприемлемого решения, психологической борьбе. На этом этапе стороны определяют возможности друг

друга, насколько реальны требования каждой из сторон и как их выполнение может отразиться на интересах другого участника. Оппоненты представляют факты, выгодные только им, заявляют о наличии у них всевозможных альтернатив. Здесь же возможны различные манипуляции и психологическое давление на ведущего, захват инициативы всеми возможными способами. Цель каждого из участников – добиться равновесия или небольшого доминирования.

Задача посредника на данном этапе – увидеть и привести в действие возможные комбинации интересов участников, способствовать внесению большого количества вариантов решений, направить переговоры в русло поиска конкретных предложений. В случае, если переговоры начинают приобретать резкий характер, задевающий одну из сторон, ведущий должен найти выход из создавшегося положения.

Четвертый этап – завершение переговоров или выход из тупика. К этому этапу уже существует значительное количество различных вариантов и предложений, но соглашение по ним еще не достигнуто. Время начинает поджимать, увеличивается напряженность, требуется принятие какого-то решения. Несколько последних уступок, сделанных обеими сторонами, могут спасти дело. Но здесь для конфликтующих сторон важно четко помнить, какие уступки не влияют на достижение их основной цели, а какие сводят на нет всю предыдущую работу.

Председательствующий, используя данную ему власть, регулирует последние разногласия и приводит стороны к компромиссу.

Анализ различных сторон политического конфликта позволяет сделать следующие выводы, которые сводятся к выработке рекомендаций по их решению, а именно.

Признать существование конфликта, т. е. признать наличие противоположных целей, методов у оппонентов, определить самих этих участников. Практически эти вопросы не так просто решить, бывает достаточно сложно сознаться и заявить вслух, что ты находишься в состоянии конфликта с сотрудником по какому-то вопросу.

Определить возможность переговоров. После признания наличия конфликта и невозможности его решить «с ходу» целесообразно договориться о возможности проведения переговоров и уточнить, каких именно переговоров: с посредником или без него и кто может быть посредником, равно устраивающим обе стороны.

Согласовать процедуру переговоров. Определить, где, когда и как начнутся переговоры, т. е. оговорить сроки, место, процедуру ведения переговоров, время начала совместной деятельности.

Выявить круг вопросов, составляющих предмет конфликта. Основная проблема состоит в том, чтобы определить в совместно используемых терминах, что является предметом конфликта, а что нет. Уже на этом этапе вырабатываются совместные подходы к проблеме, выявляются позиции сторон, определяются точки наибольшего разногласия и точки возможного сближения позиций.

Разработать варианты решений. Стороны при совместной работе предлагают несколько вариантов решений с расчетом затрат по каждому из них, с учетом возможных последствий

Принять согласованное решение. После рассмотрения ряда возможных вариантов, при взаимном обсуждении и при условии, что стороны приходят к соглашению, целесообразно это общее решение представить в письменном виде: коммюнике, резолюции, договоре о сотрудничестве и т. д. В особо сложных или ответственных случаях письменные

документы составляются после каждого этапа переговоров.

Реализовать принятое решение на практике. Если процесс совместных действий заканчивается только принятием проработанного и согласованного решения, а дальше ничего не происходит и не меняется, то такое положение может явиться детонатором других, более сильных и продолжительных конфликтов. Причины, вызвавшие первый конфликт, не исчезли, а только усилились невыполненными обещаниями. Повторные переговоры проводить будет намного сложнее.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Раскройте психологические закономерности, механизмы и условия политической активности масс в обществе.

2. Охарактеризуйте основные психологические стороны политических процессов.

3. Дайте характеристику мотивации политической власти.

4. В чем проявляется психологический фактор в сознании, культуре и технологиях политических действий.

5. Определите социально-психологические основы и условия продуктивной деятельности и лидерства в сфере политики.

6. Выделите психологические признаки политической борьбы и насилия.

7. Обоснуйте содержание и методику применения критериев, показателей и уровней эффективности политического лидерства.

8. Проведите психологический анализ политического настроения и поведения.

9. Раскройте организационные основы психологической диагностики деятельности политического лидера.

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	296
4.1. Психология власти: генезис и основные виды проявления	296
4.2. Психологические признаки легитимности власти	316
4.3. Психологические особенности российской парламентской деятельности	331
4.4. Психология парламентского лоббизма	345

Глава 4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ОСНОВНОЙ ОБЪЕКТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

4.1. Психология власти: генезис и основные виды проявления

Феномен власти, как и любое явление реальной жизни, не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки. Проблема власти рассматривается в политологии, в юриспруденции, в истории и, конечно, в психологии. Предметом психологического анализа являются не властные отношения как таковые, а скорее их субъективные аспекты – восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т. д. Субъективный аспект власти – это готовность и непосредственно активное участие субъектов властных органов и структур в их функционировании. Но, пожалуй, самый интересный вопрос – это проблема психологических механизмов власти: почему люди готовы принимать одну власть, подчиняться одним людям или правилам, но решительно, иногда жертвуя жизнью, отвергают другую? Что дает одним людям власть над другими?

Психология политической власти – это закономерности, механизмы, условия и факторы образования, а также ее функционирования как института. Та или иная власть необходима в любом обществе, и общества без власти так же неизвестны этнографам, как и общества без семьи или без собственности. Властью обладают президент или монарх по отношению к гражданам страны, руководитель по отношению к подчиненным, родители по отношению к ребенку, влюбленные по отношению друг к другу.

Для выявления психологических характеристик политической власти целесообразно опираться на потенциал конструктивных подходов ее познания. Прежде всего, на такие, как социобиологический подход, компенсаторная концепция власти и другие.

Социобиологический подход к проблеме власти

Одной из первых попыток найти источник стремления к доминированию стало предположение о его врожденном характере. Сначала эта мысль высказывалась в философско-умозрительной форме, в виде тех или иных представлений о природе человека. Так, Аристотель считал, что есть народы и люди, которые по своей природе призваны властвовать, а другие – им подчиняться [10]. По мнению Т. Гоббса, «общей склонностью всего человеческого рода» является «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью» [140]. Французский философ К.А. Гельвеции источник стремления к власти видел в

любви к наслаждению и на этом основании также делал вывод, что оно «коренится в самой природе человека» [111].

В наше время вариантом достаточно распространенными являются концепции, видящие истоки «воли к власти», если использовать выражение Ф. Ницше, в биологических структурах человека [140]. Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения апеллируют к данным, полученным при изучении общественных животных. У последних наблюдаются явления, которые могут быть обозначены терминами социальной жизни человека (иерархия, господство и т. д.). Например, работа голландского этолога Ф. де Ваала называется «Политика у шимпанзе. Власть и секс среди обезьян» [168]. Соответственно, считается возможным говорить о наличии соответствующих инстинктов не только у предков человека, но и у него самого.

Говоря о социобиологическом подходе к проблеме власти, согласимся, что биологически детерминированные характеристики индивида могут быть весьма релевантными для достижения власти и лидерства. К ним относятся такие параметры, как состояние здоровья, внешность, тип нервной системы, психофизиологические особенности (согласно данным этологов, доминирование или подчинение среди обезьян позитивно связано с уровнем серотонина в крови).

Вместе с тем, необходимо сделать две принципиальные оговорки. Прежде всего, пока нет данных, позволяющих говорить о наличии «гена власти». Поэтому речь в данном случае должна идти не о стремлении к власти как таковом, а именно о предпосылках к достижению власти, и эти два аспекта проблемы не следует смешивать. Следует помнить, что значимость тех или иных особенностей человека не инвариантна. Сыграют ли они свою роль, зависит как от конкретных социокультурных условий, так и от личностного уровня психологической регуляции. Так, физическая сила или рост по-разному оцениваются в разных обществах, а личностные ценности могут определить совсем иную область для приложения потенциала человека (например, в религиозной, а не властной сферах).

Второй аспект также связан с культурной детерминацией деятельности человека. Безусловно, у людей, как и у животных, есть врожденные регуляторы поведения, в том числе и инстинкты. Однако их роль принципиально различна. Побуждения, производные от биологической природы, хотя и занимают у людей «подчиненное» положение, остаются фундаментом жизнедеятельности, но не составляют основы структуры человеческой мотивации. В данном аспекте интересной представляется точка зрения отечественного социобиолога Н.А. Монахова. Согласно его мнению, объяснить проявление у человека стремления к доминированию и честолюбию можно исходя из сохранения у него т. наз. инстинкта «простазии» (стремления к превосходству). У животных он имеет прямое биологическое назначение и связан с процессом размножения, выбором полового партнера. В человеческом же обществе данный инстинкт утратил первоначальную функцию, но сохранил свою энергетическую значимость и может «включаться» под воздействием различных социально обусловленных «пусковых механизмов» [111].

Своеобразным переходом от биологических к социальным теориям мотивации власти может служить теория американского психолога Р. Уайта. Им была высказана идея о том, что в основе человеческой активности лежит потребность в «действенности» (efficacy) во взаимодействии с окружающим миром. Согласно У. Стоуну, предпринявшему попытку применить данный тезис к политике, многие побуждения личности, в том числе власть,— это результат социокультурного научения на основе присущей всем людям потребности в «действенности» [151, с. 108].

Компенсаторная концепция власти

Другим распространенным объяснением мотивации власти является компенсаторная концепция. Ее основоположником является А. Адлер, связавший стремление личности к доминированию, превосходству с попытками преодолеть реальную или воображаемую неполноценность. Данное положение было воспринято Г. Лассуэллом, разработавшим на её основе теорию мотивации политической деятельности, ставшую весьма влиятельной. «Люди стремятся к власти, преследуя эту ценность как средство компенсации какой-либо неполноценности...» [156, с. 39]. При этом власть и все связанное с ней становятся средством повышения в собственных глазах собственной значимости, преодоления заниженной самооценки. Сходной точки зрения придерживалась видный представитель психоанализа К. Хорни. По ее мнению, многим людям присуща т. наз. базальная тревожность, восприятие себя как «маленького», «униженного и оскорбленного» человека. Стремление к власти становится одним из путей для восстановления психического равновесия.

Теория компенсации была и остается весьма популярной, однако ряд проведенных в 1950–1970 гг. исследований политически активных людей, прежде всего членов законодательных органов штатов (работы Д. Барбера, В. Стоуна, Г. Бэрила и др.) не подтверждают тезиса о преимущественно компенсаторном характере участия в политике. Было доказано наличие среди законодателей (как и в обществе в целом) людей с различным уровнем самооценки, и в то же время не выявлено значимых различий в самооценке политиков и, например, студентов университетов. При этом обнаружился тот факт, что успех политической деятельности определяется не только типом самооценки, а ее сочетанием с другими личностными параметрами (например, сложностью Я-концепции).

Недостаточность объяснения мотивации политической власти на основе только принципа компенсации обусловлена рядом причин. Прежде всего, компенсация может происходить и другими путями, например, через достижение богатства. В общем случае на направление компенсаторного поиска мощное воздействие будет оказывать система значимых ценностей общества (святости, знания, воинской доблести и т.п.), достижение которых позволяет повысить самооценку. С другой стороны, даже если человек и стремится к власти, то проявлять ее он может не в политике, а с большим эффектом в других областях деятельности, например, в армии. По мнению самого Г. Лассуэлла, в детерминации того, будет ли потребность во власти реализовываться именно в политической сфере, важную роль играют

когнитивные факторы. Выбор компенсации через власть происходит в двух случаях: когда, как ожидается, это принесет больше выгоды, чем при использовании иного пути; когда есть позитивный опыт повышения самооценки с помощью власти.

Компенсаторный механизм, таким образом, следует рассматривать не как отдельный мотив, а, скорее, как психологическую основу для целого набора мотивирующих явлений, пронизывающую (при ее наличии) всю мотивационно-потребностную сферу личности. Необходимость развития концепции Г. Лассуэлла в данном направлении отразил его последователь, известный представитель психоаналитического направления в политической психологии А. Джордж. Соглашаясь с тем, что политическая деятельность носит во многом компенсаторный характер, он, однако, выдвинул ряд новых методологических положений. Так, в отличие от Г. Лассуэлла, А. Джордж говорит уже не о «политическом типе», а о личности, обладающей множеством ценностей («multy-valued person»).

Человек и власть: психологическое измерение

В нашей жизни мы постоянно сталкиваемся с различными формами такого явления, как власть, играющего роль важнейшего механизма организации общества. Не случайно видный английский философ Б. Рассел сравнил роль понятия «власть» в общественных науках со значением категории «энергия» в естественных [140]. Существует множество подходов к пониманию сущности этого явления. Мы под властью будем понимать способность и возможность оказывать определяющее воздействие одних социальных субъектов на другие с помощью различных сил, средств и способов.

Власть всегда предполагает отношение между властным и подвластным. Политико-властные отношения общества представляют собой некоторую объективную реальность, «данную нам в ощущениях», проявляющуюся в правовых нормах, действиях органов управления и детерминированную экономическими, социальными, собственно политическими факторами. Под таким углом зрения правомерным является рассмотрение власти в «безличных» терминах политического режима, разделения властей, уровней власти и т. д. Однако субъектом власти, в конечном счете, является конкретный человек, отношение которого к осуществлению властных полномочий может быть весьма неоднозначным. Будучи наделен самыми широкими возможностями для этого, он может или тяготиться властью или же, наоборот, прилагать все силы для еще большего расширения своего влияния. Именно психологические особенности, прежде всего мотивационные, определяют различия в использовании власти если ее ресурсы и возможности реализации одинаковы для двух различных людей, подчеркивает американский политолог Р. Даль [151, с. 45]. С другой стороны, даже будучи объектом власти, личность не теряет своей субъектности и подчиняется властной воле отнюдь не автоматически.

Хотя феномен власти может иметь место в семье, в организации и т. п., наверное, ни одна сфера человеческой жизни не связана с властью в такой степени как политика. Политика и власть издавна рассматриваются как

своеобразный континуум. Выполнение основной функции политики – согласования социальных интересов – невозможно без властных полномочий. Политическая власть предполагает подчинение наибольшего количества граждан и имеет наиболее масштабные средства как убеждения, так и принуждения.

Отражая эту связь, немецкий психолог Э. Шпрангер ввел понятие «политический тип», отождествив при этом собственно политическое и властное вообще. «Людей, ведущей ценностью которых является власть, – писал он, – мы будем называть политическими, пусть даже отношения, в которые они включены, и не являются политическими в прямом смысле» [139, с. 59]. От этого же факта оттолкнулся Г. Лассуэлл, попытавшийся ответить на вопрос: чем занимающиеся политикой отличаются от простых граждан? Сущностной чертой «политического человека» является, по мнению американского ученого, «акцентуация... на власти, предпочтение власти по отношению к другим ценностям» [156, с. 22]. Предметом своей направленности он отличается, к примеру, от «ученого», ориентированного на знания, образование. В своих работах Г. Лассуэлл выделил черты, характеризующие идеальный тип *homo politicus*'a:

- 1) ненасытное стремление к власти;
- 2) использование других ценностей и людей как средств достижения власти;
- 3) желание ее только для себя; владение технологиями власти [156, с. 54–56].

Ориентируясь на отмеченные и другие подходы в анализе власти, представляется возможным проследить ее психологические особенности, в частности, рассматривать власть и как самоценность, в которой основным механизмом выступает мотивация, и в виде влияния власти на деформации личности, и в качестве инструмента достижения цели, и как систему властных отношений, и в целом, как самобытный феномен.

Власть как самоценность

Если при инструментальной мотивации власти она является средством, то в противоположном случае власть рассматривается как самоценность. При этом ведущую роль играют связанные с обладанием властью положительные эмоциональные переживания. Как отмечал М. Вебер, стремиться к власти можно и «ради нее самой», чтобы наслаждаться «чувством престижа, который она дает» [29, с. 646]. Он подчеркивал, что это, в частности, может быть связано с ощущением того, что «держишь в руках нерв исторически важного процесса», принимаешь участие в принятии важных решений, касающихся жизнедеятельности всего общества.

При этом указанное мотивирующее основание в содержательном плане не совпадает с инструментальным стремлением к статусу, поскольку может проявляться и у политика, не претендующего на публичность. В поведенческом плане рассматриваемый вариант мотивации власти реализуется в двух основных тенденциях:

1) стремлении к приобретению и расширению ресурсов власти или потребности чувствовать себя сильным (Х. Хекхаузен) (своеобразный «статический» аспект);

2) желании использовать эти ресурсы на практике («динамический» аспект).

Мотивация политической власти

Давно замечено, что отношение людей к власти весьма неоднозначно. На одном полюсе находится позиция «дай Бог не вляпаться во власть». На другом – столь сильное стремление к ней, что от него, по выражению Н. Макиавелли, «не могут оградить все достоинства ума и сердца...» [78, с. 184]. При этом последний тип отношения к власти гораздо более социально заметен. Как отметил в этой связи Б. Рассел, у человека имеются две ненасыщаемые и бесконечные страсти – к славе и к власти. Не удивительно, что именно проблема мотивации власти, ее источника и проявлений постоянно находилась в центре внимания мировой социальной мысли.

Полипотребностный подход к мотивации власти

Подводя итог изложенному выше, отметим, что выделенные основы стремления к власти отнюдь не исключают друг друга. В реальности все они в той или иной мере связаны и взаимодействуют друг друга. В свете этого весьма обоснованной представляется полипотребностная концепция мотивации власти, предложенная российским психологом СБ. Кавериним. С его точки зрения, потребность власти – синдром пяти базовых потребностей: свободы (власть используется для достижения безопасности), гедонистической (власть – средство удовлетворения материальных потребностей), самоутверждения (через власть достигаются престиж, уважение, признание), самовыражения (власть как достижение значимых результатов, игра, соревнование), потребности быть личностью (через обладание властью реализуется стремление сделать что-либо для других, а не только для себя).

Сама по себе потребность во власти как интегративное личностное образование не является ни плохой ни хорошей. Ее проявление в поведении определяется как внешними условиями, так и соотношением указанных потребностей. «Суммарности одновременность действия базовых потребностей побуждает считать, что каждый человек, осуществляющий власть, движим одновременно мотивацией и независимости, и господства, и выгоды, и служения людям», – пишет ученый [119, с. 19]. Исходя из этого, СБ. Кавериним разработана оригинальная типология людей на основании того, какая из потребностей преобладает в структуре мотивации власти:

Доминирующая потребность	Тип личности
Потребность в свободе	Нонконформист
Гедонистическая потребность	Конформист
Потребность в самоутверждении	Диктатор
Потребность в самовыражении	Авантюрист
Потребность быть личностью	Демократ

Отметим, что позиция СБ. Каверина перекликается с точкой зрения ряда зарубежных ученых, также полагающих, что стремление к доминированию не следует рассматривать исключительно как признак психического нездоровья.

Так, К. Хорни принципиально отделяла невротическую мотивацию власти, коренящуюся, по ее выражению, в слабости личности, от нормального желания власти, вытекающего из силы человека, его объективного превосходства и детерминированного особенностями социализации, культуры общества. Подобной точки зрения придерживался и Э. Фромм, отмечавший, что «в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Власть – это господство над кем-либо; сила – это способность к свершению, потенция» [126, с. 140].

Рассмотренная выше концепция позволяет охарактеризовать феномен мотивации власти как многомерное явление, не сводимое к какому-либо одному побуждению. Это тем более важно, что, как следует из проведенных в последние годы исследований, имеет место изменение иерархии мотивов в период достижения власти и собственно властвования.

С другой стороны, говоря о мотивации власти, ее множественной детерминации, следует также помнить, что поведение человека (в том числе и политическое) отнюдь не исчерпывается стремлением к господству над другими. Поэтому представляется весьма значимым положение А. Джорджа о том, что мотив власти может как усиливаться другими побуждениями личности, так и вступать в конфликт с ними. В свою очередь исследование подобного рода внутриличностных противоречий и их влияния на политическую активность должно стать одной из важных проблем психологии политики.

Мотивация власти

Личность политического лидера является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Не все они в одинаковой степени ответственные за политическое поведение, проявляются в нем. Однако, после многочисленных исследований, проведенных в американской политической психологии, удалось выделить наиболее влиятельные личностные характеристики, которые мы для удобства сгруппируем в шесть блоков: представления политического лидера о себе самом; потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение; система важнейших политических убеждений; стиль принятия политических решений; стиль межличностных отношений; устойчивость к стрессу.

Я-концепция политического лидера. Проблема компенсации реальных или воображаемых дефектов личности была поставлена еще соратником З. Фрейда А. Адлером. Эта идея получила свое более полное развитие в работах Г. Лассуэлла. Согласно его концепции, человек для компенсации низкой самооценки стремится к власти как средству такой компенсации. Таким образом, самооценка, будучи неадекватной, может стимулировать поведение человека в отношении политически релевантных целей – власти, достижений, контроля и других.

Внимание Г. Лассуэлла было приковано к развитию представлений человека о самом себе, степени развития и качеству самооценки и их воплощению в политическом поведении. Его гипотеза состояла в том, что некоторые люди обладают необычайно сильной потребностью во власти или

других личностных ценностях, таких, как привязанность, уважение, как в средствах компенсации травмированной или неадекватной самооценки. Личные ценности или потребности такого рода могут быть рассмотрены как эго-мотивы, поскольку они часть эго-системы личности.

А. Джордж в одной из своих работ продолжил линию рассуждения Г. Лассуэлла о стремлении к власти как компенсации низкой самооценки. Он детально рассмотрел возможную структуру низкой самооценки и считает, что низкую самооценку могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях: чувство собственной неважности, незначительности; чувство моральной неполноценности; чувство слабости; чувство посредственности; чувство интеллектуальной неадекватности.

Уже после того как Г. Лассуэлл привлек внимание политологов и политических психологов к роли самооценки в политическом поведении лидера, появился целый ряд исследований, посвященных представлению политика о себе.

Политический лидер в любой ситуации за редким исключением ведет себя в соответствии с собственной Я-концепцией. Поведение его зависит от того, кем и как он себя осознает, как он сравнивает себя с теми, с кем он взаимодействует.

Я-концепция, то есть осознание человеком того, кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них это – образ «Я», самооценка и социальная ориентация политического лидера. У. Стоун приводит рассуждение классика психологии У. Джемса, что наша самооценка может быть выражена как отношение наших достижений к нашим претензиям. Но хотя сам У. Стоун считает, что самооценка – это позитивное чувство в отношении себя, понимая его как самоуважение.

Под социальной ориентацией подразумевается чувство автономности, в противоположность чувству зависимости от других людей в самоопределении. По мнению психолога Е.Т. Соколовой, «автономизация самооценки окончательно оформляется в подростковом возрасте, и преимущественная ориентация на оценку значимых других или на собственную самооценку становится показателем стойких индивидуальных различий, характеризующим целостный стиль личности».

Американские исследователи Д. Оффер и Ч. Строзаер рассматривают образ Я-политика, который соответствует «общей сумме восприятий, мыслей и чувств человека по отношению к себе»... «Эти восприятия, мысли и чувства могут быть более или менее ясно проговорены в образе Я, в котором Я разделено на шесть различных частей, тесно взаимодействующих». Эти шесть Я– следующие: физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, психологическое Я, преодолевающее конфликты Я. Как отмечает Е.Т. Соколова, «ценность и субъективная значимость качеств и их отражение в образе Я и самооценке могут маскироваться действием защитных механизмов» [55].

Физическое Я представляет собой, с точки зрения этих ученых, представления политического лидера о состоянии своего здоровья и физической силе или слабости. Политический лидер должен быть достаточно здоровым, чтобы это не препятствовало его деятельности. В политологической и психологической литературе были описаны страдания, которые причиняло президентам США Рузвельту, Вильсону и Кеннеди их плохое здоровье.

По поводу сексуального Я, то есть представлений политика о своих претензиях и возможностях в этой сфере, ученые отмечают отсутствие статистических данных о том, как сексуальные предпочтения или сексуальное поведение связано с лидерскими способностями. Сомнительно, что президентом современного развитого государства может стать гомосексуалист или эксгибиционист. Прежде всего, такие наклонности закрыли бы ему путь в большую политику вне зависимости от лидерских качеств. В истории же известные тираны отличались патологией сексуальной сферы и нередко страдали различными извращениями.

Семейное Я является очень важным элементом личности политика. Хорошо известно, и прежде всего из психоанализа, какое огромное влияние оказывают отношения в родительской семье на поведение взрослого человека. Некоторые политические лидеры преодолевают ранние травмы и конфликты, другие – нет и, становясь лидерами, переносят фрустрации из своего детства на свое окружение в стране и в мире.

Для людей, находящихся на высших государственных постах, очень важно обладать способностью к совместной деятельности с другими. Представления политика об этом качестве отражены в социальном Я. Политический лидер должен научиться тому, как вести переговоры и как стимулировать своих коллег к проявлению их лучших качеств. Он должен быть способным использовать навыки межличностных отношений для эффективной работы с различными, порой враждебными группами людей, с лидерами других стран.

Психологическое Я составляют представления о своем внутреннем мире, фантазиях, мечтах, желаниях, иллюзиях, страхах, конфликтах – важнейшем аспекте жизни политического лидера. З. Фрейд говорил, что психопатология – участь обывающей жизни. Как и у обычных людей, у лидеров нет врожденного иммунитета от невротических конфликтов, психологических проблем, а иногда и более серьезных форм психопатологии, таких, как психоз. Страдает ли политик от осознания собственных страхов или относится к этому спокойно, или даже с юмором – проявляется в его поведении, особенно в периоды ослабления самоконтроля.

Преодолевающее конфликты Я – представления политического лидера о своей способности к творческому преодолению конфликтов и нахождению новых решений для старых проблем. Лидер должен обладать достаточными знаниями и интеллектом, чтобы воспринять проблему. Он должен быть достаточно самоуверенным при принятии политических решений, чтобы суметь передать эту уверенность другим. Иной аспект преодолевающего конфликты Я – осознание лидером своей способности к преодолению стрессов,

связанных с его ролью и деятельностью на посту, например, главы государства. Стресс может привести к тяжелым симптомам, которые самым серьезным образом ограничивают интеллектуальные и поведенческие возможности политического лидера. Он может увеличивать жесткость познавательных и мыслительных процессов в исторически сложные моменты, приводить к снижению гибкости и самообладания, в особенности тогда, когда они необходимы.

Сложность Я-концепции Р. Зиллер и его коллеги понимают как число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером, или как степень дифференциации Я-концепции. На ранних стадиях самосознания происходит отделение человеком себя от других. Далее, Я в его сознании разделяется на неограниченное число частей. Впоследствии у человека проявляется тенденция оценивать себя в сравнении с другими людьми. Этот процесс получил подробный анализ в теории социального сравнения Л. Фестингера. Главным положением этой теории является утверждение, что в основе стремления человека правильно оценить свое мнение и способности в сравнении с другими людьми лежит потребность иметь ясную и определенную Я-концепцию.

Через процесс социального сравнения у человека устанавливаются рамки социального рассмотрения Я как точки отсчета. Р. Зиллер в другом своем исследовании, проведенном в 1973 г., обнаружил, что люди с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой сложностью Я-концепции. Поскольку сложность Я-концепции связана с восприятием сходства с другими людьми, то более вероятно, что политики с высокой сложностью Я-концепции воспримут информацию от других. Политические лидеры с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, реагировать на ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью Я-концепции.

В то же время, чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой менее зависимы от внешних обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых они основывают свою самооценку.

Политические деятели с низкой самооценкой оказываются более зависимыми от других людей и, таким образом, более реактивными. Они являются более чувствительными к обратной связи и изменяют свою самооценку в зависимости от одобрения или неодобрения других.

Р. Зиллер и его коллеги разработали типологию личности политических лидеров на основе исследования самооценки и сложности Я-концепции. Первый тип составляют лидеры с противоречивым, на первый лишь взгляд, названием аполитичные политики. Это деятели с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, которые ассимилируют новую информацию, касающуюся их, без угрозы для их Я-концепции, но при этом для их реактивности существуют серьезные ограничения. Они чувствуют себя

оторванными от других и поэтому с трудом реагируют на поведение своих последователей или населения государства в целом.

Другой тип, наиболее удачливый в политике, – прагматики. Это политические лидеры с низкой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, отвечающие на широкий круг социальных стимулов. Они прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи.

Третий тип составляют политические лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, не реагирующие на мнения других. Их познавательные процессы и поведение очень жестки, а самооценка чрезвычайно стабильна. Это – «идеологи», столь знакомые нам по Политбюро КПСС.

И, наконец, четвертый тип – это деятели с низкой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, которые интенсивно реагируют на узкий круг социальных стимулов. Их называли ((недетерминированные».

Самооценка политического лидера накладывает очень важный отпечаток на внутри- и внешнеполитический курс его страны или возглавляемой организации. Если у него в течение жизни сформировалась заниженная самооценка, то его постоянное недовольство собой могло быть той самой движущей силой, которая толкала его на взятие все новых и новых барьеров в сфере внутренней или внешней политики. Такими предстают президенты США Р. Никсон, Р. Рейган, отечественные политики И. Рыбкин, И. Лебедев, Жириновский-младший и др. Заниженная самооценка толкает политического лидера к различным шагам на международной или внутренней арене – крупномасштабным военным или миротворческим акциям, неожиданным для окружения экстравагантным поворотам, пассивному созерцанию и т. п.

Лидеры государств с завышенной самооценкой, переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей и внешней, и внутренней реакции на свой курс на международной арене. Они упиваются собственным успехом (даже если он мифический) и относят критику к злобствующим завистникам. Здесь можно говорить о нарушении обратной связи между последствиями политического действия и субъектом. Почти никакие последствия не способны заставить такого лидера испугаться или содрогнуться от мысли о том, к чему могут привести его поступки.

Другой тип лидеров с завышенной самооценкой, сталкиваясь с недооцениванием их политики, как в стране, так и за рубежом, сильно страдает от аффекта неадекватности. Когда их политика строилась, с их

собственной точки зрения, на принципах высокой морали или же казалась им продуманной и продуктивной, а воспринималась как безнравственная или же бессмысленная, такие политические лидеры шли на самые неожиданные шаги. И чем больше они обижались и переживали, тем чаще они повторяли аналогичные политические акции, еще больше вызывая неодобрение.

Лидеры с адекватной самооценкой представляют лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не

мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между последствиями акций и ними самими работает неукоснительно. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает других лидеров. Не боясь, что его унижат, обидят, обойдут, твердо зная собственную высокую цену, считая себя не хуже тех, с кем ему приходится взаимодействовать, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду. Отсутствие невротического компонента в самооценке приводит, как правило, к его отсутствию и в политическом поведении.

Невротическое стремление к политической власти. Поиск любви и привязанности является одним из путей, часто используемых в нашей культуре для получения успокоения от тревожности. Поиск власти – другой такой путь.

Завоевать любовь и расположение – значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения.

Ощущение власти может возникать у нормального человека в результате реализации его превосходящей силы, будь то физическая сила или способность, или умственные способности, или зрелость и мудрость. Его стремление к власти может быть вызвано также некоторой особой причиной, связанной с семьей, политической или профессиональной группой, родиной или научной идеей. Однако невротическое стремление к политической власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности. Иначе говоря, нормальное стремление к власти рождается из силы, невротическое – из слабости.

То, что невротики в нашей культуре выбирают этот путь, происходит потому, что в нашей социальной структуре власть может дать чувство большей безопасности.

В поисках тех условий, которые порождают стремление к этой цели, становится очевидным, что такое стремление обычно развивается лишь тогда, когда оказывается невозможным найти средство для снятия подспудной тревожности с помощью любви и привязанности.

Невротическое стремление к власти служит не только защитой от тревожности, но также и каналом, по которому может выходить вытесненная враждебность.

Стремление к власти служит, во-первых, защитой от беспомощности, которая является одним из основных элементов тревожности. Невротик испытывает такое сильное отвращение к любому отдаленному намеку на беспомощность или на слабость в себе, что старается избегать ситуаций, которые нормальный человек считает вполне обычными, например, чье-либо руководство, совет или помощь, любой вид зависимости от людей или обстоятельств, любую уступку или согласие с другими. Этот протест против беспомощности вовсе не проявляется сразу во всей своей силе, а увеличивается постепенно; чем сильнее невротик чувствует подавленность своими внутренними запретами, тем менее он способен к самоутверждению. Чем более

слабым он становится, тем с большей тревожностью ему приходится избегать всего, что хоть в малейшей степени может обнаружить его слабость.

Во-вторых, невротическое стремление к политической власти служит защитой от опасности чувствовать себя или выглядеть ничтожным. Невротик вырабатывает жесткий и иррациональный идеал силы, который заставляет его верить, что он способен справиться с любой ситуацией, какой бы сложной она ни была, и может справиться с ней немедленно. Этот идеал приобретает связь с гордостью, и, как следствие, невротик рассматривает слабость не только как опасность, но и как позор. Он делит людей на «сильных» и «слабых», восхищаясь первыми и презирая вторых. Он также доходит до крайности в том, что считает слабостью. Он испытывает большее или меньшее презрение ко всем людям, которые соглашаются с ним или уступают его желаниям, ко всем, кто имеет внутренние запреты или не контролирует свои эмоции столь тщательно, чтобы всегда иметь безмятежное выражение лица. Он также презирает все эти качества в себе.

Он чувствует унижение, если ему приходится признавать собственную тревожность или внутренний запрет, и тогда, презирая себя за свой невроз, вынужден сохранять этот факт в тайне. Он также презирает себя за то, что не в состоянии справиться с неврозом в одиночку.

Те особые формы, которые примет такое стремление к власти, зависят от того, лишения какой власти невротик больше всего боится или презирает.

Другой установкой, которая может характеризовать его стремление к власти, является его желание настаивать на своем. Постоянным источником острого раздражения для него может служить нежелание других делать то, чего он от них ожидает, и именно тогда, когда он этого хочет. Нетерпеливость тесно связана с этим аспектом стремления к власти. Любого рода отсрочка, любое вынужденное ожидание станет источником раздражения. Часто невротик сам не осознает существования управляющей им установки или, по крайней мере, силы ее действия. Конечно, в его интересах не осознавать и не изменять такое отношение, потому, что оно несет важные защитные функции.

Еще одно отношение, образующее стремление к политической власти, – это стремление никогда не уступать, не сдаваться. Согласие с чьим-либо мнением или принятие совета, даже если он считается правильным, воспринимается как слабость, и одна только мысль, чтобы так поступить, вызывает сопротивление. Люди, для которых такое отношение является важным, склонны ударяться в другую крайность и из одного только страха уступить упрямо принимают противоположную сторону.

Поиск власти является защитой от беспомощности и от чувства собственной незначительности. У невротика, принадлежащего к этой группе, развивается ярко выраженная потребность производить впечатление на других, быть объектом восхищения и уважения.

Стремление к обладанию, собственности также может служить в нашей культуре защитой от беспомощности и чувства собственной незначительности или унижения, поскольку богатство дает власть.

Доминирование, характерное для невротического стремления к власти, не обязательно открыто предстает как враждебность к другим. Оно может быть скрыто в социально значимых или дружеских формах, проявляясь, например, как склонность давать советы, стремление направлять дела других людей, в виде инициативности или лидерства. Но если за такими отношениями скрывается враждебность, другие люди – дети, супруги, подчиненные – будут ощущать ее и реагировать либо подчинением, либо сопротивлением. Сам невротик обычно не осознает привнесенной сюда враждебности. Даже если он приходит в состояние бешенства, когда дела идут не так, как он хочет, он все равно продолжает думать, что он по своей сути является нежной душой, впадающей в дурное расположение духа лишь потому, что люди ведут себя столь неблагоприятно, пытаясь противостоять ему.

Таким образом, психология политической власти понятие весьма многомерное, оно отражает субъект-объектные отношения в обществе. Упрощенно субъектно-объектные отношения сводятся к тому, что одни люди стремятся обладать властью, а другие ищут этой власти над собой. Однако удержаться на вершине власти первые могут только при условии, что вторые им доверяют, то есть при условии реальной легитимности власти.

Власть и деформации личности

Мы вполне согласны с мнением Я. Рудаша, что политика относится к тем видам профессиональной деятельности, в которых мотивация власти является ключевым профессионально важным качеством личности, а ее слабая выраженность может снизить эффективность [140]. С этим положением перекликается и точка зрения отечественного ученого, согласно которой политический деятель должен испытывать позитивные эмоции от доминирования над другими. Однако это не означает, что успешный политик должен проявлять сверхвыраженность данного мотива.

Как следует из зарубежных исследований, политические деятели чаще имеют мотивацию власти, уровень которой лишь немного выше среднего. Более того, приближение данной черты личности к крайней отметке сказывается на продуктивности деятельности так же негативно, как и ее недостаток. Чрезмерное стремление к власти, а тем более носящее невротический характер, мешает налаживанию равных межличностных отношений, отталкивает последователей от лидера. С другой стороны, затрудняется объективное восприятие реальности (проявляющееся в стремлении «всегда быть правым»). Это часто ведет к экстремизму, враждебности, негибкости и упрямству, непредсказуемости в поведении. Согласно исследованиям американских психологов, существует сильно выраженная связь между стремлением президента к власти и использованием силы в международных отношениях.

При этом следует отметить, что постоянное сосредоточение на достижении власти негативно влияет на личность политического деятеля или иного субъекта властных отношений. Данный факт был замечен давно. Власть, по оценке Платона, неизбежно делает его (тирана) завистливым, вероломным,

несправедливым, недружелюбным и нечестным. В чем коренятся причины таких трансформаций? [100, с. 342].

Несомненно, важное влияние оказывают явления, сопряженные с исполнением властных полномочий – известность, почет, материальный статус, которые начинают восприниматься как атрибуты личности, а не должности. Нельзя отрицать и того, что определенные черты личности, оказавшиеся релевантными политической деятельности, могут получить в ее условиях чрезмерную выраженность, например, стремление к достижению цели, уверенность в себе.

Следует упомянуть и оригинальную концепцию «политической наркомании», выдвинутой российским психиатром и психоаналитиком А. Белкиным [141, с. 186–198]. Он исходит из того, что при выполнении любой деятельности, тем более значимой, в организме у человека вырабатываются гормоны, сходные по действию с наркотиками и дающие человеку позитивные эмоции.

Политика, в свою очередь, связана как с высокими затратами энергии, так и с огромными возможностями для удовлетворения потребностей власти, самореализации, статуса и соответствующими эмоциональными состояниями, продуцирующими соответствующие биохимические процессы. Став политиком, человек с определенными психическими особенностями может привыкнуть получать такую «подпитку» и после определенного момента «садится на политическую иглу». Соответственно, для получения удовлетворения требуются все большие доли власти, почитания, более грандиозные политические проекты. Данному процессу сопутствуют изменения личности, сходные с клинической картиной, выявленной у людей с наркотической зависимостью: некритичность к происходящему, сверхценность собственных идей, подозрительность и т. п. В связи со сказанным можно привести мнение Г. Лассуэлла о том, что люди, которые «полностью отделились от других ценностей во время достижения и удержания власти – опасные члены общества» [156, с. 21].

Власть как инструмент

Понимание власти только в качестве средства компенсации является весьма узким. Обладание властью, тем более политической, дает обширные возможности для удовлетворения соответствующих потребностей. Как заметил еще Т. Гоббс, все страсти (желания власти, богатства, знаний или почестей) «могут быть сведены к первой.., ибо (они) суть различные виды власти» [151, с. 55]. В связи с этим в качестве еще одного источника мотивации к власти выделяют ее инструментальную функцию.

При помощи власти облегчается достижение безопасности (в различных проявлениях – от возможности использовать силу для воздействия на других до депутатской неприкосновенности). По мнению видного американского психолога Д. Макклелланда, мотив власти подразумевает два вектора. Если первый можно обозначить как власть «для» (чтобы господствовать над другими), то второй – как власть «от» (обеспечить собственную свободу).

За желанием иметь власть могут скрываться материальные мотивы (от обеспечения повседневного существования до обогащения). Каждому человеку в норме присуща потребность, стремление к получению признания со стороны людей, рассмотрению себя как авторитетной, пользующейся популярностью личности. Нахождение на верхних этажах пирамиды власти также способствует получению статуса, известности, значимости. При этом, согласно Д.Макклелланду, мотивация власти может носить как эгоцентрический, так и социоцентрический характер [161]. Поэтому стремление к власти может быть средством реализации социально-значимых мотивов (что, хотя и является сущностной задачей политики, встречается весьма нечасто).

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время имеется неоднозначность самого термина «власть». Она, как социальный феномен, неразрывно связана с упомянутыми выше смысловыми следствиями – почетом, уровнем в иерархии, материальным уровнем и т. п. Поэтому внешне выраженное стремление к господству может иметь весьма различную психологическую основу. Более того, как заметил Г. Лас-суэлл, люди чаще мыслят не в общих категориях «желания власти», а в более конкретных – «стать депутатом» и т. п. [156, с. 84].

Под обыденным выражением «стремление к власти» может скрываться и желание достичь высокого поста, и поиск социального статуса, и собственно власть. В последнем случае термин «мотив власти» может употребляется в его более узком смысле, как синоним доминирования – «стремление к первенству над другими людьми, к оказанию активного влияния на них и... социальную ситуацию..., тягу к самоутверждению в социуме собственной и не рядовой роли» [156, с. 60].

Как правило, в любом обществе экономически господствующая элита достигает того, что осуществляемая во всей стране государственная власть и государственная воля – это ее собственная воля, возведенная в государственный закон, во всеобщность. Навязывая обществу выгодные для себя законы, экономически господствующий класс вынужден искать какую-либо общенациональную идею, которая прикрывала бы их своекорыстные цели и помогла удержать у власти обслуживающего их интересы лидера. Данное явление актуально и для современной России.

Чаще всего власть осуществляется в рамках определенных институтов – государства, армии, семьи, но может существовать и в рамках неформализованных сообществ. Почти каждый человек обладает властью по отношению к какому-то числу других людей, и, одновременно, для каждого из нас существует масса людей, которые могут заставить или убедить нас совершать те или иные поступки, т. е. обладают властью по отношению к нам. При этом власть, допустим, президента или председателя правительства для рядового человека предстает весьма опосредованной и может вообще не замечаться, в то время как власть непосредственного начальника, безусловно, осознается и является фактором, определяющим повседневную жизнь человека.

В целом с позиции политической психологии можно властные отношения представить схематично (см. рис. 7). Определив субъекты, объекты, движущие

силы и механизмы взаимосвязи, представляется возможность раскрыть психологические характеристики политической власти.

Рис. 7. Властные отношения

Власть как распорядительно-исполнительские отношения

Власть по своей сути представляет одну из сторон неравенства в отношениях субъектов политики, в которых легитимно имеет место господство и подчинение, независимо от того, идет ли речь об отдельных индивидах, группах людей, классах, нациях или народах. Власть позволяет обладающим ею осуществлять свою волю, оказывать решающее воздействие на подчиненных и таким путем добиваться собственной цели.

Власть необходима в любом обществе. Власть – это право, которым наделен социальный субъект – человек, структура в обществе в силу своего социального статуса в обществе или в его институте.

Конечно, власть, исходящая сверху, распространяется на большее число людей, чем власть тех, кто находится внизу, но сами взаимоотношения между носителем власти и тем, кто ему подчиняется, не зависят

непосредственно от места двух этих субъектов на социальной лестнице. Таким образом, было бы неверным считать, что власть сосредоточена на высших этажах общества или государства. Она распределена по всем уровням социальной иерархии. Одни и те же психологические закономерности могут быть обнаружены и в большой политике, и во взаимоотношениях рядовых граждан. При этом где-то обнаруживаются «сгущения» власти – в каких-то структурах кто-то обладает очень большой властью по отношению к другим людям, а где-то – своеобразные «разрежения» – власть будто вовсе не существует, никто не подчиняется никому. По крайней мере, носители власти и применяемые ими методы управления не видны ни стороннему наблюдателю, ни, иногда, даже и самим участникам взаимодействия.

Отношения господства и подчинения, т. е. властные отношения, или отношения власти, естественно присущи общественно-производственной, коллективистской природе человека. Парализовать или подчинить волю одних воле других можно разными средствами: через чувства и с помощью разума, любовью и страхом, подкармливающим богатством и требующей сострадания нищетой, убеждением и принуждением.

Государственная власть – не просто одна из разновидностей власти наряду с властью чувств, властью разума, властью предрассудков, отличающаяся тем, что она осуществляется с помощью насилия. Это важнейшее орудие принуждения граждан, причем единственное в своем роде, если иметь в виду могущество этого орудия, имеющего свои ответвления в любом районе, в любом населенном пункте страны, а также разноплановость его воздействия на граждан. Государственная власть – это не только его институты, призванные своими средствами защищать интересы и осуществлять волю, цели господствующей в стране общественно-политической силы, но и самые разнообразные экономические, идеологические, информационные структуры и их средства и методы. Система государственной власти в Российской Федерации включает вполне определенные конституционные органы (см. рис. 8).

Важно отметить, что наиболее существенные признаки власти проявляются в легитимности и суверенитете. Легитимность власти зависит от влияния таких детерминант, как время, успешность деятельности властных институтов, авторитетность власти и ее субъектов и др.

Государственную власть в России осуществляют

Президент РФ	Федеральное собрание РФ	Правительство РФ	Суды РФ
– является главой государства;	– является представительным органом РФ.	– осуществляет исполнительную власть;	Конституционный Суд: разрешает дела о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов, органов государственной власти РФ и ее субъектов,
– является гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина;	– утверждает изменения Конституции РФ, ее поправок и иных актов;	– разрабатывает и представляет в РФ бюджет и обеспечивает его исполнение;	– разрешает споры о компетенции между органами госвласти;
– принимает меры по охране суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности;	– утверждает указы Президента РФ о введении военного и чрезвычайного положения;	– обеспечивает проведение в РФ единой финансовой, кредитной и денежной политики;	– дает толкование Конституции РФ;
– обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти;	– назначение выборов Президента РФ и его отрешение от должности;	– обеспечивает проведение единой государственной политики в области культуры, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии;	– дает заключение о соответствии Конституции РФ действующего законодательства, законов, актов, высших изданий законодательных и исполнительных органов государственной власти;
– определяет основные направления внутренней и внешней политики государства;	– определяет основные направления внутренней и внешней политики государства;	– осуществляет управление федеральной собственностью;	– осуществляет правосудие;
– представляет РФ внутри страны и в международных отношениях	– представляет РФ внутри страны и в международных отношениях	– осуществляет меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, реализации внешней политики РФ;	– осуществляет правосудие;

Рис. 8. Органы государственной власти

Легитимность власти с психологической точки зрения представляет собой субъективную законность – сами люди, а не только соответствующие юридические, церковные или международные институты признают право данной власти управлять. Достаточно часто бывает и так, что с юридической точки зрения власть вполне легитимна, все закреплено соответствующими национальными и международными документами, но сами люди эту легитимность не признают. Собственно, именно так происходит каждый раз, когда осуществляется революционная или насильственная смена политического режима.

Суверенитет власти

Не менее важным понятием, характеризующим готовность людей следовать установлениям власти, является понятие суверенитета. Суверенитет – право власти управлять именно этой территорией и именно в это время. Важность этого аспекта властных отношений видна при анализе сепаратистских движений, которые обычно не отрицают легитимности власти

центра – они лишь не согласны с распространением его власти на их территорию, т. е. отрицают его суверенитет над данным пространством.

В некоторых случаях целесообразно говорить о временном суверенитете. Он возникает в особых, чрезвычайных ситуациях, возможно, в результате стихийного бедствия или какого-нибудь социального катаклизма. Естественно, ситуации возникновения временного суверенитета чреваты конфликтами и разночтениями. Одно должностное лицо может считать ситуацию уже достаточно чрезвычайной для того, чтобы он мог пользоваться особыми полномочиями, другие же должностные лица или рядовые граждане могут и не согласиться с подобной расширительной трактовкой положения дел.

Аналогичным образом конфликты могут возникать и по поводу определения момента прекращения временного суверенитета. Ни одна инструкция не может предусмотреть всего многообразия возможных жизненных ситуаций, поэтому и у чиновников, и у граждан остается простор для собственных интерпретаций того, можно ли уже возвращаться к обычному стилю правления или еще рано, и власть должна оставаться в руках структур чрезвычайного положения.

Легитимность и суверенитет тесно связаны друг с другом. Потеря легитимности неизбежно приводит и к отказу в суверенитете власти над данной территорией. Например, резкое снижение легитимности власти КПСС в конце восьмидесятых годов повлекло за собой и потерю суверенитета Москвы над союзными республиками, а затем и сомнения по поводу суверенитета центра и над некоторыми национальными регионами в самой России. Аналогичные процессы можно проследить и на Чехословакии, Югославии, Ливане и других странах. Здесь очень важна роль психологического компонента – изменение отношения людей к государственным институтам ни в коей мере нельзя недооценивать. Люди не выступают против того, что считают справедливым и законным.

Политико-психологический подход к проблеме власти ставит вопрос о диагностике степени выраженности стремления к доминированию. Отметим, что решение данной проблемы сопряжено с достаточно большими трудностями. С одной стороны, это отсутствие инструментария для оценки собственно мотивации власти, хотя в составе тех или иных психодиагностических методик (например, тесты ММРІ, Кеттелла и др.) существуют соответствующие шкалы. Также возможно использование в этих целях (как это было сделано американскими исследователями Р. Браунингом и Г. Джекобом) проективной методики ТАТ. Однако (и в этом заключается второе затруднение) применение классических диагностических процедур, в первую очередь тестирования, к действующим и достаточно высокопоставленным политикам практически невозможно.

Вследствие этого при оценке мотивации политиков (в том числе и власти) наиболее часто применяются «дистантные» методы. К их числу относятся различные варианты психосемантических и психолингвистических методов исследования. Так, В.Ф. Петренко предложил психодиагностический семантический дифференциал, Р. Донли и Д. Винтер – систему индикаторов,

позволяющую проводить психологический анализ различных сторон власти и политики. А. Джордж предложил систему показателей, отражающих компенсаторный характер стремления к власти: нежелание допускать других к разделению полномочий, отказ принимать советы, отказ от информирования других, отказ от делегирования задач, входящих в воспринимаемое «своим» поле власти и др.

Определенную значимость имеет психологическое измерение политико-властных процессов. Такая постановка вопроса имплицитно заложена в классическом определении М. Вебера: «политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти...» [28, с. 646]. Кто желает власти? Какие психологические особенности присущи этим людям? Что дает им власть? Какими мотивами они движимы? Почему люди подчиняются власти? – ответы на эти вопросы крайне важны для адекватного понимания как политики, так и психологии человека. Некоторые ученые видят в психологии власти сердцевину политической психологии. Так, по мнению К.К. Платонова, предмет этой науки заключается в «психическом отражении в индивидуальном и групповом сознании социальных явлений, связанных с завоеванием, удержанием и укреплением государственной власти» [101, с. 174].

В целом психологический анализ различных сторон власти дает возможность обеспечивать ее высокую легитимность. При этом во главу повышения ее эффективности ставится человеческий фактор, который наиболее действенное влияние оказывает на субъектной основе, когда каждый проводник политической власти выступает ее активным и самобытным субъектом.

4.2. Психологические признаки легитимности власти

В числе основных закономерностей функционирования властных структур в качестве одной из ведущих признается легитимность власти. Понимание ее проявления позволяет успешно применить методологию познания и других закономерностей проявления власти. Поэтому проанализируем основные стороны легитимности власти. Легитимность власти – это степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, то есть согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как нормативно определено.

Власть легитимна, если управляемые признают за управляющими право управлять вообще, и именно так, как они это делают, в частности. Это признание осознается как управляемыми, так и управляющими. Первым кажутся если не справедливыми и желательными, то, по крайней мере, естественными и сама власть, и связанные с ней институты и ритуалы. Вторые, ждут от управляемых подчинения, а так же одобрения их действий по подавлению и осуждению диссидентов, не желающих подчиняться и оказывающих вербальное или действенное сопротивление.

Легитимность – необходимое условие стабильности и эффективности власти. Легко видеть, что это в первую очередь психологическое понятие. Никакие ссылки на документы, целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не станут убедительными

для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. Таким образом, легитимность власти – это факт сознания людей.

Индивид или институт обладают легитимной властью в том случае, если те, к кому они обращаются с определенным распоряжением, признают их право отдавать приказы. Если же носитель власти теряет легитимность, то рано или поздно он теряет и саму власть. Современная политическая история дает тому немало примеров – это происходило с режимами Чаушеску, президента Филиппин Маркоса, последнего шаха Ирана и многими другими. Их падению предшествовала потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушилась под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще были вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия.

Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых – они перестают признавать право носителей власти на управление. Сами же властные фигуры еще не осознают того, что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими институтами и ритуалами – помазанием на царство, выборами и т. д. Кроме того, существующие системы обратных связей ориентируются, в основном, на регистрацию объективных показателей, таких, например, как уровень преступности, размах забастовочного движения, активность антиправительственных групп. Значительно, меньше поддается фиксации динамика массового сознания – усталость граждан от тех или иных лидеров, разочарование в прежних лидерах, энтузиазм по поводу новых пророков или идей. И, наконец, осознание потери легитимности болезненно для носителей власти, и они стараются интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе.

Аналогичные процессы происходят и на микроуровне, например, в семье. Так, ребенок в какой-то момент перестает признавать легитимность власти родителей, он уже не считает, что они имеют право распоряжаться в том же объеме, что и раньше. Он, допустим, еще признает их право запрещать ему поздно возвращаться домой, но уже отказывается выполнять их предписания относительно того, как ему следует одеваться. Родители, однако, еще не осознают этого изменения отношений, что неизбежно приводит к конфликтам. Постепенно зона легитимности власти родителей сужается, затем сокращается, и сама власть и отношения между родителями и ребенком трансформируются и переходят на новый уровень.

Важным эмпирическим показателем степени легитимности власти является представленность в повседневной жизни средств принуждения. Например, если говорить о легитимности политической власти, то большое число хорошо вооруженных полицейских заставляет предположить, что граждане не считают свою власть легитимной, т. е. не готовы подчиняться ей добровольно. Или, другая возможность, сами носители власти осознают собственную нелегитимность, и поэтому ожидают сопротивления. Если же

средства и институты принуждения не присутствуют ни на улицах, ни, что более важно, в сознании граждан, это свидетельствует о высоком уровне легитимности. Полярными в этом смысле примерами могут служить современная Россия, где вооруженные солдаты на улицах или бронетранспортеры на перекрестках стали привычным явлением, и Великобритания, где полицейские вообще не вооружены, рассчитывая не на силу, а на традиционное уважение к полиции.

Макс Вебер выделял три вида легитимности: легитимность, основанную на традиции, легитимность, основанную на праве, и легитимность, основанную на харизме. В первом случае в основе власти лежит обычай, властные отношения регулируются традиционно сложившимися установлениями.

Второй случай – господство закона – означает, что люди следуют определенным кодифицированным правилам, признавая именно такое поведение оптимальным для согласования интересов, для разрешения конфликтов и вообще для обеспечения социального взаимодействия.

Третий вид легитимности – харизматический – базируется на признании исключительного права именно этого человека или именно этой группы на управление людьми. Характерно, что поскольку легитимность харизматического типа предполагает приписывание носителю власти, индивидуальному или, реже, коллективному, выдающихся свойств, то власть в этом случае крайне редко передается по наследству. Пожалуй, единственным примером успешной передачи власти от лидера харизматического типа его прямому наследнику является Северная Корея, где после смерти Ким Ир Сена все его посты занял его сын Ким Чен Ир. Аналогичные попытки в других странах неизменно заканчивались неудачей. Но и здесь следует иметь в виду, что Ким Ир Сен был не только харизматическим лидером, но и диктатором, и его власть основывалась не столько на личном авторитете, сколько на эффективной системе террора и тотальном контроле за гражданами.

Харизма не передается по наследству даже и в тех случаях, когда наследуется сама власть. Например, воцарение сына покойного монарха легитимизируется и законами, и обычаями (т. е. присутствует легитимность и первого, и второго типов), но харизма отца, если таковая существовала, не передается автоматически его сыну. Он должен еще доказать, что является не только законным, но и достойным преемником своего великого предшественника. Если ему этого не удастся, то его власть, оставаясь вполне законной, будет, тем не менее, меньше, чем у его отца.

Психологические основы легитимности власти

Общественные законы суть законы сотрудничества и взаимовлияния чувств, желаний и представлений людей, вступающих в общественное взаимодействие. Однако любое сотрудничество – это действие людей, имеющих определенную направленность и предполагающих некоторую силу, а именно власть. Власть

рождается с самим общественным процессом, являясь одним из необходимых условий его функционирования. Власть есть сила направляющая, но в то же время сама порождается общественными силами, т. е. в известном

смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать. Власть неизбежна. Ее присутствие и последствия – принуждения – видны во всех отношениях между людьми.

Нередко власть и принуждение противопоставляют свободе. Свобода есть состояние независимости от внешних условий. Однако такое состояние не является внешне бездеятельным, когда человек и не подчиняется никому сам и не подчиняет никого, не поддается на чужое влияние и сам его не оказывает. Трудно представить себе общество, состоящее из людей подобного типа. Такое общество, строго говоря, упраздняется. Живя в обществе, человек не может быть свободным от общества.

Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможны человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но существование общества прежде всего зависит от безопасности всех живущих в нем. Любое общество не может существовать, если всякому желающему представляется беспрепятственно творить произвол. Как отмечает В. Соловьев: «Требование личной свободы, чтобы оно могло осуществиться, уже предполагает стеснение этой свободы в той мере, в какой она в данном состоянии человечества несовместима с существованием общества или общим благом. Эти два интереса, противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, в действительности сходятся между собой. Из их встречи рождается право».

Власть вовсе не является непременно результатом насилия, подавления одной личности другой. Замечено, например, что в сложной натуре человека есть несомненное искание над собой власти, которой он мог бы подчиниться. Это своего рода потребность воздействия одного человека на другого, сила, соединяющая людей в общество. Искание над собой власти, свободное желание подчинения вовсе не есть выражение слабости. Подобно тому, как стремление к независимости может порождаться не только могучей силой, но также грубой необузданностью натуры, тщеславием, так и стремление к подчинению не всегда является результатом слабости.

Таким образом, власть неизбежно оказывается следствием психической природы человека. Однако как только проявление власти приобретает общественный характер, главной ее целью становится создание и поддержание порядка, важнейшим средством чего и выступает власть.

В связи с этим людям вовсе не нужно создавать власть. Им достаточно ее принять и подчиниться ей, тем самым устанавливая известный порядок. Искание порядка, как правило, сопровождается исканием власти. Несколько последних лет Россия занята именно этим. Анализ общественного мнения показывает, что требование навести твердый порядок в стране, находится на одном из первых мест в системе ценностей. Вместе с тем в обществе все прочнее утверждается идея, что вряд ли можно достичь этого порядка, если в стране нет сильной власти. Совершенно отчетливо проглядывается ситуация, когда люди, обеспокоенные судьбой страны и своей собственной, ищут властного непререкаемого воздействия, которому бы подчинилось все население со всеми его разнообразными потребностями и интересами и в

котором бы наше общество обрело порыв к деятельности. Возможно, этим объясняется феномен Ельцина. Власть, занимающуюся призывами, народ поддерживает только на первых порах. Если же она свои обещания не реализует, то крах такой власти неизбежен. Народ требует от власти действий, пусть даже эти действия будут и ошибочны.

Да, власть требует подчинения. Но люди, подчиняясь ей, не жертвуют своей свободой. Они вместо подчинения стихийным силам, подчиняются сами себе, т. е. тому, что сами осознали необходимым. Люди лишь выходят из слепого подчинения внешним обстоятельствам и приобретают независимость как первое условие свободы.

Психологические предпосылки легитимности власти

Вопрос о психологических особенностях субъекта власти весьма важен. Но не менее значимым является применение психологического анализа к противоположному полюсу властного отношения. Без повиновения граждан власти нельзя вообще говорить о ее наличии, даже если бы у субъекта присутствовало весьма выраженное стремление употребить свою волю. Здесь

можно вспомнить поговорку о том, что «танцевать танго молено только вдвоем». Данное обстоятельство с неизбежностью ставит проблему психологических причин подчинения власти. Что заставляет людей повиноваться чужой воле и даже с энтузиазмом отвергать свои насущные интересы во имя ее? При каких условиях подчинение наиболее прочно, как воспринимается власть гражданами? Ответы на эти вопросы необходимы не только стороннему исследователю, но и субъекту власти, в том числе и политическим лидерам для эффективного осуществления последней.

Для того чтобы граждане, имеющие свои собственные интересы, не остались безразличными к властной воле, необходимо побудить личность следовать указаниям власти. Основываясь на положениях зарубежных и отечественных ученых, можно дать психологическое определение политико-властных отношений как взаимодействия мотиваций субъекта и объекта власти. Тогда психологическим механизмом осуществления власти является разнообразное воздействие на мотивы подвластных (стимулирующее имеющиеся побуждения или, наоборот, препятствующее их проявлению). Соответственно, субъекту власти необходимо обладать определенными ресурсами, которые будут значимы для других. В психологической и политологической литературе наиболее распространенной является классификация источников власти, принадлежащая Д. Френчу, Б. Рейвену и Д. Картрай-ту. Они выделяют:

1) власть вознаграждения (подразумевает, что поведение людей будет определяться ожиданием позитивного подкрепления их действий);

2) власть принуждения (сохранение мотивации, не соответствующей властной воле, ведет к санкциям различного вида);

3) власть эталона (referent power) (субъект власти является примером, с которым подвластные идентифицируют себя);

4) власть знатока (эксперта) (убеждение граждан в важности знаний субъекта власти для осуществления заданных целей).

5) информационная власть (владение информацией, заставляющей объект власти переосмысливать последствия реализации своей наличной мотивации);

6) нормативная власть (*legitimate power*) (убежденность в праве на осуществление власти).

Сходную типологию дает отечественный исследователь В.В. Крамник. Он пишет о легитимной, вознаграждающей и принудительной власти [67, с. 12]. Несмотря на меньшую детализацию, данный подход значим тем, что позволяет более отчетливо выделить два принципиально различных (прежде всего психологически) вида власти, которые можно обозначить как внешний и внутренний. К первому относятся власть вознаграждения и принуждения, поскольку и «пряник», и «кнут» зависят прежде всего от самой власти, определяющей, к кому какое средство применять. Вторым видом является легитимная власть, проистекающая от субъективных оценок граждан.

Если исходить из данного дихотомического подхода, то упомянутые выше власть эталона, знатока – это скорее не отдельные типы власти, а способы легитимации. Информационную власть можно рассматривать как определенный промежуточный вариант, сочетающий особенности обоих типов. Выделение двух основ власти достаточно условно. В реальном политическом процессе ни один из них не может претендовать на абсолютную эффективность, и они используются одновременно в различных сочетаниях.

Наиболее прочной основой государства может быть только такое его взаимоотношение с обществом, при котором имеет место соответствие представлений граждан о «должной» и реальной власти. «Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву... и его состоянию, – пишет в связи с этим Гегель, – в противном случае оно может ...быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности» (т. е. будет носить формальный характер) [111, с. 315].

В этом контексте ключевое значение приобретает понятие «легитимность». В содержательном плане она означает признание гражданами правомочности власти, обоснованности ее претензий на господство над ними, внутреннее согласие подчиняться. В определенной степени можно сказать, что люди, которые подчиняются самим себе, интериоризируют и принимают, как свое, веление власти.

Люди могут повиноваться власти по многим причинам: надеясь получить некую выгоду; считая, что «другие еще хуже»; полагая, что выступать против власти «слишком дорого», и т. п. Но такая внешняя поддержка таит в себе возможность серьезного кризиса. Ведь возможности для принуждения и вознаграждения всегда ограничены в возможностях длительного применения. Ш. Талейран метко заметил, что единственный недостаток штыков состоит в том, что на них невозможно сидеть. То же самое можно сказать и о тенденции к «покупке» лояльности граждан. Речь идет не столько о собственно материальных ресурсах, сколько о психологических. С течением времени происходит своеобразное привыкание к репрессиям или поощрениям. Они начинают восприниматься как фоновое явление, а их субъективная значимость постепенно падает.

С этой точки зрения легитимность «выгодна», поскольку власть может позволить себе не растрачивать средства на то, чтобы добиться выполнения своих указаний. Более того, в определенных ситуациях факт легитимности может стать для нее своеобразным единственным ресурсом, когда другие уже исчерпаны (например, для проведения непопулярных мер в условиях экономического кризиса).

Весьма часто легитимность понимают как «законность» и отождествляют с «легальностью». По нашему мнению, легитимность и легальность не совпадают, поскольку имеют различную природу. Если легальность отражает формальный момент соответствия власти правовым нормам, то легитимность является по своей сущности именно психологической характеристикой. Безусловно, легитимность и легальность взаимосвязаны, а правовой характер власти играет существенную роль при формировании легитимности. Однако легальность не является ни необходимым, ни достаточным ее условием. Люди могут признавать обоснованное господство власти, действующей с точки зрения «целесообразности» или даже установленной неправовыми средствами. Данный феномен также часто встречается в периоды социальных потрясений, таких, как революции. Противоположным может стать вариант, при котором граждане не доверяют в достаточной мере власти, которая, казалось бы, соответствует установленным нормам.

Типы легитимности и их психологические предпосылки

Традиционно при рассмотрении легитимности ссылаются на взгляды зарубежных исследователей, прежде всего М. Вебера. Однако будет справедливым отметить, что еще раньше указанную проблему затронул в своей психологической теории права видный отечественный юрист Н.М. Коркунов (хотя сам термин «легитимность» он не использовал). Для российского ученого основополагающий момент властных отношений лежит не в объективности принуждения, не в наличии органов власти, а в субъективном принятии этой власти. «Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее», – считает Н.М. Коркунов [119, с. 39]. При этом во власти имеет значение не столько институциональный, сколько аксиологический аспект. С точки зрения ученого, понимать власть как «только волевой» акт не следует. Люди подчиняются не столько конкретному представителю власти как таковому, сколько некоторому символу, представителю «чего-то, стоящего выше их личной воли» (например, царь – «помазанник божий»).

В процессе трансляции социального опыта передается и представление о том, что этой власти необходимо подчиняться. «Государственная власть, – пишет Н.М. Коркунов, – не чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства» [там же, с. 42]. Вместе с тем, человек будет подчиняться власти в той мере, в какой она совпадает со сложившимся нормативным образом (или, по крайней мере, создает иллюзию такого совпадения). Весьма актуально звучит положение ученого о том, что власть для обеспечения опоры на граждан должна «находиться в известном соответствии с... сознанием подвластных, с теми представлениями, которые они имеют о государстве...». Любопытно, что более чем через полвека практически

идентично сформулировал видный американский политолог Д. Истон. Раскрывая сущность легитимности, он отмечает, что «то правительство легитимно, которое соответствует сложившимся в народе представлениям о справедливости и социальном назначении этого института» [151, с. 237].

Исходя из указанных выше положений можно заключить, что добиться абсолютной власти над личностью невозможно. Предел власти ставится мерой осознания себя зависимым. Данный аспект проблемы

весьма образно отмечен в сказке Ф. Искандера «Удавы и кролики» формулой: «их гипноз – это наш страх». Действительно, если гражданин внутренне убежден, что он не обязан выполнять распоряжения власти в силу ее, то степень господства государства над ним будет меньше (в том числе при использовании насилия). Даже если человек и выполняет приказы, это скорее формальное повиновение. Указанная ситуация противоположна гегелевскому пониманию свободы как «осознанной необходимости»: я свободен настолько, насколько принял власть над собой.

На каких же психологических основах базируется легитимность? Наибольшую известность получила классификация, основывающаяся на типах господства, выделенных М. Вебером. Чаще всего выделяют традиционную, харизматическую и легальную легитимность.

В основе традиционной легитимности лежит привычка, стремление к постоянству, консерватизм, отчасти конформизм, традиционное социальное действие (делать как все). Человек подчиняется власти, потому что «так было всегда», не рефлексирова отношения к ней. Так для многих жителей России Октябрьская революция 1917 г. означала только «смену царя». В то же время для людей, сформировавшихся в годы советской власти, вопрос о ее легитимности также не вставал во многом потому, что для них она была естественной данностью. При традиционной легитимизации новое приобретает значимость только через ссылку на авторитет прошлого. Примером такой власти является монархическая система правления. Однако и сегодня легитимизация через традицию используется достаточно широко. Вспомним апелляцию к отечественным традициям, образы Петра Первого, Владимира Ленина, Иосифа Сталина. В настоящее время очень ярко проявляется стремление к установлению связи современной государственности с дооктябрьской Россией, недооценивая 70-тилетний опыт новейшей истории СССР как великого государства современности. Психологически традиция может быть связана с патернализмом, восприятием отношений гражданин–власть как семейных – старшего и младшего.

В современных условиях традиционный тип легитимизации власти поддержки может встречаться в Средней Азии, на Кавказе в форме поддержки членов «своих» групп (клановых, земляческих, семейных). С другой стороны, принципы традиционной легитимности могут использоваться при построении имиджа политиков как показатель преемственности национальных традиций). Так, президент Кыргызстана А. Акаев характеризовался в СМИ не только как политик-интеллектуал, академик, но и как потомок одного из киргизских царей. Н. Назарбаев, С. Ниязов как руководители государств постсоветского

пространства практически конституционно закрепили за собой право на абсолютное властвование.

Харизматическая легитимность является по своей основе личностным типом правомочности. Такой власти подчиняются в силу того, что приписывают ее носителям внеобыденные качества: великого учителя героя, пророка и т. п. Как было отмечено Ф.М. Достоевским в «Легенде о великом инквизиторе», основой удержания власти наряду с «тайной» и «авторитетом» является «чудо».

Сам термин «харизма» был взят из религии, где обозначал своеобразную божественную избранность, «дар свыше». Возможно, в силу этого при анализе системы харизматической власти часто можно обнаружить психологические параллели со структурой религиозного культа: наличие «мессии», знающего, «как надо», его последователей – «апостолов», «мучеников», противников-еретиков, идеологию – «писание» и т. п. Неизбежным следствием, своеобразной оборотной стороной харизматического способа легитимизации является сочетание вождизма с массовым энтузиазмом, слепой верой в лидера.

Рассматриваемая легитимность по своей сути противоположна традиционной, поскольку ориентирована прежде всего на изменение существующего положения вещей. Однако по форме она может переплетаться с ней, особенно если несколько последовательных представителей власти рассматриваются как лидеры харизматического плана. Данный процесс особенно ярко проявляется тогда, когда харизма еще недостаточно выражена. Однако даже революционная харизма по истечении определенного срока становится историей, и происходит ее рутинизация. Так, Сталин на этапе восхождения к власти представлял себя продолжателем традиции, идущей от Ленина и революции, а в конце своего почти 30-летнего правления он уже сам был «традицией» для других.

При легальной (рациональной) легитимности власть проистекает из убеждения в том, что необходимо следовать указаниям людей и институтов, избранных в соответствии с рациональными правилами («подчиняюсь, поскольку таковы установленные нормы»). Данный вид легитимности тесно связан с целе-рациональным типом социального действия (М. Вебер), следовательно, учитывает и то, как власть влияет на достижение человеком его целей. В данном аспекте весьма важно учитывать неоднозначное отношение между такими характеристиками власти, как легитимность и эффективность. Трудно отрицать (при прочих равных условиях), что демонстрация властью успешности в осуществлении своих полномочий и обещаний способствует росту ее авторитета. Высокая эффективность может даже стать предпосылкой повышения легитимности власти, а низкая – подрывать ее. Действительно, оценка того, насколько государство способствует удовлетворению их целей, – важнейшая предпосылка легитимности. Как заметил Гегель, «если гражданам нехорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что опосредованием этого интереса является государство как таковое, то прочность государства сомнительна» [111, с. 291].

Психологические факторы легитимности и делегитимности

Однако эффективность не отменяет необходимости собственно легитимности. Выше мы говорили о том, что власть принуждения и вознаграждения зависит от ресурсов. Кроме того, абсолютная и постоянная эффективность недостижима в принципе. В силу этого эффективность власти – желательное, но не основное условие легитимности. Так, к 1973 г. в Чили правительство С. Альенде не смогло решить важнейшие социально-экономические проблемы и в значительной мере утратило доверие к способности эффективно управлять страной. Это ослабило его легитимность и облегчило военный переворот. Вместе с тем, режим А. Пиночета, казалось бы, добившись крупных экономических успехов, не смог обеспечить подлинной правомочности своего господства. В условиях экономического роста претензии на власть были до определенной степени оправданы. Однако последовавший спад стал важным фактором падения хунты, поскольку необходимой легитимности она не имела

в силу способа прихода к власти и методов управления. Подобную ситуацию можно наблюдать в Южной Корее, где, несмотря на «экономическое чудо», военный режим пал, поскольку не обеспечивал прав человека, свободы и демократии.

Дилемма эффективности и легитимности имеет психологическое основание. Представляется, что эффективность может быть в определенной степени сопоставлена с инструментальными ценностями, а подлинная легитимность – с терминальными. Можно предположить, что при удовлетворении базовых потребностей за счет успешного экономического роста актуализируются более высокие устремления личности (в т. ч. стремление к осознанию себя как субъекта общественного развития). Эффективность не следует сводить только к экономике. Выше мы отмечали, что основа власти – взаимодействие мотивов. Помимо материальных, не менее (а часто и более) важным является удовлетворение таких потребностей граждан, как безопасность, эмоциональная поддержка, уважение и т.п. [135, с. 90].

Среди современных подходов к легитимности наиболее известна концепция Д. Истона. Он предложил выделять три типа правомочности: идеологический, структурный, личностный (персональный). Идеологическая легитимность вытекает из того, что гражданин разделяет ценности, которые выражает власть. Подчинение власти по существу оказывается реализацией собственных убеждений. Это может быть преданность «самой свободной стране», как США, самому передовому государству, как СССР, самому исламскому государству – Ирану.

Структурная легитимность сходна с легальной и отчасти традиционной в варианте Вебера и связана с одобрением принципов, норм, механизмов функционирования власти безотносительно к проводимой ею политике.

Персональная легитимность основывается на доверии к политическим лидерам, олицетворяющим власть, высокой оценке их личностных и политических качеств (т. е. фактически на авторитете). Еще Конфуций заметил, что «если в народе будет недостаток веры в правителя и его близких, то

государство не может быть устойчивым». Данный тип легитимности близок харизматическому, но шире него, поскольку подразумевает позитивное отношение не только к «сверхспособностям», но и к «нормальным».

Примером персональной легитимности может служить отношение к В.В. Путину в начале его президентской деятельности (как принципиально отличающегося, даже внешне, от всех представителей правящей элиты России). К данному типу относится и достаточно высокая поддержка политического руководства в США, во многом опиравшаяся на восприятие президента этой страны. Психологической особенностью личностной легитимности в ряде государств, среди которых не является исключением и Российская Федерация, может стать проецирование на такого политика положительных аспектов деятельности власти, а отрицательных – на его окружение: «царь хороший – бояре плохие».

Можно заметить, что типология Д. Истона не отрицает веберовскую и является ее модификацией. Поддержка гражданами власти выражается в определенном типе политического поведения. Поэтому представляется возможным соотнести упомянутые выше типы легитимности и выделенные М. Вебером типы социального действия (как основы политической активности) [30]:

Тип социального действия	Тип легитимности
Традиционное	Традиционная
Аффективное	Харизматическая Персональная
Ценностно-рациональное	Идеологическая
Целерациональное	Структурная Легальная

Политическая власть включает в себя различные структуры и уровни, по отношению к которым граждане могут иметь несовпадающие установки. Следовательно, правомерно предположить, что легитимность включает в себя несколько подтипов. Так, можно говорить соответственно о легитимности политического деятеля, органа власти, ветви власти, формы государственного устройства, принципов и норм и легитимности как целостном показателе отношения

общества и государства. С учетом сложности феномена легитимности, вполне понятно, что власть вряд ли может быть легитимной на 100%. Вместе с тем, различие объектов легитимации имеет позитивное значение: гражданин может быть недоволен конкретным политиком или действиями орган власти, но не подвергает сомнению правомочность политической системы в целом.

Кроме того, следует учитывать, что рассмотренные виды легитимности – это своеобразные «идеальные типы» и в политической реальности конкретного общества все они в той или иной мере присутствуют.

Психологические факторы делегитимизации власти

Легитимность есть не столько состояние, сколько процесс и его мобильный результат. Он включает наряду с укрепляющими власть факторами также и те которые ослабляют легитимность. Ведущим фактором делегитимизации будет несоответствие тому принципу, на котором она базируется. Для традиционной власти смертельно опасны любые перемены, а сила и непоколебимость традиции превращается в мину замедленного действия. Любые действия власти, не соответствующие заданным рамкам, подрывают ее основы. Вспомним, что народ не удивлялся жестокости Ивана Грозного, но объявлял антихристом Петра I. Более близким примером может стать М.С. Горбачев. После трагедии с атомной подводной лодкой «Курск» легитимность президента В. Путина не только была снижена, но многими и поставлена под сомнение.

Проблема харизматической власти заключена в необходимости постоянно подтверждать харизму через демонстрацию чего-то «сверхъестественного» или, как минимум, эффективность. В противном случае в массовом сознании возникают сомнения по поводу подлинности качеств представителей власти («тому ли подчиняемся») и системы в целом. Вспомним крик: «царь-то не настоящий!», с которой начались злоключения героев фильма «Иван Васильевич меняет профессию». Другой болевой точкой харизматической легитимности становится проблема преемственности власти. Если лидер – сверхчеловек (причем имплицитно подразумевается, что единственный), то могут ли его соратники претендовать на власть? Такая проблема достаточно остро стояла после смерти Сталина. Путем решения проблемы может стать «рутинизация» харизмы: переход к традиционной легитимизации через ссылку на преемственность власти; придание оттенка харизматичности посту (например, генерального секретаря), политической организации.

По мнению М. Вебера, рациональная легитимность является более слабой, поскольку любое правовое установление можно в принципе оспорить перед «судом разума». «Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно менее лабильнее, чем тот порядок, организация которого основана только на обычае, привычке к определенному поведению...», – писал в связи с этим немецкий социолог [28, с. 637].

Аналогичную мысль высказал русский правовед И.А. Покровский, увидевший еще в 1919 г. слабые места демократической политической системы. Он отметил, что благодаря значительной степени иррациональности, а также освященности традицией монархической власти «повинуются легче и проще» [111, с. 222]. В то же время, основой демократии является прежде всего «гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще». Но рациональные мотивы «далеко не всегда оказываются равным и по силе

прежним», вследствие чего условиях демократии возможно ослабление «психологического влияния власти и психологической силы закона».

Таким образом, в определенной психологической недостаточности «только легальной власти» коренится необходимость ее «делегитимизации» со стороны других типов. Так, для прочности демократии необходимо не только ввести в действие самое совершенное законодательство, но и то, чтобы они подкреплялись многовековой традицией и стали своеобразными ценностями большинства. Существенную роль играет и отождествление принципов демократии с авторитетными личностями, близкими по масштабу к харизматикам.

Среди других факторов, снижающих легитимность власти, можно отметить:

1) ценностный диссонанс (для традиционной и идеологической легитимности):

- различие декларируемых и реально воплощаемых властью ценностей;
- различие ценностных ориентации (в том числе менталитета) основной массы граждан и власти;

2) снижение легитимности правящей элиты (для персональной легитимности):

- нарушение моральных норм представителями власти (по мнению Т. Гоббса, «репутация власти есть сама власть»;
- кризис правящей группы (как заметил Аристотель, «распри среди знатных приходится расхлебывать всему государству»);
- перенос недовольства лицом на представляемый им властный институт (примером может служить влияние скандалов вокруг личной жизни представителей британской королевской семьи на восприятие монархии гражданами Великобритании) .

3) отчуждение граждан от власти, отсутствие возможности выразить свои интересы;

4) неэффективность власти, невыполнение ею своих обязанностей;

5) активизация противостояния и противодействия открытой и латентной оппозиции.

Степень легитимности определяется отношением граждан к власти. Но это не означает, что последней остается только пассивно созерцать, как растет или падает ее авторитет. Безусловно, в политическом процессе властные структуры стремятся сделать все, чтобы их господство было признанным большинством населения. Такую «технологическую» точку зрения выразил СМ. Липсет. По его мнению, легитимность – «способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества» [111, с. 103]. Из данного тезиса вытекает одна из основных технологий самолегитимизации – создание с помощью пропаганды представления о соответствии реальности и ожиданий людей. Данный способ весьма широко использовался в современной России в отношении укрепления влияния СМИ в общественном сознании и практике как четвертой власти. В условиях монополизации информационных

потоков гражданам приходилось воспринимать их содержание, а нередко признавать предлагаемые ценности, цели, оценки. Кроме пропагандистского воздействия важное значение имеет политическое воспитание в обществе, социально-психологическое воздействие.

Если обратиться к истории, то можно заметить, что еще одним средством повышения легитимности становится привлечение граждан к участию в политическом процессе, например, через голосование или «наказы» депутатам. Вполне понятно, что если существует мнение о том, что решение власти является в определенной степени и «моим», то создается образ власти как учитывающей интересы людей, а выполнение такого решения будет опираться на иную мотивацию, чем в случае прямого навязывания воли властвующего. При этом речь может идти не столько о реальном объеме предоставляемой власти, сколько о создании у различных социальных групп субъективного представления о своей политической значимости.

В.П. Макаренко отмечает, что в качестве специфического способа взаимодействия гражданина и власти может выступать жалоба, ставшая элементом нашей политической культуры. По мнению ученого, жалоба «создает... чувство некоторой свободы по отношению к чиновникам низших уровней... и связана с убеждением: верхи всегда готовы реагировать на социальную несправедливость и бедствия народа», а количество жалоб – это показатель внедренности в массовую политическую психологию бюрократических стереотипов [119].

Фактором, в значительной степени влияющим на политические отношения, являются особенности восприятия власти массовым сознанием. При этом надо учитывать различные «измерения» такого отношения:

- восприятие конкретных лиц и органов власти, их действий;
- глубинное восприятие власти как социального института.

Оценка власти может осуществляться по различным ее параметрам. Однако, как показало исследование, проведенное под руководством Е.Б. Шестоपाल, основными измерениями являются:

- 1) сила – слабость;
- 2) симпатия – антипатия.

Соответственно, в современных условиях власть воспринимается россиянами как:

- 1) слабая, неспособная государства обеспечить повседневную безопасность;
- 2) размытая, неопределенная (непоследовательная, нерешительная);
- 3) отчужденная (безразличная к положению людей, не проявляющая элементарного уважения и заботы, рассматривающая людей как «винтиков»);
- 4) корыстолюбивая, эгоистичная [155].

Представляется, что хотя исследование проводилось в середине 90-х годов, такие особенности восприятия власти гражданами сохраняются и сегодня, продолжая влиять на их политическое поведение.

Анализ ряда исследований позволяет сделать вывод о том, что для российского менталитета характерно противоречивое отношение к власти –

сочетание апелляции к ней по самым различным поводам с определенным недоверием. По мнению указанных авторов, власть и стремление к ней не являются в русском менталитете абсолютной ценностью. Так, на уровне коллективного бессознательного власть наделяется такими характеристиками, как:

- глобальность (вездесущность);
- таинственность, связь с «темной» силой, колдовством;
- безликость, размытость.

Для понимания функционирования властных отношений также важно учитывать и то, что люди отличаются по своей ориентации на подчинение власти. Психологический анализ предпосылок нацизма, осуществленный Э. Фроммом, В. Райхом, Т. Адорно, позволил выделить особый тип личности, который характеризуется рядом особенностей. В аспекте рассматриваемой проблемы важным представляется то, что для человека с авторитарным характером характерно двойственное отношение к власти. С одной стороны он:

- «восхищается властью и хочет подчиняться»;
- не критичен по отношению к официальной власти, часто смешивая «государство и «правительство»;
- весьма «трепетно» относится к социальной иерархии, выступает за ее поддержание;
- нуждается в сильном лидере (которого идеализирует).

Кроме того, с точки зрения Э. Фромма, подчинение власти для «обладателя» авторитарного характера может субъективно означать причастность к некоей высшей силе и становится средством преодоления невротических переживаний, своеобразной психологической защитой.

На этом основано «бегство от свободы», получившее наиболее полное освещение в работах Э. Фромма [126]. Вместе с тем следует отметить, что данный феномен был, по существу, отмечен русским политическим психологом Б.Н. Хатунцевым. Еще в 1925 г. он писал: «Человек по слабости своей натуры нередко не может устоять от желания найти и иметь властителя, которому можно было бы передать заботы о себе и все мучения свободы, как свободного выбора добра и зла в жизни» [119].

Вполне понятно, что такие установки становятся весьма удобной почвой для установления авторитарной политической системы и ее стабильности. Но с другой стороны, авторитарная личность стремится господствовать над более слабым, по отношению к которому направляется агрессия. Особенность авторитарного характера в том, что «человек восхищается властью, хочет ей подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему» [129].

Э. Фроммом замечен парадокс: если существующая власть не отвечает представлению о «сильной власти», то вполне возможна ненависть и презрение к ней. Представляется, что подобное имеет место и в новой России, когда правящая элита демонстрирует неспособность решать актуальные для народа проблемы или выполнять правящие функции в экстремальных ситуациях.

Завершая изложение, отметим, что все результаты проведенного анализа закономерных сторон власти позволяют уточнить сущность, механизмы и условия феномена власти, то есть поставить проблему психологии власти как одну из ключевых в политической психологии. Даже самые общие положения в данном контексте позволяют выделить основные аспекты, на которые важно обращать внимание, чтобы совершенствовать систему власти. Они помогут выработать достаточно полное и целостное понимание психологии власти как в политике, так и в обществе в целом.

4.3. Психологические особенности российской парламентской деятельности

Парламентская деятельность по своей сущности характеризует особенности лидерства депутатского корпуса. Парламентское лидерство как особая деятельность имеет свои особенности. С этой позиции следует подходить к анализу данного феномена.

Традиции политико-психологического анализа закономерностей формирования и функционирования политического лидерства (в том числе и парламентского) принадлежат работам Г. Тарда, Г. Лебона, М. Острогорского, М. Вебера, Р. Михельса, З. Фрейда, Г. Лассуэлла и Т. Адорно, внесших значительный вклад в развитие нового психологического взгляда на политику и лидеров. На основе скрупулезного изучения истории проявления и развития специфических черт политического лидера в различные времена и в различной обстановке они описали действия особых социально-психологических механизмов влияния и власти. Г. Тард и Г. Лебон раскрыли целый до того времени не изученный, блок специфических составляющих содержания политического лидерства, в том числе и в парламентах.

Уделяя внимание психологическим особенностям политического поведения личности, Г. Лассуэлл выделяет два основных по стилю поведения типа, с которыми встречается политический психолог: компульсивный и драматизирующий. По его мнению, лидер первого типа отличается жестким поведением, стремлением к четкой и строгой организации своих действий. Драматизирующий тип старается вызвать эмоциональную поддержку у масс. Наряду с компульсивными и драматизирующими личностями, по мнению Г. Лассуэлла, интерес для исследователя представляет еще один тип характера – беспристрастный.

Известный исследователь политического лидерства Г. Пейдж предлагает классификацию стилей лидерства по их отношению к проблеме социальных изменений, то есть в основании типологии ложится одна из социально психологических характеристик политического поведения лидера. Он, в частности, выделяет лидера консервативного типа, ориентированного на минимальные перемены реформаторского типа, и революционного лидера, настроенного на максимально быстрые изменения.

Весьма схожую классификацию предлагает и Р. Такер. Он выделяет лидера-реформатора, который верит в общественные идеалы и видит противоречия между ними и фактическим поведением людей, поэтому он призывает изменить их представление; лидера-революционера, который не

только отвергает разные поведенческие стереотипы из-за того, что они противоречат идеалам общества, но и отрицает сами эти идеалы; наконец, лидера-консерватора и лидера-либерала.

В отечественной литературе проблема классификации политического лидерства наиболее полно рассмотрена в теоретическом плане в работах Г.К. Ашина и Н.И. Бирюкова. Г.К. Ашин предлагает разные основания классификации данного явления. По масштабности лидерства, уровню решаемых задач он выделяет лидеров общенациональных, лидеров определенного класса и лидеров социальных групп. По классовому основанию им выделяются лидеры прогрессивного и реакционного класса. Наконец, по мнению Г.К. Ашина, лидер может быть конформистом, принимающим ценности своих последователей, или нон-конформистом, стремящимся их изменить. Кроме того, Г.К. Ашин, выделяет выдающихся и заурядных лидеров (по своим индивидуальным способностям): лидеров, выдвигающихся благодаря своим выдающимся качествам, и лидеров обстоятельств. Лидер может быть временным и постоянным, быть инициатором социального движения или продолжателем начатого дела. По стилю лидерства Г.К. Ашин выделяет авторитарный, ориентированный на «индуцирование активности своих последователей, вовлечение их в процесс управления».

Некоторые исследователи правомерно указывают на большую роль в формировании стиля политического лидера процедуры его выдвижения. Так, Ю. Тихомиров предлагает классифицировать лидеров на лидеров поневоле, лидеров по назначению сверху, лидеров на основе доверия и отбора, политического карьериста, лидеров на веру, лжелидеров.

Таким образом, основой типологизации парламентского лидерства является не одна исследовательская модель, а совокупность взаимодополняющих психологических подходов, дающих наибольшую полноту качественных и количественных характеристик изучаемого явления.

С учетом общих требований целесообразно проанализировать специфические характеристики парламентской деятельности как особого вида лидерства. Приступая к анализу довольно сложного явления, каковым является парламентское лидерство, прежде всего уточним, насколько правомерен термин «парламентское лидерство», насколько правомочно его самостоятельное употребление и не подменяем ли мы им широко известное понятие «политическое лидерство».

Понятие «лидерство», производное от «лидер», характеризует деятельностный аспект данного явления. Термин «лидер» происходит от английского «leader» (ведущий, руководитель). По мнению видного американского исследователя Г. Пейджа, лидером можно считать лицо, которое занимает видную формальную должность, либо лицо, которое influentially в делах данного сообщества, либо то лицо, которое фактически принимает участие в решениях, имеющих наиболее важное значение для этого сообщества.

В словарях русского языка и научной литературе понятие «лидер» неразрывно связано с политической деятельностью «лидер — глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации».

Подобная трактовка лидера характерна и для большинства научных, учебных работ, словарей по социологии, политологии, социальной психологии.

Существуют и другие определения понятия лидера. «Лидер – член группы, за коим все остальные члены группы признают право принимать ответственные решения в значимых для всех ситуациях, решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер деятельности всей группы». «Лидер – субъект социально-психологической деятельности, наиболее авторитетная личность, обладающая персонифицированными способностями социально-психологического контроля, воздействия, за которой определенная группа людей признает право на специфическую организаторскую, идеологическую и управленческую роль».

Эти и другие подобные определения объединяет то обстоятельство, что лидер в них понимается как субъект социально-психологической деятельности, за которым определенная группа людей признает право на специфическую роль по организации, интеграции общих усилий, координации деятельности масс, принятию общественно значимых решений.

Наиболее перспективным представляется определение лидерства как социально-психологического механизма; групповой интеграции, объединяющей действия группы вокруг индивида или определенной части группы, которая играет роль руководителя группы в целях осуществления общезначимых задач. Лидер объединяет, направляет действия всей группы, которая принимает и поддерживает его действия.

Рассматривая категорию «лидерство», некоторые авторы в рамках определенного подхода допускают существование «параллельных вариаций определения данной категории». Так, например, анализируя специфику лидерства и руководства в структуре социально-психологического общения, Б.Д. Парыгин пишет: «...они представляют собой, в отличие от различных частных механизмов влияния и взаимовлияния (заражения, внушения, убеждения и т. д.), персонифицированные формы социального контроля и интеграции всех механизмов социально-психологического воздействия с целью достижения максимального эффекта» [95, с. 47].

Множество разных определений понятия лидерства позволяет констатировать наличие ряда сфер исследования данного феномена.

Во-первых, в случае рассмотрения лидерства как состояния, наиболее часто оно определяется через категории «положение», «обязанности», «явление», «отношение». Во-вторых, при рассмотрении лидерства как процесса его трактовка осуществляется, как правило, посредством понятий «влияние», «процесс», «способ организации деятельности», «поведение», «управление поведением людей» и т. д. И в-третьих, при исследовании лидерства как социально-психологического механизма предметом изучения являются понятия «взаимодействие», «способ организации деятельности», «способы осуществления лидерства».

Парламентское лидерство как персонифицированная форма взаимодействия публично-политической власти и общества в психологическом плане представляет из себя, с одной стороны, рациональные знания общества о

субъекте конкретного лидерства; с другой, эмоционально-оценочное отношение общества, его институтов к депутату-лидеру и регулятивно-волевою реакцию на политические действия лидера.

Данный психологический срез общественных отношений характеризует массовое духовное состояние общества. Его содержание – не только сиюминутное отношение масс к политическим действиям лидера, политическому процессу, месту и роли в нем тех или иных политических институтов парламента, но и весь предшествующий опыт, зафиксированный в политическом сознании общества в нормах традициях, стереотипах и т. д.

При этом понятия «политическое лидерство» и «парламентское лидерство» не идентичны. Понятие «парламентское лидерство», в отличие от понятия «политическое лидерство», включает в себя, кроме политической сферы деятельности, другие сферы, косвенно или напрямую связанные с политикой.

Понятие «парламентское лидерство» не идентично и понятиям «политическое лидерство в парламенте» или просто «лидерство в парламенте». Понятие «политическое лидерство в парламенте» характеризует лишь часть волевой функции, присущей лидерству вообще. В этом отношении у понятия «парламентское лидерство» значительно больший объем властных функций, которые не являются предметом анализа понятия «политическое лидерство в парламенте».

Понятие «парламентское лидерство» раскрывается через определение его сущности и содержания. Сущность парламентского лидерства выясняется в ответах на вопросы, каким должен быть и каков есть парламентский лидер, каковы его специфические черты, как он организывает свою деятельность, какие качества позволяют ему оставаться лидером в различных ситуациях, каков в целом процесс институционализации субъекта в его лидерском статусе.

Постановка вопроса о сущности парламентского лидерства связана прежде всего с выявлением таких устойчивых особенностей данного явления, которые бы характеризовали его качественную устойчивость и определенность в различных формах его парламентского проявления.

В отличие от сущности парламентского лидерства, составляющей «...внутреннее содержание предмета, проявляющееся в единстве всех многообразных и противоречивых форм его бытия», понятие «содержание парламентского лидерства» более широкое. Содержанием парламентского лидерства являются социально-психологические механизмы влияния, лидерского поведения, симпатии, внутригруппового фаворитизма, физиогномической реакции, механизмы стереотипизации, внушения, убеждения, заражения, подражания и др. Это та основа, на которой базируется психология лидерства, то, посредством чего личность получает от людей (избирателей, коллег по парламенту) права на власть, управление.

Рассмотрение феномена парламентского лидерства как социально-психологического механизма предполагает необходимость обращения к анализу и других социально-психологических категорий, таких, как авторитет,

влияние и общение. Авторитет – «признание за индивидом права на принятие ответственного решения в условиях совместной деятельности», «влияние индивида, основанное на занимаемом им положении, статусе, должности». Соотношение категорий «лидерство» и «авторитет» состоит в том, что последний есть интегративный признак лидерства, который можно условно отождествить с его статической моделью.

Влияние парламентского лидера отражает социально-психологическую сторону лидерских отношений как результата воздействия лидера на массовое политическое поведение. Оно характеризует процесс формирования у масс таких установок, оценок, представлений, стремлений, которые обеспечивают поддержку политических действий лидера. Причем психологическое воздействие возникает не только в случае целенаправленного влияния (когда есть вполне определенная цель – получение массовой поддержки действий лидера), но и в процессе ненаправленного влияния, когда эффект воздействия может проявиться в действии механизмов заражения и подражания.

Для рассмотрения взаимосвязи лидерства и общения особо важными являются следующие положения: лидерство и общение взаимодетерминированы как по форме, так и по содержанию; лидерство проявляется в прямом и опосредованном общении; исследовать лидерство невозможно, не рассмотрев субъекта и объекта как коммуникаторов и коммуницируемых; само существование лидера не представляется без наличия последователей, с которыми и происходит процесс общения; в процессе реализации субъектом своих «лидерских» функций работают все три компонента структуры общения (как их определила Г.М. Андреева) – коммуникативный обмен, взаимодействие и восприятие человеком (или обществом, социальной группой) субъекта лидерства – одного человека, группы людей или социального института.

Общение традиционно разделяют на осуществляемое по объектной схеме (общение по типу приказов указаний, предписаний различного рода и т.п.), при котором партнерам отводится роль манипулятора (субъекта) и манипулируемого (объекта) и основанное на субъект-субъектной схеме, где оба коммуникатора выступают как субъекты процесса общения. Во втором случае активность сторон имеет равные перспективы для развития – каждая из них имеет одинаковые возможности по воздействию на противоположную с взаимной гуманистической установкой партнеров, взаимопроникновением партнеров в мир чувств и переживаний, стремлением к соучастию, сопереживанию, принятию друг друга.

Содержание понятия «лидерство в парламенте» (парламентское лидерство) – это не только то общее, что свойственно данному классу явлений, но и то единичное, индивидуальное, которое присуще только данному явлению, то, что обусловлено субъективными и объективными факторами и условиями его функционирования. Таковыми, на наш взгляд, являются специфические особенности проявления лидерства в высшем представительном органе страны.

Таким образом, к содержанию парламентского лидерства можно отнести процесс как внутреннего взаимодействия, имеющий место среди структурных

элементов данного образования (депутат – депутат), так и внешнее взаимодействие субъекта с другими окружающими его образованиями (депутат – избиратели, депутат – исполнительная судебная власть, партии, общественные объединения, организации и др.). В силу указанных факторов содержание понятия «парламентское лидерство» более изменчиво, чем его сущность, представляющая нечто устойчивое и сохраняющее себя в любых измерениях.

Говоря о парламентском лидерстве как политико-психологическом явлении, необходимо отметить, во-первых, тот факт, что данный феномен есть результат политического взаимодействия людей, детерминированный различным положением индивидов и их ролью в конкретных социально-политических структурах, во-вторых, данный феномен отражает особые свойства, особенности политических отношений данного общества. Определяя парламентское лидерство как явление политико-психологическое, мы не только рассматриваем его как «продукт» политического взаимодействия различных по своему статусу и роли социальных групп, отражающего особенности конкретных политических отношений, но и подчеркиваем роль социально-психологического компонента данного взаимодействия в формировании и функционировании парламентского лидерства.

Лидерство в Государственной Думе, как и лидерство вообще, имеет три характерные особенности: во-первых, его влияние должно быть постоянным, во-вторых, воздействие лидера должно осуществляться на всю группу (в данном случае на парламентариев, законодательный процесс, электорат), в-третьих, парламентского лидера отличает явный приоритет во влиянии.

Другая особенность субъекта парламентского лидерства связана с особенностями деятельности лидера по созданию и расширению социальной базы поддержки.

Особенность парламентской деятельности лидера по расширению своего влияния в массах проявляется не только в учете массовых установок, но и в используемых специфических формах воздействия на массовое сознание. Среди них можно выделить прямые формы воздействия на массы (митинги, демонстрации, выборы, дискуссии, референдумы, партийные собрания и т. д.) и опосредованные формы влияния (выступления в средствах массовой информации, парламенте, создание новых и стимуляция существующих организаций и т. д.).

Парламентская деятельность – это не только средства, но и фактор, механизм для обеспечения соответствующей организованности, а также для регулирования и стимулирования массового поведения в поддержку действия политического лидера. Ее эффективность определяется не столько интенсивностью или продолжительностью воздействия на массовое политическое сознание, сколько учетом в предлагаемой программе действий и поведения лидера объективных потребностей людей, а также состояния их сознания и психологии.

Существующие в научной литературе подходы к определению понятий «лидер», «лидерство», «политическое лидерство» условно можно разделить на три направления, возможных для исследования парламентского лидерства.

Первое – интерпретация «парламентского лидерства» по политическому формальному статусу, когда парламентским лидером определяется лицо, занимающее высокую должность в той или иной системе иерархий (к примеру, под определение «парламентский лидер» подпадают руководители партий и движений).

Второе – описание парламентского лидерства по степени политического влияния. В этом случае парламентским лидером выступает индивид, пользующийся наибольшим влиянием в конкретном политическом процессе, имеющий наибольшую базу поддержки своим политическим действиям.

Третье направление ориентируется на участие субъектов парламентской жизни в принятии политических решений. К примеру, руководитель депутатской группы, член Совета Государственной Думы, председатель комитета, комиссии Государственной Думы РФ и т. д.

1. Парламентское лидерство характеризуется тем что оно занимает определенное место в организации и жизнедеятельности всего общества, а следовательно, имеет определенную социальную и политическую значимость, обладает специфической силой воздействия на развитие общества.

2. Парламентское лидерство в первую очередь обусловлено спецификой политической, экономической и духовной жизни общества, переплетением рационального и эмоционального моментов диалектикой сознательного и бессознательного. Активность или спад, доминанта той или иной сферы жизнедеятельности, уровень демократии, система организации управления обществом выступают главными факторами, детерминирующими особенности функционирования парламентского лидерства.

3. Парламентское лидерство проявляется в определенных политических и территориальных, социальных и психологических границах, поэтому в анализе его конкретного состояния принципиальное значение имеют знание сложившихся отношений в парламенте, правительстве, президентских структурах, а также связи и отношения с органами, в их взаимной зависимости и обусловленности.

4. Конкретное парламентское лидерство проявляется в определенной политической системе и политической ситуации. Политическая специфика изучаемого явления представляет собой качественное, системное его свойство.

5. Становление и развитие парламентского лидерства связано с определенным состоянием духовной жизни общества, его политической культурой. Характер господствующих в массовом сознании политических ценностей, норм, установок, традиций и т. д. определяющим образом влияет на этот процесс.

Методы комплексного, системного политико-психологического исследования представляют большие возможности для теоретического анализа парламентского лидерства, построения целостной модели этого сложного явления. Все это позволяет глубже понять место и роль политической

психологии в группе других факторов, определяющих становление и развитие политического лидерства.

Структура, роль и функции парламентского лидерства

Вопрос о структуре лидерских, рациональных, эмоциональных, рационально-эмоциональных отношений между субъектом лидерства и депутатами, избирателями, народными массами, государственными и общественными институтами имеет важное значение не только с точки зрения теоретического анализа феномена парламентского лидерства, но и в научно-прикладном плане, поскольку преимущественно на этих знаниях базируются конкретные исследования общественно-психологических процессов, связанных с формированием и функционированием данного явления.

В парламентском лидерстве структура лидерских отношений характеризуется социально-психологической доминантой, что, собственно, и позволяет говорить о нем как о первенстве в политической конкуренции, достижение которого основано на неформальных властных зависимостях политического характера. Административный срез в этих отношениях, отражающий наличие в них определенных формализованных силовых факторов, связан не только с утверждением определенных норм и правил во взаимоотношениях лидера с массами, но и возможным применением принудительного воздействия.

К структуре парламентского лидерства относятся факторы зрелости субъекта и объекта лидерства, объективные и субъективные обстоятельства, формирующие на сознательном и подсознательном уровне потребность в установлении отношений руководства и подчинения. Сюда же следует отнести прямые и опосредованные политико-психологические отношения между субъектом и объектом парламентского лидерства, наличие системы коммуникации – прямого или опосредованного обмена информацией.

Применительно к сфере парламентской деятельности взаимосвязь лидерства и руководства проявляется в том, что оба являются содержательными характеристиками процесса реализации субъектом парламентской деятельности своих властных полномочий. В отечественной и зарубежной науке не случайно очень много внимания уделяется раскрытию сущности руководства как формального лидерства и лидерства как неформального руководства. Таким образом, авторитет и руководство – категории, характеризующие статическую и динамическую модели лидерства в Государственной Думе РФ.

В структуру парламентского лидерства входит и политическое поведение. Под политическим поведением мы понимаем целенаправленные действия политического характера, субъекты которых приписывают им определенное ценностное значение и на основе этого значения соотносят их с окружающей действительностью. Несмотря на многообразие целей и форм политического поведения, оно обладает доступными эмпирическому наблюдению относительно устойчивыми характеристиками, которые раскрывают направленность и интенсивность поддержки или отвержения действий лидера.

Особенность субъектной структуры парламентского лидерства заключена в том, что лидерство может носить не только индивидуальный, но и групповой характер. Действия коллективных структур в массовом сознании воспринимаются как деятельность некоего целостного политического института, не носящего яркого персонифицированного выражения.

Поскольку в структуру парламентского лидерства входит парламентская деятельность, следует обратить внимание на четыре типа политического действия по отношению к парламентскому лидеру.

1. Целерациональное поведение

Оно возникает в тех случаях, когда действия в поддержку парламентского лидера базируются на понимании тех выгод, которые принесет деятельность парламентария по достижении им политического первенства. В основе этой поддержки лежат: анализ социально-политической и психологической ситуации; просчет возможных вариантов, связанных с лидерством других политиков; оценка последствий успеха или

неуспеха деятельности тех или иных парламентариев (критерием рациональности является выгода, достижение успеха).

2. Ценностнообоснованное поведение

Поддержка парламентского лидера основывается на сознательной вере в идеологическую, религиозную, этическую или иную ценность определенного поведения, независимо от того, насколько оно связано с достижением успеха. Ценностнообоснованная поддержка парламентского лидера массами строится на основе соблюдения людьми определенных заповедей, норм, ценностей, доминирующих в массовом сознании и принятых ими. То есть цель действия (поддержка политика) и само это действие со стороны масс совпадают, побочные следствия не принимаются в расчет.

3. Эмоционально-аффективное поведение

Поддержка парламентского лидера основывается на чувственно-эмоциональных переживаниях, связанных с его личностными качествами, взглядами и поступками.

4. Традиционное поведение

Оно возникает тогда, когда поддержка парламентского лидера основывается на традициях, привычках, утвердившихся в политической жизни общества или у определенной его части.

Таким образом, парламентский лидер – это такой политик, который в определенных социальных общностях обладает наибольшей легитимностью, способностью создавать массовую базу поддержки своим действиям и формировать по отношению к ней позитивное сознание масс.

В массовом политическом сознании отражаются все наиболее важные текущие события политической жизни. При этом та часть социально-психологического отражения политической жизни, которая непосредственно связана с конкретным парламентским лидером, собственно, и составляет основу социально-психологического «среза» лидерских отношений. Она, конечно, не является неким слепком в массовом сознании действий или взглядов парламентского лидера, а представляет собой отражение того

отношения, в каком этот лидер отвечает потребностям, интересам, ожиданиям, мотивам деятельности тех или иных социальных групп. По своей социально-психологической форме эта реакция на поведение и деятельность парламентского лидера в массовом сознании может быть:

- когнитивно-рациональной, то есть может представлять собой определенные знания, сведения, анализ взглядов и действий парламентского лидера, Ее индикатор – соответствие поступков лидера интересам, потребностям, ожиданиям той или иной социальной группы;

- аксиолого-оценочной, представляющей собой отношение в форме оценок, мнений, суждений, выводов о взглядах и действиях парламентского лидера;

- эмоционально-чувственной – как эмоциональная реакция в форме переживаний, настроений, чувств по поводу взглядов и действий парламентского лидера (например, чувственно-эмоциональное восприятие политической действительности);

- регулятивно-волевой – как результат активного отражения в массовом сознании взглядов и действий парламентского лидера и готовности масс поддерживать их (или противодействовать им).

По тому, какие из этих компонентов доминируют в массовом сознании различных социальных групп, общества в целом, какую направленность и интенсивность имеют эти доминанты, по отношению к взглядам и действиям лидера, можно судить:

- об общем характере массовой поддержки парламентского лидера;
- о структуре и стратификации этой поддержки;
- об устойчивости конкретного парламентского лидерства.

На различных этапах развития парламентского лидерства композиционность форм социально-психологического отражения этого процесса в массовом сознании различна. На этапе завоевания парламентского первенства общественность более склонна оценивать действия лидера чувственно-эмоциональным образом. Причем интенсивность именно такого отражения может регулироваться особенностями специализированного массового сознания.

К примеру, рост авторитаризма, этноцентризма ир-рационализирует массовое сознание и поведение. Отношение масс к лидеру в этом случае формируется преимущественно в эмоционально-волевой плоскости. Рациональные знания, анализ взглядов и поведения лидера в этом случае не играют решающего значения. Более того, попытка такого анализа может быть расценена как прямое покушение на «достоинство» парламентского лидера, «оскорбление чести» тех, кто поддерживает его действия. В этих условиях массовое политическое поведение в большей степени детерминировано инстинктами, предрассудками и т. д., нежели расчетом и анализом.

Таким образом, политическая психология является мощным фактором не только формирования и развития конкретного парламентского лидерства, но и общего хода политического процесса. Именно поэтому деятельность того или иного парламентского лидера всегда может быть подвергнута прогнозу и

оценена с точки зрения связей и корреляции доминирующих политико-психологических типов ориентации, установок.

Современный парламентский лидер обладает особым менталитетом, характером и типом поведения, которые в ряде случаев обусловлены не сформулированными явно и не вполне осознаваемыми в обществе коллективными психологическими установками. Психологические характеристики: особая воля, энергичность, деловитость, в определенной мере жесткость, патриотизм и социальная ангажированность, ораторское мастерство – отражают и выражают природу, внутреннюю сущность парламентского лидерства, его качественные особенности.

Социально-психологические функции парламентского лидерства трудно охарактеризовать без учета того, что обеспечивает функционирование данного феномена. И здесь в первую очередь следует выделить такие специфические функции, как:

- целеполагающе-законотворческая функция не случайно определена как основная, поскольку формирование общественных целей и их реализация путем законотворческой деятельности, политического воздействия на все компоненты общественной системы является главной особенностью данного явления в контексте современного управления обществом;

- компенсаторная функция – не менее важная составляющая парламентского лидерства. Сам факт

существования парламентского лидерства обусловлен не только выполнением определенных социально-политических функций в деятельности общественной системы в целом, но и выполнением некой компенсаторной роли, которая во многом опосредована представительной функцией парламента. О потребности населения в лидере, руководителе как ключевом факторе развития группового лидерства говорят многие исследователи. Такое объяснение мотивации массового политического поведения является традиционным для психоаналитической школы. Однако, говоря о компенсаторной функции парламентского лидерства, мы имеем в виду не компенсацию неких заложенных в детстве потребностей в лидере, а то, что сама личность лидера и проводимая им политика выступают неким «снятием» в массовом сознании противоречия между стремлением людей изменить, улучшить свои жизненные условия, и возможностями, предоставленными для этого политической системой государства, парламентом;

- мировоззренческая функция прежде всего связана со спецификой воздействия парламентского лидера на массовое сознание. Лидер для обеспечения массовой базы поддержки своих действий стремится сформировать у людей такие политические представления и взгляды, которые бы не только коррелировались с позитивной оценкой населением его действий, но и направляли определенным образом политическое поведение масс (поддержка на выборах, участие в массовых акциях и т. д.);

- регулятивная функция проявляется посредством взаимодействия с мировоззренческой функцией парламентского лидерства. Как уже отмечалось, регуляция массового поведения может осуществляться не только на основе

прямого административного воздействия, но и на базе социально-психологического влияния. Не только на основе правовых норм, правил, а также на основе применения определенных административных санкций, на базе неписаных, но общепринятых в данном обществе или социальных группах политических норм;

– коммуникативная функция парламентского лидерства прежде всего способствует массовому общению людей, совместному их действию не только в рамках парламента, определенных политических организаций (партий, общественно-политических организаций, парламентских фракций и т. д.), но и в различных неформальных видах общения;

– и наконец, интегрирующая функция парламентского лидерства может рассматриваться как на уровне общества в целом, так и на уровне тех общественно-политических групп, в границах которых оно проявляется. В любом случае парламентское лидерство является фактором, укрепляющим и поддерживающим определенную политическую общность людей (на базе общности их политических взглядов, интересов, ценностей и т. д.). Наряду с этим парламентское лидерство может играть и дезинтегрирующую роль по отношению к другим политическим общностям.

Социально-психологические функции парламентского лидерства во многом совпадают с функциями лидера, но далеко не тождественны им. Социальные функции парламентского лидерства характеризуют специфику этого явления как подсистемы всего общества, в то время как функции лидера отражают главным образом его особенности как компонента той функционально-целевой системы, каковой является само парламентское лидерство.

К числу специфических социально-психологических функций парламентского лидера можно отнести социально-преобразующую и социально-мобилизующую функции. Эти функции отражают специфику самой парламентской практики лидера, которую можно рассматривать в двух аспектах: как деятельность, связанную с преобразованием социально-политической среды, и как деятельность, направленную на завоевание своего места среди других властвующих субъектов, а также на усиление влияния среди членов общества. Для выполнения этой функции требуется осуществление определенных мобилизационных шагов, интеллектуальных (изучение ситуации с точки зрения интересов политических общностей, формирования концепции решения проблемы) и ресурсных (мобилизация в руках политика необходимых материальных человеческих, информационных, организационных, финансовых ресурсов);

Ключевое значение в этом процессе играет соотношение технологии и стратегии лидерства, каждая из которых представляет собой определенную последовательность действий для достижения намеченных результатов. Искусство политической деятельности парламентского лидера определяется способностью найти такой вариант соотношения тактики и стратегии, при котором эффективное решение социально политических проблем сочетается с повышением статуса и ростом его влияния в политической жизни общества.

В числе функций, осуществляемых парламентским лидером, следует назвать и такие, как:

- аналитическая: изучение, обобщение и осмысление информации о состоянии массового сознания, оценка деятельности всех ветвей власти отдельных организаций, территорий;

- прогностическая: прогнозирование развития политических процессов в стране и парламенте, особенностей деятельности и возможных результатов (в том числе и отрицательно влияющих на общее состояние дел в данной сфере деятельности) отдельных акций, работы, поведения депутатов;

- информативная, которая носит характер обратной связи: обеспечение субъектов и объектов политической деятельности информацией об их взаимодействии об общественном мнении, общественных настроениях, отношениях к конкретным действиям, поступкам, акциям;

- консультативная: оказание помощи субъектам политической деятельности, депутатским группам и отдельным депутатам по совершенствованию их деятельности, консультирование в системе отношений «депутат – избиратель».

Психологические характеристики субъекта парламентского лидерства

Личность парламентского лидера является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Об этом со всей убедительностью свидетельствуют данные многолетнего включенного наблюдения, контент-анализа выступлений парламентских лидеров, результаты социально-психологических опросов и др. исследования поведения лидеров Государственной Думы. На основе результата анализа лидеров Государственной Думы второго созыва можно составить определенную типологию лидеров российского парламента.

При рассмотрении психологических портретов парламентских лидеров прежде всего учитывались следующие составляющие:

- 1) возрастные характеристики;
- 2) биографические данные, образовательные характеристики, достижение парламентским лидером своего «акме»;
- 3) психологические характеристики среды формирования личностных качеств парламентских лидеров, характеристика родительской среды;
- 4) характеристика семейной среды парламентских лидеров;
- 5) индивидуально-психологические характеристики, особенности высшей нервной деятельности, стиль руководства парламентских лидеров;
- 6) мотивация деятельности парламентских лидеров;
- 7) самостоятельность принятия политических решений парламентскими лидерами;
- 8) активность в парламенте, психологические методы воздействия на аудиторию;
- 9) взаимовлияние парламентских лидеров и возглавляемых ими депутатских объединений.

В целом каждый парламентский лидер обладает специфическими чертами характера, особыми приемами руководства и воздействия на массы, владеет

нестандартными способами достижения поставленных целей и другими психологическими особенностями. Теоретический анализ и эмпирические данные исследования свидетельствуют о том, что в большинстве своем парламентские лидеры – личности сильные, обладают особым менталитетом, необходимыми для парламентской деятельности качествами, способностями и умениями. Для осуществления парламентской деятельности лидеру необходимо иметь сформированные политические качества организатора, аналитика, законодателя, прогнозиста, идеолога, оратора. Среди психологических характеристик основными являются волевые качества, коммуникабельность, стрессоустойчивость, самообладание, быстрая реакция, адаптивность и др.

Личностные и профессиональные характеристики субъекта влияют на результативность парламентского лидерства. Объективную детерминацию парламентского лидерства характеризует степень проявления властных полномочий парламентского лидера, которые обусловлены его статусом, уровнем легитимности, сферой и масштабом деятельности.

Субъективная детерминация парламентского лидерства характеризуется комплексом индивидуально-психологических особенностей, качеств, способностей его представителя, в том числе стратегией его развития, профессиональным опытом, жизненной позицией.

Проведенный анализ-исследование свидетельствует о том, что парламентские лидеры относятся к типу сильных и очень сильных личностей. В большинстве своем они обладают повышенной чувствительностью, быстротой реакции, высокой адаптивностью, эмоционально-рациональным поведением. Лидеры обладают особым менталитетом, необходимыми для парламентской деятельности качествами, способностями и умениями.

Немаловажными факторами, характеризующими парламентского лидера, являются его мировоззрение, ораторское мастерство, стиль поведения. Действия большинства парламентских лидеров во многом определяют их ближайшее окружение, которое руководствуется целенаправленным, ценностно-обоснованным, эмоционально-аффектным или традиционным поведением.

Наиболее широко применяемой классификацией типов лидеров является выделение «авторитарного» и «демократического» стилей. Данная классификация дает возможность охарактеризовать наиболее типичный в настоящее время в Государственной Думе РФ стиль руководства.

Исследование выявило, что с позиций классификации лидеров, предложенной К. Ясперсом, парламентские лидеры либо подпадают сразу под два признака (лидер – выразитель ситуации и лидер-демагог), либо вообще не вписываются в эту систему.

В то же время классификация стиля поведения, предложенная Г. Лассуэллом, показывает ситуативность поведения всех нынешних парламентских лидеров, «специализирующихся», эксплуатирующих. Вступление в эпоху рыночных отношений коренным образом изменило

принципы организации управления страной и обществом, но не устранило причин порождающих лоббистскую деятельность.

В новом тысячелетии роль и место парламента в политической жизни общества, его функции существенно изменяются. И все же главная особенность функционирования всех без исключения парламентов мира остается неизменной. Парламенты любой страны постоянно находятся в фокусе общественно-политической жизни общества и государства, являются средоточием существующих в обществе многочисленных интересов, мотивов, потребностей.

4.4. Психология парламентского лоббизма

Исторические данные свидетельствуют, что «группы интересов» существовали на протяжении всей истории человечества. Понятия «лобби», «лоббизм», «лоббирование» и другие его производные заимствованы из англоязычной политической терминологии (от англ. lobby – крытая прогулочная площадка, коридор). В 1553 г. обозначало прогулочную площадку в монастыре. Столетие спустя так же стали называть помещение для прогулок в палате общин Англии.

Политический оттенок значение этого слова приобрело спустя еще два столетия, причем не в Англии, а в Америке, когда в 1864 г. термин «лоббирование» начал обозначать покупку голосов за деньги в коридорах конгресса. Однако в Англии такая политика считалась предосудительной, и слово прижилось лишь в XX веке, а затем его начали употреблять и в других странах.

Россия не является исключением из этого правила. Поскольку на протяжении многих веков, начиная с князей Рюриков, государева служба считалась местом чиновничьего кормления, лоббизм на Руси процветал, по всей видимости, как ни в одной стране мира. В советский период в СССР формально была упразднена необходимость лоббирования, чьих бы то ни было интересов, поскольку существовала одна узаконенная всеобщая идеология. Однако на практике лоббизм делал свое дело. В аппарате ЦК, Совмина лоббировались интересы министерств и ведомств, отраслей, региональных элит, творческих союзов и других корпоративных объединений.

Иначе говоря, с тех пор как стала образовываться система власти, управления обществом, стали возникать и «группы давления», «лоббисты», отстаивающие свои особые интересы. Главным движущим мотивом их поведения было и остается стремление реализовать свой специфический интерес, выражаемый, как правило, в статусных привилегиях, во властных полномочиях или в формах материальной выгоды, идеологических, политических и других приоритетах. Здесь следует сделать три уточнения: под структурами следует понимать конкретных людей, занимающих определенные должности, от которых зависит принятие (непринятие) тех или иных решений; решение какого-либо вопроса может носить как положительный, так и отрицательный характер; лоббизм следует воспринимать как инструмент давления, опирающийся на материальное, социальное, психологическое, косвенное или иное стимулирование, шантаж и т. п. воздействие на

должностных лиц. В целом лоббизм можно определить как комплекс различных приемов и методов (прямых и косвенных) воздействия на властные (в основном) структуры с целью достижения определенной цели.

В качестве «групп интересов», «групп давления», «лоббистов» в истории человечества фигурируют родственные кланы, союзы, партии, страты и иные корпоративные группы, связанные между собой профессиональной, территориальной, политической, экономической, идеологической и другой общностью.

Вступление в эпоху рыночных отношений коренным образом изменило принципы организации управления страной и обществом, но не устранило причин, порождающих лоббистскую деятельность. Несмотря на то, что некоторые причины лоббизма стали достоянием истории, необходимость в их реализации отпала, оставшиеся пополнились новыми – «детьми» нынешней общественно-политической системы и ситуации. Сегодня одним из основных институтов государства, где наиболее ярко проявляется подобная специфическая форма отстаивания групповых интересов, является парламент.

В новом тысячелетии роль и место парламента в политической жизни общества, его функции существенно изменяются. И все же главная особенность функционирования всех без исключения парламентов мира остается неизменной. Парламент любой страны постоянно находится в фокусе общественно-политической жизни общества и государства, является средоточием существующих в обществе многочисленных интересов, мотивов, потребностей.

Каждое государство по-своему решает вопросы устройства и функционирования парламента, но есть особые признаки, которые характерны для абсолютного большинства парламентов мира. Таким неизменным атрибутом парламентской жизни, как показывают сравнительные исследования структуры и деятельности представительных органов 55 стран мира, является важность выполняемых данным органом функций, а также наличие лоббистского давления на деятельность парламента.

Парламент издает основополагающие акты о компетенции органов исполнительной и судебной власти,

основы взаимодействия центра и мест, разграничивая сферы их ведения. В целом в компетенцию парламентов входят полномочия в сфере законодательства, в сфере представительства интереса государства и населения, контрольные и учредительные.

Факторный анализ лоббистской деятельности в российском парламенте показывает, что в числе важнейших политических предпосылок его функционирования в стенах Государственной Думы выступает блок разносторонних по природе, силе и влиянию факторов, которые с определенной степенью условности можно назвать факторами институциональными и факторами развития.

К институциональным факторам, обуславливающим потребность лоббирования в российском парламенте, несомненно, относятся:

– проблемы и противоречия современного государственного устройства, опосредованные конституированной системой высшей власти страны, спецификой прав и обязанностей субъектов федерации, неравнозначностью их политико-экономической мощи и реальным представительством в парламенте;

– образовавшаяся в стране в результате демократических преобразований многопартийность, которая не нашла своего адекватного отражения в составе депутатского корпуса;

– представительный характер парламента страны и непредставительный его состав, обусловленный спецификой действующей избирательной системы;

– возрастающий международный интерес к России в связи с падением «железного занавеса», вступлением ее в мировое сообщество.

В качестве факторов развития, обуславливающих потребность в лоббистской деятельности, выступают такие причины, как:

– неравномерность образования новых субъектов общественно-политической жизни, в том числе страт, различных хозяйственных корпораций и корпоративных групп, перманентность процесса их роста и девальвации;

– непрямолинейность исторического процесса развития страны;

– необходимость формирования новой законодательной базы применительно к новому общественно-политическому укладу.

Особенности устройства системы государственной власти в России, ее функциональное предназначение, закреплённое в Конституции, а также практика функционирования самой политической системы порождают массу веских причин, обуславливающих потребность существования лоббистской деятельности в российском парламенте. Государственная Дума как орган власти обладает необходимыми полномочиями для влияния на все социально-экономические, политические и др. процессы, происходящие в стране. Наделенная правом принимать законы, регулирующие жизнь страны, Государственная Дума столь же необходима для субъектов лоббирования, как и Администрация Президента, Правительство РФ.

Деятельность Правительства РФ, являющаяся управленческой по характеру и распорядительной по содержанию, осуществляется на основе и во исполнение закона. Вместе с тем согласно ч.2 ст. 115 Конституции РФ, Правительство РФ издает постановления и распоряжения, которые обязательны к исполнению в Российской Федерации. И в этом отношении Правительство РФ в не меньшей степени, чем какой-либо другой субъект лоббистской деятельности, заинтересовано в лоббировании нужных ему законов.

С другой стороны, анализ управленческой деятельности исполнительной власти показывает, что она реализуется преимущественно в сфере регулятивных правоотношений, возникающих на основе правомерного поведения субъектов управленческих процессов. В этом отношении государственное управление есть организующая деятельность органов исполнительной власти, осуществляющих руководство хозяйственным, социально-культурным и административно-политическим строительством.

Политической прерогативой российского парламента является дача согласия Президенту РФ на назначение Председателя Правительства

Российской Федерации, решение вопроса о доверии правительству, назначение на должность и освобождение Председателя Центрального банка Российской Федерации, Председателя Счетной палаты, Уполномоченного по правам человека, выдвижение обвинения против Президента РФ для отрешения его от должности. В этой связи к числу причин, стимулирующих лоббистскую деятельность в Государственной Думе РФ, несомненно, следует отнести наличие в Конституции РФ положений, определяющих порядок и процедуры выражения недоверия Правительству РФ, импичмента Президенту РФ. В любой стране, как правило, существуют течения, партии и общественные организации, ставящие своей целью замену правительства и президента.

Немаловажное значение в стимулировании процесса лоббирования в российском парламенте имеет заложенный в Конституции РФ механизм отклонения законов, принятых Государственной Думой, позволяющий заинтересованным субъектам добиваться возвращения в парламент законопроектов, отклоненных Советом Федерации или Президентом РФ с последующим внесением в них необходимых изменений.

Помимо указанных причин конституционного устройства высшей власти, обуславливающих потребность в лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ, свою весомую лепту в необходимость существования института лоббирования в парламенте вносят субъекты Федерации: края, области, республики, национальные и автономные округа, города, мегаполисы. Обладая значительной долей самостоятельности, регионы крайне заинтересованы в получении дополнительных льгот, будь то бюджетное финансирование, оффшорные зоны, таможенная и тарифная политика, экспорт, иностранные инвестиции и т. д.

В лоббировании своих интересов нуждаются не только дотируемые регионы, но и в не меньшей мере регионы с высокой степенью финансово-хозяйственной устойчивости. Так, из-за нерасторопности московских лоббистов и наоборот, большой активности региональных лоббистов при утверждении бюджета 1997 года Москва лишилась значительных государственных субсидий, которые она получала на протяжении десятков лет через федеральный дорожный фонд.

Одной из важнейших предпосылок группового давления на парламент, его лоббирования является многопартийность, не нашедшая адекватного представительства в Государственной Думе.

В предшествующие годы при однопартийной системе особой нужды в лоббировании партийных интересов не было. В нынешнее время, когда число партий общероссийского статуса, только официально зарегистрированных в Министерстве юстиции РФ, достигает нескольких сотен, потребность в лоббировании их интересов, несомненно, значительна. Партии, участвующие в политической борьбе, попросту не могут отказаться от попыток через Государственную Думу РФ продвигать интересы своего электората. Лоббированием в парламенте занимаются как партии, победившие на выборах, так и те, которые не набрали необходимый процент.

Вторым крупным блоком причин, обуславливающих лоббистскую деятельность в российском парламенте, как уже отмечалось выше, являются факторы роста. Так, образование новых субъектов политики, стратов, корпораций – предпринимателей, банкиров, нефтяных и газовых баронов и др., – в силу объективных обстоятельств не успевших получить своих представителей среди депутатов, подталкивает их к поиску точек доступа в парламенте с целью отстаивания и проведения интересов, свойственных общественному положению и статусу.

В новых условиях хозяйствования и функционирования системы власти свои профессиональные объединения создал директорский корпус страны: руководители крупных государственных объединений и предприятий, профсоюзы, члены экологического движения, бухгалтеры, экономисты, юристы, мусульмане, народы Севера и т. д. В это же время возникли организации, претендующие на монопольное представительство и отстаивание интересов ведущих отраслей промышленности и сельского хозяйства; Российский союз промышленников и предпринимателей, Аграрный союз; Торгово-промышленная палата и т. д.

В отличие от новых предпринимателей, промышленники вначале не связывали отстаивание своих интересов с участием в работе Государственной Думы РФ. Старые каналы связей еще оказывали влияние на принятие необходимых решений и приносили более ощутимые результаты, нежели прямое лоббирование. Однако в декабре 1990 г. была учреждена первая организация промышленников – Партия свободного труда (И. Коровиков, В. Тихонов), которая проложила дорогу политическим организациям, декларировавшим отстаивание интересов крупного, среднего и малого бизнеса, в том числе в российском парламенте.

В качестве организаций, открыто заявивших о своих намерениях участвовать в процессе отстаивания и продвижения собственных интересов, можно назвать Партию экономической свободы (К. Боровой, И. Хакамада), «Предпринимательскую политическую инициативу» (М. Масарский, К. Затулин), преобразованную в «Объединение предпринимателей за новую Россию», Либеральный союз предпринимателей. Независимое гражданское движение в поддержку предпринимательства в России» и др. Ряд руководителей этих организаций в последующем стали депутатами Государственной Думы. В частности, Б. Березовский, А. Абрамович и другие «конструктивные» оппозиционеры по-разному относятся к званию депутата, связям со СМИ и пр. формам политической активности, используя их как выгодные козыри в лоббировании своих интересов.

Немаловажное значение среди причин, обуславливающих необходимость существования лоббизма в парламенте, имеет фактор неравномерности образования субъектов общественной жизни. Колесо истории неумолимо меняет расстановку сил, возвышая одних, низвергая других. Неравномерность образования субъектов общественной жизни ведет к тому, что и новые, и старые корпоративные силы нуждаются в лоббировании своих интересов, поскольку без этого успешное продвижение или даже сохранение достигнутого

положения в любой из областей их деятельности, как показывает многовековая история, невозможно.

Выделяя причины, порождающие процесс лоббирования в Государственной Думе, нельзя не отметить и такую вневременную историческую причину, как непрямолнейность исторического процесса развития. Никто не может со стопроцентной гарантией утверждать, что раз начавшийся процесс каких бы то ни было политических, экономических, социально-культурных преобразований, реформ, нововведений, хозяйственных инноваций, расширения прав и свобод личности сохранит свою поступательную направленность, не повернет вспять или хотя бы чуть-чуть не изменит вектор направления своего исторического движения. За каждым таким изменением, историческим поворотом судьбы миллионов людей – благополучие сотен корпораций, партий, общественно-политических объединений и других участников политической жизни страны.

Производной от этих двух указанных выше причин, обуславливающих необходимость лоббистской Деятельности в парламенте, является начавшийся с 1993 г. бурный процесс изменения существовавшего законодательства применительно к новым историческим условиям, к новому социально-политическому укладу государства.

За период работы Государственной Думы с 1993 г. по 2000 г. на заседаниях российского парламента рассмотрено свыше тысячи законодательных актов. Введены в действие многие основополагающие правовые документы. Такой бурный процесс изменения основных правил жизнедеятельности общества, несомненно, стимулирует активизацию лоббистской деятельности, поскольку корпоративные группы, если они не хотят остаться за бортом истории, вынуждены каждодневно искать пути влияния на содержание новых законодательных актов.

Лоббистская деятельность в парламенте имеет своей причиной не только политические предпосылки. Парламентский лоббизм не в меньшей степени опосредован психологическими факторами. Более того, со всей очевидностью можно утверждать, что основная причина любого лоббирования, будь то отстаивание политических, экономических, социально-культурных или иных интересов, имеет одной из основных своих первопричин психологический фактор.

Актуальная потребность в лоббистской деятельности в российском парламенте обусловлена, прежде всего, многообразием существующих в обществе интересов, установок, предпочтений, ценностных ориентации потребностей и т. д. Весь этот набор особой психологической составляющей жизнедеятельности индивида, коллектива, территории, отрасли, конфессии и т. д. требуется отстаивать, продвигать, законодательно закреплять в законах их корпоративный интерес в принимаемых Государственной Думой РФ документах. Групповой интерес изначально предполагает нацеленность на достижение вполне определенных, групповых целей в российском парламенте.

Представители групповых – корпоративных интересов генетически запрограммированы на взаимодействие с властными структурами. Групповой

интерес в России играет не маргинальную, а ключевую роль, поскольку вся система отношений данного института общественных отношений и центральной власти носит ярко выраженный корпоративный характер. Как отмечает С. Перегудов, «...само понятие "корпоративизм", хотя оно и происходит от слова "корпорация", в современном значении есть не что иное, как одна из форм взаимодействия групп по интересам и государства».

Данные о многовариантности существующих в обществе интересов и потребностей подтверждаются результатами социально-психологических исследований. Эмпирические исследования свидетельствуют, что калейдоскоп восприятий и представлений населения характеризуется отсутствием какой-либо абсолютно господствующей социально-психологической тенденции не только в обществе в целом, но и в рамках различающихся по доходам групп населения, в том числе богатых и бедных.

Анализ партийно-политических ориентации, общественных интересов, предпочтений представителей российского бизнеса позволяет констатировать его расколотость как в экономическом, так и в идейно-политическом плане. И в этом случае плюрализм, многовариантность предпочтений обуславливают чисто психологическую потребность апелляции к власти, к Государственной Думе с целью получения от нее нужных решений.

Вместе с тем кардинальное реформирование жизненного уклада существенно активизировало российское общество, привело к образованию многочисленных неформальных объединений, имеющих политический характер. Политические партии, общественные объединения как организационно оформленные объединения людей, придерживающихся сходных идеологических установок, сходной системы ценностей, разделяющих выраженную в программе партии общую модель желаемого, «потребного будущего», выступают как общественные выразители интересов и потребностей различных социальных слоев общества, как материализованная форма их общественного сознания.

Занимаясь профессионально или полупрофессионально переводом экономических и духовных интересов делегирующих их социальных групп на язык политических требований и программ, политические партии, объединения осуществляют тем самым своеобразный глубинный психоанализ, рефлекссию смутных, но тем не менее болезненных проблем, переводя их в доступную рациональной проработке сознательную плоскость.

Через политическую борьбу общество осознает множественность возможных альтернатив выбора путей развития, а затем, избрав один из них, реализует свою свободу и бремя выбора.

Корпоративные группы, пытающиеся с помощью Государственной Думы отстаивать свои интересы, базируются на субъективном осознании их членами органической близости социальных позиций и целей, избранных по жизни социально-политических ориентиров и системы ценностей. На рефлексивном уровне устанавливаются негласно принятые или посредством действующей формы правовой фиксации оговоренные правила «игры», формулируется, устно или письменно, «кодекс чести».

Уровень ментальности и придает абстрактным социальным архетипам конкретно-историческую спецификацию и дифференцирует их рационально или иррационально в соответствии с принятыми параметрами социального расслоения.

Духовная «самость» различных локальных объединений, групп, существующих в обществе, составляет некую оболочку локального общества, борющегося, отстаивающего свои права в Государственной Думе. Различия их установок, поведенческих ориентации, потребностей, целенаправленных интересов и ценностного мира обуславливают социальную рефлексивность, выражаемую посредством борьбы за свой интерес на всех уровнях власти.

Сегодня в России за власть, право распоряжаться судьбами страны и людей борются как минимум три общественно-политические силы, которые объединяют в себе самые разные партии и движения. Это те, кто стоит на позициях возврата к старым временам (будь то социализм или монархия, в модернизированном варианте или точная копия), те, кого устраивает нынешний порядок вещей (с его лакировкой или без), и те, кто выступает за иной путь развития.

В данном случае практика лоббирования групповых интересов и берет на себя обязанность выражать весь тот спектр общественного интереса, который не находит своего выразителя в официально сложившейся структуре парламента.

Между представителями различных корпоративных групп идет постоянное соперничество, которое стимулирует их в поиске наиболее эффективных рычагов влияния на власть. Борясь за свои интересы корпоративные организации активно используют парламентский лоббизм, в котором весьма нуждаются. В борьбе за отстаивание своих приоритетов активно участвуют не только представители бизнеса, но и сторонники различных политических течений – коммунистической, социал-демократической, социал-либеральной идеологии, национал-демократы, а также «зеленые», демократические социалисты, реалисты и т. д.

Противоположные политические ориентации ведут к противостоянию, а то и к открытому конфликту между этими группами (стратами). Если индивиды принадлежат к различным по своим политическим ориентациям группам, то система их убеждений, составляющая ядро личности, также значительно отличается. Люди, относящиеся к противостоящим политическим партиям, рассматривают собственную позицию как истинную, а политические взгляды оппонентов – как ложные.

Изменения в сфере общественного сознания постоянно редуцируют новые направления общественного и группового интереса. При этом любая импликация «интереса» представляет для общества, корпоративных групп, его составляющих, прежде всего то, что имеет ценность. Ценность не только идеологическую, культурную, духовную, но и прагматическую.

Анализ показывает, что благодаря взаимодействию с лобби российскому парламенту в значительной мере удастся найти взаимоприемлемый баланс интересов и в данной сфере межличностных, межгрупповых отношений.

Психологическими предпосылками лоббизма в российском парламенте выступают и разные приоритеты этнических групп, населяющих Россию. 160 наций и народностей обладают различным уровнем комплиментарности (показатель степени совместимости этносов по Л.Н. Гумилеву), исторически стремятся к отстаиванию прав и интересов своего этноса.

Если рассматривать лоббирование с позиций психологии малых социальных групп, корпоративных объединений, партий, общественных организаций, то их неучтенные интересы, потребности, установки, цели, мотивы несут в себе такой заряд потенциальной энергии, который без внимания оставлять не то что нельзя, но и опасно. Голос не представленных в Госдуме субъектов общественно-политической, экономической, культурной жизни, передаваемый посредством деятельности лоббистов, вливаясь в общий хор думских голосов, с одной стороны, переводит борьбу по отстаиванию корпоративных интересов из сферы силовых методов в сферу коммуникативных отношений, с

другой – усиливает легитимность парламента, добавляя ему неформальную представительность.

Система функционального представительства, организуемая лоббистами, примечательна тем, что заинтересованная группа может изложить свою особую точку зрения на предмет законотворчества, высказать мотив необходимости какой-либо поправки к действующему закону непосредственно законодательному собранию и добиваться того, чтобы ее интересы и потребности были приняты во внимание. Исследования показывают, что российский парламент сам заинтересован в налаженных контактах с лоббистами, способствующих эффективному функционированию коммуникативного процесса, охватывающего широкий круг существующих в обществе страт и элит.

Представляемые лоббистами в законодательное собрание предложения отличаются высокой степенью проработанности. Современные лоббисты являются прежде всего высококлассными экспертами в вопросах государственного управления – его структуры, программ, политики и законодательного процесса. Лоббисты не только отстаивают политические позиции и защищают экономические, социальные и иные интересы, но и обеспечивают парламентариев весьма важной информацией.

Будучи зачастую основным звеном связи различных субъектов политической, экономической и иной деятельности с творцами политических решений, лоббисты органически включены в планирование и реализацию соответствующих комбинаций достижения стратегических целей.

Психологические предпосылки лоббизма в российском парламенте имеют своей основой не только стремление определенных групп, существующих в обществе, отстаивать свои интересы, потребности, идеалы, установки и т. д., но и предрасположенность, готовность многих депутатов по тем или иным причинам участвовать в процессе лоббирования. Не будь такой предрасположенности, ни о каком лоббировании не могло быть и речи.

Чтобы иметь возможность сопоставить все многообразие политических установок, интересов и потребностей, построить единое семантическое пространство, депутату Государственной Думы, если он исходит из позиции государственных приоритетов, в идеале крайне необходимо иметь представление обо всем спектре предпочтений имеющихся у населения, и в этом отношении лоббистская деятельность для парламентария представляет определенное благо, которое смогло изобрести человечество, защищая интересы многочисленных групп, категорий и слоев населения.

Перед каждым парламентарием в отдельности, а также перед всей Думой в целях эффективной законотворческой работы стоит непростая задача построения семантических пространств применительно к различным политическим партиям и объединениям, корпоративным группам. Выявление семантического пространства позволяет законодателям отобразить когнитивную сложность сознания и менталитета представителей этих групп людей, характер конструкторов – специфику категоризации мира, а размещение объектов внутри пространства – совокупность личностных смыслов и ценностей, присущих этим индивидам. Совокупность указанных данных является хорошим ориентиром в выборе направления законотворчества.

Авторитет и влияние депутата сегодня связаны не столько с парламентом, сколько с его активностью и популярностью на иной – политической, профессиональной – ниве. В связи с большими трудностями избрания, спецификой попадания в парламент депутатство не может стать постоянной профессиональной деятельностью. Именно поэтому у многих депутатов политика, а не депутатство как таковое, становится профессией и призванием.

Таким образом, лоббизм в теоретическом плане можно квалифицировать как один из механизмов реализации в политике психологических отношений между обществом и государством между корпоративными группами и Государственной Думой РФ. Со стороны общества этот механизм есть своего рода специфическая система функционального представительства групповых интересов в органах государственной власти (в Государственной Думе РФ) в разнообразных направлениях перекрывающая и дополняющая систему географического представительства в парламенте и восполняющая отсутствие таковой системы в исполнительных органах власти.

Сущностная характеристика лоббизма как системы функционального представительства групповых интересов заключается в том, что в теории – это система непосредственного (прямого) представительства. Каждая заинтересованная группа может довести до

сведения Государственной Думы РФ свое мнение по рассматриваемым вопросам и отстаивать свои позиции. Для некоторых групп, далеких от коридоров власти, маловлиятельных либо не способных осуществлять мощные кампании воздействия на государственные органы, законно обеспеченная возможность лоббировать свои интересы в Государственной Думе РФ – практически единственный шанс попытаться реализовать свои цели.

Множественность участвующих в лоббизме организаций, отражающих социально-экономическую и политическую структуру общества, – непереносимое

условие, позволяющее считать лоббизм политическим институтом. Борьба же конкурирующих вариантов решений той или иной проблемы дает возможность российскому парламенту выбрать лучший из них или достичь приемлемого компромисса.

Так можно представить лоббизм в теоретической конструкции. Но будучи погруженной в реальную действительность российской демократии, эта конструкция обрывает разными характеристиками, свидетельствующими о том, что лоббизм – обоюдоострый инструмент, способный сотворить обществу как благо, так и вред.

В целом, политико-психологическими предпосылками парламентского лоббизма являются следующие: во-первых, лоббистские группы выполняют функцию посредничества между гражданами и Государственной Думой РФ; во-вторых, лоббизм выполняет функции организации плюрализма общественных интересов; в-третьих, лоббизм как бы дополняет конституционную систему демократического представительства, позволяя участвовать в принятии и реализации политических решений тем группам, которые не имеют другой возможности.

Из всего сказанного можно заключить, что современный парламентский лоббизм начал формироваться в систему функционального представительства групповых интересов лишь тогда, когда во взаимодействии друг с другом в полную силу заработали два мощных фактора, стимулировавшие и продолжающие стимулировать развитие потребностей в таком представительстве. Этими факторами являются политические и психологические детерминанты, свойственные деятельности российского парламента в рыночных условиях.

Там, где возникают рыночные отношения, функционирующие под эгидой демократической политической системы, общество неизбежно начинает структурироваться в сторону усложнения превращаясь по мере созревания рыночных механизмов и стабилизации демократических процессов в развитую систему множества разнообразных, хорошо организованных экономических и иных групповых интересов. Между ними устанавливаются сложные отношения сотрудничества и соперничества, продуктивного взаимодействия и суровой конкуренции. В результате постоянно формируются групповые притязания, вспыхивают межгрупповые противоречия и конфликты, удовлетворить или погасить которые во многих случаях способно только государство.

Лоббизм в российском парламенте – объективное явление демократической политической системы, неизбежная принадлежность общества, которое допускает плюрализм в качестве нормы своей жизнедеятельности. Благодаря цивилизованному лоббизму все заинтересованные группы могут доводить до сведения Государственной Думы свои мнения по рассматриваемым законам, отстаивать свои позиции, добиваться решений законными методами, но для этого нужен закон, регулирующий эту деятельность.

Таким образом, основные причины организационного формирования групповых интересов в Государственной Думе РФ – это, во-первых,

политические проблемы данного десятилетия, порожденные особенностями развития и функционирования самой политической системы, многопартийностью, усилением роли международного фактора, особой спецификой полномочий и функций, закрепленных за парламентом в Конституции РФ, во-вторых, это традиционные предпосылки, связанные с историческим развитием социума, характеризующиеся борьбой нового со старым, неравномерностью и непрямолинейностью исторического развития, обуславливающие необходимость отстаивания групповых интересов, для того чтобы выжить и развиваться, и в-третьих, необычайная плюралистичность социального пространства, характеризующаяся наличием множества разнонаправленных групповых интересов, установок, ценностей мировосприятия, идеологий, потенциальных и реальных психологических сил, способности социальных групп к адаптации в современных условиях.

Благодаря наличию данных атрибутов лоббизм можно считать особым общественно-психологическим институтом политической системы России.

Структура парламентского лоббирования

Исследование лоббизма с позиций психологии как относительно самостоятельного политического института, обладающего необходимыми для этого статусными признаками, в первую очередь предполагает раскрытие субъекта лоббистской деятельности, его объекта и предмета.

Современный психологический портрет лоббистской деятельности включает в себя, с одной стороны, характеристику широкого спектра правительственных и неправительственных организаций, выражающих интересы различных страт, классов, слоев и групп российского общества, с другой стороны, множество точек доступа, через которые осуществляют влияние группы интересов, лоббисты, и, наконец, описание многообразия векторов интереса лоббирования – то, из-за чего тратятся силы, энергия и финансовые ресурсы лоббирующих организаций.

В мировой практике существуют различные типы классификации субъектов лоббистской деятельности, начиная от степени их организации и кончая типом выражаемого интереса. В России до последнего времени наиболее значимым был отраслевой и региональный лоббизм. С вступлением страны в эпоху новых экономических отношений пальма первенства в лоббистской деятельности перешла к другим субъектам.

Анализ публикаций, посвященных проблемам лоббизма, показывает, что в зависимости от позиции авторов существуют различные варианты классификации субъектов лоббистской деятельности в российском парламенте. В качестве такового критерия, как правило, выступает или институциональный признак, или функциональный, бывает, что одновременно и институциональный, и функциональный.

Вне зависимости от выбранного способа классификации лоббизма субъекты лоббистской деятельности есть объективная реальность, зафиксированная многими исследователями. Эта реальность обладает своей специфической мотивационной направленностью, психологией деятельности, характеризующейся поисковым, новаторским поведением. Как показывает

анализ, реальная психология субъектов лоббирования представляет собой продукт взаимодействия и взаимоналожения мотивационных, познавательных (когнитивных), аффективных (эмоции), коммуникативных (общение) процессов.

Наиболее содержательная, на наш взгляд, классификация предложена СП. Перегудовым и И.С. Семенинко. В первую, «политизированную», группу лоббистов они включают группировки бизнеса и его политических представителей, которые добиваются политического влияния через участие в выборах и прямо вовлечены в борьбу. В качестве социальных лоббистов у них фигурируют аграрии и профсоюзы. В целом же число добровольных организаций, защищающих интересы социальных групп, по их оценкам, велико и неуклонно растет. К ним относятся женские, экологические, молодежные организации. Социальные интересы часто используются в лоббистских целях корпораций и отраслевых комплексов (ВПК и АПК). К категории экономических лоббистов указанные авторы относят финансово-промышленные группы, корпорации и отраслевые комплексы.

Субъектами лоббистской деятельности в Государственной Думе являются, в первую очередь, наиболее мощные и влиятельные государственные и гражданские институты, а также промышленно-финансовые корпорации. В числе названных:

- 1) администрация Президента РФ и его представительства по семи регионам;
- 2) правительство РФ, в том числе МО, ФСБ, МВД, другие министерства, ведомства и комитеты;
- 3) Совет Федерации;
- 4) Генеральная прокуратура РФ, суды (Арбитражный, Верховный суд РФ, Конституционный суд РФ);
- 5) Центральный банк РФ, банки, корпорации, фонды, финансовые комиссии;
- 6) регионы России, в том числе города Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Республика Татарстан, этнические группы;
- 7) отраслевые объединения, в том числе ВПК, АПК, газовики, нефтяники, энергетики, космическая промышленность, производители алкоголя и табака, текстильщики, транспортники, связисты и телевизионщики, издатели печатной продукции, представители рекламных агентств и т. д.;
- 8) партии, общественные организации, профсоюзы;
- 9) отечественные конфессии, церковь, зарубежные секты;
- 10) иностранные государства и фирмы.

Президентский лоббизм – наиболее представительный, развитый и мощный институт отстаивания и продвижения интересов высшего должностного лица страны в Государственной Думе РФ. Президентский лоббизм, а также правительственный порождены, прежде всего, особенностями политической системы России. С 2000 года Президентом назначаются 7 его

представителей в регионах России. Это, безусловно, дает новое направление проявлению лоббизма в современной парламентской практике России.

На пути к этой цели лежит много различных препятствий, эффективное преодоление которых зависит не только от умения и опыта самих лоббистов, но прежде всего от таких важнейших факторов, как общее состояние отношений Президента РФ и Правительства РФ с парламентом и та роль, которую Президент РФ и премьер-министр отводят своему лоббистскому аппарату, какими полномочиями они его наделяют.

Выступая как единое целое, лоббистская деятельность Администрации Президента РФ и аппарата Правительства РФ все же, в силу ряда политических обстоятельств – борьбы за власть, соперничества аппаратов, разных задач, разного видения ситуации – имеет сегодня отдельные, а в ряде случаев довольно существенные различия. Именно поэтому более объективно будет говорить не о едином субъекте лоббистской деятельности в лице Администрации Президента РФ и аппарата Правительства РФ, а о двух отдельных субъектах, лоббирующих свои особые, специфические интересы в парламенте.

В ряде случаев, чтобы продвинуть свои собственные корпоративные интересы, вопреки существующему в правительстве правилу, МВД, Министерство обороны, ФСБ, отдельные министерства, ведомства и комитеты осуществляют самостоятельную лоббистскую деятельность в российском парламенте. Многочисленные ряды федеральных лоббистов пополняются и за счет лобби Генеральной прокуратуры РФ, Арбитражного суда РФ, Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ.

Лоббизм Совета Федерации РФ выступает следующим по уровню и значимости самостоятельным субъектом лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ. Необходимость лоббирования им своих интересов Советом Федерации также заложена в Конституции РФ, где говорится о том, что Совет формируется из глав администраций регионов и что законы обязательно должны быть рассмотрены в Думе.

Таким образом, в Конституции РФ изначально заложены предпосылки необходимости лоббирования парламентской деятельности Государственной Думы РФ Советом Федерации, поскольку его члены весьма заинтересованы в продвижении интересов регионов, которые они представляют.

Исследование лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ показывает, что в качестве самостоятельного лоббистского субъекта зачастую выступает и такое специфическое лобби, как лобби центрального бюрократического аппарата. Аппарата, отстаивающего свои особые институциональные интересы, интересы чиновнического класса.

Наряду со структурами Президента РФ, Правительства РФ, Совета Федерации РФ, а также аппаратом федеральных органов власти субъектами лоббистской деятельности являются административные территории Российской Федерации – республики, области, края, мегаполисы, города, этнические группы и т. д. – так называемый региональный лоббизм.

Среди региональных лоббистов, обладающих большими возможностями диктовать свои условия центру, выделяются представители обеих столиц, регионов, в которых базируются жизненно важные для экономики страны предприятия и службы (нефтегазовые и транспортные) или находятся зоны потенциально острых социальных конфликтов (например, Приморский край, Кузбасская область), а также представители некоторых республик и автономий.

Поскольку из 89 субъектов Российской Федерации только 10–12 отчисляют в госбюджет больше, чем получают из него, то вполне закономерно, что 2/3 субъектов Федерации являются дотационными, причем 26 из них, относящиеся к остро нуждающимся в государственном финансировании, просто вынуждены, чтобы не погибнуть, заниматься лоббистской деятельностью.

Если эффективность лоббирования исчислять долей полученного от причитающегося госбюджетного финансирования, то первое место принадлежит Москве (95%), в то время как среди занимающих последние места – как раз остро нуждающиеся северные области и аграрный юг.

Исследование показало, что «попытки наладить эффективное лоббирование трансрегиональных интересов через широкомасштабные ассоциации типа Сибирского соглашения или Ассоциации Европейского Севера имели пока очень скромные успехи из-за отсутствия цементирующих такие объединения структур (например финансирование)».

К числу основных, доминирующих субъектов лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ, несомненно, относится и финансово-экономическое лобби.

По некоторым оценкам, в настоящее время помимо финансово-промышленных групп действуют более десяти крупных экономических группировок, отстаивающих интересы отраслевых комплексов. Так, интересы газиков представляет РАО «Газпром», сельчан – АПК, оборонной промышленности – ВПК.

Вместе с тем, по оценке ряда специалистов, отраслевой лоббизм в Думе все-таки существует. Наиболее яркий пример – аграрии. Фракции КПРФ, ЛДПР, депутатская группа «Народовластие» периодически вспоминают об интересах ВПК. ТЭК «курирует» депутатская группа «Российские регионы», многие из членов которой на выборах поддерживались нефтяными компаниями. Не отстает от них в этом плане и фракция «Яблоко».

Свою особую лепту в лоббистский процесс в Государственной Думе РФ вносят лоббисты партий, общественных организаций, профсоюзов.

Многочисленные партии и общественные объединения, представленные на политическом пространстве страны, пытавшиеся получить места, но не получившие их в Государственной Думе, активно занимаются лоббистской деятельностью в российском парламенте. Как правило, такие группы не опираются на разветвленную сеть добровольных организаций, их лоббистские возможности весьма ограничены и зачастую характеризуются личным авторитетом лидеров. Как отмечают исследователи, «группы граждан, общественные объединения, которые появились, несравнимы по своему

влиянию и ресурсам с отраслевыми, региональными группировками, не имеют выхода на власть».

Одним из самых влиятельных лоббистов в деятельности Государственной Думы РФ являются профсоюзы. Массовость этих объединений, широко разветвленная сеть региональных отделений делает их влиятельной социально-политической силой. С февраля 1994 г. в структуре аппарата Федерации независимых профсоюзов действует специальный отдел по взаимодействию с партиями, общественными организациями, с Федеральным Собранием РФ. Профсоюзами подписаны протоколы о сотрудничестве в области законотворчества с фракциями «Наш дом – Россия», КПРФ, «Яблоко».

Кроме профсоюзов, имеется еще несколько довольно-таки крупных общественных объединений, представляющих мощную лоббистскую силу, включая различные союзы молодежи, женщин, обманутых вкладчиков, а также тех групп населения, которые зависят от государственного бюджета (учителя, врачи, военнослужащие). Другая лоббирующая группа включает в себя экологические организации, просветительские, инвалидные, спортивные и т. д.

Лоббизм конфессий, пожалуй, один из самых специфических. При всей несовместимости религиозной деятельности с политической (что во многих конфессиях запрещено) представители данного института – а их в России насчитывается более ста – ведут активную, скрытую, достаточно эффективную лоббистскую деятельность в Государственной Думе РФ. Наибольшая активность отмечается со стороны православной, мусульманской и иудейской религий, которые и так являются наиболее мощными конфессиями в стране.

В качестве субъекта лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ выступают не только отечественные государственные институты и заинтересованные корпоративные группы, но и иностранные государства, их крупные промышленно-финансовые корпорации, фонды и партии и т.д.

Иностранный лоббизм – лоббисты, работающие в пользу иностранных государств, – дополняет узаконенную дипломатию, действуя в качестве местных советников иностранных правительств и других клиентов. Лоббисты выполняют много задач, которые по протокольным или иным соображениям боятся брать на себя дипломаты. В последнее время весьма активно лоббистскую деятельность в Государственной Думе РФ осуществляют зарубежные секты.

К иностранным субъектам лоббистской деятельности можно отнести правительства иностранных государств и иностранные политические партии, религиозные конфессии; товарищества, ассоциации, корпорации и иные объединения лиц, созданные по законам иностранных государств либо имеющие основное место своей деятельности в иностранных государствах.

Представляемые иностранным лоббизмом интересы можно разделить на несколько типов. Это, во-первых, интересы тех государств и их политических организаций, которые добиваются от России какой-либо помощи или стремятся воздействовать на политику этой страны в свою пользу. По объему лоббистской деятельности представительство именно этих интересов сегодня является доминирующим в иностранном лоббизме.

Во-вторых, это торгово-экономические интересы зарубежных частных организаций. По числу нанятых лоббистов впереди идут главные торговые партнеры России: США, Германия, Индия и др.

В-третьих, это корпоративные интересы различных партий иностранных государств (наиболее активно действуют США и Германия), интересы всевозможных фондов (Сороса, Карнеги, Аденауэра и т. д.), а также конфессий и движений. Особую активность проявляют пролайфовские организации, борющиеся за запрещение аборт, планирование семьи (США, Англия, Франция).

В целом же десятки государств, их частных компаний, фондов и партий систематически или периодически стремятся посредством лоббизма обеспечить свои интересы на российском пространстве.

Организации, занимающиеся лоббистской деятельностью, можно разделить на три категории. К первой категории, наиболее мощной и влиятельной, относятся Администрация Президента РФ, аппарат Правительства РФ, региональные власти. Ко второй – наиболее многочисленные корпоративные группы, представляющие те сферы жизнедеятельности общества, где групповой интерес структурно оформился для

отстаивания своих приоритетов. И наконец, к третьей – пока еще весьма немногочисленной, зачастую официально не оформленной – относятся все те организации, основным родом деятельности которых является непосредственно лоббизм.

Если у представителей первых двух категорий проблема лоббистской деятельности является производной от основной деятельности, то у организаций, относящихся к третьей группе, эта деятельность именно та, ради которой они создавались. Для них воздействие на процесс принятия законов не есть отстаивание личных корпоративных интересов, а лишь работа, особый вид бизнеса. Подобного типа организации (союзы) создаются либо для постоянной работы, либо для решения одной-двух узкоспециализированных задач.

Крут эффективных лоббистов в России ограничивается представителями групповых интересов, формально не организованных ни в добровольные ассоциации, ни в политические группировки, ни в какие иные оформленные структуры.

Анализ психологии лоббирования в парламентской деятельности показывает наличие многочисленных субъектов группового давления, отражающих широкий спектр существующих в российском обществе интересов.

Условия для лоббистской деятельности в российском парламенте тем благоприятнее, чем больше в нем точек доступа. Исследование показывает, что их число напрямую зависит от структуры парламента и регламентированных процедур принятия законодательных актов. Чем количественно богаче и качественно сложнее структурирована система, тем больше в ней не только постоянно существующих, но потенциально возможных точек доступа.

Государственная Дума РФ обладает значительным числом всевозможных точек доступа как непосредственных, так и опосредованных. Как правило, непосредственное лоббистское давление оказывается на:

- 1) депутатов и их помощников;
- 2) комитеты и комиссии;
- 3) фракции, депутатские группы;
- 4) аппараты Государственной Думы и комитетов.

В качестве точек доступа активно используются и процедуры, предусмотренные в Государственной Думе

при обсуждении тех или иных проблем, законодательных актов. В этом случае точками доступа являются:

- 1) парламентские слушания;
- 2) обсуждение законопроектов в комитетах и комиссиях, депутатских группах;
- 3) обсуждение законов на согласительных комиссиях;
- 4) обучающие семинары с депутатами, организация их поездок по России, за границу, личные встречи, юбилеи, банкеты, праздничные мероприятия.

Опосредованными точками доступа в нижнюю палату российского парламента, влияния на принимаемые Государственной Думой РФ законодательные акты может быть лоббирование Совета Федерации или Президента РФ, которые согласно положениям Конституции РФ имеют право наложить вето на представленный Думой закон.

Депутаты и их помощники испытывают постоянное лоббистское давление. Депутат – это человек, победивший на выборах и переигравший своих конкурентов в трудной борьбе. Большинство депутатов сознают свою силу, считая себя не такими, как все остальные. У некоторых из них часто присутствует ощущение своей особой миссии. Отношения депутата с окружающими в значительной степени инструментальны. Конфликты и барьеры в отношениях с близкими, как и глубинные личностные проблемы, если и осознаются, то находятся на периферии сознания и не рассматриваются как ведущие.

Групповые интересы во всем многообразии их конкретных форм (местные, региональные, отраслевые, отдельных корпораций и т. п.) служат важнейшей отправной точкой, от которой депутат начинает формировать свою позицию по тому или иному законопроекту. В американском политическом лексиконе устойчиво закрепилось понятие «встроенный лоббист». Подобный термин вполне применим и к российским парламентариям, постоянно защищающим определенные групповые, корпоративные интересы.

Непоследовательность, противоречивость, даже парадоксальность политического поведения, характерные зачастую для российских парламентариев, не в последнюю очередь обусловлены прагматической целесообразностью так или иначе откликаться на запросы лоббистов, представляющих многочисленные и разнообразные, в том числе конкурирующие между собой, групповые интересы.

Помощники депутатов также играют немаловажную роль в процессе организации лоббирования групповых, корпоративных интересов. Как правило, в силу своего статуса и положения помощники депутатов имеют прекрасные возможности вносить необходимые корректировки, поправки в законодательные и иные акты, рассматриваемые Государственной Думой РФ. Эти возможности помощников активно используются лоббирующими группами, которым трудно найти контакт и взаимопонимание с депутатами. В данном случае лоббирование осуществляется либо через помощника депутата по Государственной Думе, либо через помощников по региону, которых у депутата на постоянной работе пять. Немаловажную роль играют и помощники на общественных началах. Их с полным основанием можно назвать «встроенными лоббистами». У отдельных депутатов таких помощников на общественных началах насчитывается несколько сотен.

В российском парламенте комитеты и комиссии являются основным местом подготовки законодательных актов, поправок к законам и постановлений. В силу этого они представляют большой интерес для лоббирующих структур. Именно в комитете лоббисту легче всего добиться принятия необходимого решения, так как там главной ценностью является суть вносимого закона, а не только красноречие и партийная принадлежность депутата. На пленарных заседаниях Государственной Думы мнение комитета оказывается решающим в вопросе о том, принимать закон или отклонять. Основным направлением работы лоббирующих структур является социально-психологическое воздействие, в первую очередь на председателя комитета и его заместителей, а также на неформального лидера в комитете.

При большинстве комитетов активно действуют экспертно-консультативные советы, тематические группы, межведомственные комиссии, созданные из депутатов, сотрудников аппаратов и внешних экспертов, которые, как показывают исследования, также являются прекрасными точками доступа для лоббистов.

На эффективности функционирования лоббизма могло бы положительно отразиться возрастающее число подкомитетов в Государственной Думе РФ, однако центр тяжести по выработке законодательных решений в них так и не переместился. Вместе с тем, учитывая, что подкомитетов гораздо больше, чем комитетов, а каждый подкомитет в силу узкой специализации и крайне ограниченного числа своих членов нуждается в помощниках-экспертах, их потенциальные возможности для различных корпоративных групп с целью лоббистского воздействия весьма привлекательны.

Важными точками доступа как для президентских и правительственных структур, так и для других субъектов лоббистской деятельности являются совещания по координации законотворческой деятельности, консультативные семинары с депутатским корпусом.

Еще одним направлением, которое используют лоббирующие организации по внесению своих поправок, является работа согласительных комиссий по координации законотворческой деятельности. Согласование основных положений законопроектов – дело весьма трудоемкое и кропотливое.

Только за весеннюю сессию 2000 г. было проведено более 50 заседаний согласительных комиссий по законам, отклоненным Президентом России и Советом Федерации. В 20 случаях согласительные процедуры дали положительный результат.

Не менее важны для продвижения корпоративных интересов существующие в российском парламенте фракции, депутатские группы. Более того, в силу большой политизированности Думы, жесткости занимаемых позиций противоборствующих групп воздействие на фракцию и депутатов, объединившихся в группы, представляет самый верный путь к проведению нужной поправки, принятия закона, постановления.

Исследование лоббистского воздействия групп интереса на российский парламент показывает, что лоббисты работают не только с законодателями. Есть еще один контингент, представляющий собой очень важную и эффективную точку доступа,— госслужащие парламента. Существует множество свидетельств того, какую важную роль играют иные чиновники Государственной Думы и ее комитетов в законотворческой деятельности.

Думская статистика свидетельствует, что около 60% всех законов разрабатываются в комитетах специалистами аппарата. Действительно, в силу специфики своей деятельности депутату просто не хватает времени, что называется, сидеть над законом, и поэтому вся работа переходит в руки работников аппарата.

Еще одним каналом, через который осуществляется воздействие на законодательный процесс и работу парламента, является канал обращений, заявлений, писем и документов, поступающих в Государственную Думу РФ. Показатели количества полученных и отправленных документов являются косвенным свидетельством активности лоббирующих групп. Так, только за период весенней сессии 2000 г., согласно официальной справке аппарата Государственной Думы, в парламент поступило 269 тысяч разного рода документов и было отправлено 349 тысяч.

Подводя предварительные итоги, следует отметить, что объект воздействия групповых интересов в российском парламенте — образование сложное, функционирующее по своим специфическим законам, где важная роль принадлежит психологической доминанте. Каждая точка доступа в парламенте, используемая лоббирующими структурами, представляет собой особый мир психологических характеристик, обусловленных рядом субъективных и объективных причин и обстоятельств.

Основные направления лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ сконцентрированы на следующих участках:

- 1) законотворческая деятельность Государственной Думы;
- 2) постановления, резолюции, обращения;
- 3) международные акты;
- 4) вопросы, выносимые на «Правительственный час»;
- 5) поручения Счетной палате.

Предметом лоббирования чаще всего являются условия хозяйственной деятельности: собственность и право распоряжения ею; право на занятие

конкретной деятельностью (то, что ранее входило только в компетенцию государства); налоги, квоты, лицензии; государственный заказ (в данном случае имеется в виду не только гарантированность сбыта, но, может быть, и цена, хотя в наших условиях это не гарантия финансирования).

В среде лоббирующих организаций достигнуто согласие относительно основополагающих целей давления на государство путем «разностороннего» лоббирования. К указанным целям относится сохранение традиционных налоговых льгот (скидки на истощение недр, «сухие» скважины; «неощущаемые» расходы, вычеты из суммы налогов той части, которая была уже выплачена нефтяными корпорациями за рубежом, и т. д.); стимулирование протекционистской политики государства по отношению к местным производителям нефти, поддержание более высоких, чем на мировом рынке, цен на энергетические ресурсы; снижение уровня выплат за использование государственной земельной собственности; противодействие попыткам прямого вмешательства государственных структур в дела компаний и ограничение концентрации и централизации капитала в руках нефтяных ТНК.

Важным предметом группового интереса в деятельности Государственной Думы РФ выступают вопросы, по которым российский парламент принимает постановления, резолюции, обращения. Как показывает анализ, посредством постановлений, резолюций, обращений лоббирующие структуры отстаивают свои корпоративные интересы как в сфере внутренней, так и внешней политики государства.

Вместе с тем ратификация международных актов представляет значительный интерес и для многих других субъектов лоббистской деятельности. Так, в первую очередь следует назвать иностранные государства, а также зарубежные финансово-промышленные корпорации, всевозможные фонды, общественные организации и партии. В ратификации международных соглашений или нератификации их весьма заинтересованы отечественные деловые круги и политические партии.

В целом анализ предмета группового интереса лоббирующих структур в деятельности российского парламента показывает, что для лоббистов представляет интерес вся сфера деятельности, которой занимается Государственная Дума РФ. При этом предмет группового интереса стремится обозначиться как на уровне принятия закона, так и на уровне постановления, обращения, резолюции, поручения Счетной палате, в ходе ратификации международных соглашений.

Таким образом, психологическая структура парламентского лоббирования включает в себя единую совокупность, объединяющую как различные корпоративные группы, выступающие в виде самостоятельных психолого-политических объектов, так и особое предметное поле специфического интереса, который обретает себя посредством взаимодействия субъектов лоббистской деятельности с объектами воздействия групповых интересов.

Психология лоббистской деятельности

Основой любого процесса лоббирования в Государственной Думе РФ являются базовые потребности и мотивационная стратегия групповых интересов. Потребность, нашедшая свой предмет, преобразуется, согласно А.Н. Леонтьеву, в мотив, непосредственный стимул деятельности. Содержание корпоративных процессов образует глубоко интериоризированные экономические, идеологические и политические установки, выражающие определенные приоритеты и ценности.

Анализ деятельности Государственной Думы РФ с позиций политической психологии позволяет представить, посредством чего групповые ценности и установки проникают в индивидуальную психику депутата, психологию поведения фракции, фракционной группы, парламента, а также установить, какое влияние оказывает психологическое воздействие на законотворческие процессы.

Реальная психология лоббистской деятельности в парламенте представляет собой продукт взаимодействия, взаимоналожения мотивационных, коммуникативных и аффективных процессов. В основе лоббирования в Государственной Думе РФ лежит механизм идентификации групповых интересов с общественными. Специфичность объекта и предмета лоббирования предполагает многообразие видов группового давления.

Анализ лоббирования в российском парламенте, а также сложившаяся практика отстаивания групповых интересов за рубежом показывают наличие множества различных видов лоббирования. Исследование их, на наш взгляд, наиболее плодотворно посредством выделения формы и содержания существующих видов лоббирования. Форма фиксирует многообразные модификации содержания, способы его существования и проявления. Содержание представляет подвижную, динамичную сторону определенной формы лоббирования.

По форме виды лоббирования в Государственной Думе РФ можно подразделить на непосредственное и опосредованное, спланированное и спонтанное, плюралистическое и корпоративное, ситуационное и стратегическое, законное и незаконное (криминальное), а также прямое и косвенное.

По содержанию виды лоббирования делятся на активное и пассивное, эмоциональное и рациональное,

разовое и постоянное, индивидуально-обособленное и взаимоподдерживающее (перекрестное), эффективное и неэффективное, конструктивное и неконструктивное.

Непосредственной лоббистской деятельностью в Государственной Думе РФ считается такой политический акт продвижения закона (поправки и т. п.), при котором субъект лоббизма сам является организатором и исполнителем всего процесса лоббирования, от разработки плана, поиска точки доступа, организации внесения закона (поправки) на рассмотрение парламента, обеспечение необходимых мер для его принятия. В свою очередь, опосредованная лоббистская деятельность – это такая деятельность, при

которой субъект лоббирования не сам занимается лоббированием, а договаривается с какой-либо организацией, фирмой, юридическим или физическим лицом, работниками госаппарата и т. д. об осуществлении ими комплекса мер, конечным результатом которых будет принятая парламентом поправка или закон.

Опосредованная лоббистская деятельность осуществляется также путем формирования и поддержки работы групп давления и воздействия, как с их помощью, так и непосредственно через государственные институты и общественное мнение на депутатов и парламент в целом.

Как непосредственный, так и опосредованный лоббизм своей психологической основой имеют особый вид профессиональной и психологической деятельности, основывающейся на специальных психотехнологиях воздействия, опирающихся на соответствующие умения и навыки. При этом поскольку опосредованный лоббизм не предусматривает личное взаимодействие на парламентариев, коммуникативный процесс осуществляется опосредованно.

Спланированный лоббизм в Государственной Думе РФ характеризуется наличием определенного плана действий, включающего в себя исследовательско-аналитическую работу, четко обозначенные цели, задачи, способы и методы их достижения, перечень союзников, вопросы координации с различными субъектами лоббистской деятельности и другие основные и вспомогательные работы по отстаиванию групповых интересов в парламенте. Спонтанный лоббизм – явление очень редкое.

Лоббистская отрасль поглощает внушительные финансовые средства. О суммах затрат в данной сфере в России можно судить лишь косвенно – по суммам, зафиксированным в США, – поскольку официальных данных, касающихся отечественного финансирования, нет. К примеру, в 1999–2000 гг. в США только не прямой лоббизм «освоил» порядка 790 млн долларов.

Многочисленность субъектов лоббистской деятельности в российском парламенте, их разнородность и специфичность требуют выделить и такой признак, каковым, на наш взгляд, является интерес, из-за которого лоббирующие группировки ведут нелегкую борьбу. В этом аспекте, по аналогии с зарубежными исследователями, весьма продуктивно деление лоббистской деятельности на плюралистическую и корпоративную.

Плюралистическая лоббистская деятельность, как правило, имеет место в том случае, когда по одной и той же проблеме сталкиваются разные интересы нескольких групп. Корпоративное же лоббирование осуществляется монополистами той или иной сферы общественной жизнедеятельности.

Корпоративное лоббирование, как показывает анализ группового давления на российский парламент, осуществляется по нескольким направлениям. Первый путь – это давление как бы снизу вверх, когда субъекты интереса установившимся в обществе порядком отстаивают свои интересы. Второй путь – договор, контракт с наиболее могущественной депутатской группой о взаимной поддержке. В обмен на предмет договора монополисту

группой парламентариев (в лице их руководителя) гарантируется отстаивание его интересов. Такой процесс, как правило, носит скрытый характер.

Если в первом случае можно говорить о лоббировании как давлении на парламент со стороны групп интереса, то во втором случае речь идет о лоббировании как обмене или контракте между группой депутатов и исполнительно-распорядительной властью.

И наконец, третий вариант – это формирование тройственных союзов. Монополист вступает в союз, с одной стороны, с президентскими и правительственными структурами, с другой – с депутатским корпусом. Подобный лоббизм наиболее активно используется РАО «ГАЗПРОМ», «ЛУКОЙЛ», АПК, ВПК и др. При корпоративном лоббировании группы интересов сравнительно немногочисленны, функционально упорядочены (каждая группа отвечает за какую-то особую категорию интересов), иерархичны.

Плюралистическое лоббирование в Государственной Думе РФ, как правило, имеет своей основой первый путь продвижения интересов – снизу вверх. Для представителей данного типа лоббизма два других пути, по сути, невозможны из-за особой своей природы, опосредованной приоритетом наличия множественности субъектов интересов.

Плюрализм – такой тип представительства интересов, когда под влиянием жизненных обстоятельств организуются многочисленные группы давления по какой-либо актуальной проблеме. Главным признаком лоббистского плюрализма является конкуренция, свободное соревнование групп давления в их воздействии на государство, тогда как в корпоратизме налицо род картельного соглашения, функциональная дифференциация и монополия определенных групп на представительство определенных интересов.

Еще одним видом лоббистского воздействия на российских парламентариев является ситуационное и стратегическое лоббирование. Ситуационное и стратегическое лоббирование отличаются по фактору, играющему главенствующую роль в целях и задачах воздействия на парламент. Для ситуационного лоббирования характерно стремление реализовать сиюминутный интерес. В противоположность этому стратегическое лоббирование, как правило, ориентируется на долгосрочную перспективу, приносящую дивиденды не столько сегодня, сколько завтра, послезавтра.

В основе ситуационного лоббирования лежат ситуационные установки, точнее, установки на ситуацию. Стратегическое же лоббирование в своей основе имеет установку на объект. К примеру, желание получить стройную систему законодательных актов, обеспечивающих стабильное функционирование всех государственных органов и общественных структур, предсказуемость будущего, а не краткосрочные льготы на день или два. Преобладание установок у одних на ситуацию, у других на объект отражает различие структуры и иерархии потребностей субъекта лоббистской деятельности.

Стратегическое лоббирование выражает групповые интересы, ориентированные на конкретные потребности, отвечающие базовым мотивационным тенденциям развития общества. Высший уровень их диспозиционной иерархии (В.А. Ядов), как правило, образуется системой ценностных ориентации на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей.

В нынешней лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ предостаточно фактов криминального характера. Сюда можно отнести, с известной долей осторожности, утверждение СМИ, о том, что криминальный мир тоже занимается лоббистской деятельностью. Однако в силу чрезвычайной засекреченности подобной деятельности материалов на эту тему разыскать практически невозможно.

В определенной мере незаконной, а в ряде случаев и криминальной является практика «стимулирования» принятия того или иного законодательного акта, поправки к закону. Из зарубежных источников известно, что в середине 90-х годов в США почасовые ставки влиятельных лоббистов доходили до 400 долларов. А некоторые контракты, кроме общих условий оплаты труда, содержали еще экстрастимулы. Так, если лоббист добьется официального внесения законопроекта в конгресс – 7 тыс. долл., одобрения его комитетом – 10 тыс. долл., одобрения сенатом или палатой представителей – 25 тыс. долл.

Судя по сообщениям печати, в российском парламенте также практикуются экстрастимулы, в том числе и путем выплат определенных денежных сумм. Так, по некоторым данным, при утверждении Т.В. Парамоновой на должность председателя Центробанка РФ заинтересованными лицами предлагалось от 3 до 5 тысяч долларов тем депутатам, которые будут голосовать против данной кандидатуры. Рассмотренные выше виды лоббизма, характеризующие процесс лоббирования, не принимают во внимание те вариации, которые возникают при взаимодействии субъекта лоббирования с объектом. В этом случае по методам своей деятельности лоббизм делят на прямой и непрямой (косвенный). Прямой – это классический, в общепринятом смысле слова лоббизм, который осуществляется при непосредственном контакте лоббиста с депутатом или другим субъектом, пользующимся конституционным правом законодательной инициативы.

Соответственно непрямым считается лоббизм, в котором такие контакты либо отсутствуют, либо имеются, но с лицами, не обладающими непосредственным правом вносить законопроекты в парламент, но имеющими возможность оказывать эффективное влияние на законодательный процесс.

Психологической основой непосредственного лоббирования является лоббистский контакт, обаяние, убеждение, внушение, психологическое заражение. Все это проявляется как в индивидуальном аспекте, так и в случаях воздействия на группу. В арсенал лоббистской деятельности входят даже и такие методы психологического воздействия, как угрозы, шантаж, принуждение.

Лоббистский контакт означает любое устное или письменное сообщение, адресованное от имени клиента облеченному правом принятия федеральных законов, федеральных административных актов, бюджета РФ, финансирования федеральных программ, назначения на должности, требующего утверждения парламентом. В Конституции РФ приведен обширный перечень прерогатив парламента, состоящий из множества пунктов.

Процесс лоббирования – это, по существу, двухстороннее действие, в котором обе стороны действуют взаимовыгодно. У лоббиста свои цели, и, преследуя их, он снабжает парламентария соответствующей информацией. Депутат парламента тоже имеет свои цели, в связи с которыми рассматривает лоббиста как источник полезной, а то и крайне необходимой для него информации. Сумма подобных взаимоотношений существенно определяет коммуникационный процесс между лоббистом и парламентарием.

Прямой лоббизм предполагает либо каждый раз при новой необходимости поиска нового законодателя, чтобы с его помощью отстаивать групповые интересы, либо использование так называемого встроенного лоббиста. Понятие «встроенный лоббист» к нам пришло из США, где под ним подразумевают конгрессменов, которые постоянно защищают определенные групповые интересы.

Термин «встроенный лоббист» означает, что данный законодатель постоянно или периодически выступает «за» или «против» законопроектов, соответственно выгодных или невыгодных определенным групповым интересам. Встроенный лоббист отстаивает групповые интересы безотносительно к чему бы то ни было, порой он не считается даже с тем, что его позиция может или будет противоречить общественным интересам. Вместе с тем по другим вопросам тот же законодатель совсем не обязательно будет встроенным лоббистом. Напротив, он вполне заслуженно может иметь репутацию деятеля, пекущегося об общественном благе.

Без раскрытия истинных движущих мотивов и финансовых источников массовых лоббистских кампаний в Государственной Думе РФ невозможно получить полную картину того, как лоббируется тот или иной вопрос, с какой целью и конечным результатом, чьи интересы он отстаивает. Перечисленные особенности и возможности непрямого лоббизма, будучи для многих влиятельных заинтересованных групп и российского парламента слишком важными, как раз и являются основной причиной стойкого сопротивления попыткам поставить прямой и не прямой лоббизм под власть закона.

Содержательную сторону разнообразных видов лоббистской деятельности характеризует прежде всего коэффициент полезного действия лоббирующих групп. Лоббистская деятельность может быть либо эффективной, высокоэффективной, либо вообще неэффективной. Согласно данным зарубежных источников, эффективность лоббистской деятельности даже президента США – величина переменная. Статистика поименных голосований в послевоенный период в США свидетельствует, что по тем законопроектам, по которым президент занимал четко выраженную позицию, а конгресс голосовал в соответствии с этой позицией, то есть поддержал президента, годовой

коэффициент такой поддержки колебался в пределах от 43% (у президента Р. Рейгана, 1987 г.) до 93% (у президента Л. Джонсона, 1963 г.)

В целом в зависимости от того, какой показатель брать за точку отсчета (единичный законопроект, постановление, всю законодательную программу правительства), можно в каждом конкретном случае определить эффективность лоббистской деятельности любого лоббиста.

Эффективность лоббистской деятельности во многом определяется степенью воздействия групп интересов. В этом отношении можно выделить активное и пассивное лоббирование. В ряде случаев, столкнувшись с первыми препятствиями, отдельные лоббирующие группы не проявляют должной воли, настойчивости, упорства, не предпринимают дополнительные меры, а просто оставляют на произвол судьбы продвижение своих интересов. Подобное характерно для тех групп лобби, которые не обладают достаточными организационными и финансовыми возможностями, действуют вне контакта с другими лоббирующими группами.

Лоббизм осуществляется не только в виде индивидуально-обособленного давления, но и в виде группового – перекрестного. Проведенное исследование показывает, что для нынешнего российского парламента характерно деление лоббизма по таким признакам, как количество субъектов, участвующих в лоббировании группового интереса. Так, в ряде случаев отмечается индивидуально-обособленное лоббирование (наиболее многочисленное). В этом случае субъект лоббистской деятельности самостоятельно, в одиночку отстаивает свой групповой интерес.

Практика лоббистской деятельности в российском парламенте фиксирует и случаи перекрестного лоббирования (крайне редко). При таком подходе, в порядке взаимопомощи, стороны договариваются о взаимной поддержке в проведении законопроекта через тот комитет, где у них лучше всего отлажены связи,

Третий вариант – это коалиционное лоббирование. Так, например, произошло, когда решалась судьба дорожного фонда. С целью лоббирования совпавших интересов объединились лобби АПК, региональные лоббисты, дорожно-строительные фирмы, депутаты-одномандатники.

Классифицируя парламентское лоббирование по видам, целесообразно выделить и тип общения, используемого лоббистами в ходе данного процесса. Так, в зависимости от содержания, целей и средств лоббирования общение может осуществляться посредством таких видов общения, как материальный (предоставление готовых законов, поправок, постановлений и т. д.), когнитивный (обмен информацией, знаниями), кондиционный (обмен психическим состоянием), мотивационный (обмен побуждениями, целями, интересами, мотивами, потребностями), деятельный (обмен умениями, навыками и т. д.).

Анализ показывает, что в лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ используются все виды общения. Трудно с научной точки зрения определить иерархию, предпочтение тех или иных видов общения, используемых лоббирующими структурами, группами интересов в Думе.

Правильнее будет сказать, что в процессе лоббирования в Государственной Думе РФ используется вся совокупность видов лоббирования, опирающаяся на единство многообразия различных видов коммуникативного общения.

Особенностью лоббирования групповых интересов в российском парламенте является четкое структурирование интересов, которое сложилось на протяжении всего периода существования института парламентаризма в России. Правда, в советский период процессы лоббистской деятельности были скрыты завесой секретности, о них не писали, исследовательская работа в данном направлении не поощрялась. Вместе с тем анализ лоббистской деятельности той поры, а также появившиеся в последнее время публикации позволяют приоткрыть механизм продвижения групповых интересов и в тот период времени.

Механизм лоббирования законов, постановлений, ратификации международных соглашений в Государственной Думе довольно разнообразен. В целом его можно разделить на такие структурные элементы, как предлоббирование, лоббирование и постлоббирование. Некоторые авторы выделяют пять структурных элементов: предлоббирование, лоббирование через депутатов на пленарном заседании во время думской сессии, проведение нужных решений при разработке законопроектов в комитетах Государственной Думы, давление на аппарат нижней палаты и некоторые другие варианты воздействия. На наш взгляд, более точным является выделение трех элементов, поскольку остальные являются разновидностями непосредственного процесса лоббирования.

В качестве предлоббирования выступает спонсирование избирательной кампании кандидата в депутаты, избирательного объединения (блока), процедура устройства в аппарат Государственной Думы, комитеты, комиссии, фракции или депутатские группы своего человека. Сюда же можно отнести и формирование лоббирующей команды из числа «независимых» экспертов, обслуживающих комитеты и фракции.

Определяющее значение в этом случае имеет наличие у лоббирующей организации психологического чутья, интуиции.

Важным является ротация кадров в аппарат Государственной Думы. При внедрении своих людей в аппарат, как правило, используется метод протектирования через влиятельных лиц, способных содействовать принятию на работу того или иного специалиста.

Важнейшей составной частью механизма предлоббирования является «лоббирование лобби», т. е. мобилизация заинтересованных групп в поддержку того или иного проекта. Основная организационная форма такой мобилизации – это строительство коалиций, как правило, временных и однопроблемных, создаваемых для решения судьбы конкретного законопроекта.

Учитывая, что в нижней палате российского парламента представлены различные, порой противоположные по своим политическим взглядам, устремлениям и пристрастиям субъекты социально-политической реальности – от радикал-демократов до радикал-патриотов, можно со всей уверенностью сказать, что основой законотворческой деятельности являются политические

установки и предпочтения депутатов. При этом характерно, что у большей части депутатов преобладают групповые установки и лишь у незначительной – личные.

Влияние групповых установок настолько велико, что даже в тех случаях, когда цели и интересы сторон объективно не противоречат друг другу, они все равно воспринимаются различными крыльями парламента как несовместимые. Единственная установка, которая объединяет абсолютное большинство парламентариев, связана с инстинктом самосохранения. Квалифицированное большинство нынешнего парламента весьма заинтересовано в сохранении своего депутатства.

Специфичной формой лоббирования групповых интересов является предоставление депутату, депутатской группе готовых законопроектов. Косвенно о размахе этого вида лоббирования свидетельствуют цифры, которые представлены депутатами в порядке законодательной инициативы законопроектов. Только за четыре года работы парламента таковых набралось порядка нескольких сотен.

Данный метод лоббирования обладает своей особой спецификой. Помимо разработки содержания необходимого закона, лоббист должен заранее иметь определенную стратегию продвижения этого законопроекта по многочисленным ступенькам законодательного процесса. Ему также необходимо заранее учесть все политические препятствия, которые могут встретиться на пути принятия закона.

До первого чтения в роли инструмента противодействия «нежелательным» законодательным актам выступают альтернативные законопроекты. Как показывает опыт, накопленный российским парламентом, при выдвижении нескольких альтернативных проектов на пленарном заседании в первом чтении отклоняются оба. Создание согласительной комиссии для поиска компромиссов способствует включению в закон тех положений, в которых заинтересована лоббирующая группа.

После этого начинается процесс согласований. Вопрос о согласовании текстов альтернативных законопроектов решается сразу же после принятия проектов в первом чтении.

Важнейшим каналом лоббистского воздействия является интервал, возникающий между первым и вторым чтениями. На этом этапе законотворческого процесса лоббисты стремятся как можно больше внести необходимых поправок.

Еще одним инструментом лоббистского воздействия является заключение фракции или депутатской группы. Характерной особенностью нынешней деятельности российских парламентариев является то, что депутаты весьма болезненно реагируют на законодательные инициативы Президента и Правительства Российской Федерации, усматривая в этом давление на свои права. Во избежание отрицательных эмоций депутатского корпуса в ряде случаев президент и правительство вносят законопроекты и поправки к ним от имени депутатов.

В лоббистской практике существует и такой способ проведения групповых интересов, как проваливание закона путем внесения в него таких поправок, после которых он считается вообще непроходным.

Существенным фактором функционирования механизма лоббирования является то, что на политической арене Государственной Думы РФ трудятся, сотрудничают и конкурируют не просто народные избранники – представители конкретных регионов, общественных групп и партий, а живые люди со своими индивидуальными особенностями, идеями, талантами и амбициями. Личные качества депутатов оказывают серьезное, нередко первостепенное влияние на весь ход законотворческого процесса. Подчеркивая двойственность, противоречивость индивида как субъекта, А.В. Брушлинский отмечает, что человек всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен.

Депутат – это прежде всего политик-психолог. И в этом плане его интересует не только содержание самой проблемы, решению которой посвящен предлагаемый законопроект, но и ее политические аспекты, в том числе: какие реальные интересы стоят за тем или иным законопроектом, какое влияние может он оказать на те интересы, которые данный депутат отстаивает, и какие выгоды или потери этот законопроект принесет имиджу парламентария, его избирательному округу.

Проведенные исследования позволяют высказать предположение о ведущей роли ценностных и аффективных компонентов установок у депутатов, в психологических реакциях на социально-политические события и ситуации. Когнитивный компонент играет роль «поставщика» материала для формирования содержания ценностей, но в процессе этого формирования происходит отбор знаний, подгонка их под некий «психологический заказ». Этот «заказ на знания» представляет собой не что иное, как выражение потребностей субъектов психики.

Традиционной формой лоббирования является механизм психологического воздействия на избранных депутатов во время их сессионной работы на пленарных заседаниях. Нужные решения проводятся с помощью одного депутата или группы парламентариев, которая может быть временно организованным неформальным объединением, фракцией или союзом депутатских групп.

Наиболее характерным для деятельности субъектов лоббистской деятельности в российском парламенте является организация как прямого, так и, особенно, опосредованного (через государственный аппарат и общественное мнение) информационного и психологического воздействия на центры принятия решений.

Лоббизм, направленный на парламент, не решает полностью те проблемы, во имя которых он предпринимается заинтересованными группами. Остается достаточно причин для того, чтобы столь же активно лоббировать другие органы власти.

Сама по себе победа в стенах Государственной Думы РФ не является полной победой тех или иных групповых интересов, когда они проводят какой-

либо свой законодательный акт. Согласно Конституции, на пути окончательного вступления закона в силу лежит еще решение Совета Федерации и президента. И в этом случае лоббирующие организации крайне заинтересованы в успешном прохождении законопроектами указанных двух инстанций. Этот этап и есть по существу постлоббирование.

Немаловажной частью механизма психологического воздействия на парламент как на стадии предлоббирования, так и на этапах лоббирования и постлоббирования являются СМИ. Через специально организованные кампании на телевидении, радио, в газетах и журналах группы влияния добиваются изменения восприятия депутатским корпусом той или иной проблемы, формируют у парламентариев и общественности соответствующие установки. Сюда же можно отнести и организуемые митинги, акции протеста, пикетирования парламента, вручение депутатам всевозможных петиций.

Таким образом, механизм лоббистской деятельности в парламенте имеет своим стержнем симбиоз личных, общественных и групповых интересов. Вот почему при лоббировании тех или иных законов, поправок, постановлений и поручений Государственной Думы лоббисты обязательно опираются на совокупный личный и общественный интерес депутатов.

Немаловажная роль в психологии лоббистской деятельности принадлежит мотивационно-смысловой направленности. Как правило, мотивацию трактуют как совокупность причин психологического характера, определяющих поведение субъекта, его начало, направленность и активность. В современной психологии понятие «мотивация» используется в двух значениях: как «система факторов, детерминирующих поведение» (сюда входят, в частности, потребности, мотивы, намерения, стремления и многое другое), и как «характеристика процесса, который стимулирует и поддерживает поведенческую активность на определенном уровне».

Посредством мотивации в психологии находят свое объяснение такие стороны поведения индивидов, как направленность, продолжительность, устойчивость, смысловая ценность, разумность, возникновение и завершение поведенческого акта. Согласно концепции К. Левина, «движущим фактором поведения (независимо от того, осознается он или нет) служит мотивационная напряженность жизненного пространства».

Понятие «мотивация» включает в себя представление о потребностях, интересах, целях, намерениях, стремлениях, побуждениях. Определение мотивации – это поиск ответов на вопросы «ради чего?», «для какой цели?». Обнаружение и описание причин устойчивых изменений поведения и есть ответ на вопрос о мотивации поступков. Мотивация выступает в форме непрерывного выбора и принятия решений на основе сопоставления поведенческих альтернатив. Мотивационно-смысловая направленность парламентского лоббизма характеризуется осознанием результатов, предпринятых лоббирующими структурами действий по проведению законов, поправок, постановлений и т. п.

Развитие механизма неформального объединения депутатов на мотивационной основе, отличной от партийной (фракционной) или

региональной, началось с первых дней существования Государственной Думы РФ. И первыми, кто использовал данный прием для формирования специфической, мотивационно объединенной группы, стало Правительство РФ и Администрация Президента РФ. В Государственной Думе РФ 1999–2003 гг. созыва эта практика даже переросла в организацию специальных депутатских формирований. Законотворческая и иная деятельность Государственной Думы свидетельствует о том, что, задействовав мотивационный фактор, лоббист добивается со стороны участника законотворческого процесса определенных целенаправленных действий.

Мотивационно-смысловая направленность и механизм осуществления лоббирования напрямую зависят от масштабности поставленной задачи. Если лоббирующей структуре, лицу необходимо внести поправки в законопроект, изменить несколько абзацев или просто ликвидировать несколько пунктов, то в принципе лоббисты пользуются услугами одного-двух депутатов, готовых на соответствующих условиях произвести необходимые действия.

В данном случае лоббирующая организация старается найти такого депутата, который был бы достаточно известен в Государственной Думе, обладал хорошими ораторскими способностями.

При таком варианте лоббирования для лоббиста достаточно владение приемами индивидуального воздействия на депутата, умение убеждать, доказывать, заинтересовывать и т. д. Важно психологически обозначить цель мотивационно-побудительным содержанием, которое бы воспринималось как непосредственный, ближайший положительный результат необходимых действий. И, как показывает практика, лоббисты успешно освоили индивидуальную форму работы с депутатами.

Еще одна форма лоббирования отличается своей акцентуацией на групповую заинтересованность в решениях. Можно выделить два основных вида этой модели: региональное и национальное давление на законодательную власть.

Самым тривиальным является проталкивание экономических интересов элит субъектов федерации через депутатов-одномандатников, представляющих какой-либо регион, а также через депутатов, прошедших по партийным спискам, но являющихся местными выходцами или его жителями. Этот способ лоббирования стал настолько обыденным и почти обязательным, что многие депутаты не воспринимают его как лоббизм, а трактуют свои действия как защиту интересов родного края.

Менее распространенным является вариант лоббирования через депутатов определенной национальности интересов коммерческих национальных группировок. Необходимо отметить, что этот вариант является практически безотказным, так как прошедший определенную обработку депутат сделает все от него зависящее, чтобы помочь «братьям по крови». Данный способ лоббирования имеет своей основой глубинную психологию, детерминирующую иерархию и направленность предпочтений.

Другая мотивационная модель лоббирования в парламентской деятельности предполагает искусственную актуализацию проблемы. При таком

подходе основной задачей становится привлечение к ней внимания общественности и властных структур. Проводимая отдельным депутатом или представителями какого-либо комитета или депутатской группы пресс-конференция либо выступление в СМИ призваны «вбросить» в информационное пространство облаченную в псевдосенсационные формы проблему. После поднятого шума вопрос может быстро решиться в рамках существующего законодательного процесса, и о нем вскоре забудут.

Мотивационно-смысловую направленность процесса лоббирования можно рассматривать не только через специфику воздействия на депутата, группу депутатов, лидера депутатского объединения, группу лидеров депутатских объединений, но и через конкретные точки доступа к законодательному процессу.

В лоббистской деятельности активно используется и меркантильный интерес, имеющийся у отдельных участников законодательного процесса. Как отмечают средства массовой информации, в Государственной Думе получили распространение и такие методы воздействия, как скупка голосов парламентариев или подкуп чиновников.

Исследование вербального поведения депутатов, анализ результатов опросов, изучение совокупности социально-психологических факторов, влияющих на мотивационную готовность парламентариев откликаться на запросы лоббирующих структур, позволили выявить четыре типа мотивации парламентариев.

Мотивация достижения и самоутверждения обусловлена стремлением парламентариев к самосовершенствованию и успеху, высокому профессионализму деятельности и основывается на стремлении депутатов к высокому социальному и политическому статусу, профессиональному авторитету. Наиболее распространены мотивы конкуренции, самоуверенности, честолюбия и самолюбия.

Мотивация по типу социальной идентификации базируется на отождествлении парламентариями себя с какой-либо (большой или малой) социальной группой или общностью. Выражается в негативном или, в крайних случаях, пассивном отношении к установкам, не соответствующим нормам и стереотипам собственной группы.

Мотивация вознаграждением (прагматическая мотивация) ориентирована на социальное и материальное вознаграждение в любых формах, позитивную оценку депутатской деятельности; предполагает устойчивый интерес отдельных парламентариев к личной или групповой выгоде вне зависимости от ее нравственного значения, проявляется в эгоцентризме, стремлении к лидерству, преобладают мотивы вне профессиональных целей.

Мотивация избегания неудач выражается в стремлении депутатов к сохранению положительных эмоций, позитивных взаимоотношений среди парламентариев и с избирателями. Характеризуется акцентуацией на результат и поверхностным интересом к содержанию парламентской деятельности.

В целом, подводя итог вышеизложенному, можно высказать предположение о ведущей роли ценностных компонентов установок депутатов

в психологических реакциях на принятие того или иного закона. Отбор потребляемой депутатом информации осуществляется путем подгонки ее под некий «психологический заказ». Критерием сортировки, отбора зачастую являются идеологические предпочтения, чувства, эмоции парламентария.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы:

1. Множественность лоббирующих организаций, отражающих в своей совокупности социально-политическую и экономическую структуру общества, демократизируют это сложное социально-политическое и психологическое явление, делает его важнейшим атрибутом представительства интересов. Лоббизм выполняет роль своеобразного политического института, обеспечивающего более полное участие интересов заинтересованных групп населения в государственном управлении. По сути, лоббизм есть процесс преодоления противоречий между актуальной потребностью в представительстве корпоративного интереса в парламенте и отсутствием легитимного механизма его учета в деятельности Государственной Думы Российской Федерации.

2. Задействовав мотивационный фактор, лоббист добивается со стороны участника законотворческого процесса целенаправленных действий, организованности, заинтересованности. Чем выше актуализация мотивационных образований, тем больше заинтересованность участников законотворческого процесса. При сильном лоббирующем давлении принцип солидарности голосования в парламенте не действует.

3. Мотивация поведения депутата может быть как на сознательном уровне, так и на бессознательном. Парламентарии не всегда осознают мотивы своих действий, поступков, нередко случаи, когда они попадают под влияние группового давления, эмоций. Нередко реальные мотивы лоббирования существенно отличаются от тех, за которые их выдают. Мотивировка лоббирующей стороны может быть одна, а мотивация – совершенно другая. При этом ведущая роль в воздействии лоббирующих структур принадлежит ценностным и аффективным компонентам установок депутатов в психологических реакциях на воздействие лоббирующих структур.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Проанализируйте основные психологические характеристики взаимосвязи человека и власти.

2. Раскройте психологические факторы легитимности и делегитимности власти.

3. Выделите психологические закономерности функционирования и взаимодействия властных структур и общественных объединений.

4. Дайте психологическую характеристику современного парламентаризма.

5. Определите сущностные признаки и психологические основы эффективного лоббирования во властных структурах.

6. Обоснуйте психологическую структуру, механизмы и условия обеспечения эффективного имиджа политического лидера.

7. Охарактеризуйте психологические модели эффективного политического имиджа.

8. Определите условия, алгоритм и методы эффективного влияния власти на общественное мнение, настроение и поведение населения.

9. Раскройте содержание психологического обеспечения функционирования властных структур и деятельности политических лидеров.

Глава 5 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ.....	380
5.1. Социально-политический статус личности	380
5.2. Личностно профессиональное и гуманитарно-технологическое развитие субъектов политики.....	392
5.3. Имидж и авторитет субъектов политической деятельности	415
5.4. Психолого-акмеологические детерминанты подбора политической команды	446
5.5. Организационная культура политической команды	468

Глава 5 ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ

5.1. Социально-политический статус личности

При анализе политической реальности основное внимание уделяется, как правило, деятельности институциональных, организованных субъектов деятельности, составляющих политическую систему общества, – государственных органов, политических партий, общественно-политических движений. Считается, что именно в рамках подобной целостности прежде всего проходит политическая жизнь и осуществляется политическая власть.

На современном этапе общественного развития подобный институционально-организационный подход к проблеме политики представляется явно недостаточным. Его следует дополнить подходом личностным, предполагающим рассмотрение статуса личности в политической системе общества.

Невозможно представить себе функционирование политических структур общества вне личности. Индивиды «наполняют» собой, своей энергией, волей, интересами, мотивами, установками политические организации и институты. В конечном счете развитие общества, история в целом есть итог и процесс деятельности конкретных людей. В связи с этим выделение и решение проблемы статуса личности в политике поможет, с одной стороны, глубже проникнуть в законы функционирования всей политико-управленческой системы общества, с другой стороны, – уяснить процессы политизации или деполитизации индивида, усвоения им политических ценностей, приобщения к политической деятельности.

Категория «статус» (от лат. status – положение, состояние) в ее применении к субъектам деятельности обозначает их место в системе общественных отношений. Общественные отношения многообразны. Это – экономические, социальные, политические, правовые, нравственные, религиозные и т. д. Каждому их виду соответствуют «свои» субъекты, занимающие определенное место в сложившейся иерархии. Иными словами, можно говорить о статусе какого-либо производственного объединения в системе экономических отношений, о статусе той или иной партии в современной политике, о статусе любой из многообразных социальных групп (классовых, национальных, профессиональных, демографических и пр.) в социальной структуре общества и т. д.

Рассмотрение статуса личности, в том числе ее социально-политического статуса, требует особого методологического основания. Таковым основанием

выступает понимание социального статуса личности как ее места в системе социальных отношений, социальной структуре общества.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что обладание социальным статусом – неотъемлемое свойство всякой личности. Каждый из нас, представляя свою профессию, национальность, пол, возраст, образование, занимает ту или иную ступеньку на социальной лестнице. Причем использование слова «ступенька» здесь – не случайно. Статус имеет соотносительный характер. При опоре на систему соответствующих критериев он позволяет определить место индивида в вертикальном (неравенство, «выше–ниже») и горизонтальном (равенство) срезах.

Специфика социального статуса личности определяется ее включенностью именно в социальные отношения. Социальные отношения интегральны, а потому разнокачественны. Они включают в себя связи материальные и идеальные, объективные и субъективные, экономические и политические, эстетические и нравственные, правовые и религиозные, и т. д. Но разнопорядковость составляющих не исключает, а предполагает целостность социальных отношений, которая приобретает в процессе приведения всего разнообразия социальных связей к «общему знаменателю». В качестве такого «знаменателя» выступает характеристика места личности в социальной структуре. Иными словами, содержание социальных отношений составляют только те стороны общественных отношений, которые обращены непосредственно к человеку, характеризуют место индивидов в обществе с точки зрения их социального равенства и неравенства. Это отношения социально-экономические, социально-культурные, социально-политические.

Комплексный характер социальных отношений находит свое отражение в структуре социального статуса личности, складывающегося как совокупность соответствующих под статусов (статусов): социально-экономического, социально-культурного, социально-политического.

Социально-экономический статус есть результат взаимодействия экономической и социальной систем общества. Чтобы строить дороги, каналы, эксплуатировать заводы, нужны объединения большого числа людей как работников. Это производственный, собственно экономический аспект деятельности. Ее субъектами выступают промышленные предприятия, экономические ведомства, территориальные органы хозяйственного управления, банки, предприятия торговли и т. д. Подобные организации оказывают огромное влияние на социальную структуру общества. Оно осуществляется посредством характера и содержания труда, в который вовлечены люди. В ходе производственной деятельности они занимают определенное социально-экономическое положение (социально-экономический статус), которое описывается рядом показателей: средний размер заработной платы, объем душевого дохода, жилищные условия, имущественная обеспеченность, степень удовлетворения потребностей в различного рода услугах – транспортных, медицинских, бытовых и др.

Отношения в сфере культуры в ее общем понимании охватывает все общество, все его среды и системы. В этом смысле она есть сама общественная

связь, существующая между людьми. Однако при рассмотрении проблемы статуса личности применяется узкий подход к явлению, берется важнейшая часть культуры – сфера воспитательной и просветительной деятельности. Ее субъектами являются образовательные организации, средства массовой информации, воспитательные, культурно-просветительные, спортивные учреждения и т. д. Будучи включенным в подобные организации, человек наследует, сохраняет, распространяет, осваивает общезначимые результаты, достигнутые обществом на данном этапе его развития.

Связи, возникающие в процессе развития индивида, его нравственного и умственного совершенствования, «возделывания» души и тела, составляют социально-культурный статус личности. С этой точки зрения учитываются показатели образования, духовного облика людей, их приобщения к культурному наследию, социализированности, развитости индивидуальных способностей и др.

Многообразные государственные органы, политические организации, движения, комитеты, фронты, центры взаимодействуют между собой по поводу власти, ее завоевания, удержания, укрепления, использования. Возникающие взаимоотношения имеют собственно политический характер. Вместе с тем государство, иные политические институты, движимые необходимостью эффективного политического управления, взаимодействуют также с разнообразными социальными группами и с составляющими их индивидами.

В свою очередь каждый индивид не только объективно включен в политическую систему общества. Удовлетворяя или недостаточно удовлетворяя свои потребности и интересы, он субъективно стремится прямо или косвенно приобщиться к управлению общественными процессами, устанавливает для этого связи с политическими институтами общества. Характер и совокупность подобных взаимосвязей и определяют социально-политический статус личности.

Власть либо защищает интересы граждан или их определенной части, либо ограничивает, подавляет их. В свою очередь, граждане поддерживают власть либо оказывают ей активное или пассивное сопротивление. Возможна также ситуация безразличного, индифферентного отношения к политическим институтам масс, разуверившихся в способности власти управлять обществом. В этих и других подобного рода действиях и отношениях проявляется характер социально-политического статуса социальных групп и отдельных личностей. Например, в современной политической жизни нашего общества налицо сложная картина переплетений интересов различных групп и слоев и их включенности во властные структуры: тех, чьи жизненные интересы были ущемлены властью в предшествующих период истории; лиц, чьи интересы тем или иным образом ущемляются в современной социально-политической ситуации; тех, кому политическая

конъюнктура дает «зеленый свет» в достижении их социальных целей. В результате такой разнонаправленности установлений возникают и развиваются социально-политические отношения как сотрудничества, консенсуса, так и конфликта, борьбы.

Идентификация социально-политического статуса личности в качестве одной из сторон социального статуса позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, следует подчеркнуть тесную взаимосвязь социально-экономического, социально-культурного и социально-политического статусов индивида. Высокие показатели социально-экономического статуса данной личности скорее всего будут способствовать достижению ею высоких показателей социально-политического статуса, и наоборот. А высокие показатели социально-культурного статуса явятся неременным условием, своеобразным фундаментом подобного взаимовлияния социально-экономического и социально-политического статусов. Недостаточные показатели социально-экономического и социально-культурного статусов могут стать серьезным препятствием данной личности в достижении ею высокого социально-политического статуса.

Во-вторых, среди трех составляющих статуса личности один может быть доминирующим, оставляя два других на социальной и психологической периферии. Например, у крупного бизнесмена ведущим может быть социально-экономический статус, а у депутата или иного политического лидера – социально-политический. При этом следует отметить, что иерархия статусов может меняться в зависимости от сложившихся конкретных условий деятельности и отношений личности.

Кроме того, не всегда тот статус, который в качестве главного выделяет общество в данной личности, совпадает с тем статусом, какой выделяет в себе в качестве такового сам субъект политики. На этой почве возникает немало драматических противоречий внутреннего плана личности политика, неадекватно представляющего свое место в обществе, в общественном мнении, СМИ и др. Так, предприниматель может надеяться, что главное в его социальном статусе – социально-экономическая составляющая, имущественное, материальное положение. Но в общественном мнении решающее значение может приобрести его нравственный облик, уровень образования, культуры,

полезность для общества и прочее. Высококвалифицированный специалист – представитель национальных меньшинств – будет надеяться, что в первую очередь оценят его профессионализм, но при решении определенного круга проблем могут обратить внимание именно на национальную принадлежность, придав ей приоритетное политическое звучание в социальном статусе.

В-третьих, рассогласование социально-экономического, социально-культурного, социально-политического статусов личности политика, деформация их иерархии чреваты негативными последствиями не только для самого политика, но и для общества. В стабильном, социально сбалансированном обществе разные измерения статуса личности в социально-политической системе взаимосвязаны. Изменяя показатели одного из них, субъект политики, соответственно, меняет характеристики другого. С. Липсет в связи с этим отмечает: «Человек, восходящий на другую ступень социальной иерархии, как правило, меняет круг друзей, присоединяется к новым

организациям, меняет место жительства. Иногда он изменяет даже свою религиозную принадлежность и имя. Очень часто претерпевают изменения и его политические взгляды» [111, с. 6]. Степень согласованности статусов выражает социальную определенность личности и является важнейшим фактором стабильности общества в целом и перспектив успешной самореализации самого политика.

В-четвертых, механизмом реализации всех трех статусов, их интеграции и успешной реализации выступает социально-психологический статус. Его сущность проявляется через мотивированное целенаправленное развитие творческого потенциала субъекта политики, гармонизацию его притязаний с интересами и ожиданиями общества, а также в достижении соответствия личностно-профессиональных качеств объективным требованиям общества, предъявляемым к конкретному статусу политика.

По своему содержанию социально-психологический статус представляет собой многомерную архитектуру, синтезирующую: в качестве приоритета – политика как целостности его индивидуальных, личностных, субъектно-деятельностных характеристик, которые делают его самобытной индивидуальностью, которая в соответствии с принимаемой моделью, алгоритмом и технологией реализует востребованный

обществом собственный статус; взаимосвязи и отношения политика с социальной средой, политическими институтами, которые реализуются через различные каналы взаимодействия, деятельности, общения и пр.; многомерное социальное окружение, которое выдвигает требования, создает условия и оказывает иное активное и пассивное воздействие на облик, деятельность и поведение политика. Именно социально-психологический статус определяет продуктивность его социально-политического статуса.

Структурными компонентами социально-политического статуса личности являются социально-политическое положение; социально-политическая позиция; социально-политический престиж и мотивация политической деятельности; профессионализм в выполнении политических функций.

Социально-политическое положение определяется сложившейся системой политических отношений, в которую включены субъект политики и его взаимосвязи в обществе. Формируемые в ней политические отношения имеют объективный характер и складываются на продолжительный период времени в ходе совместной политической деятельности. Социально-политическое положение личности можно выяснить, опираясь на ряд объективных показателей: характер включения политика в управление общественными процессами, механизм связи с политическими институтами общества, социально-политическую роль в обществе, политические права и обязанности, степень политического влияния, уровень авторитета.

Социально-политическая позиция как объективная сторона статуса личности политика проявляется как его внутреннее самоопределение, осознание, оценочное отношение к собственной Я-концепции, социально-политическому положению и результатам своей политической деятельности. Эта позиция проявляется не только в политической деятельности, но и в

поведении, взаимоотношениях, во всех реальных и формальных сторонах политики.

Социально-политический престиж и мотивация политической деятельности определяют направленность и заинтересованность в выполнении различных обязанностей в сфере политики. При этом профессионализм или профессиональная компетентность политика определяют его успешность в выполнении политических функций.

Будучи включенным в ту или иную политическую систему, организацию, человек интегрирует в себе политически значимые черты данного общества (сообщества). Таким образом социально-политический статус становится одновременно и элементом психологической структуры личности политика, и его социальной моделью, признаваемой обществом. В частности, каждый представитель какого-либо демократического государства, открытого общества, имея общий образ жизни и реализованность политических прав и свобод, подчиняясь демократическим принципам и традициям поведения, ориентациям и установкам, соответственно оценивает свою жизнь и деятельность, жизнь и деятельность людей, находящихся в условиях тоталитарных, закрытых обществ. Все это оказывает огромное политически-регулирующее воздействие на жизнь конкретного субъекта политики.

Вместе с тем подобный процесс неоднозначен. Его не следует абсолютизировать. Зачастую одно и то же социально-политическое положение в обществе по-разному воспринимается, переживается, оценивается разными людьми. Этим объясняется различие в позициях, порой существующее у людей, обладающих одинаковыми социально-политическими показателями. Здесь сказывается многое, в частности, духовность личности, ее мировоззренческие установки, многообразные влияния со стороны иных социальных групп и политических организаций, социально-психологические особенности личности и т. д.

Социально-политическая ориентация личности имеет ряд сторон:

а) ретроспективную, складывающуюся по поводу политического «происхождения», политического прошлого человека;

б) ситуативную, обусловленную наличным социально-политическим положением;

в) перспективную, связанную с планами развития социально-политических показателей статуса личности.

В более узком смысле слова социально-политическая позиция – это выбор индивидом предпочитаемого социально-политического положения и путей его достижения.

Социально-политический престиж также принадлежит субъективной стороне статуса. Это тоже оценка положения личности в политической системе, но даваемая уже общественным мнением. Она имеет сравнительный характер и, если высока, наделяет соответствующее явление особой привлекательностью, вызывает у людей стремление приобщиться к нему. Это один из действенных регуляторов поведения.

Оценки социально-политической престижности даются, во-первых, на основании понимания социальной и политической значимости данного вида деятельности (законодательной, исполнительной, судебной, военно-политической, внутриполитической, внешнеполитической и т. д.); во-вторых, – на основании определенной системы ценностей, установок, идеалов, сложившейся в обществе. На их формирование влияет, кроме того, многообразная совокупность факторов, как формальных, так и неформальных. Сюда относятся официальная позиция государства и проводимая им на деле политика, целенаправленная деятельность различных политических и социальных сил, награды, премии, звания, а также уважение в обществе, признание авторитета и др. Санкции, воздействующие на динамику социально-политических престижных оценок, могут иметь и негативную направленность, снижающую их уровень.

В обществе складываются иерархии социально-политического престижа. Например, в статусном сознании людей советского периода нашей истории социально-политический престиж члена КПСС был высок. В конце 1980-х годов ситуация изменилась. Ряд факторов, в том числе и упавший социально-политический престиж коммуниста, предопределил массовый выход коммунистов из рядов своей политической организации.

Каким образом определить уровень социально-политического статуса личности (высокого, среднего низкого) в политической системе?

Политическая система организуется и функционирует в обществе на трех взаимодействующих и взаимосвязанных уровнях. На макроуровне концентрируются усилия и отношения высших центральных политических институтов, высших государственных организаций, руководящих органов политических партий. Мезоуровень образует деятельность аппаратов и учреждений так называемого среднего звена, а также административных органов власти регионального, областного, районного масштабов (различные ведомства, агентства, комиссии, советы, префектуры и т. п.). На политическом макро- и мезоуровнях находятся представители таких социальных групп, которые вне политики просто не существуют. Политики-профессионалы, специалисты, работающие в законодательных, исполнительных, судебных государственных органах разных уровней, партийные функционеры – это представители социальных слоев, «наполняющих» институты и организации политической системы общества. Микроуровень составляют политическая деятельность и отношения между людьми, гражданами как первичными субъектами, образующими общую ткань политики.

Политические права и обязанности, механизм участия в управлении делами общества, социально-политическая роль личности, закрепленные Конституцией страны, ее законами применительно к каждому гражданину, образуют соответствующий социально-политический статус личности, отвечающий микроуровню политической системы. Это первичный, низкий уровень социально-политического положения и статуса в целом. Человек, не имеющий гражданства, лишенный политических прав и обязанностей, не обладает социально-политическим статусом применительно к данной

политической системе. Но в то же время он сохраняет социально-политические статусные показатели, соотнесенные с международным правом.

Личностям, включенным в политическую систему на ее мезо- и макроуровне, общество, политическая система делегируют более высокие, соответствующие одному либо другому уровню, права и обязанности, усиливающие их политическое влияние. Меняется механизм включенности данного индивида в политические образования, растет его социально-политическая роль. Возросшие по политической вертикали показатели определяют социально-политическое положение данной личности и в целом ее статус как средний либо высокий.

Своеобразие социально-политического положения личности, обладающей средним или высоким статусом, предопределяет неизбежность политической окраски ее менталитета, социально-политической позиции. В данном случае речь идет о более рельефной политической выраженности позиции в сравнении с позицией людей, деятельность которых прямо не сопряжена с политикой. В структуре духовности «государственных», «политических» индивидов значительное место занимают политические ценности и убеждения. А нерасчлененность интеллектуально-рационального и чувственно-эмоционального компонентов сознания предопределяет острое восприятие и переживание политических знаний, принципов, ритуалов, традиций, эталонов и норм поведения. Эти компоненты присутствуют в социально-политической позиции людей с высоким, средним статусом как личностно значимые, оцениваются как высшие, как идеалы. Г.Г. Дилигенский выделяет ценностно-ориентированный тип вовлеченности личности в политику [38, с. 228–230]. Если подобного не происходит, если доминирует инструментальный, «службистский» тип функционирования личности в политике, связанный с обыкновенной службой в бюрократических институтах партийно-государственной власти, то социально-политическая позиция человека не соответствует высоким показателям его социально-политического положения. Это указывает на противоречие между структурными составляющими статуса, на его деформацию, которая резко снижает эффективность политической системы общества.

Безусловно, инструментальный, «службистский» тип социально-политической вовлеченности отнюдь не является исключительной особенностью бюрократических, в частности, тоталитарных, режимов. В обществах с развитой представительной демократией он сосуществует с ценностно-ориентированным типом, зачастую даже в психологии одних и тех же людей. Но в психологическом плане эти типы различаются. У них различны характер личностной мотивации. Отличие инструментальной вовлеченности от ценностно-ориентированной состоит в том, что ценностный уровень мотивации играет в ней подчиненную, второстепенную роль. Человек не стремится интериоризировать основные политические ценности системы, сосредоточившись лишь на выполнении предписанных пирамидой власти служебных обязанностей. При этом, как правило, недостаточное внутреннее усвоение политических ценностей негативно сказывается и на

профессионально-служебной деятельности, выполнении соответствующей данному статусу социально-политической роли.

В целом характеристики социально-политического статуса личности, его «наполнение» во многом зависят от типа общества, сложившейся в нем политической системы. Остановимся в этом смысле на примерах тоталитарной и демократической систем.

Прежде всего следует подчеркнуть, что тоталитарные или демократические показатели характеризуют не только политический режим, но и каждую сферу общественной жизни. Иначе говоря, тоталитаризм и демократизм – не изолированные от других общественных процессов политические явления, а составные части целостного изменения общества: развития социальной структуры, экономического роста или спада, движения производительных сил, прогресса или застоя знаний, формирования либо отсутствия гражданского общества и правового государства, эволюции культуры, сочетания индивидуального и коллективного развития человека и общества и т. д. Таким образом, тоталитарное и демократическое общества различаются не только спецификой положения индивида в политической системе, но и особенностями взаимосвязи всех составляющих социального статуса личности – социально-экономической, социально-культурной, социально-политической.

Тоталитаризм – это общественный строй, при котором государство полностью подчиняет себе все сферы (системы) жизни общества и отдельного человека. Существующая лестница социальных неравенств закрепляется и поддерживается элитой в неизменном состоянии. В экономике обеспечивается доминирование государственной собственности. В сознание масс внедряется всеохватывающая мобилизационная идеология, обращенная не столько к разуму, сколько к чувствам, инстинктам. Монопольным правом на политическую деятельность обладает только одна партия. А поскольку любая деятельность при тоталитаризме является государственной, подчиненной идеологии, постольку любое прегрешение в хозяйственной или профессиональной сфере сразу же превращается в политическое.

Такие важнейшие показатели социально-политического статуса личности, как политические права и обязанности, социально-политическая роль в управлении делами общества, носят в тоталитарном обществе по большей части «декоративный» вид, на деле реализуются в незначительной степени.

Основным требованием к «окраске» социально-политической позиции личности, вне зависимости от уровня ее социально-политического статуса, является наличие благонадежности особого вида – партийно-государственной. При этом дело не ограничивается

лишь социально-политическими аспектами. Как правило, институтами тоталитарного государства контролируется весь духовный мир человека вплоть до глубоко интимных чувств и переживаний. Продвижение по лестнице статусов обеспечивает отбор, осуществляемый властными структурами по качествам, отвечающим интересам тоталитарно-бюрократической системы.

Таким образом, достичь более или менее значимого социально-политического и в целом социального положения можно, лишь пройдя идеологические фильтры.

Социально-политический престиж высокостатусного положения в тоталитарном обществе исключительно высок. Во-первых, обладать значительной политической властью в подобном обществе – значит обладать властью не только в политике – но в жизни, в обществе в целом. Во-вторых, престиж – образование, которое может адекватно отражать положение того или иного субъекта в пирамиде власти, а может быть завышенным (заниженным) относительно этого реального положения. Так, например, пропагандистские кампании, направленные на «освящение» руководящей роли КПСС в советском обществе, способствовали завышению социально-политического престижа всякого субъекта, включенного во власть.

В демократическом обществе существует иной, отличный от тоталитаризма, характер взаимосвязи общественных систем. Рыночной экономике с различными формами собственности здесь соответствуют демократические показатели политической системы. Справедливо отмечает Р. Арон, что «государство считает своим достоинством то, что не руководствуется идеями ни одной из противоборствующих партий. Государство нейтрально, оно терпит многопартийность» [10, с. 67]. Однако следует заметить, что оно требует от всех партий уважения к себе – к своей конституции. Не будучи связано с какой-либо одной партией, в идеологическом смысле оно носит светский характер, поддерживает плюрализм идеологической системы. При отсутствии жесткого государственного давления на гражданское общество это общество самоструктурируется, выстраивая социальную иерархию, соответствующую эффективности экономики, развитию культуры и духовности.

В гражданском обществе, неразрывно связанном с демократией, разнообразие политических взглядов, мотивов, интересов не только допустимо, но и необходимо. Здесь действуют многообразные социальные и политические силы, достигающие своих целей путем взаимных контактов, соглашений, взаимопонимания либо противостояния. Средний и высокий социально-политический статус личности может быть связан с ее соответствующим местом на государственной службе, а может – с местом в политической партии, поддерживающей государство либо оппозиционной ему. При этом достаточно высокое социально-политическое положение личности в партии не обязательно сопровождается соответствующим уровнем социально-политического престижа в обществе. Здесь сказывается политическая «разнокалиберность» гражданского общества, состоящего из влиятельных и одновременно самых незаметных политических образований.

В условиях многопартийности участникам политической жизни в большей степени присущ ценностно-ориентированный тип вовлеченности в политику, связанный с осознанием интересов и предпочтений соответствующих социальных групп. Государственный пост, членство в выборном органе, формальное или неформальное лидерство в партии, движении, парламентской фракции требует выработки, отстаивания четкой политической позиции. В

борьбе за ее утверждение, по сути, и складывается социально-политическое положение, в целом статус «политической» личности.

Следует подчеркнуть, что реальность социально-политических показателей низкого, первичного уровня статуса, связанная, в частности, с действительной выборностью власти, защищенностью и реализацией прав и свобод человека, влияет на социально-политическую позицию и престиж человека в демократическом обществе, осознающего собственную значимость в процессе формирования политической системы в стране.

По-видимому, прежде всего характер политического строя и политическая культура, связанные с активностью социально-политического статуса личности на любом уровне его проявления, предопределили появление в демократическом обществе феномена политического лидерства. Потенциальный лидер должен уметь завоевывать доверие в широких социальных слоях, особенно среди сторонников той политической партии, которую он возглавляет или представляет. Тоталитарный лидер в этом не нуждается, ему важно прежде всего овладеть умением обходить соперников в ходе аппаратных интриг в высших эшелонах бюрократической власти, создавая себе опору в номенклатуре, в партийно-государственном аппарате, а не в массе населения [38, с. 185–186].

Характеристика компонентов социально-политического статуса личности, его уровень в решающей степени зависят от взаимоотношений человека не с политической системой в целом, а прежде всего с государством. Государственность пронизывает всю жизнь общества, человека. Связь человека с государством интериоризируется и воплощается не только в социально-политической позиции, но в качествах духовного облика, мировосприятия каждого индивида. Это качество, сформированное человеком в процессе его жизнедеятельности в рамках государственно-политических образований, В.С. Барулин называет сопричастностью человека государственности [14, с. 199]. Взаимоотношения человека с государством в большей степени, нежели взаимоотношения с иными компонентами политической системы, характеризуют социально-политический статус личности.

Отношение человека к государству, как важнейшее содержание его социально-политической позиции, зависит от отношения государства к человеку, которое при всем многообразии оттенков может быть сведено к двум полюсам: защите и подавлению личности [14, с. 202–204].

Защиту, обеспечение государством социально-политического положения личности можно дифференцировать следующим образом.

1. Защита социально-политического статуса личности в международном плане, когда граждане государства оказываются за пределами своей страны. Человек, оказавшийся вне своего социально-политического образования, особенно остро чувствует отдельность, отстраненность от привычной социальной и политической среды. Поддержание его статуса, соответствующая защита со стороны государства в случае ее необходимости обостряет сопричастность личности государственности, наполняет социально-

политическую позицию установками и мотивами, поддерживающими существующий политический порядок.

2. Защита, гарантирование личности ее социально-политического статуса с точки зрения внутренних отношений. В данном случае речь идет о защите от действий антисоциальных сил, экстремизма, национализма, охлократии и т.п. Государство способно и должно защищать социально-политический статус личности от самого себя. В повседневной жизни человек, как правило, взаимодействует с нижними этажами государственной машины, порой сталкиваясь здесь с равнодушием, обманом, халатностью и т. д. Мезо- и макроуровни государственной власти, отстраненные от контактов с отдельными индивидами, часто представляются человеку механизмами защиты его от произвола чиновничьих низов. Иллюзия о том, что высшие эшелоны государственной власти заинтересованы в обеспечении социально-политического статуса личности, всегда была и остается весьма живучей.

На деле защита социально-статусных характеристик зависит не от уровня государственных образований, а от характера политического строя и режима. При наличии подобной защиты социально-политическая позиция личности приобретает прогосударственную направленность; более того, у человека складывается ощущение социальной, духовной комфортности, устойчивости в современном мире. Социально-политический престиж государства и личности в таком государстве высок.

В современном обществе государство воспринимается и как институт подчинения, давления на человека. Объективные основы подобного восприятия, конечно, существуют. Государство регулирует отношения между людьми с различными, порой противоположными интересами и устремлениями и порой должно опираться на силу (прежде всего силу закона) в поддержании сложившейся иерархии социально-политических статусов.

На практике сложились различные формы и степени государственного давления, ограничения социально-политических статусных показателей личности. Во-первых, это прямой запрет. Речь идет, к примеру, об ограничениях передвижений между странами, ограничениях в праве проживания в отдельных районах, городах, отстранении от участия в выборах, запретах на профессию, препятствиях при получении гражданства и т.п. В известных условиях подобные действия государства могут быть оправданными, но в целом они воспринимаются человеком как ущемление его социально-статусного положения, изменяют качество сопричастности государству.

Во-вторых, государство способно выступать как угроза обществу и гражданину. Подобная социально-политическая роль государства проявляется, как правило, в тоталитарно-репрессивных режимах. Эти режимы не просто ограничивают те или иные социально-политические показатели статуса личности, но путем прямого насилия, по сути, парализуют ее социальное развитие, лишая человека права на свободу.

Деформация социально-политического статуса приводит к соответствующей реакции, которая воплощается в адекватной наполненности социально-политической позиции индивида. Данная позиция в одном случае

может быть связанной с социальным страхом, пронизывающим все общество; в другом случае – с социальной апатией, полным безразличием по отношению к политическим вопросам; в третьем – с социальным конформизмом, стремлением приспособиться к режиму, жить по двойному социально-политическому, духовному стандарту. Наконец, в четвертом случае социально-политическая позиция человека проявляется в стремлении активно противостоять государству в деятельности по реализации данной позиции. Социально-политический престиж государства в глазах личности и соответствующий престиж личности в глазах государства ничтожны.

Сопричастность личности государству, таким образом, в существенной степени характеризуя ее социально-политический статус, наполняет позицию человека самыми противоречивыми установками и ценностями. Здесь могут сочетаться (порой даже одновременно) мотивы, связанные как с ролью государства-защитника, так и с ролью государства-насильника. Причем такое противоречивое единство обусловлено объективными причинами и вполне закономерно.

Итак, каждая личность занимает определенное место в политической системе общества, приобретая тем самым социально-политический статус. Это ее соотносительное положение в политической системе общества, характеризующееся соответствующей ролью, правами и обязанностями, осознаваемое индивидом в качестве его социально-политической позиции и получающее престижную оценку в общественном мнении.

Статус личности в политической системе общества, безусловно, должен быть подвергнут более глубокому и всестороннему анализу. Его результаты позволяют определить пути формирования правового государства и гражданского общества, указать пределы политического регулирования отношений, связанных с личностью.

5.2. Личностно профессиональное и гуманитарно-технологическое развитие субъектов политики

Проблема личности в политике относится к числу вечных. Она вызывает неизменный интерес у философов и историков, писателей и моралистов, религиозных мыслителей и психологов. В политической науке, между тем, эта проблема относится к числу наименее исследованных. В профессиональных политологических изданиях число публикаций на эту тему – минимально, что связано с претензиями многих политологов на создание объективной науки, где действие субъективного фактора сведено к минимуму. Личность они выносят за скобки либо потому, что считают ее влияние на политические события минимальным, либо потому, что не владеют качественными методами исследования, позволяющими учитывать уникальные, неповторимые свойства личностей тех, кто делает политику.

В современной политической науке ситуация медленно меняется. Большинство политологов сейчас признают необходимость исследования личностного фактора в ходе политического процесса. Одной из причин поворота политологов к изучению этого феномена стала неспособность институционального политического подхода предсказать те кардинальные

перемены, которые произошли в мире после начала перестройки в СССР. Многие тогда задавались вопросом: как развивалась бы политика в мире, если бы генеральным секретарем КПСС был избран не М. Горбачев, а А. Громыко или В. Гришин. «Вес» личностных качеств советского лидера в происшедших переменах был столь значителен, что это во многом заставило пересмотреть традиционные подходы к изучению политики.

Для большинства непрофессионалов в области политической науки именно вокруг личностей тех, кто делает политику, сосредоточен основной интерес к политике. Читающая публика хочет знать биографии тех, кто изменил лицо эпохи. Ее интересуют их стиль и вкусы, семейное окружение и спортивные увлечения. Нам не случайно кажется: поймем политика как человека – и перед нами откроются скрытые пружины его политического поведения.

Чтобы понять, кто прав: профессионалы или любители, попробуем прежде всего проанализировать, что даст нам понимание личности для проникновения в политические механизмы.

В политической мысли сложились две традиции в трактовке проблемы личности. Первая из них придает личности решающее значение в определении направления политического процесса. Зачастую сторонники этой позиции просто сводят политику к личности лидеров, вождей, авторитетов. Еще Паскаль сказал, что если бы нос Клеопатры был чуточку короче или чуточку длиннее, то история человечества выглядела бы совершенно иначе.

В русле этой традиции велись дискуссии конца XIX – начала XX века о роли личности в истории, которые хорошо известны благодаря вкладу Толстого, Карлейля, Джеймса, Плеханова и Троцкого. Пожалуй, наиболее известная книга этого рода – это работа Сиднея Хука «Герой в истории».

Политическая роль – это набор прав и обязанностей, статус, реальные функции, связанные с местом личности в политической системе.

Роль личности в истории вообще и в политике в особенности обосновывается сторонниками первого подхода личными достоинствами вождей: политическим талантом, способностями, знаниями, навыками, авторитетом. Как видим, речь идет о том, что личностным качествам придается большее значение, чем собственно политическим позициям того или иного персонажа. В этом же ключе работают и те политические психологи, которые рассматривают не столько достоинства политиков, сколько, напротив, их комплексы в качестве мотива политического участия. Так, американский исследователь Дж. Барбер, следуя за Альфредом Адлером, предлагает компенсаторную концепцию власти. Он полагает, что именно комплекс неполноценности, вызванный детскими травмами, пережитыми политиком на ранних стадиях становления его личности, мобилизует его на достижения, не сравнимые с достижениями его более удачливых сверстников.

Второй подход, напротив, скорее принижает роль личности в политике. Среди сторонников этой точки зрения есть различия. Политологи позитивистского толка, особенно бихевиористски ориентированные, не возражая против исследования отдельных компонентов личности в политике,

не видят смысла в анализе целостной личности как фактора, влияющего на процесс и систему. Так, А. Инкелес, выражая точку зрения многих политических социологов, считает, что индивидуальные особенности «гасят» друг друга в масштабных политических процессах. Есть смысл поэтому изучать не индивидуальные, а массовые закономерности, например, распределение политических ролей. Личностью же политолог может пренебречь.

Иную по замыслу, но сходную по сути позицию занимают политологи, которые считают личностный фактор в принципе не значимым по сравнению с факторами социального воздействия на политику. Теоретики, принадлежащие к марксистской традиции, выделяют экономические факторы, детерминирующие политику. Политологи, стоящие на позициях функционализма, фокусируют исследование на системообразующих составляющих политических партий, организаций, движений. Общее между ними то, что они выводят личность за рамки факторов, среди которых следует искать причинное объяснение макрополитических процессов.

Политическая практика авторитарных и тоталитарных режимов дает дополнительные аргументы тем политологам, которые стремятся ограничить значение личностных детерминант политики. Они полагают, что если авторитарная политика рассматривает человека как материал для своих политических экспериментов, то зрелая демократическая система должна быть безличным механизмом, который обеспечивал бы человеку его права и свободы независимо от того, какой лидер сегодня во главе государства. Крайним выражением этой позиции являются леворадикальные, анархистские концепции, которые отрицают не только авторитет вождей, но и вообще необходимость любой организованной политической деятельности, сводя тем самым на нет значение разумной личности в политике. На место воли и сознания личности, планирующей и организующей политический процесс, приходят массовые инстинкты.

Однако линия водораздела между приведенными выше точками зрения в прошлом проходила по вопросу о личности рядовой. Основные дискуссии велись вокруг роли политического лидера. Личность рядового гражданина обозначалась, так сказать, во множественном числе, как часть массы. И хотя литература по проблеме личности в политике по-прежнему содержит большое число работ о личностях политиков, их во многом вытесняет проблематика, связанная с обычными гражданами. Вовлечение в политику ранее пассивных слоев населения со всей остротой поставило перед политической психологией и политологией в целом, вопрос о том, как личностные особенности влияют на участие в политике.

Кроме выявления «веса» личности в анализе политического процесса в политической психологии ставится и другая важная задача: понять, каково содержание этого взаимодействия, какие тенденции прослеживаются в разных типах политических систем? В истории политической мысли сложились довольно устойчивые комплексы представлений, получившие свою классическую форму в трудах Т. Гоббса, Г. Спенсера, А. де Токвилля, Ж.-Ж. Руссо и других. Одна из моделей взаимоотношения между личностью и

политикой описывается в терминах «подчинения» личности государству. Необходимость такого подчинения личности мотивируется ее природой: неразумной, эгоистической и потому нуждающейся в контроле. Эта точка зрения идет от Т. Гоббса.

Современные политологи вводят новые мотивы, объясняющие необходимость подчиненного положения личности, мотивируя ее управленческими задачами (Д. Белл, С. Липсет, У. Мур), обеспечением устойчивой демократии (Р. Даль, У. Корнхаузер), достижением большего равенства (Дж. Роулз, Г. Гэнс). Однако общим для всех приверженцев данной модели является представление о политическом регулировании как подчинении личности государству, организации, элите, ограничивающем участие рядового гражданина и его роль в политике. При этом сама личность выступает в роли пассивного объекта управления, нуждающегося в надличностных механизмах, способных обуздать ее несовершенную природу.

Иным представляется характер взаимодействия личности с системой тем политическим психологам, которые следуют за А. Смитом, Г. Спенсером, У. Годвиным, видевших в личном интересе механизм, который приводит в движение и политику. Модель «интереса» предполагает, что и социальный, и политический порядок возникает как естественный результат сочетания интересов разных людей; нужна поэтому не сила подавления, а рациональное осознание индивидом своих выгод от общих усилий. Важнейшим постулатом в этой традиции является рассмотрение личности как активного субъекта политической деятельности. Те либеральные и неоконсервативные теоретики, которые используют эту модель, резко негативно относятся к любым формам коллективности, централизации власти и подчинению ей индивида. Проблемы политического строя, власти и свободы они рассматривают в индивидуалистической перспективе.

«Поведенческая революция» привела к выделению проблемы личности в политике в специальную область в рамках политической психологии. Есть несколько типов исследований, представляющих эту область. Во-первых, это так называемые кейс-стадииз (case studies), или качественные исследования отдельных конкретных случаев, в фокусе которых находятся неповторимые индивидуальности, будь то политик или просто гражданин. Хотя методы, используемые для создания индивидуальных политических портретов, нацелены на раскрытие их уникальных личностных качеств, они отвечают научным критериям. Для этого используются стандартизированные процедуры обработки материалов.

Многие из работ этого типа представляют собой психобиографии политических деятелей. Среди работ психобиографического направления выделяются труды Э. Эриксона о Лютере, Гитлере и Элеоноре Рузвельт, А. Джорджа об американском президенте Вудро Вильсоне, Е. Вольфенштейна о Ганди, Ленине и Троцком. Создана целая галерея портретов, среди которых можно найти практически всех известных мировых политиков: вплоть до Ельцина, Саддама Хусейна и Клинтона. Основная задача кейс-стадииз – дать представление о личности политика, исходя из опыта его первичной

социализации и выводя из него внутренние мотивы политических поступков. При этом, описывая жизненный опыт политика, они, как правило, отвлекаются от общей политической ситуации.

Другое направление изучения личности в политике – агрегативные исследования, напротив, встраивает факты личной биографии политика в исторический контекст самого политического процесса/Такие авторы, как Дж. Кокс, С. Хьюз, М. Блох, Б. Броди, А.Я. Гуревич и другие историки и политологи видят свою задачу не в редукции политических событий к действиям отдельных личностей, но в привнесении личностного компонента как фактора в объяснение исторических событий в политике. Это направление исследует влияние личностных факторов на такие процессы, как войны, революции, национальный характер, политическая культура.

Третье крупное направление представлено типологическими исследованиями. В них предпринимаются попытки классифицировать политических деятелей в психологических терминах от самых примитивных до сложнейших. Основаниями для классификации служат отдельные психологические особенности политиков, свойства их поведения, мышления, стиля межличностных отношений, принятия решения и т. д. Одной из наиболее известных классификаций является схема Т. Адорно, основанная на понятии авторитарности. М. Рокич предложил в качестве основания для типологии политиков такое качество, как догматизм. Д.Трисман избрал две базовые личностные ориентации: на традицию и на внутренние цели. Г. Лассуэлл и Дж. Барбер выделяют политические роли. Лассуэлл предлагает типологию, выделяющую роли «агитатора», «администратора» и «теоретика», а Барбер – «зрителя», «рекламирующего», «сопротивляющегося» и «законодателя».

Обобщая развитие проблематики личности в политике, американский политический психолог Фред Грин-стайн предложил концепцию, определяющую значение личностного фактора в политическом процессе. Его роль становится особенно важной, во-первых, когда появляются абсолютно новые политические обстоятельства, не имеющие аналогов в прошлом. Во-вторых, в сложной и противоречивой ситуации с большим числом неопределенностей. В-третьих, в ситуации, когда есть выбор между разными силами, предлагающими разные политические решения. По мнению Гринстайна, роль личности в политическом процессе тем больше, чем более среда восприимчива к тому, что личность ей предлагает, чем выше позиция человека в политической системе, и чем ярче сила Эго того или иного политика.

Заметим, что сегодня уже не дискутируется вопрос о том, нужны или не нужны исследования личности в политике. Вульгарный психологический редукционизм ранних работ уступил место сбалансированному учету как личностных, профессиональных, так и ситуационных переменных, представленных в мультивариативном подходе.

Феномен личностно-профессионального развития и самореализации выступает фундаментальным приоритетом социальной теории и практики. Он интересует многих исследователей, организаторов различных сфер

деятельности и всех специалистов. В частности Президент Международной академии акмеологических наук Н.В. Кузьмина его определила следующим образом: «Личностно-профессиональное развитие – это качественная характеристика субъекта деятельности – представителя данной профессии, которая определяется мерой владения им современным содержанием и современными средствами решения профессиональных задач, продуктивными способами ее осуществления. Мера этого овладения у разных людей различная, поэтому можно говорить о высоком, среднем и низком уровне профессионализма деятельности представителя той или иной профессии» [47, с. 39].

Руководствуясь акмеологическим подходом, который позволяет целостно охарактеризовать и оценить личностно-профессиональное развитие и самореализацию политика, представляется практически целесообразным использовать его в политической деятельности. Иначе говоря, такой подход дает возможность создать оптимальную модель или «портрет» политического деятеля для определения степени (уровня) его соответствия требованиям его деятельности. С одной стороны, такой «портрет» должен создаваться достаточно крупными «мазками», чтобы целостно и системно охватить все основные черты субъекта политики, отличающие его от людей других профессий. С другой стороны, «мазки на портрете» должны дать ясное и конкретное представление о приоритетности его личностно-профессионального развития. В общей палитре должны быть ясно различимы, но гармонично связаны все вырисованные детали, которые и создают образ привлекательного политика.

Концептуальное осмысление проблемы создания личностно-профессиональной модели современного политика обусловлено рядом обстоятельств традиционного и неординарного характера. Одним из наиболее существенных таких обстоятельств выделяется общий переход страны к рыночной экономике. Рыночные отношения требуют преобразования всех сфер жизнедеятельности общества, и прежде всего функционирования политических институтов. Их приоритетность среди других определяется не только ответственными и нестандартными задачами, которые решают субъекты политики в современных условиях, но и отсутствием достаточных теоретико-методологических, организационных и практических основ разработки и реализации научно обоснованной модели современного политика как ее основного субъекта политической деятельности.

Опыт свидетельствует, что без современных методологических оснований проблема представляется трудноразрешимой. Проблему подготовки человека к компетентному труду нельзя назвать второстепенной для науки. Достаточно отметить, что главное предназначение образовательных заведений всегда состояло в подготовке человека к жизни и труду в избранной или предписанной сфере. Однако последующий самостоятельный труд становился, как правило, и своеобразной школой самостоятельного профессионального становления его субъекта.

Многие исследователи справедливо отмечают, что проблема личностно-профессионального развития и самореализации политиков собственно в научном плане поставлена сравнительно недавно, а в политической психологии выдвигается впервые [7, 32, 107 и др.]. Реальность такова, что в познании и решении этой проблемы ученые и практики руководствуются сложившейся методологической парадигмой. Как следствие такого подхода – каждая наука в отдельности получает и оперирует частичным знанием о сущности данного целостного феномена. Соответствующие им учебные дисциплины доносят эти фрагментарно-парциальные знания до тех, кому они необходимы на практике, – настоящих и будущих политиков.

Однако, не получив изначально целостного конструктивного оформления, такие частичные знания о политике и ее субъектах не только имеют много «белых пятен», но и значительная их часть на практике просто не востребуется. Например, политический лидер, реально сталкиваясь в политической деятельности с проблемой многоплановости политической активности в целостности и взаимосвязанности со всей социальной реальностью, сам интуитивно завершает «доконструирование модели» и подготовку в соответствии с ней к целенаправленной деятельности, политическим отношениям и саморазвитию. Этим он пытается восполнить востребованные практикой знания и деятельностные способности, которые обязаны были сообща выработать концептуально и в деталях все науки, заинтересованные в оптимизации его политической деятельности. Для успешного решения указанной проблемы в целом представляется важным проследить реальное состояние отмеченного круга вопросов, определить концептуальные направления их реализации и раскрыть заложенные в них возможности.

Анализ личностно-профессионального развития и самореализации современных политиков показывает, что проблема профессионализма в политической сфере в настоящее время практически не является предметом исследования всех тех наук, которые занимаются этой проблемой. Общие подходы к ней рассматривались на философском уровне [2, 22, 43, 70 и др.]. Отдельные стороны данной проблемы анализируются психологией и акмеологией [5, 37, 49 и др.].

Изучение практики психолого-педагогических исследований, проведенных за последние годы, показывает, что наиболее продуктивными и приемлемыми для изучения избранного объекта можно считать принципы комплексности, детерминизма, развития, единства внешних воздействий и внутренних условий, активности сознания политика, единство психики и деятельности, субъектно-деятельностный подход. Исследование личностно-профессионального развития и самореализации политика как целостной системы предполагает изучение механизмов ее создания и функционирования, оценку роли и веса каждого из ее элементов, выявление их связей и взаимоотношений, тенденций и возможных направлений совершенствования. Здесь необходимо применение методологических оснований философского, общенаучного и частнонаучного уровней.

Функционирование такой системы – это, по существу, совместная деятельность субъектов политики, участвующих в овладении содержанием всех компонентов политической деятельности и отношений в их целостной взаимосвязи. Объективная потребность в комплексном системно-целостном исследовании проблемы личностно-профессионального развития и самореализации в контексте совокупной политической активности обусловлена рядом причин.

Во-первых, политическая деятельность представляет собой концентрированное выражение совокупности деятельностей, общения, отношений, которые взаимосвязаны и опосредованы целью политики. Высокая продуктивность такого многостороннего труда в решающей степени определяется всесторонней подготовленностью к его выполнению. Следовательно, личностно-профессиональное развитие является объективно необходимой ступенью овладения определенным уровнем профессиональной компетентности.

Во-вторых, определяющая роль субъекта политики в социальной практике обуславливает необходимость всесторонне изучать его как основное системообразующее звено политической системы. Его задачи заключаются не только в выполнении узких функций, но и в эффективном участии во всех сторонах политического процесса. Без знания закономерностей, условий и факторов этого процесса, а также продуктивного личностно-профессионального развития и самореализации в политике при тесном взаимодействии с другими членами политической команды. Такая многоуровневая система политической деятельности и подготовки к ней может быть изучена только при интеграции совместных усилий заинтересованных наук.

В-третьих, новый подход в изучении политика и его деятельности открывает возможность вскрыть не востребованные ранее резервы и возможности политика. Их задействование выражает собой оптимизацию политического труда, которая призвана обеспечить его соответствие политическим целям. Политическая психология, как свидетельствуют многочисленные выводы и оценки экспертов, призвана обеспечить интеграцию теории и практики в решении задач личностно-профессионального развития и самореализации субъекта политики.

Целостный подход предполагает в соответствии с единой методологией комплексное решение задачи исследования, личностно-профессионального развития и продуктивной реализации творческого потенциала субъекта политики. Для этого, как утверждают ведущие акмеологи А.А. Деркач и Н.В. Кузьмина, важно иметь программу и инструментарий, рассчитанные на совершенствование и самосовершенствование профессионализма мышления и деятельности, включающие: изучение результативности политической деятельности (коллективной и индивидуального) его субъектами; моделирование продуктивной, малопродуктивной и непродуктивной профессиональной политической деятельности, позволяющее увидеть самому политику, что и почему он делает лучше или хуже, чем другие; использование

сравнительных моделей в целях обучения и коррекции профессиональной деятельности политиков в интересах совершенствования их лично-стно-профессионального развития; стандартизированный аппарат измерений для изучения процесса политической деятельности и ее связи с результатами; развивающие тренинги [75, с. 6].

Таким образом, политическая психология как ин-тегративная наука использует систему собственных познавательно-развивающих методов и привлекает исследовательский инструментарий смежных наук. Методология познания и развития субъекта политики объединяет три ориентации – естественнонаучную, гуманитарную и технологическую. Это позволяет ей вскрывать комплексный характер взаимосвязей изучаемого объекта и использовать выявленные закономерности более емко и системно. При этом она активно использует математический инструментарий, теорию надежности, методы моделирования и другие эффективные решения смежных наук.

Важная особенность политической психологии, да и самой практики политической деятельности, состоит в том, что в них активно проникают элементы тех-нологизации. Здесь все больше появляется сторонников интеграции технологий познания и практического действия. Это позволяет выявить основные характеристики лично-стно-профессионального развития, основу которого составляет профессионализм.

Профессионализм политика выражает уровень его профессиональной культуры, которая проявляется в политическом процессе и воплощается в его результаты, т. е. он определяет компетентность субъекта политики. Информационное обеспечение данного процесса целесообразно осуществлять в рамках интерпретированной зонной теории, которую предложил Л.С. Выготский [61]. Вся необходимая информация, задачи и технологии политической деятельности разнесены по четырем зонам. К первой зоне (усвоенных знаний) отнесен информационный массив, которым политик владеет или может освоить самостоятельно. Ко второй зоне отнесены задания, которые требуют совместных усилий в процессе лично-стно-профессионального развития. Третья зона предполагает сопряжение с реальной практикой политической деятельности. В четвертой зоне (потенциального развития) сосредоточены информационно-деятельностные, составляющие содержания деятельности политика, которые могут быть освоены непосредственно при ее выполнении.

Личностно-профессиональное развитие выступает основой для дальнейшей продуктивной самореализации политика как субъекта политической деятельности. Сложность состоит в том, каким образом дать ему всестороннюю и объективную оценку. Этому должен способствовать правильный выбор критериев и показателей. Критерий (от греч. *kriterion* – средство для суждения) признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация чего-либо; мерило суждения, оценки. Критерий выражает сущностные изменения в развитии объекта и представляет собой знание предела, полноты проявления его сущности в конкретном выражении. Критерий объективен, ибо он предстает как обнаруженная

сущность. Его формирование происходит на основе результатов анализа изучаемого предмета. Первая сложность состоит в том, что наряду с внутренним содержанием предмета перед нами являются и случайные элементы, отношения. Вторая сложность заключается в том, что исследуемая форма предмета не всегда отражает истинное его содержание.

Встает вопрос о том, до какой степени следует изучать явление предмета, чтобы быть уверенным в достоверности критерия? Это во многом обусловлено целями познания. Обнаружение сущности предмета уже есть его критерий, который можно обозначить «общим критерием». Исследуя далее предмет, мы обнаруживаем отдельные элементы его содержания, структуры, каждый из которых следует рассматривать: во-первых, как часть предмета и тогда обнаружение сущности этой части представляет собой «частный критерий» целостного предмета; во-вторых, как самостоятельный предмет и тогда имеет смысл определить его как «общий критерий». Данный самостоятельный предмет, в свою очередь, имеет свои элементы содержания и структуру, а следовательно, они могут рассматриваться как критерии более глубокого уровня постижения сущности. Следовательно, образуется многопорядковая иерархическая структура критериев предмета, рассматриваемого системно. Итак, критерий представляет собой средство, необходимый инструмент оценки, но сам не является оценкой. Функциональная роль критерия – в определении или не определении сущностных признаков предмета. Критерий – не только средство обнаружения предмета, но средство основания для классификации, группировки предметов их оценки.

Вполне справедлива точка зрения о том, что существует всего один критерий как принцип определения степени значимости, уровня развития конкретного признака, на основании которого производится оценка явления. Невозможно допустить существование двух и более критериев, в противном случае следует признать и неизбежность расхождения и даже противоречия между ними. Но тогда противостоящие друг другу критерии утрачивают присущее им специфическое значение. Они становятся как бы спорящими сторонами, нуждающимися в арбитре. А по своей цели и по логике вещей критерий – сам арбитр. Иначе говоря, недопустимо переносить субъективизм (правильность или неправильность выбора средства для суждения, признака как основания для оценки) на реальный объект.

Большинство ученых и практиков соглашаются с тем, что значения критерия выступают мерилем соответствия выявленного достигнутого уровня объекта своей сущности. Однако не все из них рассматривают объект в совокупности его реальных взаимосвязей и отношений. Политическая психология предполагает видение и учет именно такой его целостности и обусловленности. Наиболее общий критерий, называемый интегральным, как бы синтезирует в себе сущностные изменения нескольких объектов системы, без учета которых невозможно составить полное и правильное представление о всем совокупном объекте.

Критерии, которые синтезированы в интегральный признак, можно по отношению к нему считать частными критериями. Здесь важно отметить, что

смысл интегрального или частного критериев не изменяется. Принципиальное значение имеет возможность создания интегрального критерия как совокупности некоторых частных. Основанием для этого является общий системообразующий признак. Таким признаком обоснованно считается цель, ибо оптимальное решение любой проблемы находится в прямой зависимости от целенаправленной деятельности.

Для личностно-профессионального развития субъекта политики такой целью выступает достижение его соответствия требованиям политической деятельности, обеспечивающее успешное решение политических задач. Представляется, что критерии и показатели выполняют здесь специфичные, только им присущие функции. Следовательно, целесообразно критерии и показатели рассматривать как самостоятельные составляющие единого оценочного блока, которые находятся в определенной взаимосвязи. Учитывая, что выбор критериев и показателей личностно-профессионального развития зависит от многочисленных и в то же время конкретных факторов, актуальными являются положения, раскрывающие требования, предъявляемые к критериям и показателям. Среди них выделяются такие, как высокая надежность, адекватность объективной и субъективной оценок, конкретность, интегративность. Немаловажно и то, что они непосредственно обусловлены характером объекта – целями, задачами, содержанием и организацией политической деятельности. В определенных ситуациях и специфических условиях критериями могут служить эффективность, быстрое действие, точность, надежность, стабильность или иные ведущие признаки политической деятельности.

Таким образом, всесторонний учет требований акмеологического подхода, указывает на то, что критерии и показатели личностно-профессионального развития и самореализации следует связывать с профессионализмом и продуктивностью деятельности политика. Однако не следует упускать из виду то, что политическая психология – это интегративная наука, которая предполагает видение объекта в совокупности всех реальных связей и зависимостей. Не менее существенно, чтобы критерии также учитывали и собственно человека не только как субъекта политической деятельности, но и как индивида, личность и индивидуальность. Это дает возможность рассматривать анализируемый феномен как целостное явление, включенное и развивающееся в системе всех реальных связей, где решающая роль отводится субъекту политики, который интегрирует современные востребованные знания и продуктивную практику. На такой основе представляется возможным разрешение многочисленных противоречий между объективной и субъективной сторонами выбора, в соотношении абсолютного и относительного, целого и частного и др.

Для полного понимания проблемы важно правильно установить соотношение понятий «критерий» и «показатель». Что касается критерия, то о нем сказано достаточно. Показатель выступает по отношению к критерию как частное к общему, то есть каждый критерий включает группу показателей, которые качественно и количественно его характеризуют. Критерий более

стабилен, хотя и отражает развитие сущности. Показатели динамичны. На определенном этапе развития сущности предмета (допустим, от сущности первого порядка к сущности второго порядка) используются одни показатели, но на очередном ее этапе развития некоторые или большинство из них могут быть неприемлемы, так как обнаруженная сущность (критерий) претерпела изменение свойств, признаков. При этом «новая» сущность может соответствовать избранному критерию, но требует в зависимости от степени своего развития иных показателей для оценки. На каком-то этапе своего развития предмет до такой степени изменяет свое внутреннее содержание, что принятый ранее критерий не соответствует обнаруженной сущности и тогда необходим новый подход в определении показателей для собственно иного предмета.

Важно помнить, что критерий и показатели выражают закономерности возникновения предмета или явления, его строения, функционирования и развития, а поэтому обладают устойчивостью при многократном измерении в данном отрезке времени. Различают качественные и количественные показатели, где первые фиксируют наличие или отсутствие измеряемых свойств, признаков, сторон и т. п., а вторые – меру их развития и выраженности. Нормативные показатели служат ориентирами в политической деятельности. Аналитические – отражают отношения, зависимость между несколькими одноуровневыми или разноуровневыми исследуемыми свойствами, сторонами предмета. Нами предлагается системный подход, показывающий иерархию и связи критериев и связей при оценке личностно-профессионального развития и самореализации субъекта политики.

Критерии тесно связаны и непосредственно определяют выбор необходимых показателей. Интегральный критерий выполняет по отношению к показателям методологическую, ориентирующую функцию. Последние же своим конкретным содержанием обогащают интегральный критерий.

Выбор стратегии профессионализации и самореализации субъекта политики предполагает установление ведущего принципа, основного правила, то есть выбор критерия. Такой критерий позволяет сопоставить различные стратегии и осуществить наилучшую из них, а также обеспечить последующую оптимизацию политической деятельности в соответствии с выбранной стратегией. В целом можно утверждать, что показатели личностно-профессионального развития и самореализации выступают в роли инструмента для оценки, а критерий – выбор и обоснование ее показателей, которые выражают (измеряют) степень соответствия реального личностно-профессионального развития и деятельности политика требуемому уровню, а также выделение выбранных показателей для конкретных условий и ситуации в политике.

Использование данных обобщений и выводов ориентирует на системно-целостное и в то же время конкретное оценивание анализируемого феномена в сфере политики. На этой основе целесообразно проводить оценивание функционирования и продуктивности профессиональной деятельности субъекта политики, в которой раскрывается степень его компетентности, что

предполагает обязательное определение конкретных критериев и показателей. Продуктивность мы соизмеряем с эффективностью. При этом под эффективностью политической деятельности следует понимать степень ее соответствия своему назначению, ее структурно-функциональное совершенство, надежность и экономическую целесообразность. Показатели эффективности развития и деятельности политика образуются объединением множеств показателей, характеризующих конечный результат, этапы и стороны этого деятельностно-развивающего процесса в сфере политики.

Результаты исследования позволили сформулировать основные признаки личностно-профессиональной модели политика. Она отражает совокупность взаимосвязанных характеристик его творческого потенциала, которые обеспечивают ему успешно выполнять политическую деятельность. Основными признаками, или критериями, которым должны соответствовать отмеченные характеристики, выступают знания, умения, навыки, индивидуальные психологические особенности (качества), профессиональные позиции и акмеологические инварианты.

Профессиональные знания, как объективно необходимые сведения о всех сторонах (блоках) политической деятельности, складываются из востребованных политической практикой общих и профессиональных компонентов. Они выступают необходимой предпосылкой для формирования всех остальных характеристик субъекта политической деятельности.

Знания о профессиональной деятельности политика обеспечивают получение осведомленности о ней как о его целенаправленной активности, процессе реализации функций и обязанностей как субъекта политики. Совпадение выдвигаемых целей и задач с его личностными позициями и качествами выступает принципом и условием продуктивности его политических действий по реализации должностных функций и обязанностей. Ему надо знать, что для успешной деятельности необходимы достаточно сформированные профессиональные знания, навыки, умения, психологические качества, личностные позиции и акмеологические инварианты.

В этой деятельности политические цели и задачи достигаются в целостном деятельно-коммуникативном процессе. Ее психологически полная структура включает мотивационно-целевое звено, целостный ансамбль профессиональных действий и аналитический контрольно-оценочный элемент. Системная архитектура политической деятельности складывается из структурно-функционального компонента, алгоритма и технологии выполнения профессиональных действий.

Алгоритм этого процесса включает уяснение политических целей и задач, изучение политической ситуации и обстановки, принятие политического решения; планирование работы по реализации решения и организация его исполнения; анализ результатов и оптимизация профессиональной деятельности субъекта политики. Знание им общего, особенного и конкретного в структуре, содержании и практике политической деятельности выступает необходимой предпосылкой ее успешного осуществления.

Профессиональные умения и навыки представляют собой действия и «техники» выполнения политических задач субъектом политической деятельности, применяемые им для реализации обязанностей и функций в политическом процессе. Они выступают исходными элементами целостной системы технологии политической деятельности.

Профессиональные умения навыки субъекта политики, как объективно необходимые качества для его успешной деятельности, включают обширный арсенал его действий и «техник» по выполнению практических задач, функций и обязанностей. Ему необходимо уметь всесторонне анализировать политические цели и задачи, планировать и продуктивно осуществлять практическую деятельность по их реализации в соответствии с законами и политическими решениями, прогнозировать и анализировать реальные результаты профессиональной деятельности и добиваться ее оптимизации. Важно уметь разобраться в приоритетах и успешно осуществлять в первую очередь те из них, которые являются определяющими.

Специфические психологические особенности (качества) политика выражают сформированность всех компонентов его психики – процессов, свойств, образований, состояний. Их специфический характер определяется как индивидуальными психофизиологическими особенностями, так и особенностями условий и факторов политической деятельности, всей социальной реальности.

Психологические особенности (качества) политика представляют собой совокупность общих психологических свойств личности: аналитико-конструктивного склада мышления; эмоционально-волевой стабильности; стрессоустойчивости и адаптированности к экстремальным условиям и факторам политического процесса; эмпатии и рефлексии; общей психофизиологической активности. Конкретная дифференциация политических профессий предъявляет требования и узко специфического характера. Они обуславливают необходимость сформированности наряду с общими качествами и конкретно специальных, которые позволяют успешно выполнять субъекту политики управленческие, коммуникативные, организационные и другие функции и обязанности.

Психологические качества позволяют субъекту политики овладевать самобытным стилем и реализовывать знания, умения, позиции в политическом процессе в интересах достижения намеченных целей и задач. Для политика важное значение имеют такие качества, как эмпатия, искусство убеждать, доступность, коммуникабельность и способность поддерживать открытую обратную связь, авторитетность, соответствие должностному статусу. Здесь недопустимы бюрократизм, конфликтность, агрессивность, мизантропия, неспособность противостоять негативным установкам и стереотипам.

Профессиональная политическая позиция в политике выражает устойчивые установки и ориентации, систему отношений и оценок внутреннего и окружающего опыта, реальности и перспектив, а также собственные притязания, реализуемые (не реализуемые, частично реализуемые) субъектом

политики в процессе деятельности. Они включают общеполитический, корпоративный и личностно-профессиональный аспекты.

Профессиональная политическая позиция определяет направленность, место и роль субъекта политики в политическом процессе. Она выступает своего рода мерой конгруэнтности, соответствия политика требованиям политической деятельности. Если в основу общей ориентации положены социально-значимые ценности, а политическая деятельность признана и принята в качестве жизненно важного приоритета, и если практические действия являются воплощением современной политической культуры, лучших традиций и продуктивных инноваций, то в профессиональной позиции политика фокусируются основные личностно-профессиональные его и выполняемой деятельности. Она выступает базой и главным вектором, определяя характер и результаты деятельности и общения политика. Такие характеристики его позиции, как гуманизм, социально-ценностная ориентация, психолого-педагогическая компетентность, служебная этика обеспечивают ему успех в труде и дают возможность разрешать противоречия, возникающие при реализации принципов субъект-субъективных отношений в политическом процессе.

Акмеологические инварианты политика представляют собой такие компоненты структуры личностно-профессионального развития, которые обуславливают его активность в достижении сверхнормативных результатов в политическом процессе, которые ранее не были востребованы.

Исследования показали, что в числе основных таких детерминант, определяющих продвижение политика к собственным вершинам в политическом процессе, выявлены предвидение, проницательность, личностные притязания, мотивация достижения, развитая способность к политическому прогнозированию, постоянная включенность в процесс принятия решения, саморегуляция и др.

Применительно к деятельности субъекта политики все данные показатели приобретают конкретное звучание через множество показателей, характеризующих вероятности выполнения задач (частных и главных) ; множество показателей, характеризующих средние значения достигаемых результатов; показатели, имеющие качественный смысл; показатели, характеризующие степень подготовленности деятельности; показатели степени успешности выполнения действий и деятельности в связи с основными реализуемыми функциями; подмножество показателей, характеризующих способность субъекта политики анализировать результаты деятельности и вносить коррективы на ее последующие периоды; степень всестороннего владения моделью, алгоритмом и технологией политической деятельности; стабильность результатов политической деятельности; оперативность, непрерывность, гибкость, живучесть, восстанавливаемость способности действовать; степень успешности деятельности в ординарных и экстремальных условиях, а также степень владения смежными видами деятельности подчиненных, сопряженных по деятельности и др.

Принципиальное значение имеет следующее замечание. Если по данным показателям целесообразно оценивать результаты политической деятельности, то принятие решения о ее выполнении осуществляется в соответствии с показателями пригодности, конкурентоспособности, оптимальности.

Все отмеченные показатели имеют важное значение для правильного определения системы критериев и показателей, непосредственно касающихся личностно-профессионального развития и самореализации субъекта политики. Это оценочное критериальное основание может быть представлено в различных формах. Наиболее приемлемой такой формой является акмеограмма политика. Она, как критериальный модуль, может быть использована для оценивания уровня продуктивности личностно-профессионального развития политика. Исходя из практической целесообразности, выделим в нем основное содержание принятых показателей.

Все отмеченные признаки в критериальном модуле взаимосвязаны. Содержание личностно-профессиональной модели (образа) политика в общих чертах включает характеристики его психологического ресурса и свойств личности, психические процессы, характер, темперамент, устойчивые психические состояния; мотивационно-деятельностные характеристики как активного субъекта политического процесса (профессиональное самосознание, направленность, стиль политической деятельности и др.); умение в любых условиях последовательно оставаться на позиции, обусловленной непреходящей значимостью политической цели; умение развивать и реализовать способности и творческий потенциал в сфере политической деятельности, общения и отношений; умение преодолевать недееспособные стереотипы и осуществлять продвижение к вершинам профессионализма; способность добиваться оптимальности политических связей и взаимоотношений в рамках целостного деятельностно-коммуникативного процесса для продуктивной реализации социально-ценностной Я-концепции. Сопоставление с ними реальных характеристик политика указывает на то, что они не одинаковы по значимости, удельному весу. Результаты исследований политической деятельности указывают на то, что значительная часть современных политиков не достигает в ней своих вершин.

Только 6% политиков федерального уровня ориентируется на достижение своего АКМЕ в личностно-профессиональном развитии и продуктивной самореализации. Этому во многом препятствуют реальные трудности. Барьеры объективного характера присутствуют в социально-экономических условиях и в практике политической деятельности (в частности, отсутствие целостной концепции оптимизации политической деятельности). Носителем субъективной грани трудностей политической деятельности выступает конкретный политик.

Сопоставление основных личностно-профессиональных качеств с параметрами модели эффективного политика указывает на их значительное несоответствие и наличие достаточного резерва у большинства российских политиков для продвижения к более высоким уровням профессионализма. Для продуктивного развития и использования этого резерва требуется создание соответствующих условий.

В психологии в качестве значимых условий выделяются задатки, общие и специальные способности, наследственность, условия воспитания (семейного, школьного), образование в профессиональных учебных заведениях, реальная среда, требования к политической деятельности и другие. Все они могут быть представлены как необходимые и достаточные. Необходимыми условиями являются те, которые имеют место всегда, когда обеспечивается продуктивная политическая деятельность. Достаточными условиями считаются такие, которые непременно вызывают активную и эффективную творческую самореализацию политика. Очевидно, что в первую очередь необходимо вести речь об обеспечении необходимых условий. К важнейшим из них политическая психология относит общественно-исторический запрос на соответствующего политика и особенность его деятельности, их высокий профессионализм. Формально он должен быть подкреплён законами и другими нормативными актами, созданием в обществе атмосферы, способствующей формированию талантливых политиков, профессионалов своего дела.

Необходимыми условиями также являются демократизм и открытость общества, обеспечивающие равные возможности по доступу к культурным ценностям, поддерживающие социально-личностную заинтересованность политиков в продуктивном личностно-профессиональном развитии и самореализации. К необходимым условиям также относится наличие действенной системы профессионализации и стимулирования результатов политической деятельности.

Перечисленные условия и факторы являются общими и носят ориентировочный характер. Они применимы к субъектам политики и могут быть декомпозированы и представлены совокупностью условий более низкого порядка. Вместе с тем, перечисленные общие условия, отнесенные к категории необходимых, должны быть обязательно выполнены, если ставится задача достижения действительно высокопродуктивной политической деятельности.

О достаточных условиях имеет смысл говорить только в случае выполнения необходимых условий. В частности, к ним могут быть отнесены: престижность и комфортность труда в политической системе, эффективное социально-психологическое обеспечение деятельности политика и ряд других.

В числе основных условий достижения вершин политиком в личностно-профессиональном развитии и самореализации в политической деятельности предполагают создание для этого благоприятных внешних и внутренних предпосылок. Это обеспечивает его соответствие требованиям профессии и устойчивое продвижения к вершинам профессионального совершенства. Понимание и принятие субъектом политики стратегии достижения вершин в личностно-профессиональном развитии и следование логике продвижения к ним предполагает прохождение им ряда этапов, каждый из которых означает достижение нового уровня профессионализма, а именно: профессиональной адаптации и становления как субъекта политического процесса; обеспечение стабильности в политической деятельности; восхождение к профессиональному мастерству; достижение вершин профессиональной компетентности, т. е. творческой продуктивной политической самореализации.

Важным условием решения этой задачи в личностно-профессиональном развитии и самореализации субъекта политического процесса выступает разрешение принципиальных противоречий. Они носят преимущественно субъективно-личностный характер и проявляются как:

- противоречие между стремлением политика к овладению политическим искусством и необходимостью преодолевать при этом значительные трудности;
- противоречие между теоретической и практической подготовкой в области политики;
- противоречие между усвоенными научными знаниями в области политики и неумением применять их в политической деятельности;
- противоречие между растущими требованиями к политической деятельности и малоэффективностью личностно-профессионального развития политиков;
- противоречие между ростом интенсивности и информативности политического процесса и стереотипными подходами многих современных деятелей по самореализации в нем как субъектов политики.

При этом имеют место и другие противоречия между: многоаспектным функционированием личностно-профессиональных качеств, которое детерминировано профессиональной позицией и сложившимся подходом к их формированию, как к второстепенному фактору; спецификой политических навыков, умений и профессиональных позиций как основы политической деятельности и неадекватной ей действующей системой формирования; актуальностью личностно-профессиональной модели политика и отсутствием условий для реализации заложенного в ней потенциала.

Знание противоречий, присущих личностно-профессиональному развитию и самореализации политиков, а также факторов и условий, которыми они обусловлены, позволяет полнее привлекать потенциал модели современного политика для совершенствования его деятельности.

Предлагаемая модель позволяет наиболее полно учесть действие и других реальных условий и факторов. К их числу можно отнести и те, которые определяются характером морфологии и аксиологии политической деятельности, а именно: объективные факторы, связанные с реальной последовательностью в деятельности; субъективные факторы, связанные с субъективными предпосылками успешной деятельности (мотивы, направленности, способности, удовлетворенность и др.); объективно-субъективные факторы, связанные с организацией профессиональной среды в сфере политики. На уровень личностно-профессионального развития, как отмечают политические психологи и акмеологи А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, А.А. Реан и другие, влияют: высокий уровень мотивации, потребность в достижении неординарных результатов, профессионально-личностные стандарты, самодвижение к вершинам профессионализма. Особенности и единичные факторы определяются целями и особенностями конкретных профилей политической деятельности, персонала, непосредственно самого политика.

В числе факторов, существенно влияющих на характер личностно-профессионального развития и самореализации субъекта политики, особое место занимает мотивация профессионального самосовершенствования, в которой ведущими мотивами выступают такие:

а) творческо-процессуальные: удовлетворение от собственного саморазвития; интерес к политической деятельности; установка овладевать новыми политическими знаниями, подходами, алгоритмами и технологиями;

б) социально-ценностные: желание стать высокопрофессиональным политиком, чувство моральной ответственности перед обществом, конкретной политической структурой, лично значимыми людьми, стремление завоевать авторитет и лидерство в политическом процессе и др.;

в) субъектно-важные мотивы: интересы продвижения по ступеням политической иерархии; стремление быть политическим лидером, востребованным обществом и конкретным коллективом; нацеленность на признание своей значимости и результатов политической деятельности;

г) мотивы достижения и избегания неприятностей: требовательность со своей стороны и со стороны и коллектива; желание работать так, чтобы не критиковали; осознание неизбежности отчетности и контроля. Отмеченные мотивы существенно влияют на формирование высоких уровней продуктивности в личностно-профессиональном развитии и самореализации субъекта политики.

Следует заметить, что все перечисленные группы мотивов тесно связаны между собой и могут находиться как в равном, так и в соподчиненном по отношению друг к другу положении.

Одно из новых, но тем не менее приоритетных направлений личностно-профессионального роста субъектов политики выступает их гуманитарно-технологическое развитие. Желаемый результат этого более универсального подхода – подготовка действительно широко образованных, творчески и критически мыслящих субъектов политики объективно анализирующих сложные проблемы жизни общества и природы, а значит, способных к поиску и реализации новых решений насущных проблем. Новые подходы должны быть нацелены на преодоление противоречий в развитии у человека целостного комплекса индивидуальных, личностных и субъектно-деятельностных характеристик, обеспечивающих формирование у него способности к самопознанию, саморазвитию и самореализации. Особый смысл приобретает формирование и развитие у субъекта политики способностей к овладению техниками самовоздействия и технологиями управления деятельностью и людьми на гуманистической основе. Постановка и решение обозначенных проблем возможны при опоре на разработку современной концепции гуманитарно-технологического развития. Ее основные положения выдвинуты в научной школе профессора А.С. Гусевой и сводятся к следующей концепции.

Феномен гуманитарно-технологического развития (ГТР) изучается как междисциплинарное явление в рамках психологической науки, в частности, на стыке общей, социальной, возрастной, педагогической, военной психологии, психологии управления и труда. Гуманитарно-технологическое развитие

субъекта политической деятельности является следствием современных процессов гуманизации, гуманитаризации и техно-гизации, присущих преобразованиям развивающегося Российского общества.

ГТР интегрирует естественнонаучные, социальные, технологические знания в целостное психическое образование человека, развивает психосоциокультурную (человеческую, личностную, деятельностьную) сущность человека как субъекта профессиональной деятельности. Гуманитаризация исключает односторонность и фрагментарность личностно-профессионального развития политиков, придает ему комплексный, программно-целевой, целостный характер. Техногизация обеспечивает технико-технологическими средствами гуманитарное по содержанию развитие субъектов политики в целях повышения гуманистического эффекта в их деятельности.

Правомерность использования понятия ГТР обусловлена, с одной стороны, сущностью и целями развития политика как индивида, личности, субъекта политической деятельности, индивидуальности на пути его продвижения к профессиональному совершенству. Понятие ГТР имеет смысл как системной целостности, детерминизма и используется в контексте профотбора и его оптимизации, когда речь идет о непрерывной профессионализации субъектов политики. При анализе их профессионализации в данной системе ГТР понимается как «процесс», так как речь идет о способах выражения субъектом гуманитарно-технологических знаний, культуры, образованности, способностей, а также о средствах, способах ориентации и адаптации к политической сфере.

С другой стороны, ГТР – процесс социокультурных, личностных, профессиональных изменений субъекта политики. Эти изменения согласуются с определяющими их закономерностями. Учет изменений ГТР на протяжении деятельности обеспечивает содержание исследования, развития и перевода их убеждения, ценностей, мотивов в устойчивые нормы политического поведения и деятельности.

Гуманитарное преобразование самого субъекта политики, возможно только за счет техногизации используемых в этих целях средств и способов деятельности, включающих необходимые знания, способности, умения, навыки, процесс и стиль самореализации. Интеграция гуманитарной культуры и технологии как «мастерства», «искусства» эффективной организации всей профессионализации, обеспечивает гуманитарно-технологический способ деятельности по решению политических задач. Культура и технология – описываются взаимообусловленными понятиями, интегративной сущностью которых является феномен «гуманитарные технологии». Именно овладение ими мы рассматриваем как ключевое условие оптимизации личностно-профессионального роста.

Выполнить социальный заказ и удовлетворить потребности общества на основе мониторингово-рейтинговой технологии эффективного личностно-профессионального роста политиков с учетом современных требований можно обеспечить на научных и практических основах ГТР. Теоретические и

практические основы ГТР базируются на закономерностях развития социальных, психических (на уровне личности) и технологических (на уровне деятельности) компонентов целостного процесса профессионализации. Ее цель – подготовить социально успешных субъектов политики и привитие потребности в самосовершенствовании, используя возможности гуманитарных технологий (ГТ).

Согласно критериям теоретической модели ГТР, которую предложили в акмеологической школе А.С. Гусева и др., субъекты процесса профессионализации базируются на мировоззренческих ценностях и общечеловеческих идеалах, нравственных принципах политической деятельности. Непосредственно для оптимизации гуманитарно-технологического развития важно включать базовую психофизиологическую, мотивационно-ценностную и культурологическую подготовку субъектов политики. Специализированный модуль содержит сведения из различных областей профессиональной деятельности. Содержание теоретико-прикладного модуля согласовывается с функционально-ролевой направленностью и деятельностью субъектов политики. Опора на общетеоретические и прикладные психолого-педагогические знания – одно из условий ГТР политиков.

Технологическая модель ГТР учитывает тенденции развития системы профессионализации, развития личности и деятельности, которые представлены соответствующими гуманитарными технологиями. Содержательные, структурные и процедурные характеристики технологической модели рассматриваются как приемлемый эталон, моделирующий строение, функции уровневых систем профессиональной деятельности и включают интерпретацию характеристик субъекта политики. Сущность и специфику ГТ характеризует процесс всестороннего познания, направленного на самого субъекта технологии, его деятельность выявление расхождений и приведение личностно-профессиональных характеристик политиков в соответствие с требованиями политической деятельности.

Базовыми понятиями ГТР в процессе ППО являются гуманитарно-технологическое знание, гуманитарно-технологическая культура, гуманитарно-технологическая образованность, гуманитарные технологии, обеспечивающие эффективную профессионализацию политических кадров. Гуманитарно-технологическая культура, как часть общей профессиональной культуры политика, содержит интегративные сведения из различных областей человекознания, позволяющих использовать гуманистические средства и способы достижения целей эффективной профессионализации.

Будучи ценностным, мировоззренческим и духовным критерием субъектов политики, ГТР приобретает смысл практических поступков и действий в конкретных технологических способах освоения политической деятельностью. Гуманитарно-технологическая образованность – показатель профессиональной зрелости субъекта политической деятельности, характеризующий его личностно-профессиональные качества и способности, знания и умения, психическое здоровье и устойчивость, необходимые ему для

продуктивного участия в политическом процессе. Гуманитарные технологии – способы, механизмы, реализации гуманитарных знаний, образованности, культуры субъектов образовательного процесса.

Для успешной политической деятельности ее субъекту необходимы гуманитарно-технологические знания.

Они являются условием их оптимального развития, благодаря которым процесс развития осуществляется наиболее эффективно и технологично. Эти знания содержат информацию о политической сфере, целостности Я-концепции политика, как индивида, личности, субъекта политической деятельности, индивидуальности, а также о средствах, способах освоения деятельностью, методах воздействия и самовоздействия.

Функцию специального алгоритма в моделировании ГТ выполняет интегративно-технологический подход, с помощью которого определяются система мер, этапов, операций, средств обучения, развития и деятельности субъекта политики. Гносеологический (теоретический) алгоритм моделирования обеспечивает состыковку результатов, получаемых в ходе моделирования, с характеристиками оригинала или эталона. Алгоритм теоретико-прикладного моделирования интегрирует наличное и желаемое (идеальное) состояния субъекта (качества, способности) и объекта (параметры, условия) технологии в соответствии с целью и задачами технологизации. Алгоритм практического моделирования позволяет определить эффективность применяемых средств и способов деятельности посредством выявления конкретных умений и навыков субъекта технологии.

Как механизмы проектирования и внедрения в деятельность технологий, алгоритмы моделирования придают деятельности субъекта политики осознанный, научно обоснованный характер. Как субъект ГТ, политик одновременно выступают источником активности (психической, личностной, адаптационной, профессиональной). При моделировании ГТ учитываются: закономерности, характеризующие возрастные изменения, влияние пола на психологические особенности, взаимосвязь конституционных свойств организма и психофизиологических характеристик; психическая активность индивида; сила нейродинамических свойств психики в процессе личностно-профессионального развития и политической деятельности.

Алгоритмизация сведений о субъекте политики позволяет использовать при разработке ГТ компоненты социализации, конкретизирующие его системные качества, субъективный уровень включенности в условия и ситуации политической сферы. Для этого используются сведения о нем как субъекте самопознания, саморазвития, самореализации в жизнедеятельности и политической деятельности, общении. Отнесение перечисленных психологических компонентов к его личностной сфере без учета интегративно-технологических характеристик не обеспечивает реализацию личностных возможностей. При моделировании ГТ требуется всесторонний учет свойств личности как целостности, уникальности, неповторимости и самобытности.

В целях развития гуманитарно-технологической [культуры субъектов политики важно реализовать системный подход, который обеспечивает

комплексное развитие гуманитарно-технологической культуры у политиков. Их профессионализм предполагает овладение творчеством. В профессионализме самосовершенствования важным является осознание тех изменений, которые необходимо произвести в своей личности. Без активной позиции по отношению к себе, без установки и постоянного самосовершенствования нет подлинного прогресса в развитии личности политика. Умение оценить себя, исходя из требований профессии, очень важно в процессе становления и деятельности политика в объективном мире.

Самосовершенствование подразумевает личностные изменения, возникновение иных взглядов, новых ощущений. Эти изменения личности и являются развитием «Я-профессионального». В понятие «самосовершенствование» входят развитие мастерства, мотивации, решимости, осознание своего «Я-политика» и цели в жизни. Целенаправленное формирование самооценки является необходимым компонентом самосовершенствования. На процессуально-ситуативном уровне самооценки самовоспитание возможно лишь в виде исправления отдельных поступков; качественно-ситуативный уровень обуславливает ограничение программы самосовершенствования разрозненными актами поведения. Лишь качественно-динамический уровень развития самооценки позволяет осуществлять самосовершенствование как осознанный, планомерный, активный процесс.

Таким образом, целенаправленное формирование объективной оценки и самооценки является одной из важнейших задач в процессе личностно-профессионального развития, самосовершенствования в политической деятельности. Целенаправленное формирование оценки и самооценки должно осуществляться на основе комплексного использования ряда приемов и средств их коррекции с учетом принципа единства.

Принимая во внимание сложную многокомпонентную структуру ГТК и отсутствие «чистого» факта ее проявления, для получения качественно-количественной характеристики уровня ее сформированности следует привлекать обширный психолого-педагогический инструментарий. Отличительной особенностью применения средств и методик является то, что кроме достижения цели диагностики, они одновременно являются развивающими. Использование указанных диагностико-развивающих процедур активизирует способности, участвующие в развитии ГТК.

Процесс развития ГТК предполагает активную деятельность как минимум по трем направлениям. Развитие способностей и личных качеств, составляющих основу ГТК. Развитие способностей, реализующих функцию познания других людей. Главная роль в развитии этого вида способностей принадлежит обучению, которое сочетает в себе учебную и игровую деятельность. Специфика его заключается в целенаправленной организации деятельности субъектов политического процесса. Развитие коммуникативной и диагностико-аналитической подготовленности, психологических знаний, включенных в содержание ее структурных компонентов. Развитие основных творческих компонентов, выделенных в структуре ГТК. Группы специальных умений (организационные, гностические, проектировочные и умения

самовыражения), входящие в структуру ГТК, отражают индивидуальные особенности при осуществлении процесса социальной перцепции.

Таким образом, теоретический анализ общенаучных и психологических знаний, современной политической практики по вопросам личностно-профессионального развития и самореализации политика позволил разработать его модель и определить основные трудности и условия использования ее потенциала на практике. При этом не следует упускать из виду гуманитарно-технологическое развитие.

5.3. Имидж и авторитет субъектов политической деятельности

Осмысление опыта политической деятельности убедительно показывает, что без авторитета политика и его эффективного имиджа, он с большими затруднениями способен выполнять возложенные функции и ответственную миссию быть руководителем в конкретной социальной структуре. Поэтому представляется актуальным проанализировать эти две интегративные психологические характеристики политика как субъекта политической деятельности, который прежде всего выступает в роли лидера или руководителя. Прежде всего, раскроем сущность и психологические признаки имиджа современного политика.

Одним из важнейших условий ведения эффективной политической деятельности любого уровня является формирование привлекательного (иногда такой имидж называют действенным, эффективным, удачным) политика, кандидата на высокую выборную должность. Высокая значимость привлекательного имиджа такова, что некоторые авторитетные специалисты связывают с созданием привлекательного имиджа, интегрируя все имеющиеся условия и факторы в двучленную формулу: «известность политика или кандидата + эффективный политический имидж». Известный американский специалист по созданию имиджа Р. Прайс, бывший помощником и имиджмейкером президента США Р. Никсона, постоянно подчеркивал: «...избиратель реагирует на образ, а не на человека. Значение имеет не то, что есть, а то, что проецируется, и не столько то, что проецируется, сколько то, как избиратель воспринимает. Потому мы должны менять не человека, а производимое им впечатление».

Бесспорно, все это играет немаловажную роль. Поэтому учитывать данный феномен надо обязательно, но все сводить к внешним данным было бы неверно, ведь о личности мы судим не только по ее внешности, но прежде всего по характеру ее общения, поведению и отношениям.

С проблемой формирования привлекательного или эффективного имиджа россияне впервые столкнулись в начале 90-х годов, когда у нас в стране открыто были применены западные избирательные технологии. Красивое емкое слово «имидж» сразу привлекло внимание, быстро и прочно вошло в наш не только профессиональный, но и бытовой лексикон, вытеснив русские синонимы. Не замедлили появиться публикации по проблеме политического имиджа, причем не только переводные, но и отечественные. Среди них не так уж много конструктивных, помогающих решать практические задачи.

В этом случае неоценимую помощь может оказать психология, ведь имидж хоть и формируется под конкретные политические цели, но содержание имеет сугубо психологическое, так как имидж – это не что иное, как специально создаваемый психический образ. А проблема психического образа детально изучена в психологии, достаточно назвать хотя бы несколько направлений исследований, в которых разрабатываются проблемы, имеющие отношение к имиджу, – социальная перцепция, образная сфера личности, психология восприятия, психология отношений, индивидуальное и групповое сознание и многое другое.

Используя знания этих направлений психологии, анализируя деятельность успешных политиков (ведь любая деталь, будь то жест, мимика, интонация, активность, доминирующие эмоции обязательно будут характеризовать ту или иную сторону личности политика, его мотивы поведения, отношения, в том числе и «сконструированные»), характер их общения, публичные акции, можно определить так называемый «событийный ряд», специально организованный подданный политический имидж, а следовательно, и его содержание. Такие знания позволят также сконструировать имидж, осуществлять его целенаправленную коррекцию, независимо от этапа политической деятельности. В научно-практическом плане это, безусловно, непростая, но нужная задача. Решив ее и обнародовав результаты, открыв имиджмейкерские технологии, их так называемые «ноу-хау», можно надеяться, что немало достойных людей смогут сильнее проявить себя в политической деятельности с большой пользой для страны.

Психологическое содержание, общие требования, условия формирования политического имиджа

Важно осознавать, что имидж – это манипулятивный психический образ, причем обладающий большой регулятивной силой. Имидж призван влиять больше не на сознание избирателя, а на его эмоциональную сферу и уровень бессознательного. А вот авторитет или репутация – это категории рассудочные, чтобы сделать какое-либо заключение нужна аргументация. Имидж же основан скорее на вере, чем на анализе, размышлении и убеждении, на эмоционально окрашенным пониманием причин. Чтобы более глубоко разобраться в этом, обратимся сначала к существующим ключевым понятиям и определениям. Базовым является собственно понятие имиджа.

Имидж (от англ. image) – сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо (в нашем случае – политика).

Рассмотрим психологические основания деятельности, направленной на создание эффективных имиджей. Эти основания непростые и определяются сущностными характеристиками имиджа. В психологии бытует мнение, что по своей сути имидж – это «реальность мнимого пространства». Данную идею надо пояснить. Считается, что мы одновременно живем как бы в двух мирах – реальном и мнимом (иллюзорном). В реальном мире (его еще называют истинным психологическим пространством) существуют явления, происходят события, действуют люди, доминируют отношения, смысл, значения и

характеристики которых адекватно соответствуют их истинному содержанию. В нем нет искажения, лукавых версий.

В мнимом же мире реальность искажается, преподносится специально в соответствии с какими-то целями и интересами. Поэтому полностью справедливо утверждение, что человек на протяжении всей своей жизни постоянно находится под действием манипулятивных воздействий. Ему дается не истинная информация, а ее образы, соответствующие чьим-то интересам. Поэтому и мир он (или многие) воспринимается сквозь призму внушаемых установок. В частности, во время избирательных кампаний, как упоминалось, конкурируют не политики, а их имиджи.

Мир иллюзорный обладает высокой регулирующей силой, а поэтому и влиянием на людей. Это происходит вследствие того, что он буквально наполнен психологическими воздействиями. Но дело не только в этом, – он еще психологически гораздо комфортнее, чем реальный мир. По данным Г. Почепцова, мнимый мир обладает следующими характеристиками, обуславливающими его влияние: он принципиально непроверяемый, следовательно, в нем меньше разочарований; там много чудесного, привлекательного; он иррационален, поэтому принимается как данность; в нем внутренняя целостность и непротиворечивость, он по-своему гармоничен; в этом мире существует иная иерархия, на которую мы сами можем влиять по произволу, что повышает самоуважение [103]. В психологическом отношении очень важно, что следование ценностям мнимого мира освобождает от мук выбора и ответственности – человек ведет себя так, как ему подсказывают, как ведут себя привлекательные и успешные персонажи (скажем, кумиры или герои рекламы и пр.).

В любом обществе все люди на протяжении всей своей жизни живут одновременно и в реальном и мнимых мирах, часто переходя из одного в другой. Если человек ориентирован на мир реальный, то его отличает высокая степень самостоятельности, низкий конформизм, рациональный ум, критичность мышления. Такие люди проницательны, они практически не поддаются манипулятивным воздействиям. Если же человек ориентирован на мнимые миры, то он живет под влиянием внушенных установок, подвержен влиянию окружающих, критичность мышления у него невысокая, собственное мнение является проекцией мнений кого-то. Заметим, что такой человек с точки зрения некоторых политиков и политических технологов является идеальным избирателем, на «формирование» такой личности и направлена их деятельность.

Мир реальный и мнимый имеют разные измерения, в них функционируют разные законы, но тем не менее, они иногда совпадают или пересекаются, между ними существует взаимодействие. Данные совпадения и пересечения могут иметь объективный или субъективный характер. В первом случае опять же кому-то выгодно не искажать информацию, во втором – помогает здравый смысл. Существует гипотеза, что взаимодействие между этими мирами осуществляется по схеме: «метафора (выразительный образ времени, ситуации) – герой (олицетворяет реальность и время или борется с ней) – знак (в том

числе влияют характерная внешность, поведение, символика)». Имидж – это реальность мнимого мира, в которой есть что-то метафорическое, знаковое и символическое. Это образ человека, который обязательно должен вызывать симпатию и доверие, независимо от его истинных личностных черт, хотя в степень их близости может быть различной – от практически полного совпадения до противоположности. Хотя бывают и совсем обратные задачи.

Исходя из данного понимания психологической сущности политического имиджа, следуют его важные отличительные особенности, которые необходимо учитывать при его создании. Во-первых, политический имидж должен обязательно формироваться под конкретную задачу. Во-вторых, в научных исследованиях неоднократно отмечалось, что имидж в большинстве случаев должен соответствовать социальным ожиданиям масс – это главнейшее условие формирования эффективного политического имиджа. Социальные ожидания (или экспектации) – это система ожиданий и требований относительно норм исполнения лидером социальных ролей и соответствующей им деятельности. Это разновидность социальных санкций, упорядочивающих систему отношений. Социальные ожидания проявляются двояко: как право ожидать соответствующего поведения и обязанность вести себя в соответствии с социальными ожиданиями. Социальные ожидания формируются на базе несоответствия «того, что есть, с тем, как хотелось бы». Несоответствие касается обычно деятельности лидеров, руководителей. Чем больше это несоответствие, тем сильнее желание иметь иного лидера.

Итак, если деятельность власть имущего лидера оценивается негативно, то формируется потребность в выдвижении другого лидера, обладающего качествами, способными обеспечивать деятельность, удовлетворяющую ожиданиям (обычно это качества, прямо противоположные качествам прежнего лидера). Таким образом, имидж должен быть механизмом между социальными ожиданиями и личностью нового лидера.

Иными словами, в имидже надо так отражать черты личности, чтобы они соответствовали социальным ожиданиям. Но следует помнить, что сдвиг имиджа в ту или иную сторону зависит от силы проявления личности или социальных ожиданий.

Социальные ожидания, естественно, надо уметь точно определять. Обычно это делается в процессе социально-психологических исследований и социологических опросов, связанных с определением «основных ценностей», о которых речь шла в первой главе. Сейчас в силу сложившейся социально-экономической ситуации самым перспективным путем является формирование политического имиджа в соответствии с социальными ожиданиями масс.

Поэтому еще раз подчеркнем: имидж должен отражать социальные ожидания больших групп, тогда он будет устойчивым и привлекательным. Отсюда следует, что необходимо регулярно проводить социально-

психологический мониторинг «психологического пространства» (симпатии, антипатии, ожидания, страхи, идеалы), где будет проводиться выбор.

Теперь еще раз обратимся к определению имиджа, в частности, отметим его стереотипный характер. Это еще одна важнейшая характеристика имиджа. Стереотип (от греч. stereos – твердый и typos – отпечаток) – относительно устойчивый и упрощенный образ, складывающийся в условиях дефицита информации как результат обобщения личного опыта и нередко предвзятых представлений, принятых в обществе. Стереотипы играют важную роль в оценке человеком окружающего мира. Стереотип помогает упростить реагирование на изменяющуюся реальность, ускорить процесс понимания и познания.

Стереотипы сильно влияют на общественное настроение и поведение людей, и с этим следует считаться. Наша страна во все времена была «богата» разнообразными стереотипами – от этнических до политических. Формированию стереотипов немало способствовали политика, идеология, пропаганда и особенно искусство. Главная опасность стереотипов состоит в том, что они уводят людей от логики здравого смысла и делают их некритичными к воспринимаемой информации, а следовательно – легко управляемыми.

Важной характеристикой стереотипа является его упрощенность, следовательно, имидж не должен содержать много характеристик или параметров. Имидж не должен быть сложным и многогранным. Он должен быть простым, доступным, соответствующим сложившимся у большинства населения позитивным представлениям о лидере. Тогда он будет понятным, что является важным условием его принятия. «Сильный», «волевой», «умный» – вот стереотипные и ценимые черты имиджа политика. А «сложный», «загадочный», «иррациональный» – это не для политического имиджа.

Стереотип активен, с ним связано понятие стереотипизации – процесса приписывания неких часто сходных черт людям, группам или общности без достаточных на то оснований, что, заметим, часто встречается в процессе политической деятельности.

Приведенные определения имиджа, стереотипа и стереотипизации помогают глубже понять сущность обсуждаемой проблемы, кроме того, они подсказывают весьма конструктивные пути формирования привлекательного имиджа политика. Поэтому можно сразу наметить некие опорные точки в формировании привлекательного имиджа политика. Итак, привлекательный имидж политика должен обязательно целенаправленно формироваться, тогда как стихийный процесс возникновения может сделать его не только неэффективным, но даже совсем иным, не тем, какой нужен. Необходимо, чтобы в имидже обязательно присутствовали многие ценимые в народе качества, или же требуется создавать условия для того, чтобы их начали приписывать данному политику (люди вообще склонны приписывать хорошие качества и черты популярным личностям). Чтобы имидж был устойчивым и сильным нужно, его компоненты (личностный профиль) должны соответствовать доминирующим социальным ожиданиям. Для этого

необходимо хорошо знать социальную структуру общества (или избирательного округа), интересы, потребности, социальные ожидания людей и слоев населения, источники их тревоги, доминирующие настроения, социальные установки и стереотипы. Это позволит вычислить важнейшие черты имиджа, которые станут достаточными для восприятия политика как настоящего лидера, способного справиться с существующими проблемами. Данные черты и должны стать основой для стереотипизации имиджа, то есть, по сути дела, его своеобразной достройкой в сознании людей.

Психологические исследования политических имиджей позволили выявить ряд других его важных характеристик. В частности, имидж обязательно должен быть прагматичным, то есть создаваться с определенными целями. Он должен быть реалистичным, то есть содержать черты, воспринимаемые однозначно как принадлежащие к миру реальному. Как психический образ имидж – явление нестойкое, поэтому его постоянно необходимо подкреплять, как бы напоминая. Имидж – вариабелен, он не должен быть «жестким», его характеристики должны подстраиваться под конкретные страты граждан. Важным требованием-характеристикой является его целостность, то есть внутренняя непротиворечивость.

Формирование эффективного политического имиджа – процесс непростой и длительный, зависящий от многих факторов. Однако любой имидж должен обязательно удовлетворять нескольким общим требованиям. Отметим их.

Первое. В политическом имидже должны обязательно быть черты победителя. Это должно проявляться прежде всего в оценках личности.

Второе. Необходимо, чтобы в политическом имидже присутствовали «черты отца». Данное требование является отражением фрейдистских взглядов на проблему лидерства, которые трудно опровергнуть. По З. Фрейду, «масса просто нуждается в лидере, как семейство нуждается в авторитетном отце». Данные устойчивые социальные ожидания и стали основой этого важного требования к имиджу.

Третье. Стереотипная многоплановость имиджа. Мы говорили о том, что имидж не должен быть сложным, его сила – в стереотипности. Но данная стереотипность должна быть вариабельной и многоплановой, т.е. направленной на отдельные социальные группы или страны, так как у них свои специфические стереотипы.

Четвертое. Открытость (видимая доступность). Это требование можно считать следствием второго и третьего. Открытость воспринимается как эффективная обратная связь избирателей с лидером. Многие склонны считать, что только это помогает политику верно ориентироваться в ситуации. К тому же многие склонны верить, «что они напишут... и им помогут, или многое изменится».

Пятое. Эффективные коммуникации. Имидж транслируется в процессе многочисленных политических коммуникаций

Шестое. Окружение. Существует крылатое высказывание «короля делает его свита». Оно полностью справедливо и в случае формирования эффективного имиджа во время избирательных кампаний.

Седьмое. Рациональная инновация, неординарное решение.

Теперь обратимся к следующей очень важной проблеме эффективного политического имиджа – какие главные факторы в первую очередь влияют на формирование привлекательного имиджа политика? Американские специалисты, которые обладают в этом деле огромным опытом, считают, что имидж политика высокого ранга (в этом случае обычно ссылаются на практику президентских избирательных кампаний) определяется тремя группами основных факторов: личностью кандидата (претендента); тем, как его представляют средства массовой информации; историческими событиями или трудностями, с которыми сталкивался политический деятель в данный период времени. Остановимся на них более подробно.

Личность политика

Раньше у нас эта проблема проявлялась очень своеобразно, но опять же вопреки здравому смыслу – народ фактически ничего не знал о личностных качествах своих руководителей. Были весьма стереотипные образы: «верный ленинец», «несгибаемый», «отдающий все свои силы и энергию», «непоколебимый», «преданный делу» и т. п. Потом, правда, обнаруживалось совсем противоположное – «культличности», «волюнтаризм», «маразм застоя». Но приходившие на смену тоже оказывались «несгибаемыми» и «непоколебимыми»... Теперь ситуация коренным образом изменилась – о ведущих политиках стало известно очень многое, им никуда не деться от «раскрепощенных и свободных» СМИ, недремлющего ока оппозиции и политических конкурентов. В результате многим стало ясно, что во время выборов надо ориентироваться не на политическую платформу и обещания политиков, а на их личностные (и особенно нравственные) качества. Именно опора на них позволит дать надежный прогноз их будущей деятельности на выборной должности.

Хорошее представление о личностных чертах политика помогает избирателям не только думать, что каждый из них может прогнозировать его деятельность на выборной должности, но и способствовать удовлетворению естественного любопытства, что тоже немаловажно.

В то же время политики, как и все люди, подвержены определенным слабостям, у них есть недостатки, поэтому другой важной функцией имиджа является способность завуалировать эти минусы, сосредоточить внимание избирателей прежде всего на сильных сторонах и достоинствах политика. Т. е. главное – преподнести, спроецировать личностные характеристики. Это достигается в процессе коммуникаций политика и с помощью средств массовой информации. Поэтому следующей важнейшей задачей является установление рабочих контактов со СМИ, что позволит добиться выгодного освещения деятельности политика.

Взаимодействие со СМИ

Любой политик по-настоящему приобретает известность, а то и популярность, только с помощью средств массовой информации – телевидения, радио, газет и журналов. Одно удачное выступление в эфире или яркая статья в популярной газете с миллионным тиражом гораздо весомее, чем десятки речей на митингах и собраниях; ведь в первом случае аудитория на несколько порядков выше, да и мы привыкли с уважением относиться к эфирному и печатному слову.

Взаимоотношения политика со средствами массовой информации должны находиться в самом центре его политической деятельности, стать объектом пристального внимания его советников и консультантов. Многих ныне влиятельных политиков России, по существу, «сделала» именно «четвертая власть» – так принято называть СМИ, отдавая должное их возможностям и влиянию. Любовь к этим политикам «четвертой власти» стала гарантией предпочтений избирателей, способом вхождения в политический «свет», залогом включения в решение государственных задач. Хрестоматийный пример – президентские выборы в России 2000 года. Успех В. Путина является прежде всего заслугой консолидированных СМИ и прежде всего телеканалов.

С развитием системы массовой информации, особенно ее электронных средств, появилась реальная возможность психологической обработки всего населения страны без создания разветвленной сети пропагандистских учреждений. Такое воздействие, а нередко и прямое манипулирование, по каналам средств массовой информации осуществляется теми политическими силами, которые непосредственно заинтересованы в строго определенном освещении событий и деятельности конкретных политических лидеров, т. е. выгодной им мифологии. Поэтому получается, что «открытый» эфир, «свободное» телевидение, «независимая» пресса часто служат не только благим целям. На волне, возможно, и искренних страстей можно внести в сознание народа ложные установки и ориентиры, увести их от логики, здравого смысла.

При организации взаимодействия со СМИ важно выделить те из них, которые дадут наибольший эффект. Сейчас приоритет отдается телевидению, ведь телевидение наиболее успешно создает новых кумиров. Дефицит телеинформации особенно остро стал ощущаться в стране, когда в результате возгорания в августе 2000 года вышла из строя Останкинская телевещательная система. Отечественное телевидение оказалось полностью несостоятельным по техническим причинам.

Таким образом, становится очевидным, что любой политик в процессе избирательных кампаний и связанного с ними политического противоборства должен стремиться организовать конструктивное взаимодействие со СМИ и прежде всего – с телевидением. У нас в стране ситуация непростая. Телевизионные программы смотрят все, но доверие к ним крайне низкое. Причин тому немало. Важно другое – в последние годы его влияние неуклонно падает, поэтому некоторые партии и движения предпочитают работать с избирателями по технологии «от двери к двери», и это дает хороший результат.

Судя по всему, нынешнее руководство России, многие видные политические деятели крайне мало внимания уделяют своему имиджу, похоже, американские консультанты им уже не помогают. Это наносит им как политикам большой ущерб, который может стать и невосполнимым. На первый взгляд может показаться, что это личное дело политика или того движения, группы, которое его выдвигает. Далеко не так: ведь от пренебрежения имиджем страдают те, возможно, прогрессивные изменения, реформы, которые хотел бы осуществить политический деятель. Недостатки имиджа неизбежно рождают недоверие к политикам, а следовательно, и к их деяниям и планам. Не учитывать этого нельзя.

Наконец, исторические события, с которыми сталкивается политик в конкретный период. Безусловно, его поведение, деятельность и высказывания играют большую роль в формировании имиджа. Однако многое зависит и от того, как это преподносится СМИ. Например, можно сказать «наведение конституционного порядка в Чечне» и можно – «кровавая бойня», «война против собственного народа». Главное – какие оценки звучат громче, дружнее и убедительнее. Поэтому третья группа факторов тесно связана со второй.

Этнопсихологические инварианты политического имиджа

В различных моделях имиджей (особенно региональных лидеров) имеется один существенный недостаток – в них недостаточное внимание уделяется этническим аспектам. Россия – страна многонациональная. И хотя русские практически во всех регионах составляют большинство населения, тем не менее, во многих из них представители корейной национальности, являясь этническим меньшинством, все же оказывают решающее влияние на политические и социально-экономические процессы. В силу федеративного устройства Российского государства такая ситуация, вообще говоря, – явление закономерное. К тому же для многих русских характерна нечеткая национальная самоидентификация, низкая национальная сплоченность, это отмечается практически всеми исследователями.

За десятилетия жизни в социалистическом государстве, когда декларировалось, что национальные различия исчезают и формируется «единая общность – советский народ», по национальной самоидентификации русских наносились ощутимые удары. Происходит это и сейчас, когда общественно-политические движения, где в названии имеется слово «русское» преподносятся как шовинистские. Это имеет двойное следствие – как снижение национальной сплоченности, так и формирование экстремистских сугубо националистических идей и движений. Накопленные русскими обиды могут превысить критический уровень и тогда наверняка возникнут агрессивные стихийные формы массового поведения. Для представителей же других коренных национальностей России, наоборот, более характерна сильная национальная самоидентификация и сплоченность. Это предъявляет повышенные требования к управлению и политическому лидерству в многонациональных регионах.

Проблемы в области национальных отношений в России существуют, и они весьма острые. Это особенно проявляется в политической сфере. Так, по

данным исследований независимого фонда «Общественное мнение», 31% россиян не хотели бы видеть во главе государства кавказца, 20% – еврея, 6% – татарина, 4% – украинца, немало опрошенных затруднились вообще ответить на такой вопрос. Отмечено, что многие склонны видеть именно этнические корни в самой преступной деятельности: 14% организованную преступность отождествляют с кавказцами, 7,4% – с евреями.

Проведенные в ряде регионов Российской Федерации отчетливо показали, что в восприятии представителей других национальностей во взаимодействиях существуют как минимум два вида характерных проявлений:

- этнодифференцирующие, то есть способствующие национальному разделению, – все опрошенные отметили, что национальные черты характера, национальная психология оказывают существенное влияние на стилевые характеристики поведения, деятельности и отношений политических лидеров и их восприятие населением и отношение к ним далеко не однозначное;

- этноинтегрирующие, наоборот, способствующие сплочению, – к ним опрошенные отнесли общее место проживания, наличие друзей – представителей другой национальности, знание национальной культуры, языка, историческое прошлое, определенное сходство отношений, родственные связи, особенности национальной культуры, привлекательные черты национального характера (такие, как гостеприимство, веселый нрав и пр.).

- другие проявления – они в зависимости от ситуации могут стать как объединяющими, так и разъединяющими, например, характерная внешность, особенности интеллекта, некоторые нравственные качества как следствия национальных традиций.

В период выборов этнодифференцирующие и этноинтегрирующие проявления могут усиливаться или ослабляться в зависимости от того, в каком направлении и насколько умело политиками разыгрывается «национальная карта». Усиление этнодифференцирующих проявлений способствует как возникновению этнических приоритетов (это особенно заметно во время избирательных кампаний), так и межэтнической напряженности.

В то же время отмечены и устойчивые этнические особенности, которые могут влиять на выбор. Например, для русских, особенно проживающих в национальных республиках Российской Федерации, несмотря на низкую национальную самоидентификацию, характерными все же являются сильные проявления следующих модальных ценностей.

- Патернализм. Он проявляется в ожидании отеческой заботы со стороны государства и четко выражен в ментальных установках русских на власть – 84,7% опрошенных русских твердо убеждены, что государство должно заботиться о всех своих гражданах, независимо от пола и возраста. Делегируя такие полномочия, русские как бы обязуются быть верноподданными, отсюда и такие проявления долготерпения. В моделях политических имиджей это должно проецироваться в усилении подструктуры отношений лидера.

- Этатизм, или державность. Это своеобразная рационализация этнических чувств русских, недаром две трети русских считают, что Россия должна быть великой державой. Противников державности втрое меньше.

Этатизм коррелирует с таким качеством, как авторитаризм. Эта модальная ценность проецируется и на политических лидеров.

■ Эгалитаризм, как проявление стремления к равенству, отвергание приоритета или «засилья» представителей той или иной национальности в политике, экономике, финансах, культуре, науке и пр.

В национально-территориальных образованиях ситуация в этом отношении иная: здесь национальность лидера играет значительную роль. В процессе опросов в республике Северная Осетия на вопрос: «Может ли быть президентом Северной Осетии не осетин?» звучал примерно один и тот же ответ: «Нет, потому что среди осетин много достойных людей, которые могли бы стать президентом Северной Осетии».

В национальных республиках большое значение имеют родовые связи и землячества, это во многих случаях является консолидирующим фактором. К тому же представитель коренной национальности в своем имидже и отношениях лучше отражает традиционно национальные особенности.

Общность некоторых ценностей, ориентация на определенные формы отношений и ценимых личностных качеств позволили высказать гипотезу, что в политическом имидже должны присутствовать черты, имеющие характер этнопсихологических инвариантов, то есть характеристик личности (в нашем случае политического лидера), особенно ценимых представителями разных национальностей. Носители таких инвариантов найдут немало своих сторонников на выборах в многонациональных регионах.

Обобщение полученных результатов свидетельствует, что данные инварианты главным образом лежат в сфере духовно-нравственных качеств личности (черт имиджа) и отношений, которые, по сути дела, сходны у большинства народов Российской Федерации. Честность, порядочность, верность своему слову, уважительное отношение к людям, принципиальность, альтруизм практически всеми оцениваются одинаково высоко и входят в обобщающую категорию «хорошего человека». При этом самыми толерантными, как отмечалось, являются русские. Высокие духовно-нравственные качества прямо коррелируют с системой гуманистических отношений. Любовь к Родине, забота о людях, стремление помочь ближним – также являются этнопсихологическими инвариантами. В существенно меньшей степени признаками инвариантности обладает интеллект как базовая составляющая всех имиджевых моделей. «Ум лукав» – вот типичное объяснение.

Естественно, что этнопсихологические инварианты могут в конкретной форме отличаться от региона к региону. То есть речь может идти как об общих, так и об особенных этнопсихологических инвариантах. Однако, сам факт их долженствования не подвергается сомнению.

Включение этнопсихологических инвариантов в имиджевые модели политических лидеров делает последние несимметричными, то есть с какой-то доминирующей подструктурой. В многофакторных неструктурированных моделях имиджа этнопсихологические инварианты, как показали проведенные исследования, займут ведущие первые позиции. Это не должно вызывать

настороженного отношения, так как свидетельствует о сугубо целенаправленном движении в сторону социальных ожиданий масс, как важнейшем условии построения эффективного политического имиджа. Данное движение благотворно скажется и на рефлексивной культуре политического лидера.

Изучение этнопсихологических инвариантов политического имиджа в настоящее время имеет хорошую научную перспективу и несомненно высокую практическую значимость. Их учет позволит разрабатывать наиболее приемлемые модели политического имиджа.

Психологические модели политического имиджа

Освещение деятельности политика в период его избирательной кампании должно соответствовать разработанному сценарию, или «событийному ряду», и быть многоплановым – это действия, акции, оценки, высказывания, передачи о личности кандидата, его семье, увлечениях и многое, многое другое. В результате на избирателя буквально обрушивается огромные потоки информации о кандидате. Поэтому, чтобы данная информация работала на имидж кандидата, чтобы ее восприятие было целенаправленным, необходимо ее обязательно структурировать. До избирателя она должна доходить только в определенном виде, соотнесенном с выбранным имиджем по структурированным схемам, которые называются психологическими моделями имиджа. Иными словами, психологические модели имиджа – это структурированная определенным образом разнообразная информация, соответствующая политическому имиджу.

Основными общими требованиями к моделям имиджа являются простота, выразительность и запоминаемость. Сложные модели наверняка не будут восприняты и поняты, а невыразительные, сухие не вызовут эмоционального отклика у избирателей. Содержательно модели следует наполнять такими характеристиками личности, деятельности, поведения и отношений кандидата, которые не только соответствуют социальным ожиданиям избирателей, но теми, которые всегда были особо ценимы народом.

В практике избирательных кампаний распространены несколько таких моделей, в них разнообразные качества кандидата, являющиеся характеристиками его имиджа, структурированы по трех- и более лучевым схемам. Рассмотрим их.

Трехлучевая американская модель

Отличительной особенностью данной модели является то, что в ней все характеристики личности кандидата, соответствующие его имиджу, группируются по трем лучам (буквально как на эмблеме известной автомобильной компании «Мерседес Бенц»), а именно:

- нравственные качества;
- интеллектуальность;
- потенциал личности.

Естественно, что эти качества должны быть представлены только как положительные и в превосходной степени. Например, честный, ответственный,

блестяще образованный, работоспособный, с сильной волей и пр. Считается, что этого достаточно для формирования эффективного имиджа.

На практике данная модель имиджа должна реализовываться следующим образом: все предвыборные коммуникации политика, освещение его избирательной кампании в СМИ должны свидетельствовать о его высоких нравственных качествах, незаурядном интеллекте и большом потенциале, причем это необходимо подтверждать конкретными фактами и делами. Заметим, что спектр таких качеств весьма широк. Например, об интеллектуальности политика может свидетельствовать его образованность, общая и профессиональная эрудиция, глубокий ум, проявляющийся в понимании сущности происходящих процессов и явлений и знании причинно-следственных связей, умение выдвигать конструктивные идеи и способы решения проблем, развитая интуиция, помогающая успешно предвосхищать возможные события и строить надежные прогнозы, опыт и пр.

О потенциале политика можно судить по его высокой работоспособности, целеустремленности, упорству, решительности, стрессоустойчивости, способности к саморазвитию и самосовершенствованию. Политик должен обязательно демонстрировать эти качества в общении, деятельности, решении профессиональных или иных задач, предусмотренных «событийным рядом».

Особо хотелось бы остановиться на содержании высоких нравственных качеств. На них обращают особое внимание. Недаром в России часто говорят: «Был бы человек хороший...». Здесь ситуация очень непростая, потому что часто из уст политических деятелей разной ориентации звучит одна и та же, ставшая уже всем привычной фраза: «Политика – дело грязное!» Обычно она произносится в неких сложных ситуациях, когда политику нанесен ощутимый урон и им владеют не самые радостные чувства. Тем не менее эта фраза каждый раз заставляет серьезно задуматься – действительно ли это так? Каковы должны быть истинные качества людей, которые занимаются политикой? Кому мы отдаем свои голоса и, тем самым, доверяем свою судьбу? Послушаешь и невольно задумаешься. Получается, что политикой занимаются сплошь нечестные люди.

Но самое парадоксальное состоит в том, что о несовместимости высоких нравственных качеств с занятием политической деятельностью говорят и сами политики, то есть сами пилят сук, на котором сидят. Справедливости ради надо отметить, что часто высказывается и противоположное мнение. Оно принадлежит в основном политикам, имеющим жесткую идеологическую ориентацию.

Такое гибкое отношение к нравственности и морали дает этим политикам некое преимущество: они не стесняются в выборе средств, поэтому могут быстрее достигнуть желаемого результата. Это подтверждается результатами психологических исследований. В частности, в одном из них, в котором приняли участие политики разных уровней, было выявлено, что не менее из них 60% ориентированы прежде всего на себя. Среди наиболее значимых, по их мнению, качеств, необходимых политику, были названы: политический опыт (в том числе умение реализовывать свои политические права и возможности);

политические знания (законов, прав); политическая воля (в том числе умение организовывать людей, вести их за собой); соблюдение морально-нравственных норм; социальные установки.

Усилиями СМИ народ пытаются уверить в том, что невыполнение предвыборных обещаний – дело в политике обычное, мол, такова международная практика, и не надо слишком уж из-за этого драматизировать ситуацию. При этом обычно ссылаются на опыт «цивилизованного общества»; например, американские политологи говорят, что «между Президентом, распоряжающимся в Белом доме, и его «имиджем», создаваемым средствами массовых коммуникаций, есть и должна существовать разница», отсюда и постоянное невыполнение предвыборных обещаний.

Возникает вопрос, как же быть простым избирателям, если чуть ли не все политики в своих речах ратуют за их благо, но заранее ясно – и это даже не скрывается – предвыборные обещания так ими и останутся, а чего ждать неизвестно? На что же ориентироваться, делая свой выбор? Ответ представляется однозначным – на высокие нравственные качества, которые демонстрировал политик не только в ходе своей избирательной кампании, но и до нее, когда, может быть, даже и не помышлял о политике.

Какие же нравственные качества наиболее ценимы нашими избирателями? Проведенные психологические исследования свидетельствуют, что главные из них имеют как культурно-историческую, так и религиозную основу. Нас поразили тот факт, что самые ценимые в народе нравственные качества (они были выявлены в результате социально-психологических исследований) по сути являются антитезами восьми основных греховных страстей, описанных еще полторы тысячи лет назад преподобным Иоанном Лествичником. Это свидетельствует об огромной роли глубинного религиозного сознания у русских, да, пожалуй, и многих других народов России. Опишем эти наиболее значимые качества.

Во-первых, высоконравственно то, что служит интересам народа, общества. В любой предвыборной платформе, да и реальной политической деятельности, интересы как нации, так и конкретного человека должны быть обязательно на первом плане. Причем выражены они должны быть в четкой и ясной форме, исключающей двусмысленность толкования. Подлинный патриотизм проявляется в борьбе за лучшее будущее для своего народа, страны. Следующие важнейшие нравственные качества – альтруизм, бескорыстие, забота о благе других, постоянное стремление помочь обездоленным. Они во все времена и везде ценились очень высоко. А если так поступает политик, и об этом становится всем известно, то популярность его становится просто огромной.

Особо надо сказать о личной скромности. Политик всегда на виду, все сознательно или неосознанно обращают внимание на то, как он одет, что ест, что пьет, каково убранство его рабочего кабинета, на каком автомобиле ездит и так далее. Из увиденного делаются определенные выводы и, если отмеченное свидетельствует о его скромности, то это идет только на пользу имиджу, если нет, то, естественно, во вред. Сейчас из-за непрекращающихся экономических

кризисов на это качество политиков избиратели обращают особое внимание. При этом можно только удивляться беспечности или пренебрежению к общественному мнению наших новых «лидеров», разъезжающих на роскошных иномарках, появляющихся в дорогих одеяниях и при этом называющих очень скромные цифры своих доходов. А разного рода телевизионные знакомства в домашней обстановке на фоне роскошных интерьеров квартир и вилл, тоже, видимо, приобретенных на скромную зарплату... Ошибки, ошибки, недопустимые для политиков, думающих о перспективе.

Людьми всегда почитались и ценились такие нравственные качества, как честность и порядочность. Еще одно ценимое качество – религиозность. По отношению к нему позиция должна быть определенной и недвусмысленной. У неверующего политика нравственные ориентиры и моральные нормы не ясны, поэтому трудно предположить, как он будет поступать в сложной ситуации. Как доверять такому? Логика рассуждений примерно такова. Веруют ли по настоящему в Бога американские политики, следуют ли они нравственным нормам своей религии? Для нас в свете обсуждаемой проблемы не столь важно. Важно, что свою религиозность они постоянно подчеркивают.

Отношение к семье, близким – это одна из ярчайших характеристик нравственных качеств любого человека, а тем более политика. Вообще считается, что любой политический деятель должен быть обязательно хорошим семьянином – это одна из главных черт его морального облика. Отмеченные нравственные качества лидера являются наиболее ценными для избирателей. У серьезного политика они должны присутствовать в имидже обязательно.

Заканчивая обсуждение содержания данной модели имиджа, хотелось бы обратить внимание на следующее. Если в имидже не представлен хотя бы один вектор качеств, имидж эффективным не будет. Например, политик умный, с хорошим потенциалом, а нравственные качества представлены слабо. Такому политику трудно доверять, ведь избиратель не знает, что обуславливает его поведение. Со своей энергией и умом он может натворить немало бед.

И еще. Во всех трех векторах качества должны представлены примерно равномерно, модель не должна быть асимметричной, ибо могут возникнуть отмеченные выше сомнения.

Четырехлучевая модель

Простая трехлучевая модель политического имиджа, несмотря на ее конструктивность, все же имеет один существенный недостаток – она призвана интегрировать информацию об имидже политика, а ведь любой политик – настоящий лидер, а собственно лидерские качества в ней представлены неявно. Это послужило основанием для разработки новой, четырёхлучевой модели, где наряду с группами высоких нравственных качеств, интеллектуальности и потенциала политика присутствует вектор, группирующий лидерские качества. Содержание первых трех групп качеств то же, что и в трехфакторной модели, а вот о проявлении и восприятии лидерских качеств следует сказать особо.

При отражении лидерских черт и качеств в политическом имидже особое внимание следует уделять мотивам лидерского поведения. Избиратели очень ценят мотивы созидательные, конструктивные и благородные, связанные с

высокими нравственными качествами, стремлением решить накопившиеся социальные или экономические проблемы, помочь избирателям и пр. Личностно ориентированные мотивы, как то: стремление занять престижную должность, повысить свой статус, решить материальные проблемы и пр. только оттолкнут избирателей. Не должны просматриваться и компенсаторные мотивы, связанные с действием бессознательных факторов.

Политический лидер должен быть безусловно фигурой авторитетной. Авторитет необходимо обязательно делать яркой чертой имиджа. В науке создано немало заслуживающих внимание теорий авторитета. Психологическое понимание авторитета своеобразно, оно связывается или с имеющимися у личности явными преимуществами перед другими, которые дают позитивный социально-значимый результат, или с нравственным аспектом, – в этом случае авторитет выступает как нравственный эталон.

Наконец, лидерское поведение в условиях негативного отношения большинства населения к своей жизни должно иметь инновационный характер.

«Изменить», «улучшить», «остановить», «защитить», «прекратить», – вот что сейчас часто требуется от лидера. Собственно «кредит доверия» кандидат получает для инновационной деятельности, даже если он и отступает от привычных форм поведения. Если же инновационная деятельность лидера ослабевает или его нововведения не приносят обещанного, положение лидера осложняется, его рейтинг начинает неуклонно падать. Следовательно, проводимые нововведения должны восприниматься как положительные, а это означает, что настоящий лидер должен играть исключительно созидательную, а не разрушительную роль.

Вообще говоря, полноценный лидер в сознании людей ассоциируется с чем-то созидательным: со стабилизацией, улучшением, укреплением и т. п. Лидирующие позиции должны подкрепляться не только инновационными предложениями (что было очень характерно для «перестройки»), но обязательно конкретными делами, дающими позитивные результаты, причем эти результаты должны ощущаться именно в данный момент, а не в «светлом будущем». Лучше, если эти результаты отчетливо осознаются на уровне обыденно-практического сознания («снизил цены», «ликвидировал преступность»). Сказанное во многом объясняет слабость нынешних властных структур, кстати, это очень хорошо понимает оппозиция.

Важно помнить и об отношении к лидеру, особенно власть имущему. Если он успешный, придумываются даже соответствующие комплиментарные определения качеств, скажем, не равнодушен к прекрасному полу и спиртному, значит «жизнелюб» и т. д. Но все это происходит до тех пор, пока дела в обществе или в возглавляемом регионе, городе идут в общем хорошо. Если нет, то именно лидер, а не кто иной чаще всего и становится своеобразным символом неудач, «козлом отпущения. Иными словами, в обыденно-практическом сознании сложилось такое понимание роли лидера: раз дела в целом идут хорошо, значит, и лидер хороший, поэтому он многое может себе позволить. Если жизнь ухудшается, становится сложнее, опаснее, цены растут,

то виноват только лидер и никто иной. Тут уж ему припомнят все и, скажем, вместо «жизнелюба» назовут куда менее приятными словами.

В психологических исследованиях отношений к поведению лидера отмечен еще один интересный момент: обыденно-практическое сознание людей склонно приписывать качества лидера лицам, поведение которых является наиболее подходящим для объяснения общего положительного результата. То есть, если политик энергичный, деятельный, то «...благодаря его уму и целеустремленности», если он пережил с народом трудную ситуацию, то тогда «благодаря несгибаемой воле» и т. п., хотя, возможно, эти ценные качества и не являлись сами по себе основой успехов. Из сказанного следует одно конструктивное правило, имеющее немалое значение в деле формирования привлекательного имиджа политика: поведение лидера всегда должно быть заметным, лидера надо постоянно выделять из окружения, естественно, учитывая его особенности и склонность людей определенным образом реагировать на удачу и промахи лидеров. Правда, делать это надо тонко и продуманно. Таково содержание «лидерского компонента» четырехзвенной модели эффективного политического имиджа.

Трехлучевая модель имиджа типа «личность-деятельность-отношения»

Предыдущие модели эффективного имиджа отличаются прежде всего тем, что в них были представлены главным образом обобщенные личностные качества и некоторые профессиональные умения политика. Это, безусловно, состоятельные и конструктивные модели. Однако в психологическом отношении они не совсем точны, ведь образ политика складывается не только на основе его качеств, но обязательно деятельности (в том числе предшествующей, об этом было сказано ранее), поведения, отношений и общения. Личность не существует вне деятельности и общения; кроме того, о качествах личности мы судим по ее поступкам и отношениям (особенно у нас ценится позиция «служителя общества»).

На это наши отечественные избиратели обращают особое внимание, нередко именно это и являются главными детерминантами их выбора. Следовательно, психологически обоснованно строить модель политического имиджа по трем следующим векторам: «личностные качества» – «отношения» – «деятельность (и поведение)». Естественно, что отмеченные в трех и трехлучевых моделях качества могут входить в структуру данной модели. К тому же, личностный компонент можно было обоснованно дополнить ценностными ориентациями и характеристиками направленности.

Личностные характеристики политика проявляются в его конкретной деятельности, а одной из ее главных отличительных особенностей является практически постоянное общение и различные взаимодействия. Следовательно, чтобы имидж был привлекательным, необходимо, чтобы политик обладал разнообразными коммуникативными умениями, в том числе и такими специфическими, как телекоммуникативные (более подробно об этом см. в рекомендованной литературе).

С помощью экспертной оценки и опросов были выявлены наиболее ценные характеристики, которые вписывались бы в данную модель. Это

позволило раскрыть их содержание. Оно описано в следующей неструктурированной шестнадцатифакторной модели (факторы – качества и умения нетрудно представить в векторной форме).

Такая структура имиджа обуславливается проблемами, характерными для нашего государства, особенностями ведущих политических лидеров. Например, эффективное поведение в экстремальных ситуациях оценивается весьма высоко, так как они в стране возникают весьма часто и их протекание и последствия зависят во многом от поведения лидера. Поведение в «текучке». Этот показатель связан с особенностями харизматического поведения – такие лидеры в основном сильны в экстремальных ситуациях. Повседневная работа для них является рутинной, но она совершенно необходима для нормального процесса управления. Отношение к стране, народу, соратникам, своему делу, важные характеристики нравственных качеств личности. По ним судят, можно ли доверять политику. Наконец, отношение к себе.

Данная модель политического имиджа особенно эффективна в регионах, где преобладает преимущественно сельское население, в российской глубинке. В крупных мегаполисах ее применение требует серьезного обоснования.

Многофакторная (шестнадцатифакторная) модель

Предыдущие трех- и четырехлучевые модели, собственно, были также многофакторными. Но их факторы – личностные характеристики, отношения, особенности деятельности и пр. были структурированы в имидж по определенным «лучевым» структурам. Данные структуры были вычислены на основании теоретических исследований и обобщений опыта избирательских компаний. Однако возможен и другой подход, основанный на применении методов экспериментальной психосемантики. В процессе опросов, предшествующих избирательной кампании или в ходе ее, выявляется множество ценимых избирателями качеств и умений политиков. Данное множество структурируется на основе выявления синонимов, объединения их в отдельные группы; кроме того, определяется приоритетная значимость данных обобщающих качеств и умений. Так выстраивается семантический ряд, который кладется в основу имиджа политика.

Каковы эти факторы? Они были получены в результате специальных исследований и представлены в последовательности по частоте упоминания, а следовательно, степени значимости:

- 1) харизма личности политика;
- 2) отношение к стране, народу (естественно, хорошее и приоритетное в системе задач);
- 3) лидерские качества;
- 4) сильная воля;
- 5) Умение эффективно действовать в экстремальных ситуациях;
- 6) личное обаяние;
- 7) высокий интеллект;
- 8) Развитие коммуникативного умения;
- 9) высокие нравственные качества;
- 10) успешность предшествующей деятельности;

- 11) потенциал для дальнейшего профессионального роста;
- 12) эффективная деятельность;
- 13) внешние данные;
- 14) отношение к соратникам;
- 15) отношение к себе;
- 16) отношение к близким.

Как видно из данного перечня, набор качеств несколько иной, чем тот, который был представлен в описанных выше моделях, а вот степень их значимости отлична существенно. Главным достоинством модели является их структурирование по степени значимости для избирателей. Заметим, что последовательность качеств иная, нежели изложенная в западных моделях. Это лишний раз свидетельствует о необходимости критического отношения и осторожного переноса на нашу политическую реальность западных моделей политического имиджа.

Проведенные прогностические экспертные оценки состоятельности имиджа конкретных политиков во многом подтвердились результатами прошедших выборов. Это позволило определить требования к эффективному политическому имиджу, формируемому на основе данной модели. Итак, имидж будет эффективным («проходным»), если:

- средние значения факторов-характеристик велики, а их дисперсия мала («непротиворечивый» имидж);
- средние значения по первым (приоритетным) позициям высоки (больше, чем по остальным) и примерно равны между собой (или отличаются несущественно);
- низкие значения важнейших факторов-характеристик требуют коррекции поведения, общения, деятельности в ходе избирательной кампании, что позволит гармонизировать имидж, сделать его «проходным».

Повторимся: данный набор качеств, вернее, их значимость, подвержена динамическим изменениям. Они зависят от ситуации, региональной, временной и национальной специфики. Поэтому применение данной модели в том или ином регионе требует специальных исследований. Безусловно, это недостаток модели, зато основания для построения «проходного» имиджа будут объективными, а не умозрительными, что позволит действовать с высокой эффективностью.

В практике избирательных кампаний применяются и другие психологические модели имиджей – пятифакторная (честный, умный, энергичный, волевой, решительный и целеустремленный), двухполюсная на основе отношения к реформам (радикал – консерватор; аппаратчик – популист) и основанная на степени влиятельности и отношения к политической элите. Пятифакторная является, по сути дела, некоторым вариантом четырехлучевой. Другие же не доказали свою высокую практическую эффективность.

Существуют модели, если так можно выразиться, регионального масштаба. Примером может служить модель успешного регионального лидера («идеального лидера»), разработанная Э.Ю. Саламовым в республике Северная Осетия – Алания. Она состоит из шести компонентов:

- умение найти верные решения в сложных ситуациях;
- организаторские способности и умения;
- уверенность в себе, своем деле;
- умение ясно излагать свои мысли;
- воля, твердый характер; порядочность.

Нетрудно видеть, что она является ничем иным, как несимметричной американской трехлучевой моделью.

Психотехнологии создания эффективного политического имиджа

Для ответа на вопрос «как сделать имидж?» и созданы психологические технологии. Относительно самого термина «психологические технологии» сейчас возникает немало споров, так как многие привыкли слово «технология» отождествлять с производственными процессами. Психологическую технологию мы рассматриваем как совокупность психологических методов, позволяющих изменять у человека его психические свойства.

Термин «психологическая технология» носит обобщающий характер. Заметим, что большинство психологических технологий направлены на развитие личности, поэтому их часто называют гуманистическими. Психологические технологии, применяемые при создании политических имиджей, являются во многих случаях по сути манипулятивными. Но их объединяет одно: они базируются на свойствах имиджа как психического образа. Эскизно они были описаны ранее. Конкретизируем их:

- имидж, как психический образ, является объектом идеальным, он «продукт сознания людей»;
- как психический образ, он неустойчив, склонен к изменениям, поэтому его необходимо постоянно и целенаправленно подкреплять специально организованной информацией;
- имидж должен быть эмоционально окрашенным, «серые» личности в памяти не запечатлеваются;
- необходимо, чтобы имидж был реалистичным, вера в «чудо-богатырей» прошла, сильные качества личности в нем, несомненно, должны представляться, но не фантастические;
- имидж следует в большинстве случаев создавать прагматичный, то есть под конкретную задачу (хотя можно действовать с «запасом», с перспективой);
- эффективный имидж – целостный, в нем не должно быть противоречивых качеств или неравномерно выраженных;
- эффективный имидж всегда простой, набор положительных характеристик в нем не должен быть большим, личность целостной представляться не будет.

Что же представляют собой психологические технологии, связанные с созданием эффективного имиджа? Хотелось бы отметить, что они носят выраженный манипулятивный характер, ведь по сути дела часто идет обман избирателей: рассчитанный с определенными целями образ выдается за истинные качества. Поэтому считаем своим долгом описать эти технологии. В процессе анализа многих политических кампаний, литературных источников,

общения с отечественными имиджмейкерами были выявлены и описаны важнейшие из них. Рассмотрим их.

Формирование имиджа с опорой на «идеальный образ» кандидата

Данная психологическая технология базируется на углубленном изучении социальных ожиданий масс. Проблема стоит буквально так: лидера с какими качествами и характеристиками они хотели бы видеть во главе города, региона, страны?

С помощью социологических опросов и специальных социально-психологических исследований выявляются желаемые качества и черты неперсонифицированного лидера, то есть определяется так называемый «идеальный образ». Желательно выявить как можно больше черт, чтобы этот образ отражал важнейшие характеристики «идеала» как реально существующего человека: пол, возраст, образование, особенности интеллекта, нравственные качества, направленность личности, ценностные ориентации и многое другое. Далее подбирается кандидат, который в целом больше других напоминает или походит на этот идеал.

Затем методом парных сравнений с помощью экспертных оценок определяется степень совпадения его личностных качеств с характеристиками «идеального образа». Это и есть основа имиджа. После этого начинается конкретная работа: какие-то качества с помощью специальных тренингов развиваются, какие-то таковыми должны восприниматься за счет рекомендованных форм поведения и общения, «вычисляются» необходимые действия, акции, которые должны были быть присущи действиям выявленного идеала. Деятельность, поступки, суждения и оценки данного кандидата широко освещаются в СМИ, в результате избиратели начинают осознавать – «Это он!», «Именно такой нам сейчас и нужен!», «Про такого мы говорили!» С помощью различных обратных связей производится коррекция имиджа. Как говорится, «процесс пошел»...

Сценарный подход (формирование «событийного ряда»)

Когда имеются отчетливые представления об «идеальном образе» лидера, можно приступить к написанию сценария его «раскрутки», продвижения, то есть обоснованию конкретных действий, акций и высказываний на период избирательной кампании. Иногда это называют формированием «событийного ряда». Участие политика в планируемых событиях должно сформировать его имидж, рассчитанный ранее. Собственно, сами события планируются таким образом, чтобы политик проявил свои сильные стороны, чтобы о нем заговорили, сформировалось благоприятное мнение. Это в основном искусственно создаваемые ситуации или умелое использование имеющихся мест быть для наглядного проявления и демонстрации сильных сторон личности. Социально-значимая результативность его деятельности – вот главное содержание событийного ряда.

Прежде всего – это реальная действенная помощь в решении острых проблем своего избирательного округа и «живое участие», т. е. демонстрация эмоционального отношения. Формирование данного «событийного ряда» должно быть глубоко продуманным и соответствовать имиджу политика,

стратегии его избирательной кампании и специфике избирательного округа. Этот «ряд» должен быть органичным, естественным, а для этого необходима серьезная аналитическая работа советников и консультантов. Обычно основные моменты «ряда» определяются в процессе анализа экономической, социально-демографической, социологической информации. Большую пользу может принести и мониторинг «психологического пространства» округа, то есть отслеживание на отрезке времени в несколько месяцев социальных настроений населения, источников их тревог и страхов, симпатий и антипатий, надежд, установок, стереотипов. Этот мониторинг позволит лучше рассчитать эмоциональные реакции населения на те или иные акции и действия кандидата, предусмотренные сценарием. Естественно, акции «событийного ряда» должны отражаться в СМИ. Это освещение должно полностью работать на имидж кандидата.

Использование социально-психологических феноменов «контраста» и «подобия»

Контраст и подобие суть проявления сознательного противопоставления или стремления быть обязательно хоть в чем-то похожим. Применение данных психологических феноменов при формировании привлекательного имиджа основывается на особенностях предвыборной ситуации и, часто, отношении к формальному лидеру, занимающему выборную должность. Особенности такого отношения следующие.

Во-первых, у большинства людей отношение к лидеру, занимающему высокий пост, весьма своеобразное: если дела идут хорошо, то все успехи связывает главным образом с ним, если же нет, то именно он в сознании людей во всем виноват, даже в том, к чему вообще не имеет непосредственного отношения. С использованием социально-психологического феномена «контраста» в свое время строился информационный образ противоборства кандидатов в президенты 1996 и 2000 годов. Примерно по этой же схеме применяется технология, основанная на социально-психологическом эффекте «подобия».

Социально-психологический эффект «контраста» может быть применен и по-другому, без непосредственного сравнения, которое может вызвать нежелательную конфронтацию. В этом случае о непопулярном лидере дается огромная, избыточная информация. Освещается буквально каждый его шаг, комментируется каждое высказывание, осуществляется подробнейший показ его деятельности и взаимодействий. Это очень хитрый психологический ход. Он основан на известном в социальной перцепции парадоксе: чем больше люди знают о ком-либо, тем больше предъявляют к нему требований и претензий.

Сейчас имидж, построенный на эффекте «контраста», может быть очень сильным, так как в настоящее время сложилось положение явно не в пользу президента: жизненный уровень подавляющей части населения неуклонно падает, сворачивается производство, месяцами не выплачивается заработная плата, цены намного опережают рост доходов населения, люди лишаются того, что является не только привычным, но и жизненно необходимым: нормального медицинского обслуживания, защиты от преступности, отдыха в летний

период, системы дошкольного воспитания и многого другого. В высших эшелонах власти идет постоянная кадровая чехарда, инициируемая по труднообъяснимым причинам самим президентом. Данная технология эффективна на федеральном уровне. В регионах ситуация совсем иная, поэтому применение «черно-белого» подхода неперспективно. В имидже кандидатов должны быть как очевидные отличия от действующего лидера, так и

- некоторое сходство, это позволит увеличить свой электорат.

Использование некоторых закономерностей социальной перцепции

Социальная перцепция – это восприятие, понимание и оценка людьми социальных объектов, других людей, социальных групп, общностей. Это не что иное, как проявление социальной обусловленности восприятия, когда объект (субъект) воспринимается не только как некая данность, но в процесс восприятия включаются прошлый опыт, психологические установки, цели. Собственно, отмеченные выше социально-психологические феномены «контраста», «подобия» и «ореола» так же имеют непосредственное отношение к социальной перцепции. В рамках данного научного направления было установлено, что восприятие социальных объектов обладает рядом специфических черт. В частности, в процессе такого восприятия происходит смысловая оценочная интерпретация объекта, в том числе и причинных (каузальная атрибуция), имеет место взаимовлияние, эмоциональное отношение. По данным исследований А.А. Бодалева и представителей его научной школы, восприятие и понимание человека человеком характеризуется следующими моментами:

- формируется чувственный, эмоционально окрашенный образ;
- образ целостный, контактный, хотя и субъективный;
- образ осмысленный, т. е. включающий общественные знания о данной категории людей;
- образ связан с психологическими установками;
- играет немаловажную роль внешний облик, возраст, профессия, внешность, ролевые функции.

Как эти характеристики можно использовать для формирования эффективного политического имиджа? Делать это следует с опорой на следующие закономерности социальной перцепции.

а) Так как образ чувственный, эмоционально окрашенный, то необходимо, чтобы претендент производил сильное впечатление, чтобы о нем «заговорили». Это достигается соответствием личностных черт социальным ожиданиям (см. «идеальный образ»); яркими, реалистично воспринимаемыми обещаниями; умением оказывать влияние на людей, личным превосходством.

б) Образ должен быть целостный, непротиворечивый, «сбалансированный».

в) Осмысленный, а это достигается знаниями о данной категории людей («из директоров», «из партаппарата» и пр.). Акцентирование внимания на тех или иных чертах биографии позволяет «управлять» осмысленностью имиджа.

г) В формировании имиджа должны присутствовать психологические установки. Они играют огромную роль в межличностном восприятии и

оценивании, а потому должны формироваться самим кандидатом, его сторонниками и неофитами, средствами массовой информации. И здесь можно использовать факты биографии, достижения, отношения, свидетельскую рекламу и пр.

д) Социальные роли должны быть связаны с «идеальным образом», эффект от них только усилится, если они будут связаны с позитивным мифотворчеством: «кумир», «хозяин», «герой», «заступник».

Использование вербальных и лингвистических приемов

Они не столь действенны, как отмеченные выше, и скорее всего не имеют самостоятельного психологического значения. Но их применение может существенно усилить результативность существующих технологий. Нередко данные приемы представляются как НЛП-технологии (нейро-лингвистическое программирование), т. е. воздействующие непосредственно на подсознательный уровень восприятия, программирующий заранее заданное отношение к кандидату.

Эффективность их определить практически невозможно, но и отрицать программирующие поведение возможности было бы неверным. Такие приемы рекомендуют применять в тех случаях, когда явно недостаточно убедительных фактов, свидетельствующих о сильных сторонах личности кандидата или его явных преимуществах. Позитивное отношение достигается без какой-либо аргументации, только за счет эффекта психологического воздействия, возникающего вследствие их применения. Отметим некоторые из них.

а) Применение номинализаций (отглагольных существительных). В результате создается эффект завершенного действия, а следовательно, программируется впечатление о достижении результата. Например, «выдвижение на политическую арену генерала N» воспринимается не как его включение в политическую деятельность или избирательные списки, а как завоевание позиций. Такой феномен восприятия имеет исторические корни: если раньше о ком-то много писали, что он выдвинут на соискание Ленинской или Государственной премии, то со стопроцентной вероятностью можно было сказать, что этот человек ее получит.

б) Проекция информации. В качестве примера рассмотрим такие расхожие выражения: «Он с детства был очень любопытен...» или «Жизнь его не баловала...» и т. д. В них заложен бессодержательный и никак не аргументированный, но в то же время позитивный посыл на формирование положительного отношения к кандидату. Но, если разобраться, они не несут никакой смысловой нагрузки. Скажем, «любопытство» – это качество, которое само по себе не может быть плохим или хорошим, но будет таковым в зависимости от его направленности. Однако в обыденном сознании любопытство часто отождествляется познавательной потребностью, которая, в свою очередь, рассматривается как проявление конструктивности интеллекта, а это уже позитивная черта имиджа. Что же касается «жизни, которая не баловала», то с кем сравнивать? Согласно буддийской философии, вся человеческая жизнь – это цепь непрерывных страданий и многое зависит от установок на негативные события. Но, конечно, жизненный путь у людей

разный, и если уж говорить о том, что «жизнь не баловала», надо аргументировать сказанное. Однако, прием этот, что называется, работающий, формирующий положительное отношение.

в) Использование неопределенности как фактора, характеризующего понимание сущности, заинтересованность. Например, высказывание типа «вижу, здесь есть проблема...», обычно воспринимается как стремление ее решить, а на самом деле является констатацией факта понимания существования самой проблемы. Обыденное сознание нацелено только на такое восприятие, этим и пользуются. Заметим, что это один из излюбленных приемов при гадании, когда неопределенную информацию каждый воспринимает сквозь призму своих актуальных проблем и отношений.

г) Гиперболизация информации о личностных качествах, создание ореола исключительности. В этом случае эффект достигается, если данная информация преподносится с высокой уверенностью и без какой-либо аргументации. Формируется образ не столько лидера, сколько вождя. К. Юнг по данному поводу высказал следующую мысль: «...был бы Гитлер женатым, воспринимали бы его в 30-е годы как исключительную личность, вождя нации?» Вряд ли.

д) Использование психологических связей. Они являются проявлением восприятия на уровне обыденного сознания, когда одни качества или поведенческие реакции жестко связываются с другими. Например, гневливость часто воспринимается как проявление мужества, силы личности (это умело использует В.В. Жириновский), демонстрация слишком большого оптимизма – как отсутствие реалистичности, торопливость – как слабость, а не деловитость. Сходно и восприятие щедрости, она оценивается не богатством и количеством даримого, а душевным настроем при дарении (вернее, поведением, свидетельствующим о таком настрое...). Психологические ассоциации возникают и переходят в отношение так же и при опоре на какой-то бросающийся внешний признак.

Итак, нами были рассмотрены основные психологические характеристики политического имиджа, общие требования, обуславливающие его эффективность, условия и факторы его привлекательности, основные психологические технологии и модели. Применение данных знаний, несомненно, сделает деятельность по созданию привлекательного политического имиджа более продуктивной.

Психологические условия укрепления авторитета субъекта политики

Авторитет политика как психологическое явление нельзя рассматривать в отрыве от его деятельности. Следовательно, его сущность, содержание, развитие и проявление полностью определяется сознанием субъекта политики. Поэтому истоки и происхождение авторитета политика связаны, с одной стороны, с его личностью, а с другой – с коллективным характером труда. Это обусловлено тем, что жизнь в коллективах требует согласования усилий, координации совместных или индивидуальных действий в интересах достижения как личных, так и коллективных целей. При этом чем сложнее и масштабнее задачи, чем сложнее обстановка, тем острее необходимость в авторитете лидера.

Анализ политической деятельности показывает, что там, где ее субъекты имеют истинный авторитет, лично занимаются вопросами формирования авторитета у подчиненных, там высокие показатели работоспособности и здоровая морально-психологическая обстановка в коллективах. Иначе и быть не может, ибо все это взаимосвязано, а авторитет субъекта политики выступает фактором объединения людей, создания коллектива единомышленников, где первую скрипку играет лидер. Итак, что же представляет собой авторитет, каковы его научно-теоретические и практические основы, существуют ли оптимальные пути его укрепления?

Должностной и личностный авторитет политика

Термин авторитет означает власть, влияние, достоинство, силу. Он рассматривается и как форма дисциплины, способ регулирования деятельности людей, как совокупность отношений, возникающих между людьми. Он представляется в широком и узком смысле слова.

Авторитет в широком смысле – есть общепризнанное неформальное влияние лидера на подчиненных в различных сферах деятельности, основанное на должностном положении и высоких личностных характеристиках. Однако не любое влияние обеспечивает авторитет. Для него характерны как минимум три особенности: во-первых, чтобы влияние было постоянным, а не разовым; во-вторых, воздействие политика должно осуществляться на большинство или всех подчиненных; в-третьих, носителя авторитета отличает явный приоритет во влиянии, то есть однозначная направленность влияния от лидера на подчиненных, их неравенство во взаимодействии.

Авторитетное влияние есть процесс и результат изменения носителем авторитета поведения подчиненных, их установок, намерений, представлений, оценок и других характеристик сознания и деятельности в ходе взаимодействия с ними. Влияние авторитета политического лидера по степени взаимодействия может быть активным – при непосредственном контакте с подчиненными; пассивным – при самооценке, сопоставлении своего поведения и деятельности подчиненных с поведением и деятельностью авторитета в аналогичных ситуациях, когда непосредственного контакта между ними нет. По объекту воздействия авторитет может влиять на практическое поведение и деятельность военнослужащих; на элементы психологии личности (эмоциональную, волевою, интеллектуальную сферы, ценностные установки, мотивацию и т. п.). По способу воздействия влияние авторитета может быть направленным и ненаправленным.

Направленное влияние реализуется через механизмы убеждения и внушения. Основу убеждения составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче. Применение убеждения авторитетом предполагает воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному критическому суждению, тем самым добиваясь сознательного согласия с выставленными требованиями. Внушение – процесс воздействия носителя авторитета на психическую сферу человека, связанную со снижением сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого руководителем содержания, с отсутствием целенаправленного

активного его понимания, развернутого логического анализа и оценки в соответствии с прошлым опытом и данным состоянием человека. Использование метода внушения предполагает определенный уровень психологической подготовленности человека. Ненаправленное влияние осуществляется через механизмы заражения и подражания. Заражение есть процесс передачи эмоционального состояния носителя авторитета своим подчиненным на психофизиологическом уровне контакта, помимо смыслового воздействия. При наличии обратной связи между подчиненными заражение принимает вид циркулярной реакции и может вызывать массовую панику, страх, либо уверенность в действиях, способствовать героическим поступкам. Подражание предполагает следование примеру, образцу авторитета. Подчиненные внешне и внутренне идентифицируют себя с другим человеком либо с обобщенным стереотипом поведенческих и личностных характеристик, которыми и должен выступать руководитель – носитель авторитета.

Авторитет в узком смысле – это одна из форм осуществления власти. Особенности авторитета как формы влияния (власти): он имеет как прямой характер воздействия на деятельность людей, может осуществляться в формах приказа, распоряжения, так и опосредованный характер – исполнение приказа, основанного на авторитете, предполагает уверенность исполнителя в его легитимности (законности), а не сознание того, что за исполнение или неисполнение может последовать поощрение или репрессии приказывающего.

Власть авторитета гарантируется ненасильственными способами. М. Вебер указал на следующие из них: традиция, легальность, харизма.

Авторитет выражается в способности политика направлять, не прибегая к насилию, поступки и мысли людей. Главная ролевая функция авторитета заключается в регулировании взаимоотношений подчиненных в условиях совместной деятельности. Авторитет основывается на любых преимуществах перед окружающими, и поэтому является фактической властью, а его влияние осуществляется не только на деятельность (как у формальной власти), но и на психику, сознание, убеждения, нравственные ценности (в этом проявляется его неформальный характер и реальная сила). Причем влияние истинного авторитета воспринимается не критически, распоряжения выполняются без особых размышлений, ибо в основе таких взаимоотношений лежит полное доверие подчиненного своему руководителю.

Рассмотрим некоторые аспекты процесса институализации авторитета в коллективах. Формальная сторона авторитета представляет собой приоритетное влияние на подчиненных, основывающееся на должностном положении в производственной иерархии и закрепленное нормами и правилами, установленными законами РФ и документами органов управления. В организациях эффективность коллективных действий зависит от четкой функционально-ролевой дифференциации и специализации, а поэтому институализация и формальное закрепление авторитетных позиций руководителя, наделение его властными полномочиями обязательно. Неформальное влияние авторитета выражается в субъективной способности и готовности человека к выполнению роли носителя авторитета, а также

признание со стороны подчиненных за ним этого права, доверия и уважения к нему.

Но не только носитель авторитета оказывает влияние на подчиненных. Существует и обратное влияние. Взаимообразное влияние основано на общности интересов взаимодействующих субъектов, отсутствии принципиальных противоречий между ними, на соответствии характера и результатов труда носителя авторитета социальным ожиданиям и потребностям коллектива, его ценностям и задачам, которые объединяют людей для их совместной деятельности. В этом плане, очевидно, правомерно утверждать, что, зная коллектив, его ценности, интересы, можно прогнозировать, кто в нем будет пользоваться авторитетом, а поэтому управлять процессом его формирования.

Авторитет – это универсальное психологическое явление, присущее каждой общности людей. В любом коллективе наряду с руководителем авторитетом пользуются и другие равные по должности или нижестоящие в иерархии подчиненные. Стереотип авторитета существует в общественном сознании каждого коллектива, и в соответствии с ним происходит оценка авторитетности того или иного руководителя. Политик не только подстраивается под эти стереотипы, но и, используя свое положение, влияет на формирование выгодных ему стереотипов авторитета.

Авторитет политика есть совокупность сравнительно самостоятельных слагаемых, одни из которых носят объективный характер (в том смысле, что не зависят от воли и сознания субъектов деятельности), а другие – субъективный (находятся в прямой зависимости от личностных качеств и деятельности самого человека). В числе объективных слагаемых авторитета руководителя важное место занимают те, которые делегированы ему независимо от его личности. Структурно-функциональный подход позволяет определить место руководителя, носителя авторитета. Каждый политик ощущает на себе переданную ему такую часть авторитета, которую можно назвать делегированным авторитетом, наиболее ярко выраженной в должностной составляющей.

Структурно авторитет политика можно представить как должностной и личностный авторитет, а последний, в свою очередь, подразделяется на профессиональный и нравственный. Чтобы лучше уяснить суть феноменов должностного и личностного авторитетов, определить, где же между ними проходит водораздел, прибегнем к следующим рассуждениям. Любой коллектив можно рассматривать в двух планах: как формальную и неформальную организацию.

Соответственно этим двум организационным структурам правомерно говорить и о двух присущих им типах взаимоотношениях людей: формальных и неформальных. Отношения первого типа – должностные, функциональные, второго – психологические, эмоциональные. В системе формальных (официальных) отношений проявляется прежде всего должностной авторитет политика, а в неформальных (неофициальных) – личностный. Причем роль политика как формального лидера заранее определена, официально определены

его функции. Его роль как неофициального лидера, обладающего неформальным авторитетом, возникает не по штатному расписанию, часто стихийно, в процессе деятельности.

Авторитет личности возникает при условии, если политика признают в обществе как своего лидера, отвечающего сложившемуся стереотипу авторитета в коллективе, обладающему соответствующими личностными характеристиками. Если должностной авторитет – это прежде всего социальный феномен, то авторитет личности – психологический. В этом их основное различие.

Должностной авторитет политика в коллективе связан с выполнением важнейших функций организации, которые представляют собой часть критериев в шкале ценностей общества и характеризуют отношение государства и его граждан к данным функциям через социальный статус подчиненных по сравнению с другими социальными группами общества. Организация наделяет лидера правами, обязанностями, определяет профессиональные, нравственные и иные характеристики, соответствующие материальные, бытовые и другие условия, создавая своего рода модель авторитетного политика, способного успешно выполнять возложенные на него функции.

Должностной авторитет придается политику и содержательно определяется совокупностью функций и полномочий по должности, независимо от его личностных качеств. Как известно, должности имеют горизонтальную и вертикальную структуру. Отсюда, чем выше должностное положение человека в иерархии, а соответственно, и шире должностные полномочия, тем выше его должностной авторитет.

Таким образом, должностной авторитет политика представляет собой совокупность функций и полномочий, делегированных организацией для конкретных должностей.

Наряду с объективными составляющими каждый имеет личностный авторитет, истоки и основа которого в личности политика. Причем даже если он сам не стремится к завоеванию авторитета, не думает о нем, то все равно он у него или есть или нет. Данное обстоятельство обусловлено тем, что авторитет – это неотъемлемый атрибут, символ общности каждого коллектива, обязательное условие его социально-психологической характеристики.

Личностный авторитет подразделяется на профессиональную и нравственную составляющие. Профессиональный авторитет представляет собой результат политической деятельности. Он тесно связан с должностным авторитетом. Если должностной авторитет выступает в качестве обобщенного образа конкретного типа специалиста, то профессиональный авторитет представляет собой реализацию этого образа на практике. В документах политических организаций определяется содержание обязанностей и прав по конкретным должностям, то есть программируется своего рода модель политика-профессионала, а с другой стороны – моральные, профессиональные качества, уровень подготовки и другие требования к личности, удовлетворение которым позволяет считать его истинным профессионалом.

Чтобы выполнять какие-либо политические функции, человек должен обладать соответствующими качествами. Причем в зависимости от должности к нему предъявляются различные требования, то есть кроме базовых качеств, характерных для всех политиков, каждый из них должен обладать специальными качествами, соответствующими конкретной политической деятельности.

В числе субъективных составляющих личностного авторитета политика выделяется нравственный (моральный) авторитет. Он не связан с официальными полномочиями и является авторитетом духовным, обусловленным, в первую очередь, моральными качествами политика и его способностями адекватно выражать смысл нравственных требований общества и коллектива в особенности. Нравственность проявляется в поведении и действиях человека и является следствием развитости морального сознания, а последнее формируется в процессе нравственного воспитания и моральной практики. В основе нравственного авторитета лежат более высокие моральные характеристики личности: достоинства и заслуги, богатый моральный опыт, высокие нравственные качества и соответствующие им поведение и деятельность.

В социально-психологическом плане авторитет политика характеризуется следующими свойствами:

а) широтой распространения на людей, то есть на большинство коллектива;

б) устойчивостью, то есть отсутствием колебаний на коротком отрезке времени;

в) инерцией – сохранением ранее сложившейся репутации, хотя условия и сама деятельность могут измениться;

г) иррадиацией, то есть распространением авторитета на все стороны личности, если в главном руководитель проявил себя с лучшей стороны, и на все стороны его деятельности, даже на те, где он себя еще не проявил;

д) законом подтверждения, требующим постоянного подкрепления авторитета новыми поступками и делами. Следовательно, авторитет, как и другие социально-психологические явления в коллективах, подвижен, динамичен, может развиваться, усиливаться и наоборот, снижаться, утрачивать силу.

Что же касается основных функций авторитета в политической деятельности с точки зрения их содержания, то их сводят к следующему:

■ объединение, интеграция в обществе или в его институтах;

■ принятие оптимальных решений, позволяющих эффективно решить как индивидуальные, так и социально-политические задачи;

■ социальная защита людей, забота о них, поддержание порядка и законности в организации;

■ упрочение системы взаимоотношений, каналов эмоциональной связи, близость к людям, предотвращение отчуждения подчиненных от руководителя.

Авторитет – это прежде всего взаимоотношения в политической деятельности. Субъект политики, с одной стороны, устанавливает и регулирует

такие отношения, а с другой – сам является равноправным их участником. Субъект-объектные отношения подчеркивают роль начальника и наступают при управлении коллективом. Субъект-субъектные отношения предполагают равенство, партнерство, товарищество, близость к людям.

Инициирование обновления, генерирование оптимизма и социальной энергии, мобилизация подчиненных на достижение коллективных целей и задач. Новаторство – важнейшая характеристика авторитета. Объективные законы развития общества требуют от авторитетного политика генерации новых идей, действий. Стагнация, как известно из истории, приводит к свержению прежних авторитетов и поиску новых.

Легитимация роли носителя авторитета, заключающаяся в убеждении подчиненных в объективности и необходимости своего авторитетного места. Это процедура общественного признания, объяснения и оправдания необходимости авторитета руководителя.

В политической психологии выделяют политиков в зависимости от их авторитета на имеющих истинный авторитет и ложный. Истинный (подлинный) авторитет является наиболее сильным фактором воздействия на сознание и волю людей, степень их сплоченности и организованности. Сила подлинного авторитета в том, что он способен мобилизовать, придав действиям людей целенаправленный характер. Носитель истинного авторитета способствует формированию психологической готовности подчиненных к решительным действиям, чувства личной ответственности за выполнение обязанностей, уверенности в руководителе, его решениях, которые выполняются не столько потому, что приказ, сколько потому, что они исходят от авторитетного человека.

Виды ложных (мнимых), псевдоавторитетов. Псевдоавторитет подавления характеризуется стремлением политика путем демонстрации превосходства в правах и полномочиях держать подчиненного в постоянном безотчетном страхе перед наказанием. Псевдоавторитет расстояния предполагает, что субъект политики стремится всегда держать подчиненных на определенном расстоянии, дистанции, допускает только официальные контакты с ними. Он всегда недоступен и загадочен, создает искусственные барьеры для подчиненных и привилегии для себя. Псевдоавторитет педанта заключается в том, что лидер создает целую систему ненужных условностей, искусственно насаждаемых мелочных традиций, стремится превратить их в основу отношений к людям. Это ведет к несогласующимся со здравым смыслом придиркам, к неуверенности подчиненных в своих действиях, растерянности, порождает мелочность в требованиях. Псевдоавторитет резонерства отличается тем, что руководитель показывает себя всезнающим. Он занимается бесконечными поучениями, назиданиями, читает нотации. Псевдоавторитет доброты, подкупа, посул – для такого политика характерно попустительство, снижение требовательности. Это «рубаха-парень», псевдодемократ.

В целом можно отметить, что авторитет возникает, формируется и функционирует в процессе политической деятельности как ее объективная потребность в координации, управлении. Сущность авторитета заключается в

способности руководителя (носителя авторитета) оказывать влияние на сознание и поведение подчиненных в силу присущих ему полномочий и личностных характеристик. В структурном плане авторитет представляет собой совокупность объективных и субъективных составляющих, а именно: должностной и личностной. Последний включает профессиональный и нравственный авторитет.

5.4. Психолого-акмеологические детерминанты подбора политической команды

Существенные информационные, интеллектуальные и эмоциональные перегрузки субъектов политической деятельности, вызванные возрастанием роли и усложнением социальных систем, привели к необходимости оптимизации не только индивидуальной, но прежде всего совместной деятельности политической команды. Более 80% из числа опрошенных в 2000 политиков на первое место в числе проблем, с которыми им приходится сталкиваться, они ставят подбор членов политической команды, поиск людей, способных к эффективному взаимодействию в ходе реализации политической стратегии. 64% политических лидеров считают, что успех возглавляемой организационной структуры определяется тем, насколько эффективно подобраны ближайшие помощники. Каждый третий опрошенный политик отмечает, что имеет определенные трудности в их подборе. Из них 77% не владеют навыками оценки творческого потенциала, 52% отмечают у себя отсутствие специальных психологических знаний, а 47% считают необходимым специально подготавливать специалистов управления для правильного подбора ими своего ближайшего окружения и эффективной расстановки кадров.

Актуальность проблемы определяется и тем, что если ранее традиционно центральной фигурой в исследованиях проблемы повышения эффективности политической деятельности выступал лидер, то теперь большее значение приобретает изучение его окружения, которое в значительной мере определяет и специфику политических действий, и стиль политического менеджмента, и характер взаимоотношений в организации, а в конечном счете и стабильность организационной структуры политической организации, и эффективность ее функционирования как целостного феномена.

Все это позволяет утверждать, что при создании эффективно действующей политической команды важной составляющей в структуре профессионализма политиков различного уровня выступает способность оптимально формировать свое ближайшее окружение в организации, на основе как реальной оценки личностных качеств персонала, их творческого потенциала, так и рефлексивной оценки собственных индивидуально-психологических и личностных характеристик.

Однако понятие «команда», а тем более «политическая команда» в политической психологии пока не получило официального признания. Основную причину этого надо искать за пределами психологической науки. По нашему мнению, она кроется в том социальном контексте, в котором осуществлялась реальная политическая деятельность. Жесткое ограничение свободы руководителя на мотивационном и целевом уровнях, оставлявшее

возможность проявления его собственного «Я» лишь на уровне операциональном; сложившаяся практика комплектования управленческих структур сверху, предполагавшая минимальное участие непосредственного руководителя; формализованная система отбора руководящих кадров и механизм их продвижения в управленческой иерархии – все это не создавало объективных предпосылок для формирования соответствующего социального заказа.

В отличие от отечественной науки, в зарубежной, и прежде всего американской теории управления и организационной психологии, понятие «команда» в последние годы получило широкое распространение. Его смысловая нагрузка достаточно своеобразна: понятие «команда» используется зарубежными теоретиками, как правило, для обозначения рабочих групп, созданных в рамках организации для решения определенного круга поставленных руководством задач. Исследования же собственно управленческих команд носят весьма ограниченный характер. Наконец, принципиальные отличия организационной среды, кросс-культурные различия существенно ограничивают возможности переноса данных, накопленных в западной психологии, в практику отечественного управления. Это ставит отечественную науку перед необходимостью проведения собственных исследований в русле обозначенной проблематики.

Современное состояние разработанности проблемы выявления психологических основ формирования руководителем управленческой команды характеризуется, с одной стороны, разнообразием теоретических конструкций, которые уже используются в реальной практике и могут служить основой построения эффективной модели взаимодействия руководителя с его ближайшим окружением, с другой – наличием целого ряда противоречий, обусловленных интенсивной Динамикой современной жизни. Прежде всего это противоречия между:

- социально-экономическим контекстом психологических исследований закономерностей существования и развития групп, руководства и лидерства в отечественной психологической науке и конкретными реалиями современной жизни, в которых осуществляется управленческая деятельность;

- социокультурным контекстом зарубежных исследований управленческой деятельности, динамики формирования и развития управленческих команд и реалиями отечественной практики управления и взаимодействия руководителя с его ближайшим окружением;

- декларируемыми руководителями-практиками мотивами подбора членов управленческой команды и его реальным целевым и мотивационным обеспечением;

- существующим в психологической науке спектром направлений по изучению эффективности совместной деятельности групп и коллективов, групповой динамики и лидерства и реально присутствующими в управленческой практике направлениями образования указанных объединений, их жизнедеятельностью;

– арсеналом технологий создания и способов изучения указанных групп, наработанных психологической наукой, и алгоритмом подбора и диагностики подбираемого персонала, используемым в управленческой деятельности руководителями-практиками.

Одной из особенностей проблемы выявления психологических основ формирования руководителем управленческой команды является ее ярко выраженный акмеологический характер. Находясь на стыке целого ряда научных дисциплин (теории управления, социологии организаций, социальной психологии, психологии личности, психологии управления, психологии развития, а также конкретной практики управления), выделенная проблема для своего эффективного решения требует особой проекции как на каждую из них, так и на реальную управленческую деятельность. Представляется, что системное рассмотрение психологических особенностей формирования руководителем управленческой команды, преодоление выявленных в ходе предпринятого теоретического анализа противоречий возможны путем применения комплексного психолого-акмеологического подхода, который разработали О.С. Анисимов, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Н.В. Кузьмина, Л.Г. Лаптев, В.А. Пономаренко, И.Н. Семенов, Е.А. Яблокова и др.

Специфика рассмотрения личности руководителя и управленческой команды с позиций психолого-акмеологического подхода предполагает, во-первых, исследование личности и деятельности руководителя с точки зрения достижения им вершины профессионального мастерства в управленческой деятельности, максимальной творческой и жизненной самореализации. Во-вторых, выступая основанием рассмотрения руководителем его взаимосвязей с миром во всем их многообразии, психолого-акмеологический подход не только обеспечивает, но и предполагает в качестве обязательного условия рассмотрение личности и деятельности политика прежде всего как активного субъекта, который активно ищет и создает условия успешной самореализации, осуществления возникающих и поставленных им самим задач. Одним из таких средств выступает формирование руководителем своего ближайшего окружения: управленческой и собственной команды. Именно окружение выступает причиной, следствием, фактором и результатом формирования личности руководителя, стимулом и одновременно тормозом на пути достижения им вершин его личностного и профессионального роста. Только путем многофакторного, комплексного анализа можно вычленишь условия, обеспечивающие оптимизацию этого процесса, разработать эффективные технологии и алгоритм формирования команды, выбрать стратегии внутрикомандного поведения, наиболее адекватного половозрастным, индивидуальным и личностным особенностям руководителя. Наконец, в-третьих, акмео-логия в широком ее понимании, в том числе и управленческая акмео-логия, это наука об условиях и факторах достижения возможной вершины не только личностью, но и группой, организацией, народом и в конечном счете человечеством, т. е. любой формой субъективности, выбираемой в зависимости от предпочитаемого масштаба анализа и исследования.

Полагаем, что управленческая команда может восприниматься именно в качестве такой единицы субъектности при анализе политической деятельности руководителя. И с этих позиций рассмотрение возможных видов и типов управленческих команд, обусловленных различными стратегиями их формирования, есть, с одной стороны, рассмотрение условий и факторов развития личности самого руководителя, с другой – опосредованное этим выявление условий достижения группового акме внутриорганизационной структурой, непосредственно определяющей характер существования и пути развития организации в целом.

Психологическую основу деятельности политика по формированию управленческой команды составляют как объективные социально-психологические макроусловия, требования организационной среды, сфера управления, цели и задачи организации, особенности конкретной организационной структуры, так и субъективные составляющие: опыт, возраст, уровень профессиональной и управленческой компетентности, психологические характеристики личности субъектов управления, управленческая позиция руководителя, особенности его ориентации в нормативно-ценностном пространстве, приоритет в ориентациях на внешнезаданные и собственные задачи, выступающие психологическими детерминантами выбора субъектом управления стратегий подбора ближайшего окружения, типа формируемой им управленческой команды и конкретных способов организации этого процесса.

Психологические основы процесса подбора руководителем своего ближайшего окружения, формирования управленческой команды неразрывно связаны с проблемой поиска реального субъекта управления в организации, которая выступает сегодня как одна из ключевых в исследовании управленческой деятельности, выявлении реальных путей ее оптимизации.

Анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной проблемам управления, выявляет специфический способ выделения этого субъекта, который можно назвать функциональным. Так, в отечественной психологической литературе в последнее время широко распространилось понятие «коллективный субъект управления», под которым понимается достаточно широкий спектр явлений, в частности: «...такая форма управления социальной системой, которая предполагает совместную деятельность группы руководителей (управленцев) и специалистов разного профиля. К таким формам относятся, например, административно-управленческий аппарат организации, предприятия, хозяйственные советы, производственные совещания, комиссии, коллегии, коллегиальные органы управления и т. д. При этом подчеркивается, что «...фактически отсутствуют исследования психологических проблем взаимодействия руководителей, имеющих как разные, так и одинаковые управленческие ранги». Главный же упор делается на исследования в русле традиционной парадигмы, когда коллективная форма управления рассматривается как результат совместной деятельности, достаточно протяженной во времени, и выражается во все большем участии членов коллектива в самоуправлении.

Указанный подход вносит ценный вклад в рассмотрение коллективного субъекта политики как динамической, развивающейся системы, не ограниченной официально установленными рамками, а формирующейся во взаимодействии формализованных и неформализованных управленческих процессов (Т.Ю. Базаров, А.И. Донцов, Е.С. Жариков, А.Л. Журавлев, Р.Л. Кричевский, А.И. Пригожий, А.Л. Свенцицкий, А.В. Филиппов, А.У. Хараш и др.). Это тем более важно, что традиционно психология управления (по крайней мере отечественная) основной акцент в анализе процесса управления ставила на личности руководителя, рассматривая особенности коллектива лишь как особенности объекта управленческой деятельности. Долгое время эффективность деятельности всего коллектива в целом рассматривалась в прямой связи с личностными качествами только одного лица – руководителя. Это в значительной мере упрощало реальное положение вещей и в конечном счете приводило к идее поиска универсальных качеств, набор которых позволял субъекту управления при любом стечении обстоятельств добиваться для подопечных ему людей наивысшего результата.

Еще одной особенностью работ, посвященных психологическим аспектам управленческой деятельности, является то, что в большинстве из них, если говорить в терминах теории деятельности, процесс управления рассматривается как самостоятельная деятельность, а не как хотя и сложная, но, в большинстве своем, все же только система действий в более широком контексте систем деятельности личности конкретных руководителей. Во многих работах имплицитно содержится мысль о том, что и сами цели этой деятельности изначально заданы руководителю извне и приняты им либо в связи с самим фактом занятия им места руководителя в конкретной фирме или организации, либо в силу его политических или иных качеств, которые в нашей стране в значительной мере определяли саму возможность пребывания на руководящей работе.

Сказанное отнюдь не предполагает вывода о том, что мотивационный и целевой аспекты деятельности управленцев не выступали предметом исследования. Речь идет лишь об определенных установочных моментах в самих работах. В то же время полагаем, что успешная, прежде всего с позиций ее прогностических возможностей, оценка личности и деятельности руководителя должна учитывать характер тех задач, на которые он ориентируется в ходе выполнения своей управленческой деятельности. Принципиальной при этом является позиция руководителя: ориентируется ли он на реализацию своих собственных задач, сформулированных им в процессе включения этой деятельности в более широкую систему его собственной жизнедеятельности, или он ориентирован на реализацию принятой им заданной извне деятельности. Такое понимание логически вытекает из идей субъектно-деятельностного подхода к исследованию личности (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, А.Г. Ас-молов, Л.С. Выготский, Э.В. Ильенков, Е. А. Климов, А.Н. Леонтьев, М.К. Мамардашвили, В.Н. Мясищев, В.А. Петровский и др.).

Наконец, несмотря на обширный материал, накопленный в отечественной психологии и акмеологии в русле исследования групп и коллективов, управленческие коллективы до последних лет не являлись предметом самостоятельного анализа, хотя проблема исследования взаимоотношений и взаимодействия руководителя с его ближайшим окружением имеет достаточно интересную и весьма длинную историю (А.И. Донцов, Ю.Н. Емельянов, А.А. Игнатенко, А.Г. Ковалев, Е.С. Кузьмин, А.С. Макаренко, Р.С. Немов, Б.Д. Парыгин, А.В. Петровский, А.В. Понеделков, Б.Ф. Поршнев, Л.И. Уманский и др.). Вместе с тем реальная практика испытывала острую потребность в решении вопросов формирования именно управленческих групп, выдвигала их в разряд центральных, по-разному обозначая новую и не до конца исследованную реальность. Именно так появился и стал активно использоваться термин «управленческая команда». Не являясь до конца теоретически осмысленным и обоснованным научным понятием отечественной науки, он наполняется подчас различным содержанием и употребляется в ряду других терминов: «ансамбль управленцев», «управленческое ядро» и др.

Анализ общего и особенного в исследованиях управленческих групп, теоретических разработок, посвященных проблемам личности и деятельности руководителя, которые легли в основу концепции формирования руководителем управленческой команды, позволили сформулировать наше собственное понимание сущности изучаемого явления. В контексте исследования под командой мы понимаем любую группу людей, создаваемую руководителем в организации как на официальном, так и на неофициальном уровне для решения его собственных задач, которые в различной степени могут совпадать с целями и задачами организации. Управленческая команда – это группа, ориентированная в первую очередь на решение организационно-управленческих задач руководителя, обеспечивающая усиление его влияния на организационную структуру и людей в этой структуре как на явном, так и на латентном уровнях. Процесс формирования управленческой команды при этом может рассматриваться не только с точки зрения требований конкретной должности (профессиографический подход), что безусловно важно, но и с учетом конкретных особенностей реальной структуры организации, собственных целей и задач субъекта деятельности по ее созданию.

Основная идея предлагаемого нами подхода заключается в утверждении о целесообразности рассмотрения процесса управленческой деятельности в контексте жизнедеятельности руководителя и его ближайшего окружения сквозь призму их собственных целей и задач в рамках организационной структуры и возможности выделения на этой основе новой подструктуры в системе внутриорганизационных отношений, которая, в отличие от традиционно выделяемых формальной и неформальной структур, характеризуя прежде всего систему специфических отношений руководителя, управленческой команды, всех членов организации к ее целям и задачам, их способность и ориентацию на синтез собственного Дела, задает общий контекст управления, который в явном виде не декларируется.

Выступая субъектом управленческой деятельности, руководитель может по-разному проявлять свою индивидуальность в каждом из ее компонентов. Цели субъекта управленческой деятельности, система его мотивов, сам смысл управленческой деятельности могут быть весьма различны и по-разному соотноситься с целями организационных структур. То же самое касается задач, поставленных перед руководителем, различных управленческих функций, которые могут иметь неодинаковое место в системе его мировосприятия. Человек соотносит себя с множеством социальных условий, форм и структур жизни (прежде всего, конечно, профессиональных), ее явных и скрытых принципов и механизмов, определяя свою траекторию движения в них. В этом и состоит первая и основная проблема его личной жизни. При этом весьма важно, что, включаясь в ту или иную организационную систему, занимая в ней ту или иную ключевую позицию, обеспечивающую определенный уровень влияния на саму эту систему, руководитель как субъект собственной внутренней активности не только приспосабливается к этой системе, автоматически принимая ее цели и задачи, адаптируясь к ней, но, будучи субъектом деятельности, он активно приспосабливает окружающую (в том числе и организационную) среду к себе, подчиняет ее решению своих собственных задач. В единстве этих внешних (объективных) и внутренних (субъективных) обстоятельств и осуществляется реальная управленческая деятельность, одно из существенных отличий которой от других видов деятельности заключается в возможности использования для ее выполнения особого ресурса – усилий других людей, более того, поиска и подбора исполнителей для решения различного рода организационных задач.

Таким образом, в систему отношений деятельности на уровне реализации управленческих функций добавляется еще одна составляющая: «с кем» осуществлять деятельность. Эта составляющая может проявлять себя не только на управленческом уровне, но лишь здесь это выступает как официальная функция. При этом субъектный подход к анализу деятельности позволяет полагать, что при подборе исполнителей, и в первую очередь при формировании своего ближайшего окружения, руководитель будет ориентирован на решение не только организационных, но и своих собственных задач, которые вплетены в цикл его жизнедеятельности в управленческой структуре и подчас не осознаются и не рефлексированы в полной мере им самим.

Последнее вводит нас в еще одну плоскость личностно-деятельностного анализа. Речь идет о транспонировании системы координат «общество – организация – личность» в систему «личность – организация – общество», что, собственно, и предполагает субъектный подход к исследованию личности. Применительно к анализу управленческой деятельности это означает изучение прежде всего места, которое она занимает в жизни руководителя не только в данный момент (симультанный анализ), но и в общей стратегической перспективе его жизни. При всей очевидности подобной постановки вопроса на уровне методологическом, в анализе именно управленческой деятельности имплицитно всегда содержалась иная позиция: «Какую роль в

жизнедеятельности данной организации играет и может играть данная личность? Каковы ее перспективы с позиций данной организационной структуры?»

Полагаем, что реальное понимание функционирования организационной структуры, как и понимание личности человека в этой структуре, возможно лишь в единстве этих двух измерений.

В полной мере это относится и к проблеме формирования руководителем своего ближайшего окружения, которое должно соответствовать решению как задач организационных, так и тех, которые продуцируются самим руководителем, причем задач, как реальных, так и потенциальных. Весьма важен еще один аспект анализа проблемы личности как субъекта деятельности, который отражает ее потенциальную возможность выступать этим субъектом, ее «способность быть личностью». Способность быть личностью, выходить за рамки ситуации, быть реальным субъектом деятельности особенно ярко проявляет себя и может быть зафиксирована именно на уровне управленческой деятельности руководителя, поскольку здесь переформулировка извне заданной задачи приводит к весьма интересным, а подчас и драматическим коллизиям — от «сверхбюрократизма» до «сверхсамостоятельности» — двум полярно противоположным с позиций организационного развития и организационного функционирования феноменам, в зависимости от степени внутреннего принятия руководителем организационных задач и его способности синтезировать собственное Дело.

Проведенное исследование отношения руководителей к целям и задачам организации в зависимости от наличия или отсутствия собственного Дела, оценки значимости реализуемых управленческих функций позволило выявить спектр возможных вариантов этих отношений (см. рис. 6).

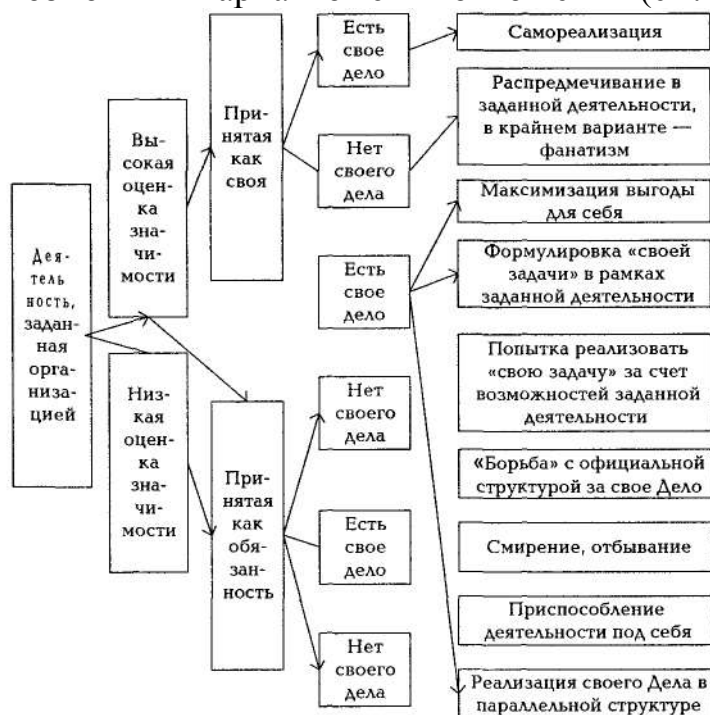

Рис. 6 Возможные варианты отношения руководителей к целям и задачам заданной деятельности в зависимости от субъективной оценки ее значимости и наличия «своей задачи»

Другая принципиальная идея предлагаемого подхода заключается в возможности и необходимости (при анализе динамики организационной структуры и управленческих команд как ее составляющих) выделения, наряду с традиционно анализируемым механизмом деятельностного опосредствования межличностных отношений и формирования системы межличностных отношений в ходе психологического присвоения извне заданной деятельности, второго, противоположного направления – синтеза собственного Дела, формирования команды единомышленников и построения на этой основе новой организационной структуры. Выступая в качестве двух составляющих реального процесса жизнедеятельности конкретных команд и организации в целом, эти две противоречивые тенденции находятся в состоянии динамического равновесия, определяя особенности скрытой структуры организации, потенциальное направление ее последующего роста и развития.

В отечественной психологической теории классический процесс коллективообразования сводится к тому, что заданная извне общественно значимая деятельность, ее цели и ценности постепенно присваиваются группой, превращая ее в коллективный субъект этой деятельности, распредмечиваясь в этом субъекте. Однако в практике существует и другой путь образования коллективов и организаций, где группа единомышленников, не имея извне заданной цели, не будучи объединена единой заданной деятельностью, сама синтезирует ее. Процесс же группообразования сводится к опредмечиванию этой деятельности, борьбе за включение ее в общий «каталог деятельности» общества или более широкой социальной структуры, путем поиска новых единомышленников, а также средств реализации деятельности. Типичным примером этого являются сегодня все негосударственные и частные структуры, которые на себе испытали сложность такого пути.

Реальный опыт функционирования организаций, история их развития, а также ряд исследований, выполненных в рамках теории нововведений, позволяют наметить несколько возможных путей дальнейшего развития групп и организационных структур, образованных по первому типу: продолжение освоения деятельности, достижение на этом пути все большего взаимопонимания между исполнителями, понимание друг друга с полуслова, полное «растворение» в деятельности, фанатическое служение делу без какой-либо попытки его преобразовать; продолжение освоения деятельности путем ее переосмысления, постановки на этом пути новых целей, поисков новой технологии, каких-либо иных способов дальнейшего ее обогащения, модернизации и др.; синтез нового дела, возможно, и не совпадающего с основной деятельностью, которая может продолжать выполняться, перестав при этом выступать основным группообразующим фактором.

В случае же, если процесс группообразования разворачивается в ином направлении, синтез нового дела выступает как исходная точка этого процесса. За ним следуют поиск способов реализации деятельности, поиск и привлечение

сторонников ее выполнения, преодоление внешних и внутренних препятствий на пути ее осуществления и легализации, попытки создания новой формальной структуры, обеспечивающей ее признание. Но на этом процесс организационного развития не завершается. Если обратиться к истории возникновения и функционирования таких организаций (взять, к примеру, известную группу по исследованию реактивного движения ГИРД во главе с С.П. Королевым), то можно заметить, что после признания обществом значимости разрабатываемой ими проблематики, создания сначала лаборатории, а затем и института, начатое дело легло в основу формирования целой плеяды коллективов, в которых оно распределено. Группа же инициаторов превратилась в группу руководителей подразделений, стоящих во главе дела, раздробившегося на множество значимых деятельности, сплачивающих вокруг себя множество групп, которые в ходе присвоения ими этих деятельности превращались в высокоразвитые сплоченные коллективы.

Таким образом, два принципиально разных направления группообразования выступают двумя сторонами одного процесса, витками спирали, по которой восходит общность (группа или организация), приобретая новое качество.

Сформулированные положения общего подхода к анализу внутриорганизационных отношений, психолого-акмеологический анализ динамики группового развития и функционирования позволяют построить общую модель управленческого взаимодействия в организации, развести понятия «управленческая группа», «управленческий коллектив», «управленческая команда».

Полагаем, что понятие «управленческая команда» может использоваться как в широком, так и в узком смысле слова. В широком смысле – это группа людей, осуществляющая реальное руководство и управление в организационной структуре. В более узком смысле оно наполняется конкретным психологическим содержанием. С этих позиций команда – это группа единомышленников, реализующая свою собственную задачу, как совпадающую, так и не совпадающую с целями той организационной структуры, в рамках которой она официально функционирует.

Таким образом, управленческая команда отличается как от управленческой группы, которая выступает функциональным объединением управленцев, так и от коллектива, прежде всего реализующего извне заданную деятельность. Вместе с тем, как управленческая группа может психологически выступать в качестве команды, так и команда вполне может быть коллективом.

Одной из особенностей команды является то, что, в отличие от коллектива, который всегда функционирует на уровне явной организационной структуры, она может действовать и в большинстве случаев реально действует на уровне латентной организационной структуры.

Наконец, понятие «управленческая команда» шире, чем понятие «управленческая группа». Будучи ориентированной на реализацию организационных целей, управленческая группа может входить в состав команды руководителя, но может и совсем с ней не пересекаться. В

значительной мере это определяется как характером его собственных задач, так и мерой его участия в формировании управленческой группы.

Различные по характеру организации, предоставляя неодинаковые возможности для реализации своих собственных целей и задач, задают различные границы проявления собственного Я руководителей, что позволяет говорить о различных «диапазонах субъектно-сти». В контексте данного исследования поддиапазоном субъектности подразумеваются возможности реализации себя субъектом управленческой деятельности в каждом из структурных элементов процесса деятельности: мотивационном, целевом и операциональном.

Ориентируясь на решение различных задач, определенным образом иерархизируя их в процессе реализации управленческих функций, руководитель с учетом этого формирует свое ближайшее окружение в организации, создавая различные пересекающиеся и не пересекающиеся группы.

Сформулированные общие положения позволили по-новому подойти к построению типологии руководителей, положив в ее основу выделенные ориентации, определяющие характер и способ их поведения в организации и прежде всего особенности формирования ими управленческой команды.

Результаты серии эмпирических исследований с применением ряда классических и авторских методик дали возможность проверить выдвинутые гипотезы, выявить комплекс условий, факторов, определяющих специфику процесса формирования руководителем управленческих команд, а также целый ряд закономерностей, которые легли в основу построения модели процесса формирования команды, типологии руководителей и самих управленческих команд.

Обнаружено, что выделенный комплекс условий задает границы, в пределах которых руководитель может выступать реальным субъектом формирования управленческой команды, а также набор ограничений на общие способы, алгоритм и технологию этого процесса.

В качестве конкретных факторов формирования управленческих команд выступают:

1. Специфика ориентации руководителя на реализацию своих внутренних и чужих (извне заданных) задач, отражающаяся в стратегиях подбора деловых партнеров, способах и стилях управления.

2. Характер ориентации руководителя на внешние нормы и внутренние ценности, определяющий как реализуемую им собственную стратегию управления, так и внешне воспринимаемое поведение. Особенности ориентации руководителя в нормативно-ценностном пространстве, а также адекватность отражения им извне заданных норм определяют его зону субъектно-сти, используемую, в отличие от диапазона субъект -ности, для описания тех составляющих управленческой деятельности, в которых руководитель ощущает себя ее реальным субъектом.

3. Индивидуальная психологическая дистанция по отношению к деловым партнерам, которая отражает характеристики смыслового пространства

субъекта управления, определяя специфику его возможного поведения в управленческой команде, характер взаимодействия с партнерами и подчиненными, меру включенности в совместную деятельность.

4. Субъективная модель управленческой деятельности и устойчивые паттерны поведения руководителя, отражающие его представления о задачах и целях управления, наиболее эффективных способах воздействия на подчиненных, ценностные ориентации, стратегии командного взаимодействия, сформированные под влиянием его жизненного опыта.

При этом существует достаточно явная опосредованность выявленных факторов целым комплексом психолого-акмеологических характеристик личности субъектов управления.

В зависимости от преимущественной ориентации руководителя на решение своих или извне заданных задач возможно выделение двух возможных типов подбора партнеров: субъектно-центрированный (подбор под индивидуальность) и телеологически центрированный (подбор под задачу).

Субъектно-центрированный подбор предполагает, что первым критерием «примеривания» выступают именно особенности личности подбираемых людей с позиций их субъективной категоризации, а не отнесение задачи к своей или заданной извне. Телеологически центрированный подбор главный акцент при подборе кадров в управленческую группу ставит на отнесении задач к разряду своих или заданных извне.

Итак, своей практической деятельности руководитель использует индивидуальные стратегии подбора персонала: подбор людей под задачу и подбор задачи под людей.

Исследование подтвердило предположение о том, что каждая из указанных стратегий детерминирована различными смысловыми и ценностными образованиями в структуре личности руководителей и не только соотносима с рамками управленческой деятельности, но и выходит за ее пределы. В частности, было эмпирически подтверждено следующее: чем меньше в жизни руководителя реализованы ценности самосовершенствования и идентификации с социумом, тем вероятнее, что при распределении задач под конкретные группы людей он будет ориентирован на учет формальных отношений больше, чем на какие-либо признаки неформального характера; чем менее придерживающимся норм считает себя руководитель, тем вероятнее, что он будет собирать вокруг себя людей, которые должны решать задачи в силу их функциональных обязанностей; чем в меньшей степени руководитель удовлетворен прожитой частью своей жизни, тем менее вероятно, что при субъектно-цен-трированном подборе он будет собирать вокруг себя людей, с которыми его связывают дружеские отношения

Анализ результатов выявил значимую связь между динамикой ориентации на различные типы задач и психолого-акмеологическими характеристиками испытуемых. Так, например, было обнаружено, что с увеличением возраста руководителей происходит расширение масштабов привлечения разнообразных групп людей под «свою кровную идею» (см. рис. 7).

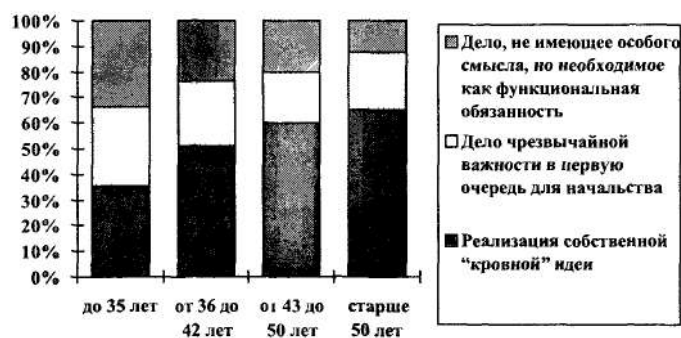

Рис. 7. Изменение ориентации руководителей на различные типы управленческих задач в зависимости от возраста

В процессе исследования было обнаружено несколько принципиально различных типов ориентации руководителей в нормативно-ценностном пространстве (на социальные нормы и внутренние ценности), которые, определяя характерные особенности мировосприятия, позволяли также дифференцировать руководителей по преимущественной ориентации либо на заданные извне, либо на собственные задачи. При этом оказалось возможным выделить различные варианты соотношения ориентации и соответственно типов руководителей, (рис. 8).

	Отраженные нормы задают ценностную оценку		Ценностные позиции определяют нормативную оценку	
	1	2	3	4
Конфликтность	внутренний конфликт отсутствует	противоречие между ценностями и нормами осознается	внутренний конфликт отсутствует	противоречие между ценностями и нормами осознается
Взаимоотношения нормативной и ценностной шкал	н → ц ↑ ↑	н → ц ↑ ↑	ц → н ↘ ↗	ц → н ↘ ↗
Внутренняя позиция	«Закон превыше всего» «Все, что нельзя, — плохо»	«Порядок есть порядок, ничего не поделаешь» «Нельзя, несмотря на то, что хорошо»	«Нормы — это условности. Нужно делать так, как считаешь нужным» «Если хорошо — то можно»	«Нормы тоже люди придумывают» «Хорошо, несмотря на то, что нельзя»
Возможные ролевые позиции при адекватном и неадекватном отражении норм	«функционер», «добросовестный служака», «бездушный бюрократ»	«эмпатичный бюрократ», «игрок», «лицемер», «перестраховщик»	«борец», «инноватор», «анархист»	«дипломат», «реалист», «политик», «Дон-Кихот»

Рис. 8. Психологическая типология руководителей по способам ориентации в нормативно-ценностном пространстве

В основание подобной дифференциации были положены:

- адекватность отражения границ внешней нормы;
- внутренняя конфликтность отраженных норм и ценностной шкалы оценки;
- выбор при принятии решений внешней нормы или внутренней оценки

Отражая специфику ориентации руководителей в нормативном пространстве, выделенная характеристика позволяет говорить о своеобразии использования каждым из описанных типов диапазона субъектности в рамках

занимаемой в организации должности, как на целевом, так и на операциональном уровнях, и соответственно о своеобразии механизмов построения внутриорганизационных отношений, процесса формирования управленческой команды

Обнаружились значимые связи ($\gamma = 0,01$) выделенных характеристик с особенностями жизненного пути и сферой деятельности реальных руководителей

Установлено, что ограничения в поведении в рамках диапазона субъектности распространяются руководителем не только на себя, но и на партнеров по управленческой деятельности. При этом они не являются инвариантными, а существенно зависят от характера взаимоотношений, и прежде всего от степени психологической близости (психологической дистанции) между руководителем и членами управленческой команды, что и было доказано в ходе специального исследования

Выявлено, что степень психологической близости существенно связана с восприятием руководителем особенностей использования членами команды власти и полномочий, меры принятия на себя ответственности, а также с характером накладываемых на этот процесс ограничений. Так, чем психологически ближе член управленческой команды к руководителю, тем более недоволен руководитель степенью использования им своей власти и полномочий ($\gamma = 0,43$ и $\gamma = 0,45$, соответственно)

При этом величина самой психологической дистанции находится в значимой статистической связи с возрастом руководителей, а также целым рядом других параметров

Результаты исследования показали, что возрастной период от 25 до 35 лет выступает как оптимальный с позиций организации. Именно в этом возрастном периоде выполнение функциональных обязанностей существенно важно. Вместе с тем очевидно, что психологические механизмы, лежащие в основе подобной ориентации, отнюдь не всегда связаны с полным принятием организационных задач. Чаще это собственное самоутверждение в профессиональной деятельности

на стадии ее освоения. Об этом говорят и результаты опросов на самом деле, наиболее «чувствительным» к организационным задачам является возрастной период от 44 до 47 лет. Период же от 25 до 35 лет как раз отличается наименьшим принятием заданных извне задач (см. рис 9)

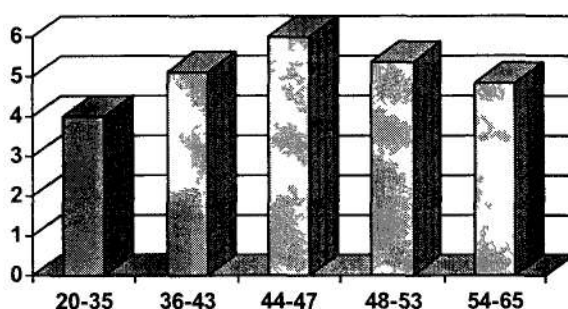

Рис 9 Возрастная динамика ориентации руководителей на организационные извне заданные задачи

Обнаружилось, что характер взаимосвязи между психологической дистанцией и возрастом руководителей носит явно выраженный криволинейный характер. При этом максимальная дистанцированность приходится на возрастной период от 50 лет и старше. Отметим, что эта дистанцированность определялась прежде всего по отношению к членам формально-иерархической управленческой команды.

В сочетании с описанной тенденцией руководителей в выделенном возрасте ориентироваться в большей мере на собственную «кровную» идею. Этот факт позволил предположить, что увеличение дистанции является результатом переноса центра тяжести в отношениях на членов собственной команды руководителей.

Достаточно велика психологическая дистанцированность от членов управленческой команды и у молодых руководителей (в возрасте до 40 лет). Как показало исследование, в основу этого заложена ориентация на команду вышестоящего руководства. Другой стороной отношений дистанцированности внутри организации выступают отношения, детерминированные как личностными характеристиками субъекта управления (руководителя), так и его личностной

позицией по отношению к организации и реализуемой им деятельности. Очевидно, что весьма индивидуальными для каждого конкретного руководителя являются интервалы оптимальной дистанцированности и силы аттракции. Речь здесь идет прежде всего о системе оценок поведения партнера во внутрикомандном взаимодействии в зависимости от степени его приближения или отдаления. Одним из показателей, характеризующих индивидуальность руководителя, выступает задаваемый им диапазон субъектности, в рамках которого поведение партнера (сотрудника или заместителя) не вызывает у него дискомфорта.

Величина этого диапазона жестко связана с психологической близостью подчиненного к руководителю. Соотношение этих величин определяет абсолютное значение угла оптимального взаимодействия, выступающего важной индивидуальной характеристикой личности руководителя.

Интерес представляет и тот факт, что с возрастом меняется величина относительного вклада (диапазона ограничений активности, обозначенного нами как «угол α »). С возрастом руководителей она растет, достигая максимума все в том же временном интервале 44–47 лет, а затем вновь уменьшается (см. рис. 10).

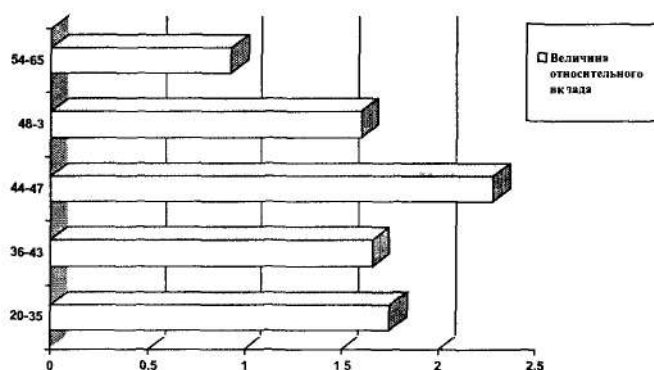

Рис 10 Возраст и величина оценки относительного вклада членов команды в политическую деятельность (тангенс угла α)

Рис. 11 Восприятие политическим лидером члена команды в зависимости от степени психологической близости (X_1, X_2, X_3) между ними

На рисунке 11 схематически представлена пространственная модель, отражающая динамику оценки политическим лидером активности члена команды в зависимости от степени его психологической близости между ними.

Иными словами, именно в возрасте 44–47 лет наблюдается максимальная тенденция создавать вокруг себя группы особо близких людей. Они создаются прежде всего внутри организационной структуры для достижения организационных целей, которые, как отмечалось, в данном возрастном периоде в наибольшей степени пересекаются с собственными целями субъекта формирования команды.

Названный возрастной период характеризуется наименьшей ориентацией на доверие во взаимоотношениях. Что касается приоритетности задач, то на первое место здесь выходят задачи, одновременно сочетающие в себе интересы как начальства, так и самого руководителя, что еще раз подтверждает общую характеристику, которую мы дали политикам, относящимся к этой возрастной группе.

Возраст 44–47 лет, видимо, выступает той кризисной точкой, в которой осуществляется переориентация руководителя, смена его управленческой установки и соответственно способов и технологий формирования управленческих команд, поскольку руководители следующей возрастной группы заметно отличаются характером ориентации, которые явно смещаются в сторону реализации своей «кровной задачи».

Интересно, что выделенная нами критическая точка значительно отстоит от точки, соответствующей традиционно выделяемому «кризису середины жизни». Этот отрыв составляет, как минимум, примерно 3–4 года. Можно полагать, что одной из причин является задержка кризисного периода у лиц, занятых управленческой деятельностью, поскольку, как правило, активное включение в нее приходится на период, непосредственно предшествующий сорокалетнему возрасту. Человек, попавший в это время на политическую должность, как бы возвращается к более раннему возрастному периоду, поскольку вынужден осваивать новый вид профессиональной деятельности, и

сам процесс этого освоения в одних случаях сдвигает, в других смягчает его протекание (см. рис. 12).

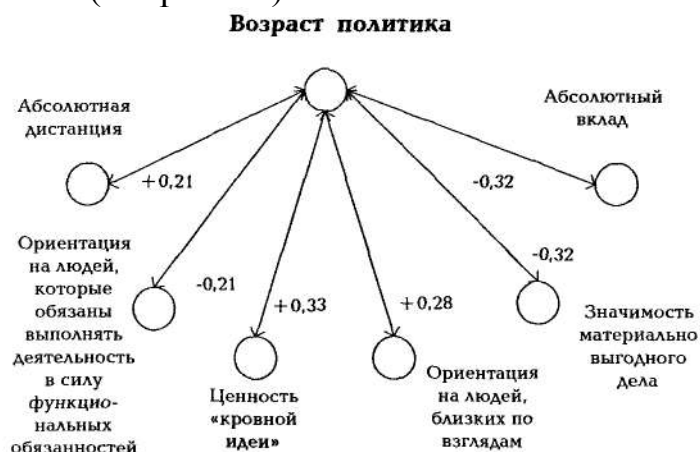

Рис 12. Корреляционные взаимосвязи возраста и ряда характеристик, отражающих специфику ориентации политических лидеров в составе команды

Корреляционный граф, приведенный на рисунке, демонстрирует проанализированные нами закономерности в общем виде на уровне значимых ($p < 0,05$) корреляций. Еще одна весьма интересная закономерность была обнаружена при анализе динамики ориентации руководителей в нормативно-ценностном пространстве. В отличие от приведенных выше зависимостей, где речь шла о чисто возрастных различиях, в этой части исследования нами было проведено сравнение между собой групп с различным стажем работы (см. рис. 13).

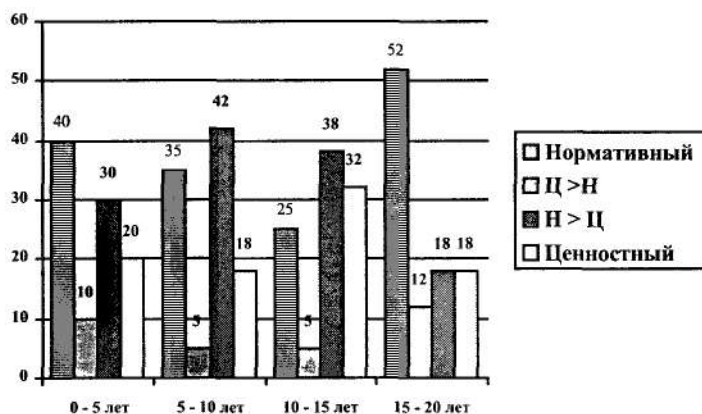

Рис. 13. Процентное распределение руководителей по способам ориентации в нормативно-ценностном пространстве в зависимости от стажа работы

Оказалось, что группа руководителей с небольшим стажем руководящей работы (менее пяти лет) характеризуется совпадением ценностной и нормативной структур. При этом для большей части руководителей характерно внутреннее принятие организационных норм в качестве собственных ценностей (все, что можно, – хорошо, все, что нельзя, – плохо).

С увеличением стажа от 5 до 10 лет картина меняется. Нормативность уходит на второе место. Большую часть в этой возрастной группе составляют руководители, которые признают известное расхождение между ценностным и нормативным аспектами внутриорганизационного поведения, однако при

принятии решений склонны руководствоваться собственными ценностями. Доля нормативных руководителей в этой возрастной группе также достаточно велика.

В наименьшей степени нормативность в оценках характеризует группу руководителей со стажем работы от 10 до 15 лет. Нормативность здесь уходит на третье место. При этом существенно возрастает число руководителей, которые, хотя и остаются на нормативных позициях, осознают их ограниченность. В целом же, как и в предыдущей группе, наибольшее число руководителей ориентированы на ценностный компонент в оценке.

Наконец, по мере увеличения стажа работы (более 15 лет) вновь на первое место, причем с большим отрывом, выходит нормативность. И вновь, как и при анализе динамики ориентации руководителей на различные задачи, а также психологической дистанции во внутрикомандных отношениях обнаруживается, что старшая возрастная группа руководителей по демонстрируемым результатам напоминает группу молодых руководителей. Вместе с тем очевидно, что это – повторение на новом уровне. И если в группе начинающих руководителей нормативность выступает этапом освоения должности, становления профессионализма, то в группе руководителей с большим стажем действуют иные механизмы.

В одних случаях это результат совпадения собственных целей и задач с организационными целями и задачами, тем более, что руководители с подобным стажем, как правило, достигают в организационной иерархии уровня, на котором могут быть реализованы собственные замыслы и происходит переход от отстаивания собственных идей и целей на уровень их внедрения (распредмечивания), а здесь, как мы уже отмечали, необходима нормативность. В других случаях руководитель, осознав несовершенство организационной структуры, невозможность реализации в ее рамках собственной кровной идеи, Дела своей жизни, изменяет отношение к ней, реализуя свою идею на уровне латентной структуры с помощью собственной команды или за пределами организации.

Все это, а также ряд других эмпирических данных позволили говорить о существовании сложной многофакторной взаимозависимости между психолого-ак-меологическими характеристиками личности руководителя, с одной стороны, целями и способами формирования управленческой команды, а также спецификой внутрикомандных отношений – с другой.

Кроме того, полученные данные дали возможность говорить о существовании особых симптомокомплексов в структуре личности и характере руководителей, определяющих индивидуальный стиль внутрикомандного взаимодействия, детерминантами которого выступают сложившиеся субъективные модели оптимальной управленческой деятельности, устойчивые паттерны поведения, обусловленные занимаемыми ролевыми позициями в групповом взаимодействии, в том числе в раннем возрасте.

Оказалось возможным выделить нескольких принципиально различных стратегий формирования управленческих команд в зависимости от тех целей,

которые пытается реализовать руководитель в пространственно-временном континууме.

Так, например, преобладание в целях формирования мотивации «защиты себя» или «защиты дела» позволяет выделить следующие варианты формирования команд:

- «защита себя» (подбор по недостаткам для повышения управляемости, подбор по преданности для защиты в настоящем и будущем, подбор на основе неформальных связей для укрепления своей позиции, подбор-компромисс между группировками и др.);

- «защита дела» (подбор по реальным достоинствам, перспективный подбор на основе оценки потенциала, подбор единомышленников, подбор под свою задачу, подбор команды под заданную извне задачу и др.).

В целом как при реализации стратегии формирования «команды поддело», так и при формировании «команды под себя» можно говорить о трехмерной технологической модели формирования руководителем управленческой команды, координатами в которой выступают: «локализация задач» (формирование команды под прошлое дело [начатое или продолжающееся], Настоящее [здесь и теперь] дело и будущее [перспективное] дело); «значимость дела» (под свое [значимое] Дело, нейтральное дело и чужое [не принятое] дело); «ориентация в подборе» (привлечение команды из прошлого, ситуативный подбор в настоящем [краткосрочная команда], формирование новой команды под перспективное будущее).

При этом показано, что способ и цель формирования команды оказывают существенное влияние на динамику ее дальнейшего развития и функционирования. Принципиально важными факторами в этом процессе выступают степень согласованности представлений о «своей команде» у руководителя и его ближайших помощников и способность команды как коллективного субъекта управления синтезировать свое дело в рамках заданной деятельности.

В зависимости от степени проявления вышеуказанных характеристик в сочетании с традиционно выделяемыми при оценке групповой эффективности удовлетворенностью отношениями и продуктивностью оказалось возможным построение новой типологии команд, фиксирующей этапы их развития в пространстве выделенных характеристик.

Так, например, оказалось возможным выделить различные типы команд в зависимости от специфики восприятия руководителем и рядовыми членами команды, обусловленного типами их ориентации (бытийный – ориентированный на обладание) и степенью принятия совместных целей как своих собственных. Каждый из типов команды обладает своими специфическими особенностями и различной степенью конфликтности.

Первый тип команд отличается столкновением между пониманием «своей команды» как «моя» руководителем и таким же пониманием со стороны рядовых членов команды. В силу того, что руководителю приходится взаимодействовать с другими членами команды, у подчиненного вследствие его аналогичной ориентации может возникать ревность по отношению к

руководителю. Поведение подчиненного в данной ситуации может принимать различные формы: от пассивного переживания обиды, сопровождающегося чувством обманутости, брошенности, предательства и т. д., до активного противостояния.

Второй тип команд: команда воспринимается в качестве «моей» подчиненным и «нашей» руководителем. Если в первом типе команд такое отношение (ревности по пассивному типу) со стороны подчиненного может руководителем не только ожидаться, но и поощряться, доставляя ему определенное удовольствие (более того, отсутствие такого отношения может даже иногда восприниматься руководителем как негативное), то в данном случае можно ожидать непонимания руководителем поведения подчиненного из-за разного смысла, вкладываемого сторонами в понятие «своя команда».

Третий тип команд отличается пониманием «своей команды» как «нашей» с точки зрения подчиненного и как «моей» с точки зрения руководителя. Здесь можно наблюдать ситуацию, обратную случаю второму: руководитель и подчиненный как бы меняются местами. Контакты, к которым стремится подчиненный, с рядовыми членами этой команды, могут рассматриваться руководителем как борьба за лидерство, попытка подорвать авторитет руководителя.

Наконец, четвертый тип команд отличает понимание и руководителем, и подчиненным своей команды как «нашей». Именно эта ситуация наиболее соответствует понятию «коллектив», однако с некоторой оговоркой. Этот тип команд изначально предполагает существование у людей, еще до встречи и реального участия в совместной деятельности, определенных коллективистских радикалов, выработанных в предыдущих деятельности в других высокоразвитых группах и перенесенных в другую ситуацию.

Выделенные факторы и закономерности позволили поставить вопрос о выявлении условий эффективного командного функционирования и путях оптимизации деятельности управленческих команд.

Проведенная серия исследований особенностей командного взаимодействия в эффективных и неэффективных организационных структурах показала, что действительно существуют оптимальные диапазоны проявления выделенных характеристик, их оптимальное сочетание у членов управленческих команд, обеспечивающее стабильность их существования и функционирования.

Так, было обнаружено, что эффективные и неэффективные управленческие команды существенно отличаются по таким показателям, как дистанция, включенность в дело, диапазоны ограничений в использовании власти, прав и обязанностей и др. (см. табл.5). j

Таблица 5.

Особенности взаимооценок членов эффективных и неэффективных политических команд в зависимости от степени их психологической близости (в условных единицах)

	Личная дистанция	Служебная дистанция	Оценка вклада	Превышение власти	Недостаточное использование власти	Превышение прав	Неполное использование прав	Чрезмерная исполнительность	Недостаточная исполнительность	Принятие на себя излишней ответственности	Попытка делегировать свою ответственность
Эффективные	Близкая	2.02	7.71	1.21	4.60	1.12	4.31	3.07	4.57	9.21	1.93
	Далекая	3.66	6.68	1.56	4.48	1.96	3.69	3.96	4.27	8.63	1.69
Неэффективные	Близкая	2.48	6.87	2.23	3.97	2.47	3.07	3.43	3.17	9.40	1.33
	Далекая	3.77	5.16	2.83	3.00	2.54	2.38	3.25	6.25	5.63	2.50
Среднее ПО выборке		2.85	7.05	1.65	4.39	1.90	3.69	3.52	4.15	8.94	1.82

Сформулированные теоретические положения, результаты эмпирических исследований позволили обосновать возможность и построить алгоритм и конкретную технологию включения в систему оценки личностного, творческого и управленческого потенциала индивидуальных характеристик, отражающих специфическую индивидуальную стратегию формирования команды, оптимальный тип управленческой команды, в котором в наибольшей степени возможна реализация как личностного, так и управленческого потенциала специалиста, наилучшую актуальную позицию в управленческой структуре, адекватную личностным особенностям объекта оценки.

Основу построения системы оценки составило выявление в структуре индивидуально-психологических и личностных характеристик управленцев и специалистов «командного радикала», отражающего индивидуально-стилевые особенности внутрикомандного взаимодействия, на основе изучения генезиса формирования выделенного симптомокомплекса личностных и психолого-акмеологических характеристик (ориентация на свои или извне заданные задачи, психологическая дистанция по отношению к партнерам по групповому взаимодействию, включенность в деятельность, способность к синтезу своего дела и др.).

Было установлено, что значительная часть характеристик имеет глубокую детерминацию, как уходящую корнями в ранние этапы развития личности, так и выходящую далеко за пределы собственно управленческой деятельности. Так, например, обнаружилась достаточно жесткая связь между типичными ролевыми позициями, которые обычно занимает человек в управленческой команде, характером и формами внутрикомандного взаимодействия и его эффективностью, с паттернами внутрисемейного взаимодействия, сформированными в раннем возрасте, которые в свою очередь детерминированы как количественным составом семьи, так и порядком рождения детей.

Значимость подобного рода факторов достаточно хорошо известна, они подробно проанализированы в зарубежной семейной психотерапии [26], однако в рамках изучения особенностей внутрикомандного управленческого

взаимодействия они ранее не выступали предметом самостоятельного исследования, хотя ряд авторов отмечал, что среди управленцев и руководителей заметно явное преобладание старших и единственных детей.

Проведенные нами исследования показали, что учет этого признака при формировании команд принципиально важен. В исследовании композиции более 90 управленческих команд обнаружилось, что 75% неэффективных команд состоит преимущественно из единственных и старших детей. Среди эффективных команд подобное сочетание встречалось лишь в 20% случаев. Наиболее эффективным сочетанием является объединение в одной команде младших и старших детей при первом лице – младшем ребенке. Оказалось, что младшие по порядку рождения дети обладают более выраженным стремлением к власти, в то время как старшие и единственные – стремлением к самопрезентации и др.

На формирование выделенных нами характеристик внутрикомандного взаимодействия существенно влияет и целый ряд иных параметров, не связанных непосредственно с управленческой деятельностью руководителя, которые оказалось возможным использовать в качестве объективных референтов их индикации как при построении прогнозов, так и при проведении организационного и управленческого консультирования.

Выделенный комплекс факторов и закономерностей формирования руководителем управленческих команд, построенные на этой основе динамические и технологические модели, выделение психолого-акмеологических детерминант этого процесса позволили обосновать и разработать новый вид управленческого тренинга и консультирования руководителей, направленный на поиск и осознание своих возможностей в организации командной работы, создание определенного типа управленческой команды.

Таким образом, проведенная нами серия эмпирических исследований показывает, что управленческая деятельность руководителя является сложным и многогранным явлением. Оно несводимо к выполнению управленческих функций, организационных целей и задач и не может быть полностью проанализировано и понято изнутри организационной структуры. В ходе реализации управленческих функций руководитель выступает не в качестве безликого объекта, изменяющегося под действием внешних факторов, он – активный субъект жизнедеятельности, в которой сама управленческая деятельность является лишь одним из компонентов. Выступая творцом внешней и внутренней ситуации, благоприятствующей достижению как организационных, так и поставленных им самим целей, руководитель, исходя из характера сформулированных им задач, детерминированных комплексом его психолого-акмеологических особенностей, формирует свое ближайшее окружение – управленческую команду. Способ, алгоритм и технология ее формирования, специфика внутриорганизационных отношений, логика развития внутрикомандного взаимодействия также находятся в прямой зависимости от психолого-акмеологических характеристик его личности.

Степень принятия извне заданных организационных задач, их соотношение с собственными задачами руководителя определяют характер и

степень его включенности в управленческую деятельность, избираемый им стиль руководства, особенности взаимодействия с управленческой командой, специфику использования диапазонов субъектности в организационной структуре, стратегии подбора членов управленческой команды, характер предъявляемых к ним требований и ограничений их поведения.

Эффективным способом анализа организационных структур и управленческих команд как их составляющих является комплексный психолого-акмеологический подход, позволяющий рассмотреть управленческую деятельность руководителя во всем многообразии ее взаимосвязей со всей его жизнедеятельностью, вычленить ее структурные элементы, понять, объяснить и спрогнозировать возможные варианты развития управленческих команд и построить эффективные алгоритм и технологию оптимизации этого процесса.

Разработанные в рамках психолого-акмеологического подхода концепция формирования руководителем управленческой команды в организации и прогностическая модель поведения руководителя в этом процессе выступают достаточно эвристичными для описания и объяснения процессов группо- и командообразования и открывают новое перспективное направление познания и преобразования практики управления в различных звеньях и сферах управленческой деятельности. Созданные и реализованные в конкретной практике алгоритм и технология оценки личностного, творческого и управленческого потенциала выступают реальным средством повышения эффективности использования личностного и управленческого потенциала работников в организации, оптимизации процесса формирования управленческих команд различного типа с учетом психолого-акмеологических особенностей субъектов формирования команды, индивидуально-психологических характеристик членов управленческих команд, сферы управленческой деятельности, конкретных особенностей и типа организационной структуры.

Полученные результаты задают направление дальнейшей теоретической разработки проблемы и определяют перспективы своего использования при формировании кадровой политики и планировании карьеры управленческого персонала, разработке систем повышения квалификации и развития уровня профессионализма руководителей за счет более эффективной работы по формированию управленческих команд, построению диагностических комплексов для выявления управленческого потенциала кадров и оценки степени их лояльности организации.

5.5. Организационная культура политической команды

Организационная культура в качестве предмета теоретических и прикладных исследований в рамках политической психологии проблематизировалась сравнительно недавно. В современном обществе можно выделить несколько причин, по которым интерес к феномену организационной культуры субъектов политики усиливается как со стороны теоретиков, так и со стороны практиков, в том числе политологов, политических психологов, специалистов по имиджу политических лидеров и др.

Главная причина этого кроется в растущей потребности политической сферы, состоящей в том, чтобы ее субъекты обладали современной культурой профессиональной деятельности. Конкурентная борьба в политике, экономике и социальной области заставила политических лидеров весь персонал обратиться к культурной специфике своих структур в поисках дополнительных конкурентных преимуществ.

В качестве одной из существенных причин активизации интереса к проблеме оргкультуры можно выделить возросший к началу XXI века интерес к гуманистической, гуманитарно-технологической и, следовательно, культурологической проблематике в целом. В политической психологии и акмеологии эта тенденция объективизировалась в так называемом культурологическом подходе к изучению социально-психологических процессов и гуманитарно-технологическом развитии субъектов политики и труда.

Следует также назвать еще одну причину, – это нейтрализация идеологического фактора, в свое время сузившего диапазон применения понятия «культура» в теории и практике, в том числе и в политической психологии. Отмеченные и другие причины определили актуальность выявления сущностных признаков организационной культуры и уточнения ее особенностей проявления в различных политических структурах. В связи с этим целесообразно заметить, что понятие организационной культуры политических институтов включает складывающиеся в них традиции, формализованные и неписанные нормы и правила поведения, ценности организации и деятельности по реализации ее цели, задач и функций. Хотя организационная культура и неосвязаема физически, но вместе с тем общепризнанно, что она является важнейшей интегративной характеристикой политической организации. Сложившаяся в ней культура определяет не только отношения внутри организации, но и ее отношения с обществом, ее имидж в глазах общественного мнения, которые в современных условиях являются неперенными факторами успеха.

Несмотря на многообразие организаций, они существуют не обособленно, а в рамках определенной общественной среды – национальной культуры. Как правило, политические организации воспроизводят в своей культуре доминирующие в национальной культуре общественные отношения, особенности экономического уклада и др.

Культура политической организации в значительной степени определяется сферой ее деятельности и в целом политикой, связями и отношениями в обществе. Организационная культура также зависит от размеров политической организации, так как принципы управления большими и малыми коллективами имеют определенные различия.

Важное значение для становления организационной культуры имеет специфика политической организации, а также особенности лидера, влияние собственников или учредителей, а также особенности лидера и других субъектов политики, взаимоотношения в коллективе.

Было бы большим упрощением относить к организационной культуре только позитивные ценности, которые в ней проявляются как традиции. Негативные «ценности», традиции или предпочтения, как, например, расовая, национальная или половая дискриминация, различия в уровне заработной платы и др., также являются частью культурного багажа той или иной политической организации. Например, до последнего времени женщина в политике была нечастым явлением, сейчас же ситуация меняется (примером тому могут служить Валентина Матвиенко, Элла Памфилова, Мадлен Олбрайт, Маргарет Тэтчер и др.). Но надо также отметить, что области, которыми они управляют, – это, в основном, социальная сфера, образование, культура, медицина и т. д., а капиталоемкие сферы остаются все еще закрытыми для представителей слабого пола.

В целом анализ различных подходов к характеристике феномена организационной культуры позволяет выделить ее наиболее общие признаки, которые, с одной стороны, проявляются как специфическая, присущая для данной политической организации система целей, ценностей, норм, связей, взаимодействия и отношений, осуществляющихся в рамках политической деятельности, способа ее институализации и ведения политического дела.

С другой стороны, организационную культуру можно рассматривать как систему представлений, символов, ценностей и образцов поведения, разделяемых всеми ее членами.

Как всякая сложная система, организационная культура может быть представлена в виде определенного состава взаимосвязанных элементов, которые также называют «чертами культуры». Основные элементы организационной культуры следующие.

1. Философия и политическое кредо организации, определяемые как «идеальная цель» организации, «исторически и логически сложившийся и современный подход к политике, политическому поведению, образу действия, которые проявляются в предпочитаемом стиле функционирования этой организации. При этом философия выступает генеральной детерминантой, мировоззренческой основой для всей архитектоники и функционирования политической организации. Политическое кредо определяется как концентрированное выражение философии и политики, провозглашаемых и реализуемых политическими субъектами. Политическое кредо политической организации включает декларирование той роли, которую она хочет играть в обществе, ее базовые цели и кодекс поведения политиков и персонала. Однако формулирование политического кредо – лишь часть политики организации. Чтобы его можно было довести до осознания каждым политиком, следует это политическое кредо включить в систему его личной мотивации и принципы политической деятельности. Для того чтобы принципы смогли сыграть свою роль, они должны быть ясно осознаны и лидерами, и всем персоналом политической команды. Лидеры своими собственными делами и поступками должны демонстрировать на практике провозглашаемые принципы, но главное, чтобы все члены политической команды реально видели те результаты работы,

которые благодаря этому достигнуты Кредо должно работать на конечный результат политической деятельности команды

2. Принятые в политических организациях конкретные концепции менеджмента и ролевые модели, через которые персонифицируется и символизируется действующая система ценностей. Символический менеджмент выступает как акция, манера действий, инсценировки, которые без лишних слов становятся понятными окружающим, указывают на происходящие изменения, объясняют суть дела и надлежащим образом расставляют акценты. При этом важную роль могут играть социально-психологические тренинги, организационно-деятельностные, деловые и непосредственно психологические игры, через которые определяется, какие официальные нормы, какую концепцию самой организации они выражают и одновременно формируют.

3. Коммуникации, которые представляют собой всепроникающий и сложный процесс обмена политической информацией, отношениями и действиями. В этом процессе необходимо выделить важный момент: часто неформальный обмен мнениями оказывается более достоверным, чем формальный. Вполне очевидно, что многие люди, собираясь вместе, охотнее всего говорят о делах. Во время бесед за письменным столом, контактов на праздничном мероприятии, разговоров в столовой или за кружкой пива непреднамеренно распространяется культура. Примером тому может служить кулуарное общение в Государственной Думе РФ (не случайно, в информационных выпусках СМИ всегда обращается внимание не только на официально принятые законы или постановления, но и на то, какие мнения высказывают в этом отношении политические лидеры в кулуарах этой же самой Думы). Данная форма получения информации отражает официальное информирование сотрудников. Кроме того, в личной беседе можно сообщить совершенно иные вещи, высказать предположение и т. д., то есть удовлетворить те потребности, которые не удовлетворяются официальным путем.

Также необходимо отметить, что устная информация и обмен мнениями, как правило, оказываются более эффективными, чем письменные объявления, предписания и т. д. При этом важно иметь в виду, что в организационной культуре присутствует и проявляется особый язык, характеризующий лицо организации и статус отдельного политика. Язык всегда позволяет сделать вывод о культуре, причем без особых усилий.

Все зависит от того, насколько люди внимательно слушают или читают. Именно с помощью языка формируется и передается культура.

4. Привлекаемые в процессе политического общения и деятельности девизы и лозунги, мифы, легенды, истории и метафоры также отражают существенную сторону организационной культуры политической структуры. Они могут значительно различаться в разных субкультурах даже одной политической организации. Например, К. Шольц употребляет понятие «словарь управленцев», отмечая, что тот словарь может быть однообразным и сводиться к таким выражениям, как «оздоровить руководство, «сбросить жирок», «скинуть балласт» и т. п.

В политике нельзя не обращать внимания на такие средства информирования, как девизы и лозунги (часто выражающие главную цель, основную ценность). Они особенно уместны во время политических акций и компаний. Например, на выборах 1999 и 2000 годов популярными были такие девизы и лозунги: «Яблоко» – «Борьба с коррупцией»; ЛДПР – «Нам нужна сильная Россия!»; КПРФ – «За победу!» (ассоциация с ВОВ), главный лозунг – «Труд. Народовластие. Социализм»; СПС – акция для молодежи «Ты прав!», против обывателей – «Ты что, самый умный? Тебе больше всех надо?». В данном контексте нередко прибегают к языку мифов, легенд, истории. Это могут быть всевозможные истории, связанные с деятельностью «отцов-основателей», передаваемые от одного поколения политиков к другому. И хотя достоверность услышанного порой может вызывать сомнения, истории эти, приобретшие характер легенд, стали примером для остальных. Легенды отражают историю. Они имеют в своей основе изменения, происходящие в организации, в закодированной форме передают унаследованные ценности организации, а также способствуют развитию новых культур.

5. Особое место в организационной культуре политической команды занимают символы, которые используются для выражения определенных идей и имеют как вербальный (девиз, история, фраза), так и невербальный (одежда, поступок, предмет) характер. Примеры: КПРФ – красный флаг, серп и молот, военная символика (даже на сайте одним из центральных символов является орден победы), красный цвет шрифта и т. д.; ЛДПР – синий флаг, орел, на сайте – на синем фоне с изображением в центре самого Жириновского; «Яблоко» – зеленое яблоко; «Единство» – медведь как символ России.

При этом ритуалы, церемонии выступают как символические мероприятия, призванные напоминать политическим организациям и членам их команд о поведении, которое требуется показывать их персоналу. Сюда можно отнести ритуалы политического поведения, служебные (нормативные мероприятия, встречи с коллективами, управление методом личного контакта и др.) и внеслужебного общения (юбилеи, традиционные встречи и др.). поддерживающие и укрепляющие традиции организационной жизни коллектива. Ритуалы служат средством для наглядной демонстрации ценностных ориентации организации. Ритуалы (обряды) и церемонии в организационной среде являются мобилизирующим фактором, символом единства помыслов и действий всего персонала политической организации, сближение всех членов политической общности, демонстрируя им новые и еще неизвестные страницы прошлой истории и настоящего их организации, приобщая всех участников ритуала к основным ценностям и традициям. Ценности, ритуалы и церемонии в жизни политической организации являются самыми представительными компонентами, формирующими ее культуру и стратегию. Примеры: КПРФ – ежегодные съезды партии; ЛДПР – раз в две недели – митинги около станции метро «Сокольники» с обязательным выступлением В.В. Жириновского.

6. Политическая этика в организационной культуре рассматривается как совокупность принципов, норм и правил, определяющих целесообразное,

социально ценностное политическое поведение, отделяя его от неприемлемых в обществе действий субъектов политической деятельности и отношений. Политическая этика сочетает в себе такие требования к политику, как нравственность, честность, порядочность, терпимость, справедливость, а также его социально значимые качества: профессионализм, честность и требовательность, самоотдача в работе, принципиальность и уважение мнения других.

Политическая этика во многом определяет направление и особенности корпоративного духа и действий политической организации, выступая в качестве элемента, интегрирующего все вышеперечисленные компоненты организационной культуры. В качестве аналогичных понятий используются «моральный дух команды», «приверженность», «идентификация». Организационной силой, механизмом корпоративного духа и единства действий выступает дисциплина. Для российских политиков она обеспечивает достижение желаемого уровня корпоративного духа и единства действий в рамках политической организации. Такой монолит проявляется через профессионализм членов политической команды, преданность и лояльность по отношению к организации, материальные и моральные стимулы за вклад в общее дело политической организации.

Наиболее существенное влияние на политическую культуру организации оказывает система распределения власти, полномочий и ответственности, которой, как правило, соответствует ее организационная структура.

Власть основывается на обладании ее носителем определенной силы, позволяющей ему влиять или прямо воздействовать на других людей. Существуют несколько видов сил, действующих в политических организациях, – это сила положения, сила лидерского влияния, сила профессионализма и сила личности политика, сила традиции и др. Все силы, интегрируясь образуют единый вектор, направленность проявления организационной культуры. Вместе с тем каждая из отмеченных сил проявляет себя как самостоятельная детерминанта.

Так, сила положения является результатом обладания правами (полномочиями) принимать те или иные решения. Эти права делегируются с верхнего уровня иерархии. Сила положения объективно предопределяет преимущества позиции должностного лица. По существу, это сила начальственного кресла, а кто конкретно на нем сидит – играет второстепенную роль.

Сила лидерского влияния возникает в результате признания в команде права играть в ней ключевую роль. От силы положения она отличается тем, что влияние этой силы распространяется не только вниз по иерархии, но и в значительной степени по горизонтали и даже вверх. Например, в современной политической элите любых иерархических учреждений администрация, секретарь или помощник первого лица часто обладает непомерным по отношению к своей должности влиянием. Они приобрели несвойственные им управленческие функции по отношению к внешним структурам, в то время как им предписано решать внутриорганизационные вопросы политической

структуры. Эти две силы являются легальными, поскольку поддерживаются узаконенными решениями.

Сила профессионала связана с тем, что политик наделен не только компетенцией, но и компетентностью. Он в таком случае начинает обладать естественной монополией на порученном участке политической деятельности. Никто более (по крайней мере, в данной организации) не может сделать то, что может профессионал.

Сила личности политика связана с индивидуальными характеристиками, такими, как сила воли, коммуникабельность, творческая активность и др., талант и способности, то есть политик обладает тем, что делает его социальным. Высшим выражением силы личности политика является так называемая харизма.

Сила профессионализма и сила личности политика являются легитимными силами, поскольку возникают в результате их реального признания в организации. Сила профессионала определяет успех на всех направлениях политической деятельности. Сила личности политика, как зонтик, накрывает все, что находится под ним, а над собой она признает только приемлемое. Харизматические лидеры не признают харизмы друг друга, руководствуясь принципом: «Бог един, и у него может быть только один наместник на земле».

В зависимости от того, какие силы оказывают преобладающее влияние в организации, формируется и развивается определенная идеология отношений между составными частями и членами организации и соответствующая этим отношениям организационная культура. В связи с этим политику важно иметь представление об основных типичных организационных культурах и соответствующих им структурах.

В качестве первой такой культуры можно выделить культуру власти. Это организационная культура, в которой имеется единственный четко выделенный центр принятия политических решений. Она характерна для организаций, руководимых харизматическими лидерами (вертикальная федеральная и местная власть, некоторые политические партии, общественные объединения и др.), в которых они одновременно являются и главным руководителями и организаторами отдельных узкоспециализированных организаций, направлений. Их организационная структура похожа на пирамиду или паутину. На вершине пирамиды или в центре паутины находится центр – ведущий политик, его администрация и источник власти. Как правило, это одно лицо, хотя могут быть особо доверенные приближенные. Такими доверенными лицами выступают главы администраций, а также, например, семь назначенных Президентом РФ его уполномоченных представителей в региональные объединения субъектов России.

Культура власти опирается в основном на силу личности или на силу положения формального лидера. Эта культура становится крайне неустойчивой, когда у лидера возникают проблемы. Организацию, в которой преобладает культура власти, начинает лихорадить, если политический лидер оказывается не в состоянии справиться с проблемами, возникшими перед ним,

или лидер государственной организации (подразделения) попадает в немилость у вышестоящих лиц.

Вторую разновидность организационной культуру можно назвать функционально-ролевой. Схематично соответствующая ей структура напоминает очертания храма. Она основывается на доминировании силы положения и силы распоряжения политика. По этажам «храма» в строгом соответствии с уровнем и пропорционально его высоте делегируются полномочия принимать решения и право распоряжаться предписанными функциями в строго определенном объеме. Функциям и полномочиям соответствуют определенные роли их носителей и исполнителей. На самом верхнем этаже осуществляется координация деятельности функциональных линий (колонн).

Это наиболее широко распространенные и достаточно типичные структура и организационная культура. У них много разновидностей. Таковы организационные структуры государственно-политических, партократических, некоторых профессиональных бюрократий и т. п. Поскольку право принимать политические решения достаточно широко распределено по организации, эта культура достаточно устойчива, консервативна; в ней сложно проводить нововведения.

Следующая, третья типичная организационная культура основана на обладании политическим профессионализмом и предназначением организации в решении специфических задач. В тех случаях, когда преобладающая деятельность политической организации или подразделения связана с необходимостью решения задач, которые способны выполнить только квалифицированные профессионалы, обладающие соответствующими знаниями, складывается так называемая культура задачи. Эта культура характерна для аналитико-координационных политических структур, организаций, фирм, ориентированных на проектирование и реализацию новаторских политических решений.

Принципиальный поход к раскрытию структуры соответствующей организационной культуры можно изобразить в виде матрицы, в узлах которой находятся задачи и группы, решающие их, а линии обозначают информационные, координационные и управленческие связи.

В культуре задачи применяются матричные управленческие структуры, используются рабочие группы, управление по проектам, широко используются горизонтальные связи.

Эта культура начала формироваться в проектных и исследовательских организациях западных стран лишь после Второй мировой войны, в связи с выполнением крупных военных и аэрокосмических проектов и развитием системно-кибернетической школы в теории менеджмента. С 60-х годов достаточно широко используется в различных политических структурах, особенно при разработке для них новых политических решений.

Четвертый тип организационной культуры, выделяемый по характеру распределения власти и полномочий называется культурой политиков. Эта организационная культура присуща организациям, состоящим из объединений

индивидуальностей, каждая из которых является независимой, обладает своей собственной силой личности и влиянием. В культуре политиков отдельные персоналии преследуют собственные цели, собственные интересы и ценности ставят выше общих.

Схематично культуру политиков можно представить в виде пчелиного роя или звездного скопления. Власть и влияние, как правило, основываются на силе личных качеств, способностей и дарований. Если роль одной из личностей начинает сильно превосходить роль других, то в глазах близкого окружения может начать формироваться определенная харизма. Тогда эта личность постепенно выдавливает конкурентов из организации и происходит вырождение организационной культуры в культуру власти.

Организационная культура политиков характерна для аппарата и администраций. Она многомерна и противоречива, а следовательно, конфликтна, неустойчива и всегда зависит от позиции, стиля деятельности первого лица политической структуры. Если в результате конфликтов и противоречий организация не распадается, то, как правило, в небольших организациях она трансформируется в культуру власти, в средних и больших – в функционально-ролевую культуру.

В каждой организации присутствует неявная политическая деятельность, заключающаяся в том, что, как правило, в организациях постоянно происходит скрытая борьба за влияние на лиц принимающих решения. В результате такой борьбы образуется неявная политическая структура (команда сторонников какого-либо варианта решения, идеи или определенных лиц; взаимоотношения между ними, коалиции, соглашения и т. п.).

Традиции, нормы и правила принятия решений зависят от доминирующей культуры. В культурах власти для политической структуры характерны фаворитизм, волонтаризм, частая смена схем принятия решений. Обычно это выражается в появлении особо влиятельных лиц, которым более доступны различные этажи власти и политические объединения. В бюрократических организациях отдается предпочтение зафиксированным правилам, которые очень трудно изменить.

Как правило, тот или иной вид культуры редко встречается в чистом виде, кроме того, в разных подразделениях политической организации могут существовать свои субкультуры. Тем не менее в большинстве организаций одна из типичных культур всегда доминирует. Очень сложно проводить изменения в организации, если они противоречат сложившейся в ней культуре. Еще труднее осуществлять изменения самой культуры. Это связано с тем, что любая организация представляет собой в определенном смысле организм, одной из имманентных целей которого является выживание. Поэтому изменения воспринимаются организацией как угроза ее стабильному существованию, и организация старается их отторгнуть. Организация, не способная изменяться в соответствии с изменениями политической ситуации и окружающей ее среды, деградирует и уходит с политической арены. Следовательно, для любой политической организации важно знать – какая культура соответствует ее роду деятельности, какие культурные противоречия в ней существуют, в каком

направлении нужно развивать ее организационную культуру. При этом важно добиваться их максимальной конкретизации.

Организационная культура проявляется в любой политической структуре. Она обуславливает адаптацию новичков и поведение ветеранов, находит отражение в определенной философии политического звена, прежде всего высших руководителей, реализуется в конкретной стратегии организации. Принято выделять три периода, когда организационная культура становится более очевидной:

а) когда в политическую организацию приходят новые силы, они очень восприимчивы к изучению «связей» в ней. В дополнение к тому, что они стараются понять, чего от них ждут, хотят знать такие факторы, как потенциальные награды за политическую активность, потенциальное продвижение по иерархической лестнице, дисциплинарные процедуры. Новые сотрудники узнают больше из историй, которые они слышат, и ситуаций, с которыми они сталкиваются;

б) когда субкультуры конфликтуют и приписывают стереотипические характеристики друг другу, например, столкновение взглядов двух политических лидеров в одной партии;

в) поведение политических лидеров является третьим индикатором культуры – через свое персональное поведение, выражаемое в том, что они говорят, кого награждают, какие действия они одобряют; через какие формальные системы они создают побудительные механизмы, отчетные механизмы, программы оценки.

На рубеже XX–XXI веков в российской политической сфере начинает получать все более определенные очертания организационная культура властных структур, общественных объединений и их политических лидеров. Их особенностью является то, что им в равной степени присущи все рассмотренные виды организационных культур. Кроме того, в организационной политической культуре аккумулируется потенциал, характерный только для субъектов политики.

Поэтому целесообразно выявить характерные особенности субкультур политических структур, и прежде всего органов власти, партий и движений. В данном контексте культура субъекта политики имманентно присуща и властным органам, и партиям, и движениям. Это обусловлено тем, что каждый депутат или иной политический лидер является индивидуальностью, имеющей особые права, особый статус (и не только в рамках политического объединения, но и в стенах парламента). В отличие от подобной культуры в других политических структурах наряду с актуальностью характеристик личности самого депутата важную роль играет его легитимность – признание избирателями депутата в качестве своего представителя, которому путем выборов делегируется на определенный срок часть интересов политического объединения или суверенитета высшей народной власти. Но относительно политического лидера эти же личностные качества очень важны для деятельности партии. И неважно, действительно ли он ими обладает, или ему создали такой имидж – ведь избиратели и члены общества будут видеть именно

тот образ, который создали этому политическому лидеру и будут ориентироваться именно на него.

В рамках организационной культуры политического объединения вырабатывается у политического лидера качества, обеспечивающие соответствие его личностно-профессиональных качеств требованиям (критериям) эффективной политической деятельности. При этом особенности культуры личностей особенно ярко проявляются на пленарных заседаниях, заседаниях комитетов, собраниях партий, когда и депутаты, и политические лидеры предстают как реальные субъекты политики. Если они уходят от темы обсуждения, теряют общую цель, пытаются любым путем реализовать свои собственные интересы, прибегают к различным инсинуациям, чтобы опорочить оппонента, в этом проявляется негативная сторона и их несоответствие критериям организационной культуры. В данном случае, как и во всех других ситуациях, проявляется особая роль политических структур, обеспечивающих культуру лидеров в соответствии с потребностями внутреннего развития самого депутатского корпуса, политических объединений, депутатской этики, политической культуры, критериев эффективной работы на сессиях и заседаниях партий, объединений и т. п.

Эта культура проявляется на всех этапах политической деятельности – целеобразования, планирования, непосредственного действия и общения, а также при анализе, оценке и оптимизации всех сторон деятельности. В содержательном отношении можно выделить такой аспект организационной культуры, как культура задачи. Она присуща структурам парламентского типа, так как их деятельность разбивается на различные задачи, в частности такие, как принятие отдельных законов. Для подготовки законов и решения других задач создаются экспертные группы, комиссии, согласительные комиссии и другие образования. Данный компонент организационной культуры, пожалуй, в наименьшей степени развит в представительных собраниях России. В первую очередь это связано с низким уровнем развития общей управленческой культуры в стране. Поскольку культура задачи основывается в первую очередь на профессиональных знаниях, ее целью является создание и поддержка процедур использования научных знаний в государственном управлении.

В современной ситуации в России углубляется и все более масштабно проявляется определенный разрыв между интеллектуальной культурой и культурой государства, принимая все более угрожающие размеры. Такое их несоответствие имеет место в любом государстве, любом обществе. Между тем, в развитых странах культура взаимодействия государства в лице представительных и исполнительных органов власти и общества в лице интеллектуальных профессиональных сообществ постоянно развивается. Эта культура является необходимым залогом прогрессивного развития общественных отношений. У нас же наблюдаются регрессивные тенденции, власть не прислушивается и не считает нужным принимать во внимание не только общественное мнение, но и научные рекомендации, мнение профессионалов.

Культура задачи, как и организационная культура в целом, содержит в себе различные, но взаимосвязанные компоненты и требует значительных усилий и ресурсов для развития и поддержания на требуемом уровне. Это вызвано ее интегрирующей, системообразующей ролью, так как от ее уровня в определяющей степени зависит эффективность работы как представительного собрания, так и политических лидеров.

Важное место в организационной культуре политических структур занимают и другие ее компоненты, в том числе ролевая культура, которую принято называть функциональной культурой. Ее роль состоит в детерминации общей деятельности депутатов как представительного собрания, которая разбивается на определенные направления. В соответствии с ними субъекты политической деятельности, в частности депутаты, группируются в постоянные комитеты и комиссии для того, чтобы в конечном итоге реализовать функции парламента как целостной организации. Парламентский опыт показывает, что решения исходят не от групп депутатов и даже не от тех, кто голосовал за, а от всего депутатского корпуса.

Эта культура обычно присутствует всюду и вследствие привычности кажется простой. Однако ее уровень не всегда соответствует решаемым задачам, и достижение этого соответствия требует эффективности в ее развитии, является довольно сложной задачей.

Во-первых, функциональное разделение законотворческого процесса по так называемым профильным комитетам приводит к проблемам координации не только обсуждения законопроектов в комитетах (особенно непрофильных), но и системного соответствия законодательных актов друг другу. Иначе говоря, информация СМИ убедительно свидетельствует о наличии спонтанности даже в самом законотворческом процессе. Это определяет множество противоречий в принимаемых законах и в действующем законодательстве в целом.

Во-вторых, образующаяся структура распределения ролей между депутатами (спикер, его заместители, председатели и заместители председателей комитетов и др.) постоянно входят в противоречие с культурой личностей, в которой все депутаты имеют равный статус. Данная проблема аккумулирует многомерные противоречия, которые требуют прежде всего организационного разрешения.

В-третьих, возникают определенные противоречия между функционально-ролевой культурой постоянных комитетов и функционально-ролевой культурой аппарата и других бюрократических структур представительного собрания как целого. На этой основе, с одной стороны, они обязаны соблюдать определенный регламент, а с другой стороны – вынуждены преодолевать многостороннее давление в законотворческой и иной деятельности.

В-четвертых, структура постоянных комитетов оказывается той площадкой, в рамках которой обычно проявляются противоречия и конфликты между всеми другими культурами. Их носителями являются представители участвующих депутатских объединений.

В-пятых, комитеты реально выступают эпицентром лоббистских действий. Именно здесь фокусируются основные интересы всех избирателей, всех формальных и неформальных институтов общества.

В целом организационная культура власти основывается на добровольной передаче части полномочий отдельным политическим лидерам или депутатам для организации эффективной работы представительного собрания. Именно эта культура присуща политическим лидерам, так как она опирается на многомерное основание – интересы, ценности, нормы, силу личности или формальный статус лидера и др.

Политическая организационная культура в своем составе объединяет наряду с культурой представительной власти культуры всех других субъектов политики. Среди них особое место занимают политические партии, общественно-политические движения, организации и другие общественные объединения. Их организационная культура регламентируется нормами кодексов, программ, уставов и иных нормативных документов, которые принимаются соответствующими субъектами политики и закрепляются юридически. Поэтому в принимаемой организационной культуре можно выделить общее, особенное и единичное как схожее, так и различное.

В качестве общих признаков можно выделить у них наличие программ и уставов, некоторых принципов деятельности. В частности, унаследованный от КПСС принцип демократического централизма в различных в различных интерпретациях выступает организационной основой практически для всех российских общественных объединений. Немаловажно и то, что закон об общественных объединениях определяет единый континуум содержания и порядка их функционирования.

Закономерностью поддержания требуемого уровня организационной политической культуры выступает его эффективное управленческое обеспечение. Для реализации управленческих функций часть полномочий передается отдельным лицам (председатель или спикер, управляющий делами, руководитель аппарата, лидер общественного объединения и т. п.), которые возглавляют определенные структуры. В этих структурах преобладает культура власти. Политическая практика, однако, показывает, что превышение полномочий довольно обычное явление для современных политических институтов. Это объясняется, прежде всего, недостаточным уровнем управленческой культуры и «последствиями» старой тоталитарной культуры власти, в которой все мы были воспитаны. Атавизмы тоталитарной авторитарной культуры весьма живучи. Легко изменить лозунги и даже цели, но очень трудно изменить свое поведение. Люди, привыкшие к авторитарному или патерналистско-авторитарному стилю руководства, быстро восстанавливают привычные отношения, причем важно понимать, что этот процесс идет не только сверху, но и снизу. Люди, не привыкшие к самостоятельности, к принятию на себя ответственности, чувствуют себя в большей безопасности под «зонтиком» отеческой опеки авторитарного руководителя. Это объясняется и высокой степенью мотивации политических лидеров концентрировать в своих руках власть.

Решение не в том, что культуры власти не должно быть вовсе; напротив, она должна быть, но существовать и проявляться в строго правовых рамках, определяя характер социально значимых функций лидеров социальных институтов и общественных объединений. Проблема в том, что по этой причине культуры власти реформируются в жесткую автократию или мягкий патерналистский авторитаризм и закономерно входят в противоречия с другими культурами, либо подавляя их, либо создавая конфликты.

Следовательно, всем субъектам политики важно обеспечить восприятие, понимание, принятие и соблюдение всех сторон политической организационной культуры и работать, соблюдая все культурологические измерения одновременно. В каждой из культур свои правила поведения, свои каналы распространения информации, свои нормы, правила принятия решений и их реализации, свои критерии оценки эффективности деятельности. Это порождает противоречия. Человек, попадающий из привычной ему культурной среды в новую для него организационную культуру, испытывает обострение культурных противоречий. Возможно, частое переключение из одного культурного контекста в другой и трудности адаптации, возникающие при этом, являются одним из главных источников довольно часто встречающейся неадекватной реакции и поведения современных субъектов политики.

Очевидно, что любой субъект политики – представительное собрание, иной орган власти или общественное объединение – должен обеспечивать эффективное выполнение своих функций на основе конструктивного разрешения противоречий, прежде всего в области организационной культуры. Для этого необходимо, чтобы в ней не возникали разрушительные внутренние конфликты. Такой подход обеспечивает утверждение современной организационной культуры. Иначе говоря, такая организационная культура политического субъекта будет способствовать достижению его соответствия требованиям политической деятельности. При этом сами субъекты могут быть организационными структурами или личностями. Любой конфликт является следствием неэффективности какой-либо предыдущей деятельности и причиной неэффективности последующей.

Самые сильные, практически неразрешимые конфликты возникают, если организационная структура не соответствует организационной культуре. Например, в подразделении, где доминирующей является культура власти, невозможно привить культуру задачи, а если в группе превалирует культура личностей, трудно рассчитывать на эффективную реализацию ее функций.

Поскольку мы установили, что представительным органам присущи пять культур, в их структуре должны быть подразделения, обеспечивающие функционирование и развитие этих культур, так как организационная структура наряду с нормативными актами, устанавливающими ее легальность, является базовой составляющей той или иной организационной культуры.

Главная задача организационной структуры должна заключаться в том, чтобы обеспечивать гармоничное взаимодействие и сочетание элементов всех этих культур так, чтобы между ними не возникало разрушительных противоречий.

Культурные различия и столкновения оказываются главными источниками внутренних конфликтов (неэффективных взаимодействий) между подразделениями. Для снижения конфликтности (повышения эффективности) необходимо, чтобы структуры относящиеся к разным культурам, были разделены как физически, так и организационно. Но при этом должен быть четко и недвусмысленно определен порядок координации их деятельности и процедуры разрешения возможных проблем и противоречий. Важно также, чтобы между этими структурами не были заложены конфликты целей. (Конфликты целей возникают, если эффективное решение задачи одного подразделения приводит к снижению эффективности достижения цели другого подразделения.)

Необходимо также рассмотреть проблему адаптивности организационной культуры политического лидера.

Для политической организации как целостного организма, важнейшей проблемой является проблема его эволюции и функционирования. С точки зрения организационной теории для политических институтов перманентной проблемой является их организационно-культурная преемственность. Кроме того, происходят изменения в составе фракций политических партий, меняются их лидеры. На установление новых отношений требуется время.

Изменения в составе политических субъектов вносят возмущения и в организационную культуру. Эти внутренние изменения наряду с изменениями окружающей среды (технологическое развитие общества, изменения общественных отношений, общественного сознания и мнения) воздействуют на организационную культуру и приводят к необходимости ее развития.

И в этом развитии главную роль должен играть субъект политики. Она заключается, прежде всего, в подборе специалистов соответствующего уровня квалификации, привлечении к решению задач профессионалов, поддержке с ними продуктивных связей и отношений, организации самого процесса решения задачи. В этом случае принятие решения превращается в организованный процесс сотрудничества заинтересованных сторон: субъектов политики в силу их положения, ответственности и выполняемых функций; политиков-профессионалов в силу их профессиональных интересов и профессионального долга; непосредственно политических лидеров в силу их долга перед обществом, интересов избирателей и политической доктрины субъекта политики, к которой они принадлежат. Такой подход возможен только на основе концептуального стиля принятия решений.

Также в настоящее время в деятельности субъектов политики применяется методология командной работы. Команда (team) представляет группу людей, объединенных общей целью. Каждый член команды играет определенную роль. Ярким примером такой команды являются властные структуры, политические партии и др. Политический лидер в них интегрирует личные цели группового субъекта политики в соответствии с его целью, поддерживает деятельность команды, представляет и отстаивает общие интересы.

Понимание сущности, содержания и особенностей развития и проявления организационной культуры субъектов политики позволяет обеспечить ее совершенствование. Для этого требуется создание вполне определенных условий. Одним из условий развития организационной культуры политической структуры является наличие модели, алгоритма и технологии ее развития и проявления в политической деятельности. Они составляют архитектуру продуктивного решения этой новой и актуальной проблемы. Она может быть успешно использована, если субъекты политики в этом заинтересованы. Иначе говоря, вторым условием выступает мотивация развития не только организационной культуры политической структуры в целом, но и овладение этой культурой всем персоналом политической команды. Важным условием развития организационной культуры в политической структуре выступает ее практическая востребованность, продиктованная конкурентной борьбой.

Для полного понимания проблемы организационной культуры политической структуры необходимо определиться с критериями и показателями уровня ее развития. Критерий рассматривается как признак, на основании которого производится оценка, определение или классификация организационной культуры. Показатели выступают в качестве конкретных количественных и качественных эталонов для оценки уровня сформированности конкретных ее характеристик. Показатели выражают определенные признаки, с которыми соотносятся реальные характеристики организационной культуры, и выявляются уровни их соответствия этим признакам.

Главным или интегральным критерием организационной культуры субъекта политики является соответствие этого субъекта своему предназначению. Частными критериями являются: гармоничность развития творческого потенциала политического лидера как субъекта политического процесса; продуктивность творческой самореализации или деятельность-поведенческая продуктивность политической активности; оптимальность политических связей и взаимоотношений субъекта политики с другими социальными субъектами. Частные критерии позволяют оценить конкретные стороны сформированности и проявления организационной культуры субъектов политики. Прежде всего с их помощью можно оценить такие ее характеристики, как рост интеллектуального потенциала, духовность, мировоззренческую позицию, ценностные ориентации, осознание своей роли в политике, когнитивные профессиональные новообразования, преданность политической структуре, осознанность своего профессионализма, жажда познания в политической области, творчество и новизна в политической деятельности, степень вовлеченности субъекта политики в процесс профессиональной деятельности, стиль политической деятельности, совершенство организационных связей с субъектами политики.

Таким образом, организационная культура политической структуры как один из объектов познания и развития политической психологии рассматривается как целостный феномен. Он имеет свою структуру, функции и

механизмы проявления. Их учет обеспечит достижение ее соответствия требованиям современной политической деятельности.

Вопросы для самостоятельной работы

1. Выделите психологические характеристики политических субъектов и взаимосвязей между ними.

2. Определите основные черты личностно-профессиональной модели современного политика.

3. Выделите и раскройте основные тенденции и изменения политического сознания, настроения и поведения субъектов политики в современных условиях.

4. Укажите психологические условия укрепления авторитет и имиджа эффективного политического лидера и взаимосвязи и между ними.

5. Раскройте психологические условия эффективного овладения жизненной стратегией субъектной самореализации человека «Я-политик».

6. Охарактеризуйте условия формирования и сплочения политической команды как коллектива.

7. Проведите акмеологический анализ самореализации индивидуальных и групповых субъектов политики.

Глава 6 .ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ.....	485
6.1. Модели, алгоритмы и технологии продуктивных политических коммуникаций.....	485
6.2. Политическая реклама как интегративная агитационно-пропагандистская технология.....	509
6.3. Психологические характеристики политической манипуляции	553
6.4. Информационно-психологическая безопасность в политических отношениях	575
6.5. Акмеологическое сопровождение политической деятельности и место в нем политического консалтинга	595
ЛИТЕРАТУРА	617

Глава 6 .ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ И ИХ ПСИХОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

6.1. Модели, алгоритмы и технологии продуктивных политических коммуникаций

Речевой образ политика и специфика ораторского монолога Прежде всего, ораторская речь характеризуется однонаправленностью – это монолог, т. е. оратор обращается к слушателям и говорит для них. В последние годы взгляды на социально-психологическую сущность выступления изменились. Авторы, имеющие то или иное отношение к теории и методике ораторского искусства, пишут о выступлении как о способе воздействия оратора на аудиторию и как об их взаимодействии, сопереживании, диалоге.

Интеллектуальное сопереживание – это совместная мыслительная работа оратора и слушателей (зрителей). Оратор излагает свою точку зрения и как бы мыслит публично, т. е. вслух, при всех. Слушатели следят за его рассуждениями и совершают ту же мыслительную работу, включаясь в процесс творческого восприятия. Эта манера публичной речи носит название «мышление вслух». Оратор размышляет вместе со слушателями, ставит различные вопросы, сопоставляет факты, точки зрения, полемизирует с оппонентами (воображаемыми или действительными), включает слушателей в процесс творческого восприятия речи.

Наибольшего эффекта достигает тот оратор, который умеет вызывать и интеллектуальное, и эмоциональное сопереживание. Все это приводит к использованию в монологе определенных средств. Таким образом, создается некоторое сходство между монологом и диалогом, которое зависит от взаимной активности оратора и слушателей. При этом возникает «эффект живой реакции», который проявляется в непосредственности речи, быстрой реакции оратора на восприятие речи слушателями, «спонтанности» речи, даже оговорки играют большую роль, создавая этот эффект. В связи с этим можно выделить эксплицитное взаимодействие (открытый диалог) и имплицитное взаимодействие (скрытый диалог). В первом случае оратор вступает в открытый диалог со слушателями, сохраняя основную идею и композицию монологической речи. Имплицитное взаимодействие – это скрытая форма

диалога, которая проявляется в самой структуре речи. Например, оратор часто обращается к слушателям с репликами: «вы знаете», «вы понимаете», «так?», «ясно?». Эти реплики рассчитаны на сотрудничество слушателей с оратором. Слушатели сопереживают речи. И получается двусторонний контакт – конечно, при основной роли оратора, – возникает так называемый «эффект прямого разговора».

Ключевые слова

Готовясь к любому выступлению – будь то выступление на телевидении, радио или личная встреча с избирателями, – политик прежде всего должен ответить на вопрос: какие ключевые слова использовать? Не рекомендуют демонстрировать перед избирателями все богатство и разнообразие словаря. Избиратель все равно их не запомнит. Но если в речи постоянно использовать 3–5 ключевых слова, в которых ваш образ содержится как бы в «свернутом», «сконцентрированном» виде, эти слова наверняка отложатся в памяти избирателя. А вместе с ними и образ.

Ключевые слова обладают следующими отличительными особенностями.

1. Они являются мощными эмоциональными возбудителями. Кроме чисто положительных или отрицательных реакций данные слова также апеллируют к различным чувствам аудитории – гордости, великодушию, доброте (свобода, справедливость, согласие), вызывают страх или даже ненависть (агрессия, геноцид, фашизм). Их максимальная насыщенность эмоциями способствует повышению воздействия на слушателей, ибо подобного рода информация занимает в памяти значительно большее место по сравнению с эмоционально нейтральной.

2. Данные слова являются ценностными ярлыками, ибо они непосредственно связаны с уже имеющимися у аудитории морально-нравственными и политическими ценностями. С точки зрения воздействия это чрезвычайно важный аспект, поскольку, как известно из социальной психологии, ценностные представления проявляются в социальных установках в виде предрасположенности личности (группы) к заранее определенному отношению к данному явлению, человеку или событию.

3. Эти слова представляют собой слова-символы, вызывающие определенные образы. Их смысловое содержание выступает в виде ассоциативных образных представлений, в основе которых лежит прошлый опыт. Анализируя прошлый опыт и представления, так называемую латентную (скрытую) информацию, выступающий автоматически формирует нужные социальные оценки и установки путем их простого переноса с одного явления на другое.

4. Еще одной важной чертой подобных слов является их чрезвычайная экономность. Одно короткое слово обладает способностью в силу своего предельно насыщенного содержания вызвать к жизни, актуализировать огромное количество информации, хранящейся в памяти аудитории, а также эмоциональную реакцию на эту информацию в нужном для выступающего направлении.

Проблема доверия (контакта)

Изучая истоки человеческого общения, субстратом которых является речь, Б.Ф. Поршнев пришел к выводу, что в своем исходном существе речь была способом внушения, или суггестии, самым мощным и могущественным из средств воздействия, имеющихся в арсенале человека. Об этом он писал так: «Всякий говорящий внушает». Механизм такого внушения состоит в следующем: «...если налицо полное и безоговорочное доверие..., то человеческие слова у слушающего вызывают с полной необходимостью те самые представления, образы и ощущения, который имеет в виду говорящий, а полная ясность и безоговорочность этих вызванных представлений с той же необходимостью требует действий, как будто эти представления были получены прямым наблюдением или познанием, а не посредством другого лица... Защищаясь, человек «отпускает» другим доверие очень осторожно. Поэтому хотя всякий говорящий внушает, однако далеко не всякое словесное внушение приемлется как таковое, ибо в подавляющем большинстве случаев налицо и встречная психологическая активность, называемая контрсуггестией, «противовнушением», которая содержит в себе способы защиты от неумолимого действия речи» (91, с. 155).

Внушение возможно только при наличии доверия к тому, кто внушает; по сути дела, вся контрсуггестия – это защита от доверия (или доверчивости). Поэтому основной вопрос, на который как бы должен ответить каждый в ходе любого общения, – это вопрос о доверии к собеседнику и к тому, что он говорит. Для оратора это вопрос контакта с аудиторией, для выступающего по телевидению это вопрос контакта с телезрителями.

Языковые средства контакта с аудиторией

Можно выделить два типа языковых средств, с помощью которых выступающий устанавливает контакт со слушателями. Первый – это средства авторизации, т. е. проявление в речи авторского «я», второй тип – средства адресации, т. е. ориентация авторской речи на конкретного слушателя.

Средства авторизации

Личные мнение

Первый источник проявления субъективности в языке, так как в речи выражается не только сообщение о действительности, но и отношение к ней оратора. Это я выражаю свои эмоции, я побуждаю своих слушателей к каким-либо действиям, я задаю вопрос или отвечаю, я сообщаю что-либо, я устанавливаю контакт с аудиторией: Я в полной мере осознаю свою личную ответственность за создавшуюся ситуацию. Я не стал бы в этой сложной обстановке отвлекаться от вопросов выживания нашей области. Я не стал бы добиваться избрания меня депутатом Федерального Собрания, если бы не понимал, если бы, что называется, на собственной шкуре не испытал, что ключи от многих проблем находятся там, в Москве. Имплицитно или эксплицитно в речи ораторское «я» выражено разными способами. С функциональной точки зрения можно охарактеризовать местоимения первого и второго лица как местоимения коммуникативного плана, а местоимения третьего лица как местоимения некоммуникативного плана. Я означает оратора и проявляется только в его речи. Вы означает слушателей, к которым

обращается оратор. Местоимение мы содержит ряд значений: собственно оратор (лекторское «мы»), оратор и слушатели, оратор и относящиеся к нему лица, в сочетании с предлогом с и творительным падежом других местоимений и существительных обозначает группу лиц во главе с оратором (мы с вами), собственно аудитория («мы» – аудитория в противовес «я» – оратор), мы – всякий человек, все люди, человек вообще. Эффект речи зависит от того, как оратор выполняет одну из своих задач – преодолевает барьер между собой и слушателями.

Слова-конкретизаторы

В этой функции речи часто прибегают к использованию некоторых слов-конкретизаторов, которые усиливают степень контактности местоимения первого лица множественного числа в значении «мы совместное»: Я с вами, вместе, все. Они иногда употребляются отдельно с местоимением мы, иногда вместе в одном сочетании с местоимением мы (вместе с вами мы..., мы все вместе...). Такое сочетание больше углубляет контактирующее значение ораторской речи.

Местоименные конкретизаторы вместе и с вами более конкретно соединяют оратора и слушателей:

С помощью этих средств создается эффект непринужденного общения со слушателями, устанавливается доверительный разговор между оратором и аудиторией, объединяется позиция оратора и слушателей, возникает их своеобразный диалог. «Мы совместное» – продуктивное средство авторизации.

Глаголы

Другое активное средство авторизации – глагольные формы, так как глагол передает движение и наряду с местоимением обладает категорией лица, которая конкретизируется по отношению к этому местоимению. Употребление глагольных форм также обусловлено коммуникативными задачами речи. Их функционирование во множественном числе соответствует местоимению мы. Они выражают отношение к лицу и, таким образом, являются указателями субъективности в высказывании: Думаем, со всех точек зрения полезно уяснить, что социальные проблемы в обществе должны быть полностью решены.

Конструкции с глагольными формами в некоторых речах объединяют оратора со слушателями в каком-либо мыслительном или физическом действии, и в связи с этим они имеют контактоустанавливающее значение. Не будем обманываться, не все затронутые проблемы могут быть сейчас быстро решены.

Глагольная форма здесь объединяет оратора со слушателями и выражает их совместное мнение, что усилено использованием в этом примере возвратного глагола.

Выделены и подсчитаны ключевые слова различных лидеров. У Жискара д'Эстена: Франция, француз, государство, цена, программа, система и рынок, безработица. Отмечается, что в своей предвыборной кампании Жискара д'Эстен ни разу не употребил слова «безработица».

Глаголы-операторы

Могут использоваться и другие глаголы, обозначающие направление высказывания, например: проясним, оговоримся, конкретизируем, поясним, попробуем понять, скажем прямо, отметим. Эти слова могут, во-первых, образовать самостоятельные высказывания и формулировать задачу следующего за ним отрезка речи, во-вторых, непосредственно входить в состав высказываний, функции которых они определяют. Эти единицы, как видим, выполняя одинаковую функцию, имеют разные оттенки значения, которые выявляются в зависимости от контекста и цели высказывания. Подобные выражения можно назвать операторами. Операторы являются организаторами речи и средством ориентации слушателей в ней. Они облегчают восприятие речи, что в свою очередь способствует ее пониманию. Они обладают большим контактоустанавливающим потенциалом, поскольку рассчитаны на восприятие слушателя и на активизацию его внимания. Оратор использует операторы для того, чтобы подготавливать слушателя к восприятию последующей информации, дает ему возможность яснее представить связь и обусловленность частей речи.

Выделяют две группы глаголов-операторов.

Первая группа объединяет глаголы, выражающие волю, направленную к другому человеку: Прошу вас... Внимательно слушайте... Отметьте себе...

Вторая группа – глаголы, внутренним субъектом которых является сам говорящий: обещаю, соглашаюсь. Эти глаголы могут обозначать призывы-обращения (обращаемся...), советы-предложения (считаем...), оговорки (оговоримся..., конкретизируем..., проясним...), возвращение к сказанному (вернемся...), признания (думаем..., понимаем...). Подобного типа глаголы функционируют в сфере непосредственных взаимодействий оратора и слушателей.

Вводные конструкции

В качестве средств авторизации распространены конструкции с вводными элементами мне (нам) кажется..., на мой (наш) взгляд... как способ выражения ораторского «я».

Такие выражения, как мне кажется, на мой взгляд, представляют так называемую «категорию некатегоричности». В ораторской речи некатегоричная форма высказывания подчеркивает некоторую долю сомнения, неполную уверенность в своей правоте.

Как средство передачи оценки источника информации эти выражения связаны с определенной оценочной ситуацией, которая предопределяет их использование: ситуация критики, ситуация одобрения, ситуация рекомендации, ситуация признания. Иногда оратор прибегает к использованию этих слов во множественном числе (нам кажется, по нашему мнению, на наш взгляд) в целях усиления контактности. Эти элементы выражают субъективно-объективные отношения (отношения субъекта к объекту, на который направлен его интерес).

Конструкции с изъяснительными придаточными

В речи обнаруживается использование конструкций с изъяснительными придаточными, типа ясно, что..., известно, что..., понятно, что... как средства авторизации. Вторая часть включает в себе объективное содержание, изъясняемое по требованию первой части. Первая часть предложения имеет слово, которое непременно требует изъяснения при помощи второй части. Изъясняемые слова разделяют на констатирующие, субъективно-модальные, оценочные.

К констатирующим относятся те, которые лишь устанавливают факт сообщения, мысли, восприятия без добавочных оттенков (заметно, что... известно, что...).

К субъективно-модальным относятся те слова, которые содержат добавочные оттенки – уверенности, неуверенности, предположительности и т. д. (уверен, что..., можно предположить, что...).

Оценочные слова в главной части – это чаще всего безлично-предикативные слова и краткие прилагательные, а также глаголы. В речах часто используются оценочно-изъяснительные конструкции, поскольку они содержат прежде всего оценку определенного сообщения. По отношению к другим изъяснительным предложениям они противопоставляются по признаку наличия или отсутствия оценки.

Средства адресации

Другой способ коммуникативного контакта – средства адресации. Речь, как известно, выполняет свою коммуникативную задачу лишь в том случае, когда содержащаяся в ней информация адекватно воспринимается слушателями. А потому оратор, если он хочет быть правильно понятым, обычно в той или иной мере ориентируется на определенного слушателя в отборе языкового материала.

Можно выделить следующие части коммуникативного акта: кто сообщает, что сообщает, кому сообщает, посредством какого канала сообщает, с каким, эффектом сообщает. Речь предполагает наличие адресата, слушателей, то есть по самой своей природе она рассчитана на интерпретацию. Общие знания в процессе коммуникации, общие интересы и взаимопонимание являются исходным моментом эффективной речи. Коммуникативный контакт в процессе коммуникации связан прежде всего с привлечением внимания слушателей, а также с определенным воздействием на сознание и чувства.

К наиболее распространенным языковым средствам адресации относятся:

Конструкции с местоимениями и глаголами 2 лица

Можно выделить три основных значения местоимения 2-го лица множественного числа: «вы» – посторонний собеседник, это «ты», но с оттенком официальной вежливости; оно означает группу лиц; в сочетании с предлогом «с» и творительным падежом других местоимений оно обозначает «мы (или «вы»)) вместе с другими.

В массовой аудитории оратор обычно использует местоимение в значении «вы – аудитория», «вы – аудитория и другие лица», «вы – оратор и аудитория», «вы – оратор, аудитория и другие лица». Иногда 2-е лицо

называется вместе с первым лицом: Я благодарен вам за то огромное внимание, с которым вы выслушали мое выступление, за очень интересные вопросы.

Обращения

Контактоустанавливающими средствами являются и обращения – названия реальных или предполагаемых лиц, используемые с целью привлечь внимание тех, к кому направлена речь, вызвать у них определенную реакцию на сообщение.

Вводные конструкции

Вводные конструкции, содержащие адресованность. Например, как вы понимаете, как вы догадываетесь, как видите, как вы знаете, как мы знаем. Эти вводные конструкции апеллируют к знаниям, памяти слушателей. С их помощью оратор подготавливает контекст, который будет содержать новую информацию. За счет соотнесения ее с уже имеющейся происходит осмысление этой новой информации и освоение ее слушателями.

Побудительные конструкции

Ориентированность на контактность речи выражается также в использовании побудительных конструкций как особых средств адресации. Побудительные конструкции, и прежде всего императив, являются продуктивным средством установления контакта, так как они непосредственно обращены к слушателям. Основная их цель – побудить слушателей к размышлениям или каким-либо действиям.

В структуре речи побудительные конструкции обеспечивают активный контакт между оратором и слушателями в основном с помощью глагольных форм 2-го лица в повелительном наклонении: подумайте, возьмите, считайте, согласитесь и т. д. Приведенные побудительные слова выражают непосредственное обращение оратора к слушателям с указанием выполнить то или иное действие.

Аргументирование

Воздействие аргументами не имеет в виду только добиться от аудитории признания неприятной необходимости. Оно должно вызвать желания, которые подавили бы противоположные настроения. Доказывание – отнюдь не скучный, утомительный процесс. Он может быть и нередко бывает увлекательным делом. Люди всегда хотят знать, почему: почему совершено убийство, почему цены растут или падают, почему утверждают, что один кандидат на общественный пост лучше другого.

Сначала необходимо научиться убедительно доказывать, аргументировать, не пытаясь прибегать к эффектным, но опасным психологическим способам воздействия.

Порядок расположения в тексте «наиболее сильных аргументов»

Можно выделить три способа расположения «сильных аргументов». «Сильные аргументы» в начале (антикульминационная модель), в середине (пирамидальная модель) и в конце сообщения (кульминационная). Наименее эффективным является расположение «сильных аргументов» в середине текста, т. е. пирамидальная модель. А эффективность текстов с «сильными аргументами» в начале или в конце сообщения связана с установками

аудитории. Если аудитория проявляет большой интерес к теме сообщения, т. е. если у нее имеются по этому вопросу положительные установки, то более эффективны тексты, где «сильные аргументы» содержатся в конце сообщения. Если же аудитория относится к теме сообщения незаинтересованно, то более эффективно расположение «сильных аргументов» в начале сообщения (антикульминационная модель), что обеспечивает необходимый интерес аудитории.

Большую известность получили американские исследования о целесообразности включения в пропагандистский текст так называемых «односторонних» и «двусторонних сообщений». Под односторонним сообщением понимается текст, который содержит только аргументы пропагандиста. Двустороннее сообщение содержит как аргументы пропагандиста, так и контраргументы противника, которые пропагандисту предстоит разоблачить. На основе многочисленных социально-психологических исследований были получены следующие выводы.

Односторонние сообщения оказывались более эффективными, когда аудитория была согласна с коммуникатором, когда было известно, что она не подвергалась воздействию аргументов противника, и когда она отличалась низким уровнем образования. Для аудитории с высоким уровнем образования предпочтительнее двусторонние сообщения, так как высокий уровень образования стимулирует потребность в сопоставлении взглядов и их самостоятельном осмыслении. Двустороннее сообщение как бы упреждает аргументы противника и при адекватной их критике способствует созданию определенного иммунитета против них.

Апелляция к чувствам

Взывать к чувствам – это не значит взывать к «примитиву». Этот процесс нельзя смешивать с прямыми призывами к предрассудкам и с попытками пробудить грубые чувства и неукротимые порывы. Имеются же у людей хорошие стремления: тяга к знаниям, желание разумного руководства, сопротивление животным инстинктам, здоровый скептицизм, отвращение к сутяжничеству, стремление разоблачить шарлатана и демагога, чувство собственного достоинства. Фактически, хотя эти стремления не столь бурно проявляются, они устойчивы и в конце концов берут верх над случайными чувствами мести, ревности, соперничества или возбуждения.

Необходимо остерегаться пошлых или явно быющих на чувство призывов. С мыслью об эмоциональном призыве у нас обычно связываются представление о таких затасканных фразах: Наш священный долг, как граждан... Ответим же на властный зов чувства долга...

Слушатель держит на подозрении «плакс». Он испытывает чувство неловкости при картинах эмоционального разгула оратора. Попытки заставить слушателя вывернуть наизнанку свои сокровенные чувства встречают внутреннее противодействие. Хорошее правило: в стремлении возбудить чувство нельзя заходить далее, чем склонны сопутствовать вам слушатели. Другое правило: предпочтительнее обращаться к фактам, вызывающим эмоции, чем к самим эмоциям.

Апелляция к чувствам обычно связана с логическими рассуждениями, аргументами и неразрывно вплетена в основную структуру речи.

Формирование «речевого образа»

Существенную роль в формировании имиджа политика играют публичные выступления. В речи формируется определенный «речевой образ». Главной целью выступлений кандидата в ходе избирательной кампании является создание такого «речевого образа». Для этого в речи используются специфические языковые средства, основная цель которых – самопрезентация – прямая или косвенная демонстрация определенных качеств личности политика.

При этом одни компоненты речи, относящиеся к плану содержания, действуют на сознание слушателя через значение языковых единиц, «встраивая» его в сознание слушателя как фактуальную, концептуальную или подтекстовую информацию. Приемы воздействия через содержательные компоненты речи можно условно определить как «прямое».

Другие компоненты, относящиеся к плану выражения, обеспечивают запланированное эмоциональное воздействие. Механизм воздействия этих средств принципиально иной, они действуют опосредованно, через саму форму речи, вызывая реакции эмпатии или заражения. Использование средств такого рода определяют как приемы «скрытого» (языкового) воздействия.

Ниже будет идти речь только о второй группе средств, т. е. о косвенной демонстрации определенных качеств говорящего через использование соответствующей формы речи.

Риторический стиль

Эмоциональное воздействие ораторской речи выражается в преднамеренном отборе средств, формирующих особый «риторический стиль», основу которого составляют языковые формы – единицы лексического и синтаксического уровней, а также их семантико-стилистические сочетания, апеллирующие в первую очередь к эмоциональным структурам человеческой психики, а также воздействующие на бессознательные компоненты речевосприятия. Как отмечают специалисты, эмоциональная форма выражения изменяет всю схему речевосприятия, действуя на механизмы мышления, памяти, внимания, облегчая внедрение информации в сознание адресата, в результате чего возникают социально-психологические эффекты внушения и эмоционального заражения (контагиозности) – ведущие механизмы психологического воздействия.

Эмоционально-экспрессивные формы речи интерпретируются слушателями как оценочное, личностное отношение оратора к тем объектам, явлениям и событиям, о которых идет речь, способствуя разрушению барьеров критического восприятия содержания, созданию атмосферы «общения». Возникающие при этом явления «эмпатии», эмоционального заражения и сопереживания формируют оценочный фон восприятия речи слушателями и способствуют созданию «образа» оратора.

Установление «общности» социальных взаимоотношений, оценок, убеждений, взглядов оратора и аудитории, лежащие в основе формирования имиджа, достигается в первую очередь путем активного использования так

называемого «нагруженного языка», т. е. языковых средств, прежде всего лексики, характеризующейся наличием широкого спектра конденсированных смысловых, эмоциональных, идейно-политических коннотаций. С помощью коннотированной лексики оратор устанавливает общность ценностных оценок с аудиторией, «переключая» оценку со слова на образ, «приписывая» себе те или иные положительные качества, создавая представление об идейных и психологических чертах собственной личности.

«Нагруженный язык»

Эмоционально-экспрессивные средства можно условно разделить на две группы. Первая – это эмоционально-оценочные слова («аффективы») – эмоциональные усилители, адресуемые к ценностным установкам аудитории и способные «приписывать» оратору целый ряд личностных свойств аксиологического характера: мудрость, сдержанность, религиозность, моральную силу, способность к состраданию и т. д. Говоря об использовании эмоциональной языковой информации в прагматических целях, исследователи указывают, что средства, несущие такого рода информацию, могут оказать целенаправленное воздействие на адресата, основанное на механизме эмоционального заражения. Являясь знаками эмоциональных проявлений коммуникатора, они эксплицитно репрезентируют эти явления, что позволяет наделять «образ коммуникатора» в сознании воспринимающей аудитории теми или иными чертами. Это такие слова и сочетания, как «человеческое достоинство», «милосердие», «вера в идеалы», «мечта», «истина», «духовность» и т. п.

Другой разновидностью «нагруженного языка», широко используемого в практике политической риторики, можно считать так называемые «слова-лозунги», или «политические аффективы». К ним относятся, например, слова «свобода», «прогресс», «национальные интересы» и т. п. Это слова-классификаторы, вызывающие однозначную реакцию массовой аудитории, представляют собой абстрактные понятия. Употребляемые без указания точного смысла, они теряют конкретное историческое, идеологическое и политическое содержание. Подобная лексика рассчитана на «наивного слушателя», который чаще всего не понимает, что значение этих понятий может меняться в зависимости от общего политического контекста. Апеллируя к высшим ценностям – чувству патриотизма, национальной гордости, человеческого достоинства и т. д., эти слова содержат в себе скрытую идеологическую оценочность положительного или отрицательного характера, оказывают суггестивное воздействие на слушателей, частично или полностью блокируя их рациональное сознание. Именно такого рода символы, по мнению некоторых исследователей, составляют специфический «язык политики».

«Нагруженная лексика» – традиционное средство риторического стиля – служит также способом индивидуализации речевого образа. Аффективы выполняют роль ключевых слов, позволяющих «нагружать» образ эмоциональными апелляциями в желательном для оратора аспекте. Так, исследователи отмечали широкое использование Дж. Кеннеди слов энергия и энергичный, несущих представление о волевом напоре и активности оратора.

Стилистические приемы усиления эмоционально-психологического воздействия

Характеризуя «риторический стиль» необходимо отметить, что помимо «нагруженной» лексики важную роль в нем играют стилистические приемы усиления эмоционально-психологического воздействия речи, активизирующие эффект внушения и эмоционального «вовлечения» аудитории. Эти приемы, близкие к художественной речи, формируют особый стилистический рисунок текста публичной речи, обеспечивая преобразование рационально-логических структур в эмоциональные. С точки зрения «самопрезентации», стилистический рисунок является весьма значимым фактором отождествления в воспринимающем сознании речи и самого произносящего ее лица. Весь комплекс риторических средств эмоционального усиления, наиболее типичных для современной президентской риторики, можно разделить на две группы: по степени их употребительности и по той роли, которую они играют в суггестивном воздействии ораторской речи.

В первую группу входят такие приемы стилистического синтаксиса, как:

- повтор;
- парцелляция;
- параллельные синтаксические конструкции;
- конструкции с однородными членами;
- эмоциональное противопоставление;
- приемы «диалогизации монолога»:
 - пролепсис (предвидение возражения);
 - вопросно-ответный ход;
 - риторический диалог.

В тексте эти приемы выполняют двойную функцию: с одной стороны, они выступают в качестве способа оформления композиционно-логической схемы дискурса, средства развертывания «тематических ядер», с другой – способствует достижению психологических целей (облегчение восприятия, возбуждения интереса и т. п.), усиливая, подчеркивая содержательный сигнал и формируя оценочное отношение к содержанию речи и самому оратору.

Ко второй группе относятся:

- метафора;
- антитеза;
- риторический вопрос.

Придавая ораторской речи особую, художественную, выразительность, внося в нее элементы «словесной игры», эти средства выполняют роль «эмоциональных сигналов», дополняют и усиливают эффективность приемов первой группы.

Приемы первой группы

Повтор

Наиболее распространенным средством экспрессивного синтаксиса являются различного типа речевые повторы. Главная их задача – углублять смысловую сторону речи, выделять ту или иную идею, основное понятие, служить опорными элементами в развитии мысли.

Речевые повторы могут быть контактными, то есть слово или словосочетание может повторяться в одной фразе или в стоящих рядом двух фразах. Такой прием не только повышает общую экспрессию речи, создавая особый ритм фразы или целого смыслового фрагмента, но и служит способом акцентирования наиболее важных, с точки зрения оратора, содержательных элементов речи.

Еще один вид повтора – анафорический, наиболее традиционный способ выделения актуальных положений речи вынесением повторяющихся сегментов в сильную позицию – начало смысловых отрезков текста: Пришло время открытого разговора с американцами, которым я обязан самой этой возможностью высказать сегодня свои мысли и чаяния. Пришло время говорить, пришло время для каждого из нас задуматься.

Анафорический повтор является классическим приемом стилистического синтаксиса, ведущим к ритмизации ораторской речи, повышающим ее общую экспрессию. Такая организация текста существенно усиливает значимость каждого элемента, вводимого на фоне повтора, актуализирует эти элементы. Речевые повторы могут быть дистантными, то есть слово или словосочетание повторяется на протяжении большого речевого отрезка. Повтор может выполнять роль лейтмотива, то есть основного, ведущего мотива речи, главной идеи, являясь ключевым для раскрытия содержания этого речевого фрагмента. В процессе повторения лейтмотив может варьироваться и образовывать ассоциации, приобретая особую содержательную углубленность.

Сущность речевых лейтмотивов состоит в том, что повторение слова, словосочетания или образа в том же виде или в частично обновленном создает прочную основу восприятия, способствует наиболее полному и углубленному объяснению мысли. Как отмечается в словарях, лейтмотив – это структурный фактор: образный оборот, какие-либо слова, повторяющиеся на протяжении произведения как момент постоянной характеристики, акцентирования мысли, которые обрастают ассоциациями и обретают особую идейную, психологическую и символическую глубину. Следовательно, лейтмотив – это конкретный образ, проходящий через речь, многократно упоминаемая деталь, повторяемое слово или словосочетание, служащее ключевым для восприятия речи.

Парцелляция

К средствам экспрессивного синтаксиса относится парцелляция, понимаемая как членение предложения, при котором содержание высказывания передается не одной, а двумя или несколькими интонационно-смысловыми речевыми единицами, следующими одна за другой после разделительной паузы. Можно сказать: На нашем заводе экономисты разные и по образованию, и по опыту, и по характеру. Но мы можем сказать и так: На нашем заводе экономисты разные. И по образованию. И по опыту. И по характеру.

Во втором случае пауза уже другая, чем в первом. При парцеллированных конструкциях появляется специфическая интонация, то есть такое ритмомелодическое оформление высказывания, которое способствует не только смысловой, но и экспрессивной актуализации отдельных слов.

Нередко повторы проявляются в парцелированных конструкциях. Парцелированные конструкции усиливают повтор, выделяют его.

Конструкции с однородными членами.

Стилистическое использование параллелизма в синтаксических конструкциях, а также конструкций с однородными членами обусловлено теми же задачами усиления отдельных содержательных элементов речи и закрепления оценочной информации в сознании аудитории. Параллельная структура, как и повтор, актуализирует ключевые слова, создает особый ритмический рисунок текста, иногда придающий ораторской речи характер декламации, повышает экспрессию, усиливая тем самым воздействие ее на слушателей: Не человек должен защищаться с помощью Закона, а Закон должен защищать человека. Защищать всесторонне, защищать всю его жизнь.

Защищать – от плохих, негодных товаров и бессовестной рекламы.

Защищать – от воровства денег, кражи собственности, потери рабочих мест.

Защищать – от нищеты, голода и холода.

С помощью развернутых конструкций с однородными членами оратор как бы «разделяет» аудиторию на группы, создавая иллюзию обращения непосредственно к каждой из них. С точки зрения риторического стиля такие конструкции приобретают характер периода – типичного для классической риторики синтаксического построения, в котором составляющие элементы содержательной, синтаксической и ритмико-интонационной структуры находятся в гармоническом соответствии между собой.

На использовании конструкций с однородными членами (синонимами) построен еще один классический прием риторики – градация, при помощи которой достигается усиление признака в синонимическом ряду:

Мы и привыкли, и умеем спланироваться – семья к семье, община к общине, город к городу – для того, чтобы наша жизнь менялась к лучшему.

Характерной для риторики является градация модальных глаголов, в результате чего меняется модальность всего высказывания по цепочке: возможность – необходимость – долженствование – реальность.

Изменение модальности высказывания в порядке нарастания признака долженствования (от «возможного» к «обязательному») дает оратору возможность демонстрации «волевых качеств» характера.

Эмоциональное противопоставление

Широко используется в риторике прием эмоционального противопоставления, самой формой речи привлекающий внимание аудитории и усиливающий семантико-стилистические эффекты речи. От классической антитезы этот прием отличается тем, что противопоставляются не антонимы в собственном смысле, а слова, высказывания, фразы, которым приписывается в контексте положительная и отрицательная оценочность. При этом сами оценки, доводящие противопоставление до высшей степени эмоционального накала, даются оратором на основе произвольного толкования тех или иных явлений, сторон действительности, фактов. Прием эмоционального противопоставления служит способом актуализации содержательно-оценочных элементов речи, что

ведет к усилению эффекта психологического давления: Жизнь показала, что предложенное мною двенадцать месяцев назад направление нашего движения является не только новым, но и верным направлением.

В таком противопоставлении положительная оценочность определений «верный» и «новый» взаимно усиливается и взаимно дополняется конструкцией не только... но и.

Американцы слишком часто слышали о том, как ужасны наши ошибки, как несправедливы наши деяния, ложны наши цели. Но американский народ лучше, чем кто-либо, знает истину. А истина заключается в том, что мы – величайшая демократия мира. Мы – символ стремления человека к свободе и благосостоянию. Мы – воплощение надежды на прогресс.

Сопоставление сочетаний ужасные ошибки, несправедливые деяния и ложные цели с величайшая демократия мира, символ надежды и т. д. усиливают акцент на последние, ярче выявляют их положительную окрашенность, актуализируют их, прочно внедряя в сознание слушателей.

Прием эмоционального противопоставления, очевидно, можно рассматривать как особую разновидность антитезы, когда все смысловое движение речи исключает для слушателя возможность собственной оценки, поскольку выбор заранее задается в актуализированных оценочных компонентах. Такое построение речи дает возможность оратору не только навязать слушателям свою позицию по определенному вопросу. Но и утвердить себя в качестве «надежного политика», носителя всевозможных «положительных качеств».

К приемам диалогизации монолога также относятся пролепсис (предвидение возражения), вопросно-ответный ход, риторический диалог.

Приемы второй группы

Риторические средства второй группы, которые можно определить как «эмоциональные сигналы», не несут столь ответственной содержательно-композиционной нагрузки, однако являются эффективным способом привлечения внимания слушателей своей яркой речевой формой, апеллируя в первую очередь к эмоционально-эстетической сфере сознания. Обычно эти средства сочетаются с приемами первой группы, повышая их суггестивное воздействие. Так, например, метафора может входить в эмоциональное противопоставление: Наши американские ценности – это не роскошь, это необходимость; это не соль в нашем хлебе, – это сам хлеб.

Метафора может усиливать опровержение и отрицательную оценку мнения «подразумеваемого оппонента», имплицитно прием пролепсиса: В течение нескольких последних месяцев мы слышали барабанный бой утверждений, что корни нашего дефицита – в расходах на оборону. Но это не так...

Метафора может включаться в риторический дискурс и самостоятельно, выступая в качестве своеобразного «катализатора эмоционального восприятия речи: Эта сияющая звезда веры, которая привела миллионы от тирании в надежную гавань свободы, прогресса и надежды.

Достаточно распространенный стилистический прием – антитеза обычно входит в качестве составного элемента в прием эмоционального противопоставления, усиливая его эмоционально-стилистическое звучание. Цены слишком велики, а зарплата слишком мала. В январе прошлого года положение становилось все хуже. В этом январе положение медленно, но неуклонно улучшается.

Такое употребление антитезы в ее классическом варианте является в известной степени способом «словесной игры», к которой прибегает оратор для усиления эмоционально-логического воздействия противопоставления.

Риторический вопрос, как уже отмечалось, может входить в вопросно-ответный ход, усиливая эмоциональную выразительность последнего: Но разве есть цена, которую нельзя было бы заплатить за то, чтобы освободить мир от угрозы ядерной войны? Мы знаем, такой цены нет.

Не требуя ответа, поскольку ответ имплицитно содержится в нем самом, риторический вопрос формирует психологическую установку, желаемую реакцию утех, к кому обращена речь. Риторический вопрос используется и в качестве эмоционального восклицания, имея целью привлечь внимание слушателей к определенной идее, эмоционально выразить отношение к ней оратора, призвать аудиторию разделить его мнение.

Характерно, что эмоциональные восклицания в виде риторического вопроса практически не несут содержательной нагрузки и выступают лишь эффектным способом привлечения внимания слушателей к самой персоне оратора, выступающего в качестве «моралиста».

Невербальные средства воздействия на аудиторию

Все люди общаются друг с другом как минимум на двух языках: вербальном и кинетическом. А поскольку обычно неконтролируемый сознанием кинетический язык проявляет подсознательные установки человека (т. е. то, что он хотел бы, желая выглядеть лучше, продемонстрировать нам), то этот язык имеет существеннейшее значение в формировании мнения о человеке, мнения о его истинной системе установок – отношений. А тот факт, что не все люди умеют сознанием читать кинетический язык, практически ничего не значит, поскольку его прекрасно читает их подсознание. Отсюда становится понятным и «кинетический имидж»: мнение, возникающее о человеке на основе его кинетики – характера типичных движений или положения в пространстве частей его тела. Для решения этой задачи необходимо:

- а) научиться блокировать негативную кинетику,
- б) научиться презентовать позитивные кинетические сигналы.

Вот что целесообразно предпринимать для решения второй задачи.

1. Кинетика головы

Кинетический имидж формируют те или иные привычные наклоны головы. Поэтому совет первый – уберите «голову агрессора» (подробное описание того, как выглядит голова агрессора, можно найти в упомянутой работе Панасюка). Совет второй – демонстрируйте окружению «голову внимающего», ведь склоненная чуть вниз голова как бы подчеркивает некое

почтение, уважение. Как вариант предлагается «голова президента», то есть внимание к окружающим в сочетании с чувством собственного достоинства (но не следует иметь «голову президента» при общении с детьми, запуганными людьми, с теми, кто почему-то боится вас, с униженными и оскорбленными).

Поворот головы к собеседнику или от собеседника имеет прямое отношение и к повороту корпуса – тоже «к» или «от».

2. Кинетика лица

Лицо – это зеркало отношения. Берегитесь появления нежелательной контрактуры мышц лица, а если таковая имеется, делайте «лечебную гимнастику». Дозируйте улыбку, ведь еще Карнеги говорил, что улыбка – это пароль для друзей. Необходимо улыбаться, разговаривая с собеседником, но – дозированно: в момент обращения к собеседнику, в момент его обращения лично к вам, а также в начальной и заключительной (даже если не удалось договориться) стадии встречи. Посылайте в сознание людей информацию «Я к вам лично настроен позитивно». Дозированная улыбка – это как «голова президента»: он знает себе цену, но не лишен внимания к людям.

3. Кинетика рук

Делайте имидж своими собственными руками, ибо руки – это второй язык человека. Не делайте «большой передний замок», потому что так подсознательно проявляется отчуждение от ситуации. При этом опять же необходимо блокировать информацию об агрессивности: не сжимайте пальцы в кулак, если ваши собеседники раздражают вас, не постукивайте кончиками пальцев или слегка ребром ладони по спинке кресла или по столу, не допускайте, чтобы руки так вцепились друг в друга, что пальчики слегка похрустывают или чуть побелели от напряжения. Определенно подсознание вашего визави это отметит и донесет сознанию своего хозяина: «собеседник в нервном напряжении». Выступая, допускайте минимум жестов подавления, максимум жестов приподнятая аудитории. Потому что управление своей ладонью – это и управление мнением о себе.

4. Кинетика ног

Удобнее садиться так, чтобы легко можно было поворачиваться к собеседнику корпусом. Не скрещивать ноги.

Завершив эту часть, мы пришли к выработке следующей стратегии поведения при формировании имиджа: необходимо блокировать те поведенческие акты, которые выдают вольно или невольно негативные стороны характера, и презентовать те, констатация которых доставит удовольствие вашим собеседникам.

Разговор о том, как делать привлекательный имидж, можно продолжать, ведь создание имиджа – длительный и сложный процесс, успешность протекания которого зависит от выбранной его создателями стратегии, тактики и технологии.

Факторы восприятия политического лидера

Имидж политика нередко существенно расходится с его личностными особенностями. Понятие «имидж» может быть в этом случае определено как совокупность проекций избирателей на данную политическую фигуру и

оказывается характеристикой не столько политика как такового, сколько электората. Имидж есть не что иное, как «мнение о человеке, которое сложилось у определенной группы людей – от Ваших домочадцев до, предположим, Вашего электората, который Вы призываете голосовать за Вашу программу (а это значит – и за себя)».

И.Г. Дубов и СР. Пантелеев провели исследование, целью которого было выделение основных характеристик, используемых населением центральной части России для описания и оценки конкретных политических лидеров.

При оценке политика часто основное внимание, как оказалось, уделяется характеристикам, связанным с их политическими взглядами. Аналитиков прежде всего интересует, относится данный лидер к консерваторам или он склонен к реформам, придерживается либеральной ориентации или близок к социал-демократам, радикален в своих взглядах или является умеренным.

Вместе с тем немаловажное значение для понимания политического лидера имеют и его сугубо личностные характеристики: ответственность, хитрость, уверенность в себе и другие. Для правильного формирования имиджа политика необходимо установить, какие из них представляются избирателям наиболее значимыми, а также определить те его действия, которые, не согласуясь с представлениями о личности данного политика, будут «размывать» складывающийся имидж.

Конечно, индивидуальные установки и стереотипы восприятия личности политического лидера не универсальны для представителей любой общности.

Наоборот, они весьма изменчивы и могут варьироваться в зависимости от половой, возрастной и социальной принадлежности реципиентов, а также от ролевой или политической позиции государственного деятеля, выступающего в качестве объекта оценки. Эти индивидуальные установки и стереотипы являются своего рода призмой, сквозь которую смотрят на политиков люди. Поэтому они выделяют различные аспекты личности политиков, рассматривая одни их качества как важные и значимые, а другие – как второстепенные и недостойные внимания.

Выявлено, что избиратель оценивает кандидата приблизительно по пятнадцати параметрам, причем только пять из них избиратель осознает, остальные десять – в подсознании.

Фактор I

Интеллектуальный – примитивный Эрудированный – невежественный
Высококультурный – малокультурный Разносторонний – ограниченный
Интеллигентный – неинтеллигентный Талантливый – посредственный
Глубокий – поверхностный Воспитанный – невоспитанный Яркий –
ординарный Компетентный – некомпетентный

Видно, что составляющие содержание фактора личностные характеристики в основном связаны с интеллектуальными особенностями и общим культурным уровнем. Причем талантливость, глубина, интеллигентность и общая культура противопоставляются малокультурной, невежественной посредственности. Поэтому данный фактор обозначают как «талантливая культурность – невежественная посредственность».

Фактор II

Волевой – безвольный Решительный – нерешительный Властный – зависимый Энергичный – вялый Сильный – слабый Деятельный – бездеятельный Уверенный – неуверенный Увлеченный – равнодушный Заинтересованный – безразличный Жесткий – мягкий

Основное содержание данного фактора определяют как сильную, деятельную властность в противоположность бездеятельной, зависимой слабости. Данный фактор кратко обозначают как «сила – слабость».

Фактор III

Прямой – изворотливый Бесхитростный – хитрый Искренний – неискренний Чистосердечный – коварный Лживый – правдивый Справедливый – несправедливый Порядочный – непорядочный Принципиальный – беспринципный Нравственный – безнравственный Откровенный – скрытный Добросердечный – бессердечный

Содержание данного фактора связано с моральной оценкой, где искренность, порядочность и принципиальность противопоставляются изворотливости, хитрости и коварству. Фактор кратко обозначен как «бесхитростная порядочность – изворотливое коварство».

Фактор IV

Сдержанный – импульсивный Уравновешенный – неуравновешенный Осмотрительный – авантюристичный Основательный – легкомысленный Предсказуемый – непредсказуемый Созидатель – разрушитель Реформатор – революционер Ответственный – безответственный Осторожный – рискованный Последовательный – непоследовательный Рациональный – эмоциональный Человек дела – человек фразы

В данном случае сдержанность, ответственность и осторожность противопоставляются неуравновешенности, непредсказуемости и безответственности. Фактор IV кратко обозначен как «сдержанность – экстремизм».

Если предыдущие четыре фактора отражают в основном особенности операциональной сферы личности, то рассматриваемый далее фактор имеет явно оценочное содержание.

Фактор V

Располагающий – отталкивающий Симпатичный – несимпатичный Обаятельный – необаятельный Раскрепощенный – напряженный Убеждающий – неубеждающий Выразительный – невыразительный Добрый – злой Интересный – занудливый Уступчивый – непокладистый Терпимый – нетерпимый

Способность вызывать симпатию, выразительность и доброта противопоставляются таким качествам, как отсутствие обаяния, напряженность и злость. Этот фактор, задаваемый полюсами «располагающий – отталкивающий», называют фактором личного обаяния.

Таким образом, в результате проведенного исследования были выявлены следующие пять факторов, представляющие собой основные параметры личности, по которым специалисты оценивают государственных деятелей:

- 1) талантливая культурность – невежественная посредственность.
- 2) слабость – сила.
- 3) бесхитростная порядочность – изворотливое коварство.
- 4) сдержанность – экстремизм.
- 5) личное обаяние (располагающий – отталкивающий).

Население легко воспринимает типажированного человека. Он понятнее, гармоничнее. Типажи могут быть самыми разными. Ну, например, «хитрый лис». Или – «отец солдатам». Но необходимо учитывать, что если мы делаем человека консерватором, это вовсе не значит, что он должен быть ограничен, лишен личного обаяния. Однако – не рубаха-парень: суховат, корректен. Не чинный, не чопорный, но собранный. Малоэмоциональный. Если же создаем образ человека веселого, обаятельного, улыбающегося, то не следует говорить, что он консерватор. У такого не должно быть консервативной политики.

Поскольку имидж политика оказывается образом, спроецированным электоратом на данную политическую фигуру, можно предположить, что в обществе существует некий набор образов, которые в зависимости от конкретной политической ситуации в обществе «присваиваются» тем или иным политическим фигурам. Что касается механизмов этого «присвоения», то оно происходит по типу метафорического переноса: через уподобление объектов на основе их внешних, чувственных признаков передается их глубинное, содержательное сходство, которое субъектом не вполне осознается.

Вторая часть исследования И.Г. Дубова и СР. Пантелеева была посвящена выделению и исследованию типов политических лидеров, присутствующих в массовом сознании.

У разных исследователей разные взгляды на построение достаточно полных имиджей конкретных политических деятелей.

Аппаратчик

Наиболее выраженной чертой типичного аппаратчика оказалось, с точки зрения политологов, изворотливое коварство (-9,4 по 10-тибальной шкале). Высокое значение имеет и такая характеристика, как сдержанность и осторожность (+ 7,9). При этом эксперты отказывают аппаратчику в интеллекте и культуре (-6,1), а также в личном обаянии (-4,5). Интересно, что аппаратчик в представлении специалистов оказался слабым и нерешительным (-6,8).

Популист

Основные черты – несдержанность, непредсказуемость и экстремизм (-9,8). При этом популист силен, властен и энергичен (+6,2). Он обладает скорее низкой культурой, недалек (-4,8), однако не лишен личного обаяния (+3,3) и достаточно изворотлив (-3,0).

Парламентарий

С точки зрения политологов, обладает высоким интеллектом, культурой и образованностью (+8,3), сдержан и осторожен (+7,2), достаточно обаятелен (+6,9). В то же время типичный парламентарий не отличается силой и энергией (+2,1).

Демократ

Политики демократической ориентации представлялись специалистами в середине 1991 года как люди абсолютно бесхитростные и высокопорядочные (+8,0). Их отличали высокий интеллект и культура (+5,8). Однако при всей своей обаятельности (+4,6) они часто оказывались слабыми и нерешительными (-2,7).

Консерватор

В сознании политологов эти деятели отражались по всем показателям не только как политические, но и как личностные антагонисты демократов. Они характеризовались как очень ограниченные (-9,9) и лишенные личного обаяния (-4,1) люди. В то же время, если демократы представлялись (вероятно, вследствие своего поведения на митингах) все-таки несколько несдержанными, то консерваторы в полном соответствии со своими ориентациями виделись осторожными и ответственными (+3,1). Вместе с тем, как и демократы, консерваторы, согласно оценкам специалистов, порядочны (+3,0) и недостаточно решительны (-1,4).

Радикал

В полном соответствии со своим названием они весьма радикальны (-10,0), а также довольно прямолинейны (+3,0) и, может быть, поэтому непривлекательны (-5,7). Испытуемые не отказали им ни в энергичности (+2,0), ни в интеллекте (+2,1), но при этом не считали указанные характеристики типичными для радикальных лидеров.

Харизма

Основная черта – высокая сила и энергия (+7,1) и личное обаяние (+5,2). Отмечена также некоторая склонность к экстремизму (-3,1), недостаток культуры и интеллекта (-2,2) и определенная моральная гибкость (-0,5). Как можно заметить, описание этого типажа близко к оценкам популистского лидера.

Легитимист

Согласно оценкам политологов, ему свойственны высокий интеллект (+7,9), сдержанность (+5,8) и порядочность (+2,0) при одновременном дефиците энергичности (-2,7) и личного обаяния (-0,7). Как поборник законности легитимист в сознании профессиональных политологов оказался близок к образу профессионального парламентария.

Специалисты кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС при Президенте РФ выделяют такие типы: «герой» (варианты: «русский богатырь», «спаситель», «солдат», «воин-борец»), «святой», «отец нации», «антигерой». Это первый кластер. Второй кластер – «прагматик» (варианты: «хозяйственник», «строитель», «хозяин», «предприниматель» или «деловой человек»), «управленец», «технократ западного типа», «специалист-профессионал», «образ простого человека в политике». Третий кластер составляют те, кто не вошел в предыдущие: «мыслитель», «профессор», «шут», «оригинал» или «знаменитость».

С учетом отмеченных особенностей общения, влияния имиджа политика как субъекта общения важно определить.

Особенности психологического воздействия средств массовой коммуникации на электорат

Сегодня население с помощью телевидения узнает не только теоретические постулаты того или иного политического объединения, но и облик его лидера: интересуется его характером, образом мыслей и жизни. Телевидение позволяет олицетворять политику. Оно содействует созданию нового, публицистического облика политика. Этот вывод профессора В.В. Егорова особенно остро подтвердился после вывода из системы коммуникации Останкинского телецентра, и сразу же вся страна почувствовала важность этого средства коммуникации в жизни и деятельности.

«Из всех видов СМИ телевидению отдан приоритет не случайно. Оно действительно наиболее влиятельное в настоящее время, недаром один из приближенных Президента России назвал телевидение «второй ядерной кнопкой», и именно в период избирательных кампаний прозвучало еще одно, ставшее крылатым, высказывание: «кому принадлежит телевидение – тому принадлежит и власть в стране»», – подчеркивает В.Г. Зазыкин, доктор психологических наук, профессор, действительный член Международной академии акмеологических наук (52, с. 4).

Уделяя такое внимание электронным СМИ, мы не отрицаем другие. У печатных изданий есть свои преимущества перед телевидением и радиовещанием, у радиовещания перед телевидением и печатью. Но многое из того, что можно использовать в работе над имиджем на телевидении, невозможно использовать в печати и на радио. Телевидение создает иллюзию непосредственного общения. Многие из того, что рекомендуют делать имиджмейкеры, наиболее приемлемо для телевидения. Вот поэтому, говоря дальше о применении прикладных психотехнологий, мы основное внимание уделяем работе над ТВ-имиджем. Объясним, почему.

Особую ценность для политических деятелей телевидение приобрело в связи с его способностью буквально на глазах у телезрителей «делать» перспективных кандидатов на выборные посты из малоизвестных до тех пор или вовсе неизвестных стране фигур, прибегая по мере необходимости к услугам ставших пользоваться широким спросом специалистов в области телевизионной политической рекламы, ораторского мастерства и даже телевизионного грима, «вылепливающих» импонирующий избирателям образ депута-та-«супермена» – «сверхчеловека» из не присущих тому в действительности личных и деловых достоинств. И именно телевидению принадлежит «заслуга» в выявлении одной из уникальных особенностей политической жизни, заключающейся в том, что люди без послужного списка зачастую оказываются более привлекательными для избирателей, чем люди, обладающие таким послужным списком... Телевидение драматизирует такую политическую девственность. До изобретения телевидения человек, не пользующийся известностью, вообще не мог баллотироваться, поскольку он не мог получить выхода на широкие массы.

В условиях существования телевидения он может стать известным за очень короткое время, особенно если он хорошо смотрится на телеэкране,

может появляться одновременно по всей общенациональной радио- и телесети в наиболее выгодное для него вечернее время, обеспечивающее огромные аудитории слушателей и зрителей, т. е. перед миллионной национальной аудиторией.

Эффект «туннеля»

На телевидение нельзя рассчитывать, если нужно внушить какие-либо идеи. Любая попытка передать с помощью телевидения какую-то сумму суждений, то есть произнести быстро своего рода монолог, наталкивается на то, что подобный монолог оказывается неслышанным, – во всяком случае, его не слушают. Этот феномен получил даже своего рода наименование – «туннель». Журналисты видят свою задачу в том, чтобы безжалостно прерывать политического деятеля, роющего такой туннель, ибо без этого многие телезрители начинают «гулять по эфиру», то есть искать по другим каналам более привлекательные программы.

Телевидение использует иные приемы: эмоции, энтузиазм, доверительность личных контактов, иногда показ насилия и почти всегда – драматизацию событий. В такой ситуации любая политическая мысль должна быть передана при помощи примеров и сжата в символы.

Драматизация

Телевидение – это другой тип восприятия, существенно более высокой интенсивности воздействия, чем любой другой канал СМИ. Отдавая предпочтение телевидению как основному каналу влияния на общественное мнение страны, Кеннеди вместе с тем, как утверждают американские исследователи средств массовой информации, отдавал себе отчет в нежелательности и даже опасности излишне частого появления на телеэкранах. Люди считали, что Рузвельт постоянно выступал по радио, а на самом деле он внимательно контролировал количество своих выступлений. Более того, телевидение намного превосходит радио по силе воздействия и драматичности, и тем больше оснований проявлять в этом вопросе консерватизм, поскольку телевидение может вас сожрать.

Преобладание визуального образа

«В отличие от печатного или даже устного слова зрительный образ не терпит толкований или рассуждений. Специалисты утверждают: увиденное составляет более половины того, что сохранит в памяти телезритель, а услышанное – немного менее половины.

В телерепортаже о политическом деятеле внимание привлекают окружающая обстановка, его костюм, движения, манеры, улыбка или хмурый вид и, наконец (что имеет решающее значение), как он выглядит, оптимистично ли настроен.

То, что будет услышано, имеет меньшее значение; к тому же надо иметь в виду, какую большую роль играет сама обстановка, в которой делается выступление – нервная или напряженная, как звучит голос – уверенно, спокойно, тепло или же сухо, прерывается ли оратор или чуть задыхается; самое малое значение имеет содержание речи». Так считает М. Рокар (150, с.

17). Восприятие зрителем любого телесюжета происходит в следующем порядке:

1. как выстроен кадр (композиция кадра);
2. как выглядит человек в кадре;
3. как себя ведет;
4. как говорит;
5. что говорит.

Эффект увеличительного стекла

Телевидение обладает колоссальной способностью усиливать харизматические или экспрессивные черты в человеке.

Моментальность

Телевидение – явление одноактное: человек сел перед телекамерой, сказал что-то – и общественное мнение сработало по этому факту.

Благодаря телевидению исторические события, совершающиеся на наших глазах, являются лишь живым фактом нашего настоящего, нашей сиюминутной действительности, считают некоторые исследователи. Однако это «лишь» (история становится «лишь» живым фактом нашего личного настоящего) очень емко, и совершаемая телевидением ежедневно, ежечасно переплавка времени исторического в личное время каждого члена многомиллионной аудитории – одно из достижений современной коммуникации, ставшее реальностью благодаря радиийной и телевизионной «моментальности».

Критерии эффективности телевизионного действия

По результатам некоторых исследований, в настоящее время наиболее эффективной является телевизионная политическая информация, соответствующая ряду критериев.

1. Краткость

Только 5–7% населения в состоянии полностью просматривать политический телесюжет, если его длительность превосходит 10 минут; около четверти телезрителей смотрят их фрагментарно, переключаясь на другую программу, и почти 70% вообще игнорируют такие передачи. Значит, для россиян эффективной будет только краткая политинформация, или если каждый фрагмент телесюжета представляет собой нечто самостоятельное.

2. Простота

За последние годы произошел неблагоприятный сдвиг в технологии восприятия содержательной информации. Несколько лет назад значительная часть населения с интересом читала толстые журналы, объемистые политические и экономические статьи, внимательно слушала телевизионные выступления, посвященные сложнейшим проблемам. Сейчас люди стали экономить собственные усилия на переработку подобной информации: эффективно воспринимается только то, что не требует от воспринимающего значительных интеллектуальных усилий.

3. Новизна

Во время перестройки ему полностью соответствовали новые для массовой аудитории демократические выступления; сейчас выступления в поддержку демократии критерию новизны, как правило, не отвечают.

Произошла своеобразная психологическая адаптация. А вот когда на экране появляется Жириновский, то во многом его выступления соответствуют критериям и новизны, и простоты.

Телевизионные клипы

Некоторые авторы, анализируя основные направления создания средствами телевидения имиджа политического деятеля в ходе избирательной кампании, выделяют четыре фазы в рекламном предвыборном процессе.

1. Идентификационные телевизионные клипы

Цель – добиться, чтобы как можно больше избирателей запомнили имя данного кандидата.

Они, как правило, очень просты по форме, имя кандидата в них часто повторяется и изображается на экране, в качестве звукового ряда нередко используются стихи, где рефреном повторяется нужное имя. Идентификационные клипы часто напоминают семейный альбом: в них используются кадры, воссоздающие биографию политического деятеля, рассказывается о его семье. О достоинствах кандидата нередко свидетельствуют его родственники или друзья.

2. Аргументационные клипы

Цель – познакомить избирателей с политической платформой, взглядами кандидата.

Есть несколько моментов, которые считаются обязательными для всех клипов этого рода:

а) они не должны быть слишком специфичными;

б) ролики должны обращаться к эмоциям, т. к. считается, что большинство людей голосует под воздействием сердца, а не разума (характерный пример – социологический опрос, проводившийся в 1976 году, показал, что 75% голосовавших за президента Картера не знали его позиций по важнейшим вопросам).

Одно из правил созданий таких клипов гласит: «одна реклама – одна идея», т. е. они должны быть простыми и целостными.

3. Негативные клипы

Цель – атака на соперника.

Негативная реклама всегда привлекает внимание: людям интересен конфликт. Телевизионный монтаж открывает перед создателями негативных клипов неисчерпаемые возможности. Проинтервьюировав три сотни людей, всегда можно подобрать именно то, что нужно. Даже когда опрашиваемые не произнесут нужных слов, искусный монтаж позволяет выйти из положения.

Необходимо отметить, что негативная реклама, особенно невыдержанная и в больших количествах, Действует прямо противоположно расчетам ее создателей. Только если эта реклама сделана с чувством меры

и в разумных количествах, она может значительно снизить популярность кандидата, против которого она направлена.

4. Ударных клип

Цель – оказать «ударное» воздействие на избирателей, призвать их голосовать за кандидата.

В целом знание субъектом политики модели, алгоритма и технологии эффективной коммуникации обеспечивает ему успешно выполнять различные задачи политической деятельности. При этом важно также понимать, что именно в процессе общения и использования средств индивидуальной и массовой коммуникации создается его собственный имидж и политический авторитет.

6.2. Политическая реклама как интегративная агитационно-пропагандистская технология

В контексте психологического анализа политической рекламы как интегративной агитационно-пропагандистской технологии важно прежде всего обратить внимание на ее место и роль в политических процессах, в том числе в избирательных кампаниях 1999 и 2000 годов. В них наиболее ярко проявляются ее психологические отличительные особенности. Одна из особенностей состояла в высокой агрессивности ведения самой избирательной кампании. Лидеры политических партий и движений, за редким исключением, рассматривали друг друга не как политических оппонентов, а по меньшей мере, как противников, а то и врагов.

Кроме того, избирательные кампании рубежа XX–XXI веков показали, что народ откровенно устал от одних и тех же вечно воюющих друг с другом политических персонажей, у него возникла потребность в политических лидерах нового типа. Поэтому возможно стремительное выдвижение к вершинам власти политиков так называемого «второго эшелона» – волевых, решительных, умных, отличающихся высокой нормативностью поведения, не склонных к популизму и красноречию. Высокий рейтинг избранного в апреле 2000 президента России В. Путина, успех движения «Единство» с его лидером С. Шойгу является наглядным тому свидетельством. Об этом так же свидетельствуют ощутимые поражения движения «Яблоко», ЛДПР, НДР, ОВР и других политических и общественных объединений. Те движения, которые выступали за конструктивный диалог и стабильность в обществе (прежде всего «Единство») на таком грязном политическом фоне выглядели явно предпочтительней. Обращает на себя внимание также очевидная негативная реакция избирателей на партии и лидеров, построивших свою избирательную кампанию на конфронтационной основе. Очевидно, что избиратель устал от непрерывных политических баталий, обвинений, высказываемых многими партийными лидерами по отношению друг к другу.

Последние политические кампании указывают на одну общую примечательность, которая состоит в том, что они отличались беспрецедентным использованием государственных и коммерческих СМИ, в том числе телевизионных каналов, периодической печати, радио, Internet и других агитационно-пропагандистских технологий. Все они все больше ориентируются на достижение высокой внушаемости, максимальное использование психологических факторов воздействия на сознательный и бессознательный уровни индивидуальной и массовой психики. В данных коммуникациях все более весомое место занимает политическая реклама.

Отечественная реклама быстро прошла нелегкий путь становления. Первые опыты наших рекламистов на новом перспективном поприще выглядели по меньшей мере наивными. Потом последовал период безудержного копирования западных рекламных образцов, который без иронии теперь воспринимать трудно, поскольку все делалось по известному рецепту «смеси французского с нижегородским». Нынешняя отечественная реклама в большинстве своем интересна, в ней можно встретить немало оригинальных идей и изобразительных решений, правда, из-за этого она редко бывает сбалансированной — в погоне за внешним впечатлением ее создатели забывают о правилах эффективности. Но главное все же в другом — отечественная реклама в жанровом отношении стала разнообразной, явно прогрессирует процесс создания специальных видов рекламы — экологической, социальной, военной, финансовой и особенно — политической. Проблемам рекламы посвящено немало научных исследований, проводимых в психологии, социологии, экономике и искусствоведении. Однако, несмотря на их глубину и разнообразие, относительно сущностных характеристик рекламы по-прежнему не существует единого мнения.

Начнем с определений рекламы. Этимологический словарь М. Фасмера объясняет происхождение слова «реклама» через немецкое «Reklame» из французского «reklame» первоначально — «подзывание сокола на охоте»; «ключевое слово в конце страницы», которое подверглось семантическому влиянию английского «привлекать к себе внимание». В настоящее время наиболее распространенным является следующее определение. Реклама (от латинского *reklamare* — выкрикивать) — это информация о товарах, различных видах услуг и т. п. с целью оповещения потребителей и создания спроса на эти товары и услуги. Еще рекламой часто называют любую форму неличного представления (в смысле сам производитель не предлагает) и продвижения коммерческих идей, товаров и услуг.

Данные определения рекламы, строго говоря, не вполне корректны, так как в них не до конца отражены сущностные и содержательные характеристики рекламы. Представлен главным образом информационный аспект рекламы, но ведь имеются и являются значимыми и другие: психологический (реклама — это, прежде всего психологическое воздействие, основанное на знании психологии потребителей), деятельно-стный (реклама — вид профессиональной деятельности), коммуникативный (связанный с общением), интерактивный (реализующий систему обратных связей) и др.

На Западе реклама не только успешно развивалась, но и появлялись научные исследования, претендующие на создание ее теоретических основ (Р. Ривс, Ч. Сендидж, В. Фрайбургер, К. Ротцол и многие другие). В них реклама уже не рассматривалась как только информация, ей придавался статус «формы коммуникации, которая пытается перевести качества товаров и услуг, а также идеи, на язык нужд и запросов потребителя». Коммуникация — это заинтересованный диалог, а во всяком диалоге всегда присутствуют убеждение, внушение и психологическое заражение, то есть психологические воздействия. Иными словами, в них есть глубокое психологическое содержание. Это

подтверждают и психологические исследования, которые свидетельствуют, что любые коммуникации, а уж рекламные в особой мере, имеют трехкомпонентную структуру, включающую:

- когнитивный компонент (получение нового знания за счет информации);

- аффективный компонент (формирование эмоционального отношения);

- регулятивный компонент (побуждение к конкретным действиям).

Иными словами, любая хорошая реклама дает информацию, формирует положительное эмоциональное отношение и побуждает к конкретным действиям – купить товар или воспользоваться услугой. То есть реклама стимулирует систему взаимодействий, имеющих ярко выраженное психологическое содержание.

Таким образом, можно утверждать, что реклама не является только информацией о товарах или услугах и никогда таковой не была, если говорить, конечно, об эффективной рекламе. Реклама – явление многогранное. Она является важным элементом социально-экономических отношений, промежуточным звеном системы «производитель–потребитель», а именно: «производитель–реклама–потребитель». Реклама, в свою очередь, является продуктом профессиональной деятельности. Как производитель создает нужные потребителю товары или предоставляет услуги, так и рекламисты производят и предлагают свой специфический товар или услугу – рекламу. Следовательно, рекламу необходимо рассматривать и в деятельностном аспекте, с позиций психологической теории деятельности, с процессуальной и результативной стороны: как формируется замысел рекламы, подбираются выразительные средства, используются принципы, правила создания эффективной рекламы и пр.

Это в свою очередь позволит выйти на очень важную проблему – профессионализма тех, кто создает рекламу. Реклама с содержательной и регулятивной точки зрения представляет собой еще и психологическое воздействие, направленное на потребителя с целью побудить его приобрести тот или иной товар, воспользоваться услугой. При этом само психологическое воздействие может быть поливариантным, включающим речевое, невербальное, образное, цветовое, музыкальное и другие виды воздействий. Наконец, рекламная деятельность всегда связана с постоянным изучением потребностной сферы, интересов и влечений потребителей, то есть в рекламе заложена интерактивная функция.

Такое сложное и многогранное содержание рекламы не позволяет на сегодняшний день дать ей адекватное и законченное определение. Можно с уверенностью говорить о ее определенных аспектах. Это нашло свое отражение и в научных исследованиях рекламы. Психологическое направление изучения рекламы, рекламной деятельности и взаимодействий отличается широтой проблематики. В него входят исследование личностных характеристик потребителей, отношений к рекламе, воздействий в рекламе, нравственных аспектов рекламной деятельности, коммуникативных взаимодействий в

системе «реклама–потребитель» и др. Таковы общие характеристики того, что связано с рекламой.

С этих позиций проанализируем сущностные характеристики политической рекламы. Политическая реклама, как специальный вид рекламы, являющийся проявлением особенного в данном рекламном общем, безусловно, отражает психологическую специфику рекламы торговой, ведь и здесь имеется свой специфический «товар» или предложение – идея, политический лидер или партия, имеется так же своеобразный «политический рынок», есть свои потребители – это избиратели. В общем определенное сходство есть. Но все же политическая реклама имеет свое качественное отличие, которое требует специального рассмотрения. Прежде всего, остановимся на месте политической рекламы в политической жизни демократизирующегося общества.

Политическая реклама как система политических коммуникаций

Еще совсем недавно о политической рекламе мы знали понаслышке из скудных репортажей и публикаций наших журналистов, которые с «классовых позиций» освещали избирательные кампании, проводимые на Западе. В нашей стране в те времена мы имели дело лишь с агитацией и пропагандой – вспомним, как «улицы наших городов украшались праздничным кумачовым убранством» и тому подобное. Поэтому политическая реклама и масштабные избирательные кампании воспринимались как «выбрасывание на ветер денег рядовых налогоплательщиков», как форма «манипулирования сознанием избирателей». Время показало, что политическая реклама является необходимым атрибутом процесса демократического преобразования общества. Эффективная избирательная кампания любой партии или движения, политического лидера, как выяснилось, невозможна без политической рекламы.

Политическая реклама – для нашей страны явление новое, хотя она имеет глубокие исторические корни. Считается, что политическая реклама появилась в период рабовладельческой демократии в Древней Греции, когда на народных собраниях открыто избирали на ответственные государственные посты. Тогда реклама велась самими претендентами и их сторонниками в устной форме. Главными достоинствами претендентов являлись богатство, знатное происхождение, красноречие и ум. В Древнем Риме уже использовались письменные рекламные лозунги и призывы. В Новгородской республике на Руси также встречалась политическая реклама, которая велась главным образом в устной форме.

Современная реклама в демократической России многолика – можно встретить, по сути дела, все ее виды, вплоть до антирекламы, но качество ее, в отличие от торговой, за редким исключением оставляет желать лучшего. В основном наш электорат сталкивается с убогими, примитивными образцами, а то и откровенно циничными, чисто манипулятивными. Случилось так, что с самим понятием «политическая реклама» ассоциируется другое понятие – «выборы». Действительно, наши ведущие политики, политические партии и движения крайне активизируются исключительно в периоды избирательных кампаний, выпуская огромное количество рекламной печатной продукции, заполняя эфир роликами телевизионной политической рекламы, используют

буквально любую возможность, чтобы публично заявить о себе. После выборов, особенно если они были удачными, о своих обещаниях и рекламе они обычно забывают. Это, как и неэффективная политическая реклама, является издержками периода становления данного мощного средства воздействия на массовое сознание. В странах с демократическими традициями давно применяется так называемая постоянная политическая реклама как продуманная система воздействий на умонастроения избирателей в течение длительного времени.

Базовые понятия и определения

Здесь имеется немало проблем и парадоксов. Так, например, в проекте Федерального Закона Российской Федерации «О политической рекламе» написано, что «политическая реклама – это реклама политических партий (объединений), органов государственной власти, государственных и общественных организаций и принимающих участие в политической деятельности отдельных граждан; их действий, идей, программ и отношения к каким-либо организациям, событиям, гражданам, идеям». С содержательной точки зрения это не вполне конкретно. Очевидно, что родовым в этом случае является само понятие «реклама», а оно, как следует из текста, следующее: «Реклама – распространяемая в любой форме, с помощью любых средств информация о физическом или юридическом лице, товарах, идеях и начинаниях, призванная формировать или поддерживать интерес к этим физическому, юридическому лицу, товарам, идеям и начинаниям и способствовать их реализации». Заметим, опять предлагается упрощенное представление, которое все сводит только к информации, выхолащивая основное содержание.

Анализ и обобщение психологических исследований политической рекламы позволяет высказать обоснованное суждение, что с психологической точки зрения политическую рекламу следует рассматривать как систему политических коммуникаций, призванных изменить сознание и поведение людей в соответствии с политическими целями рекламодателя (в широком контексте – политических партий, движений, лидеров). Это по сути дела основа самого общего определения. Она не лишена недостатков, но может быть принятой в качестве базового. Итак, главное – это то, что политическая реклама есть форма политических коммуникаций, поэтому ее не следует сводить только к конкретным образцам – плакатам, листовкам, стендам, видеоклипам и пр. В психологическом понимании политической рекламой являются так же любые целенаправленные выступления политика, общение с избирателями, дебаты с оппонентами, конкретные общественно значимые акции, то есть его политические коммуникации, призванные повлиять на сознание избирателей, а следовательно, и на их выбор.

Центральной мыслью данного определения является задача изменения поведения людей. Однако изменение поведения под влиянием политической рекламы является лишь результирующим актом. На самом деле должны изменяться идеалы, установки, цели, мировоззренческие позиции, интересы и симпатии людей – то, что определяет их поведение и принятие решений в

условиях выбора. Таким образом, политическая реклама направлена прежде всего на подструктуру направленности личности (социально-психологическую подструктуру). Такая, а не какая другая, направленность обусловлена прежде всего тем, что политическая реклама является важной составляющей политической деятельности, которая в свою очередь преследует те же цели – целенаправленное изменение состояние сознания избирателей. Поэтому, чтобы лучше разобраться в сущностных характеристиках политической рекламы, обратимся к определениям политики.

Политика (от греч. *politike* – искусство управления государством) традиционно определяется как деятельность общественных классов, партий и групп, направляемая их интересами и целями, а также деятельность органов государственной власти, выражающая социально-экономическую природу данного общества. Однако реально, на самом деле политика представляет собой борьбу за власть или ее сохранение, то есть, если говорить не лукавя, установление отношений «господство–подчинение». В пользу данного понимания сущности политики свидетельствует и имеющийся исторический опыт. Поэтому политическая реклама по сути своей есть система политической коммуникации, направленная на достижение власти. Следовательно, все образцы политической рекламы, будь то плакаты, листовки, клипы, выступления, должны иметь как бы концентрированное внутреннее содержание, побуждающее избирателей помочь прийти к власти рекламодателю. Об этом нередко «забывают» или не хотят говорить открыто.

Следует также заметить, что политическая реклама не есть политическая пропаганда или агитация. Пропаганда — это вид деятельности по распространению каких-то идей, принципов. Агитация – деятельность, направленная на побуждение, призыв к конкретным действиям. Соотношение данных определений показывает, что политическая реклама может рассматриваться в качестве интегративной агитационно-пропагандистской технологии.

Политическая реклама имеет принципиальные отличия от рекламы коммерческой. Они определяются тем, что политическая реклама:

- нацелена на конкретный результат, жестко зафиксированный во времени;
- осуществляется в условиях конфронтации или политического конфликтного противоборства;
- имеет четко зафиксированные ограничения, в том числе финансовые;
- ориентирована на систему оперативных связей с электоратом.

Как отмечалось, политическая реклама многолика в своем облике и проявлениях, помимо собственно политических коммуникаций, – это и символика, ритуалы, крупномасштабные мероприятия, митинги, ну и, конечно, плакаты, листовки, видеоклипы, сувенирная продукция с изображением политического лидера или партийной символики и пр. Политической рекламой могут стать различные формы общения политических лидеров и особенно телекоммуникации, все зависит от их целенаправленной организации.

Ввиду того, что политическая реклама является составной частью системы политических коммуникаций, ее рассмотрение с системных позиций позволяет определить структуру. Анализ политических коммуникаций как системы показал, что в структуру политической рекламы входят:

- субъект политической рекламы. Это претенденты на выборные должности, партии, общественно политические движения, заинтересованные политические силы;

- объект политической рекламы – избиратели или их целевые группы;

- предмет политической рекламы – политические платформы, предвыборные программы, личности лидеров;

- цели политической рекламы – приход к власти посредством занятия выборной должности, формирование общественного мнения и пр. Данные цели могут быть конкретизированы в задачах политической рекламы, которые обычно представляют собой некие «подцели», то есть главная стратегическая цель содержит несколько взаимосвязанных, но менее масштабных целей;

- средства политической рекламы – передачи и публикации в средствах массовой информации, прямые обращения, политические коммуникации (встречи с избирателями, теледебаты), массовые акции, листовки, плакаты, рекламные клипы и пр;

- прямые и обратные связи политической рекламы – зафиксированные электоральные настроения, источники тревог, симпатии, данные социологических опросов, исследования отношений к политической рекламе и кандидату и пр.

Каждый структурный компонент обладает своим специфическим психологическим содержанием. С психологической точки зрения, следует отличать политическую рекламу как вид политических коммуникаций от конкретных образцов или продукции политической рекламы, что в обыденном сознании часто отождествляется. Образцы политической рекламы как вида политической коммуникации – это ее средства: листовки, плакаты, клипы, обращения через средства массовой информации. Их содержание и психологические требования к ним будут рассмотрены специально.

Процесс создания политической рекламы как вида политических коммуникаций обычно осуществляется поэтапно. Это обусловлено самой логикой достижения поставленных целей политической рекламы. Практика избирательных кампаний или иных массовых политических акций свидетельствует, что процесс создания политической рекламы должен содержать следующие этапы.

- Базовые исследования «политического рынка» (если выборы региональные, то это характеристики избирательных округов), социально-психологических особенностей электоральных групп, проживающих на территории округа. В результате определяется своя «политическая ниша» и электорат (например, протестный электорат) и его часть, на поддержку которой и ведется расчет – целевые группы. Данные исследования являются основой для ведения всей избирательной кампании, но особенно они важны для формирования политического имиджа и ведения самой рекламной кампании.

■ Разработка концепции или стратегии политической рекламной кампании как комплекса мероприятий для реализации предвыборных целей.

■ Выбор вида рекламной кампании по критериям направленности (целевая или тотальная), «географии» охвата электората, используемым средствам воздействия.

■ Проведение самой политической рекламной кампании, в том числе с использованием технологий «сейлс промоушен» (стимулирование электоральной активности) и «паблик рилейшнз» (создания положительного отношения к кандидату или благоприятного фона для его восприятия).

Важным этапом создания эффективной политической рекламы и ведения рекламной кампании является разработка ее концепции. Концепция политической рекламы – это аргументированная система взглядов о путях средствах и методах достижения поставленных политических целях с помощью политической рекламы. Обычно формированию концепции предшествуют глубокие научные исследования, проводимые политологами, социологами, психологами и другими специалистами. Научные исследования и практика избирательных кампаний показали, что при формировании концепции политической рекламной кампании необходимо четко обозначить:

■ ее цели и задачи (стратегические, оперативные и перспективные);

■ формы представления электорату предмета политической рекламы (предвыборные платформы, программы);

■ особенности имиджа политического лидера;

■ средства ведения кампании (к примеру, преимущественное использование электронных СМИ, прямые контакты с избирателями, модель «от двери к двери» и пр);

■ виды психологических воздействий, адекватных ситуации и социально-психологическим характеристикам электората;

■ особенности уникального политического предложения, в том числе и в связи с лозунгами;

■ финансовые возможности;

■ виды обратных связей с электоратом и их реализацию.

Образцы политической рекламы отличаются разнообразием по виду, форме и содержанию, однако чтобы они были эффективными необходимо соблюдать ряд важных требований, имеющих универсальный или всеобщий характер. Главнейшее из них: политическая реклама обязательно должна содержать уникальное политическое предложение.

Уникальное политическое предложение (УПП) является особым или специфическим видом уникального торгового предложения (УТП) – основополагающей категории рекламы и рекламного дела, введенного в начале века в теорию и практику рекламы Р. Ривсом. Им было убедительно доказано, что именно уникальное торговое предложение, является главным фактором эффективности рекламы, так оно подчеркивает то, что выгодно отличает рекламируемый товар или услугу. Уникальное торговое предложение, по Р. Ривсу, имеет трехкомпонентную структуру, включающую внятное и четкое обозначение товара или услуги, уникальность самого предложения, его силу.

Политическая реклама как разновидность рекламы коммерческой – в ней «товар» и «услуги» специфические (яркие личности, идеи, живописные картины будущего образа жизни и системы отношений) – также должна содержать свое предложение, только в данном случае оно политическое. Так возникла идея трансформации уникального торгового предложения в уникальное политическое предложение. К уникальному политическому предложению предъявляются шесть основных требований. Рассмотрим их.

А. Символичность. УПП должно соответствовать существующим традициям в обществе, имеющим сильное влияние на людей, – историческим, религиозным, культурным и пр. Это требование должно реализовываться в различных видах политической рекламы.

Б. Концептуальность. В УПП должна присутствовать главная идея, которая способна удовлетворить актуальные общественные потребности избирателей.

В. Персональность. В УПП должны быть отражены качества лидера, что обеспечит его узнаваемость.

Г. Эксклюзивность. Насколько отделено в восприятии избирателей предлагаемое УПП от других.

Д. Наличествование. Широта воздействия УПП на избирателей.

Е. Доступность. Насколько УПП понимается избирателями и какова его значимость.

По своему содержанию уникальное политическое предложение является сложным образованием, состоящим из лозунгов и призывов, характеристик имиджа политического лидера, изобразительных решений, психологических воздействий, политических мифов и даже представлений политических рекламодателей о своем электорате. Но все же по аналогии с уникальным торговым предложением уникальное политическое предложение так же имеет трехкомпонентную структуру. Данная трехкомпонентная структура как бы вытекает из отмеченных выше шести основных требований.

Первым компонентом является предложение. У избирателя должно сформироваться четкое представление о том, что будет, если он отдаст свой голос за кандидата и тот победит на выборах. Должен быть ясный и непротиворечивый образ будущего состояния, ситуации, отношений, образа или уровня жизни. Это повлияет на мотивацию выбора, причем как осознаваемую, так и подсознательную. Нередко удачное политическое предложение еще используется и как главный политический лозунг или призыв.

В отечественной практике политической рекламы редко можно встретить собственно само уникальное политическое предложение. Если оно и существует, то, как правило, принадлежит политическим партиям или лидерам, не оказывающим существенного влияния на политическую жизнь страны, а также радикальным политическим течениям.

Вторым компонентом уникального политического предложения является его неповторимость, уникальность. Уникальное политическое предложение должно быть, простите за тавтологию, уникальным, то есть не повторять или не

быть похожим на предложения других политиков и партий, но при этом легко узнаваться. Пока же политические предложения в большинстве своем похожи как «близнецы-братья». Неискушенному в политике человеку, а такие составляют большинство избирателей, порою трудно разобраться – кто радикал, а кто консерватор. Чуть ли не все партии, составляющие реальную политическую силу, «за великую и процветающую Россию», «многоукладность экономики», «социальную защищенность населения». В результате избиратель реагирует скорее на личность лидера, нежели на политические идеи.

Третьим компонентом уникального политического предложения является его сила и привлекательность. Сила предложения определяется мощностью аргументации, которая в свою очередь зависит от формы ее представления. Здесь весьма эффективно применение методов психологического воздействия и прежде всего – внушения. Привлекательность повышается, если используется прием психологического контраста, когда образ будущего состояния выгодно отличается от состояния сегодняшнего. Приведем пример из практики политической рекламы ЛДПР : «Каждой семье – отдельную квартиру», «Всем офицерам – очередное воинское звание». Ясно, актуально, привлекательно, а поэтому и сильно, правда, возникает вопрос, а как всего этого достичь? Поэтому в рекомендациях специалистов указывается, что уникальное политическое предложение должно быть не только привлекательным и сильным, но и реалистичным.

Теперь рассмотрим общие психологические требования к политической рекламе и уникальному политическому предложению.

Общие психологические требования к политической рекламе

Специалисты отмечают, что тональность политической рекламы должна быть мажорной, наступательной, вселяющей в избирателей чувство уверенности, тогда у избирателей будет меньше сомнений в ситуации

выбора. Другим важным требованием является оптимистичность, ведь никто же не хочет «темного и беспросветного» будущего, все хотят «светлого», рассчитывают на лучшее. Многие вообще хотели бы смотреть в будущее с оптимизмом. Это, безусловно, справедливые требования. Однако следует помнить, что различные группы избирателей их рассматривают как бы сквозь призму своих внутренних условий. Ошибки, небрежность в оформлении формируют негативное отношение как к самой рекламе, так и ее субъекту.

Следует помнить, что в политической рекламе или уникальном политическом предложении не должно быть много доводов. Необходим один, максимум два убедительных довода, избиратели в массе своей запомнят именно столько. Кстати, это одна из важнейших заповедей торговой рекламы, которая может быть полностью перенесена на рекламу политическую. В этом смысле оправданными являются следующие образцы: «Достойный образ жизни», «Законность и порядок», «Правда и порядок».

Уникальное политическое предложение в политической рекламе должно сопровождаться внешней атрибутикой, вселяющей уверенность и оптимизм. Это прежде всего касается оформления образцов политической рекламы – цветовой гаммы, формы, символики, музыкального сопровождения, голоса

(будь то лидера или диктора), произносящего главный лозунг или призыв, шрифтов текста и пр. Имеется немало интересных и конструктивных исследований по данной проблематике, результаты которых успешно внедрены в коммерческой рекламе. Думается, они справедливы и применимы в политической рекламе.

Особые требования предъявляются к лозунгам в политической рекламе или политическим лозунгам. Лозунг – это призыв, в краткой форме выражающий руководящую идею, задачу или требование. Нередко лозунгом является само уникальное политическое предложение. Создание политических лозунгов – дело необычайно трудное и ответственное. Удачный политический лозунг способен быстро объединить людей, стать настоящим руководством к действию. В процессе создания лозунгов нередко учитываются парадоксальные особенности психологии массового сознания. Здесь отмечено несколько важнейших признаков, придающих политическим лозунгам особую привлекательность:

- «все и сразу» – многие склонны верить в обещания, в которых быстро решаются все актуальные и волнующие проблемы;

- «передача ответственности» – особая вера в лозунги, в которых кто-то обещает лично все и быстро решить («Я избавлю...», «Я сделаю...» или как В.В. Жириновский – «Я подниму Россию с колен!»);

- склонность верить в простые способы решения сложных проблем (большинство людей полагают, что сложность проблем, их неразрешимость связана с тем, что их решают некомпетентные или нечестные лица, занимающиеся не своим делом, поэтому «должны быть политики, которые найдут простые и эффективные способы решения проблем»);

- склонность верить мифам (вспомним, как у Й. Геббельса – «Если ложь, то грандиозная»),

Политические лозунги должны быть лаконичными и образными, с конкретным смыслом, доступные всем и запоминающиеся. В них не должно быть внутренних противоречий, того, что можно истолковывать по-разному (как было раньше: «Надо решительно бороться с..., но сор из избы при этом не выносить»). Образность ключевых слов лозунгов повышает их суггестивные возможности, то есть они начинают выполнять функцию внушающего психологического воздействия. Лаконичность и конкретность смысла способствует запоминанию, точной интерпретации и воспроизведению.

Можно привести немало блестящих образцов отечественных политических лозунгов, правда, многие из них были созданы в период Октябрьской революции 1917 года: «Мир – народам! Земля – крестьянам! Хлеб – голодным!», «Вся власть – советам!» и др. – ясно, образно, лаконично, привлекательно и очень, очень сильно. Из политических лозунгов последних десятилетий запомнились «Нет – новым налогам!» в избирательной кампании Дж. Буша и «Единая Франция» Ф. Миттерана. Среди отечественных – «Вор должен сидеть в тюрьме!» Ст. Говорухина. К сожалению в отечественной политике неудачных политических лозунгов гораздо больше, чем удачных. К сожалению, а может быть, и к счастью для избирателей, таких примеров очень

и очень много. Но может случиться и так, что за крайне неудачной политической рекламой, возможно, стояли и действительно порядочные и честные люди, которые могли бы принести пользу стране, но при этом не знали о современных политических технологиях или не умели их применять на практике. В результате победил тот, кто более компетентен в этой области политических коммуникаций или кто имел возможность нанять с этой целью грамотных и квалифицированных специалистов.

Образ лидера в политической рекламе

Исключительная роль в политической рекламе отводится образу политического лидера, или, как принято сейчас говорить, его имиджу. Именно с качествами лидера связывается уникальное политическое предложение, именно он является его носителем. Многочисленные психологические, политологические и социологические исследования свидетельствуют, что в России голосуют скорее за личности, чем за те или иные политические программы или идеи. Реакция на личность, а не идею – характерная черта российского менталитета. Данное подтверждается результатами конкретных психологических исследований: многие голосовавшие за генерала А. Лебеда даже не знали, как называется политическая партия, которую он возглавляет, но были хорошо осведомлены о нем как о личности и ярком политике. Это и понятно, ведь какие бы мнения ни существовали, но историю все же творят личности. Кстати, большой ошибкой Конгресса русских общин (КРО), приведшей к поражению на выборах в Государственную Думу в 1995 году, было то, что формально КРО возглавлял малоизвестный и «нехаризматический» Ю. Скоков, а генерал А. Лебедь был на втором плане. В политической рекламе КРО часто фигурировала тройца – Ю. Скоков, А. Лебедь и Ю. Глазьев, а надо, чтобы был только один яркий лидер.

В психологических и политологических исследованиях отмечалось, что уникальное политическое предложение может формироваться только на основе сильных личностных качеств политического лидера, на его яркой образности. Такую политическую рекламу можно назвать личностно ориентированной. На этом, в частности, строится политическая реклама ЛДПР и генерала А. Лебеда, у которых уникальным политическим предложением являются сами лидеры. Сейчас уже очевидно, что ЛДПР стала исключительно партией В.В. Жириновского. Это, естественно, отразилось и на их политической рекламе, главным капиталом которой является ее «вождь». Политический и пропагандистский талант В.В. Жириновского позволяет не только полностью заполнить политическую нишу и никому ее не уступать, но и гарантированно обеспечить своей партии прохождение пятипроцентного барьера на выборах в Государственную Думу.

Образ политического лидера в политической рекламе призван выполнять важнейшие функции, ибо только сильная личность способна воплотить идеи в жизнь, поэтому в политической рекламе предъявляются весьма жесткие требования к отображению личности лидера. В коммерческой рекламе можно специально подбирать персонажи под концепцию рекламы. Обычно это очень привлекательные, обаятельные, раскованные, с яркой экспрессией люди. Таким

образом к рекламе привлекается внимание, производится впечатление, вызываются положительные эмоции. В политической рекламе ситуация совершенно иная – есть конкретные политические лидеры с их индивидуальной и внешней неповторимостью, их нельзя никем заменить, нельзя изменить их внешний облик. Таким образом, первоочередной задачей является поиск таких выразительных средств, которые могли бы сформировать привлекательный и вселяющий надежду образ политического лидера, которому поверили бы. При этом необходимо помнить, что образ лидера в политической рекламе не должен противоречить сложившемуся имиджу, наоборот, ему полностью соответствовать. К тому же в ней должны быть «учтены» социальные ожидания избирателей, их надежды, личностные эталоны. Задача это весьма сложная из-за многообразия действия различных факторов и существующих ограничений.

Если обратиться к американскому опыту создания политической рекламы, особенно в таком ее компоненте, как образ политического лидера, то, согласно исследованиям Р. Уэртлина, одного из крупнейших специалистов по управлению массовым сознанием, начинать такую работу следует с определения «идеального образа» претендента. Данный образ определяется в результате прямых и опосредованных научных исследований, включающих изучение социальных ожиданий населения, источников их тревог, симпатий, предпочтений, мнений и пр. К примеру, исследования, проведенные почти два десятилетия назад, позволили синтезировать «идеальный образ Президента США 80-х годов», его главные характеристики : решительность, быстрая реакция на изменение ситуации, отсутствие стремления вовлекать США в конфликты, умение жестко противостоять недругам, стремление сделать США самой сильной и могущественной державой мира, вера в идею мира (но с позиции силы), доверие и уважение как самих американцев, так и всего мира. Яркий образ. Эти черты «идеального Президента» были положены в основу имиджа Рональда Рейгана, тогда еще губернатора Калифорнии, который как личность и политик был близок к данному образу. Если какие-то его личностные черты и поведение не совпадали с данным идеальным образом, их корректировали, подсказывая то, что следует изменить в общении, поведении, деятельности и отношениях. Коррекция осуществлялась и в процессе отображения СМИ его политической деятельности и политических коммуникаций. Если это не удавалось, то основной упор делался на привлекательность его идей и их полезность для США. Метод «конструирования идеального образа» является весьма значимым для ведения эффективной политической рекламы, его применение создаст хорошую и надежную основу формирования концепции политической рекламы и ее уникального политического предложения.

В процессе создания лично ориентированной политической рекламы необходимо ориентироваться на уровень сознания избирателей, «ответственный» за восприятие и понимание политической информации. Часто именно от этого зависит успех политической рекламы. Известно, что разные уровни сознания по-разному регулируют поведение человека в ситуации выбора. В прошлом в нашей стране, благодаря усилиям мощной системы

агитации и пропаганды, предпринимались попытки (причем часто успешные) сделать регуляторами поведения и принятия решений так называемые высшие уровни сознания – интернациональное, классовое, общественное. К примеру, мыслилось примерно так: национально-освободительное движение народов Африки должно было волновать советского человека больше, чем пустые прилавки наших магазинов. Практика, да и сами психологические исследования убедительно свидетельствовали, что все же ведущим являлся уровень обыденного (или обыденно-практического) сознания, в котором отражались такие важные моменты его бытия, как уровень жизни, образ жизни, отношения, личные или семейные перспективы, достаток и пр. Остальные же являются главными регуляторами поведения отдельных личностей (таких, как Павел Корчагин) или небольших идейно организованных групп. Для основной массы людей, перефразируя известное высказывание, «курица на столе в обед» является более весомым доводом, чем далекое «светлое будущее». В связи со сказанным вспомним предвыборную борьбу Дж. Буша и Б. Клинтона. Дж. Буш сделал ставку на свои несомненные выдающиеся внешнеполитические достижения: развал СССР и социалистического лагеря, объединение Германии, победу над Ираком, превращение США в единственную сверхдержаву. Б. Клинтон – снижение налогов, увеличение расходов на здравоохранение, расширение производства и пр., что соответствовало ценностям уровня обыденно-практического сознания большинства американцев. Клинтон – довольно молодой, энергичный, компетентный политик. Буш – уже немолод, силы не те (даже потерял сознание на банкете в честь него от последствий перенесенного накануне гриппа), да и стратегические задачи США выполнил. Это и обеспечило Клинтону убедительную победу на выборах. Иными словами, политическая реклама в большинстве своем должна быть предельно конкретной, отражающей ценности жизнедеятельности людей, лично-стно ориентированной.

При создании лично ориентированной политической рекламы часто используется важный психологический феномен массового сознания: люди более склонны верить тому, во что им хотелось бы верить, а также тем, кому хотелось бы верить. Как тут не вспомнить точные и доходчивые «бытовые» лозунги ЛДПР и их политическую рекламу. Конечно, такая политическая реклама является мифотворчеством, но так уж устроен человек: мы склонны верить во что-то хорошее, надеемся на изменение ситуации к лучшему, верим во что-то хорошее. Поэтому политическая реклама представляет собой своеобразную «фабрику оптимизма».

Вернемся к проблеме отображения личности политического лидера в политической рекламе и зададимся вопросом – какие конкретно личностные черты политического лидера следует в первую очередь отражать в политической рекламе? На этот счет существует несколько точек зрения. Остановимся на двух наиболее конструктивных.

Первая из них основана на преимущественном отображении лидерских качеств. Главное в рекламе показать, что политик является сильной личностью, способной противостоять трудностям, преодолевать их, спланировать людей и

добиваться больших результатов. В такой рекламе упор делается на следующих характеристиках:

- исключительность, уверенность в себе и своем деле, сила («если не я, то кто же?»);

- позиция служителя общества, забота о людях, хорошее знание их проблем, стремление изменить жизнь к лучшему;

- проявление энтузиазма, бодрости духа, оптимизма, генерирование положительных эмоций;

- решительность, энергия, воля, напористость в решении поставленных задач;

- высокие моральные качества;

- умение воздействовать на людей.

Естественно, что данные характеристики должны соответствовать поведению, деятельности и отношениям, проявляться в коммуникациях политика.

Вторая точка зрения в целом не противоречит первой, но в ней преимущество отдается имиджу, структурированному для политической рекламы в модельных схемах. При выборе моделей политического имиджа для политической рекламы следует стремиться к тому, чтобы в них присутствовало небольшое количество интегральных характеристик – три-четыре, хотя в научных исследованиях, особенно при сравнительном анализе, целесообразно использовать многофакторные модели. Например, наш известный историк и философ Ю. Лотман считал, что образ (имидж) А.В. Суворова состоял всего из трех интегральных характеристик: герой, шут (в смысле гротескного протестующего поведения) и стоик. Блестящий имидж! В политической рекламе чаще всего применяются трех- и четырехкомпонентные модели имиджа.

Согласно трехкомпонентной модели, в политической рекламе при отображении политического лидера основное внимание следует сосредоточить на трех интегральных характеристиках:

- Высокий интеллект (в зависимости от претендента это могут быть обширные знания, высокая эрудиция, блестящее образование, глубокий ум, сильная интуиция, здравый смысл или их сочетания).

- Большой внутренний потенциал (аналогично – сила личности, решительность, целеустремленность, энергия, работоспособность, воля и пр.).

- Высокие нравственные качества (соответственно – честность, порядочность, принципиальность, верность своему слову).

Заметим, что это американская модель, хорошо себя зарекомендовавшая в практике избирательных кампаний в США. В условиях России ее можно использовать с существенным дополнением, так как в ней отсутствуют такие качества личности, как патриотизм, любовь к своей Родине. В США – патриоты все, там эти характеристики выделять специально не надо – у нас в стране ситуация, к сожалению, иная.

В четырехфакторной модели имиджа в политической рекламе внутренний потенциал рассматривается как проявление креативности личности,

масштабности, способности справиться со всевозрастающими задачами, как постоянный личностный и профессиональный рост. Волевые качества выделяются в отдельный самостоятельный фактор. Интеллектуальные и нравственные качества такие же, как и в трехфактор-ной модели.

Разработанная нами трехфакторная модель имиджа политического лидера существенно отличается от американской, так как основана на психологической специфике российского восприятия политических лидеров. Ее вектор – так же обобщенные характеристики, которые могут быть конкретизированы: личность (харизма, направленность, интеллект, нравственные качества, потенциал), отношения (к стране, народу, к соратникам и к самому себе), поведение и деятельность (лидерское, в экстремальных ситуациях, в повседневной жизни). Применение данной модели в политической рекламе будет эффективным, если имеется возможность дать развернутую характеристику политическому лидеру – телевизионная и радиореклама, статьи рекламного характера, высказывания и пр.

В лично-но ориентированной политической рекламе, особенно американской, излюбленным сюжетным ходом создание образа человека, который себя сделал сам, то есть все его впечатляющие достижения связаны с его необычайным упорством, трудолюбием, целеустремленностью, волей, умом, постоянным стремлением к самосовершенствованию и прочими замечательными личностными чертами. При этом обязательно подчеркиваются его трудные «стартовые условия»: «родился в бедной многодетной семье, познал, что такое нужда», «рано лишился родителей», «трудовую жизнь начал с двенадцати лет» и т. п. Затем обычно на фоне его жизненного пути реализуется трех- или четырехфакторная модель его имиджа, при этом обязательно подчеркивается большой потенциал и способность к саморазвитию, что как бы подталкивает к экстраполяции – успешно справиться с будущей ответственной деятельностью. В заключении – призыв (опять же лично-но ориентированный и соответствующий имиджу) выбрать столь достойного человека. Разновидностью такой лично-но ориентированной политической рекламы является то, что может быть сформулировано тремя словами – «ему сопутствует успех», то есть изложение фактов биографии, где отчетливо видно поступательное движение «вверх» или «вперед». Надо заметить, что это очень хорошие виды политической рекламы, которые всегда вызывают живой отклик у избирателей. Главное, чтобы факты биографии соответствовали действительности и не было таких «нюансов», как удачный брак и мощная поддержка новых родственников. У нас в стране такой вид лично-но ориентированной политической рекламы пока еще мало распространен.

В лично-но ориентированной политической рекламе часто встречается использование различных символов. В нашей стране излюбленными являются «человек из народа», то есть хорошо понимающий и чувствующий «проблемы и чаяния простых тружеников» («Я – такой же, как и вы, у меня никогда не было..., я живу в..., поэтому я очень хорошо знаю, что такое...» и т. п.) и «жертва» или «пострадавший от...».

К жертвам и пострадавшим, особенно от крайне непопулярной в народе власти, отношение особое. Их не просто жалеют, на них смотрят как на непримиримых идейных борцов, которым можно доверить свою судьбу. При этом почему-то забывается, что жертвами они стали в большинстве случаев в результате «подковерной борьбы» внутри самих властных структур, то есть они просто потерпели поражение в борьбе за более высокое, а следовательно, и доходное место. Вернувшись во власть, такие «жертвы» обычно продолжают ту же политику, что и те, против кого они боролись.

Психологические воздействия в политической рекламе

Как нами ранее было отмечено, политическая реклама в сущности своей является ни чем иным, как интегрированной системой психологических воздействий, направленных на объект рекламной деятельности – избирателей. Это обусловлено, в первую очередь, ее главными целями и задачами – таким образом повлиять на сознание людей, чтобы они отдали свои голоса за конкретного политика или политическое движение. Этой цели и служат все выразительные средства политической рекламы – ее символы, призывы, слоганы, имидж лидера, его политические коммуникации и пр. Заметим, что психологические воздействия в политической рекламе обычно тщательно рассчитываются, они формируются с учетом психологических характеристик различных групп избирателей, их интересов, симпатий, ценностей, источников тревог, традиций и многого другого. Кроме того, психологические воздействия в политической рекламе выбираются с учетом особенностей главных политических оппонентов. В прошлой президентской избирательной кампании эти воздействия объединялись одной идеей – запугать избирателей возможным переходом власти к непримиримой оппозиции (участившиеся воспоминания о пустых прилавках в эпоху тотального дефицита, прессе партноменклатуры, ужасах ГУЛАГа и пр.). Это тогда сработало.

Итак, психологические воздействия... С глубокой древности можно отметить неослабевающий интерес к проблеме воздействий на человека, на большие и

малые группы людей, даже целые нации и народы с целью изменения их общественного поведения. Феномен психологических воздействий изучался представителями разных наук, но в то же время помимо научного активно использовались религиозное и эзотерическое знания для осуществления самих воздействий, – такова была высокая значимость задач управления, связанных с необходимостью осуществлять постоянное влияние на людей, чтобы они в худшем случае считали, что «каждый народ достоин своего правителя». Арсенал методов психологических воздействий постоянно пополнялся, анализировался, апробировался, но применялся главным образом в политических целях.

С середины XIX века начинается период собственно научного психологического осмысления проблемы психологических воздействий, особенно наиболее действенных его видов – убеждения, внушения, заражения, подражания и моды. Заметим, что этот процесс происходил с одновременным формированием политической психологии как самостоятельной науки.

Большой вклад в ее становление и развитие внесли Г. Тард, Г. Лебон и Ш. Сигеле. Их исследования, особенно в контексте обсуждаемой проблемы, не потеряли актуальности и сегодня. В частности, по утверждению Г. Лебона, чтобы заставить массы проникнуться какими-нибудь идеями или верованиями, вожаки толпы или лидеры должны постоянно применять такие приемы психологического воздействия, как внушение, утверждение, повторение и заражение. «Действие этих способов медленное, но результаты, достигаемые ими, очень стойкие», – писал Г. Лебон. С этим мы сейчас сталкиваемся, анализируя политическую, пропагандистскую, агитационную деятельность и рекламу.

Значительный вклад в развитие теории психологических воздействий внес В.М. Бехтерев; именно его труды являются основой ряда научных направлений социальной и политической психологии. К середине двадцатого века началось интенсивное «взаимопересечение» наук, стимулировавших стремительное развитие политической рекламы, так как традиционные методы пропаганды и агитации становились все менее эффективными, а с «развитием процессов демократических преобразований», напрямую стали отождествляться с рудиментами тоталитарных режимов. Весомый вклад в отечественную политическую психологию и связанные с ней концепции психологических воздействий внесли В.В. Бойко, А.А. Деркач, А.Г. Ковалев, Г.А. Ковалев, А.Ю. Панасюк, Б.Д. Парыгин, Б.Ф. Поршнев, Ю.А. Шерковин и др.

В психологической науке имеется множество определений, имеющих отношение к категории «психологическое воздействие». Их анализ дан нами в работе «Психологические воздействия в деловом общении» (М.: РАГС, 1998). Применительно к проблеме политической рекламы категория «психологическое воздействие» рассматривается в узком смысле в прямом соответствии с ее психологической спецификой. Психологическое воздействие – это преднамеренное и целенаправленное прямое или опосредованное влияние субъекта политической рекламы на избирателей. Целью такого психологического воздействия является изменение состояния сознания избирателей, которое обеспечит голосование необходимого их количества за рекламируемого кандидата (личность или общественно-политическое объединение).

В таком контексте психологическое воздействие рассматривается как целостный неразрывный процесс, включающий в себя ряд этапов: подготовительный, когда определяются цели, задачи и содержание воздействия, способы и средства его осуществления; собственно осуществляемое воздействие, то есть передача информации, оказание влияния; изменение в сознании реципиентов; необходимая коррекция; определение эффекта от психологического воздействия. В случае необходимости цикл повторяется до тех пор, пока не будет достигнут желаемый результат.

Б.Д. Парыгин и Ю.А. Шерковин выделяют следующие функции психологического воздействия: воспитательную (принятие определенных ценностей, норм, отношений, личностных стандартов), пропагандистскую

(восприятие идей, формирование убеждений), управленческую (влияние на регуляцию общественного поведения, формирование нормативного поведения) и психотерапевтическую (снятие социальных стрессов, компенсация социальных тревог и страхов, формирование социальных иллюзий). В политической рекламе психологические воздействия могут выполнять практически все отмеченные функции, однако преимущество все же принадлежит пропагандистской, управленческой и психотерапевтической (классические примеры таких воздействий: «Я избавлю вас от...», «Я защищу от...» и пр.). Эти функции политической рекламы реализуются главным образом с помощью следующих основных видов психологических воздействий:

- убеждения,
- внушения,
- психологического заражения,
- подражания,
- моды.

Последнее время к ним стали добавлять и нейро-лингвистическое программирование (НЛП), как особый вид психологического воздействия, направленный непосредственно на подсознание людей и программирующий их поведение в ситуации выбора.

Психологические воздействия в политической рекламе нередко считают манипулятивными. В Оксфордском словаре «манипуляция» определяется как «акт влияния на людей и управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление, обработка». В таком понимании синонимом манипуляции является «макиавеллизм», то есть безнравственное политиканство, когда цель оправдывает средства. (Интересно, а по-другому в политике бывает? Во всяком случае примеров, подтверждающих обратное, найти трудно, во всяком случае в практике отечественных избирательных кампаний.) Е.Л. Доценко был представлен анализ сущностных характеристик манипулирования на основании контент-анализа публикаций на эту тему. Вот некоторые из них:

- форма духовного воздействия, скрытого господства, осуществляемая насильственным путем (Б.Н. Бессонов);
- скрытое применение силы вразрез с предполагаемой волей другого (Р. Гудин);
- скрытое влияние на совершение выбора (Л. Про-то);
- побуждение поведения посредством обмана или игры на предполагаемых слабостях другого (Дж. Рудинов);
- скрытое принуждение, программирование мыслей и намерений, чувств, отношений, установок и поведения (Г. Шиллер);
- скрытое управление, контроль и эксплуатация другого (Э. Шостром).

Обратим внимание на основные характеристики-критерии: обман, скрытно, неявно, принуждение, контроль, эксплуатация и пр. Имеют ли они отношение к политической рекламе? Это важный в этическом отношении вопрос. На этот счет существуют разные, в том числе противоположные точки зрения. На наш взгляд, политическую рекламу чисто манипулятивным видом

психологического воздействия называть было бы несправедливо, ведь политическая реклама осуществляется открыто, состязательно, в условиях существования альтернатив. К тому же, публикаций по теории и практике рекламы, в том числе и политической сейчас много и они доступны всем. В этом и состоит ее принципиальное отличие от манипуляций, хотя некоторые технологии могут быть общими.

Теперь остановимся на описании содержания психологических воздействий, применяемых в политической рекламе.

Убеждение

В политической рекламе убеждение является методом психологического воздействия на избирателя, характеризующимся заранее объявленной целью, открытым характером аргументации и доказательств, их логической обоснованностью, допущением обоюдосторонней критики, а в итоге – добровольным принятием позиции субъекта воздействия, а следовательно, и соответствующим этой позиции выбором. Убеждающее воздействие применяется в устных формах политической рекламы – выступлениях перед избирателями, в теледебатах, пресс-конференциях и пр., там, где имеется достаточное время или пространство для текста. В других видах политической рекламы, например, плакатах, листовках, видеоклипах убеждение применять практически бессмысленно, так как данный метод психологического воздействия не может вписаться в жесткие ограничительные временные или пространственные рамки – одной яркой фразой или предложением убедить сложно, нужна система аргументов, разрушение доказательной основы позиции оппонентов, повтор аргументации и пр. Иными словами, убеждение требует значительных затрат времени субъекта политической рекламы, так как всякие затраты «в конечном счете сводится к затратам времени».

Для достижения целей убеждающего воздействия недостаточно только лишь усилий субъекта политической рекламы, необходимым условием является «встречное движение» субъекта и объекта. Как отмечал Ю.А. Шерковин, «убедить людей в чем-либо можно лишь в том случае, если они стремятся понять и осознать адресуемую им информацию, взвесить соответствие аргументов выводам, а выводов – опыту и при достаточном или очевидном соответствии – согласиться». Поэтому важным фактором эффективности убеждающего воздействия является учет имеющихся на данный момент чувств и настроений избирателей, их психологических установок, симпатий и антипатий, тревог и ожиданий. Заметим, что одним из важнейших признаков предрасположенности индивида к убеждающему воздействию является заинтересованность в получении соответствующей информации, потребность в осмыслении волнующей проблемы в ситуации выбора. Действенным убеждение будет и в том случае, когда субъекты политической рекламы обладают выраженным логическим мышлением, системностью изложения аргументации о причинно-следственных связях, являются исчерпывающе информированными, открытыми для дискуссии. Другими важными психологическими условиями являются: единство профессионального языка, знание информационного и языкового запаса избирателей, последовательность

и логичность изложения, умение привлечь внимание, применение специальных приемов убеждающего воздействия (А.Ю. Панасюк). Убеждающее воздействие, если соблюдены необходимые психологические условия его эффективного применения, может повлечь за собой целый ряд изменений в сознании избирателей – от подкрепления имеющихся установок до их полного изменения. Весьма умело различные приемы убеждения применяет лидер «Яблока» Г.А. Явлинский, поэтому с ним очень трудно соперничать в дебатах и полемике. Другие видные российские политики предпочтение отдают суггестивным методам.

В результате теоретических и эмпирических исследований, проверенных на практике, был разработан алгоритм эффективного убеждающего воздействия в политической рекламе. Содержание данного алгоритма следующее.

1. Прежде всего решается вопрос, где и в какой форме будет применяться убеждающее воздействие в политической рекламе. Для этого строится карта-схема: в ней описывается регион, в котором ведется избирательная кампания, стратифицируется (основания – национальность, социальный состав, профессиональный состав и пр.) его население. Весьма перспективным путем стратификации является определение региональной психологии избирателей. Практика свидетельствует, что в психологическом отношении население регионов отличается устойчивым своеобразием. Это позволит выработать единый подход к выбору аргументации.

2. В регионе следует разделить электорат на социальные, профессиональные и иные значимые страты. Для них нужно определить каналы поступления информации (наиболее предпочитаемые ими виды СМИ), а также лиц, призванных осуществлять убеждающее воздействие. Они должны быть хорошо известны избирателям. Аргументация в их убеждающем воздействии должна соответствовать интеллектуальному статусу стратов.

3. Определяются приоритеты кампании, соответствующие ее общей стратегии, основные ударные мысли, идеи, входящие в состав уникального политического предложения. Для главных приоритетов выбирается система аргументации, субъективно значимая для стратов.

4. Система убеждающих воздействий реализуется в конкретных образцах политической рекламы и во время встреч с избирателями.

5. Контроль эффективности применения убеждающего воздействия (методы: исследование фокус-групп, социологические опросы и пр.). В соответствии с результатами контроля вносятся коррективы.

Такова общая схема применения убеждающего воздействия в политической рекламе.

Психологическое заражение

Одним из древнейших способов интеграции групповой деятельности и групповых мнений является психологическое заражение или просто заражение. Его проявления разнообразны: от группового спортивного азарта или религиозного экстаза до массовых психозов. Заражение характеризуется бессознательной, невольной подверженностью индивида определенным психическим состояниям. Оно осуществляется через передачу психического

настрою, обладающего большим эмоциональным зарядом, через «накал чувств и страстей». Основой заражения может стать и эмоционально окрашенный образ ситуации, умело преподносимый людям, а так же непосредственный эмоциональный контакт между ними. В последнем случае происходит многократное взаимное усиление эмоциональных воздействий в процессе общения.

Эффект психологического заражения зависит от однородности группы, ее единства, сплоченности, интеллектуального статуса, степени взаимного доверия, а следовательно, и взаимной внушаемости. В то же время надо признать, что особая роль в осуществлении психологического заражения принадлежит субъекту воздействия, особенно его эмоциональности, воли, коммуникативным умениям, артистизму и внешним данным.

Применяемое в политической рекламе психологическое заражение отличается от убеждения бессознательным характером передачи информации через психические состояния, помимо воли объекта. Психологическое заражение в политической рекламе является как бы толчком к волнообразному нарастанию определенных настроений. Психологическое заражение как воздействие эффективно тогда, когда в обществе кризис, недостаток стабилизирующей позитивной информации, а может быть, как раз избыток противоречивой и негативной, тогда у населения часто ощущаются «вера в чудо», мессианские ожидания. Или наоборот – массовый энтузиазм, одинаково эмоционально окрашенные мажорные настроения, ощущение единства и силы. И в том, и в другом случае сознание людей отличается низкой критичностью, а следовательно, повышенной чувствительностью к психологическим воздействиям эмоционального характера.

Осуществлять психологическое заражение лучше всего удастся харизматическим лидерам, которые реально обладают, как говорили раньше, «природным магнетизмом», к тому же умело обещающим «все и сразу», знающим «рецепты быстрого решения сложных проблем», способным «быстро определить» правых и виноватых. Поэтому психологическое заражение следует использовать прежде всего в устных видах политической рекламы, особенно в процессе непосредственного общения с избирателями, на митингах, во время появления стихийных групп и пр., то есть когда поведение и настроения отдельной личности серьезно зависят от состояния группы. В этом случае сильное, эмоциональное поведение лидера, умелое применение приемов популизма способно сильно влиять на настроение массы. Практика свидетельствует, что эффект психологического заражения может быть значительным и в процессе телевизионного показа яркого поведения лидера, при демонстрации эмоционально насыщенной телевизионной политической рекламы.

В годы перестройки очень сильно этот прием психологического воздействия применял Б.Н. Ельцин, особенно во время своих многочасовых, «без бумажки» общениях с различной аудиторией. Выступал он всегда ярко, эмоционально, тонко чувствовал настроения людей, блестяще использовал приемы популизма и, что называется, всех «заводил». У многих эти

психологические умения прочно ассоциировались с силой личности, способностью радикально изменить ситуацию в интересах народа. Наблюдения за тем ранним Ельциным свидетельствовали, что он сам как бы подпитывался от аудитории ее энергетикой, она его вдохновляла. Но при этом из-за такого эмоционального резонанса он нередко сам терял контроль, отсюда и его знаменитое «Я скорее лягу на рельсы...» и прочее, о чем ни он, ни его сторонники не любят вспоминать. Сейчас из активных и влиятельных политиков приемы психологического заражения весьма успешно применяют лидер блока «Отечество» мэр столицы Ю.М. Лужков и вождь ЛДПР В.В. Жириновский, другим это удастся много хуже.

Алгоритм применения психологического заражения в политической рекламе следующий.

1. Выявление черт психологической заразительности и харизматичности у субъекта политической рекламы с целью использования их в избирательной кампании. Но термин «выявление» следует понимать в широком смысле, в том числе и как представление электорату ранее неизвестных черт и качеств субъекта рекламы, способных сильно привлечь внимание избирателей и быть заразительными, то есть передаваться непроизвольно и без логического осмысления среди достаточно широкого круга людей.

2. Изучение настроений избирателей, их надежд, тревог и опасений, всего того, что может вызвать живой эмоциональный отклик. Данные настроения изучаются с помощью социологических опросов, контент-анализа публикаций, теле- и радиопередач, методом наблюдения. На данном этапе осуществляется выбор заражающего психологического воздействия, соответствующего доминирующим настроениям.

3. Определение путей распространения психологического заражения – определенных видов СМИ, публичных выступлений, участия в массовых акциях и пр. Уточнение специфики заражающих воздействий в зависимости от канала распространения.

4. Реализация заражающих психологических воздействий.

5. Включение обратных связей по результатам воздействий, осуществление необходимой корректировки.

Надо заметить, что осуществление психологического заражения предъявляет к лидеру серьезные требования, которые обуславливаются не только его природными качествами, но и определенными умениями, в частности, артистизмом.

Подражание

Подражание тесно связано с психологическим заражением, у них сходные психологические механизмы действия, но все же они не тождественны. Подражание в свете наших задач рассматривается как преднамеренное или непреднамеренное копирование избирателями политических взглядов, форм поведения, общения, установок и оценок, присущих тому или иному политическому лидеру. Действительно, объектом подражания у избирателей может стать политический лидер, который становится кумиром. В этом случае

мотивами подражания могут быть желание походить на кумира, принадлежать к группе его сторонников, выделяться из общей массы.

Подражание в жизни общества выполняет, по Г. Тарду, двойственные функции: с одной стороны, оно стимулирует продвижение инноваций, с другой – стабильность социальных отношений и учреждений. Г. Зиммель рассматривал подражание как «психологическое наследование»: «Подражая, мы не только перекладываем с себя на других требования, но и ответственность за совершенное деяние, так как оно освобождает индивида от муки выбора и позволяет ему выступать как проявление сознания группы» – очень точная мысль, объясняющая главные психологические механизмы склонности к подражанию. Кроме того, в подражании существенно повышается и взаимопонимание, которое бывает внешним (обычно вызванным необычной привлекательностью поведения) и внутренним (психологическая предрасположенность к подражанию).

К подражанию склонны члены групп с повышенной групповой конформностью. Такая их направленность с высокой вероятностью может проявиться в их политических симпатиях. Заметим также, что подражают охотнее и чаще люди молодого возраста, с годами такая потребность существенно снижается. Если в процессе ведения политической рекламы удастся добиться того, что образ лидера стал основой для подражания в любой форме его проявления, то это можно считать большим достижением. К сожалению, в российской политической реальности трудно найти лидера, которому стремились бы подражать представители каких-то групп населения, пожалуй, за исключением лидеров экстремистских или радикальных политических течений, у которых есть свои небольшие группы сторонников.

Возможности подражания как психологического воздействия поистине огромны, но в современной политической рекламе практически не используются, так как психологические механизмы действия подражания мало кому известны. Заметим, что в психологии разработаны не только алгоритмы включения подражания, но и выявлены такие характеристики субъектов политической рекламы (политических лидеров), которые могут стать основой для подражания. Их называли личностными инвариантами подражания. Заметим, что набор этих личностных инвариантов с годами по сути дела не меняется, к тому же они сходны для людей разных национальностей. Еще одна причина, затрудняющая применение этого метода психологического воздействия состоит в том, что он требует очень серьезной и кропотливой работы над своим имиджем, ролевым поведением и общением. Чтобы стать объектом подражания, надо много работать над собой. Многие наши политические лидеры предпочитают более простые пути, гарантирующие победу на текущих выборах, причем они не всегда честные, а там, как говорил Ходжа Насреддин, либо эмир умрет, либо ишак сдохнет. В общем, произойдут какие-то изменения, и на них можно списать все.

Алгоритм применения подражания в политической рекламе получен в результате практического опыта работы в избирательных кампаниях регионального уровня и выглядит следующим образом.

1. Определение тех качеств, форм общения и поведения лидеров, которые могут стать объектом для подражания. При этом следует руководствоваться следующими критериями: выбранный лидер должен восприниматься положительно как можно большим числом избирателей; личность должна быть, что называется, яркой; в ее биографии должны присутствовать запоминающиеся поступки, действия, высказывания, профессиональные достижения, которые имеют социально-положительное значение. Таких лидеров не должно быть много, в идеальном случае – сам кандидат на выборную должность.

2. Определение той части электората, которая склонна к подражанию, психологической специфики их конформности, особенности ценностей, эталонов, предпочтительные формы поведения, общения и пр.

3. Выбор каналов СМИ, способов общения с электоратом, где главным действующим лицом станет субъект подражания.

4. Этап практической реализации: событийный ряд, в котором субъект подражания будет действовать активно и целенаправленно, вызывая у других желание подражать.

5. Обратные связи по результатам данного психологического воздействия, осуществление необходимых корректировок.

При реализации данного алгоритма встает немало методических вопросов, и среди них центральным является следующий: какие личностные качества, действия, особенности общения обычно вызывают желание подражать конкретной личности? Каковы эти личностные инварианты подражания? В проведенных нами психологических исследованиях на большой выборке респондентов и с использованием специально разработанных для этой цели методик (на них мы специально останавливаться не будем, заметим только, что они в научном отношении корректны) они были выявлены. Отметим их:

- высокие интеллектуальные качества, которые позволяют действовать нестандартно, оригинально, но весьма эффективно;

- оптимизм, высокая активность;

- воля, смелость, решительность;

- лидерские качества, независимость;

- самообладание, эмоциональная устойчивость;

- ощущение собственного превосходства, но не демонстрация его;

- обаяние, чувство юмора;

- общительность;

- высокие нравственные качества, надежность;

- умение добиваться своей цели, правда, связанной с положительными социально значимыми результатами.

Если хотя бы часть отмеченных качеств будет представлена в имидже лидера, проявляться в его публичной деятельности и общении, найдется немало тех, кто хотел бы в этом походить на него. И это можно рассматривать как несомненное достижение.

Внушение (или суггестия)

Внушение по общему признанию является одним из самых действенных методов психологического воздействия. Естественно, что оно широко используется в политической рекламе, хотя сам факт этого обычно отрицается, так как внушение часто и не всегда справедливо отождествляется с манипулированием. К тому же внушающее воздействие, как правило, так тесно переплетено с убеждающим, что рассматривать их как самостоятельные весьма затруднительно.

Внушающее воздействие направлено прежде всего на чувства человека и сферу бессознательного, а через них – на его волю и разум. Внушение относится к числу средств регулирования общественного поведения человека, которые применяются издавна. Такие сферы жизнедеятельности, как руководство и управление, религия, искусство, воспитание, коммуникации, никогда не обходились без него. Внушение является важным компонентом человеческого общения. Особенностью внушения, в отличие от убеждения, является его адресованность не к логике и рассудку личности, и не к способности анализировать, сравнивать и обобщать. В процессе внушения не надо что-либо логически доказывать или заставлять осмысливать, здесь действуют совершенно другие механизмы. Внушенное порождает веру во что-то. А это достигается главным образом формой сказанного – важно не что сказал, а как сказал, но сказал очень выразительно, ярко, эмоционально, так, чтобы «брало за душу».

У истоков научных исследований внушения как психологического воздействия стоят различные научные направления – «философской терапии» И. Мар-циновского, психоанализа З. Фрейда, рефлексологии В.М. Бехтерева, научные школы Г. Лебона, С. Сигеле, Г. Тарда, Ж. Шарко и др. Внушению в них приписывалась чрезвычайно важная роль в общественной жизни человека. Считалось, что у людей имеется даже «врожденный инстинкт подчинения», проводились параллели с теорией «героя и толпы», весьма распространенной на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков. В сороковых годах распространилась теория «рационального внушения» С. Эша, в который предпринимались попытки объединить понимание внушающего и убеждающего воздействий. М. Шериф и Т. Коффин предлагали рассматривать внушение как функцию социального ориентирования индивида в неопределенной среде. В отечественной психологии внушение рассматривается как психологическое воздействие, направленное на бессознательную и эмоциональную сферы человека, которое помимо его воли оказывает влияние на его установки, отношения и поведение.

Исходя из психологической сущности внушения, его применение в политической рекламе преследует цели воздействовать на социально-политические установки избирателей через их эмоционально-чувственную сферу для определенного влияния на их выбор при голосовании. Внушение в политической рекламе достигается в основном вербальными (специально организованная речь), невербальными (интонации, мимика, жесты, музыкальное сопровождение, цветовая гамма, символика и пр.) и текстовыми (в них заложены специальные «формулы воздействия») выразительными

средствами. По способам реализации внушение разделяют на прямое (императивное, т. е. преднамеренное, спланированное) и косвенное. Прямое внушение заключается в целенаправленном использовании «словесных формул», которые внедряются в психическую сферу избирателя и влияют на его выбор. Яркие примеры– «Выбирай сердцем!» или «Голосуй, а то проиграешь!». Содержание косвенного внушения включено в сообщаемую информацию и влияет на эмоциональное восприятие сказанного, то есть это не что иное, как внушенные установки. «Все у нас получится!»– типичный случай косвенного внушения.

Объектом внушения в политической рекламе выступают большие группы избирателей. В то же время внушающее воздействие может быть адресно направлено на отдельные страты. Субъектами внушающего воздействия являются конкурирующие на выборах политические силы и политические лидеры.

В процессе внушения реализуются два вида воздействия на психику избирателей. Первый вид основывается на действии авторитета или доверия и связан с установившимися положительными отношениями к лидерам или партиям. В данном случае воля избирателей не подавляется, они активны в своем выборе. Этот вид внушения является желаемым, так как в нем по сути дела нет манипулирования. Такое внушение имеет вдохновляющий эффект. Второй вид внушения сопряжен с принуждением и зависимостью. Классический случай – безальтернативный выбор: «Из двух зол – меньшее», «Или этот кандидат, или концлагерь и репрессии» и пр. Он основывается на признании безвыходности ситуации, страхе, ощущении угрозы. В такой ситуации воля избирателя как бы подавляется из-за страха, он становится жертвой ситуации вынужденного выбора.

Методы внушения разнообразны, но их можно классифицировать и свести к нескольким основным группам.

А. Внушение через мотивационную сферу личности. В этом случае с помощью внушения активизируются потребности и желания избирателей, затем им предлагается соответствующий мотив выбора, чтобы было «логическое оправдание», «убедительность доводов». Б. Внушение через идентификацию. С его помощью каждый избиратель начинает причислять себя к определенной группе, идентифицируя свое «я» с другими. Внушение происходит, когда избиратель осознает свое сходство с какой-нибудь группой или личностью, к которым у него сложилось положительное отношение. На использовании данного вида внушения часто основана свидетельская реклама.

В. Внушение при помощи ссылки на авторитет, высказываний «лидеров мнений». В данном случае внушающий эффект основан на осознании превосходства лидеров («им виднее») и доверии к ним и их мнению. Данный вид внушения часто используется в утверждающей рекламе.

Г. Внушение через персонификацию. Информация в эмоциональной форме излагается от имени конкретной личности со ссылками на собственный опыт, переживания, как добрый совет человека, прошедшего такую же

ситуацию: «Все у нас получится». А раз все образовалось у него, то сложится и у нас.

Д Внушение через предупреждение. В этом случае политическая реклама склоняет избирателей к определенному отношению, рисуя запоминающийся образ возможных негативных последствий в случае иного выбора: «Нет – чуме двадцатого века!»

Е. Внушение через демонстрацию высокой уверенности. Это проявляется в «твердых и решительных» заявлениях, заметим, сделанных без какой-либо аргументации (именно так, как ни странно, достигается нужный эффект).

Ж. Внушение через повторение. Лозунги, призывы, крылатые фразы повторяются настолько часто, что начинают восприниматься буквально без критического анализа. Наполеон говорил: «Посредством повторения идея внедряется в умах настолько прочно, что в конце концов она воспринимается как доказанная истина».

3. Внушение через особенности речи и речевой динамики.

В то же время существуют и активно применяются в избирательных кампаниях и другие методы внушения, которые принято считать частными, так как их трудно сгруппировать по определенным основаниям. Однако в политической рекламе они используются практически повсеместно. Отметим их.

■ «Приклеивание ярлыков». Это прием внушения применяется для того, чтобы опорочить личность или идею. При его применении преднамеренно создается эмоциональная окрашенность слов или выражений, которые ранее были нейтральными, но в новом качестве вызывают явно негативное отношение. Например: «красно-коричневые», «жидо-масоны», «дем-шизы», «ебелдосы» от сокращенного словосочетания, придуманного известным журналистом и политиком А.Г. Невзоровым, «Ельцин–БЕЛый ДОм–Свобода» и пр.

■ «Сияющее обобщение», которое состоит в описании конкретной личности или идеи только с положительными эмоциями, скрывая отрицательные стороны. Пример – «Передовой отряд трудящихся», «Гегемон», «Гарант стабильности и Конституции».

■ «Перенос», или «трансфер». Суть его – побудить избирателей к появлению положительных ассоциаций, связыванию преподносимого с чем-то бесспорно ценным. Пример: «Социализм с человеческим лицом», «Гуманный социализм», «Вхождение в цивилизованное сообщество».

■ «Игра в простонародность». Этот прием внушения связан с выполнением лидером привлекательных социальных ролей, чтобы возникли чувства, что он «такой, как мы, поэтому знает хорошо наши чаяния и заботы», «Он наш, такой не подведет».

■ Прием «перетасовки» или «усеченной правды», когда осуществляется тенденциозное преподнесение информации в упрощенном «черно-белом» варианте или выхватывается какая-то фраза из общего контекста, и эта в смысловом отношении отдельная часть начинает выдаваться за общее, причем обыгрывается в негативном плане.

■ «фургон с оркестром». В этом случае информация преподносится с исключительно мажорной интонацией, очевидные и не столь значимые положительные моменты многократно увеличиваются, что создает впечатление благополучия, успеха, движения вперед и т. д.

Это основные приемы и методы внушающего воздействия, которые часто применяются в отечественной политической рекламе, – достаточно вспомнить ее конкретные образцы, независимо от политической ориентации авторов.

Следует отметить, что сила внушения прямо зависит от состояния сознания избирателей. Доказано, что неуверенность, заниженная самооценка, опасения, страхи, негативные ожидания, впечатлительность, слабость логического анализа, отсутствие здравого смысла в анализе ситуации являются благодатнейшей почвой для осуществления внушающего воздействия. Недаром накануне значимых выборов определенными политическими силами через СМИ делается все, чтобы такое состояние сознания было у большинства избирателей. Тогда им можно внушить, что даже самый сомнительный вариант или личность являются для них единственно верным и желаемым.

Алгоритм внушения в политической рекламе сходен с алгоритмами убеждения, заражения и подражания.

Нейролингвистическое программирование (НЛП)

Оно часто рассматривается как самостоятельный и очень эффективный вид психологического воздействия, который активно применяется в пропаганде и различных видах рекламы. Вокруг НЛП сейчас ходит множество легенд и мифов, которые скорее всего иницируют сами «НЛПшники». Можно услышать немало суждений «осведомленных и компетентных лиц» о том, что именно НЛП-технологии позволили «вытащить» совершенно безнадежных кандидатов и победить на выборах. Приводятся обтекаемые и загадочные примеры фантастической эффективности рекламы с заложенными в нее «формулами НЛП». Правда, на вопросы: как? Какие конкретно технологии и формулы применялись? Как определялась эффективность? – ясных ответов нет, потому что все это является «ноу-хау» их создателей и сопряжено с коммерческой тайной. Естественно, эти «ноу-хау» стоят огромных денег, к тому же «существуют жесткие этические нормы, связанные с их применением», так как это «мощное оружие воздействия нельзя доверить дилетантам или нечестным людям» и пр. Поэтому у практиков рекламы к НЛП-технологиям сформировалось хоть и заинтересованное, но все же недоверчивое отношение.

Так что же на самом деле представляют собой НЛП-технологии? Это умелый блеф или действительно эффективная эзотерическая система психологических воздействий? Попробуем разобраться в этом в свете интересов создания политической рекламы. Анализ научных публикаций показывает, что нейролингвистическое программирование – это направление прикладной психологии, связанное с изучением и созданием новых (или актуализацией хорошо забытых) психологических методов воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание. Основателями НЛП считаются американские ученые Д. Гриндер и Р. Бэнд-лер, программист и лингвист, открывшие «код эффективного общения». Они обнаружили жесткую

взаимосвязь между жестами, мимикой человека и структурой его речи, причем способствующую как установлению контактов, так и осуществлению целенаправленного влияния. Но выяснилось и другое. Пользуясь этим «кодом», можно, по их утверждению, управлять поведением человека и даже толпы. Это, если верить газетным публикациям, быстро нашло практическое применение в спецслужбах, у практиков избирательного дела, рекламистов.

Специалисты утверждают, что нейролингвистиче-ское программирование не является аналогом пресловутого зомбирования, с помощью которого человека принуждают совершать довольно примитивные поступки и действия. Возможности НЛП, по их мнению, существенно шире. Главная прикладная ценность состоит в том, что с помощью НЛП-технологий осуществляется прямое воздействие на уровень бессознательного человека без сознательного контроля с его стороны. Специальными «ключевыми словами» человека вводят в подобие транса, который он, естественно, не осознает. Транс является, вообще говоря, естественным состоянием человека, характеризующимся ограниченным фокусом внимания на внешние факторы и высокой сосредоточенностью на внутренних процессах и переживаниях. Состояние транса как бы открывает ворота в подсознание человека, дает возможность непосредственно влиять на него. Так возникает эффект «расширенного сознания», когда «запрограммированный» избиратель воспринимает политика в нужном свете, буквально «либо райской птицей, либо черным вороном». Считается, что именно это запрограммированное отношение срабатывает на избирательном участке. При этом для того, чтобы вывести из политики конкурента, вовсе не нужны чемоданы с компрометирующей информацией, видеозаписи его сомнительных развлечений и пр. Все просто и изящно, а самое главное – недоступно для понимания других, а следовательно, не будет и ответных действий. Но как это все сделать?

Заслуживающих доверия научных публикаций по НЛП, где на эмпирическом уровне доказательно представлена эффективность этого метода воздействия, практически нет. Зато имеется немало статей в газетах и журналах о возможностях НЛП-техно-логий, в которых специалисты «приоткрывают завесу над своими секретами». Приведем отрывки из некоторых.

На чем основано НЛП? Ученые обнаружили, что на подсознание человека действуют разные, на первый взгляд, невинные трюки. Специалисты называют их «пропуском информации», «неопределенным обращением», «встроенными командами», «номинализацией», «пресуппозицией» и пр. Суть их состоит в том, что, играя словами и картинками (видеорядом), выстраивая их в определенном порядке, формируя определенный ритм изложения, дозируя информацию в необходимых пределах, можно добиться потрясающего эффекта: человеческий мозг начинает реагировать на нужные предметы и, как стрелка компаса, ориентироваться в строго заданном направлении. Причем совсем необязательно для этого использовать центральное телевидение и крупные газеты.

Порой достаточно выпустить календарик, плакат, гороскоп, а иногда дать вроде бы обычное рекламное объявление.... Был предъявлен наглядный пример.

Передо мной на столе – спецвыпуск городской газеты. Ничего особенного – дюжинный труд провинциальной журналистики: «Советы хозяйшке», «Как бороться с колорадским жуком», несколько объявлений, рекламирующих холодильники и скобяные изделия.

На развороте – телевизионная программа, короткие иллюстрированные анонсы телепередач. В левом нижнем углу красуется лицо героя телесериала, обращенное вверх. В центре изображен большой кот из мультфильма «Том и Джерри», над ним дубинкой нависает восклицательный знак. В правом верхнем углу старик с бородой и лозунг: «Вы НЕ забудете выключить его!» (телевизор, конечно, ибо телесюжетом о старике завершается вечерняя программа).

«Вот заурядный образчик работы специалистов по НЛП, – говорит психолог. В телепрограмме закодирована негативная информация об одном из кандидатов в мэры – пожилом человеке (старик с бородой). Его соперник – «герой-любовник». В центре происходит коллизия: мышонок (молодой, но шустрый кандидат) лупит кота. Восклицательный знак вызывает образ дубинки, которой охаживают кота. Примитивно? Только на первый взгляд. Известно, что на людей в большей степени влияют персонажи сказок и мультфильмов, библейские образы. И поверьте: образ Тома и Джерри обязательно всплывет в памяти избирателя, когда он вычеркнет одного из кандидатов». Короче, в ход идет все – вплоть до намеренно встроенных в текст грамматических ошибок. И все это абсолютно выверено с научной точки зрения.

Звучит все необыкновенно привлекательно и интересно. Только опять не убеждает, потому что нет никаких доказательств того, что произойдет именно так. В лучшем случае это можно рассматривать как гипотезу. К тому же в любой избирательной кампании применяется множество различных психологических воздействий – предвыборные красивые обещания, плакаты с яркими лозунгами, листовки, зажигательные речи на встречах с избирателями, телерадиообращения и многое другое. Все направлено на избирателя. Как же доказать (и определить), что именно этот прием с котом, героем сериала и старичком в газете с ограниченным тиражом, которую прочитали далеко не все избиратели сыграл решающую роль в их выборе? Это практически невозможно, да НЛПшники и не пытаются, не выходя за пределы своего иррационального, где они, впрочем, чувствуют себя весьма уверенно.

Еще один пример газетных публикаций. В нем приводится рассказ НЛП-технолога о применении метода пресуппозиции.

«Он состоит в том, что в скрытой форме в текст встраивается утверждение. (Например, в вопросе «Замечали ли Вы, насколько умен Сидоров?» есть предварительное утверждение – СИДОРОВ УМЕН.) Часто еще используется и «иллюзия выбора», когда человек выбирает из ограниченного числа нужных нам вариантов. Например, фраза: «Вы можете проголосовать за Иванова утром или вечером» содержит иллюзию выбора времени при заранее определенном утверждении: «Вы проголосуете за Иванова». Еще один прием – «смещение логических уровней», когда сначала мы берем приятное для человека утверждение – типа «хорошая домохозяйка» – и дополняем его на

уровне действия – «голосует за Петрова». Конечно, здесь наши ухищрения лежат на поверхности, их можно легко отследить и пресечь. В реальном тексте все гораздо сложнее и запутаннее».

Действительно, анализ текстов многих образцов политической рекламы показывает, что такие «формулы» не встречаются. Может это просто примитивный пример, а не образец НЛП-технологий?

На Западе, как утверждают, использование НЛП в рекламе запрещено законом, поэтому многие политики избегают его, чтобы избежать огласки и скандала. Хотя специалисты утверждают, что НЛП-технологии применялись в избирательных кампаниях Маргарет Тэтчер и Рональда Рейгана. У нас при отсутствии закона о политической рекламе все можно. Этим и пользуются «бывшие работники секретных служб», «НЛП-технологи, прошедшие стажировку в США и отечественных закрытых центрах».

Так как же относиться к НЛП-технологиям? Можно ли доверять таким специалистам? Судя по имеющимся сведениям, НЛП-технологии есть не что иное, как разновидности методов суггестивного воздействия. Магия загадочности, в том числе и названия, сильно влияет на восприятие их реальных возможностей и результатов. Очевидно, и об этом свидетельствовали приведенные примеры, они являются классическими образцами психологических манипуляций, и поэтому их следует считать неэтичными, могущими нанести прямой ущерб избирателям (в примерах, кстати, ни слова о том, являются ли «шустрый мышонок» или «Сидоров» порядочными людьми, достойными выбора). В то же время законом их использование никак не ограничено. Думается, что основанием для применения НЛП-технологий в политической рекламе должны стать соображения нравственного порядка. И конечно, специалисты в этой области должны доказать свой профессионализм, прежде чем им поручат это ответственное дело.

И все же остановимся на некоторых техниках или технологиях НЛП. Они в основном применяются в межличностном общении и взаимодействии. В политических коммуникациях это дебаты, «круглые столы», общение с сторонниками или представителями общественности. Основная их задача – сковывание инициативы партнера, переводение его в статус «ведомого» в диаде взаимодействия, создание ситуации, благоприятной для осуществления влияния.

Наведение транса через возрастную регрессию или внушенные образы. Здесь обычно показывают школьные фотографии, вспоминают что-то, живо и интересно рассказывают. Заинтересовываясь, погружаясь в образы, человек попадает в легкий транс, сознание становится готовым для внедрения идей, в том числе политического характера.

Использование каталепсии, например, длительного рукопожатия. Задерживание руки до тех пор, пока партнер перестает ее одергивать, свидетельствует, что он передает инициативу вам, готов следовать за вами буквально в прямом и переносном смысле.

Разрыв шаблонов. Многие привыкли действовать, согласно определенным алгоритмам. Активно изменить его, навязать другой – значит, создать возможность осуществления влияния на человека.

Речевое связывание. В этом случае яркая, эмоциональная речь, смысл которой трудно понять, постоянно перемежается репликами – «Ведь правда?», «Так?», «Вы согласны со мной?», приводит людей в легкое замешательство, снижает критичность анализа получаемой информации, способствует снижению активности, делает как бы ведомым.

Рассказ историй. Рассказ интересных историй, притч позволяет отвлечь от ситуации, отвлечь от настоящего времени («тогда....», «в то время, как...»), поместить в яркий мир образов, применить речевое суггестивное воздействие.

Трюизмы, преподносимые как важная и значимая информация. Это создает ощущение личностного превосходства («С кем я имею дело? Это же примитивно!»), снижает бдительность партнера по общению.

Пресуппозиция (или иллюзия выбора). Этот прием воздействия создает образ завершенного действия или принятого решения в ситуации неопределенности. Об этом было сказано в приведенных выше примерах.

Команды, скрытые в вопросах. Само формулирование вопроса предполагает определенный ответ или действие. Например: «Вы уже поняли, насколько выгодно наше предложение?» – выгода не подвергается сомнению, хотя ее может и не быть, внимание концентрируется лишь на ее размере.

Использование противоположностей. Как и в двух предыдущих случаях, применение данного приема создает иллюзию выбора (использование оборотов «чем..., тем»). На самом деле программирует поведение. Например: «Чем внимательнее вы прочтете этот документ, тем обоснованнее будет его позитивная оценка».

Тройная спираль М. Эриксона. Это сложная технология. Она состоит в рассказе трех историй, которые вызовут интерес. При этом первая и вторая прерываются, третья с внушенными установками рассказывается полностью, после чего логически связанно завершаются первая и вторая. Обычно в силу действия эффекта «края» запоминаются и контролируются первая и вторая истории, а третья просто принимается. Сходным механизмом воздействия обладают технологии вставленных сообщений и рассеивания.

Это основные технологии НЛП, имеющие суггестивную природу. Повторимся: их используют в политических коммуникациях (причем некоторые из них называются психологическими уловками, о них речь пойдет позже), их можно использовать в политической рекламе. Но насколько они действенны в общей системе психологических воздействий политической рекламы, сказать трудно.

О других методах психологических воздействий

Многие образцы политической рекламы отличаются броской цветовой гаммой, в них используется различное композиционное построение, разные шрифты, символика, а если реклама телевизионная или радио, то в ней часто звучит музыка или закадровый голос. Самое интересное состоит в том, что они

тоже могут выступать как довольно результативные психологические воздействия. Кратко остановимся на их психологической специфике.

Цвет как психологическое воздействие

Человек буквально живет в мире цвета и красок на протяжении всей своей жизни, поэтому и отношение к цвету всегда эмоционально окрашено. Цвет не оставляет никого равнодушным. Было замечено, что человек стремится создать для себя комфортную цветовую среду. Какие-то цвета являются любимыми, какие-то наоборот, то есть налицо очевидные цвето-предпочтения. Но главным для нас является то, что цветовая гамма оказывает на человека сильное эмоциогенное воздействие, под влиянием цвета окружающей предметной среды у него меняется настроение. Данный психологический эффект нашел свое практическое применение в рекламном деле, об этом имеется немало конструктивных публикаций (см. рекомендованную литературу). Даже знаменитый цветовой тест М. Люшера, ставший основой для целевого расчета цветовой гаммы, был разработан автором по заказу одной рекламной фирмы в середине сороковых годов.

Какие существуют психологические рекомендации по применению цвета в политической рекламе? Остановимся на наиболее важных.

Во-первых, цветовые решения образцов политической рекламы действительно можно рассчитать. Для этого необходимо прежде всего поставить задачу: что должно произойти с теми, кто обращается к данному образцу рекламы? Какие должны возникнуть эмоции, чувства, настроения? После того как задача четко поставлена, следует обратиться к соответствующим психологическим методикам. Обычно предпочтение отдается цветовому тесту М. Люшера, с помощью которого и определяется соответствующая цветовая гамма рекламы (с выделением доминирующего – основного цвета и входящих в сочетание с ним). Данная цветовая гамма предлагается художнику для использования в композиции.

Во-вторых, надо непременно помнить о том, что реально существует национальная и региональная специфика отношения к цвету. Она связана с национальными, культурными и религиозными особенностями проживающих в регионе. К примеру, любимые цвета на Севере России весьма отличаются от цветовой гаммы, предпочитаемой в Краснодарском крае. Отмечено, что в национальных республиках России любимые цвета обычно ассоциируются с цветом национального флага. Поэтому перед специалистами, занимающимися политической рекламой, стоит непростая задача – совместить первое условие со вторым.

В-третьих, цветовое решение политической рекламы должно как бы отражать личность лидера, броские черты его имиджа. Скажем, ярким харизматическим лидерам вряд ли будет соответствовать спокойная сине-серая цветовая гамма листовки или плаката.

Таким образом, перед специалистами, занимающимися разработкой конкретных образцов политической рекламы, стоит непростая задача – органично совместить требования отмеченных выше условий.

Теперь о психологическом воздействии различных цветов:

■ красно-оранжевые цвета действуют возбуждающе, повышают активность, как бы подталкивают к решительным действиям;

■ светло-желтые цвета так же активируют, но следует помнить, что в России к ним недоверчивое отношение («желтый дом», «желтая пресса», «желторотый юнец» и пр.);

■ зеленые цвета как бы побуждают к решительным, волевым действиям (при использовании зеленого цвета следует иметь в виду, что он является главным цветом исламских государств);

■ синий цвет обычно ассоциируется с гармонией, покоем, бесконфликтными отношениями;

■ коричневый цвет действует весьма своеобразно: способствует обращению к удовольствиям, комфорту;

■ фиолетовый цвет (а так же темно-малиновый, сиреневый) считается женским цветом и свидетельствует о желании нравиться, производить хорошее впечатление;

■ серый цвет побуждает к снижению инициативы (обычно люди, его предпочитающие, нуждаются в отдыхе, не склонны к активному поведению);

■ черный цвет в России – символ сложных ситуаций, это «жесткий» цвет (заметим, что люди, любящие этот цвет, могут отличаться сильным упрямством, сложностью характера);

■ белый цвет – чистота, мир.

В образцах политической рекламы редко используется только один цвет, даже «серые» листовки и то на самом деле являются монохромными и содержат множество оттенков. Цветосочетаний может быть от двух до множества, если основу составляют цветные портреты, фотографии с фоном, однако все равно доминируют два или три цвета, именно они производят главное впечатление. Поэтому особое внимание следует уделять именно им. В этом случае надо обращаться к цветовому тесту М. Люшера. Например, если в плакате преобладают красный и черный цвета – он может восприниматься как агрессивный, свидетельствующий об импульсивности, жесткости. Черно-коричневая цветовая гамма вообще будет отталкивать людей, обычно такой цвет привлекает людей, находящихся в сложных психических состояниях. Итак, цветовую гамму образцов политической рекламы надо рассчитывать. Но и здесь следует учитывать возрастную, национальную и региональную специфику. Молодежь привлекают больше яркие цвета, то же наблюдается в южных районах страны. Зеленая цветовая гамма наверняка вызовет симпатию в тех регионах, где значительная часть населения исповедует ислам. Иными словами, использование цвета как вида психологического воздействия требует специальных знаний.

Образы-символы как психологические воздействия

Любая политическая партия имеет свой образ-символ, который обязательно представлен во всех видах политической рекламы. Это может быть безобидное и не очень аппетитное зеленое яблоко (движение «Яблоко», названное по замысловатой аббревиатуре фамилий Явлинский, Болдырев, Лукин), символ единения рабочих и крестьян – серп и молот (КПРФ и другие

коммунистические организации), древний рунический знак коловрат (свастика, Русское национальное единство), парящий в «жовто-блакитном» пространстве сокол (ЛДПР) и многие другие. Кто-то использует древние символы – рыбы, крест, коловрат, а кто-то пытается их синтезировать, исходя из специфики политического движения. Вот, например, описание символики «Союза народовластия и труда» (лидер – генерал А.И. Николаев).

Эмблема движения представляет собой композицию золотистого цвета из изображения круглого щита с каймой с симметрично расположенными на ней заклепками, обрамленного слева колосом. Справа на щит наложено стилизованное изображение голубя, по центру вертикально изображение руки, держащей молот.

Эмблема символизирует единение и защиту интересов власти и человека труда. Молот как обобщенный символ ремесла и промышленности, колос – олицетворение сельского хозяйства и его тружеников, голубь – символ духовности и миролюбия, щит – как символ защитников и защиты Отечества. Рука, сжатая в кулак, с одной стороны, как символ власти, с другой – как символ единения общественно-политического движения. Золотистый цвет – как символ верности и чистоты побуждений.

Написано основательно и аргументированно. Дело каждого движения – выбирать себе символику. Но если бы лидеры этого движения посоветовалось с квалифицированными психологами, возможно, изобразительное решение было иным. Что же можно считать психологическими недостатками эмблемы и ее символики? Во-первых, обилие деталей. Чего в ней только нет – рука, голубь, молот, колос, щит с заклепками и крапинками. А на людей сильнее всего оказывают влияние простые с точки зрения изобразительных решений образы. Психологические исследования показали, что безусловно лидирует крест (в разных его вариантах), потом – коловрат-свастика, следом идет пентаграмма-звезда. Во-вторых, цветовое решение: «золотистый цвет» – символ власти, но никак не «чистоты побуждений», это идет еще от византийской символики, принятой на Руси много веков назад. Сочетание «золотистого с черным» – либо следование византийским традициям, либо психологическая ошибка – в природе это цвет опасности, и большинство его так и будут воспринимать. В-третьих, голубь – один из христианских символов (олицетворение Святого Духа), а молот – классический масонский знак, такое необычное сочетание. Наконец, в-четвертых, эту эмблему точно и быстро нарисовать практически невозможно, а это сужает возможности стихийной наглядной агитации (во время выборов много эмблем и аббревиатур партий нарисовано краской на заборах, стенах домов – и это тоже действует на людей). Так что с психологической точки зрения такую символику нельзя назвать большой удачей.

К выбору символики политического движения надо подходить очень основательно, ведь если она будет неудачной, то, тысячекратно растиражированная в политической рекламе, она может принести только вред. Иногда случаются вообще забавные вещи, например, известный пионерский лозунг «Будь готов!» был сначала главным лозунгом средневековых

шотландских масонов, а потом скаутов—«жостровых братьев» (Ю.Н. Лукин), то есть, по сути, идейных противников пионерии. На флаге одной русской националистической организации – вообще кабалистическая символика (знают ли они об этом?). Такие казусы дорого обходятся.

Итак, понятие символ имеет несколько толкований: условный опознавательный знак; предмет, служащий для обозначения какого-либо образа; художественный образ, воплощающий какую-либо идею. О значении различных символов написано множество фундаментальных работ (см. рекомендованную литературу). В психологии исследования содержания и воздействия символов в основном осуществлялись в рамках психоанализа и интеракционизма. С точки зрения психоанализа, содержание символов обусловлено действием бессознательного, имеющего сексуальную природу. Психоаналитиками была предложена интерпретация ряда символов, часто встречающихся в сновидениях. В то же время рассматривались и социальные аспекты символов. Так, в глубинной психологии К. Юнга было выделено «коллективное бессознательное», отражающее опыт предыдущих поколений и воплощенное в архетипах – общечеловеческих первообразах. Архетипы недоступны непосредственному наблюдению, они раскрываются косвенно – через их проекцию на внешние объекты, что проявляется в мифах, верованиях, произведениях искусства. Была предложена интерпретация ряда символов – мать-земля, герой, мудрый старец и пр. Многие символы имеют выраженные этнопсихологические характеристики. Проблема символов в политике требует специальных глубоких психологических исследований, это не входит в наши задачи.

В свете обсуждаемой проблемы эффективности политической рекламы хотелось бы остановиться на одном весьма перспективном направлении – национальных образах-символах. Национальные образы-символы отражают собой некую значимую модель мира (в смысле окружающей реальности), включающую важные исторические и культурные знаки. Уверены, что сейчас особенно важно использовать национальные образы-символы в отечественной политической рекламе, потому что они общие для многих народностей, населяющих Россию. К тому же западные технологии стали давать сбои, так как они не учитывают особенности нашей ментальности. В нашей стране слова «русский» и «российский» практически неотделимы: «Русский – не тот, кто носит русскую фамилию, а тот, кто любит Россию и считает ее своим Отечеством» (журнал «Русский инвалид», 1908 год). Поэтому многое русское – по сути дела российское. Каковы русские или российские национальные образы-символы? В исследовании, проведенном совместно с Е.Р. Котиковой, на основе анализа русской литературы, живописи, изделий народных промыслов, фольклора было выявлено несколько таких образов-символов, которые можно и нужно использовать в политической рекламе.

Во-первых, это простор. Простор прочно ассоциируется со свободой, волей, раздольем (В. Даль). Широкое пространство всегда было родным для русских – ведь наша территория поистине огромна, «ни конца, ни краю». Выдающийся деятель отечественной культуры Д.С. Лихачев говорил, что воля

в понятии русских – это большие пространства, по которым можно идти и идти, дышать вольным воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность идти в разные стороны – ■ как вздумается. Простор для русского человека – это комфортное состояние души, а не только характеристика географического пространства. Простор ассоциируется с широтой русской души. Образов простора много – это бескрайние степи, леса, широкие реки, воспринимаемые как бы с высоты птичьего полета.

Во-вторых, широкая дорога, уходящая даль. Образ широкой дороги совпадает с нашей подсознательной сущностью «странников по жизни» – желанием перемен. Для России, с ее типичным состоянием ожидания лучшего, дорога олицетворяет изменчивость мира, надежду на то, что «там будет лучше» и «туда надо идти». Хотя и дороги в России традиционно плохие, образ дороги всегда эмоционально теплый, потому что она не только олицетворяет надежду, но и является связующим звеном, объединяющим людей. Недаром Г. Гачев утверждает, что дальняя дорога – основной образ России.

Третье – яркое солнце. Отношение к солнцу как образу великого, радостного, праздничного – еще от языческих традиций. Солнце – свет и радость, но еще и олицетворение правды-истины, обличение кривды. Солнечный свет противостоит тьме, мраку, холоду, злу.

Четвертое – широкая река. В России много красивых широких рек, они всегда были любимы народом. Вспомним, сколько хороших песен про Волгу, которую ласково называют Волгой-матушкой. Образ широкой могучей реки всегда вызывает теплые чувства. К людям, живущим на берегах любимой реки, относятся по-особому хорошо.

Другие образы-символы менее значимы и, следовательно, действенны, но их также можно использовать в политической рекламе. Это дом, дерево (любимые – береза, елочка, дуб, сосна), земля.

Эти образы-символы могут быть изображены как натуралистично, так и символично. Они могут служить фоном, на котором изображен политический лидер. В данном случае срабатывает эффект «переноса»: положительное отношение к национальному образу-символу переносится на личность, изображенную рядом с ним, причем это эффект сильный и стойкий. Из отечественных политиков серьезные попытки использовать воздействие образами-символами предпринимал, пожалуй, лишь А.И. Лебедь в избирательной кампании 1996 года. Думается, потенциал данного метода психологического воздействия до конца еще даже не осознан.

В заключении хотелось бы остановиться на очень интересном вербальном образе-символе. Это всеми любимое слово «хорошо». Оно обладает мощным положительным эмоциональным зарядом и используется во многих случаях, вспомним, хотя бы знаменитое «хорошо сидим...» из кинофильма «Осенний марафон». А сколько популярных песен у нас со словом «хорошо»! Для россиянина «хорошо» – это не просто слово, оценка какого-либо факта или события, это состояние души, причем желаемое, любимое. В этом смысле слово

«хорошо» непереводаемо на другие языки. Сила эмоциогенного воздействия слова «хорошо» в политической рекламе практически не используется. А зря!

Отмеченные методы психологических воздействий в политической рекламе не единственные, в частности, в силу жанровых возможностей данной работы мы не рассматривали воздействие музыкой. В телевизионной или радиорекламе ее роль трудно переоценить. Чтобы музыка повышала эффективность политической рекламы, следует обратиться к психологическим исследованиям функциональной музыки. Другие методы психологических воздействий нам представляются менее значимыми.

Специальные виды политической рекламы

В завершении анализа проблемы хотелось бы остановиться на специальных видах политической рекламы. Наиболее распространенными из них являются антиреклама, свидетельская и утверждающая реклама. По своей форме и содержанию они существенно отличаются от традиционных образцов. Рассмотрим их.

Антиреклама

Она всегда направлена против главного политического оппонента или всех оппонентов. Она может принимать различные формы – от запоминающихся анекдотических ситуаций, язвительной иронии до «образа врага». Естественно, носители такой рекламы тоже могут быть разными. У нас в стране чаще всего антиреклама проявляется в критических публичных высказываниях, разоблачениях, «войне компроматов». Это могут быть статьи, теледебаты, интервью. В США чаще используются телевизионные варианты антирекламы, причем уже несколько десятилетий. Считается, что первая телевизионная политическая антиреклама была создана в 1964 году. Это были короткие рекламные ролики, имевшие целью дискредитировать основного оппонента Л. Джонсона на президентских выборах – «сенатора-ястреба» Б. Голдуотера, отличавшегося экстремистскими взглядами и, как у нас в то время писали, «пещерным антисоветизмом». Сюжет одного из таких роликов: девочка считает отрываемые лепестки цветочка; ее перебивает грубый мужской голос, считающий ракеты; заканчивается все атомным взрывом. Другой ролик: девочка ест мороженое, а мама за кадром объясняет, насколько вредны радиоактивные осадки. Завершается ролик так – крупным планом портрет Б. Голдуотера и голос за кадром: «Есть человек, который стремится стать Президентом США. Он хочет испытывать все новые и новые атомные бомбы. Его зовут Барри Голдуотер». В других телевизионных вариантах американской антирекламы применяется такой прием: сначала в игровой крайне ироничной форме разоблачается оппонент, а потом следует призыв – не голосуйте за ZZ, а голосуйте за NN, причем их портреты помещаются в финальном кадре рядом (у нас такой прием не «сработает» точно, так как в силу низкой политической активности основной части населения могут просто перепутать – за кого голосовать, а кого забаллотировать). Естественно, применяются и другие виды антирекламы в виде листовок, плакатов.

У нас в стране телевизионных вариантов антирекламы пока очень мало, зато много печатной антирекламы, причем наиболее любимым является жанр

«подменных листовок», которые якобы распространяются оппонентом в период его избирательной кампании. Приведем пример из практики выборов Красноярского губернатора. Листовка «из штаба Лебеда»: «Просим собрать сведения о ваших соседях или знакомых, имеющих излишки жилой площади, сдающих квартиры внаем, занимающихся уличной торговлей, работающих «челноками», владеющих несколькими машинами, ведущих разгульный образ жизни. Эти данные просим направлять в адрес Александра Лебеда. Бандитам и жуликам – тюрьма, труженикам – благополучие!». Другая листовка уже «лично от Лебеда»: «Помогите мне стать губернатором края. Это гарантия моей победы на выборах президента через два года. Не скрываю – мне нужны деньги на эту борьбу. Это обойдется каждому жителю всего в 4000 новых рублей. Средняя семья из трех человек, я думаю, может обойтись без 12000 новых рублей. Зато мы с вами спасем Россию, когда я стану президентом. Остальные деньги мне обещали в Америке Бжезинский и Киссинджер». С помощью листовок передавались «слова Лебеда»' «На базе сибирского казачьего войска я создам из наших мальчишек ударные отряды, которые будут защищать интересы Красноярья там, где это потребуется губернатору». Есть сведения, что был заготовлен и телевизионный ролик антирекламы против Лебеда: «Если военный у власти – жди войны», но он так и не был в эфире. В штабах кандидатов на высокие выборные должности уже имеются специалисты по таким «спецэффектам».

«Инициативные группы избирателей» трудятся над антирекламой не только в Красноярском крае. В Оренбуржье была выпущена листовка в виде многотиражной газеты под названием «Дом, который построил мэр, или политика ТОЛЬКО чистыми руками», где были представлены фотографии внешнего вида и убранства трехэтажных хором мэра, стоимостью один миллиард «старых» рублей. Дальше следовало наглядное сопоставление весьма скромной его зарплаты со стоимостью виллы и призыв голосовать против него. Такой вид антирекламы сейчас самый популярный в регионах России.

Другим видом политической антирекламы является «обнародование конфиденциальной информации в результате ее утечки». В частности, во время выборов в Государственную Думу в 1995 году публиковались «конфиденциальные данные» о судимости кандидатов в депутаты. Правда, при этом не указывались статьи Уголовного кодекса, на основании которых были осуждены эти кандидаты, что дало им возможность быстро перейти в контратаку, объявив себя «жертвами политических репрессий тоталитарного режима».

Телевизионные варианты антирекламы на Западе применяются часто (см. авторский видеофильм «Социальная телереклама». – Ст. «ВИКОЙ», 1996). У нас в стране, повторимся, пока их мало, можно встретить на региональных выборах. Делаются они с большим количеством психологических ошибок, поэтому эффект может быть совершенно противоположным, совсем не таким, на который рассчитывали его создатели. Например, в 1998 на выборах в краевую Думу Краснодарского края был показан один такой образец. В нем на фоне сатирических частушек был видеоряд, в котором выступления

губернатора Н. Кондратенко чередовались с куплетами Шарикова из фильма «Собачье сердце». Этот ролик был направлен против сторонников губернатора. Многих такое сравнение просто оскорбило. В результате партия губернатора одержала убедительную победу.

В политической антирекламе часто применяются юмор, сатира и ирония. Политическая сатира в основном представлена в виде карикатур на политиков, пародий на них. На прошлых парламентских выборах предпринимались такие попытки. Карикатуры с соответствующими комментариями публиковались в различных изданиях, упоминались в обзорах прессы на телевидении. Доставалось практически всем, но в разной степени. Тут были и безобидные варианты, типа «Раз пошли на дело я и Хакамада...» на мотив известной «Мурки», «Лебедь, рак да Скоков», «Если дорог мой дом Газпром» и пр. Но были и весьма жесткие, содержащие серьезные обвинения. Думается, перед президентскими выборами и выборами в Думу эти виды антирекламы будут широко использоваться в практике политической борьбы.

Крайним случаем политической антирекламы является создание «образа врага» по отношению к политическим оппонентам. Формирование «образа врага» обычно ведется последовательно в виде информационных кампаний в разных видах СМИ по следующим направлениям:

- недоверие (все, что от него исходит, – неприемлемо) ;
- негативное ожидание (от врага ждать хорошего нельзя);
- возложение вины и отождествление со злом (все беды и несчастья только из-за него);
- отказ в сочувствии (чем хуже врагу, тем лучше нам);
- деиндивидуализация (враг не может обладать человеческими чертами);
- черно-белый подход (друзья моих врагов – мои враги).

Опыт в деле формирования «образа врага» у нас в стране огромный, не так давно армия «бойцов идеологического фронта» в различных партийных и комсомольских организациях всех уровней работала в этом направлении очень активно. С началом демократических преобразований многие из них «всецело приняли идеи радикальных реформ», активно в них включились, занимаясь по сути тем же делом, только, что называется, с «точностью до наоборот». Если раньше они боролись, не жалея сил, за чистоту марксизма-ленинизма, то сейчас такими же средствами – против него. Методы хорошо знакомые, но они действенные.

Элементы такой политической антирекламы были отмечены специалистами во время президентских выборов 1996 года. Тогда многими средствами массовой информации по отношению к Г.А. Зюганову применялся известный политический миф – «дьявол», а к возглавляемой им КПРФ и коммунистическим идеям активно формировался «образ врага». При этом лично их ни в чем не обвиняли, кроме того, что они являются идейными наследниками «кровавого режима».

При создании антирекламы нередко допускаются типичные психологические ошибки, которые снижают ее эффективность. Наиболее распространенной из них является сильно упрощенное, примитивное

представление ситуации и самого политика. Так было с антирекламой, направленной против А. Лебеда во время губернаторских выборов в Красноярском крае. Ну какие друзья ему Киссинджер и Бжезинский? Они давно уже политические пенсионеры, сам генерал с ними никогда не контактировал. К тому же молодые избиратели о них вообще ничего не знают. Следующая ошибка – это смысловая сложность антирекламы, некая витиеватость задумок. Пример такой антирекламы, появившейся на прошлогодних выборах в Краснодарскую краевую думу, мы приведем полностью. Листовка, в ее верхней части текст: «Капиталист и коммунист. Возможно ли это? Да!!!» Ниже следует: Ещенко – владелец автосалона на ул. Московской. Еще ниже: Цены на наши машины самые дешевые. Для наших избирателей скидка – 3%. В самом низу написано почему-то вверх ногами: «На чужом горбу во власть не въедешь...» и подпись «Н.И. Кондратенко». Бледный фон листовки: ЛЖЕотечество». И все. Но самое интересное состоит в том, что, оказывается, эта листовка была призвана дискредитировать Ещенко! Но ведь цены-то у него в салоне самые низкие, во время избирательной кампании скидки 3% – это хорошо. В Программе КПРФ написано о приемлемости многоукладной экономики, в Государственной Думе есть капиталисты-коммунисты! Чем же плох тогда Ещенко? Эта листовка для него хорошая реклама, а не антиреклама.

Чтобы антиреклама была эффективной, в ней непременно должны присутствовать острый юмор или язвительная ирония (если политика высмеять – для него это равносильно политической смерти), они действуют наиболее сильно. Возможен сарказм или запоминающийся и понятный миф, но ни в коем случае – пафос или смысловая сложность.

Весьма перспективным направлением создания эффективной антирекламы является использование в ней такого любимого народом жанра, как политические анекдоты. Тяга к политическим анекдотам у нас в стране всегда была необыкновенная. Это обусловлено рядом психологических факторов. Во-первых, политические анекдоты наполнены юмором, а юмор выполняет множество важнейших для человека психологических функций, поэтому он обладает сильной притягательностью. Во-вторых, рассказывая анекдот, человек тем самым дает жесткую оценку тем, к кому он относится отрицательно, как бы наказывает их. При этом его нельзя «достать». В-третьих, политический анекдот является хорошим средством самозащиты – обсуждение анекдота сплачивает людей, возникающие общие эмоции сближают, и это повышает внутреннюю уверенность – ты не одинок. Наконец, человек, рассказывающий анекдот, находится в центре внимания, к нему возникает неподдельный интерес, он слышит остроумным, а это повышает его личностный статус, что тоже очень приятно.

Политические анекдоты обладают уникальными характеристиками, что делает этот жанр практически вечным. Они всегда актуальны (неактуальный политический анекдот быстро «умирает», его никто рассказывать не будет), отличаются остротой. В них дается оценка сущности истинных явлений, а не предлагаемых народу версий. Удачный политический анекдот, как правило,

обладает совершенной формой – переходя от одного рассказчика к другому, он выкристаллизовывается и шлифуется, становится понятным и доступным всем. Политические анекдоты всегда направлены против власти или конкретных лиц во властных структурах, а власть почти всегда непопулярна. (Например, кто знает анекдоты про лидеров политической оппозиции? Думается, их просто нет). В них обыгрываются как личностные качества руководителей, так и их деяния, истинные цели которых от народа не скроешь.

Сейчас политических анекдотов очень мало, потому что появилась возможность практически все говорить открыто (а может быть те, кто их создавал, просто взяли паузу?). Но все же они иногда используются. Например, когда возникают разногласия с «самостийной и незалежной», идет буквально волна остроумнейших анекдотов про украинцев. Возможно, это служит оправданием ошибок наших руководителей и дипломатов: «Ну разве с такими договоришься?» С помощью тиражированных анекдотических ситуаций в свое время «сносили» одного из фаворитов Б. Ельцина – Г. Бурбулиса. Создавались весьма серенькие анекдоты про демократов и президента. А вот в политической антирекламе их нет. Возможно, время их просто пока не пришло.

Свидетельская или утверждающая политическая реклама

В ней обычно содержится личный обоснованный призыв поддержать конкретного кандидата или партию. Наиболее распространенными являются ее телевизионные версии, хотя часто используется жанр печатной статьи или интервью. Данный вид политической рекламы обычно строится по одной простой схеме: кто-то просто, доходчиво и образно говорит, почему он (или она) решил голосовать за конкретного кандидата или политическую партию. Эффективность такой рекламы во многом зависит от выбора персонажа, его заразительности и содержания сказанного. На Западе в таких случаях сначала обыгрывается жизненная ситуация персонажа (если он никому не известен) – как правило, это драматические события, – потом они «связываются» с политиком («помог», «поддержал», «единственный, кто в трудную минуту откликнулся на просьбу») и только после этого аргументировано призывают голосовать за него. Такой алгоритм свидетельской политической рекламы является наиболее эффективным. Часто «свидетелями» являются хорошо известные люди, «кумиры», «лидеры мнений», чьи суждения и оценки значимы для какой-то группы избирателей.

Отечественная свидетельская реклама находится на этапе своего становления. Были попытки применения ее на выборах в Государственную Думу в 1995 году. Тогда Зиновий Гердт и Булат Окуджава убеждали голосовать за «Демократический выбор России» (ДВР), а Наталья Гундарева – за «Женщин России». Н. Гундарева, обладающая яркой внешностью классической русской красавицы, любимая всей страной, выступила очень сильно, эмоционально, «с болью в сердце», многих убедила, а вот З. Гердт и Б. Окуджава с этой задачей в полной мере не справились. Скорее всего сыграл свою роль перенос их сценических и творческих образов (у Гердта они в основном комедийные) на содержание сказанного. К тому же, Окуджава не умел выступать с пафосом, а здесь он как раз и нужен. Да и почитателей у них много меньше, чем у Н.

Гундаревой. Скорее всего, повлияла и их национальность – русских в России подавляющее большинство, а получается, что за ДВР никто из известных русских не стал призывать голосовать, а обиженных именно русских в России сейчас очень много.

Телевизионные ролики свидетельской рекламы в избирательной кампании президента России в 1996 году были просто бесцветными: невыразительные, никому не известные персонажи («простые труженики из народа») скучно говорили общие слова, апеллировали к «общечеловеческим ценностям», а под конец заявляли, что будут голосовать за Ельцина.

В свидетельской рекламе часто допускается еще одна психологическая ошибка – знание выдается за доверие. В одной из московских газет во время выборов в Московскую городскую Думу была крупными буквами опубликована фраза известного артиста Льва Дурова: «НП? Я его знаю!» Создатели такой свидетельской рекламы решили, что этого достаточно. Знать человека молено с какой угодно стороны. Главное в ситуации выбора – можно ли ему доверять? Поэтому писать надо был бы примерно так: «НП? Достойный человек! Я ему полностью доверяю!» Уверены, за свидетельской рекламой – большое будущее.

В заключении хотелось бы остановиться на некоторых аспектах создания телевизионной политической рекламы. В основном будем апеллировать к американскому опыту, там за прошедших четыре десятилетия действительно весьма преуспели в этом (более подробно смотреть в работах Н.А. Голядкина). Политическая реклама как вид политических коммуникаций там появляется на самых ранних стадиях избирательной кампании. Ее цель – чтобы как можно больше избирателей узнали хорошее о кандидате. «Идентификационная» политическая реклама нередко напоминает семейный альбом, воссоздающий биографию политика с раннего детства. Особым успехом пользуются сюжеты, отражающие службу в армии, спортивные состязания в университете, семейные узы. При этом ненавязчиво демонстрируются такие качества кандидата, как честность, простота, любовь к труду, заботливое отношение к людям и пр.

Дальше в ход вступает свидетельская реклама. Если кандидат уже занимает высокую выборную должность, то в свидетельской рекламе говорится о его преданности делу, ответственности, блестящих деловых качествах. На данном этапе на основании анализа обратных связей, откликов на данные виды рекламы нащупывается простой, понятный и действенный лозунг, объединяющий все это. Так были вычислены следующие лозунги: «Человек, который сейчас нужен Америке» – Никсон; «Для блага народа» – Макговерн; «Время платить по счетам и работать» – Клинтон.

После этого создается и транслируется так называемая «аргументационная» политическая реклама. В ней обосновываются причины, по которым следует поддержать данного кандидата, то есть избирателю помогают создать внутреннюю мотивировку выбора.

При этом сами аргументы могут быть разными, но обязательно отражающими сильные стороны кандидата. «Аргументационная» реклама перемежается с «проблемной», в которой излагаются позиции кандидата по

многим вопросам. По форме – это очень короткие ролики (споты), длящиеся буквально несколько секунд, но весьма выразительные. Существует несколько рекомендаций по созданию таких спотов. Прежде всего, в них должны быть отражены проблемы широкого характера, волнующие многих. Они также должны быть простыми (одна идея на один спот) и образными, затрагивающими чувства людей.

На следующем этапе создается антиреклама, направленная против основных политических конкурентов. Главной их особенностью является концентрация внимания на конфликте между кандидатами – «один плохой, он против того, чтобы..., а другой хороший, он за то, чтобы...» – буквально так. В финальной части такой рекламы два портрета конкурентов с призывом голосовать за одного и забаллотировать другого. Эти ролики также очень короткие, продолжительностью до десяти секунд, не более.

На финише избирательной кампании запускаются обобщающие ролики мажорного, оптимистического содержания. В них обычно аккумулируется все, что было сказано ранее о кандидате, поэтому они легко узнаваемы. Это последняя точка, подводящая к решению о выборе.

Итак, в Америке принято создавать несколько специализированных вариантов телевизионной политической рекламы. Это дорого, но иначе избирательная кампания теряет всякий смысл. Независимо от вида, американская телевизионная политическая реклама базируется на трех основных принципах: простоте изложения, повторяемости, связанности изображения и текста. Простота обеспечивает ее понимание всеми, повторяемость способствует лучшему запоминанию, а связанность – запрограммированному «осмыслению». Продолжительность спотов на разных этапах избирательной кампании никак не регламентируется, так как многое зависит от личности кандидата. Но обычно они длятся от пяти секунд до одной минуты. Будет ли перенесен американский опыт создания телевизионной политической рекламы в нашу избирательную практику, покажет время. Во всяком случае, это сделать будет непросто, хотя бы по экономическим причинам.

6.3. Психологические характеристики политической манипуляции

Любая политическая система стремится к самоорганизации и стабильности, используя различные средства, методы, технологии. В их числе особое место занимают каналы политической коммуникации, отвечающие этой фундаментальной потребности. Политическая коммуникация – это процесс взаимодействия политических субъектов на основе обмена информацией и непосредственного общения, а также – средства и способы этого взаимодействия. Массовая коммуникация (более широкое понятие по сравнению с политической коммуникацией) осуществляется с использованием специальных средств подготовки и передачи информации. Эти средства называют СМК (средства массовой коммуникации), СМИ (средства массовой информации) или масс-медиа и используют как синонимы. Содержание этой деятельности должны составлять сбор, обработка и распространение актуальной, политически значимой информации.

Рассматривая роль массовых коммуникаций и их влияние на политические процессы, российские политические психологи и политологи отмечают, что в постиндустриальном обществе власть знаний и информации становится решающей в управлении обществом, оттесняя на второй план влияние денег и государственного принуждения. Закономерным сущностным признаком этого процесса выступает вытеснение гонки вооружения информационно интеллектуальной гонкой. Причем непосредственными носителями и особенно распространителями знаний и другой социально значимой информации являются средства массовой коммуникации. При этом политическое, государственно-административное или иное силовое принуждение все больше заменяется на информационное воздействие и психологическое принуждение.

В России реформирование общества и переход к рыночным отношениям резко активизировали информационно-коммуникативные процессы, осуществляемые опосредованно через средства массовой коммуникации и непосредственно в межличностном и личностно-групповом взаимодействии. Это стимулировало широкую распространенность и интенсивное применение манипулятивных средств и технологий воздействия на людей. Современный этап развития не только не снизил, а усилил тенденцию к использованию новейших технологий информационного воздействия манипулятивного характера на психику людей в политическом процессе.

Чтобы профессионально решать эту сложную, многоплановую и исключительно актуальную проблему, политику и политологу необходимо прежде всего разобраться в таких вопросах, как: значение контроля над информационными потоками в политической деятельности; характеристика современной информационной среды и информационно-психологического воздействия; возможности политика как коммуникатора по оказанию информационно-психологического воздействия; техника формирования доверия и предпочтения политику.

Значение контроля над информационными потоками в политической деятельности

На протяжении тысячелетий и особенно последних столетий происходила эволюция и совершенствование технологий власти и политического управления в обществе. Современные средства массовой коммуникации создали для этого принципиально новые возможности, многократно усилив эффективность использования информации в этих целях. Они произвели настоящую революцию в политических отношениях и способах политического управления в конце XX– начале XIX века.

Жизнедеятельность человека реализуется одновременно с миром природы в специфической, присущей человеческому обществу информационной среде, имеющей свои закономерности и особенности развития и функционирования. Трансформация или любые изменения информации и процессов ее функционирования в настоящее время активно используется значительной частью индивидуальных и совокупных социальных

и политических субъектов для оказания воздействия на психику людей, модификации их поведения, для психологических манипуляций личностью.

Основное внимание исследователей при рассмотрении общения, информационного взаимодействия, функционирования средств массовой коммуникации в последнее время чаще всего сосредоточивалось на разработке новых способов и форм социального взаимодействия, современных информационно-коммуникативных технологий, на их необходимости и в целом на позитивном значении и влиянии на организацию совместной деятельности, политическое и социальное управление, на развитие общества и личности.

Многочисленными исследованиями было установлено, что без постоянного информационного контакта невозможно полноценное развитие человека и нормальное функционирование социальных групп и общества в целом. При этом в тени оставался тот факт, что информационно-коммуникативные процессы могут таить в себе опасности, представляющие реальную и все возрастающую угрозу для развития личности и общества. Это отражается на всех уровнях социального взаимодействия – от межличностного общения до массовой коммуникации.

Манипулирование личностью, использование различных средств и технологий информационно-психологического воздействия на людей стало достаточно обычным явлением в повседневной жизни, экономической конкуренции и политической борьбе. Это стимулировало широкую распространенность и интенсивное применение манипулятивных средств и технологий воздействия на людей. Современный этап развития не только не снизил, а усилил тенденцию к использованию новейших технологий информационного воздействия манипулятивного характера на психику людей в политической борьбе.

Использование в информационно-коммуникативных процессах манипулятивного воздействия на различные категории граждан России достигло таких масштабов, что может представлять угрозу информационно-психологической безопасности личности и российского общества в целом.

Широкомасштабное применение манипулятивного воздействия в коммуникационных процессах дезориентирует социально активную часть населения, вызывает психоэмоциональную и социальную напряженность, что не позволяет гражданам России адекватно воспринимать социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию, деятельность субъектов политики, в том числе и высших органов государственной власти. Это в свою очередь усиливает дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации и затрудняет реформирование российского общества.

Следовательно, перед политиками объективно встает проблема усиления контроля над информационными потоками в интересах придания им конструктивной направленности.

Характеристика современной информационной среды и информационно-психологического воздействия

В настоящее время практически не подвергается сомнению тот факт, что человек для реализации своего социального поведения в обществе нуждается в

постоянном притоке информации. Постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой, в которой он действует как активный социальный субъект, является одним из важнейших условий нормальной жизнедеятельности.

Прекращение информационной связи может вызывать различные психические аномалии вплоть до психических заболеваний. На человека оказывают огромное влияние не только постоянный информационный контакт с окружающей социальной средой или его отсутствие, но и количество, объем, содержание и структура поступающей и перерабатываемой информации.

Необходимую информацию человек получает из непосредственного опыта, личного общения, а также из разнообразных источников информации (книги, радио, телевидение, журналы, газеты, различные информационные системы, а также другие источники знаково-символического характера). Причем закономерностью общественного развития является преобладание и резкое увеличение доли информации, получаемой из информационных источников, нежели из непосредственного опыта и личного общения.

Усложнение и динамичность социальных процессов в обществе, влияние происходящих общественных изменений непосредственно на повседневную жизнь человека делают его все более зависимым от потока сообщений средств массовой коммуникации. Все меньше сведений, необходимых для своего социального повеления и жизни в обществе, он может получить, основываясь только на своем повседневном опыте. Все больше необходимой социальной информации он получает из теле- и радиопрограмм, периодических изданий. Особенно ярко это проявляется в формировании мнений по вопросам, которые не находят отражения в его непосредственном опыте, например, об обстановке в других городах, регионах, странах, о политических лидерах, об экономической конъюнктуре и т. п.

Как отмечают многие исследователи, человек, его повседневная жизнь все больше зависит от массовой коммуникации, которая создает для него своего рода «вторую реальность», «субъективную реальность», влияние которой не менее значимо, чем влияние объективной реальности. Информационное воздействие на психику человека или, другими словами, информационно-психологическое воздействие оказывается на людей в течение практически всей их жизни. Этому воздействию человек подвергается в различных ситуациях. Для их обозначения возможно использовать следующие термины: «коммуникативные» или «коммуникационные ситуации», а при подчеркивании ведущей роли информационного взаимодействия мы будем называть их информационно-коммуникативными или информационно-коммуникационными ситуациями.

В данном случае мы используем в качестве основного и родового понятия – коммуникацию. Это понятие позволяет охватить все многообразие ситуаций, в которых на человека воздействует окружающая его информационная среда современного общества. Под коммуникацией в политической психологии понимается передача информации, сообщений, разнообразных сведений. Но в отличие от общения она может иметь как двухсторонний, так и односторонний

характер. Коммуникация возможна не только между людьми, но и между человеком и машиной, а также неодушевленными объектами и различными живыми организмами. Зачастую она связана с опосредованным общением, то есть с передачей информации при помощи технических устройств, в том числе средств массовой коммуникации – телевидения, радио, прессы и т. п.

По своему содержанию коммуникационный процесс представляет собой, в основном, обмен вербальной и невербальной информацией между людьми. Главной его целью должно являться обеспечение понимания информации, являющейся предметом обмена, т. е. сообщений.

В политическом управлении коммуникация рассматривается как обмен информацией между людьми с целью определения проблем и поиска решений, регуляции противоречивых взаимодействий. В коммуникационном процессе выделяются обычно четыре основных элемента: отправитель – лицо, генерирующее идеи или собирающее информацию и передающее ее; сообщение – собственно сама информация, закодированная с помощью знаков и символов; канал – средство передачи информации; получатель – лицо, которому предназначена информация и которое воспринимает и интерпретирует ее. Отправитель и получатель могут обозначаться, соответственно, как субъект и объект коммуникации. При взаимной коммуникации они одновременно выступают как субъекты и объекты коммуникации.

Коммуникативные ситуации, в которых на человека оказывается информационно-психологическое воздействие, в целях удобства дальнейшего рассмотрения и проведения нашего анализа целесообразно каким-то образом классифицировать, т. е. разделить все многообразие таких ситуаций на определенные группы. По направленности коммуникаций и соотношению их субъектов и объектов можно разделить все коммуникативные ситуации, в которых на человека оказывается информационно-психологическое воздействие, на три основные группы.

В первую группу целесообразно выделить совокупность коммуникативных ситуаций межличностного взаимодействия, т. е. таких ситуаций, в которых происходит непосредственное общение и обмен информацией, как говорят, «лицом к лицу», а также опосредованное (телефон, почта, телеграф, факсимильная связь, различные иные системы связи, в т. ч. Интернет и т. п.).

В этих ситуациях человек выступает одновременно и субъектом и объектом коммуникации, осуществляется двухсторонний коммуникационный процесс. Межличностные коммуникативные ситуации могут подразделяться по содержанию или характеру социальных связей или в соответствии с основными сферами образа жизни на следующие: общественно-политические, профессионально-деловые; социокультурные; семейно-родственные; социально-бытовые; дружеские; случайные. Возможны и другие классификации, на иных основаниях, в зависимости от поставленных целей.

В вторую группу целесообразно включать коммуникативные ситуации, в которых человек, находясь в составе определенной общности людей,

подвергается непосредственному информационно-психологическому воздействию некоторым коммуникатором – личностью или группой (оратор, президиум и т. п.). Такие ситуации можно обозначить как контакт-коммуникационные или публичные ситуации. В них осуществляется, в основном, односторонняя непосредственная коммуникация по типу «коммуникатор – общность людей». Это – ситуации проведения собраний, совещаний, митингов, зрелищных мероприятий и т. д.

В третьей группе можно объединить коммуникативные ситуации, в которых на человека осуществляется информационно-психологическое воздействие средствами массовой коммуникации. В этих ситуациях осуществляется односторонняя опосредованная коммуникация по типу «СМК (средство массовой коммуникации) – человек (аудитория)». Их можно обозначить как масс-коммуникационные ситуации. Это ситуации просмотра телепередач, прослушивания радиопрограмм, чтения газет, журналов, различных печатных изданий, взаимодействия с разнообразными информационными системами и т. п.

Массовая коммуникация осуществляется с использованием специальных средств подготовки и передачи информации. Эти средства называют СМК (средства массовой коммуникации), СМИ (средства массовой информации) или масс-медиа и используют как синонимы. Кроме этого, периодические издания в целом иногда называют журналистикой. Но обычно под журналистикой понимается литературно-публицистическая деятельность в журналах, газетах, на радио, телевидении. Содержание этой деятельности должны составлять сбор, обработка и распространение актуальной, социально значимой информации.

Признавая исключительное значение средств массовой информации (СМИ) как одного из важнейших источников информационной политики и инструментов политической борьбы и прообраза мощнейшего «информационного» оружия XXI века, российская политическая элита, политические партии и движения добиваются резкого обострения политического противостояния с целью завоевания отечественного информационного рынка, выхода за его пределы и завоевания контроля над информационными средствами. В данной ситуации проявляются новые особенности взаимодействия различных субъектов политики, властных структур, бизнеса, теневых структур со СМИ.

Они наиболее ярко прослеживаются при сопоставлении этого вопроса применительно к авторитарному и демократическому государствам.

В авторитарном государстве пресса фактически сливается с властью в прямом понимании этого слова, становится механическим проводником ее политики. Таким образом, власть, ее политика и СМИ оказываются как бы по одну сторону баррикад, а общество – по другую сторону.

В демократическом государстве СМИ призваны выражать волю не собственно власти, а народа, гражданского общества. Поскольку здесь срабатывают политические стереотипы, предполагающие противоборство двух основных «субстанций» – власти и общества, – то некогда монолитные СМИ, функционировавшие как единая система, начинают дифференцироваться, как

бы кристаллизироваться по политическим полюсам. Собственно власть оказывается в этой ситуации предметом их влияния с точки зрения того, соответствует или не соответствует она политической ориентации конкретных изданий, телекомпаний и т. д. Это приводит, с одной стороны, к противостоянию властным структурам, а с другой – к противоборству самих СМИ и, следовательно, – к их саморазрушению как некогда единой идейно-политической и организационной системы.

Конечно, борьба различных ветвей власти за государственные СМИ является естественной. Масштабы этой борьбы прямо пропорциональны объему находящейся в руках государства материально-технической базы СМИ и обратно пропорциональны уровню развития правового регулирования и культуры правоприменения в сфере массовой информации.

При всей сложности и противоречивости взаимоотношений, существующих между СМИ и властью, необходимо подчеркнуть, что в последние 4–5 лет законодательная деятельность по регулированию информационных отношений в России активно развивается. К настоящему времени принято значительное количество нормативных правовых актов. Среди них – следующие федеральные законы: «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации», «О связи», «О государственной поддержке средств массовой информации и книгоиздания Российской Федерации», «Об освещении деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации», «О государственной поддержке районных газет», «О почтовой связи», «О государственной тайне», «О рекламе», «О федеральных органах правительственной связи и информации», «Гражданский кодекс Российской Федерации» (соответствующая статья), «Уголовный кодекс Российской Федерации» (соответствующая статья), «Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации» (соответствующая статья) и др.

И все-таки сегодня, как никогда, возрастает потребность общества в реализации конституционной нормы о праве каждого «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом», что требует внесения соответствующих корректировок и в закон «О средствах массовой информации» и в закон «Об информации, информатизации и защите информации».

Международная практика свидетельствует, что почти два века ни одно из государств мира не последовало примеру Швеции и не закрепляло за своими гражданами право знать, как работает механизм государственной власти. Только в 1951 году Финляндия приняла закон об открытости государственной информации. В 1966 г. президент США Л. Джонсон подписал знаменитый Федеральный закон «О свободе информации». Затем Норвегия и Дания – 1970 г., Франция – 1978 г., Швейцария – 1993 г., Бельгия – 1994 г.

Задачи создания эффективного законодательства в информационной сфере, безусловно, коррелируют с общими задачами создания и развития российского законодательства в целом. Федеральное собрание совместно с исполнительной и судебной властями формирует план законодательных работ,

в осуществлении которого ведущую роль играет Государственная Дума, а в области информационного права, в том числе и СМИ, – Комитет по информационной политике и связи. Осуществление этого плана является по существу провозглашением государственной информационной политики. Обеспечение работы законодательства есть реализация этой политики.

Исторический опыт свидетельствует, что всегда политические субъекты предпринимали самые активные меры по осуществлению контроля за СМИ. Это пристальное внимание объясняется тем, что СМИ всегда обладали, а в эпоху информационно-технологической революции этот специфический набор средств и методов воздействия на аудиторию существенно расширяется. Для того чтобы осуществлять эффективное взаимодействие со СМИ, а когда этого требуют интересы общества и контролировать их, важно иметь о них достаточно ясное представление.

Для проведения классификации использовались различные логические основания, нравственные критерии, соотношение внушения и убеждения в процессе воздействия, источники коммуникации и информационные каналы, специфика информационно-коммуникативных ситуаций и т. д.

Чтобы лучше понять суть опасностей информационного воздействия на психику человека, осуществляемого с использованием средств массовой коммуникации, необходимо разобраться в их социально-психологической сущности и реализуемых функциях в обществе. Активизация политической деятельности также требовала развития средств массовой информации. Причем независимо от сути политической системы – и при демократии, и в тоталитарных государствах эти средства активно использовались для социального управления обществом.

Развитие науки и культуры, технического прогресса требовали и определяли актуальность регулярного и достаточно массового информационного обмена в этих областях, что способствовало развитию средств массовой коммуникации, их специализации. Поэтому закономерно, что людей, контролирующих индустрию массовой информации, вывело на уровень так называемой «четвертой власти», не требующей ни всеобщих выборов, ни утверждения правительством или парламентом.

При анализе манипулятивных возможностей средств массовой коммуникации прежде всего важно определить причины, обуславливающих их манипулятивный характер. Несмотря на некоторые различия в подходах к их трактовке у различных авторов, можно объединить эти причины в три основные группы.

Во-первых, это причины, вызванные пристрастностью и субъективизмом людей, работающих в сфере массовой коммуникации. То есть те искажения, которые вызываются их индивидуально-психологическими, личностными особенностями, политическими пристрастиями и симпатиями и т. п.

Во-вторых, это причины, вызванные политическими, социально-экономическими и организационными условиями, в которых осуществляют свою деятельность средства массовой коммуникации. Основная из них – зависимость СМИ от конкретных социальных субъектов. Она может

проявляться в двух основных формах – экономической и административной. Экономическая форма зависимости проявляется в том, что СМК в рыночных условиях работают на определенных клиентов, например, рекламодателей и других заказчиков из числа представителей крупного капитала. Административная форма зависимости проявляется в том, что СМК подчиняются своим хозяевам и учредителям.

В-третьих, это причины, обусловленные самим процессом функционирования средств массовой информации. Для того чтобы привлечь внимание и завоевать массовую аудиторию СМИ при подаче материалов и подготовки сообщений, различных программ руководствуются определенными общими правилами или принципами. При этом, как отмечает В.П. Пугачев, «взятые ими на вооружение принципы отбора материалов плохо совместимы с глубокими аналитическими сообщениями и часто препятствуют созданию информационной картины мира, более или менее адекватной реальности» (104, с. 206). Им выделяется пять таких принципов, которые в общем виде можно сформулировать следующим образом.

1. Приоритетность (действительная и мнимая) и привлекательность темы для граждан. В соответствии с этим принципом наиболее часто сообщения СМИ касаются таких, например, проблем, как угроза миру и безопасности граждан, терроризм, экологические и иные катастрофы и т. п.

2. Неординарность фактов. Это означает, что информация об экстремальных событиях – голоде, войнах, необычайно жестоких преступлениях и т. д. – доминирует над освещением явлений будничной, повседневной жизни. Этим объясняется, в частности, склонность СМИ к информации негативного характера и сенсациям.

3. Новизна фактов. Привлечь внимание населения в большей степени способны сообщения, еще не получившие широкой известности. Это могут быть новейшие данные о результатах развития экономики или численности безработных, о полете к другим планетам, о новых политических партиях и их лидерах и т. п.

4. Успех. Согласно этому принципу, в передачи и статьи попадают сообщения об успехах политических лидеров, партий или целых государств. Особое внимание уделяется победителям на выборах или в рейтинговых опросах. Культ звезд в политике, искусстве, спорте – типичное явление для СМИ в рыночном обществе.

5. Высокий общественный статус. Чем выше статус источника информации, тем значительнее считается интервью или передача, поскольку предполагается, что их популярность при прочих равных условиях прямо пропорциональна общественному положению людей, сообщающих сведения. В силу действия этого правила наиболее легкий доступ к СМИ имеют лица, занимающие высшие места в политической, военной, церковной и других иерархиях: президенты, военачальники, министры и т. д. Им посвящаются первые страницы газет и главные новости радио-и телепередач.

С одной стороны, ориентация на требования этих принципов активизирует потребности людей в социально значимой информации в

политической и социально-экономической ситуации на федеральном, региональном и местном уровнях, заставляет их стать активными потребителями информации, участниками информационно-коммуникативных процессов в нашем обществе. С другой стороны, они позволяют социальным субъектам осуществлять трансформацию и изменение информации или процессов ее функционирования для оказания воздействия на психику людей и их поведение, для психологических манипуляций и манипулятивного воздействия на личность. То есть, специфическим образом организованное изменение информационной среды выступает как своеобразное информационное оружие, которое, в частности, достаточно активно используется в политической борьбе.

Техника целенаправленного ведения массовых пропагандистских мероприятий и методов информационно-психологического воздействия на широкую аудиторию развивалась на протяжении всей истории человечества. Мощный толчок технологии влияния на массы получили благодаря распространению различных религий. Другим источником приемов и методов влияния на массовое сознание послужили усилия товаропроизводителей в условиях рыночной экономики. Современный арсенал политической рекламы мани-пулятивного характера во многом заимствован из предпринимательской деятельности, благодаря которой расширялись средства, способы и приемы психологического воздействия на массы. Огромную роль в развитии этих приемов и методов сыграло техническое развитие современных средств массовой информации, новые возможности аудио-визуальных эффектов, породившие своеобразную субкультуру образов и мифов, которые активно используются, в том числе и для эксплуатации массового сознания людей.

Представляется целесообразным выделить три основных группы факторов, определяющих подверженность человека психологическим манипуляциям и, соответственно, степень их действенности и опасности для личности.

В первую группу целесообразно выделить и условно обозначить как совокупность «технологических» факторов, т. е. непосредственно связанных с содержанием и структурой манипулятивных технологий, используемых для оказания соответствующего воздействия на человека.

Вторая группа объединяет внешние (технико-физические и т. п.) факторы информационно-коммуникативных ситуаций, повышающих или снижающих действенность манипулятивного воздействия. Например, техническое состояние информационных каналов, качество звука, изображения, комфортность обстановки, отсутствие или наличие отвлекающих воздействий и условий (снижающих внимание, ухудшающих восприятие) и т. д.

В третью группу включаются внутренние, собственно психологические факторы, определяющие подверженность человека манипулятивному воздействию. Причем их целесообразно разделить, хотя и в некоторой степени условно, на две относительно самостоятельные подгруппы.

Во-первых, так называемые ситуативные, или ситуационные факторы, связанные непосредственно с конкретной информационно-коммуникативной

ситуацией, например, психические состояния, вызванные нахождением в толпе, на митинге, различными стрессогенными факторами, участием в групповой дискуссии, переговорах, в том числе в экстремальных условиях, и т. д.

Во-вторых, внеситуативные, или внеситуационные, – устойчивые психологические характеристики, индивидуально-личностные особенности человека, влияющие на его подверженность психологическим манипуляциям, например, внушаемость, критичность, подозрительность, негативизм, недоверчивость и т. д. Выше мы уже упоминали высказывание английского исследователя Л. Фрезера, который писал, что пропаганда эксплуатирует страх, гордость, любовь, недостойные эмоции вроде жадности, а также такие, как сочувствие или самоуважение. Однако не только эмоциональная сфера психики человека является базовой мишенью пропагандистского воздействия манипулятивного характера. Существует множество возможностей влиять на сознание человека, особенно в условиях, когда он пользуется ограниченной и искаженной информацией.

Как уже отмечалось, информационная среда приобретает для человека характер второй, субъективной реальности. Ту ее часть, которая содержит информацию, неадекватно отражающую окружающий мир, и те ее характеристики и процессы, которые затрудняют или препятствуют адекватности восприятия и понимания человеком окружающего и самого себя, можно условно обозначить понятием «иллюзорная реальность». Несмотря на свою иллюзорность, и даже в силу своей иллюзорности, но в форме кажущейся реальности, она является основным внешним источником угроз информационно-психологической безопасности личности.

Следовательно, в информационной среде в причудливых сочетаниях и многообразных формах переплетены адекватная и иллюзорная субъективные реальности. Взаимодействуя и проникая друг в друга, изменяясь и развиваясь по собственным законам, они расставляют многочисленные загадки и ловушки, расшифровывать которые человеку приходится ежедневно и ежечасно, и чем дальше, тем чаще и больше, если он хочет остаться действительно полноценной и свободной личностью, а не быть послушной марионеткой в паутине психологических манипуляций.

Рассмотрим, какие могут быть источники, повышающие степень неадекватности, иллюзорности информационной среды общества. Одним из них является объективная сложность самого мира и процесса его познания, ошибки и заблуждения людей, познающих его.

В другую группу источников угроз можно объединить действия тех людей, которые, преследуя собственные цели, добиваются этого, используя различные способы информационно-психологического воздействия на других без учета их интересов, а зачастую, просто вводя в заблуждение, действуя вразрез с их интересами и нанося им ущерб. Однако при этом искусно смешивая ложь с правдой, тем самым увеличивая степень неадекватности информационной среды общества и расширяя иллюзорную субъективную реальность, субъекты манипулирования нередко сами становятся его невольными пленниками и превращаются из ее творцов в ее рабов. Как

отмечает американский психолог Эверетт Шостром, манипулируя другими людьми, манипулятор неизбежно становится объектом собственных манипуляций (135).

Участники переговоров, используя различные способы манипулирования информацией, реализуют технологию рефлексивного управления, чтобы достичь своих целей и добиться более выгодных условий для своей стороны, как правило, за счет ущемления интересов другой стороны. Причем, это происходит как в ситуациях, затрагивающих интересы отдельного человека или нескольких лиц, так и в межгосударственных отношениях, в которых ценой манипуляций выступают интересы целых народов и даже, как свидетельствует история, само их существование.

Доступ к широкомасштабному использованию новых информационных технологий и контролю за средствами массовой коммуникации многократно усиливает возможности информационно-психологического воздействия на людей посредством изменения информационной среды общества.

В связи с этим можно выделить еще три относительно самостоятельных группы источников угроз информационно-психологической безопасности личности. Так, для личности может представлять информационно-психологическую опасность деятельность различных группировок и объединений людей, в частности, некоторых политических партий, общественно-политических движений, националистических и религиозных организаций, финансово-экономических и коммерческих структур, лоббистских и мафиозных групп и т. п. Их деятельность становится опасной, когда для достижения своих целей они начинают применять различного рода средства информационно-психологического воздействия, изменяя посредством этого поведение людей таким образом, что им наносится ущерб, ущемляются их же интересы. Широко известны примеры деятельности такого рода некоторых религиозных сект, провоцирования национально-этнических конфликтов.

В качестве еще одного источника угроз информационно-психологической воздействия на личность при определенных условиях следует выделять субъектов политики, в том числе само государство, органы государственной власти и управления. Это связано с действиями политических лидеров, правящей элиты. Опасность возникает, когда они, реализуя собственные интересы, а иногда и просто амбиции, используют мощь государственного аппарата для оказания информационно-психологического воздействия на людей, маскируя свои действия и истинные цели, которые не соответствуют интересам государства, общества и населения страны.

Кроме этого, источником опасности могут быть индивидуально-психологические особенности государственных лидеров, влияющие на адекватность принятия ими важнейших государственных решений, определяющих политику государства и, соответственно, организацию и практику информационно-психологического воздействия, оказываемого на людей с использованием возможностей государственного аппарата. Так, например, в американских исследованиях выделяются семь основных

специфических реакций президентов США на стресс, которые вызывают отрицательное влияние на принятие решений:

1) фиксация внимания только на одной альтернативе, в то время как обычно президент рассматривает множество альтернатив;

2) упрощение позиции противника;

3) усталость в течение длительного периода времени, которая приводит к повышению подозрительности, враждебности, к параноидальным реакциям;

4) ограниченное время для принятия решения, способное привести к ослаблению (или потере) внимания к угрожающей ситуации, к отрицанию и недооценке будущих последствий;

5) усиление тенденции воспринимать настоящую ситуацию и исторические аналогии как подобные;

6) по мере возрастания стресса лидер с целью сохранения самооценки пытается либо выйти из ситуации, либо уменьшить для себя ответственность за нее, чтобы избежать провала; 7) стремление консультироваться только с теми, кто поддерживает его личную позицию, что ограничивает информацию, необходимую для принятия оптимального решения (135).

В качестве важнейшего источника опасностей такого рода, действующего постоянно и все более активно и мощно, следует рассматривать и геополитические, межгосударственные факторы, когда другие государства ведут массированные психологические операции против населения или отдельных социальных групп страны, избранной в качестве их «мишени» (объекта воздействия).

Таким образом, носителями основных источников информационно-психологического воздействия на человека являются:

■ субъекты государственности (в том числе иностранные, органы власти и управления и другие государственные структуры и учреждения);

■ субъекты общества (различные общественные, экономические, политические и иные организации, в том числе зарубежные; различные социальные группы – формальные и неформальные, устойчивые и случайные, большие и малые, в том числе по месту жительства, работы, учебы, службы, совместному проживанию и проведению досуга и т. п.);

■ отдельные личности (в том числе представители государственных и общественных структур, разнообразных социальных групп и т. п.).

В качестве основных средств информационно-психологического воздействия на человека они используют:

■ средства массовой коммуникации (в том числе такие информационные системы, как Интернет и т. п.);

■ литературу и искусство (различные направления так называемой массовой культуры, художественная, научно-техническая, общественно-политическая, научно-популярная, публицистическая, специальная и другая литература);

■ систему образования, воспитания, морально-психологического и психологического сопровождения;

■ личное общение (в т. ч. профессиональное, деловое, повседневное и т. п.);

■ внутренние источники или саму биосоциальную природу психики человека (особенности ее формирования, функционирования у конкретного человека, которые определяют степень восприимчивости к различным информационным воздействиям, возможностями анализа и оценки поступающей информации и т. д.).

Трансформация информационно-психологического воздействия в угрозу информационно-психологической безопасности личности может быть представлена в системном виде (см. табл. 6).

Таблица 6

Модель трансформации информационно-психологического воздействия (ИПВ) в угрозы информационно-психологической безопасности личности (ИПБЛ)

Источники информационно-психологического воздействия (ИПВ): государство – общество-личность;
Основные средства и методы воздействия: средства массовой коммуникации – литература и искусство – образование, воспитание, морально-психологическое и психологическое сопровождение – личностное общение;
Основные факторы формирования угроз информационно-психологической безопасности личности: ■ интересы, субъективность и пристрастность социальных субъектов (индивидуальных и совокупных), игнорирование интересов и прав других; ■ доступ к средствам информационно-психологического воздействия, в том числе манипулятивного характера; ■ возможности влияния на источники ИПВ; ■ психологические, личностные и индивидуальные характеристики человека
Личность как объект манипулирования, личностные мишени ИПВ: ■ Побудители активности человека: потребности, интересы, ценности. Регуляторы активности человека: социальные и групповые нормы, самооценки (в т. ч. чувство собственного достоинства, самоунижение, гордость), субъективные отношения, мировоззрение, убеждения, верования, чувства, смысловые, целевые, операциональные установки и т. д.
■ Когнитивные (информационные/ структуры (в т. ч. ин-формационно-ориентировочная основа поведения человека в целом) – знания об окружающем мире, людях и другие разнообразные сведения, которые являются информационным обеспечением активности человека. ■ Операциональный состав деятельности: способ мышления, стиль поведения и общения, привычки, умения, навыки и т.п. ■ Психические состояния: фоновые, функциональные, эмоциональные
Последствия – изменения поведения людей, приводящие: ■ ущемлению жизненно важных интересов, прав и свобод личности, психоэмоциональной и социальной напряженности в обществе, усилению дестабилизации внутрисоциальной обстановки и формированию угроз информационно-психологической безопасности личности, общества и государства

В современных условиях в информационно-коммуникативных процессах используются не просто отдельные приемы, а специальные манипулятивные технологии. Понятие «технологии» уже достаточно прочно вошло в понятийный аппарат не только технических, но и гуманитарных дисциплин. Используются понятийно-социальная технология, гуманитарная технология, историческая технология, психотехнология, психологическая и психофизиологическая технология и т. д. Социальная технология рассматривается как родовое понятие, а все остальные выступают как ее специфические разновидности или виды.

Все они, в основном, определяются по аналогии с промышленными технологиями, как совокупность приемов, методов и средств, используемых для достижения конкретных целей. В частности, как способ осуществления

деятельности на основе рационального ее расчленения на процедуры и операции с их последующей координацией и синхронизацией и выбора оптимальных средств, методов их выполнения.

Как уже отмечалось, в качестве наиболее универсальной манипулятивной технологии, которая широко и активно используется в массовых информационных процессах, в первую очередь целесообразно выделить формирование и распространение образов. Суть ее в том, что в зависимости от целей и конкретных задач формируются и распространяются заранее «сконструированные» образы или имиджи конкретных лиц, фирм и организаций, идей, программ, товаров и т. п., которые, как правило, неадекватно отражают реальные существенные их характеристики и, таким образом, дезориентируют людей, на которых направлено информационно-психологическое воздействие.

Сами манипулятивные технологии складываются из определенных сочетаний конкретных структурных элементов, по своим специфическим закономерностям. Могут быть различные сочетания этих элементов, оригинальные решения последовательности и частоты их применения в конкретных информационно-коммуникативных ситуациях.

Как показывает анализ применения манипулятивного воздействия в различных информационно-коммуникативных ситуациях, многие структурные элементы повторяются и носят достаточно общий, универсальный характер, другие более специфичны и имеют более локальную сферу применения.

В большинстве манипулятивных технологий используются как структурные «технологические» элементы определенные манипулятивные приемы, описание и систематизация которых является первоочередным и необходимым условием для разработки конкретных методик формирования защитных социально-психологических механизмов, обеспечивающих информационно-психологическую безопасность личности.

Эти манипулятивные приемы, которые выступают как структурные элементы манипулятивных технологий, одновременно для объекта воздействия – человека, прошедшего определенную подготовку по специальной методике, являются индикаторами манипулятивного воздействия, направленного на него или окружающих людей и, соответственно, сигнализируют об опасности и необходимости использования специальных защитных процедур в данной информационно-коммуникативной ситуации. Они носят вербальный и невербальный характер. В данной работе мы прежде всего акцентируем внимание на рассмотрении вербальных приемов манипулятивного воздействия.

Для обозначения способов манипулятивного воздействия и определенных их сочетаний используются различные термины. Наиболее часто употребляются такие термины, как «прием», «метод», «техника», «технология». В то же время четких критериев их разделения, за исключением, возможно, лишь технологий, в настоящее время не выработано. Можно выделить лишь определенный подход к использованию данной терминологии.

Во-первых, довольно часто эти термины используются как синонимичные понятия.

Во-вторых, отнесение к определенному термину определяется исходя из обобщенности и степени универсальности. Так, например, устойчивое сочетание нескольких приемов может обозначаться как метод или техника, а в определенных случаях и как технология. Это достаточно хорошо иллюстрируется, в частности, методом «мнимого выбора», который также можно обозначить и как технику, и как технологию мнимого выбора.

Технология будет отличаться от техники сложностью социально-организационной и пространственно-временной структуры, а также многообразием условий применения. По сути, происходит наложение данной технологии как системообразующего фактора на организацию и проведение комплексной информационно-психологической операции стратегического характера. Например, во внешнеполитической или экономической деятельности эта технология может использоваться для оказания воздействия на союзников или партнеров и конкурентов при реализации долговременной политики. То есть социальные субъекты в такой ситуации используют разнообразные сложные многошаговые процедуры организации и осуществления воздействия, направленного на скрытое принуждение объекта воздействия к выбору и принятию решения, выгодному для его инициатора.

В отдельной информационно-пропагандистской акции или мероприятии «мнимый выбор» может выступать как техника или прием. Например, коммуникатор интерпретирует или комментирует позиции двух сторон (допустим, кандидатов в избирательной кампании). Причем, делает это таким образом, чтобы сформировать более положительное отношение к одной из них и тем самым изменяет процесс свободного волеизъявления людей, входящих в аудиторию его информационно-психологического воздействия.

Сложность классификации манипулятивных способов воздействия и, соответственно, построения иерархической системы терминологии связана также с тем, что, как правило, в конкретном коммуникативном процессе используется сочетание нескольких приемов, не все из которых повторяются в различных ситуациях. Обозначение такого сочетания и его наименование дается по одному из используемых приемов, который выступает как основной в данном случае.

Таким образом, вне контекста анализа конкретного информационно-коммуникативного процесса в качестве рабочей терминологии можно использовать термин «манипулятивный прием», а при использовании его в качестве основного в сочетании с другими и определенными условиями применения – термин «манипулятивная техника».

С учетом изложенного можно, например, выделить технологию формирования доверия к коммуникатору, технологию мнимого выбора, технику слухов и т. д.

Возможности политика как коммуникатора по оказанию информационно-психологического воздействия

В связи с тем, что информация воспринимается человеком селективно (избирательно), в зависимости от имеющихся психологических установок, инициаторы информационного воздействия стремятся оказывать эффективное

влияние на массовое сознание с учетом готовности аудитории воспринять ту или иную информацию. Достаточно устоявшейся точкой зрения среди зарубежных и отечественных специалистов является тот факт, что манипулятивное воздействие на психику людей как объектов пропагандистских акций осуществляется в виде двух относительно самостоятельных этапов, дополняющих или сменяющих друг друга. Это обусловлено общей закономерностью внушающего воздействия, на основе которого прежде всего базируются манипулятивные стратегии и тактики и для которого характерно использование в процессе внушения двух основных этапов – подготовительного и основного.

В соответствии с выделенными закономерностями и соответствующими механизмами информационного воздействия, функции первого подготовительного этапа заключаются в облегчении восприятия последующих затем пропагандистских материалов. Его основное назначение заключается в создании атмосферы доверия между коммуникатором (источником информации) и аудиторией воздействия. В связи с тем, что информация воспринимается легче, если для этого создана благоприятная почва, в задачи первого этапа входит разрушение у адресата имеющихся психологических установок, барьеров к восприятию последующей информации независимо от того, покажется ли она адресату неприятной или даже чудовищной.

На втором этапе осуществляется привлечение внимания и возбуждения интереса к передаваемым сообщениям на основании не критического восприятия и усвоения аудиторией (слушателями, читателями, публикой) получаемой информации, что позволяет в значительной степени увеличить внушающий эффект воздействия информации в ущерб ее рациональной оценке. На этом этапе также активно используются техника и специальные приемы манипулятивного воздействия.

Деление на указанные выше этапы является относительно условным, и не следует это рассматривать так, что сначала идет серия информационных сообщений, решающих лишь задачи первого этапа, а затем следуют пропагандистские материалы, в соответствии со вторым этапом манипулятивного воздействия. Задачи первого и второго этапов психологического воздействия решаются постоянно в процессе практически всех осуществляемых пропагандистских акций. В определенные периоды времени может осуществляться лишь некоторое преобладание в сообщениях материалов, свойственных для одного из данных этапов, что соответствует решаемым задачам в конкретный период времени (например, укрепление доверия к источнику или доведение нужной информации в соответствующей форме).

Субъект политики как коммуникатор по сравнению с аудиторией обладает заведомым преимуществом. Могущество современного коммуникатора – в его комплексности, системности, масштабности и целенаправленности, что связано со следующими причинами. Во-первых, информационные сообщения готовятся специалистами, прошедшими соответствующую подготовку и ориентирующимися на особенности

восприятия той или иной информации. Использование определенных механизмов психики людей позволяет во многом предвосхитить необходимую реакцию аудитории. Во-вторых, время сообщения информации, канал ее распространения и другие особенности «доставки» адресату не являются случайными, а диктуются определенным расчетом, который осуществляется соответствующими специалистами. В-третьих, политик готовится к общению, чтобы вызвать у аудитории симпатию, желание слушать (смотреть, читать) именно его, а не другого человека. Таким образом, решается задача привязки аудитории к эмоционально близкому, персонифицированному источнику информации. В-четвертых, существует масса эффектов и приемов (начиная от подпорогового влияния на психику и кончая эксплуатацией базовых потребностей индивида), использование которых притягивает человека к коммуникатору, заставляет принять его информацию.

Самым главным обстоятельством и характеристикой манипулятивного информирования является то, что, предлагая аудитории вынести свое собственное суждение, политик создает лишь иллюзию независимости, объективности, возможности выбора из различных точек зрения и опоры на мнение аудитории. Мнение аудитории, у которой возникает негативная ответная реакция на определенную информацию, не распространяется на всю аудиторию воздействия. Массовая аудитория территориально разобщена, и люди, потребляя информацию, находятся если не в одиночестве, то, по крайней мере, в малых группах и имеют возможность возразить разве что друг перед другом. Публичное выражение своего протеста в отношении текущей информации нереально, а именно она становится постоянно действующим инструментом манипулятивного влияния на людей, которые при современной системе информирования обречены на пассивность и существование лишь в качестве объекта воздействия.

В тех случаях, когда невыгодное коммуникатору мнение доминирует, задача манипулятивного информирования сводится к коррекции, изменению умонастроений масс. Демонстрация подтасованных результатов опросов, «фильтрация» звонков в студию, организация «мнения общественности» через подставных лиц и многие другие приемы направлены на то, чтобы у человека, имеющего иное мнение, сформировать психологическую установку «белой вороны» – оказывается, другие, и их много, думают иначе. Порой несогласие и инакомыслие сознательно или случайно допускается, например, озвучивается возмущенный телефонный звонок или публикуется протест. Этот момент тоже обыгрывается, подчеркиваются достоинства данного источника информации, который показывает весь спектр мнений и точек зрения по различным вопросам.

Техника формирования доверия и предпочтения политику

Значительная часть пропагандистских приемов, разнообразных методов манипулятивного воздействия на психику и поведение людей основаны на использовании различных закономерностей восприятия, мышления, эмоциональной сферы человека. В этих целях проведено огромное количество исследований, в результате которых по вопросам психологии и

функционирования средств массовой информации опубликовано множество работ.

В последнее время технологии и приемы информационно-психологического воздействия на массовое сознание получили дальнейшее развитие в практике функционирования российских СМИ. Появление многочисленных печатных и электронных СМИ определило тактику первоначального этапа их функционирования, которая строилась на активном использовании техники формирования доверия и привязанности к коммуникатору. Одним из приемов, который применяется для создания подобного доверия, является формирование имиджа «особой осведомленности». Установлено, что предпочтение к источнику информации, вызывающему доверие аудитории, прямо связано с его достоверностью и осведомленностью. Интерес и, как следствие этого, доброжелательность к коммуникатору чаще возникают в той группе слушателей или читателей, которая добровольно обращается к определенному источнику информации, особенно когда благодаря ему можно почерпнуть что-либо новое, неизвестное, или, что еще значимее, – закрытое для широкой огласки. Преодоление цензуры и запрета на какую-либо информацию играет роль своеобразного катализатора интереса к ней массовой аудитории.

Перефразируя известное выражение, можно сказать, что все тайное особенно привлекает в тот момент, когда становится явным. Интерес к ранее закрытой информации может пропасть достаточно быстро, но в момент опубликования новость носит элемент сенсации, а потому практически всегда привлекательна и широко тиражируема. Политики, утаивая что-либо от истории, оставляют тлеющий пороховой заряд, воспламенение которого отсрочено, но может произойти с течением времени. К наиболее ярким примерам подобного плана в последние годы можно отнести публикаций начала девяностых годов в журнале «Огонек» серии статей о Н. Бухарине или гибели Л. Троцкого, начала 2000 года – сенсационные сообщения об утечке национальных богатств за рубеж, правозапретных обогащениях магнатов и олигархов России, кремлевских интригах и т. п.

Развитию и поддержанию привязанности к коммуникатору на основании имиджа особой осведомленности способствует использование таких приемов, как «псевдообъективность» и так называемый «альтернативный голос». Необходимый эффект в данном случае создается, в частности, передачей сообщений о текущих событиях, замалчиваемых в силу различных причин официальными представителями государственных инстанций или представляющих информацию о каких-либо фактах и событиях в усеченном виде. Атрибутами такой информации, как правило, служат ссылки на «информированные источники», «собственные источники в правительстве», «источники, пожелавшие остаться неизвестными» и т. п. При этом может осуществляться цитирование документов, оценок экспертов, свидетельских отчетов и других материалов, которые необходимы для большей убедительности. К весьма распространенным приемам манипулятивного воздействия, построенного на эксплуатации интереса к конфиденциальной

информации, относится организация «утечек информации» из правительственных или иных кругов.

Доверие аудитории (слушателей или читателей) к коммуникатору заключается в укреплении его авторитета, популярности и может создаваться передачей достоверных сведений, точность которых заранее известна слушателям или читателям и может быть легко ими проверена. К категории такой «убеждающей информации» относятся, в частности, фактические данные. Например, имена, названия улиц, номера домов, огромное количество деталей, являющихся достоверными, в которые как бы «упаковываются» информационные сообщения. Так, радиостанции, занимающиеся «серой» (распространение не полностью достоверной информации) и «черной» (распространение ложной информации) пропагандой, используют телефонные книги для того, чтобы упомянуть в передачах реальные фамилии граждан.

Так называемой «серой пропагандой» активно используется прием, который заключается в смешивании достоверной информации с фабрикуемой и известный под названием полуправды. В годы Второй мировой войны радиостанция, созданная англичанами, настолько искусно смешивала достоверную информацию, получаемую из разведывательных источников, с пропагандой и окопной бранью, что немецкие солдаты, на которых велось вещание, считали эти передачи нелегальным выходом в эфир разочаровавшихся в фашизме соратников.

Использование достоверных данных в объеме, который может меняться по мере выполнения поставленных задач, снимает у слушателей предвзятость к данному источнику информации. Настороженность постепенно разрушается достоверными сведениями, сообщением фактических данных, явно правдивых и в то же время нейтральных. Происходит снятие психологического барьера недоверия, который является одним из естественных способов психологической защиты личности от манипулятивного воздействия со стороны незнакомых (не известных ранее) источников информации.

Формируя имидж объективности, независимости или альтернативности источника информации, официальные СМИ должны позаботиться, чтобы в сообщения включались элементы самокритики. Это известное правило пропаганды звучит следующим образом: чтобы похвала была убедительной, добавьте в нее немного критики, а если критикуете, необходимо чуть-чуть похвалить. Использование дозировки положительных и отрицательных моментов в сообщениях (для укрепления «имиджа» объективности) позволяет подготовить сообщение с выгодной коммуникатору направленностью, осуществляя дискредитацию конкретных лиц, каких-либо мероприятий и т. п.

Изложенное выше относится к правилам, которых придерживаются при формировании доверия к источнику информации. Согласно этим правилам, следует сообщать реальные факты, если нет острой необходимости замалчивать или видоизменять их. В случаях, когда аудитория выявляет в информации ложь или передержки, влияние коммуникатора на объекты пропагандистского воздействия существенно ослабевает. Закрепление доверия и привыкание к обращению к одному и тому же источнику информации не будут достаточно

эффективными, если не будут опираться на эксплуатацию базовых потребностей человека, осуществляемых через СМИ. К одной из таких потребностей, по мнению ученых, следует относить коммуникативную потребность человека. Актуализация этой потребности связывается специалистами с использованием в СМИ техники оперативного информирования. В современном мире зависимость человека от информации (если только он не изолирован от общества) чрезвычайно велика. Осведомленность, базирующаяся на оперативности в получении значимой для человека информации, дает преимущество в предпринимательстве, политике, науке и других областях человеческой деятельности. Для обывателя осведомленность связана с реализацией утилитарных потребностей: узнав что-либо быстрее других, он на время оказывается в центре внимания менее информированных людей. Значение оперативности при формировании доверия к источнику информации основывается на том, что человек, получивший какую-либо информацию раньше другого, подсознательно ощущает себя более значимым, хотя зачастую практической пользы из полученной информации он не извлекает.

Источник информации, первым сообщаящий о значимых событиях, становится более привлекательным для аудитории, чем другие. Это способствует формированию и закреплению предпочтения к данному источнику информации на будущее, по сравнению с теми, кто действует менее оперативно. Таким образом, на первый взгляд технический вопрос о скорости передачи сообщения перерастает в стратегический при проведении психологических операций. В связи с этим коммуникаторы стремятся не просто к оперативности, а к сверхоперативности. С помощью специальных групп журналистами организуются прямые репортажи с места происходящих событий, куда они стремятся попасть, что называется, всеми правдами и неправдами. При этом они стараются во что бы то ни стало опередить официальные источники информации. Ущербность сверхоперативности – в приоритете факта передачи информации над оценкой ее содержания и социальных последствий. Одно дело что-то передать или показать, другое – достоверно объяснить, что происходит или «просчитать» последствия передаваемой информации. Опережение официальных, других конкурирующих, источников информации создает ореол осведомленности, хотя информация может в значительной степени фабриковаться (конструироваться) на основе, мягко говоря, не вполне достоверных материалов и сомнительных источников.

Эффекту сверхоперативности сопутствует такой прием, как придание сообщению видимости сенсационности, то есть необычности, неординарности происходящего, причем даже в тех случаях, когда этого на самом деле нет. Информация, которая в той или иной форме освещается СМИ, превращается манипулятором в значительную помещением ее перед другими сообщениями, путем выделения ее с помощью интонации, мимики, жестикуляции, внешнего антуража, других невербальных компонентов общения и пара-лингвистических средств. При этом создается ощущение необычайной важности передаваемой

информации, сообщения, содержания телешоу. Сенсационность необходима прежде всего для того, чтобы привлечь внимание и расширить аудиторию воздействия распространяемой информации.

Своеобразной трансформацией сенсационности и тяготения человека к познанию скрытых, тайных сторон жизни является использование приема затрагивания запретных или нежелательных тем, которые не находят отражения в официальных источниках информации. Это может быть, в частности, информация, связанная с негативно воспринимаемыми аудиторией моментами частной жизни политических деятелей, должностных лиц, звезд эстрады, романтизацией различных форм насилия, эксплуатацией интереса к половым извращениям и т. п. С одной стороны, подобная практика поддерживает весьма привлекательную идею свободы информации, свидетельствует о возможности говорить практически обо всем, с другой стороны, она же способствует распространению форм поведения, от которых общество в конце концов страдает. То есть определенным образом программируется поведение аудитории, особенно молодежи, сознание которой только формируется.

Так как человек не может не беспокоиться относительно своего будущего (хотя бы неосознанно), среди приемов завоевания доверия заметное место занимает предсказание событий, то есть сообщения о тех событиях, которые могут случиться, и об этом извещают заранее. Религиозные секты пугают концом света, а опытные манипуляторы сообщают о том, что точно знают наперед. Используя этот прием, — специалисты иногда обозначают его как «голос пророка», — можно существенно повысить степень доверия к источнику информации. Коммуникатор, применяя данный прием, может ссылаться на события, которые он якобы предсказал заранее и которые получили развитие, схожее с «предсказанным» в силу объективных условий либо в силу случайности. Профессиональные предсказатели и гадалки часто стремятся дать информацию в общем виде, позволяющем независимо от развития событий впоследствии трактовать ее в выгодном для себя плане. Известно, что чем более нестабильна ситуация в обществе, тем больший спрос на прорицателей. Материалы СМИ, отобранные в качестве иллюстрации верных прогнозов, зачастую лишь плод проведенной селекции — из всего многообразия предварительных версий о возможных событиях отбирается только та, которая оказалась ближе к реальности, об остальных просто не вспоминают.

Доверие создается также более оперативной информацией о текущих событиях, изменениях обстановки, с преобладанием тематики, не находящей освещения в других источниках. Сообщения по таким темам стараются сделать просто и убедительно. Если информация по освещаемым темам не поддается перепроверке, то ее истинность (достоверность) в данном случае не обязательна, сообщение должно лишь вызывать планируемый эффект.

Таким образом, современные политики, используя различные возможности, в том числе СМК и СМИ, обладают большими возможностями для информационно-психологического воздействия на аудиторию и манипулирования ею. Это объясняется, с одной стороны, особенностями

человеческого восприятия, с другой стороны – применением психологических технологий при передаче информации. Причем, независимо от сути политической системы – и при демократии, и в тоталитарных государствах, эти средства активно использовались для управления обществом.

Манипулятивные возможности субъектов политики достаточно хорошо известны исследователям и специалистам в области рекламы и имиджмейкинга, психологам и др. Среди них особое место занимают СМИ, которые становятся звеном технологий завоевания и удержания власти.

6.4. Информационно-психологическая безопасность в политических отношениях

Сама логика общественного развития выдвигает проблемы информационно-психологической безопасности в число первоочередных. Это обусловлено тем, что без их решения невозможно дальнейшее устойчивое общественное развитие и обеспечение безопасности личности, общества и государства в политической, экономической, социальной, духовной, военной и других областях.

Современное понимание безопасности в контексте учета оптимального соотношения интересов личности, общества и государства выдвигает задачу рассмотрения нового аспекта этой проблемы – информационно-психологической безопасности в политике. Выделение информационно-психологической безопасности в этой сфере в качестве самостоятельного предмета теории и социальной практики связано также с тем, что процессы и технология воздействия информационной среды на духовную сферу обладают качественной спецификой, которая определяет необходимость рассмотрения этой проблематики в концептуальном, методологическом и практическом плане.

Содержание понятия «информационно-психологическая безопасность» в общем виде можно обозначить как состояние защищенности индивидуальной, групповой и общественной психологии и, соответственно, социальных субъектов различных уровней общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные социальные процессы. Иными словами, речь идет о таких социальных процессах, которые затрудняют или препятствуют оптимальному функционированию государственных и социальных институтов российского общества и человека как полноправного и свободного гражданина.

Масштабность и мощность воздействия информационных факторов на психику людей выдвигает задачу обеспечения информационно-психологической безопасности в современных условиях на уровень общенациональной проблемы. Несмотря на большое разнообразие объектов обеспечения информационно-психологической безопасности, в качестве которых выступают социальные субъекты различного уровня общности, масштаба, системно-структурной и функциональной организации, основным и далее не разложимым структурным элементом и центральным объектом информационного воздействия, как уже отмечалось, является человек, как индивид, личность, субъект деятельности и индивидуальность.

Именно человек и его психика подвержены непосредственному воздействию информационных факторов, которые, трансформируясь через его поведение, действия (или бездействие), оказывают актуализирующее или дисфункциональное влияние на социальные субъекты разного уровня общности, различной системно-структурной и функциональной организации. При этом не столь важно, какая у него социальная роль – политик ли он или избиратель.

Таким образом, проблема информационно-психологической безопасности личности в рамках политических отношений, ее психологической защищенности и способов формирования психологической защиты в условиях кардинальных изменений российского общества становится особенно актуальной как в теоретическом, так и в прикладном плане.

Информационно-психологическую безопасность личности можно рассматривать как состояние защищенности ее психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека (и в целом, жизнедеятельности в обществе), а также адекватной системы его субъективных (личностных, субъективно-личностных) отношений к окружающему миру и самому себе.

Полноценное развитие человека, свободное волеизъявление гражданина и защита его жизненно важных интересов, прав и свобод должны не только быть первостепенными задачами государства, закрепленными Конституцией и законами Российской Федерации, но в первую очередь выступать как важнейшие и необходимые условия демократического развития и прогрессивных социальных изменений, формирования и укрепления гражданского общества.

Рассматривая информационно-психологическую безопасность личности как понятие, требующее операционализации для использования в регулировании, в том числе правового, общественных отношений в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства, можно использовать следующее рабочее определение. Информационно-психологическая

безопасность личности это состояние защищенности ее жизненно важных интересов от угроз, связанных с воздействием информационных факторов на психику человека.

Выделение информационно-психологической безопасности человека из общей проблематики безопасности определяется следующими причинами.

Во-первых, в связи с переходом к информационному обществу (информационной цивилизации), увеличением масштабов и усложнением содержания и структуры информационных потоков и всей информационной среды многократно усиливается ее влияние на психику человека, а темпы этого влияния стремительно возрастают. Это определяет необходимость формирования новых механизмов и средств выживания человека как личности и активного социального субъекта в современном обществе.

Во-вторых, взаимодействие психики человека с информационной средой отличается качественной спецификой и не имеет адекватных аналогов в информационном взаимодействии других биологических структур, технических, социальных и социотехнических систем.

В-третьих, основной и центральной «мишенью» информационного воздействия является человек, его психика. Именно от отдельных личностей, их взаимосвязей и отношений зависит нормальное функционирование социальных субъектов различного уровня сложности, любых общностей и социальных организаций – от малой группы до населения страны в целом.

Общим источником внешних угроз информационно-психологической безопасности личности является та часть информационной среды общества, которая в силу различных причин неадекватно отражает окружающий человека мир. То есть информация, которая вводит людей в заблуждение, в мир иллюзий, не позволяет адекватно воспринимать окружающее и самого себя. Следовательно, для успешного решения этой задачи важно обеспечить научное понимание актуальной проблемы, а также подготовку человека, в том числе субъекта политики, к обеспечению собственной безопасности. Для этого требуется знание таких вопросов, как: сущности тайного принуждения, раскрываемой через основные понятия; психологии манипуляций как основной угрозы информационно-психологической безопасности в политике; комплексных технологий тайного принуждения личности; основ психологической защиты от информационно-психологического манипулятивного воздействия.

Сущность тайного принуждения, раскрываемая через основные понятия

Содержание понятий, используемых для обозначения способов и проявлений тайного принуждения в политических отношениях, можно разделить на три основные группы: понятия, в основном сформировавшиеся и используемые в повседневном языке; понятия, используемые в практике социального управления; понятия, употребляемые в научных исследованиях.

Вполне очевидно, что некоторые из понятий могут использоваться в различных областях и таким образом как бы включаться в разные группы. То есть в этом разделении есть определенная мера условности. Такое деление, с одной стороны, отражает динамизм и развитие понятийного аппарата, а с другой – многообразие и сложность такого социально-психологического феномена, как скрытое психологическое принуждение в политических отношениях.

К первой группе понятий, сформировавшихся и используемых в повседневном языке, можно отнести следующие: афера, махинация, мошенничество, блеф, интрига, жульничество, плутовство, манипуляция, обман и т. п. Кратко рассмотрим, как раскрывается в словарях содержание этих понятий, какие характеристики отражают их сущность.

Афера (фр. «дело») – жульническое предприятие; мошенничество; сомнительная сделка; недобросовестное, противозаконное или сомнительное с точки зрения законности предприятие, темное дело, махинация.

Блеф (англ., первоначально название приема в карточной игре в покер, когда игрок, имеющий плохие карты, действует так, чтобы соперники сочли его карты выигрышными). В переносном значении: выдумка, обман, имеющий целью запугать, внушить преувеличенное представление о себе; выдумка, обман из хвастовства или рассчитанный на запугивание, введение в заблуждение кого-либо; выдумка, ложь с целью запугать или внушить другому преувеличенное представление о чем-либо.

Жульничество – плутовство, мошенничество. Жульничать – прибегать к недобросовестным, мошенническим приемам; плутовать.

Плутовство – нечестный, мошеннический поступок, обман.

Обман – слова, поступки, действия и т. п., намеренно вводящие других в заблуждение.

Интрига – проiski, скрытые действия, обычно неблагоприятные для достижения чего-либо; неблагоприятные действия для достижения какой-либо цели; коварные, скрытые действия, направленные против кого-либо; скрытые действия неблагоприятного характера для достижения какой-либо цели; проiski, козни. В литературе интрига означает схему развития событий, раскрывающую борьбу действующих лиц между собой в драматическом или эпическом произведении.

Манипуляция (от лат. горсть, пер. зн.) – махинация, мошенническая ловкая проделка.

Махинация (от лат. хитрость, уловка) – недобросовестный способ достижения цели; нечестная, хитрая проделка».

Мошенничество – 1. Поведение, образ действий мошенника; жульничество, плутовство (мошенник – нечестный человек, плут, жулик, обманщик). 2. Лишение индивидуума части его достояния путем обмана, заставив действовать во вред себе. 3. Преступление, заключающееся в завладении чужим имуществом или правом на него, а также в получении иных благ путем обмана или злоупотребления доверием. 4. (в амер. законодательстве) Преднамеренное искажение правды, с тем, чтобы, используя ложную версию или обман или злоупотребляя доверием, завладеть ценным имуществом индивидуума или организации.

Хитрость – 1. Свойство по значению прилагательного хитрый – хитрость ума; хитрость механизма. 2. Притворство с каким-либо умыслом. 3. Изобретательность, мастерство, искусность в чем-либо. 4. Что-либо неясное, непонятное, скрытый смысл чего-либо.

Хитрый. 1. Скрывающий свои истинные намерения, идущий непрямыми, обманными путями к достижению чего-либо; лукавый. 2. Изобретательный, искусный в чем-либо. 3. Искусно, затейливо сделанный, выполненный. 4. Непростой, мудреный, замысловатый. Требующий особой проницательности, смекалки, сообразительности.

Анализ содержания понятий, выделенных в первую группу, позволяет сделать ряд следующих выводов, представляющих интерес для достижения информационно-психологической безопасности в политических отношениях. При раскрытии содержания в описании данных понятий используется ряд

общих признаков, выступающих в качестве основных их характеристик. Зачастую это приводит к тому, что значение одного из них определяется через значение другого. Так, например, манипуляция определяется как махинация, жульничество как плутовство и мошенничество и т. п.

У данных понятий можно выделить ряд общих и специфических характеристик. Для нашего исследования наибольший интерес представляют общие характеристики данных понятий, составляющие основное значение, в качестве которых в первую очередь целесообразно отметить следующие: сокрытие истинных целей действий, суть которых заключается, как правило, в получении односторонней или большей выгоды для инициатора этих действий; использование приемов, маскирующих истинные цели и побуждающих совершать действия, выгодные для инициатора их применения; опасность для окружающих действий, обозначаемых данными понятиями, которая выражается в общей негативной моральной оценке или как неодобряемого поведения лиц, применяющих такие действия (аферист, мошенник, жулик, плут, манипулятор, махинатор, обманщик и т. п.).

Степень неодобрения и порицания различна. От слабо выраженной, как в хитрости и плутовстве, до наиболее высокой, превращающей ее в уголовно наказуемое общественно опасное деяние, как, например, мошенничество, имеющее квалификацию преступления с соответствующим составом и мерой пресечения.

В специфических характеристиках отражаются особенности условий использования (афера – дело, предприятие), сфера применения (мошенничество – получение имущественной или иной, преимущественно материальной, выгоды), основные приемы (блеф), механизмы (интрига) и т. п.

Ко второй группе можно отнести следующие понятия, которые сформировались и, в основном, используются применительно к деятельности в сфере социального управления: «макиавеллизм», стратагемы и стратагемная политика, политические интриги и мистификации, психологические и тайные операции, пропаганда и психологическая война, политические игры и недобросовестная реклама (политическая и коммерческая), дезинформация, оперативные игры и т. д.

Рассматривая эту группу понятий, можно отметить следующие характерные особенности. В понятиях этой группы, как и в предыдущей, содержатся основные характеристики, отражающие сущность скрытого принуждения людей: сокрытие истинных целей действий, суть которых заключается, как правило, в получении односторонней или большей выгоды для инициатора этих действий; использование приемов, маскирующих истинные цели и побуждающих совершать действия, выгодные для инициатора их применения; опасность для окружающих действий, обозначаемых данными понятиями, которая отражается в их общей морально негативной оценке.

В то же время следует отметить, что происходит определенная трансформация моральной оценки способов тайного принуждения, используемых в сфере социального управления. Моральное неодобрение их

использования способствует появлению такого приема, как публичное обвинение оппонентов в их применении и, таким образом, в нарушении якобы общепринятой этики социального взаимодействия. В действительности же использование таких способов в международных отношениях, политической и экономической борьбе, противоборстве спецслужб, военном искусстве и дипломатии является правилом и, соответственно, влияет на моральную оценку.

Таким образом, наряду с общей публичной морально негативной оценкой использования этих способов, в указанных сферах социального взаимодействия оценка их применения определяется такими двумя основными принципами, как «цель оправдывает средства» и «двойной стандарт». Иными словами, применение способов тайного принуждения с собственной стороны оправдано и морально допустимо, а с противоположной – нет, так как цели оппонентов якобы не являются такими высокими и полезными, как свои собственные. Достижение собственных целей определяет допустимость применения любых способов и средств.

Политические и оперативные игры, специальные и тайные операции, психологические операции и психологическая война, пропагандистские и рекламные кампании являются понятиями, отражающими устойчивые организационные формы целенаправленного комплексного применения различных способов и средств скрытого принуждения людей.

Об их «узаконенном» характере как определенных норм социального взаимодействия могут, в частности, свидетельствовать следующие факты. Данные понятия введены в официальное употребление, и их содержание раскрывается в соответствующих нормативных и методических материалах и литературных источниках. Так, например, в американском законодательстве приводятся следующие определения тайных операций и психологической войны.

Тайная операция – 1. Деятельность по сбору разведывательной, контрразведывательной и другой информации, тайная политическая или экономическая пропаганда и полувоенная деятельность, проводимая такими способами, которые обеспечивают секретность операций. 2. Операции, планируемые против иностранных правительств, учреждений и лиц таким образом, чтобы скрыть подлинных организаторов или позволить им в случае провала отрицать причастность к данным операциям. 3. Операция негласного расследования, в которой используется секретный агент.

Психологическая война – планомерное проведение пропагандистских и других психологических операций для оказания влияния на мнения, чувства и поведение иностранных группировок в целях достижения задач национальной политики государства.

В то же время, опираясь на данные иностранных источников, следует сразу же отметить, что объектами психологических операций, проводимыми зарубежными государствами, выступают не только иностранные группировки, но и определенные социальные группы и организации как других стран

(враждебных и дружественных), так и своей собственной страны, а также ее население в целом.

Технология проведения психологических операций на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях детально описана в нормативных документах и методических материалах вооруженных сил США и ряда других стран. Цели, задачи и способы, методика, уровни организации и осуществления психологических операций, в частности, изложены в принятых во второй половине восьмидесятых годов нормативных документах, регламентирующих действия армии США в этой сфере.

Об активизации использования тайных операций и информационно-психологических акций свидетельствует, в частности, позиция американских законодателей.

В 1991 году в США внесены дополнения в принятый в 1947 году закон «О национальной безопасности», которым за правительством США официально закреплено право осуществлять тайные операции, т. е. такие действия по оказанию влияния на политическую, экономическую или военную обстановку за рубежом, при осуществлении которых предполагается, что роль руководства и государственных органов Соединенных Штатов не будет очевидной или публично признанной.

В этом плане достаточно показательными являются высказывания председателя комитета по разведке палаты представителей конгресса США П. Гооса, который, выступая перед американскими журналистами в мае 1998 года, отмечал необходимость повышения эффективности тайных операций. Тайные операции ближайшего времени, как считает П. Гоос, который в прошлом был оперативным работником ЦРУ, вероятно, будут включать элементы психологической войны, а также более активное использование информационного оружия.

Комплексное использование различных способов скрытого психологического принуждения людей в виде системы психологических операций и разнообразных пропагандистских акций и рекламных кампаний выступает как распространенное средство политической борьбы не только во внешнеполитической деятельности и в условиях международных конфликтов, но и как присущее внутривнутриполитической деятельности. И в этом состоит еще одна его характерная особенность.

Так, например, рассматривая психологическую войну в широком смысле, как целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами пропаганды и других средств (дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и в итоге на поведение противника с целью заставить его действовать в угодных им направлениях, современные российские политологи отмечают, что, будучи компонентом системы политических отношений, психологическая война присутствует в различных измерениях этой системы не только как внешняя, но и как внутренняя политика.

Во внутренней политике психологическая война обычно ограничивается пропагандистским противостоянием политических оппонентов, хотя может приобретать в отдельных случаях и более сложный комплексный характер. Внутриполитическими примерами психологической войны являются пропагандистские столкновения в ходе любой предвыборной кампании или борьбы за власть.

Здесь психологическая война выступает в качестве действий, направленных на ослабление морального духа политических оппонентов, на подрыв авторитета их руководителей, на дискредитацию их действий, в конечном счете на оказание давления на взгляды отдельных людей и общественное мнение в целом для достижения конкретных целей.

В последнее время для обозначения такого рода действий активно используется понятие «информационная война». В то же время следует отметить, что информационная война – это более широкое и емкое понятие, охватывающее широкий спектр действий в информационной сфере.

Продолжая рассмотрение понятий данной группы, можно выделить еще некоторые характерные особенности и различия в их значении.

Во-первых, выделяется ряд понятий, отражающих общий подход к использованию способов скрытого принуждения людей. К ним, в частности, относятся такие понятия, как макиавеллизм и стратагемная политика.

Под макиавеллизмом (от имени Н. Макиавелли) понимается образ политической деятельности, не пренебрегающей любыми средствами ради достижения поставленной цели.

Суть стратагемной политики заключается в том, что она обеспечивает реализацию подготовленной стратагемы, используя при этом средства и методы не из норм и обычаев международного права, а из теории

военного искусства, и основывается на принципе «цель оправдывает средства». Содержательная модель стратагемы является «синтезом результата в оценки ситуации и специфического приема, выработанного теорией для аналогичной обстановки». Стратагема, в частности внешнеполитическая, в интерпретации специалистов – это, как правило, хорошо разработанный стратегический план, нацеленный на решение одной или нескольких важнейших стратегических задач внешней политики государства и предусматривающий использование обманных действий (хитростей, ловушек), которые вводят противника в заблуждение относительно истинных целей и побуждают его действовать определенным образом, выгодном для противоположной стороны.

Во-вторых, можно выделить ряд понятий, отражающих определенные способы, общие механизмы и обобщенные схемы процесса скрытого принуждения людей. К ним, в частности, можно отнести следующие понятия: дезинформирование, блеф в политике, манипулирование в политике, политическая интрига, пропаганда и агитация, недобросовестная реклама и т. п. Для иллюстрации этого положения рассмотрим кратко содержание некоторых из этих понятий.

Агитация (лат. *agitatio* – приведение в движение) – пропагандистская деятельность с целью побуждения к политической активности отдельных групп или широких масс населения. Отличается разнообразием устных, печатных и аудиовизуальных средств и является распространенным инструментом политической борьбы.

Пропаганда (лат. *propaganda* – подлежащее распространению) – деятельность, устная или с помощью средств массовой информации, осуществляющая популяризацию и распространение идей в общественном сознании.

Понятие «пропаганда» было введено в 1662 г. Папой XV, образовавшим особую конгрегацию, задачей которой было распространение веры с помощью миссионерской деятельности.

Под политической пропагандой понимается систематически осуществляемые усилия повлиять на сознание индивидов, групп, общества для достижения определенного, заранее намеченного результата в области политического действия.

Кроме этих значений в понятие «пропаганда» в большинстве случаев вкладывается негативный смысл. Для иллюстрации этого положения приведем ряд определений пропаганды, сформулированных зарубежными авторами. Многие зарубежные специалисты по сути дела открыто признают, что пропаганда является средством обмана, информационно-психологического насилия над личностью и контроля ее поведения. Об этом, в частности, свидетельствуют даваемые ими и приведенные ниже некоторые определения.

Наиболее характерным и отражающим сущность пропаганды является определение английского теоретика Л. Фрезера, который полагает, что «пропаганду можно определить как искусство принуждения людей делать то, чего бы они не делали, если бы располагали всеми относящимися к ситуации данными» (145, с. 320).

Известный американский исследователь средств массовой информации Н. Лассуэлл подчеркивал, что не цель, а метод отличает управление людьми с помощью пропаганды от управления ими при помощи насилия, бойкота, подкупа или других средств социального контроля (147).

Практически не изменилось понимание пропаганды, сущность которой, по мнению американских психологов, высказанному еще более полувека назад, состоит в том, что под ее влиянием каждый индивид ведет себя так, как если бы его поведение вытекало из его собственных решений. Точно так же можно манипулировать поведением группы людей, причем каждый член такой группы будет считать, что поступает по собственному разумению. В те же годы американскими социальными психологами совершенно открыто утверждалось, что пропаганда является «частью более широкого процесса создания легенд и мифов.

Дезинформирование – 1. Мероприятие, рассчитанное на введение в заблуждение лиц или организаций путем подтасовки и подделки документальных доказательств с тем, чтобы вызвать ответное действие со

стороны лиц или организаций, компрометирующее ее. 2. Сообщение неверных сведений, введение в заблуждение ложной информацией.

Манипуляция (от фр. *manipulation*) – в политике рассматривается в следующих двух основных значениях: 1) махинация; 2) система психологического воздействия, ориентированная на внедрение иллюзорных представлений.

Кроме рассмотренных выше, во второй группе, выделяется ряд понятий, отражающих устойчивые организационные формы комплексного использования способов скрытого принуждения людей. К ним, в частности, можно отнести следующие понятия: «политические игры», «оперативные игры», «лоббирование», «психологические операции», «тайные операции», «специальные операции».

Среди указанных организационных форм комплексного использования способов скрытого принуждения людей можно выделить две основные категории. К первой относятся те из них, которые имеют специфическую сферу применения, ограниченный круг объектов воздействия и не затрагивают непосредственно в массовом порядке значительные группы населения. Это, в частности, оперативные игры, специальные и тайные операции. К этой категории можно также отнести некоторые кризисные технологии, политические игры и лоббирование в случаях, когда они не входят в качестве составных компонентов более крупномасштабных организационных форм тайного принуждения людей, например, информационно-психологических операций. Такие же организационные формы, как психологические операции в политической борьбе, информационно-пропагандистские и рекламные кампании, направлены, как правило, на большие группы населения, т. е. для них практически каждый человек является объектом воздействия и скрытого психологического принуждения.

Психология манипуляций как основная угроза информационно-психологической безопасности в политике

Рассматривая понятия, отражающие способы и проявления тайного принуждения человека как социально-психологического явления, присущего социальному взаимодействию людей, следует отметить, что в научных исследованиях затрагиваются теоретические и прикладные вопросы изучения различных форм скрытого принуждения личности. Зачастую они описываются в понятиях, рассмотренных в первых двух группах, условно выделенных нами как применяемые в повседневном языке и используемые в сфере социального управления, либо в общенаучных понятиях таких дисциплин, как социология, теория управления, политология, военное искусство, основы деятельности разведки и других спецслужб.

Специфических общенаучных понятий, отражающих обобщенную схему, модель или механизм такого явления, как скрытое психологическое принуждение личности, и имеющих достаточную научную проработку, немного. К их числу в первую очередь можно отнести манипулятивное воздействие (манипуляции, манипулирование), психологические игры и рефлексивное управление.

Суть понятия «рефлексивное управление» политические психологи определяют как управление решением опонента, в конечном итоге навязывание ему определенной стратегии поведения; при рефлексивном взаимодействии осуществляется не прямо, не грубым принуждением, а путем передачи ему оснований, из которых тот мог бы логически вывести свое, но предопределенное политиком решение. Процесс передачи оснований для принятия решений политиком своему оппоненту следует называть рефлексивным управлением. Любые «обманные движения» (провокации и интриги, маскировки и розыгрыши, создание ложных объектов и вообще ложь в любом контексте) представляет собой систему приемов по реализации рефлексивного управления.

Таким образом, любые манипуляции и акты мани-пулятивного воздействия выступают как составные элементы данного процесса, т. е. в понятии рефлексивного управления отражается общий подход к управлению противником в конфликте с использованием разнообразных приемов тайного принуждения людей и применением механизма рефлексии для этих целей.

В самом общем виде в политической психологии рефлексия выступает в форме осознания действующим субъектом (лицом или общностью) того, как они в действительности воспринимаются и оцениваются другими индивидами или общностями.

Рефлексия (от лат. *reflexio* – обращение назад) – это не просто знание или понимание субъектом самого себя, но и выяснение того, как другие знают и понимают «рефлексирующего», его личностные особенности, эмоциональные реакции и когнитивные (связанные с познанием) представления. Когда содержанием этих представлений выступает предмет совместной деятельности, развивается особая форма рефлексии – предметно-рефлексивные отношения.

Понятие, конкретные формы, классификация и механизмы психологических игр наиболее подробно рассмотрены Э. Берном в рамках его концептуального подхода к межличностному взаимодействию. В этих целях им разработан соответствующий понятийный аппарат и методический инструментарий, позволяющий анализировать межличностные манипуляции, осуществляемые, в том числе, и бессознательно.

«Игрой, – пишет Э. Берн, – мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря – это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох. Игры отличаются от процедур, ритуалов и времяпрепровождений, на наш взгляд, двумя основными характеристиками: 1) скрытыми мотивами; 2) наличием выигрыша. Процедуры бывают успешными, ритуалы – эффективными, а времяпрепровождение выгодным. Но все они по своей сути чистосердечны (не содержат «задней мысли»). Они могут содержать элемент соревнования, но не конфликта, а их исход может быть неожиданным, но никогда – драматическим. Игры, напротив,

могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом» (20, с. 37).

В настоящее время универсальным понятием, отражающим механизм скрытого психологического принуждения, выступает манипуляция. Данное понятие имеет два основных значения – прямое и переносное, или метафорическое. Как ни парадоксально, но в последнее время именно переносное значение манипуляции становится основным и ведущим содержанием этого понятия, привлекающим все большее внимание исследователей. В своем переносном значении оно имеет достаточно высокую дифференциацию, т. е. можно говорить о системе понятий, для которых в качестве родового выступает манипуляция. В систему этих понятий входят: манипулятивное воздействие, психологические манипуляции, манипулирование (в том числе манипулирование в политике, манипулирование общественным мнением, общественным сознанием и т. п.), межличностные манипуляции, социально-политические манипуляции личностью и т. д.

Резюмируя эти рассуждения, можно сделать достаточно обоснованный вывод о том, что понятие «манипуляция» употребляется в следующих переносных значениях.

Во-первых, как обозначение специфического общего подхода к социальному взаимодействию и управлению, предполагающего активное использование разнообразных способов и средств скрытого принуждения людей. В этом значении манипуляция, манипулятивный подход, манипулирование заменяет термин «макиавеллизм» как образ политической деятельности, не пренебрегающей любыми средствами для достижения поставленной цели. Его использование применительно к средствам массовой коммуникации и политическим мероприятиям означает действия, направленные на программирование мнений, устремлений, целей масс и психических состояний населения. Конечная цель таких акций – это контроль над населением, его управляемость.

Во-вторых, термин «манипуляция» используется как обозначение специфического вида психологического воздействия. В этом значении используются также понятия «манипулятивное воздействие», «психологические манипуляции», «манипулирование общественным мнением» и «манипулирование общественным сознанием», «межличностные манипуляции», «социально-политические манипуляции личностью» и т. п.

В-третьих, понятие манипуляции используется для обозначения определенных организационных форм применения тайного принуждения человека и отдельных способов или устойчивых сочетаний приемов скрытого психологического воздействия на личность.

Причем можно выделить простые «одноактные» манипуляции или акты манипулятивного воздействия, а также сложные, которые можно условно обозначить как манипулятивные игры.

Иными словами, процесс манипулирования может быть растянут во времени и представлять многошаговую поэтапную процедуру оказания манипулятивного воздействия на человека. Он может быть относительно

простым, включающим «одноактный» период общения с использованием одного или нескольких приемов манипулятивного воздействия, или структурно достаточно сложным, т. е. включать комплекс (систему) разнообразных манипулятивных приемов, действие которых направлено на различные психологические структуры личности и использование различных психологических механизмов с поэтапной реализацией этих приемов в определенные периоды времени и в различных ситуациях взаимодействия. Таким образом, сложная манипуляция имеет свои временную, пространственную и организационно-социальную структуры.

Сложные и устойчивые организационные формы тайного принуждения человека, как уже отмечалось, могут обозначаться самостоятельными понятиями, например, такими, как политические игры, психологические операции, манипулятивные информационно-пропагандистские и информационно-рекламные кампании и т. д. В данном случае добавление определения «манипулятивный» позволяет хотя бы при анализе отделить недобросовестную рекламу и пропаганду от общественно необходимых форм публичного доведения информации о важных и социально значимых проблемах, идеях, взглядах, товарах и т. п. (например, пропаганда здорового образа жизни, реклама новых технологий и технических новинок и т. д.).

Комплексные технологии тайного принуждения личности в современных условиях. Комплексное использование различных способов скрытого психологического принуждения людей в виде системы психологических операций, разнообразных пропагандистских акций и рекламных кампаний выступает как распространенное средство политической борьбы не только во внешнеполитической деятельности в условиях международных конфликтов, но и как присущее внутривполитической деятельности. И в этом состоит еще одна его характерная особенность.

Так, например, рассматривая психологическую войну в широком смысле как целенаправленное и планомерное использование политическими оппонентами пропаганды и других средств (дипломатических, военных, экономических, политических и т. д.) для прямого или косвенного воздействия на мнения, настроения, чувства и в итоге на поведение противника с целью заставить его действовать в угодных им направлениях, современные российские политологи отмечают, что, будучи компонентом системы политических отношений, психологическая война присутствует в различных измерениях этой системы не только как внешняя, но и как внутренняя политика.

Во внутренней политике психологическая война обычно ограничивается пропагандистским противостоянием политических оппонентов, хотя может приобретать в отдельных случаях и более сложный комплексный характер. Внутривполитическими примерами психологической войны являются пропагандистские столкновения в ходе любой избирательной кампании или борьбы за власть.

Здесь психологическая война выступает в качестве действий, направленных на ослабление морального духа политических оппонентов, на

подрыв авторитета их руководителей, на дискредитацию их действий, в конечном счете, на оказание давления на взгляды отдельных людей и общественное мнение в целом для достижения конкретных целей.

Эволюция организационных форм борьбы за власть развивается от использования явного прямого насилия вплоть до вооруженного (восстания, революции, военные перевороты и т. п.) к технологиям тайного принуждения людей (информационно-пропагандистские кампании, политические игры, политическое лоббирование и т. п.).

В развитых странах западной демократии и в России борьба за власть трансформировалась в информационно-психологическую борьбу (психологическую войну), основными организационными формами которой выступают психологические операции внутри собственной страны. Переходный период и кризисные условия, в которых находится Россия, сопряжен с множеством издержек в духовной сфере, что в определенной мере усиливает пережитии политической борьбы с широкомасштабным и массовым использованием психологических манипуляций, зачастую придавая ей излишне драматический характер и высокий уровень социально-психологической напряженности в обществе.

Понятия психологической войны и психологических операций заимствовано из области внешнеполитических, межгосударственных отношений и военного искусства и перенесено в сферу внутригосударственную – в сферу борьбы за политическую власть внутри страны. Правомерность такого переноса определяется масштабностью и накалом противоборства, высокой значимостью победы для политических оппонентов, подобием организационной и целевой структуры предпринимаемых действий, аналогичностью (сходством) применяемых методов и средств, действием общих закономерностей информационного воздействия на психику человека и общественную психологию (на индивидуальное, групповое и массовое сознание).

Для того чтобы терминологически выделить и отличать организационные формы скрытого принуждения людей во внутриполитической борьбе от используемых во внешнеполитической и военной сферах, где они являются дополнительным составным компонентом военного противоборства и межгосударственного давления и международных конфликтах и кризисных ситуациях, целесообразно использовать для их обозначения термин «информационно-психологические операции». Тем более что понятие «информационно-психологические операции» в отличие от «психологических операций» более точно отражает содержание и специфику воздействия на население и оппонентов в политической борьбе, так как в самом названии подчеркивается роль информации и информационного воздействия на человеческую психологию в этом процессе. Вместе с тем, следует отметить, что в последнее время понятие «информационно-психологические операции» используется и для обозначения соответствующих комплексных технологий межгосударственного воздействия в сфере международных отношений.

В психологических операциях, используемых во внешнеполитической и военной сферах, в зависимости от масштабности действий выделяются обычно уровни их организации и проведения. В информационно-психологических операциях, используемых во внутривнутриполитической борьбе, также можно выделить несколько уровней: во-первых, федеральный или общероссийский, во-вторых, региональный уровень, и, в-третьих, местный. В наиболее явном виде и рельефной форме осуществление информационно-психологических операций проявляется на федеральном уровне.

Для иллюстрации масштабности, планомерности и целенаправленности информационно-психологических операций в политической борьбе на общероссийском уровне воспользуемся моделью функциональной блок-схемы организационной структуры команды по проведению выборной кампании высшего должностного лица государства и комментариями к ней, которая разработана А. Цветновым на основе анализа теории и практики управления социально-политическими процессами (127, с. 18).

Команда имеет трехуровневое иерархическое построение. Первый уровень – ядро команды, включает в себя координатора, осуществляющего общее руководство; руководителей направлений; помощника координатора и технического работника.

Второй уровень включает в себя специалистов, решающих конкретные (узкие) задачи в рамках определенного направления.

Третий уровень – это работники, выполняющие текущие задания руководителей направлений и узкопрофильных специалистов. Их количество определяется конкретным объемом работ.

Кроме того, параллельно с командой, но в тесном взаимодействии работают служба безопасности; финансовая служба; доверенные лица; специалисты различного профиля; независимые эксперты.

Анализ предложенной А. Цветновым схемы и комментариев к ней, публикации других авторов по данной проблеме, позволяют сделать следующие выводы: организационная структура, формируемая для проведения избирательной кампании на федеральном уровне, позволяет функционально обеспечить планирование, разработку и осуществление направленных на население страны и политических оппонентов информационно-психологических операций для достижения политических целей посредством изменения мнений, чувств и отношений, а в конечном итоге, поведения в процессе выборов; в качестве основной манипулятивной технологии выступает формирование позитивного имиджа продвигаемого кандидата (партии, движения) с одновременными действиями по созданию негативного имиджа основного политического оппонента (по схеме «антиреклама»); информационно-психологические операции в политической борьбе структурно могут быть представлены как состоящие из трех основных компонентов: информационно-рекламной и/или информационно-пропагандистской деятельности, демонстрационных действий, организационно-практической деятельности; информационно-пропагандистская (информационно-рекламная) деятельность осуществляется в виде кампаний, акций и отдельных

мероприятий с использованием средств массовой коммуникации, а также прямых контактов с различными аудиториями с применением соответствующих приемов и эффектов воздействия на психику людей (например, использование технологии формирования и распространения слухов и т.п.); демонстрационные действия представляют собой акции и мероприятия, основное отличие которых от реальных практических действий заключается в ориентации в первую очередь не на их результат, а на использование как средства психологического воздействия на людей. В качестве таких действий могут выступать, например, угроза применения каких-либо санкций и мер по отношению к конкретным лицам или организациям; проведение благотворительных акций в период предвыборной борьбы; выдвижение и принятие значимых социальных программ (например, по экологической безопасности, защите товаропроизводителей, малоимущих и т.п.) и др.

Признаками отличия демонстрационных действий от реальных практических дел выступают их приуроченность к выборам, сопровождение эффектной рекламной кампанией, а также зачастую отсроченностью планируемых основных (конечных) результатов и социально-значимых последствий на послевыборный период; организационно-практическая деятельность реализуется в виде мероприятий и акций обеспечивающего характера, которые направлены на оказание психологического воздействия на определенных лиц и группы людей или создание условий, повышающих его эффективность и информационно-психологических операций в целом или отдельных акций, ее составляющих.

В структуре этой деятельности возможно выделить три основные группы организационно-практических действий. Во-первых, действия, направленные на организационное, финансовое, материально-техническое и иное обеспечение информационно-пропагандистских (информационно-рекламных) акций с использованием средств массовой коммуникации. Во-вторых, направленные на обеспечение демонстрационных действий, различных акций поддержки, митингов, демонстраций, собраний, встреч и т. п. В-третьих, действия по проведению различных переговоров, привлечению влиятельных сторонников, организации финансовой и иной поддержки, проведению выгодных решений в органах исполнительной и законодательной власти на различных уровнях и т. п. Основные организационные формы таких действий современные политологи обозначают как политические игры и лоббирование.

Политические игры – это метафорическое наименование политического маневрирования, интриг, закулисных сговоров, сделок, скрытых замыслов за фасадом внешне безупречных политических отношений. Кроме этого могут применяться некоторые неординарные способы и средства как на «границах закона», так и противоправные, которые мы в нашей работе по вполне понятным причинам не рассматриваем. Такого рода действия, как правило, тщательно скрываются и не афишируются, но, как показывают наблюдения и анализ опыта политической борьбы в современной России, признаки ведения такого рода действий довольно часто присутствуют в процессе проведения некоторых избирательных кампаний. Это, например, шантаж, угрозы

физического или экономического воздействий, проводимые как в отношении оппонентов, так и в отношении сторонников. Могут осуществляться специально разработанные кризисные операции с использованием способов и средств, указанных в предыдущей главе, при описании сущности кризисных технологий, применяемых в экономической конкуренции.

Основы психологической защиты от информационно-психологического манипулятивного воздействия

При рассмотрении психологических защит, используемых в политических отношениях и межсубъектном взаимодействии, как достаточно продуктивный зарекомендовал подход, который основывается (при выделении базовых защитных установок) на эволюции форм защитного поведения. В рамках данного подхода в качестве наиболее филогенетически древних способов защиты выделяются бегство, замирание, прятание (уход в укрытие), встречное нападение и стремление повлиять на поведение противника. Эти способы защиты можно наблюдать практически у всех видов животных (последний, в частности, выражается в особых сигналах подчинения или в использовании разного рода хитростей). Аналогичные формы защит наблюдаются и в истории человеческих отношений, что особенно проявляется в военных действиях.

Таким образом, рассмотрение эволюции способов защиты, начиная от животного мира до человека, включенного в систему социальных отношений, позволяет выделить пять основных форм защиты. К этим пяти исходным формам защиты обычно относят следующие:

1) бегство и различные его ослабленные виды – отступление, уклонение, задержки;

2) маскировка (как аналог замирания у животных и зачастую у человека, особенно при физической опасности), т. е. стремление стать незаметным для противника;

3) уход в укрытие, использование естественных и создание искусственных преград и препятствий для противника в виде стен, рвов и пр., а как облегченная модификация – использование переносимых преград: щитов, кольчуг, доспехов и т. п.;

4) нападение как активная форма защиты («лучший способ защиты – нападение»);

5) управление поведением действительного или потенциального противника, в частности, его намерениями (угрозы, задабривание, применение хитростей, обманных маневров и иных уловок.

Выделенные исходные формы защиты обозначаются как базовые защитные установки. Прежде чем перейти к краткому рассмотрению их содержания, отметим две исходные предпосылки, исходя из которых можно провести выделение базовых защитных установок.

Во-первых, рассмотрение будет осуществляться преимущественно с позиции личности, на которую осуществляется информационно-психологическое воздействие в различных информационно-коммуникативных ситуациях.

Во-вторых, все многообразие информационно-коммуникативных ситуаций будет рассматриваться через три основных их типа: межличностные (воздействие личности на личность), контакт-коммуникационные (воздействие на личность при проведении собраний, митингов, различных зрелищных мероприятий), масс-коммуникационные (воздействие на личность средств массовой информации).

Отметим, что при наложении на информационно-психологическое взаимодействие исходные базовые защитные установки, как и в случае межличностного взаимодействия, можно трансформировать в следующие формы защиты личности с соответствующим изменением их содержания: уход, изгнание (вытеснение), блокирование (блокировка, преграда, ограждение), управление (манипулирование), затаивание (замирание, маскировка), игнорирование.

1. Уход – увеличение дистанции, прерывание контакта, выход за пределы досягаемости воздействия. Проявлениями этого вида защит являются:

а) в межличностных ситуациях – смена темы беседы (на более безопасную), нежелание обострять отношения (обход «скользких тем», «острых углов»), стремление уклониться от встреч с тем, кто является источником неприятных переживаний (отказ, перенос, уклонение от встреч); избегание травмирующих ситуаций, под различными предлогами прерывание встреч, бесед и т. п. Крайним предельным выражением данной тенденции может стать полная замкнутость, отчужденность, отказ от контактов с людьми;

б) в контакт-коммуникационных ситуациях – уход под различными предлогами (для себя и окружающих) с митингов, собраний, различных зрелищных мероприятий и т. п. или различные формы отказа от участия и присутствия на подобных мероприятиях;

в) в масс-коммуникационных ситуациях – отключение от определенных каналов средств массовой информации, от просмотра конкретных теле- и радиопрограмм, отказ от чтения некоторых газет, статей, рубрик и т. п.

2. Изгнание (вытеснение) – увеличение дистанции, удаление, вытеснение источника воздействия.

а) в межличностных ситуациях – удаление из мест проживания, работы, отдыха (из среды обитания); изгнание из дома (смягченная форма – «видеть тебя не хочу»; «уйди, чтобы я тебя не видел»; «уйди с глаз долой» и т. п.), удаление куда-то под определенным предлогом (перевод, увольнение с работы и т. п.); уничтожение как трансформация уничтожения в духовную форму в виде осуждения, насмешек, колкостей, унижения и т. п. (т. е. частичное уничтожение какой-либо части другого – черт характера, привычек, поступков, намерений, склонностей и т. д.); оскорбление и провоцирование конфликта, ссоры, обиды, что вынуждает источник воздействия прервать контакт, разорвать отношения, уйти и таким образом увеличить дистанцию.

Крайними формами здесь могут выступать конфликты, приводящие к физическому воздействию, например, путем драки и как предельное выражение – уничтожение источника воздействия;

б) в контакт-коммуникационных ситуациях – «захлопывание» выступающих, их прерывание, насмешки,

реплики, оскорбления, свист и другие демонстративные действия и помехи, вынуждающие коммуникатора прервать контакт и удалиться. Эти способы могут трансформироваться в такие формы, как забрасывание различными предметами и другие виды физического воздействия. Это особенно характерно для некоторых категорий участников зрелищных мероприятий и спортивных болельщиков. Они могут выскакивать на сцену, на игровое поле, пытаться физически воздействовать на артистов, игроков и спортивных судей;

в) в масс-коммуникационных ситуациях – мягкие формы аналогичны как и в случае «ухода» и представляют собой отключение от каналов информации. В предельном выражении могут трансформироваться в попытки физического уничтожения источника коммуникации. Примером может служить нападение в Москве на телецентр «Останкино» во время событий октября 1993 года.

3. Блокировка (ограждение, преграда) – контроль воздействия, достигающего субъекта защиты, выставление преград, ограждение психики от внешнего воздействия:

а) в межличностных ситуациях – отчужденность (официальность, ведение беседы с использованием физических разделительных преград, например, через стол, увеличение межличностного пространства), различные психологические барьеры (недоверие, настороженность, враждебность), смысловые и семантические («я вас плохо понимаю», «мне трудно понять в чем суть...» и т. п.), ролевые («я на работе», «при исполнении служебных обязанностей», «мне сейчас некогда, занят, не сейчас, потом...» и т. п.), принижение источника воздействия («непрофессионал», «слабый специалист», «несерьезный», «безответственный», «пройдоха», «все это и так известно», «в этом нет ничего нового», «не понимает сложности ситуации», «несет чушь, бред, галиматью», «делает все, только чтобы выделиться», «гребет под себя») и т. п.;

б) в контакт-коммуникационных ситуациях – повышение негативизма, критичности, эмоциональная отчужденность, также используются психологические барьеры, принижение источника (внутреннее осмеяние, развенчание авторитета и т.п.), невнимательность (отвлечение и переключение внимания на другие объекты, не связанные с содержанием воздействия) и т. д.;

в) в масс-коммуникационных ситуациях – аналогично предыдущему пункту «б».

4. Управление – контроль за процессом воздействия, влияние на его характеристики и источник (воздействия) :

а) в межличностных ситуациях – демонстрация угрозы (опасности); «подкуп» и стремление «умилостивить», стать другом, членом одной общности («своих не бьют»); стремление разжалобить (плач, жалобы, ноющие интонации, вздохи, несчастный вид); ослабить или дестабилизировать активность (неожиданным отвлечением и т. п.); спровоцировать желаемое поведение (в том числе различные приемы межличностных манипуляций как способ защиты). Предельное выражение – психологическое и физическое подчинение другого,

помыкание им (например, в тоталитарных религиозных сектах, некоторых асоциальных группировках с криминальным лидером и т. п.);

б) в контакт-коммуникационных ситуациях возможности управления очень слабые. В некоторых ситуациях возможно использование обратной связи как способа управления (например, в зрелищных мероприятиях выражение реакции на выступление с помощью аплодисментов, вызова на бис, различные проявления неодобрения, недовольства выступающими и т. п.);

в) в масс-коммуникационных ситуациях – управление практически невозможно. В некоторых ситуациях за счет использования обратной связи как способа управления может достигаться определенный управляющий эффект (изменения рейтинга популярности определенных каналов телевидения, сокращения или увеличения покупаемости периодических изданий и т. п.).

5. Затаивание (маскировка) – контроль информации о самом субъекте защиты, ее искажение, сокрытие или сокращение подачи:

а) в межличностных ситуациях – маскировка, обман, сокрытие чувств, проявлений эмоций, задержка или отказ от действий, чтобы не проявлять себя (не навлекать беду);

б) в контакт-коммуникационных ситуациях – маскировка, сокрытие чувств, проявлений эмоций, задержка или отказ от действий (особенно при нахождении в толпе, чтобы не поддаться «эффекту толпы», психическому заражению и не совершить поступков, о которых потом можно будет сожалеть);

в) в масс-коммуникационных ситуациях – отсрочка реакций, поспешных выводов и оценок, задержка или отказ от действий и поступков, вызываемых информационным воздействием (для последующего рационального и взвешенного анализа с привлечением дополнительных данных).

6. Игнорирование – контроль информации об источнике воздействия, наличии или характере угрозы (опасности); ограничение количества такой информации или ее искаженное восприятие.

Вполне обоснованной является существующая в настоящее время точка зрения, что использование данной формы защиты оправданно, несмотря на кажущуюся, при первом взгляде, неэффективность и даже вредность для человека такого защитного механизма. Использование такой формы защиты вполне целесообразно, если сама информация и ее распространение служат способом манипулирования личностью, или когда остальные формы защиты по каким-либо причинам не задействуются, а психика нуждается в ограждении от чрезмерного травмирования эмоциональными факторами, вызываемыми внешней информацией. В связи с этим, задействование механизмов внутриличностной психологической защиты оправдано;

а) в межличностных ситуациях – игнорирование информации, затрудняющей или препятствующей определенной деятельности (например, преувеличивающей силу и возможности соперника, трудности достижения поставленной цели, для того чтобы человек отказался от этого и т. п.); игнорирование информации об определенных действиях, направленных на человека со стороны источника воздействия (например, в ситуации, когда ваш

руководитель, коллега или близкий человек находятся в состоянии эмоционального возбуждения и адекватно ответить ему – значит вступить в конфликт, который позднее трудно, а порой невозможно локализовать); в то же время восприятие адекватности оценки ситуации может снижаться, например, на основе стереотипизация («да он просто хулиганит», «перебесится, и все будет нормально» и т. п.), умаление степени угрозы посредством объяснения позитивными намерениями источника воздействия («она желает мне добра») и т. д.;

б) в контакт-коммуникационных ситуациях – игнорирование информации, затрудняющей или препятствующей определенной деятельности или информации как средства манипулирования личностью в толпе, в массовых скоплениях людей (например, для предотвращения повышения эмоциональной восприимчивости, тревожности, внушаемости, подверженности психическому заражению; для блокировки эмоций, чувств, действий как спонтанной реакции на призывы и другие воздействия, стимулирующие проявление определенных чувств, потребностей, поведения и т. п.) и т. д.;

в) в масс-коммуникационных ситуациях – игнорирование информации как средства манипулирования личностью в различных аспектах (слухов, мнимых прогнозов, конъюнктурных оценок и т. п.).

Конечно, любая обобщенная модель – это всегда лишь определенная схематизация явлений, происходящих в действительности. В нашей реальной жизни исходные формы защиты видоизменяются, образуют причудливые сочетания и комбинации в зависимости от индивидуальных особенностей людей, условий и конкретных ситуаций. Так, в управлении процессом взаимодействия, затаивание может выступать как самостоятельная пассивная форма или как сочетание с активными способами защиты.

При блокировке воздействия игнорирование информации выступает как одна из разновидностей этой формы защиты. Ее выделение в отдельную самостоятельную форму защиты может быть оправдано тем, что в этом случае максимально активно задействуются механизмы внутриличностной психологической защиты, обладающие спецификой действия на психику человека.

6.5. Акмеологическое сопровождение политической деятельности и место в нем политического консалтинга

Складывающийся опыт социально-экономических преобразований и функционирования различных структур в новых условиях свидетельствуют о том, что возникает социокультурная потребность в постоянном мониторинге слежения, исследования, прогнозирования, проектирования, моделирования и способствовании развитию явлений акмеологического типа. В связи с решающим значением политического фактора в жизнедеятельности современного общества и всех его структур

прежде всего здесь становится все более очевидной необходимость проведения системной акмеологической работы, создания самого типа акмеологической деятельности, которая способна обеспечить необходимый акмео-логический сервис в сфере политики.

Акмеологическая деятельность является особым типом сервиса функционирования политических структур, к рамках которых осуществляется политическая. Эта акмеологическая деятельность предназначена для рефлексивно-критического анализа, использования информационного потока для непосредственного или опосредованного построения механизма оптимизации всех «параметров» основного вида деятельности. В сфере политики предметом акмеологической деятельности можно считать реальный творческий потенциал субъектов политики, стратегии, модели и технологии его развития и продуктивного задействования, а также условия и факторы, которые необходимо создать для достижения цели – творческой самореализации персонала политической сферы.

Опыт акмеологических служб, конкретных акмео-логов и практических психологов свидетельствует о том, что многоплановые акмеологические задачи наиболее эффективно решаются на основе создания целостной архитектоники их труда. Система социально-психологического сопровождения здесь может сыграть исключительно незаменимую роль. Под социально-психологическим сопровождением принято понимать Целостный и непрерывный процесс изучения и анализа, формирования, развития и коррекции всех субъектов труда и жизни, которые попадают в предметное поле деятельности акмеологической (психологической) службы или конкретного акмеолога (практического психолога). Оно осуществляется в рамках целостной исследовательско-развивающей технологии в интересах оптимизации труда и жизни социальных субъектов, для наиболее продуктивной реализации их творческого потенциала и поддержания комфортного психического состояния и наивысшей продуктивности.

Социально-психологическое сопровождение труда и жизни субъектов политики в организационном плане выражает стратегию, тактику и технику задействования инструментария психодиагностики, формирования, развития и коррекции их психофизиологических, психологических и социально-психологических характеристик, обеспечивающих нормальное психическое состояние в реальных условиях труда и жизни. По своей сущности оно представляет собой системное операционное обеспечение, важное звено механизма реализации гуманных психологических функций персоналом – субъектами политики, акмеологами, практическими психологами и др., для достижения оптимальных показателей жизнедеятельности в политической сфере.

Такая целостная психотехнология складывается из самостоятельных диагностической, формирующе-развивающей и корректирующей технологий, которые используются в рамках общей концепции социально-психологического сопровождения. Ключевую роль в задействовании данной привлекательной, но не простой интегративной технологии играет акмеолог (практический психолог). Данный вопрос в силу своей важности и, в некоторой степени, нестандартности требует системного и развернутого описания.

Прежде всего, социально-психологическое сопровождение труда и жизни в сфере политики детерминировано интересами оптимального и в то же время

успешного политического функционирования. Уровень подготовленности современных субъектов политики к выполнению профессиональных функций и активной социально-ценностной жизни определяет степень оптимальности всех сторон его жизнедеятельности. При этом он во многом исходит из общесоциальных и политических целей. Следовательно, обеспечение всесторонней профессиональной подготовленности субъектов политики является приоритетной задачей для социально-психологического сопровождения.

Практическому политику небезынтересно узнать о выделении в последние годы в рамках социально-психологического сопровождения наиболее продуктивного направления – акмеологического направления. Именно здесь по-новому решаются вопросы профессионализации кадров, создания продуктивных моделей, алгоритмов и технологии развития и задействования их творческого потенциала. Кроме того, включение практического психолога в систему акмеологического сопровождения открывает возможность более продуктивно реализовывать творческий потенциал сотрудников в рамках единой деятельностной концепции.

Результаты изучения данных вопросов показали, что для широкого внедрения акмеологического сопровождения в политические структуры имеются определенные возможности. К ним целесообразно отнести непосредственно акмеологические, психологические, педагогические, организационные и потребностные предпосылки.

Непосредственно акмеологические предпосылки заключаются в том, что акмеология как наука, учебная дисциплина и практика сформировалась. Она везде проявляет себя как продуктивная интегративная область человековедения. Акмеология как наука, берущая начало на стыке естественных, общественных и технических наук, изучает феноменологию активного социального субъекта (человека, группы), закономерности, механизмы и способы его развития на ступенях зрелости и особенно при достижении им наиболее высокого уровня – АКМЕ (91, с. 76). Как учебная дисциплина, она вооружает этим знанием конкретного социального субъекта – человека, коллектив. Акмеология как практика, в рамках продуктивных модели, алгоритма, технологии способствует продвижению политика к собственным вершинам в политической деятельности и жизненной стратегии, развивая все его макрохарактеристики как индивида, личности, субъекта труда, индивидуальности.

Психологические предпосылки акмеологического сопровождения политической деятельности социального субъекта состоят в том, что развитие творческого, профессионально компетентного руководителя базируется на развитии его творческих способностей. Высокопродуктивные технологии решения данной задачи, как показывает опыт, основываются на возможностях развивающей психологии.

Педагогические предпосылки заключаются в утверждении субъект-субъектных взаимоотношений в процессе жизнедеятельности и сочетании продуктивного опыта с использованием инновационных элементов

сотворчества политиков с руководимым персоналом в процессе труда. Результатом такого процесса является выработка наиболее приемлемого варианта взаимодействия. Здесь определяющую роль играет акмео-логическая культура участников сотворчества. Если для профессиональной деятельности ключевую роль играет сотворчество всех субъектов, то для достижения наивысшего окончательного его результата эффективно проявляет себя убеждающее психолого-педагогическое воздействие. Его модель разработана А.Ю. Па-насюком (92).

Организационные предпосылки состоят в том, что в целом в стране утверждается перспективность ак-меологического подхода в социальной практике. В рамках единой государственной службы начинают функционировать и акмеологические службы. В различных социальных сферах для создания таких служб имеются реальные основания. Структуры социально-психологических служб, группы профессионального отбора и другое являются тем основанием, на котором сформированы и продолжают создаваться акмеологические службы. Они на скоординированной основе и при уточнении функций смогли бы успешно решать вопросы акмеологического сопровождения политической деятельности.

Потребностные предпосылки состоят в том, что преобразования в стране не только выявили широкий круг противоречий в обществе, но и порождают новые, которые усиливают дискомфортность многих людей. Особым психологическим перегрузкам подвергаются субъекты политики. Без преодоления многочисленных противоречий, дискомфортноеTM и психологических блокаторов затруднено достижение общенациональных, корпоративных и личных целей. Возможности акмеологического сопровождения, как доказывают результаты его осуществления в рамках государственной службы Российской Федерации, позволяют «смягчать социально-психологические удары» и добиваться безболезненного преодоления тех сложившихся стереотипов, которые не соответствуют утверждающимся тенденциям в развитии общества.

Потребность в акмеологическом сопровождении в сфере политики кроме того обусловлена общей направленностью на повышение профессионализма персонала политических структур. Продуктивная самореализация конкретного человека в политике может быть достигнута при создании необходимых для того условий. С одной стороны, это комфортные условия для раскрытия творческого потенциала, а с другой – активизация, развитие всех компонентов творческого потенциала конкретного человека и его продуктивная самореализация в социально-ценностной жизнедеятельности.

Изучение современной акмеологической практики, а также учет предпосылок и потребностей в оптимизации труда и жизни позволяют обоснованно предложить для политических структур варианты акмеологического сопровождения. Его внедрение, как свидетельствует опыт, раскрывает не востребуемые возможности для более продуктивной реализации профессиональных функций каждым политиком. Такая работа наиболее

продуктивно и целостно может проводиться в рамках единой концепции Государственной акмеологической службы Российской Федерации.

Центральной задачей предлагаемого акмеологического сопровождения, наряду с другими, следует считать развитие профессиональной компетентности политиков. Основное внимание, безусловно, отводится развитию профессионально-важных качеств, которые необходимы для выполнения конкретной профессиональной деятельности как ведущего компонента труда политика. Опыт показывает, что акмеологическое сопровождение в сфере функционирования политических структур целесообразно вести по следующим направлениям:

- акмеологическое моделирование политической деятельности, приоритетное место в котором занимает лидерство;
- экспертный мониторинг профессионализации кадров и развитие их творческого потенциала в процессе политической деятельности;
- акмеологический сервис – социально-психологическое, психотехнологическое и педагогическое обеспечение жизнедеятельности персонала политических структур;
- организация системной деятельности акмеологической службы в конкретных условиях функционирования политических структур.

Для современного политического деятеля важно представлять основное содержание работы по реализации данных направлений. Рассмотрим этот вопрос более подробно. Акмеологическое моделирование политической деятельности включает:

- анализ политических целей, задач, объективно необходимых политических функций и предпосылок продуктивного выполнения всей политической деятельности в общем контексте труда и с учетом жизненных интересов конкретного политика;
- разработка и апробация прогностической и нормативной моделей политической деятельности персонала, а также целостной концепции оптимизации реальных сторон труда политика (всех видов выполняемой деятельности, политических отношений, индивидуального развития и совокупных результатов жизнедеятельности) ;
- подготовка обоснованных предложений по использованию продуктивных алгоритма, технологии и процедуры осуществления труда политиком во взаимосвязи всех его сторон, а также выработка критериев, показателей оценки уровней его эффективности;
- осуществление системно-структурного анализа имиджа, менталитета и стиля деятельности субъектов политики, а также формулирование требований к ним в соответствии с интересами политических структур и возможностями конкретного человека.

Экспертный мониторинг профессионализации политических деятелей и развитие их творческого потенциала предполагает решение таких вопросов, как:

- разработка исследовательско-диагностических и экспертных процедур социально-психологического анализа и прогнозирования труда, выполняемого

политиками, оценка их профессиональной компетентности и содействие в выработке стратегии продуктивного развития собственного творческого потенциала;

- создание и использование инструментария и методик развития творческого потенциала и качеств политических лидеров, необходимых им для эффективной профессиональной деятельности;

- разработка социально-психологических основ подбора, расстановки кадров в политических структурах, их профессионального становления и подготовки, а также методики оценки уровня профессиональной компетентности в соответствии с выработанными критериями и показателями;

- выявление общих социально-психологических закономерностей развития профессиональной компетентности политиков и учет конкретных результатов их профессионализации, а также разработка научно-практических рекомендаций по диагностике и экспертизе.

Социально-психологическое, психотехнологическое и педагогическое обеспечение жизнедеятельности субъектов политики осуществляется по следующим направлениям:

- изучение условий и факторов, влияющих на результативность политической деятельности, состояние конкретного субъекта политики, которые существенно влияют на государственные и личные интересы, социально-психологическую обстановку в политической структуре, коллективе, семье;

- формирование и развитие акмеологической культуры персонала, потребности у них к творческой самореализации и способности к осуществлению оптимальной профессиональной деятельности, коммуникации, поведения;

- подготовка субъектов политики к творческому использованию продуктивных технологий в повседневных и нестандартных условиях;

- обеспечение психологической безопасности персонала политической структуры, комфортных условий его деятельности, а также восстановление психологического ресурса субъектов политики;

- психологическое содействие политическим кадрам при решении проблем в психологически сложных ситуациях (конфликты, преодоление блокаторов в профессиональной деятельности, во взаимоотношениях между людьми и др.);

- психологическое обеспечение эффективной политической рекламы, имиджа привлекательного политического деятеля.

Организация системной деятельности акмеологической службы в конкретной политической структуре предполагает системно-целостное решение задач политической деятельности, всего труда и жизни, которые ориентированы на конкретного политического лидера, его семьи или ближайшего окружения, коллектива. Весь комплекс жизнедеятельностных вопросов решается в соответствии с принятой моделью целостной технологии. В акмеологическом сопровождении функционирования политических структур одной из центральных задач выступает оптимизация профессиональной

деятельности и подготовки к ней. При этом в круг основных вопросов включаются:

- диагностика и анализ политических, экономических, и социально-психологических процессов, морально-психологического состояния политических лидеров и прогнозирование их развития;

- выработка оптимальной модели, алгоритма и технологии реализации персоналом политических функций и продуктивной коммуникации в процессе жизнедеятельности;

- разработка механизма гармонизации целей и задач труда с интересами и потребностями субъектов политики;

- осуществление психодиагностики, психотерапии и коррекции психологических характеристик и поведения субъектов политики для содействия им в овладении оптимальным стилем политической деятельности, высокой культуры общения и комфортного психического состояния;

- участие в планировании и отработке программ профессионального совершенствования персонала и содействие ему в практическом решении социально-психологических проблем;

- оказание психологической помощи политическим кадрам и подготовка их к самостоятельной саморегуляции с использованием продуктивных акмеолого-психологических технологий и эффективной практики.

В рамках акмеологического сопровождения политической деятельности постоянно присутствует политическое консультирование. При этом деятельность политического психолога предполагает использование различных средств и способов психологической работы в сфере политической деятельности и отношений. Одной из результативных форм оказания психологической помощи субъектам политики является политическое психологическое консультирование (ППК).

Сущность консультирования состоит в оказании помощи клиенту посредством его психологического просвещения, а также в выработке на основе результатов психодиагностики специальных рекомендаций по изменению определенных психологических факторов, затрудняющих нормальное функционирование личности. ППК адресовано психически здоровым людям с целью обеспечения эмоциональной, смысловой, экзистенциональной поддержки человека в ситуациях затруднения, возникающих в ходе его профессионального, личностного и духовного бытия.

Консультирование как первичный уровень оказания психологической помощи ориентировано в большей степени на самостоятельную внутреннюю работу пациентов и обращено к сознаваемому и рефлексии субъекта.

Консультирование как вид психологической практики решает следующие задачи:

- расширение сознания и повышение психологической компетентности;
- эмоциональную поддержку и внимание к переживаниям клиента;
- изменение отношения к проблеме (от «тупика» к «выбору решения»);
- повышение стрессовой и кризисной толерантности;
- развитие реалистичности и плюралистичности мировоззрения;

■ повышение ответственности клиента и выработку готовности к творческому освоению мира.

Изучение практики психологической помощи позволяет выделить два главных типа стратегий ППК. Их можно обозначить как монологическую и диалогическую, хотя, разумеется, в каждом конкретном случае консультативного воздействия используются обе эти стратегии. Однако при этом ведущей является одна из них.

Политический психолог, придерживающийся монологической стратегии, выступает как носитель истины, а клиент является лишь объектом приложения его сил. При этом, разумеется, учитываются особенности реципиента. В рамках описываемой стратегии выделяются два подтипа. К первому из них относится императивная стратегия, когда желаемый результат воздействия прямо указывается или провозглашается субъектом воздействия, на понимание и исполнение предписаний которого должна быть направлена активность объекта психологического консультирования. Наиболее ярким примером такого воздействия является применение директивного гипноза или методов рациональной психотерапии.

Второй подтип представляет манипулятивная стратегия, которая не предполагает прямого провозглашения цели воздействия, а достигается посредством активности клиента, организуемой субъектом психологического консультирования так, чтобы она развивалась в желательном для него (субъекта) направлении. Конечно, психолог искренне стремится к благу клиента, но при этом сам решает, в чем должно состоять такое благо. Примером такого воздействия может считаться нейролингвистическое программирование.

Напротив, диалогическая стратегия исходит из признания принципиального равноправия взаимодействующих партнеров и в этом смысле стремится абстрагироваться от возможных различий в их социальном статусе (начальник – подчиненный, психолог – клиент и т. д.)

Консультационное воздействие может быть рассмотрено как включающее три уровня: базисный, мировоззренческий и специальный. К базисным относится группа психотехник, создающая основную психологическую ткань воздействия (организация общения с клиентом, практика новых социальных отношений, продуцирование эмоциональных и продуктивных процессов в их единстве, механизмы переживания). Мировоззренческие воздействия составляют ценностный фундамент консультирования, совокупность определенных идей, которые усваиваются участниками взаимодействия. Отдельные психотехнические средства, такие, как тактика ведущего консультирование, приемы эмпатического слушания, интерпретация, внушение, техника драматизации и др., представляют собой специальные воздействия.

С точки зрения обратившегося за помощью, можно также выделить три уровня запросов: инструментально-экспрессивный; смысловой; экзистенциально-ный. Анализ практики консультирования показывает, что наиболее распространенным является запрос клиента на совершенствование инструментального уровня (изменение стилевых характеристик, развитие социальных навыков, что способствует адаптации в текущей ситуации). Иногда

клиент обращается и к смысловому уровню (просьба разобраться в жизни, изменить ситуацию или принять решение, при этом не желая выходить за пределы привычных смысловых ориентации). Однако при проведении консультирования необходимо выходить и на третий уровень регуляции деятельности, который является показателем зрелости личности, источником развития которой является взаимодействие двух личностных механизмов: свободы и ответственности.

В последние годы в области психологического консультирования четко обозначилась тенденция выделения в качестве значимых для проведения консультативной беседы разного рода технологий. Под технологией ППК подразумевается совокупность приемов и средств, которые на каждом из этапов консультирования применяет психолог-консультант для определения и правильного решения проблемы клиента, а также совокупность принципов, на основании которых строится им этот вид деятельности.

Как правило, методологическая основа, которой пользуется психолог, задает организующие принципы для процесса консультирования. На основе публикаций последних лет представляется возможным сформулировать основные принципы работы психолога-консультанта, сложившиеся в отечественной консультативной практике:

- принцип активности, ответственности личности и деятельного опосредования психологических и социально-психологических образований;

- принцип выделения и трактовки психологической проблематики (как психотехнической по предмету, методу(и диалогического характера психоконсультационного взаимодействия);

- принцип органического единства интеллектуальных и эмоциональных аспектов психики, символической материализации социально-психологических феноменов и активизации гуманистических ценностей;

- принцип системности в деятельности психолога-консультанта, обратной связи и принятия им особого соответствующего эмоционального отношения к клиенту.

В основе технологий взаимодействия лежит оказание воздействия на клиента с помощью особым образом сформулированных вопросов консультанта (например, использование эффекта парадокса), практики акцентирования эмоциональных переживаний, применения уточняющих и углубляющих формулировок, приема активного слушания, различных форм перефразирования и интерпретации слов клиента и т. д. Проведенный анализ практики консультирования позволяет сформулировать предположение о том, что наиболее эффективной при работе с проблемами клиентов может оказаться пятишаговая модель психологического консультирования, предложенная Г.С. Абрамовой. Модель состоит из пяти шагов или пяти стадий, на которых психологом-консультантом последовательно решаются определенные задачи.

Первая стадия— установление контакта и ориентирование клиента на проблему. Эта стадия длится от нескольких секунд до десятка минут. Первое, что необходимо сделать консультанту во время приема,— это встретить и усадить клиента. Успех беседы во многом зависит от того, насколько уже с

первых минут психолог сумеет проявить себя доброжелательным и заинтересованным собеседником. Консультант может продемонстрировать свою заинтересованность и доброжелательность с первых минут встречи, встав навстречу клиенту или встретив его в дверях кабинета. Непосредственно перед тем, как начать беседу, лучше сделать паузу (не слишком большую – 40–60 секунд, но достаточную для того, чтобы он успел собраться с мыслями и оглядеться), иначе у клиента может возникнуть состояние напряженности и растерянности. На этой стадии психолог-консультант выбирает свою позицию во взаимодействии с клиентом.

Давая клиенту возможность установить позицию на равных, психолог-консультант первым не представляется. Первым представляется клиент. Психолог-консультант должен пояснить, кто он, чем занимается. Бывает, что в начале беседы консультант сталкивается с ситуацией, когда клиенту необходимо объяснить, что такое психологическое консультирование, на что он может рассчитывать, обращаясь за помощью. В этот период психолог-консультант структурирует ситуацию. При этом решается проблема установления контакта с клиентом.

В качестве основных средств установления контакта могут использоваться:

- удобное помещение, исключающее возникновение внешних помех для работы (наличие посторонних лиц, внешних шумов и т. д.);
- комфортная межличностная дистанция;
- называние собеседника по имени и отчеству (имени);
- использование фраз единомыслия и местоимения «мы»;
- демонстрация радости от общения;
- показ уважения к личности клиента;
- присоединение (неявное повторение) к элементам поведения клиента, слабо поддающимся его сознательному контролю, таким, как: дыхание, моргание, поза, жесты, мимика, темп и громкость речи;
- преимущественное использование слов, характеризующих его как визуалиста, аудиовиста или кинестетика (т. е. человека, в сознании которого внешний опыт представляется преимущественно в виде картин, слов или телесных ощущений).

Особую, значимую роль на первом этапе, а также в ходе всего процесса консультирования играет невербальная коммуникация, так как она отражает бессознательное личности, причем по разным источникам дает примерно от 60 до 90% информации в целом о человеке, «высвечивает», как на экране, установки, чувства, мысли. В этом случае используется концептуальный подход о защитном панцире, отражающем характерные черты, защиты личности. Это позволяет выявлять их и соотносить с полученными вербальными признаками. Учитывается и то, что хронические мышечные зажимы организуются в 7 основных защитных сегментов (в области глаз, рта, шеи, груди, диафрагмы, живота, таза), и то, что они блокируют тревожность, гнев, агрессию, сексуальное возбуждение и препятствуют в целом личностному росту.

С целью эффективного решения задач толкования невербальной информации целесообразно учитывать ряд положений:

- нет прямых переходов между невербальными и вербальными коммуникациями;

- консультируемый осознанно и бессознательно интерпретирует невербалику консультанта;

- в невербалике представлено не только настоящее, но и будущее и прошлое; в языке тела наиболее ярко проявляются противоречивые чувства и намерения;

- имеется взаимосвязь между невербаликой и психофизическим самочувствием: невозможно подделать язык телодвижений (бессознательное сигнализирует правду);

- путь толкования бессловесного общения во многом интуитивен.

Невербальное взаимодействие между консультантом и консультируемым в психологическом консультировании имеет обратную связь, при этом психическое состояние последнего взаимосвязано с этой интеракцией. Неэффективность такого общения бывает тогда, когда консультантом используются закрытые жесты, откинутае назад туловище, большие дистанции, отсутствующий взгляд, отгораживание столом и низкоэмпатические сообщения.

Оптимальное невербальное взаимодействие с целью достижения позитивных результатов ПК должно осуществляться следующим образом:

- использование мягкого, с перерывами, «прикосновения» взглядом с умелым сочетанием прямого зора и избеганием взгляда в глаза (встреча со взглядом консультируемого – от 60% до 70% времени общения);

- принятие другого взгляда и кивания головой;

- допущение уместной улыбки с некоторым мимическим отражением реакций консультируемого;

- направление ступней на собеседника с вытянутой вперед ногой;

- применение открытых ладоней; расположение прямого корпуса тела;

- легкий наклон туловища вперед и небольшой наклон головы в сторону; удобное сидение в кресле;

- расположение под определенным углом напротив консультируемого;

- высокоэмпатическое слушание и сообщение с одновременной субвербальной коммуникацией и совпадающим темпом у консультанта и консультируемого.

В результате этого создается возможность для разговора о проблеме. Интервью может начаться с вступления, заданным вопросом-предложением психолога-консультанта:

- Слушаю Вас...

- Что привело Вас ко мне...

В конце этапа «уяснения проблемы» психолог-консультант обсуждает с клиентом различные формы работы, которые могли бы принести ему пользу, объясняя, насколько эффективна каждая из этих форм. Иногда это может оказаться излишним, но сам момент необходим для осознания и принятия

клиентом своей личной ответственности за ход совместной работы по разрешению его проблем. Это мобилизует его и на подсознательном уровне.

На этом этапе происходило как бы заключение психотерапевтического контракта: установление порядка, времени и места сессий; принятие клиентом на себя разного вида плат (в том числе временем, нарушением распорядка, а иногда и образа жизни, необходимостью душевной работы вместо пассивного следования рекомендациям психолога). Все это почти незаметно для клиента вовлекает его в активный процесс проверки новых способов организации собственной жизни

Вторая стадия консультирования начинается со сбора информации о контексте проблемы: происходит выделение проблемы, отношение к ней клиента. При этом психолог задает конкретные вопросы о ходе событий, об участниках событий и их конкретных действиях, о переживаниях клиента. Психолог-консультант ищет ответы на следующие вопросы:

- Зачем клиент пришел?
- Как видит свою проблему?
- Что может сделать сам клиент для решения этой проблемы?

При этом психолог задает необходимые вопросы о ходе событий, об участниках событий и их конкретных действиях, переживаниях клиента. Вся информация направлена на осознание клиентом контекста проблемы и его роли в происхождении психологической ситуации. Идет исповедь клиента. Исповедь клиента занимает примерно 10–20 минут. В это время психолог-консультант сам пытается определять строение внутреннего мира клиента, то, какими модальностями этого внутреннего мира владеет клиент.

Через анализ контекста исповеди психолог-консультант может выяснить, что знает клиент о своих чувствах, мыслях, целях, своих возможных действиях. К полезной для психолога информации следует отнести прежде всего следующее: историю возникновения проблемы (когда и в связи с чем она появилась); отношения клиента со всеми действующими в его рассказах лицами, их отношения к проблеме; представление о том, чем именно вызвана проблема с точки зрения самого человека и окружающих людей; происходившие когда-либо ухудшения и улучшения ситуации и о чем они могли быть связаны; чем именно вызвано обращение в консультации, почему оно происходит именно сейчас, а не раньше или позже.

Обо всех упомянутых выше моментах следует специально попросить рассказать. Вопросы, которые можно сформулировать на основании указанных пунктов, должны быть достаточно широкими, и они обычно хорошо стимулируют клиента на рассказ. Психолог выдвигает несколько гипотез о строении внутреннего мира клиента и проверяет их правильность своими вопросами. Гипотезы консультанта основываются на том, что рассказывает клиент о себе и о своих проблемах. Но это лишь база для их построения. Рассказ клиента представляет собой набор поведенческих паттернов, интерпретируемых с точки зрения той или иной разработанной концепции. Гипотезы, которые психолог-консультант будет обсуждать с клиентом, должны быть просто и адекватно выражены для клиента. Это еще раз говорит о том, что

обращение психолога-консультанта в процессе психологического консультирования к клиенту должно отвечать следующим требованиям:

- психолог-консультант не должен сгущать краски, употребляя оценочные суждения;

- ориентироваться на ключевые слова клиента;

- не навязывать свою точку зрения; употреблять слова и образы, соответствующие уровню культурного развития клиента;

- говорить достаточно кратко и ясно, хотя не исключая двусмысленности фраз и слов для оказания воздействия на клиента на подсознательном уровне.

Во время консультирования психолог-консультант может достаточно четко изложить одну проверенную фактами гипотезу, чтобы показать клиенту логику его поведения. Для сообщения содержания гипотезы психолог-консультант демонстрирует клиенту разные стороны проблемы через содержание своих вопросов, чтобы клиент мог сам проверить и принять эту информацию.

Для того чтобы гипотеза консультанта подтвердилась или была опровергнута, обсуждения одной конкретной ситуации недостаточно; необходимы хотя бы два-три таких примера. И только в том случае, если во всех обсуждаемых ситуациях прослеживается один и тот же паттерн поведения и переживания, гипотезу консультанта можно считать подтвердившейся или опровергнутой. Чаще всего бывает, что после того, как две-три такие конкретные ситуации обсуждены, консультант может с уверенностью сказать, какая из гипотез оказалась наиболее подходящей, какое именно поведение клиента приводит к тому, что в его жизни возникают проблемы, как можно помочь ему относиться к происходящему по-другому и соответственно вести себя. Это означает, что можно переходить к следующей фазе консультативной беседы.

После этого начинается третья стадия консультирования, которую можно обозначить как желаемый результат. Идет поиск ответа на вопрос: «Чего Вы хотите добиться?». Психолог помогает клиенту определить свой идеал, решить вопрос о том, что он хочет, каким он хочет быть. Эта стадия психологического – основное содержание консультирования. Для клиента она не выглядит как-то по-особому. В консультировании с клиентом происходит как бы «инсайт» – клиент переживает изменения, происходящие с ним, как результат его собственных усилий («Я сам все понял»).

Психологу-консультанту очень важно отметить этот момент изменения отношения клиента к своей проблеме. Он должен своевременно оказать психологическое воздействие на клиента с помощью специальных методов. Методы воздействия, применяемые психологами разных школ в ходе психологического консультирования, могут быть самые разные.

Исследование позволило выработать некоторые требования, которые следует соблюдать, формулируя желаемый результат. К ним относятся:

- конкретность цели (если цель очень велика, необходимо разбить ее на цепочку маленьких

- целей, решение которых приведет к достижению большой цели);

■ позитивность цели (формулировка ее в терминах без употребления частицы «не». Например: «Я хотел бы иметь такую-то черту характера», а не «Я не хотел бы быть таким-то»);

■ определение показателей достижения результата (следует ответить на вопросы: «Как узнать, что результат получен? Каковы объективные и субъективные характеристики этого достижения?»);

■ определение контекста результата («Когда и в каких условиях вы бы хотели чувствовать или вести себя в соответствии с предполагаемым результатом, а когда и в каких условиях – не хотели бы?»);

■ определение осознаваемых резервов достижения результата («Что в вашем характере может быть опорой достижения результата, что вы можете сделать уже сегодня, а что завтра, через неделю, месяц и т. д.»);

■ гармоничность цели (ее непротиворечивость и взаимодополнение с другими личностно значимыми целями).

Четвертая стадия консультирования состоит в выработке альтернативных решений. На этой стадии происходит обсуждение с клиентом разных вариантов решения проблемы, поиск альтернатив для преодоления ригидности мышления и создания условий выбора среди альтернатив. Консультант, работая с альтернативными решениями, должен постоянно рефлексировать содержание своей профессиональной позиции и помнить о том, что «правильное» для него решение не обязательно является таковым для клиента.

Обычно на этом этапе клиент достаточно хорошо представляет себе, как его поведение и способы реагирования способствуют дестабилизации взаимоотношений. Но существуют ли позитивные варианты поведения в подобных ситуациях и каковы они – решить курсанту самостоятельно бывает трудно. В этом большую помощь может оказать консультант, но, естественно, не предлагая конкретные советы и рекомендации. Определить, что действительно будет работать может понять и оценить только сам человек. Роль психолога при решении этой задачи прежде всего состоит в том, чтобы помочь клиенту сформулировать возможные альтернативы поведения, а затем, критически оценивая их, выбрать тот вариант, который является наиболее подходящим.

Алгоритм обсуждения вариантов преодоления проблемы строится поэтапно:

■ сообщение консультантом различных вариантов решения проблемы;

■ мысли, ассоциации, идеи консультируемого по поводу предложенного способа;

■ аргументы консультанта в виде информации, объяснения преимуществ и недостатков того или иного варианта;

■ созревание к выбору консультируемого в ходе собственной вербализации отношения к вариантам, взаимной аргументации и выслушивания мнения специалиста;

■ самостоятельный выбор в виде решения, убеждения или тенденции последующей самостоятельной проработки вариантов после консультирования.

Направленное воздействие на клиента осуществлялось следующими методами:

- интерпретация (новое видение ситуации на основе теории или личного опыта психолога) – психолог открывает клиенту альтернативное видение реальности, способствует изменению его настроения и поведения;

- директива (указание) строго предписывает клиенту выполнение определенных действий, способствующих, по замыслу психолога, решению проблемы клиента. Предполагается, что клиент выполнит указание;

- совет (информация, домашнее задание, пожелание, общие идеи о том, как действовать, думать, вести себя) – психолог дает клиенту полезную информацию;

- самораскрытие – психолог делится личным опытом и переживаниями, либо разделяет нынешние чувства клиента, при этом устанавливает раппорт;

- обратная связь – позволяет клиенту понять, как его воспринимает психолог и окружающие;

- логическая последовательность – психолог объясняет клиенту логические последствия его мышления и поведения «Если, то...», дает клиенту точку отсчета для понимания своих переживаний и действий, позволяет предвидеть их результат;

- открытые вопросы («Кто? « – факты; «Как? « – чувства; «Почему?» – причина; «Можно ли?» – общая картина) – психолог выясняет основные факты, облегчающие разговор с клиентом;

- пересказ – психолог повторяет сущность слов клиента и его мыслей, использует его ключевые слова, тем самым активизирует обсуждение, показывает клиенту уровень понимания его проблем;

- отражение чувств – психолог поясняет эмоциональную подоплеку ключевых фактов, помогает открывать чувства;

- резюме – психолог в сжатом виде повторяет основные факты и чувства клиента, проясняет направление беседы;

- воздействующее резюме – используется в конце беседы, чтобы суммировать суждения психолога, чаще всего используется в комбинации с выводами и резюмирующими высказываниями клиента. Проясняет, чего психолог и клиент добились в ходе беседы.

Содержание пятой стадии консультирования состоит в обобщении психологом результатов взаимодействия с клиентом по поводу проблемы. Задача психолога на данной стадии заключается в том, чтобы способствовать изменению мыслей, действий и чувств клиента в его повседневной жизни. Структурно пятый этап состоит из трех шагов: подведение итогов беседы; обсуждение вопросов, касающихся дальнейших отношений клиента с другим консультантом или с другими необходимыми специалистами; прощание психолога с клиентом.

В рамках первого шага важно добиться, чтобы консультант и клиент не просто пришли к некоторому совместному выводу или решению, но и уяснения того, как этот вывод или точка зрения были достигнуты в ходе беседы, то есть на каких конкретных фактах из жизни клиента он основан. Забывание,

непонимание клиентом этого важнейшего момента является одним из основных механизмов сопротивления психологическому воздействию, когда казавшиеся замечательными идея или путь изменения взаимоотношений вдруг начинают восприниматься клиентом как необоснованное, непонятно откуда возникшее решение. Бывает также, что у самого клиента после посещения психолога возникает желание обсудить с кем-то происходящее, поделиться новыми идеями и переживаниями, и тут оказывается, что вместо подробного и логичного рассказа человек, активно работавший во время приема, с трудом может вспомнить, о чем вообще был разговор.

Таких проблем можно с легкостью избежать, если в конце беседы консультант подведет ее итог, обобщит, о чем и зачем говорилось во время приема, выстроит основную логику сеанса. Пересказ содержания беседы должен быть действительно очень коротким, так как клиент может не запомнить его и только запутается, если он будет длиннее трех-четырёх предложений.

Если у клиента есть вопросы, какие-то не высказанные идеи и соображения, то краткое подведение итогов беседы поможет ему их сформулировать, поэтому целесообразно предоставить клиенту возможность отреагировать на окончание беседы, выдержав хотя бы некоторую паузу после того, как итог подведен.

Второй шаг направлен на обсуждение вопросов, касающихся дальнейших отношений клиента с другим консультантом или с другими необходимыми специалистами. Подавляющее большинство клиентов, впервые обращающихся за психологической помощью, ориентированы на разовый прием. Безусловно, реально за один консультативный час можно сделать очень мало, но, во всяком случае, можно попытаться привить человеку вкус к размышлениям о себе и окружающих людях, веру в то, что работа с профессионалом может действительно помочь в решении личных проблем. Если на то нет каких-либо особых оснований, консультанту не следует настаивать на последующих встречах, достаточно, чтобы клиент знал о том, что возможность обращения за помощью существует, и даже в том случае, если серьезных проблем не возникает, всегда найдется нечто, о чем можно будет поговорить с психологом.

Третий шаг – прощание с клиентом – во многом ритуальный акт. Тем не менее оно не должно выглядеть формальным и у человека не должно возникнуть ощущение, что, как только он выйдет за дверь, его образ полностью исчезнет из сознания консультанта. Клиента следует проводить до двери, по возможности сказать несколько теплых слов на прощание.

Следует избегать ситуации, когда в дверь, открытую для уходящего клиента, врывается другой. Такой поток может оттолкнуть тех, кому важны личные доверительные отношения с профессионалом. Может случиться, что прием прошел не слишком удачно: клиент недоволен, выражает претензии. Не стоит бояться обсудить это с ним, можно сформулировать еще раз, с чем, с точки зрения психолога, связана неудовлетворенность, порекомендовать ему что-то.

Особенно важно, чтобы и в этом случае психолог оставался профессионалом до конца – был готов признать возможные ограничения своей компетенции, не вступал в излишние споры и пререкания и вежливо и достойно сумел завершить беседу. Бывает, что неудовлетворенный приемом человек некоторое время спустя приходит к другому выводу, начинает с благодарностью вспоминать свой визит в консультацию.

Заканчивается консультация чаще всего домашним заданием. При этом отмечается ответственность клиента за его выполнение и необходимость предоставления психологу отчетного материала. Это делается в целях повышения ответственности клиента за изменения, происшедшие с ним во время консультации и в ходе выполнения предлагаемых упражнений, которые могут быть связаны с его самосовершенствованием.

Анализ сложившейся практики ППК позволяет выявить основные ошибки и затруднения, возникающие у психологов в процессе оказания психологической помощи (см. табл. 7).

Таблица 7

Возможные ошибки психологов в ходе консультирования и пути их профилактики

Ошибки	Профилактика
1. Отсутствие личностного обращения к интервьюируемому.	1. Четкое знакомство с именем, использование имени в ходе интервью.
2. Поучения, очевидные и банальные.	2. Освоение предмета профессиональной деятельности, принятие профессиональных ограничений.
3. Избыточная личная заинтересованность в содержании интервью.	3. Освоение профессиональной позиции и профессиональной этики.
4 Уход от профессионального взаимодействия в бытовое.	4. Рефлексия на содержание профессиональной деятельности.
5. Использование специальной, редко употребляемой в быту терминологии.	5. Говорить простым, четким, литературным языком.
6. Стремление интервьюера занять собой, своими личными проблемами и высказываниями большую часть времени.	6. Организация профессионального пространства, контроль за временем своих высказываний.
7. Навязывание своего мнения интервьюируемому.	7. Контроль за соответствием задаче клиента.
8. Эмоциональное воздействие через оценку качеств клиента.	8. Безоценочное общение.
9. Отсутствие четких целей интервью.	9. Владение предметом интервью.
10. Уличение клиента в неискренности, стремление «поймать» его.	10. Следование предмету интервью.
11. Постоянные апелляции к мнению других людей.	11. Цель интервью – мнение, проблема и т. п. – в логике индивидуальной судьбы человека.
12. Отказ от взаимовлияния людей в процессе интервью.	12. Самоконтроль за профессиональным развитием.

Р.С. Немов предлагает следующую классификацию ошибок и способов их устранения.

1. Неверное заключение психолога-консультанта о сути проблемы клиента. Это тот случай, при котором психолог-консультант или не видит реальной проблемы у клиента (хотя на самом деле такая проблема существует), или приписывает клиенту проблему, которой у него в действительности нет.

2. Неправильные рекомендации, предлагаемые психологом-консультантом клиенту. В данном случае психолог-консультант может, в общем, правильно воспринимать и оценивать проблему клиента, но предлагать

не вполне верные практические рекомендации по ее решению – такие, реализация которых в действительности ничего или почти ничего полезного клиенту не даст.

3. Неправильные действия клиента по выполнению рекомендаций, полученных от психолога-консультанта. Это тот тип ошибок в консультировании, который обычно возникает в том случае, когда клиент, чья проблема в процессе проведения психологического консультирования была определена правильно и которому были даны верные рекомендации по ее решению, приступая к практическому решению своей проблемы, допускает неточности. В результате этого клиент не добивается нужного эффекта в решении своей проблемы.

Заметим, что каждый из названных выше основных типов ошибок может встречаться как в отдельности, так и в сочетании друг с другом. Поэтому, практически анализируя неудачи, возникающие в психологическом консультировании, следует искать все возможные типы ошибок, не довольствуясь несколькими найденными. Это предупредит психолога-консультанта от возникновения подобных и других ошибок в его деятельности.

Каждый из перечисленных выше типов ошибок в консультировании можно, в свою очередь, разделить на подгруппы.

Ошибки первого типа, в частности, делятся на следующие подгруппы:

1а. Ошибки, совершаемые психологом-консультантом в силу недостаточно точной информации, получаемой им от клиента в процессе проведения консультирования, особенно на стадии диагностики и исповеди.

В данном случае бывает так, что, полностью доверяя клиенту, психолог-консультант (а клиент может ошибаться в фактах, сообщаемых им психологу, по разным причинам, в том числе из-за неточности их припоминания) вынужден делать выводы о сути проблемы клиента или способах ее практического решения на основе неверной информации, которой его снабдил клиент.

Консультант со своей стороны время от времени может проверять клиента, повторно прося его сообщить о том, о чем он раньше уже говорил и что у психолога-консультанта в силу тех или иных причин вызвало сомнение.

1б. Ошибки, допускаемые по причине неполноты информации, получаемой психологом-консультантом от клиента.

Это довольно часто встречающаяся ошибка, так как любой клиент может невольно что-то существенное забыть в своей исповеди, а психолог-консультант – даже не подозревать о том, что клиент сообщил ему неполную информацию о себе и о своей проблеме.

Данную ошибку в силу произвольности забывания также невозможно полностью исключить из практики психологического консультирования. Однако можно постараться свести эту ошибку к минимуму с помощью следующего, например, технического приема: время от времени в ходе исповеди спрашивать клиента о том, все ли он рассказал о себе и о своей проблеме, не забыл ли чего-нибудь существенного.

1в. Ошибки, допускаемые психологом-консультантом по причине его собственной склонности делать преждевременные выводы до того, как будет собрана вся необходимая для этого информация о клиенте и от клиента.

1г. Ошибки, допускаемые в силу неправильной интерпретации психологом-консультантом тех фактов, которые ему были сообщены клиентом.

Основная причина этих ошибок – недостаточность практического опыта проведения консультирования у психолога-консультанта, а также его невнимания или непонимания того, что ему говорил клиент во время исповеди. Выработка психологом-консультантом у себя привычки внимательно слушать клиента, не упуская ни одной сообщенной им детали, – единственный способ предупредить возникновение подобной ошибки.

4 Ошибки второго типа делятся на следующие подгруппы:

2а. Неверные рекомендации, данные психологом-консультантом клиенту.

Для того чтобы избежать этой ошибки, психологу-консультанту рекомендуется некоторое время поработать, особенно в начальный период его самостоятельной практики, в условиях так называемого супервизорства, а также время от времени приглашать к сотрудничеству и работать вместе с другими психологами-консультантами, проверяя по их заключениям правильность своих собственных выводов и рекомендаций.

2б. Односторонние рекомендации, данные психологом-консультантом клиенту.

Эта ошибка может произойти по одной из следующих причин:

- в силу неполноты информации, полученной психологом-консультантом от клиента;

- по причине невнимания психолога-консультанта к деталям того, о чем ему говорит клиент;

- вследствие поспешности психолога-консультанта в выводах относительно проблемы клиента;

- из-за недостаточной теоретической подготовки и односторонней теоретической ориентации психолога-консультанта в интерпретации исповеди клиента.

Исключить полностью эту ошибку из практики психологического консультирования можно только в том случае, если своевременно будут устранены все ее возможные причины, указанные выше. Игнорирование любой из них грозит повторением данной ошибки.

2в. В целом правильные, но практически полностью не выполнимые или же вовсе не исполнимые рекомендации психолога-консультанта клиенту.

Причина совершения данной ошибки чаще всего состоит в том, что, предлагая клиенту рекомендации, психолог-консультант не учитывает индивидуальные особенности клиента или не принимает в расчет такие условия его жизни, которые могут стать серьезным препятствием на пути практической реализации полученных от консультанта рекомендаций.

Для того чтобы избежать этой ошибки, необходимо, прежде чем давать практические рекомендации клиенту, узнать его как личность и выяснить условия его жизни.

Наконец, ошибки третьего типа можно разделить на следующие подгруппы:

За. Неправильные действия клиента, порождаемые его непониманием или недопониманием того, что ему советует психолог-консультант.

Причина данной ошибки состоит в том, что, предлагая практические рекомендации клиенту по решению его проблемы, консультант недостаточно учитывает индивидуальные особенности клиента, в частности общий уровень его культуры и интеллектуального развития, или не заботится о том, чтобы прежде, чем расстаться с клиентом, убедиться в том, что клиент все правильно понял из того, что советует ему психолог-консультант.

Устранить эту ошибку можно следующим способом: работая с клиентом, на каждом этапе психологического консультирования проверять правильность понимания клиентом того, что ему говорит психолог-консультант. Этого, в частности, можно добиться за счет постановки перед клиентом продуманных и правильно сформулированных вопросов.

Зб. Неправильные действия клиента, порожденные его нежеланием поступать именно так, как ему рекомендует поступать психолог-консультант.

Эту ошибку можно предупредить следующим способом. Внимательно наблюдая за клиентом в тот момент, когда он получает практические рекомендации по решению его проблемы, по результатам наблюдения установить, как клиент на самом деле к этим рекомендациям относится. Если отношение клиента отрицательно, то лучше отказаться от этих рекомендаций выяснить, почему клиент их не принимает, и в конечном счете предложить ему что-то иное, более подходящее для него.

Зв. Неправильные действия клиента, вызванные объективной возможностью вести себя так, как ему советует вести себя психолог-консультант, в силу, например, изменившихся условий или каких-либо других объективных жизненных обстоятельств.

Данная ошибка может быть исключена из практики психологического консультирования, если консультант, прежде чем давать рекомендации клиенту, поинтересуется его условиями жизни и личным мнением о том, насколько эти условия позволяют выполнять полученные рекомендации.

Каждый из перечисленных типов ошибок способен существенно снизить эффективность консультирования, поэтому их следует всячески избегать.

Вопрос о выборе той или иной методики консультирования во многом связан с решением вопроса о критериях его эффективности. По оценке В. Франк-ла, динамика психологического консультирования с целью оказания психологической помощи в каждом конкретном случае может свестись к уравнению с двумя неизвестными:

$$Дк = X + Y,$$

где X – своеобразие и личность (уникальность) клиента, Y – не менее своеобразная и уникальная личность психолога-консультанта.

Поэтому любой подход или метод консультирования в разных случаях может приводить к различным результатам, так как психолог не может

пользоваться разными методами с одинаковой эффективностью. В связи с этим различают критерии, характеризующие непосредственно профессиональную компетентность психолога, и критерии, раскрывающие результативность (эффективность) его работы.

Первая группа критериев отражает степень соответствия, проводимой психологом, работы нормативным требованиям и предписываемому характеру деятельности. Сюда, в свою очередь, относятся показатели, отражающие соблюдение психологом требований, предъявляемых к научно-исследовательской деятельности и психодиагностической работе, соблюдение этических норм деятельности, а также степень соответствия используемых в практической работе с клиентом способов и средств деятельности заявленной теории и уровень владения ими. При рассмотрении второй группы критериев (эффективность работы) необходимо учитывать по меньшей мере три аспекта:

а) существование так называемой психической нормы, характеризующей основные тенденции половозрастного развития человека, его поведения в социуме, особенности и динамику психических процессов, состояний. Это совокупность потенциалов личности, позволяющих ей успешно регулировать свое поведение, выполнять деятельность, осуществлять другие социальные функции;

б) наличие и характер субъективно ощущаемых и переживаемых клиентом изменений в результате психологического воздействия;

в) объективно регистрируемые и наблюдаемые изменения показателей функционирования (поведения, деятельности) индивида в обществе, а также проявлений его внутреннего мира.

Таким образом, ППК может быть рассмотрено как один из компонентов акмеологического сопровождения политической деятельности, отличительной чертой которого является опора психолога на резервные возможности психики субъекта политики. Тенденции современного ППК нацелены на оптимизацию развития человека, усовершенствование межличностных отношений. Оно выступает эффективным средством гуманизации отношений, устранения разрушительных источников психического напряжения.

В целом современный опыт показывает, что осуществление акмеологического сопровождения политической деятельности позволяет более эффективно решать многоплановые практические задачи, отражающие интересы общества, политических объединений и конкретного человека. Его реально сложившаяся основа – социально-психологическое сопровождение труда и жизни человека и группы эффективно используется в различных политических структурах и обеспечивает их оптимизацию. Вполне очевидна его интегративная роль и в систематизации деятельности политических деятелей.

В целях повышения эффективности функционирования политических структур целесообразно более конкретно выполнять такие функции акмеологического сопровождения, как исследовательско-диагностическая, аналитическая, конструкторско-прогностическая, тренингово-развивающая, психотерапевтическая, коррекционная и организационная. Политический

консалтинг при этом должен играть ключевую роль. Успешное выполнение всех взаимосвязанных акмеолого-психологи-ческих функций явится одним из ключевых звеньев в деле достижения качественно нового уровня деятельности всех субъектов политики и персонала политических структур.

Вопросы к самостоятельной работы

1. Проведите психолого-генетический анализ взаимосвязи массового сознания с политическим партнерством, конкуренцией и конфликтами.
2. Обоснуйте психологические условия эффективного убеждающего воздействия политического лидера.
3. Охарактеризуйте модели, алгоритмы и технологию продуктивных политических коммуникаций и особенности взаимодействия политика со СМИ.
4. Определите психологические особенности, условия, методы и техники использования СМИ в политическом процессе.
5. Раскройте сущность, особенности и условия организации политической рекламы как вида политических коммуникаций.
6. Выделите психологические характеристики эффективной политической рекламы, агитации и пропаганды.
7. Раскройте психологические предпосылки манипулирования общественным мнением.
8. Системно представьте и охарактеризуйте современные типы, классы и виды психотехнологий политических компаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашкина Е. Б., Косолапова Ю. Н. О теориях лидерства в современной политической психологии США // США: Экономика, политика, идеология, 1995, № 1.
2. Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти // Очерки современной политической философии Запада.— М., 1989.
3. Авторханов А. Технология власти.—М., 1992.
4. Авцинова Г.И. Политическое лидерство // Государство и право, 1993, № 5.
5. Агеев В.С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы.— М., 1990.
6. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход: Главы из книги «Авторитарная личность» // Социологические исследования, 1993.
7. Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал, 1992, № 8.
8. Анцупов А.Я., Шishлов А.М. Конфликтология: Учебник для вузов.— М.: ЮНИТИ, 1999.
9. Арендт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии, 1992. Т. 1, вып. 1.
10. Аристотель. Политика // Сочинения: В 4 т. / Пер. с греч. — М.: Мысль, 1975. — 1983. Т. 4.
11. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
12. Артемьев М.А. Психологическое воздействие в политической рекламе // Психология сегодня. Т. 2, вып. 2. — М., 1996.
13. Асмолов А. А был ли сеанс черной магии? Размышления о психологической типологии политических партий // Российское обозрение: Бюллетень еже-нед. информации, 1993, № 52.
14. Ашин Г. К. Элитология.— М., 1999.
15. Барулин В.С. Социально-философская антропология. — М.: Онега, 1994.
16. Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. 1996. Вып. VII. 4.2.
17. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. — М., 1982.
18. Бенуа Ж.-М., Леш Ж.-М. Политика на плакате Предвыборные плакаты и политическая реклама 1965–1986 // Технология и организация выборных кампаний: зарубежный и отечественный опыт.—М., 1993.
19. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Мыслители русского зарубежья. — СПб., 1992.
20. Берн Э. Игры, в которые играют люди. — М.: Совершенство, 1999.
21. Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология. — Пг., 1921.
22. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни.— СПб., 1908.
23. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. — М., 1992.

24. Бодалев А.А., Руткевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися. – М.: КВАНТ, 1997.
25. Болл Т. Власть // Политические исследования, 1993, №5.
26. Бутенко А. П., Миронов А.В. Сравнительная политология. – М., 1998.
27. Вайнштейн Г.И. Массовое сознание и социальный протест в условиях современного капитализма. – М., 1990.
28. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования, 1992, № 36.
29. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования, 1988.
30. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990:
31. Выдрин Д.И. Технология популизма // Диалог, 1990, №3.
32. Вятр Е. Социология политических отношений. – М., 1979.
33. Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Политические исследования, 1991, №6.
34. Герасимов В.М., Деркач А.А., Косопкина А.С., Нефедова Т.Н. Психология парламентаризма. – М.: Ста-тус-Кво, 1999.
35. Гозман Л.Я. Психология в политике – от объяснения к воздействию // Вопросы психологии, 1992, №1.
36. Гозман Л.Я., Шестопад Е.Б. Политическая психология. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1996.
37. Голдмен С. Как создается имидж в американской политике // США: экономика, политика, идеология, 1990, № 10.
38. Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании // Политические исследования, 1993, №4.
39. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технология. – М.: ИФ РАН, 1999.
40. Грисиан Б. Карманный оракул. Критикой. – М., 1984.
41. Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994, № 6.
42. Даль Р. Введение в теорию демократии. – М., 1992.
43. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 1991.
44. Деркач А.А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека (Методолого-прикладные основы акмеологических исследований). – М.: РАГС, 2000.
45. Деркач А.А., Калинин И.В., Синягин ЮЗ. Стратегия подбора и формирования управленческой команды. – М.: РАГС, 1999.
46. Дерябо С, Ясвин В. Гроссмейстер общения: Иллюстрированный самоучитель психологического мастерства. – М., 1996.
47. Дилигентский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Новая школа, 1996.
48. Добролюбов Н.А. Собрание сочинений: В 9 т. – М.– Л., 1961–1964.
49. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: избранные страницы. – М., 1989.

50. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии / Пер. с фран. Гофман А.Б. – М.: АНСССР Ин-т социол., 1991.
51. Егорова-Гантман Е.В. и др. Политиками не рождаются: Как стать и остаться эффективным политическим лидером. – М., 1993.
52. Зазыкин В.Г. Политическая реклама: психологический взгляд на проблему // VIP-премьер, № 19, 1996.
53. Зазыкин В.Г., Хрустачев А.Л. Политический конфликт: Психологический взгляд на проблему. – М., 1999.
54. Зайцевский П.Г. Избирательные технологии. – М., 1999.
55. Залысин И.Ю. Политическое насилие в системе власти // Социально-политический журнал, 1995, № 3.
56. Идеал, утопия и критическая рефлексия / Отв. ред. В.А. Лекторский. – М.: РОССПЭН, 1996.
57. Ильин И.А. Творческая идея нашего будущего: Об основах духовного характера. – Новосибирск, 1991.
58. Имидж власти и политиков // Диалог, 1992, № 15–18.
59. Иосефович Н.В. Политика власти // Ты – босс! – М.: Вече, Персей, АСТ, 1995.
60. Кайтуков В.А. Эволюция диктата. Опыт психофизиологического исследования. – М.: УРАМОС, 1992.
61. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
62. Ключевский В.О. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1987.
63. Ковалевский П.И. Психиатрические этюды из истории // Диалог, 1991–1993.
64. Косолапое Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем. – М.: Аспект Пресс, 1994.
65. Косолапое Н.А. Социальная психология и международные отношения. – М., 1993.
66. Кравченко А.И. Макиавелли: технология эффективного лидерства // Социологические исследования, 1993, № 6.
67. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. – Л., 1991.
68. Крылов И.В. Теория и практика рекламы в России. – М., 1996.
69. Крысько В.Г. Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, опыт). – Минск, 1999.
70. Лаптев Л.Г. Политический менеджмент: сущность, содержание, современные технологии. – М.: НИБ, 2000.
71. Лебедева М.М. Вам предстоят переговоры. – М., 1993.
72. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Макет, 1995.
73. Левада Ю. А. Между авторитаризмом и анархией: российская демократия в глазах общественного мнения // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – ВЦИОМ, 1995, № 2.
74. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975.
75. Леонтьев К.С. Восток. Россия и славянство. – М., 1885.

76. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии.– М.: Наука, 1984.
77. Лосский Н.О. Характер русского народа: В 2 кн. — М., 1990.
78. Макиавелли Н. Государь.– М., 1990.
79. Максимов А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов (российский опыт).– М., 1999.
80. Михайловский Н.К. Герои и толпа.– СПб., 1882.
81. Московичи С. Машина, творящая богов. – М.: Совершенство, 1998.
82. Мошкин СВ. Политическая реклама. – Екатеринбург, 1994.
83. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. –М., 1999.
84. Музыкант В.Л. Теория и практика современной рекламы. – М., 1998.
85. Мэрфи Р. Технология избирательных кампаний в США// Политические исследования, 1991, № 30. С. 125–137.
86. Мясников О.Г. Субъекты политики // Социально политический журнал, 1993, № 6.
87. Насилие в современном мире: Материалы международной конференции.– СПб., 1997.
88. О результатах выборов Президента Российской Федерации // Постановление ЦИК РФ от 5 апреля 2000 г. №98/1110-3.
89. Общая и прикладная политология / Под общ.ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова.–М., 1997.
90. Ольшанский Д.В. Массовые настроения в политике. – М., 1995.
91. Основы общей и прикладной акмеологии. –М.:РАГС, 2000.
92. ПанасюкА.Ю. Как победить в споре, или искусство убеждать. –М.: Олимп, 1998.
93. ПанасюкА.Ю. Вам нужен имиджмейкер? Или о том, как создавать свой имидж. – М., 1998.
94. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории.– М., 1971.
95. Петренко В.Ф. Митина О.В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал, 1991. Т. 12. № 6.
96. Пиаже Ж. Избранные труды.– М., 1998.
97. Пиболи Д., Шмелев А.Г., Андреева Г.М., Граменицкий А.Е. Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросскультурный аспект // Вопросы психологии, 1993, № 3.
98. Пивоваров Ю.С. Две политические субкультуры пореформенной России: проблемы взаимодействия // Ретроспективная и сравнительная политология. Вып. 1. 1991.
99. Пишулин Н., Сокол С. Политическое лидерство: теоретические и методологические основы исследования. Ч. 1.–М, 1992.
100. Платон. Государство // Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. 1.– М.: Мысль, 1997.
101. Платонов К.К. Система психологии и теория отражения. – М.: Мысль, 1988.

102. Почепцов Г. Г. Психологические войны. – М.: Рефлбук–Киев: Ваклер, 2000.
103. Почепцов Г.Г. Паблик релейшнз для профессионалов. – М.–Киев, 1999.
104. Почепцов Г.Г. Как становятся президентами. Избирательные технологии двадцатого столетия. – Киев, 1999.
105. Пугачев В.П., Соловьев А.М. Введение в политологию.–М., 1995.
106. Путин В.В. От первого лица. – М., 2000.
107. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: В 2-х т.– Самара: Бахрах, 1999.
108. Рашковский Е. Б. Опыт тоталитарной модернизации России (1917–1991) в свете социологии развития // МЭиМО, 1993, № 7.
109. Саенко Г.В. Оппозиционарность в современном обществе.– М., 1999.
110. Сигеле С. Преступная толпа. – СПб., 1896.
111. Словарь политического анализа. – М., 1993.
112. Соловьев АМ. Психология власти: противоречия переходных процессов // Власть многоликая.– М., 1992.
113. Солоневич ИЛ. Народная монархия. – М., 1991.
114. Сорокин П.А. Каналы вертикальной циркуляции // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество.– М., 1992.
115. Спенсер Г. Личность и государство // Коммунист, 1991, № 13.
116. Стефаненко Т. Этнопсихология. – М.: Академический Проект, 1999.
117. Теплов Б.М. Ум полководца // Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.
118. Теплов Е.П. Политическая власть.– СПб., 1993.
119. Технология власти // Диалог, 1990, № 11.
120. Уледов А. К. Структура общественного сознания.– М: Мысль, 1968.
121. Федоров Н.Ф. Сочинения. –М., 1982.
122. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины.– М., 1990.
123. Франк С.Л. Духовные основы общества. –М., 1992.
124. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «я».– Минск, 1994.
125. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон: 28-й президент США: Психологическое исследование.– М., 1992.
126. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1989.
127. Херманн М. Стили лидерства в формировании внешней политики // Политические исследования, 1991.
128. Цветное А.В. Управление социально-политическими процессами: Технология избирательных кампаний, лоббирования, общественной деятельности.–М., 1996.
129. Цуладзе А. Формирование имиджа политика в России. – М, 1999.
130. Чаффинс С, Форбс М. и др. «Стеклоплатформа»:
занимают ли женщины в США должное положение в обществе // Лидерство: психологические проблемы лидерства в бизнесе. – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997.

131. Чернявская А.Г. Психология господства и подчинения.— Харвест, 1998.
132. Человек, политика, психология (Материалы круглого стола) // Вопросы философии, 1995, № 4.
133. Шварценберг Р. -М. Политическая социология.— М., 1992.
134. Шепель В.М. Имиджелогия.—М., 1996.
135. Шестопап Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования, 1995, № 4.
136. Шмелев А.Г. Психология политического противостояния, тест социального мировоззрения// Психологический журнал, 1992. Т. 13, № 5.
137. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор.— Минск, 1992.
138. Шпет Г.Г. Сочинения. — М., 1989.
139. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. — М.: Изд-во МГУ, 1982.
140. Энциклопедический словарь.— М., 1993.
141. Этнопсихологические сюжеты (из отечественного наследия): Сб. ст. / Сост. М.В. Иордан, В.М. Семенов. — М., 1992.
142. Юрьев А.М. Введение в политическую психологию.— Л., 1992.
143. Atkinson J.W. An introduction to Motivation. — Princeton. — N.-Jersey, 1994.
144. Collins B.E., Raven B.H. Group structure // The Handbook of social psychology. V.4. Reading, Mass., 1969.
145. Cottel R.B. Handbook of multivariate experimental psychology. — Chicago: M. Nally, 1966.
146. Denmark F.L. Styles of leadership // Psychology of women quarterly. — V. Z., 1977.
147. Denning D.E. Information Warfare and Security. — Reading, Mass., etc., 1999.
148. Deutsch M. What is political psychology? // International Social Science Journal. Vol. 35, 1983.
149. Deutsch M. Distributive justice. A Social-psychological perspective.— New Haven—London: Yale Univ. Press, 1985.
150. Edelstein A. Total Propaganda. From Mass Culture to Popular Culture. — Mahway, N.J.—London, 1997.
151. Encyclopedia of Psychology /Ed. H. J. Eysenck, W. Arnold and R. Meili.— Herder&Herder, N.Y., 1972.
152. Fiedler F.E. The contingency model and the dynamics of leadership process // Advances in experimental social psychology. V. 11.— N.Y., 1978.
153. Fraser L. Propaganda. London, 1997.
154. Hollander E.R. Women and Leadership // Small groups and social interaction. V. 1. — London, 1983.
155. Hunt S., Hilton J. Individual development and social experience.— London, 1975.
156. Laswell H.D. The Theory of Political Propaganda // Public Opinion, 1996.
157. Levin K. Der Richtungsbeginn in der Psychologie: Der spezielle und allgemeine psychologische Raut // Psychol. Forschung. 1934. V.19. P. 249–299.

158. Lipset S. and Bendix R. Social mobility in Industrial Society. – University of California Press, 1967.
159. Maslow A.H. Motivation and personality. – N.Y., 1968.
160. MoAdams D.P. Power, Intimacy and the life Story. N.Y. – L., 1988.
161. McClelland D.C. The achieving society. – Princeton – N.Y., 1998.
162. Miller J.B. Women and power // Women's growth in connection. – N.Y. – L., 1991.
163. OUpport G. W. Attitudes // Handbook of Social Psychologi. 1935.
164. Raven B. Power and influence: Construct and applications. – N.Y. – L., 1991.
165. Stogdill R.M. Handbook of leadership. – N.Y., 1974.
166. Stone W. The psychology of politik. – N.Y.: The Free Press, 1974.
167. Surrey J.L. The «Self-in-relation»: A Theory of women's development // Women's growth in connection. – N.Y. – L., 1991.
168. Watts D. Political Communication Today. – Manchester, 1997.